

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ РЕГИОН В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ИНТЕРЕСОВ РОССИИ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ РЕГИОН В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

Материалы Международной
научно-практической конференции
Судак, 13–15 мая 2022 г.

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ РЕГИОН
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ:
ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

Материалы Международной
научно-практической конференции
Судак, 13–15 мая 2022 г.

Краснодар
2022

УДК 94(470):477.7:351.748:94(066)
ББК 63.3(2)622.1(2Рос)
Ч 776

Конференция проводится в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

Редакционная коллегия:

В.В. Касьянов (отв. ред.), А.В. Баранов (отв. ред.), С.Г. Емец,
Ю.В. Костенко, С.П. Шендрикова

Ч 776 Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура: материалы Международной научно-практической конференции / ответственные редакторы В.В. Касьянов, А.В. Баранов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – 608 с.
ISBN 978-5-8209-2074-5

В издании представлены результаты исследований истории и современного политического развития Черноморско-Средиземноморского региона: представителей высших учебных заведений и научных центров России, Белоруссии, Сербии, Болгарии, Абхазии, ДНР и ЛНР. Проведен анализ исторических, политических и социокультурных аспектов обеспечения национальных интересов России в Черноморско-Средиземноморском регионе.

Адресуется историкам, политологам, конфликтологам, социологам, экспертам-аналитикам в сфере международных отношений и регионоведения.

УДК 94(470):477.7:351.748:94(066)
ББК 63.3(2)622.1(2Рос)

ISBN 978-5-8209-8209-2074-5

© Кубанский государственный
университет, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель конференции – формировать и распространять научные знания о многовековом цивилизационном и политическом влиянии Российского государства в Черноморско-Средиземноморском регионе, о современных направлениях и методах обеспечения российских национальных интересов.

Организаторы конференции надеются на то, что материалы и выводы исследований будут полезны историкам, политологам, конфликтологам, социологам, экспертам-аналитикам в сфере международных отношений и регионоведения.

Цикл конференций данного направления проводится седьмой год подряд в городах-героях и городах боевой славы российского Причерноморья – Севастополе (2016, 2019 гг.), Керчи (2017 г.), Новороссийске (2018 г.), Туапсе (2020 г.), Таганроге (2021 г.). Участниками конференции в г. Судаче (2022 г.) стали преподаватели и научные сотрудники, политические эксперты не только из Российской Федерации, но и из Сербии, Болгарии, Белоруссии, Абхазии, ДНР и ЛНР (свыше 160 специалистов).

Работа конференции ведется по направлениям:

1. Черноморско-Средиземноморский регион: основные особенности цивилизационного облика и исторического развития.
2. Черноморско-Средиземноморский регион: современные тенденции международных отношений и внутривосточных процессов.
3. Северное Причерноморье в русско-турецких войнах XVIII в. Историческое значение присоединения региона к Российскому государству.
4. Причерноморье в Крымской войне. Героическая оборона Севастополя 1854–1855 гг.
5. Экономическая, социальная и социокультурная интеграция Северного Причерноморья в российское общество, XVIII – начало XX в.
6. Северное Причерноморье в условиях Первой мировой и Гражданской войны, 1914–1922 гг.
7. Исторический опыт регулирования этнических и межрелигиозных отношений в Черноморско-Средиземноморском регионе.
8. Причерноморье в Великой Отечественной войне. Подвиг участников обороны городов-героев Севастополя, Керчи и Новороссийска, городов боевой славы.
9. Геополитические уроки холодной войны на Черноморском направлении конкуренции СССР и Запада.
10. Геополитические, этнополитические и конфессиональные конфликты в Причерноморье после распада СССР: анализ и регулирование.
11. Воссоединение Крыма с Россией: причины, динамика, перспективы.
12. Историческая память региональных сообществ Причерноморья и потенциал воспитания российского патриотизма.
13. Культура и идентичность Причерноморья: потенциал социокультурной интеграции в российском обществе.
14. Потенциал музеев и учреждений культуры российского Причерноморья

в воспитании исторической памяти и патриотизма.

В публикуемых докладах проведен системный анализ исторических, политических и социокультурных аспектов обеспечения национальных интересов России в Черноморско-Средиземноморском регионе.

Работа Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2022 г. в г. Судаке организована в рамках пяти секций:

1. История Средиземноморско-Черноморского региона до 1917 г. в контексте национальных интересов Российского государства.

2. Новейшая история Средиземноморско-Черноморского региона в контексте национальных интересов Российского государства.

3. Средиземноморско-Черноморский регион в политических процессах современности.

4. Средиземноморско-Черноморский регион в современных международных отношениях.

5. Социокультурные аспекты развития Средиземноморско-Черноморского региона и воспитание российского патриотизма.

Организационный комитет конференции благодарен за всестороннюю поддержку руководству Кубанского государственного университета, Музея-заповедника «Судацкая крепость», Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского», Университета УНИОН–Никола Тесла (г. Белград, Сербия), Донецкого национального университета (г. Донецк, ДНР), Российского исторического общества, Российского военно-исторического общества, Русского географического общества, Российского профессорского собрания. В организации конференции сыграла также важную роль Российская ассоциация политической науки в лице Исследовательского комитета по геополитике и безопасности.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

В.В. Касьянов

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ¹

Наращение волны широкого повстанческого движения, как прямое следствие политики военного коммунизма, стало отличительной чертой Юга России на начальном этапе утверждения советской власти. При наличии значительных контингентов опытных в военном деле людей и огромных запасов оружия, неуклонно усиливавшееся недовольство политикой большевиков обернулось острым протестным движением. События 1920-х гг. показали, что протест лишь условно объединяла антибольшевистская направленность. По своему идейному содержанию его природа была глубоко неоднородной.

Ключевые слова: советская власть, протестное движение, казачество.

V.V. Kasyanov

PROTEST MOVEMENT OF THE RURAL POPULATION OF KUBAN IN THE FIRST HALF OF THE 1920S

The growing wave of a broad insurgency, as a direct consequence of the policy of war communism, became a distinctive feature of the South of Russia at the initial stage of the establishment of Soviet power. With the presence of significant contingents of people experienced in military affairs and huge stocks of weapons, the steadily increasing discontent with the policy of the Bolsheviks turned into an acute protest movement. At the same time, the events of the 1920s showed that the protest was only conditionally united by an anti-Bolshevik orientation. In its ideological content, its nature was deeply heterogeneous.

Key-words: Soviet power, protest movement, Cossacks.

После прихода к власти большевики изначально ожидали на Юге страны более упорного сопротивления. Предвидя это, В.И. Ленин еще в феврале 1920 г. писал Г.К. Орджоникидзе, что быстрая и полная ликвидация банд и остатков белогвардейцев на Кубани была архиважной общественно-государственной задачей [1, с. 67]. Подчеркнем, что на Кубани казаки и горцы-адыги занимали активные антибольшевистские позиции ещё с 1918 г. Именно сюда – «в контрреволюционные войска калединской и корниловской банды» бежали противники режима, которых ВЧК предупреждала, что они будут «беспощадно расстреливаться отрядами комиссии на месте преступления» [2].

Казачество и крестьянство региона, по-существу, в революционных событиях эпохи, как и по всей России, стремились отстаивать своё право на свободное развитие, в том числе в крайних формах движения части казачества за «самостоятельность». К примеру, Сочинский округ уже в 1919 г. крестьянами «был разбит на девять районов-волостей» со своими вооруженными дружинами и штабами крестьянского ополчения [3, с. 112]. Анализ конфликтности, которая стала ос-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

новой для региона с 1920 г., свидетельствует о том, что сходящее с исторической сцены белое движение играло в антибольшевистской борьбе хотя и важную, но не решающую роль. Пик его активности, имевшей большое значение в силу, прежде всего, более высокого уровня организованности, пришелся на 1920 г. Причем фактором, резко осложнившим обстановку, летом этого года стали врангелевские десанты, поставившие местные власти (особенно на Кубани) в крайне тяжелое положение. Однако белые десанты, несмотря на все попытки выступить объединителем антибольшевистского протеста, не получили поддержки населения. И это при том, что особого военного сопротивления размещенные в районе высадки части Красной армии им поначалу не оказали.

Документы свидетельствуют, что офицеры Белой армии предпринимали многочисленные попытки координации действий, между отрядами, 1-м Кубанским сводным корпусом, черкесско-казачьей «дикий дивизии» и др. Однако все они были рассеяны в короткий срок и в октябре 1920 г. остатки антисоветских сил эвакуировались в Крым [4, с. 273, 322.], а часть их пыталась вернуться из Грузии на Кубань (Терско-Кубанский отряд). Таким образом, несмотря на всю организованность и силу белого движения в 1920 г., совершенно очевидно, что оно не могло увлечь за собой казаков Кубани. Характер протестных настроений местного населения уже в это время, безусловно, определялся его «демократической» составляющей.

В целом, повстанческая база на Кубани окрепла весной 1920 г. К этому времени значительная часть населения крайне негативно воспринимала деятельность большевиков, активно насаждавших военно-коммунистические методы руководства. С середины мая 1920 года в областное ЧК стало поступать всё большее количество сообщений и донесений о бело-зеленых группах из «белогвардейцев» [5, с. 276].

Летом 1920 г. «бело-зеленые» формирования повсеместно активизировались. Число повстанцев стало расти за счет местных жителей, недовольных продовольственной политикой большевиков. Особо следует выделить ту часть, которая уклонялась от службы в РККА или дезертиров, которые в ходе боевых действий переходили на сторону повстанцев. Нарастающее сопротивление населения, демонстрировавшее тенденции к объединению с ярко выраженной антисоветской окраской, могло стать затяжным. Действия повстанческих отрядов охватывали большую территорию Кубани от Тамани (ст. Ахтарская, Холмская) до предгорьев Майкопского отдела и Черноморского округа.

Такое нарастание повстанческого движения не могло не вызвать ответных мер со стороны большевиков. Содержание этой политики прослеживается в агитационных листовках, которые стали массово распространять на территории Кубани. В листовках были изложены меры предостережения населения, которые свидетельствовали о незыблемости позиций большевиков в борьбе с «классовыми врагами». В листовках говорилось, что некоторые кулацкие станицы оказывают поддержку, что этому необходимо положить конец самым решительными средствами: станицы и аулы, которые укрывают белых будут уничтожены,

взрослое население расстреляно, имущество конфисковано; дети высланы в центральную Россию. Следует отметить, что большевики активно применяли принцип коллективной ответственности, угрожая не отдельным лицам, а целым станицам за антигосударственные выступления.

Огромное море казачье-крестьянской стихии в 1920–1921 гг. включало самые различные протестные группы, в том числе и монархистского толка (заметные своей организованностью и, до разгрома Врангеля, – величиной). Однако казаки и крестьяне, разочарованные аграрной политикой царизма, политикой Добровольческой армии, не оказывали существенной поддержки данному направлению протестов. Монархизм проявлялся в наибольшей мере среди белого офицерства и части интеллигентов, а не рядовых казаков.

Степень радикализма повстанческого движения определялась аграрной политикой большевиков, которая проявлялась в насильственном изъятии сельскохозяйственной продукции. Это неприятие не могло не отразиться на лозунгах повстанцев. Так, лозунг «За Советы без коммунистов» был достаточно популярен, среди бывших командиров РККА, перешедших на сторону повстанцев. В казачьих регионах присутствовали идеи «самостийности», как проявление сословной автономии и сепаратизма. На востоке Кубани (среди линейных казаков) преобладала идея «единонеделимой». Были популярны эсеровские лозунги «трудовластия», потому что они совпадали с принципами организации самоуправления и землепользования в казачьих станицах.

Движущей силой повстанчества в зависимости от периода его активности выступало зажиточное казачество, демобилизованные красноармейцы РККА и дезертиры, а руководителями – бывшие командиры РККА и офицеры Белой армии. В данном контексте, полагаем, что сегодня не стоит излишне «идеологизировать» движение, основным содержанием которого являлся стихийный протест против чрезвычайной политики военно-коммунистической эпохи. Суть «платформы» основной массы повстанцев Кубани состояла в самых элементарных установках, связанных с защитой своего частного хозяйства и своего права на мирный труд.

Подъем движения, особенно опасные июльско-августовские белые десанты, способствовали мобилизации сил большевиков, активизации деятельности ревтрибуналов [6, с. 18]. Следует отметить, что политика переселения для большевиков была излюбленной практикой. Они её затем активно стали применять в 1924–1926 гг., когда советская власть провела массовую публичную высылку бывших помещиков и членов их семей с Кубани.

При этом большевики объективно понимали необходимость разумного сочетания репрессивных методов и средств мирного урегулирования конфликта. Главенствующая роль в подавлении повстанческого движения отводилась частям РККА. Требовалось наладить разъяснительную работу среди населения, создать агентурно-разведывательную сеть, организовать «карательные мероприятия».

Большевики понимали, что без утверждения авторитета рабоче-крестьянской власти, решения экономических проблем невозможно победить бело-зеленых. На местах вынуждены были признать, что подрывная работа оттолкнула кулачество и часть бедняцкого населения. Именно эта масса казачества и крестьянства стала основой антибольшевистского сопротивления при доминанте демократической составляющей, с популярными лозунгами «бело-зеленых». Однако они в еще большей степени пытались, репрессивными средствами подавить сопротивление, что давало почву для бесчисленных жалоб в советские ведомства (к примеру, об этом писал Г.В. Чичерин В.И. Ленину, анализируя работу армавирских чекистов) [7, с. 476].

Тяжелое экономическое положение южно-российских станиц, выразившееся в сокращении посевных площадей, хозяйственной разрухе, усугублявшееся природными катаклизмами, объективно способствовало нарастанию политического кризиса. Местное население активно сопротивлялось проводимой политике большевиков и, в первую очередь, продовольственной.

Подчеркнём, что в это время все более заметную роль в сопротивлении начали играть восстания частей Красной армии. Очевидно, что В.И. Ленин явно лукавил, когда в отчете о политической деятельности ЦК X съезду РКП(б) в 1921 г. сводил все к проблеме «дезертиров», считая, что начавшаяся демобилизация армии способствовала порождению бандитизма [8, с. 17]. На самом деле в это время восставали уже не просто демобилизованные или дезертиры, а целые армейские части. За оружие брались вчерашние командиры Красной армии. В следствие стремительного нарастания повстанчества, в партийных документах РКП(б)–ВКП(б) получил постоянную прописку термин «бандитизм», а борьба с ним превратилась в важнейшую задачу ЦК партии [9, с. 125].

Общественно-политическая обстановка в казачьих регионах Юга России на рубеже 1920–1921 гг. свидетельствовала о наличии серьезной военной угрозы существованию Советской власти. Однако, власти продолжали сочетать репрессивные методы при сборе подрывной работы и одновременно разъяснение содержания проводимой политики местному населению, в особенности, казачеству. Таким образом формировалась новая политическая структура управления под контролем партии, оставлявшей за собой принятие решений. Это было обосновано, так как продотряды напоминали собой объединения, прежде всего, бедноты, которые стремились выжить в условиях продовольственного кризиса [10, с. 45].

Недолгим оказалось позитивное влияние сообщений о переходе к нэпу и на Кубано-Черноморье. Усталость мирного населения от войны, его ожидания улучшения своего положения в связи с новой экономической политикой, вначале благоприятным для большевиков образом отразилось и на его отношении к бело-зеленому движению. В весенне-летних информационных сводках 1921 г. признавалось, что появляются факты нежелания населения помогать бандитам. В этой связи летом 1921 г. была расформирована 9-я Кубанская армия. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, это был поспешный шаг. Ситуация была взрывоопасной, разрозненные отряды повстанцев стремились объединяться и оказывать организованное сопротивление [11, с. 33].

Опорой «бело-зеленых» формирований оставались середняки и зажиточная элита казачества. Фиксируя региональные особенности политических ориентаций, отметим, что линейцы Кубани выступали за единую неделимую Россию, за консервативные ценности. Черноморские казаки и крестьяне проявляли сепаратизм и эсеровско-демократические симпатии, при наличии различных течений.

Следует отметить, что повстанчество как общественно-политическое явление было порождено целым комплексом противоречий, возникших в переходный период, но сохранявших исторические корни в сословно-этнических и классовых отношениях.

Гражданская война 1917–1922 гг. нашла свое продолжение в противостоянии власти и населения в сложных условиях первой половины 1920-х гг. В национальных территориях повстанческое движение приобретало свои особенности, но оно не отличалось принципиально от общего идейного содержания. Так, например, на территории Адыгеи бело-зеленые формирования, состоявшие из местного населения (черкесов), не имея четких политических очертаний, в своих действиях руководствовались теми же бунтарскими принципами противостояния политике большевиков.

В начале 1922 г. на Кубани и закубанских территориях было учтено 95 повстанческих отрядов, насчитывающих в своих рядах до 5 500 чел. В основном это были относительно небольшие отряды, проявлявшие сезонную активность. Так, один из лидеров повстанцев собрал под своим командованием 100 чел. и присвоил отряду грозное наименование «Партизанский отряд особого назначения» [12, с. 205]. Прекращение повстанческого движения и ликвидацию политического бандитизма на Кубани также следует отнести в основном к периоду весны – лета 1922 г. В 1922 г. большевики уже уверенно контролировали крупные станицы, тогда как небольшим отрядам повстанцев были подконтрольны малые хутора. Такой факт распределения сфер влияния признавали и сами большевики.

К осени 1922 г. станицы Кубани можно было считать в основном умиротворенными. Нет сомнения в том, что антиправительственные выступления казаков оказали определяющее влияние на политику большевиков при выборе новой модели экономической деятельности. Следующим компромиссом стало принятие Земельного кодекса РСФСР, подтвердившего сложившийся порядок землепользования в южных регионах страны.

Массовое вооруженное казачье-крестьянское сопротивление 1920–1922 гг., явившееся важным фактором, заставлявшим большевиков переходить к реализации новой экономической политики, удалось преодолеть лишь на основе последовательного проведения принципов нэпа как в экономической, так и в политической сферах.

Список литературы

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42.
2. Известия. 1918. 23 февраля.
3. Архив русской революции. В 22 т. М., 1991. Т. 7.

4. Степаненко В.И. Крушение контрреволюции на Дону, Кубани и Тереке в 1920 г. // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 32; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000.
5. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1. 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000.
6. Горьев Д.А. Деятельность революционных трибуналов на Кубани (1918–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011.
7. Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999.
8. Ленин В.И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43.
9. Баранов А.В. Повстанческое движение «бело-зеленых» и казачьих областях Юга России (1920–1924 гг.) // Белая гвардия. М., 2005. № 8.
10. Семёнов А.А. Социально-экономические условия и политические предпосылки перехода к нэпу на Северном Кавказе // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики / отв. ред. С.В. Виноградов. М., 2014.
11. Меньковский В.И., Черкасов А.А. Кубанская повстанческая армия генерала Пржевальского: попытка реванша в 1921 г. // Былые годы. Сочи, 2010. № 4 (18).
12. Хрестоматия по истории Кубани / науч. ред. В.В. Касьянов. Краснодар, 2015. С. 205.

А.В. Баранов

ЗАДАЧИ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ

Автор статьи аргументирует задачи геополитического курса Российской Федерации в Черноморском регионе в контексте специальной военной операции на Украине, начатой 24 февраля 2022 г. Отмечается соподчинённость конфликта на Украине глобальному противостоянию Запада и России на переломе геополитических эпох. Подвергается критике так называемая «партия мира».

Ключевые слова: геополитика, Россия, Украина, Черноморский регион, специальная военная операция.

A.V. Baranov

TASKS OF RUSSIAN GEOPOLITICS IN THE BLACK SEA REGION IN THE CONDITIONS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE

The author of the article argues the tasks of the geopolitical course of the Russian Federation in the Black Sea region in the context of a special military operation in Ukraine launched on February 24, 2022. The subordination of the conflict in Ukraine to the global confrontation between the West and Russia at the turn of geopolitical eras is noted. The so-called "peace party" is being criticized.

Key words: geopolitics, Russia, Ukraine, Black Sea region, special military operation.

Актуальность темы статьи состоит в необходимости выяснить задачи российской геополитики в Черноморском международном регионе после начала специальной военной операции (далее – СВО) на Украине 24 февраля 2022 г. За два месяца боевых действий создано немало публицистических объяснений обстановки на фронтах и радикальных прогнозов. Но анализ геополитической стратегии Российской Федерации в научном ракурсе проводится ещё недостаточно.

Потребность системы высшего и среднего образования России в научном объяснении происходящих в Черноморском регионе событий, в разоблачении анти-российской пропаганды кардинально возрастает.

Степень изученности геополитических процессов в Черноморском регионе до начала СВО достаточно высока. Обобщающие работы по геополитике Черноморского региона опубликовали С.С. Жильцов [1], Т. Степневский [2]. Среди западных экспертно-аналитических текстов привлекают внимание работы Стефана Майстера [3], Стивена Флэнегана и Ирины Чиндеа [4], Пьера-Эммануэля Томанна [5], Майкла Чоссудовски [6], Аники Биннендийк [7], Люка Коффи, Дэниэла Кочиса и Алексис Мрачек [8]. Военно-политический аспект взаимодействия акторов геополитических процессов в Черноморском регионе освещают К.П. Курылев, М.А. Никулин и Н.П. Пархитько [9]. Исследования геополитики Турции в Черноморском регионе провели В.А. Аватков и П.А. Гудев [10], И.А. Свистунова [11] и Р.Н. Шангараев [12]. Некоторый вклад в исследование геополитики Черноморского региона внесли работы А.В. Баранова, А.В. Ващенко, В.Н. Кобышева и С.В. Шашевой [13]. Вместе с тем, геополитические процессы в Черноморском регионе после начала СВО кардинально изменились, что нуждается в осмыслении.

Цель статьи – аргументировать задачи геополитического курса Российской Федерации в Черноморском регионе в контексте специальной военной операции на Украине, начатой 24 февраля 2022 г.

Работа выполнена в рамках парадигмы неореализма. Основное внимание уделено военно-политическим аспектам проблемы с учётом цивилизационного подхода. Дело не в идеологическом позиционировании Российской Федерации (выраженном сейчас нечётко), а в извечной русофобии Запада, его неспособности принять любой режим в России, кроме прозападного. Автор исходит из гипотезы, что США и страны Запада в целом, постепенно утрачивая способность к экономическому и политическому доминированию в мире, спешат разгромить возможных конкурентов и недостаточно лояльные идеологически страны (Россию, КНР, Иран и др.). Опасаясь вести полномасштабную ядерную войну против России, Запад ведёт гибридную войну. Он использует слабые, но агрессивные лимитрофные государства – Украину, Грузию, Молдавию и др. для втягивания РФ в длительную войну «на измор». При этом фактор времени в конфликте с нулевой суммой приобретает ключевое значение. Черноморский регион выбран странами Запада в качестве полигона для конфронтации закономерно. Именно Черноморский регион даёт России выход в Средиземное море и, далее, в Атлантический и Индийский океаны, обеспечивает наиболее удобную трассу транзита из Евросоюза в страны Дальнего Востока.

Эмпирическая основа исследования включает в себя официальные заявления и выступления государственных деятелей, сообщения Министерства обороны РФ на ежедневных брифингах, географические карты, статистические данные, материалы интернет-порталов и СМИ.

Проведение СВО стало для России вынужденным, но назревшим шагом к предотвращению агрессии Запада и защите народных республик Донбасса.

В своём обращении 24 февраля 2022 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин сказал о СВО: «Её цель – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима, и для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан РФ». Оккупация украинских территорий в планы России не входит, она выступает за право народов Украины на самоопределение. Россия не может допустить появления у Киева ядерного оружия, расширения НАТО на Восток за счёт Украины [14]. Этому стратегическому решению предшествовало признание ДНР и ЛНР Российской Федерацией, подписание с ними договоров о сотрудничестве [15]. Характерно, что Президент России и руководство Государственной Думы РФ разъяснили, что признают ДНР и ЛНР в довоенных границах 2014 г. [16]. Вероятно, некоторая часть российских госслужащих пыталась ограничить помощь Донбассу границами де факто.

Развитие СВО пошло по сценарию достаточно быстрого установления военного контроля России в Херсонской и большей части Запорожской, части Киевской, Черниговской, Сумской и Харьковской областей. Были взяты под российский контроль атомные электростанции в Чернобыле и Энергодаре. Получены доказательства намерений Украины создать ядерное оружие, а также ведения на территории Украины крайне опасных экспериментов биологических лабораторий США [17]. На этой стадии (примерно до 16 марта 2022 г.) определилась и контрстратегия Запада: принятие «удушающих» экономических санкций, в том числе – конфискация собственности российского бизнеса за рубежом, воровство части российского золотого запаса, ожесточённая информационная война, наращивание поставок вооружений и наёмников на Украину [18]. На этой же стадии проявилась особая позиция ряда стран Запада: ФРГ, Венгрии, Австрии. Турция, осудив российские действия, не присоединилась к экономическим санкциям и предложила себя в качестве посредницы в урегулировании конфликта. Используя нормы Конвенции Монрё 1936 г., Турция закрыла для военных флотов сначала России и Украины, а затем – и других стран проход через Босфор и Дарданеллы [19]. От участия в санкциях отказались Китай, Индия, Бразилия, Иран и ряд других значимых государств.

Вторая стадия СВО характеризовалась замедлением продвижения российских войск, их втягиванием в затяжные позиционные сражения. На ряде направлений (под Киевом, Николаевом и Харьковом) украинские войска активизировались. В качестве шага доброй воли, надеясь побудить Украину к подписанию договора о денацификации и демилитаризации, руководство РФ пошло на вывод войск из Киевской, Черниговской и Сумской областей. Это привело к негативным последствиям, в том числе – к активизации поставок вооружений странами Запада и к попыткам Украины начать агрессию против приграничных областей России. Очевидно, что и внутри РФ есть политические деятели, пытающиеся ограничить масштаб СВО либо «спустить её на тормозах», в частности, свести к выходу на довоенные границы ДНР и ЛНР [20]. В нынешней ситуации, когда

речь идёт о самом существовании России как суверенного государства, действия так называемой «партии мира» недопустимы. Только ликвидация нацистского режима в Киеве станет гарантией успеха СВО и решения её задач.

Полагаем, правильные приоритеты озвучил 22 апреля 2022 г. и.о. командующего войсками Центрального военного округа РФ Р. Миннекаев: «С начала второй фазы спецоперации – она уже началась буквально два дня назад – одной из задач российской армии является установление полного контроля над Донбассом и Южной Украиной. Это позволит обеспечить сухопутный коридор в Крым, а также воздействовать на жизненно важные объекты украинской экономики». Контроль над Южной Украиной обеспечит российской армии ещё один выход в Приднестровье [21]. Начато разрезание территории Украины на части путём уничтожения мостов, вокзалов и транспортных узлов. Постпред Республики Крым при Президенте России, вице-премьер РК Г.Л. Мурадов, а также депутаты Государственной Думы РФ от РК Д. Белик и М. Шеремет выступили за вхождение Херсонской и Запорожской областей в состав Российской Федерации [22].

По итогам исследования сделаны выводы. Российская стратегия геополитики в Черноморском регионе носит реактивный характер, ставит задачи защиты от экспансии НАТО. Специальная военная операция на Украине стала неизбежной вследствие перехода «совокупного Запада» к стратегии экономического и политического удушения Российской Федерации, смены в ней всего политического порядка и расчленения страны. При этом Украина является лишь наиболее активным театром военных действий в гибридной войне Запада против России. Накопление военных и экономических ресурсов к началу СВО рассматривалось российским политическим руководством как достаточное для победы над националистическим режимом Украины. Но перерастание двустороннего конфликта в глобальный с участием НАТО не устраивает РФ.

Некоторые элементы первоначальной реализации СВО (надежда на массовую сдачу в плен военнослужащих ВСУ, антифашистское сопротивление жителей Украины, на свержение киевского режима) не сработали. Не разрушена ещё полностью транспортная система Украины, обеспечивающая поставки летального оружия и боеприпасов из стран Запада и Турции. Это привело к корректировке российских действий.

Следует поддержать создание военно-гражданских администраций и поддержку пророссийских настроений в освобождённых регионах Украины, самоопределение данных сообществ. Полагаем, что унитарная Украина не имеет будущего и должна быть превращена в децентрализованное федеративное государство. Следует поддержать инициативы антифашистских сил по созданию новой государственности на этом пространстве. Необходима концентрация сил на окружении и разгроме донбасской группировки ВСУ с последующим проведением активных наступательных действий на Харьковском, Одесско–Приднестровском и Криворожском направлениях, возобновлением блокады Киева. Настоятельно нужны массивные удары по транспортным узлам в Западной Украине, чтобы пресечь доставку современных видов военной техники через страны Восточной Европы. Переговоры с киевским режимом могут вестись об

условиях капитуляции нацистского режима, полной денацификации и демилитаризации Украины.

Геополитическая стратегия имеет и внутрисоветский аспект. Нужна срочная люстрация органов государственной власти России, крупного бизнеса, масс-медиа от слоёв, проявляющих прозападные, капитулянтские ориентации. В условиях нарастающей конфронтации с Западом России нужны сплочённость общества и эффективный государственный контроль над стратегическими ресурсами. На наш взгляд, срочно необходимо восстановить обязательное преподавание истории России и политологии в российских вузах по всем направлениям подготовки, обеспечив патриотическую направленность и содержание данной учебной дисциплины.

Список литературы

1. Жильцов С.С. Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6, № 2. С. 149–164.
2. Stępniewski T. The Black Sea Region. A Complex and Dynamic Space // New Eastern Europe. 2019. Issue 5. URL: <https://neweasterneurope.eu/2019/08/26/> (дата обращения: 23.01.2022).
3. Meister S. Strategic Sovereignty in the EU's Southeastern Neighborhood: The Black Sea as Part of a Larger Geopolitical Region. URL: <https://ge.boell.org/en/2021/01/28/strategic-sovereignty-eu-southeastern-neighborhood-black-sea-part-larger-geopolitical> (дата обращения: 30.11.2021).
4. Flanagan S.J., Chindea I.A. Russia, NATO, and Black Sea Security Strategy Regional Perspectives from a 2019 Workshop. URL: <https://www.rand.org/pubs/confproceedings/CF405.html> (дата обращения: 30.11.2021).
5. Thomann P.-E. The Geopolitical Significance of Black Sea Region in the Greater Power Rivalry Context and Its Importance in a Potential New European Security Architecture. URL: <http://www.eurocontinent.eu/2020/02/the-geopolitical-significance-of-black-sea-region-in-the-greater-power-rivalry-context-and-its-importance-in-a-potential-new-european-security-architecture/> (дата обращения: 30.11.2021).
6. Chossudovsky M. Crisis in Ukraine: Russia Extends its Control over the Black Sea and Strategic Waterways. URL: <https://www.globalresearch.ca/russia-extends-its-control-over-the-black-sea-and-strategic-waterways/5374021> (дата обращения: 30.11.2021).
7. Binnendijk A. Understanding Russian Black Sea Power Dynamics Through National Security Gaming. Santa Monica, 2020. P. 61.
8. Coffey L., Kochis D., Mrachek A. Time for Action: The U.S. and NATO Cannot Afford to Ignore the Black Sea Region. URL: <https://www.heritage.org/defense/report/time-action-the-us-and-nato-cannot-afford-ignore-the-black-sea-region> (дата обращения: 19.12.2021).
9. Курьлев К.П., Никулин М.А., Пархитько Н.П. Военно-морская сила России в Черноморском и Средиземноморском регионах // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 1. С. 26–39.
10. Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 3. С. 348–363.
11. Свистунова И.А. Политика Турции в отношении Украины // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 3 (52). С. 174–188.
12. Шангараев Р.Н. Перспективы российско-турецких отношений в контексте строительства канала «Стамбул» и напряженности в Черноморском регионе // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 1 (77). С. 181–187.
13. Ващенко А.В. Политическая экспертиза проблем региональной безопасности (Черноморско-Каспийский регион): этапы, институты, технологии // Каспийский регион: политика,

экономика, культура. Астрахань, 2020. № 1 (62). С. 76–84; Современные международные отношения в Черноморском регионе: геополитический аспект (теория и практика) / А.В. Баранов, А.В. Ващенко, В.Н. Конышев, С.В. Шашева. Краснодар, 2021.

14. Путин объявил о начале военной операции на Украине. URL: <https://tass.ru/politika/13825671> (дата обращения: 24.02.2022).

15. О признании Донецкой Народной Республики: Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 № 71. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220002>; О признании Луганской Народной Республики: Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 № 72. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220001> (дата обращения: 24.02.2022).

16. Путин ответил на вопрос о границах ДНР и ЛНР (ВИДЕО). URL: <https://rusvesna.su/news/1645548621> (дата обращения: 22.02.2022).

17. Владимир Путин: Спецоперация на Украине будет доведена до конца. URL: <https://topwar.ru/193594-vladimir-putin-spesoperacija-na-ukraine-budet-dovedena-do-konca.html> (дата обращения: 16.03.2022).

18. Страны G7 согласовали поставки дополнительных вооружений на Украину. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13889251> (дата обращения: 27.02.2022).

19. Турция не пропустит корабли НАТО в Чёрное море. URL: <https://rusvesna.su/news/1649602407> (дата обращения: 10.04.2022).

20. Маржецкий С. Для капитуляции Украины российские войска должны освободить Мариуполь и Харьков. URL: <https://topcor.ru/24523-dlja-kapituljicii-ukrainy-rossijskie-vojska-dolzheny-osvobodit-mariupol-i-harkov.html?yrwinfo=1648034195677799-4459810671927801196-sas6-5244-da7-sas-l7-balancer-8080-BAL-4386> (дата обращения: 17.03.2022).

21. Названы цели второй фазы спецоперации на Украине. URL: <https://rusvesna.su/news/1650616302> (дата обращения: 22.04.2022).

22. В Госдуме допустили объединение Крыма с югом Украины. URL: <https://rusvesna.su/news/1650713523> (дата обращения: 24.04.2022).

В.А. Аватков

ТУРЦИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В статье рассматривается внешнеполитический курс Турецкой Республики на современном этапе с акцентом на ее взаимодействие с Черноморским регионом.

Ключевые слова: Турция, Черноморский регион, ОЧЭС, Голубая родина, мир больше пяти, Байрактар, Эрдоган.

V.A. Avatkov

TURKEY IN THE BLACK SEA REGION: MODERN TRENDS

The article discusses the foreign policy of the Republic of Turkey at the present stage with an emphasis on its interaction with the Black Sea region.

Key-words: Turkey, Black Sea Region, BSEC, Blue Homeland, world over five, Bayraktar, Erdogan.

Турция на протяжении всей истории была активным игроком в Черноморском регионе. Указанное пространство является одним из приоритетов современной внешней политики Анкары.

Внешнеполитический курс Турецкой Республики построен вокруг двух ключевых «синдромов» – имперскости и ущемленности системой международных отношений. Именно поэтому Турция проявляет инициативы по изменению мирового и регионального балансов, в частности действуя в рамках идеологии «мир больше пяти» членов Совбеза ООН. Как многократно отмечал министр иностранных дел Республики М. Чавушоглу, турецкая политика предполагает инициативность и гуманитарность.

Именно поэтому Турция выдвигает большое количество идей по развитию взаимодействия на сопредельных территориях. Указанная идея интегрирована в идеологию «хаба». Турция провозглашает себя центром, через которые должны проходить пути по линиям Север-Юг и Запад-Восток. В этом контексте для нее особое значение имеет и Черноморский регион.

Во главе внешнеполитической идеологии Турции стоят неоосманизм, неопантюркизм и исламизм. Именно в этой связке следует рассматривать поддержку крымских татар и гагаузов, несогласие с воссоединением России и Крыма, взаимодействие с турецкой диаспорой в Болгарии. Более того, туркоцентричная подсистема международных отношений включала в себя и всю Украину, части которой ранее были частью Османской империи.

Институционально нужды Турции в регионе обслуживает Организация черноморского экономического сотрудничества, которая создавалась Анкарой с целью увеличить свое присутствие в регионе и уравновесить Россию после развала СССР.

Анкара активно поддерживает не только экономические, но и военно-политические связи со странами региона. В частности, после войны 2008 г. ей удалось наладить тесную координацию с Грузией в военной сфере, обучать грузинских военнослужащих в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира». При этом Турция не отказалась от экономического сотрудничества с Абхазией, используя в том числе многочисленную диаспору абхазов, живущих в Республике. Известно и о тесных контактах в военной области между Турцией и Украиной, в частности – о поставках БПЛА Bayraktar.

Турция пыталась предложить и реализовать свою морскую доктрину Mavi Vatan («Голубая родина»). По сути она подразумевала создание морского хаба из Республики, что предполагало также усиление коммуникации с тюркскими государствами.

Анкаре непросто реализовывать свою амбициозную внешнюю политику, для этого ей необходимо лавировать между крупнейшими центрами силы – Россией, США и Китаем. Турция относится к Черноморскому региону как своему, часто обвиняя Россию в таком же отношении.

Перспектива взаимодействия Турецкой Республики со странами региона зависит от двух факторов: 1) выхода из украинского кризиса, 2) возможности смены власти или дестабилизации ситуации в самой Турции, особенно – под влиянием США.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА США И ТУРЦИИ В ЧЕРНОМ МОРЕ

Регион Черного моря имеет важное экономическое и военно-стратегическое значение, где сталкиваются интересы многих государств. США заинтересованы в том, чтобы вернуть в сферу своего влияния в Турцию и сделать ее опорой для своего влияния в регионе. В статье приводятся факторы, которые способствуют как нарастанию противоречий, так и сближению двух стран.

Ключевые слова: военная безопасность, США, Турция, сотрудничество

V.N. Konyshv

PROSPECTS FOR MILITARY-POLITICAL COOPERATION OF THE USA AND TURKEY IN THE BLACK SEA

The Black Sea region is of great economic and military-strategic importance, where the interests of many states conflict. The United States is interested in bringing Turkey back into its sphere of influence and making it a hub for its influence in the region. The article presents factors that contribute to both the growth of contradictions and the rapprochement of the two states.

Key words: military security, U.S., Turkey, cooperation.

Регион Черного моря исторически всегда находится в фокусе разнонаправленных интересов многих государств, в том числе расположенных далеко от него. Главный вопрос сегодня, кто и на каких условиях способен создать эффективную систему региональной безопасности? Три государства играют ключевую роль в регионе: Россия, Турция и США.

Стратегическое значение Черноморского региона состоит в том, что, во-первых, регион имеет потенциал сотрудничества прибрежных государств развития транспортных сети, телекоммуникации, инвестиций, научное сотрудничество, культура и туризм, охрана окружающей среды, предупреждение чрезвычайных ситуаций. Во-вторых, регион важен для энергетической политики многих государств, причем энергетический аспект становится национальной безопасности. В-третьих, регион важен для обеспечения военной безопасности России с южного направления.

Повестка региональной безопасности осложняется тем, что Турция стремится играть независимую ни от кого роль «центрального» государства, которое выполняет миссию посредника по осям «Запад–Восток» и «Север–Юг». Как следствие, Турция одновременно стремится реализовать мало совместимые задачи, например, поддержать Украину и сохранить сотрудничество с Россией; сохранить военно-техническое сотрудничество с США, но не позволить чрезмерно усилиться НАТО в Черном море. Разновекторность характерна и для других прибрежных государств региона, что усложняет военно-политическую ситуацию.

Политика администрации Дж. Байдена в Чёрном море еще не сформирована. Представители левых и центристских мозговых центров, на которые в большей мере опирается администрация Дж. Байдена, подчеркивают необходимость сотрудничества с Турцией, несмотря на определенные трудности. Джефф-

фри Манкоф из Центра стратегических и международных исследований отмечает, что Россия и Турция, которых объединяют квази-имперские амбиции, стремятся минимизировать западное влияние в Черноморском регионе. Возврат к имперским стереотипам – долговременный тренд, вызванный изменением геополитической ситуации после окончания холодной войны и провалом политики интеграции с Западом. Это означает, что Россия и Турция сохраняют антизападный внешнеполитический курс после ухода от власти В.В. Путина и Т. Эрдогана. В то же время, между Турцией и Россией возможно обострение противоречий, и общий характер двусторонних отношений этих государств предвидеть сложно [1].

Очевидно, что США и НАТО не могут реализовать свои планы в Черном море без сближения с Турцией. Они не имеют здесь других союзников, военный потенциал которых мог бы существенно усилить возможности НАТО. Администрация Дж. Байдена заинтересована в том, чтобы добиться сближения с Турцией и усилить свое политическое влияние после спада в отношениях в связи с покупкой российских систем С-400. Турция также демонстрирует готовность к улучшению отношений, во многом, чтобы не потерять инвестиции от разрыва контракта по проекту Ф-35.

По мнению американских экспертов, можно выделить ряд факторов, которые препятствуют сближению США и Турции:

Скорее всего, Турция сохранит нео-имперские амбиции даже в случае ухода от власти Т. Эрдогана из-за провала интеграции Турции в ЕС.

Турция долгие годы играет деструктивную роль внутри НАТО, подрывая единство альянса из-за конфликта с Грецией и Республикой Кипр.

Политическое сближение с Россией делает Турцию ненадежным союзником.

Закупки С-400 ставят под вопрос тесное военно-техническое сотрудничество с НАТО и США, тем более что официальные лица Турции заявили о возможности закупки российского самолета СУ-35 взамен американского Ф-35.

Администрация Дж. Байдена признала геноцид армян и угрозу демократии в Турции [2].

Часть факторов способствуют сближению США и Турции:

Турция, проводя свою линию, вовсе не считает себя противником НАТО и США, что создает поле для компромисса.

Сближение с Россией недолгое и ненадежное. Частично оно происходит из-за вынужденного компромисса с националистами в парламенте, чтобы сохранять большинство.

Перевыборы в Турции и уход Т. Эрдогана от власти способны поменять политическую ориентацию Турции в пользу сближения с США.

Турция сотрудничает с Западом по проблеме с беженцами из Ближнего Востока.

Чтобы преодолеть кризис в двусторонних отношениях, США следует смягчить санкции в отношении Турции и подписать контракт на продажу и модернизацию Ф-16.

Компромисс с Турцией из-за покупки С-400 позволит проводить более гибкую политику с другими партнерами США по военно-техническому сотрудничеству, включая Индию, Египт, Саудовскую Аравию, Катар [3].

В пользу сближения США и Турции говорит и то, что США готовят предложения, чтобы сделать, Турцию своеобразным хабом для обеспечения региональной безопасности, включая создание многонациональных штабов для координации военной деятельности, ведения разведки, киберопераций, мониторинга оперативной обстановки и долгосрочного анализа политики России в регионе. Часть этих функций может выполнять Румыния. К обеспечению региональной безопасности предлагается привлекать внерегиональных союзников (Великобританию) и государства, входящие в объединение «Инициатива трёх морей».

Для этого ряд экспертов США предлагают создать организацию «Диалог 6+» с целью координации политики безопасности в Черноморском регионе с участием США, Болгарии, Грузии, Молдавии, Румынии, Турции, Украины. Руководство «Диалогом» должно быть организовано на ротационной основе на уровне заместителей министра обороны и/или министра иностранных дел. При этом первая встреча должна пройти под председательством США, а вторая – Турции, подчеркивая ее высокий статус в регионе [4].

Как показал кризис вокруг Украины, Россия продемонстрировала, что не допустит перехода «красных линий» в стратегически важных вопросах и может применить ядерное оружие. Попытки стран НАТО тестировать российские границы в Черном море были решительно пресечены силами военной авиации и военно-морского флота.

США без Турции не способны расширить своё влияние в регионе Черного моря, даже если они сблизят позиции со странами ЕС на фоне Украинского кризиса.

Создание устойчивых союзов в Черноморском регионе маловероятно из-за противоречий между США и странами ЕС о приоритетах политики в черном море и разновекторности в политике прибрежных государств.

Потенциально Россия и Турция могли бы оказать решающее влияние на формирование более стабильной системы региональной безопасности. Оба государства заинтересованы в стабильности и не хотят усиления третьих государств. Это способно стать основой двустороннего сотрудничества в Черном море.

Окончательный вектор политики региональной безопасности в Черноморском регионе определится после окончания военной фазы операции, проводимой Россией на территории Украины.

Список литературы

1. Mankoff J. Regional competition and the future of Russia-Turkey relations. January 2022. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2022.
2. Bandow D. Washington should stop pretending to Turkey's ally. KATO Institute commentary. URL: <https://www.cato.org/commentary/washington-should-stop-pretending-be-turkeys-ally> (дата обращения 11.01.2022).
3. Zanotti J., Thomas C. Turkey: background and U.S. relations. Congressional Research Service. 30 December, 2021 (дата обращения 17.02.2022).

4. Black Sea security: revising US policy toward the region. URL: <https://cepa.org/black-sea-security-reviving-us-policy-toward-the-regi> (дата обращения 15.01.2022).

Т.А. Сеньюшкина

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ»

В статье рассматривается проблема концептуализации понятия «национальные интересы». Анализируются теоретические и нормативно-правовые аспекты проблемы, а также дискуссионные вопросы, связанные с различными подходами к выявлению сущности и содержания национальных интересов. Национальные интересы рассматриваются во взаимосвязи с общественными интересами и государственными интересами.

Ключевые слова: национальные интересы, общественные интересы, государственные интересы, устойчивость политической системы.

T.A. Senyushkina

ON THE ISSUE OF CONCEPTUALIZATION CONCEPTS OF "NATIONAL INTERESTS"

The article deals with the problem of conceptualization of the concept of "national interests". The theoretical also as regulatory and legal aspects of the problem and debatable issues related to various approaches to identifying the essence and content of national interests are analyzed. National interests are considered in relation to public interests and state interests.

Key-words: National interests, public interests, state interests, stability of the political system.

Начиная с демонтажа СССР в 1991 г. и последовавшего за ним разрушения системы биполярного мира, российское государство и общество находятся в ситуации периодически усиливающейся турбулентности, одной из причин которой можно считать продолжающееся на наших глазах переформатирование системы мирового порядка. При этом холодная война продолжается, приобретая новые качества в виде информационно-психологического и когнитивного противоборства, а также в форме подрыва финансовой и экономической устойчивости российского общества и государства. «Запад объявил России тотальную войну и не скрывает, что нацелен на уничтожение российской экономики, – заявил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров... Сегодня нам объявили настоящую гибридную войну, тотальную войну... Цели не скрываются, они декларируются публично – разрушить, сломать, уничтожить, задушить российскую экономику и Россию в целом», – заявил глава МИД РФ [1]. В сложившихся условиях, которые можно назвать критическими для российского общества и государства, ключевую роль приобретает отстаивание национальных интересов, что, в свою очередь, предполагает новый взгляд на концептуализацию этого процесса.

Тема национальных интересов в последние годы стала предметом для академических дискуссий. Однако, несмотря на теоретический и практический интерес к этой теме, у российского научного сообщества на сегодняшний день нет единства в ответе на следующие вопросы: что понимается под национальными интересами? Каковы их системообразующие и структурно-функциональные эле-

менты? Как они соотносятся с понятиями «государственные интересы» и «общественные интересы»? Кроме того, как отмечает В.В. Трухачёв, термин «национальные интересы» часто понимается двояко: в первом значении национальные интересы ассоциируются с вопросами внешней политики, поскольку представляют образ нации (или национального государства), которая должна защищать свои интересы на международной арене. Также понятие национальных интересов связывают с внутривнутриполитическими задачами – в этом случае используют иные подходы к трактовке данного термина. Во втором значении национальные интересы выступают как способ анализа внешней политики – такой подход характерен, например, для школы политического реализма [2]. Согласно концепции Г. Моргентау, понятие «национальных интересов» соотносится с внешнеполитическим вариантом «общественных интересов», поскольку обозначает наиболее адекватную для той или иной нации систему взаимоотношений с другими государствами [2, с. 53].

Исследователи отмечают также значительную неопределенность исходных понятий, связанных с категорией «национальные интересы» [3], и часто возникающие юридические коллизии [4]. В целом, несмотря на значительный массив исследований, посвящённых этой теме, в современных работах категория «национальные интересы» появляется нечасто, предпочтение отдается изобретению новых дефиниций и установлению связей определяемого объекта с актуальными трендами реальной политики» [4].

Возможно, ситуацию смогли бы прояснить концептуальные положения наиболее известного автора, заложившего основы понимания данного феномена — Г. Моргентау, который считал, что национальный интерес — это объективная данность, которая базируется на своеобразии географического положения государства и вытекающих из этого особенностях его экономического, политического и культурного развития, с одной стороны, а также на особенностях человеческой природы — с другой [5]. Наряду с этим, по мнению Моргентау, «национальный интерес» вполне поддается рациональному осмыслению государственных деятелей. Последние обязаны исходить из того, что рациональная политика опирается на правильно понятый «национальный интерес». При этом «Национальный интерес» кардинально отличается от «общественного интереса». Если первый существует в условиях анархической международной среды, то второй связан с системой законов, регулирующих внутригосударственную политику [5].

Более чёткое понимание национальных интересов характерно для документов, имеющих нормативно-правовой характер. Так, согласно тексту Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, «национальные интересы Российской Федерации – это объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии» [6]. Правовую основу данной Стратегии составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ

«О стратегическом планировании в Российской Федерации», другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации.

Как следует из текста Стратегии, «с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются:

1) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;

2) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны;

3) поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;

4) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;

5) устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе;

6) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата;

7) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России;

8) поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений» [6].

Согласно указанной стратегии, обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации осуществляется за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на реализации стратегических национальных приоритетов, под которыми понимаются «важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации» [6].

Стратегические национальные приоритеты перечисляются в указанном документе в следующем порядке: «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; оборона страны; государственная и общественная безопасность; информационная безопасность; экономическая безопасность; научно-технологическое развитие; экологическая безопасность и рациональное природопользование; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество» [6]. Как видим, структурно и по сути, стратегические национальные приоритеты на нормативно-правовом уровне практически совпадают с национальными интересами.

Наряду с этим, следует отметить, что в теме национальных интересов и проблеме их концептуализации в российском академическом пространстве ряд вопросов остаются дискуссионными. К примеру, К.О. Телин обращает внимание в своих публикациях на следующие вопросы:

1. «Являются ли национальные интересы объективной реальностью или продуктом субъектного (и, следовательно, субъективного) конструирования?»

2. В случае, если национальные интересы задаются изначально, способны ли они к трансформации и адаптации к меняющимся условиям мировой политики?

3. В случае, если национальные интересы субъективны, какие группы могут подключаться к их определению и как в итоге происходит управление внешнеполитической повесткой дня и выработка конкретных решений?

4. Единоы ли национальные интересы для всех государств или они как-либо разнятся?

5. Если верно последнее, то в зависимости от каких условий происходят колебания?» [3].

Добавим к этому, что кроме явной целесообразности расширения пространства академических дискуссий на эту тему, необходимо заложить устойчивые механизмы определения концепта «национальные интересы», насыщения его содержанием, которое не должно зависеть от изменения политической конъюнктуры. Главным приоритетом для определения содержания этого понятия должен быть российский народ, его сохранение и развитие как с биологической точки зрения (имеется в виду воспроизводство населения), так и с культурной, духовной и ценностной. Экономическое содержание, на наш взгляд, должно играть вспомогательную роль, обеспечивая синхронизацию экономической и политической подсистем общества, которые и призваны создать условия для духовного и культурного сбережения российского народа.

Список литературы

1. Лавров: России объявили тотальную войну. URL: <https://nsn.fm/policy/lavrov-rossii-obuyavili-totalnuu-voinu> (дата обращения: 24.04.2022).

2. Трухачёв В.В. Национальные интересы: теоретический дискурс проблемы // Вестник РУДН. Серия Политология. 2010. № 1. С. 53–65.

3. Телин К.О. Концептуализация национальных интересов в современных международных исследованиях // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2016. Вып. 4. С. 78–88.

4. Комарова Н.Н. Конституция Российской Федерации и национальные интересы: современный взгляд и тенденции развития. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-rossiyskoj-federatsii-i-natsionalnye-interesy-sovremennyu-vzglyad-i-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 24.04.2022).

5. Цыганков Л.П. Ганс Моргентау: взгляд на внешнюю политику // Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке. М., 1992.

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9eef6d046da8060/ (дата обращения: 24.04.2022).

Т.В. Беспалова

**ВОЗРОЖДЕНИЕ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА В НОВОМ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

Проведение Россией военной спецоперации на Украине стало полной неожиданностью для мирового сообщества и для части российского народа, что требует соответствующей рефлексии научного и экспертного сообщества. В работе актуализируется вопрос принятия новой Концепции патриотического воспитания граждан России (Союзного государства), реализации идеологии государственного патриотизма, единого содержания молодежной политики (проект Пионерия), новой модели национальной политики, аксиологического содержания культурной и образовательной политики, системной политики памяти и забвения, востребованных в условиях гибридной войны против России как правопреемницы Советского Союза.

Ключевые слова: советский/российский/русский патриотизм, неонацизм, Донбасс, неосоветская идентичность, Русский мир, Советский Союз, российская цивилизация.

T.V. Besspalova

**THE REVIVAL OF THE UNION STATE IN A NEW IDEOLOGICAL DIMENSION: THE
SYMBOLIC RESOURCE OF THE SOVIET UNION**

Russia's military special operation in Ukraine came as a complete surprise to the world community and to part of the Russian people, which requires appropriate reflection by the scientific and expert community. The work updates the issue of adopting of Patriotic Education of Russian Citizens (Union State), the implementation of the ideology of state patriotism, the unified content of youth policy, the new model of national policy, the axiological content of the cultural and educational policy, the systemic policy of memory and oblivion, demanded in the conditions of a hybrid war against Russia as the successor of the Soviet Union.

Key-words: Soviet/Russian/Russian patriotism, Neo-Nazism, Donbass, neo-Soviet identity, Russian world, Soviet Union, Russian civilization.

2021–2022 гг. для российского общества и народов постсоветского пространства связаны с двумя событиями: 100-летний юбилей образования Советского Союза и 30-летие его разрушения. Очевидно, что оба события важны с точки зрения сохранения не только исторического знания, но и чувствования исторического процесса, способности «видеть» памятные даты, которые важны для патриотического единства народов постсоветского пространства, его политической интеграции, возрождения единого культурно-исторического пространства и общей исторической памяти. Насколько реально достижение этих целей?

Социологические опросы 2021 г. по поводу отношения постсоветской молодежи к распаду СССР, ностальгии по советскому прошлому выявили среди молодежи парадоксальные дихотомии при сравнении настоящего и прошлого – СССР – дружелюбная атмосфера, объединяющая идеология, советские культурные достижения, социальные гарантии, величие державы – современная Россия – недоверие, чувство ненависти, враждебность, отсутствие национальной идеи, прозападная массовая культура, социальная незащищенность, слабое коррумпированное государство. При этом недоверие к государственным институтам власти у молодежи парадоксально совмещается с высоким уровнем доверия к действующему Президенту России. В целом, романтизация советского общества не

связана с реставрацией советского режима и в большей мере объясняется социально-экономическими противоречиями, желанием испытывать гордость за величие державы. *Вопросы по поводу отношения молодежи к возрождению Союзного государства в новом идеологическом измерении, к сожалению, пока отсутствуют в анкетах.* Практически все возрастные группы респондентов (кроме представителей 18–24 лет) испытывают горечь и сожаление по поводу распада/разрушения Советского Союза. Можно констатировать удивительный факт проявления ностальгии и особенных «воспоминаний» к советскому прошлому у молодежи, не имеющей опыта советской жизни, что скорее всего является признаком «глубочайшей растерянности общества перед настоящим». Один из ответов так и прозвучал «не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему» [1].

Военно-политические процессы (латентные и открытые) на территории постсоветского пространства иногда заставляют усомниться во временной близости достижения цели сближения народов постсоветского пространства. *Хотя не исключено, что именно они как раз сыграют интегративную роль в процессах сближения народов постсоветского пространства вопреки задумкам враждебных России политических элит.*

За 30 лет не без поддержки западных глобальных игроков были разрушены дружественные связи между народами (именно народами) постсоветского пространства при внешнем сохранении формальных дипломатических отношений между государствами. Прибалтика, Украина представляют собой самые сложные регионы постсоветского пространства с точки зрения тотального проявления русофобии и фальсификации общей исторической памяти. Особенно Украина, хотя в цивилизационном плане она ближе России, чем Прибалтика. Возможно поэтому, обострения конфликта на Донбассе ожидали гораздо раньше (за 8 лет затяжного конфликта это обычно происходило в предновогодние дни), однако события 2022 г. в Казахстане опередили все возможные прогнозы, стали своего рода фиксацией очередного витка русофобской атмосферы на постсоветском пространстве. Ситуация стала возможной по причине предательства интересов страны в сфере национальной безопасности и сложной внутренней социально-экономической обстановке, чем воспользовались внешние политические силы (США, Британия).

Политические события в Казахстане, военные учения «Союзная решимость» в Белоруссии, дипломатические переговоры с НАТО и другие политические процессы, запущенные в последнее время являются подготовкой для политической интеграции постсоветского пространства и реализации масштабного политического проекта. В Казахстане акцент был сделан на защите интересов народа от внешнего давления и защите стратегически важных объектов (Байконур и др.), имеющих значимость для всего постсоветского пространства, в целом, для мира, что объединило не только войска ОДКБ, но желание и волю народов, уставших от управленческого хаоса. Очевидно, что мы столкнулись в разные периоды политического времени не просто с внешним давлением на Казахстан,

Украину, Белоруссию, Грузию, Молдову и пр., а с реализацией чуждого нам политического проекта на территории постсоветского пространства, которое предстоит отстаивать в условиях современных политических угроз и на новой идейной основе.

Что произошло в Казахстане – организованный протест по методичкам Д. Шарпа, работа западных спецслужб, политические интриги – не так уж и важно для осознания масштаба поставленной цели. При чем *интерпретация событий, идеологическое и информационное обеспечение военно-политических процессов* иногда становятся важнее самой реальности, так как будут задавать содержание последующих политических процессов на постсоветском пространстве, которые должны завершиться политической интеграцией союзного государства. Проблема качественной мягкой пропаганды, нового информационного и идеологического обеспечения военно-политических процессов в условиях ментальной войны против российской цивилизации, масштабной работы с массовым сознанием, становится определяющей в достижении поставленной цели. Безусловно, для этого необходимо учитывать и реальные политические процессы, социокультурный запрос общества на перемены.

Осенью 2021 г. автором этой статьи была проведена работа с лидерами молодежного движения Луганского государственного педагогического института (ЛГПУ) по вопросу формирования патриотизма, проблем и перспектив региона. Отвечая на открытый вопрос *«Донбасс для меня это...»* доминировали следующие ответы: «Родина», «общая ценность», «дом», «сложная территория», «буферная зона», «университет», «место, где нам нужно быть», «великая культура и история» и другие. Позиция «отсюда нужно уезжать» - категорически неприемлема. Абсолютное большинство студентов выражали мнение о том, что в 2014 г. была пройдена «точка невозврата» и «за 7 лет Донбасс не сломался». Особое обсуждение вызвала следующая позиция – «7-й год идет конфликт», «хочется стабильности, развития», «мы не можем смотреть, как *враг* захватывает страну», **«нужна истинная социальная справедливость» «интеграция в состав России – это неизбежность»**. До 2014 г. «люди не догадывались, что возьмутся за оружие, защищая себя и будут умирать, доказывая свою правоту».

Дискуссии по вопросам «идентичности», «памяти», «патриотизма» в ЛГПУ дали необходимую рефлексию по проблеме понимания «русского человека», «украинского человека, «российского человека», так как в сложных аудиториях («дети войны») помимо русских присутствовали пророссийские украинцы, татары, считающие себя русскими и другие. Проектирование будущего Донбасса, обсуждение давнего хорошо известного сюжета *«Никогда мы не будем братьями...»* и российского ответа на него *«Ты запуталась, ты напугана, дай заслоню...никогда мы не будем братьями, потому что ты мне сестра...»* – подтвердили общую для всех нас мысль о необходимости разделения народного и политического измерения конфликта, необходимого для преодоления «негативной» идентичности украинцев [2].

Понятие «Русский мир» актуально примерно для 1/3 граждан Донбасса, тогда как понятие «российская цивилизация» практически не востребовано, так как

нет необходимого знания об истории нашей цивилизации. Донбасс всегда был промышленным регионом, поэтому *наиболее актуальна здесь неосоветская идентичность*, что необходимо учитывать. Например, в сквере пограничников стоит памятник Ф.Э. Дзержинскому и ни у кого не возникает мысли убрать его, как это было сделано в Москве на Лубянке.

Против российской цивилизации (Россия, Украина, Белоруссия) и постсоветского пространства длительное время идет ментальная война, которая находится на втором месте после ядерной по опасности. Это не столько захват территорий или экономик (данные процессы происходят позже), сколько захват картины мира, когда целые народы, цивилизации погружаются в искусственно созданную реальность, разрушается национальное самосознание и общая историческая память [3, с. 162–180]. Можно вести речь о гибридной войне как альтернативе ядерной.

Есть ряд вопросов, на которые в этой статье лишь частично будут даны ответы, однако важна их постановка. Почему необходимо было использовать иной политический и дипломатический язык при освещении происходящего на Украине? В чем особость этой войны, помимо того, что она идет на нашей исторической территории? Какое идеологическое обоснование происходящих событий является наиболее выигрышным? Чего действительно хотели граждане Донбасса? Как вести войну в ядерную эру и почему необходимо иное информационное освещение событий?

Инструментальное использование патриотизма в политике глобальными игроками лишило его интегративного потенциала и проявилось в деструктивных формах (неонацизм, радикальный национализм, бандера-нацизм). Манипулятивные технологии в отношении украинского народа привели к тому, что воюющие на стороне Украины готовы отдавать свои жизни (и отдают) за искусственно созданный политический образ родины, не имеющий никакого отношения к «братской» когда-то Украине.

Удачна известная метафора А. Щипкова о «похищении русской идентичности»/«советской идентичности» и реализации «трехходовки»: Украина не Россия; Украина – Антироссия; Украина – настоящая Русь (концепт «Киевская Русь» используется в украинском националистическом контексте). Эксперты знают, что после начала военной спецоперации, количество тех, кто поддерживает Россию, на украинской территории резко уменьшилось (до 10–15%). Во многом это связано с отсутствием своевременной качественной пропаганды, информационного обеспечения спецоперации на украинской территории, в целом, идеологического обоснования войны.

Главной целью военной спецоперации на Украине является именно денацификация. В чем сложность? Не только в разграничении народного и политического. На наш взгляд, проведение аналогий происходящих на Украине событий с событиями Великой Отечественной войны некорректно. Это совершенно иная ситуация, может быть, более сложная. Почему не стоило использовать понятие «фашизм» по отношению к происходящим событиям, независимо о внешнего

сходства с ним? Об этом писали ученые РАН, проводившие полевые исследования ещё в 2015 г. Они «шёпотом» говорили примерно следующее – если бы речь шла о фашизме, «мы должны были уже быть в Киеве». Понятие «фашизм» имело конкретное историческое проявление, а мы народ, победивший фашизм. Использование понятия «фашизм» вместо понятия «неонацизм» привело к отрицанию части великого общего прошлого. На украинской территории проживают родственники, друзья граждан Донбасса, России, граждан других государств постсоветского пространства, раскол по поводу происходящих событий будет проходить и уже проходит по всей территории постсоветского пространства. Корректнее было бы вести речь о неонацизме, радикальном национализме, бандеранацизме без этнического фактора, так как после любой войны наступает время выстраивания диалога между народами.

Борьба с неонацизмом – это недостаточная цель, необходимо было определить масштаб политического проекта, чтобы люди, участвующие в военно-политических действиях, смогли представить будущее, понять ради чего (а не только против кого) идет борьба. Какой образ политического будущего будет сконструирован после Победы? Здесь мы неизбежно возвращаемся к вопросам идеологии, системной политики памяти и забвения, молодежной, образовательной, культурной, национальной и информационной политики, политики национальной безопасности, так как противостояние идеологических смыслов происходит во всех сферах общественных отношений.

Сложность в том, что ценностный конфликт один из самых глубинных типов конфликтов, по ценностям не бывает уступок. За время создания «Северного потока» на Украине были воспитаны два поколения молодых людей, которые ненавидят Россию. Что делать с ними? Русофобия и антисоветизм киевского режима, тотальная украинизация создали другой народ. Управляемая гражданская война постепенно перешла в межцивилизационное противостояние. Очевидно, что целью развязанной Западом (США, Британией) войны была именно Россия и, в целом, постсоветское пространство. С 2014 г. было ясно, что Украину будут использовать как средство политического давления на Россию, на протяжении восьми лет на наших глазах разыгрывается трагедия и боль большого народа, братских народов.

Какова сверхзадача этого противостояния? Лучше всех её обозначил В.Н. Расторгуев: «...искусственные границы между государствами можно возвести и даже стены поставить... но никакая стена не поможет решить задачу окончательного внутреннего разделения единого русского народа – любые границы люди обойдут, если и великороссы, и малороссы будут помнить о своих общих корнях и общесемейных связях, если не отрекутся от своих предков. У каждого великоросса родня украинская, у каждого украинца родня из великороссов. Но даже близких родственников можно сделать врагами в случае, если будут гробы, много гробов... Гробы – это и есть подлинная цель конфликта. Когда изо дня в день методично и предельно жестоко убивают огромное количество людей, то мы перестаем прощать, у нас уже нет сил прощать. Именно это и есть сверхза-

дача: «культ непощения» [4]. Осмысление этого острого сюжета принципиально необходимо для выстраивания наиболее эффективной стратегии решения конфликта.

Борьба народа Донбасса за собственную политическую независимость кардинально изменила геополитическую ситуацию в мире, которая уже никогда не будет прежней. Более 14 тыс. чел. погибли, отстаивая право на культурно-историческую близость к России и право говорить на русском языке. Будущее Донбасса, безусловно, в составе России, а будущее обновленной Украины в составе Союзного государства.

Мир столкнулся с глобальной угрозой навязывания ценностей, в том числе военными способами. Преодоление негативного сценария во многом связано с новым идеологическим измерением развития современной российской государственности. России нужна идеология государственного патриотизма, с учётом того, что *патриотизм – это не только служение Родине, но и отстаивание исторически сложившегося уклада социальной справедливости.*

Новые геополитические условия особенно остро задают необходимость изменения вектора государственной политики России как правопреемницы Советского Союза. Для этого требуется принятие новой Концепции патриотического воспитания граждан России, новое идеологическое обеспечение государственной политики, реализация единого содержания молодежной политики (проект Пионерия), новой модели национальной политики, аксиологического содержания культурной и образовательной политики, системной политики памяти и забвения.

В этом смысле, русское, российское и советское культурно-историческое наследие (мемориальная культура, киноязык, советская песенная культура и т.д.), общая память, традиционные ценности до сих пор остаются ключевым символическим ресурсом в процессах выстраивания будущего формата Союзного государства. Новое содержание внутренней и внешней политики России позволит сохранить ее самобытность, национальный суверенитет и вернуться в пространство «большой» политики.

Список литературы

1. Ядова М.А. «Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»: постсоветская молодежь о распаде СССР // Контурь глобальных трансформаций. 2021. № 5. С. 231–246.
2. Беспалова Т.В. Опыт денацификации: случай современной Украины. URL: <https://regnum.ru/polit/3559564.html> (дата обращения: 24.04.2022).
3. Николайчук И.А. Роль СМИ в современных информационных войнах // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 4 (67).
4. Беспалова Т.В., Свиридкина Е.В. Культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма. М., 2019.

В.В. Узунов, В.А. Чигрин, Н.В. Чигрина
ТРАЕКТОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ
КРЫМА В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Статья характеризует актуальную проблему, суть которой заключается в наличии противоречия между пониманием общих задач развития Республики Крым и неполным учетом необходимых факторов их реализации, к которым принадлежат траектории развития региона, рассматриваемые в контексте его социокультурной интеграции в Российское общество. Авторами анализируются факторы такой интеграции (социокультурная консолидация на основе объединяющих ценностей российского общества и т.д.).

Ключевые слова: социальные траектории, социокультурная интеграция, социальная консолидация, историческая память.

V.V. Uzunov, V.A. Chigrin, N.V. Chigrina
TRAJECTORIES OF SOCIO-CULTURAL INTEGRATION
CRIMEA TO RUSSIAN SOCIETY

The article characterizes an urgent problem, the essence of which is the contradiction between the understanding of the general tasks of the development of the Republic of Crimea and the incomplete consideration of the necessary factors for their implementation, which include the trajectories of the region's development, considered in the context of its socio-cultural integration into Russian society. The authors analyze the factors of such integration (socio-cultural consolidation based on the unifying values of Russian society, etc.).

Key words: social trajectories, socio-cultural integration, social consolidation, historical memory.

Начиная с 1954 г., с момента вхождения Крыма в состав Украины, власти Украинской ССР настойчиво пытались административно-командным путем внедрить здесь украинские языковые и культурные стандарты. Однако их усилия не привели к существенной украинизации населения полуострова. Скорее, сами украинские переселенцы оказались в поле более сильного культурного влияния русскоязычного населения Крыма.

Об этом свидетельствуют результаты Всеукраинского референдума 1991 г. с вопросом: «Поддерживаете ли вы акт провозглашения независимости Украины». Из 1535154 избирателей, внесенных в списки голосования по автономии «за» проголосовали только 561498 чел. или 36,58%. Таким образом, почти две трети избирателей Крыма не одобрили или отказались голосовать за Акт провозглашения независимости Украины, что ставит под сомнение легитимность этого референдума в Крыму.

В результате политики, направленной на формирование противостояния основных этносов полуострова крымский социум при Украине превратился в общество с достаточно высоким потенциалом возможного этнополитического конфликта.

Его идеологической составляющей являлась идея о том, что государство есть атрибут и гарант сохранения этногрупповой целостности. Это означает, что все то, что составляет государство (территория, общественное устройство, институты власти), должно иметь этнонациональный характер и быть элементом

какой-то одной культурной системы. Именно эту идею положили в основу своей политической программы лидеры националистического движения татар Крыма. Во всех основных документах самопровозглашенных органов власти татар – «курултая» и «меджлиса»¹ утверждается имманентная приоритетность суверенитета в Крыму их этнической группы. Госдеп США и спецслужбы стран блока НАТО, всячески поддерживали данный политический тезис, выдвигаемый «меджлисом» и на различных уровнях внедряли его в политическую и юридическую практику.

В результате Украина фактически провоцировала Крым на этнополитический конфликт, который, к счастью, имел вялотекущий характер. Попытки обострить ситуацию накануне воссоединения Крыма с Россией, используя небольшую часть крымскотатарского этноса (изнутри) и украинских националистов (извне), провалились. Западные и украинские политики правого толка и обслуживающие их политтехнологи не учли ряда социальных траекторий, сориентированных на последовательную консолидацию с Россией, которые, по данным исследований, проведенных участниками нашего коллектива, стали формироваться еще в конце 90-х гг. XX в. и ускорились в начале XXI в.

Этими исследованиями доказано, что представители этносов, формирующих социум Крыма, представляют и воплощают в своих социальных практиках принципиально иную модель менталитета, которую можно определить формулой «Мы – крымчане». Здесь наш анализ свидетельствует об активном включении в этот процесс целого ряда факторов.

Так, при определении социальных траекторий развития Крыма особо следует учитывать сложносоставной характер этого субъекта Российской Федерации. Здесь, по данным этнографов, проживают представители более 125 разных народов (по другим данным, их более 160). Доминируют три этнические группы: русские, украинцы и крымские татары. По данным переписи 2014 года указавшие свою национальность распределились в следующих долях: русские – 65,2%, украинцы – 15,99%, крымские татары – 12,59%, татары – 2,32% (представители других народов составили менее 1% от населения РК). Таким образом, главной особенностью крымского социума является его полиэтническое многообразие, влияющее на характер и содержание социального восприятия различных аспектов развития Крыма.

При этом мы неоднократно подчеркивали, что этническая составляющая идентичности крымчан существенно уступает гражданской и региональной составляющим, что позволяет прогнозировать направления влияния социальных траекторий развития региона на формирование консолидирующего потенциала российского общества с учетом социокультурной специфики, российского многонационального народа, с одной стороны, с другой – социальной структуры российского общества.

Особое значение в формировании социальных траекторий развития Республики Крым имеет политика исторической памяти, ее значение в формировании

¹ Меджлис крымскотатарского народа – запрещённая в РФ экстремистская организация.

общенационального единства. В этом контексте векторность исследования соответствует разрабатываемым в экспертном сообществе проблемам воспроизводства общего и особенного в принятых траекториях развития, осуществляемых в условиях противоречиво развивающейся глобализации.

Ориентируясь на констатацию факта, что в современных условиях глобализм перестает играть ведущую роль, социология фиксирует, что патриотизм в формах традиционности и, одновременно, ревайвализма, влияет на «взрыв» иных, принципиально новых для Крыма и его населения идентичностей, о которых было сказано выше. На смену местечковости, социальной аномии, подозрительности, которые культивировались политикой Украины в отношении регионов, приходят новые, консолидирующие социум формы идентичности, однако для того, чтобы они окончательно укоренились в сознании крымчан, необходимо сделать многое. Вот только некоторые из шагов, с помощью которых следует формировать траектории социального развития региона.

1. Укрепление консолидации крымского социума по параметрам этнических и конфессиональных отношений, выравнивания уровней социально-экономического развития и др.

2. Учитывая особый статус полуострова, как территории «всероссийской здравницы», следует последовательно добиваться улучшения экологической ситуации в Крыму с учетом социального фактора – бережного отношения к природе населения Крыма и его гостей.

3. Важнейшим шагом последовательной консолидации крымского социума является политика снижения социальной напряженности в регионе на фоне противодействия внешним угрозам.

Особо отметим, что социальная напряженность характеризует степень угрозы стабильности развития общества со стороны протестного сегмента общества. Хотя наши исследования показали, что уровень социальной напряженности по Крыму с июня 2019 г. по март 2020 г. немного уменьшился, а протестное население составляло 9,1%, что дает основания для умеренного оптимизма. Но оценка респондентами удовлетворенности их социальными, экономическими, политическими, национальными, культурными и конфессиональными потребностями, интересами и правами показала, что эта удовлетворенность далеко не всегда носит однозначно положительный характер. Главное здесь – взаимосвязь субъектов региональной политической власти с гражданами, как один из факторов, обеспечивающих стабильность в жизнедеятельности любого социума.

4. Сохранение и укрепление системы традиционных ценностей с учетом культурных особенностей народов Крыма, введение данной проблематики в воспитательную работу с младшими возрастными и этническими группами молодежи.

5. Коррекция исторической памяти крымскотатарской и украинской молодежи, которая, как показывают исследования, была частично искажена в украинский период. Да и сегодня в системе образования на полуострове, несмотря на предпринимаемые меры, имеются недоработки, которые часто вызваны проти-

воречиями в научных трактовках ученых Крыма и Москвы. Сюда же можно отнести необходимость выработки общей концепции сохранения общекрымской исторической памяти и ее реализацию в инновационных политических практиках органов власти региона.

6. Необходимость постоянного подчеркивания в информационном поле Крыма морального лидерства России в региональной политике и международных отношениях как хранителя традиционных общечеловеческих ценностей, страны-защитника (особенно в контексте последних событий на Украине и в Донбассе).

7. Поддержка религиозных организаций традиционных конфессий, занимающих конструктивные позиции в крымском социуме и, одновременно, бескомпромиссная борьба с псевдорелигиозными сектами и организациями, большинство которых контролируется из-за рубежа с целью дестабилизации религиозной ситуации на полуострове.

8. Сохранение и укрепление семейных ценностей, в том числе, защита института брака, как союза мужчины и женщины. Исследования, проведенные нами в 2020–2021 гг. среди крымской молодежи, к сожалению, показали, что у части молодежи эти ценности девальвируются, что псевдоценности гендерного плана испытывают тлетворное влияние Запада. Поэтому данный аспект воспитания населения Крыма, прежде всего, подростков и молодежи приобретает все большее значение.

9. Защита русского языка от проникновения в повседневный лексикон граждан Крыма английских аналогов, последовательная борьба с нецензурной лексикой и подростковым сленгом, которые, как показывают наши исследования, распространены среди половины учащейся молодежи на всех территориях Крыма. При этом нужно учитывать, что в Крыму на законодательном уровне в качестве государственных утверждены русский, украинский и крымскотатарский языки. Но более 80% (по результатам нашего исследования 2022 г. (N=2520) молодежи Крыма предпочитают общаться и вести делопроизводство на русском языке.

10. Защита подростков и молодежи Крыма от внешнего негативного информационно-психологического воздействия. Упомянутое нами исследование, к сожалению, показало, что 5,6% молодых респондентов часто заходят на подобные сайты, «не видя в них ничего плохого», а ещё 12,3% знакомы с подобными ресурсами «вскользь».

11. Тесно связано с предыдущей темой тема противодействия распространению деструктивной идеологии, направленной на подростков и молодежь. «Уход» из образовательных планов учебных заведений ряда гуманитарных дисциплин, таких как социология и политология, привели к тому, что рухнули барьеры на пути подобной идеологии.

Подтверждает наше утверждение следующая таблица:

Сталкивался ли ты в Интернете с проявлениями национальной, религиозной или национальной нетерпимости?

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
сталкивался, но особого интереса к ним не проявлял	40,1
не сталкивался, а даже если бы столкнулся, не отреагировал	32,1
не хотел бы отвечать на этот вопрос, это дело каждого	22,6
а что, они ведь высказывают свои точки зрения, с которыми трудно спорить	4,0
сталкивался, особенно на <i>(указаны источники, но статистически процент недостоверен)</i>	1,2

Итак, мы можем с полной уверенностью говорить о том, что 40% наших молодых людей случайно или неслучайно сталкиваются с подобными материалами, и, учитывая агрессивность последних, могут поддержать их 26,6% участников исследования, которые либо подчеркивают приватность своих пристрастий к таким источникам, либо отмечают «справедливость» высказываемых там точек зрения.

12. И, наконец, постоянный мониторинг настроений населения Крыма, осуществляемый на плановой основе.

В завершение следует отметить, что значимость результатов реализации траекторий социокультурной интеграции Крыма в общероссийский социум измеряется как концептуальными, так и прикладными параметрами.

Речь идет о том, чтобы сформировать на основе анализа социальных траекторий региона и особенностей их консолидирующего потенциала концепт совокупности механизмов общественного развития регионов и страны в целом, отражающего векторность изменений в сознании различных социальных, территориальных и этнических групп российского общества.

В результате можно выявлять факторы и условия формирования «сильной» модели социальных траекторий развития, включающей дискурсивные практики для преодоления разобщенности, региональной ограниченности на основе консенсуса относительно базовых ценностей и категорий, характерных для общества в целом по принципу: «Наша сила – в единстве, а наше единство в многообразии».

О.А. Дибас

**КРЫМ КАК «ПЕРЕКРЕСТНОЕ ПОЛЕ»
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИЯ – УКРАИНА–НАТО
В 2014-2022 ГГ.**

Представлен анализ значения Крыма и Северного Причерноморья в геополитических конструкциях России, Украины и НАТО после событий Майдана в Украине и вхождения Крыма в состав Российской Федерации.

Ключевые слова: Крым, НАТО, Россия, Украина, перекрестное поле.

O.A. Dibas

CRIMEA AS A “CROSS-FIELD” IN RUSSIA–UKRAINE–NATO RELATIONS IN 2014–2022

The analysis of the significance of the Crimea and the Northern Black Sea region in the geopolitical structures of Russia, Ukraine and NATO after the Maidan events in Ukraine and the entry of Crimea into the Russian Federation is presented.

Key-words: Crimea, NATO, Russia, Ukraine, cross field.

Становлению Российской Федерации в современных географических границах предшествовал достаточно длительный процесс, основоположником которого можно считать либо Ивана IV с Ливонской войной, либо Петра I и установления выхода России к Балтийскому морю. Однако для закрепления статуса великой державы необходимым условием было установления контроля и над Южными морями. Продолжая дело Петра I, его наследница Екатерина II завершила процесс, начатый ее великими предшественниками, и сумела ввести Черное море в сферу геополитического влияния Российской империи. Стоит отметить, что еще в екатерининские времена сформировалось понимание того, что Черное море является важным геополитическим пространством, транспортным узлом, соединяющим евразийское пространство со средиземноморьем и мировым океаном, и предоставляет возможности как для наращивания торгово-экономических и культурных контактов, так и для возможности силовой защиты своих рубежей.

Анализируя место Крыма в современных геополитических планах великих держав необходимо учитывать, что именно в Крыму пересекаются истории двух мировых империй – Османской и Российской, сосуществуют две мировые религии – христианство и ислам, проживают разные этносы, связанные общим историческим опытом – как положительным, так и травматическим. Крым хранит память и о своем статусе пограничного форпоста в ядерном противостоянии двух мировых полюсов силы – Запада и СССР, НАТО и Варшавского договора, непосредственно соседствовавших в Черном море [1].

После распада Советского союза Российская Федерация прикладывала максимум усилий для сохранения своего присутствия в Крыму, так как данная территория являлась форпостом России не столько на Черном море (Юге), а форпост лидерства и сохранения статуса великой державы.

События Майдана в Украине ставили под угрозу сохранение возможности российского присутствия в Крыму и городе Севастополе, и как следствие делали невозможным сохранение мощи Черноморского военно-морского флота как фактора поддержания стабильности в регионе.

В украинском научном и политическом дискурсе проблемы Черного моря и Крыма впервые были обозначены на рубеже XIX – XX вв. В то время стало формироваться мнение о вхождении Крыма в зону украинского влияния еще в период Киевской Руси. Основной «осью» геополитики князей Киевской Руси было направление «Север–Юг», которое один из наиболее авторитетных ученых-ис-

ториков и политических деятелей периода так называемого строительства украинского государства 1917–1919 гг. – Михаил Грушевский называл «черноморской ориентацией». По мнению историка, главы Центральной Рады киевские князья пытались построить государство «от моря до моря», стараясь объединить греко-византийский и западный мир и стать его весомой составляющей [2].

Начиная с 17 марта 1991 г., когда было принято судьбоносное решение о проведении референдума по вопросу о сохранении Союза ССР как федерации равноправных республик, стало понятно, что единого мнения о будущем УССР у представителей разных регионов нет. Как отмечаю украинские ученые даже на современном этапе после провозглашения независимости Крымский регион вместе с Севастополем были самым слабым звеном в территориально-политической системе Украины как учитывая их географическое положение, историко-географические предпосылки, так и тот факт, что в этом регионе присутствовала довольно широкая антиукраинская среда.

Причинами подобной ситуации по мнению украинских ученых явилось то, что Крым вошел в состав Украины значительно позже остальных регионов (в 1954 г.); особые этнодемографические реалии (Крым – единственный в Украине регион, где этнические украинцы по переписи 2001 г. составляли меньшинство (24,3%), а большинством были этнические русские (58,3%).

Также одной из определяющих предпосылок сохранение пророссийских настроений было базирование русского Черноморского флота. Все вышеперечисленные факторы способствовали широкому распространению советской идентичности, соединенной с русским патриотизмом [3, с. 91–93].

Достаточно интересной является оценка геополитического влияния Крыма и Черного моря, сделанная Украинским центром А. Разумкова, согласно которой установление контроля США и НАТО над Крымом и Черноморским регионом в целом должно привести: к снижению уровня опасности и обеспечить стабильность вдоль юго-восточных границ (ЕС, НАТО); усилению контроля над черноморским энергетическим транспортным коридором с целью диверсификации поставок энергоносителей из Каспия и Центральной Азии на европейские и мировые рынки (США, ЕС, НАТО); защите и продвижению интересов национальных и транснациональных компаний на региональных рынках (США, ЕС); созданию надежного коридора для транспортировки через регион войск и грузов в интересах обеспечения мер военно-политического и военного характера в Азии и регионе Большого Ближнего Востока (США, НАТО); использованию региона в качестве плацдарма для распространения влияния на соседние регионы Ближнего Востока и Центральной Азии и укреплению позиций мирового лидерства в целом (США, НАТО) [2].

Таким образом, достаточно обзорный анализ места и роли Крыма во взаимоотношениях России, Украины и НАТО дает возможность утверждать, что данные территории входят в сферу интересов каждой из обозначенных сторон. При этом украинская сторона старается обозначить свое право на территории, отталкиваясь от периода частичного использования данных территорий во время осуществления военных походов периода Киевской Руси и Запорожской Сечи, при

условии, что постоянного контроля над территориями не было, а лишь кратковременное использование, обусловленное соображениями логистики. НАТО и их союзники необходимость контроля над Крымом обосновывают необходимостью установления контроля над акваторией Черного моря и защиты экономических интересов региональных и транснациональных корпораций и их бизнес-интересов (преимущественно энергетических).

Для Российской Федерации Крым является форпостом «Русского мира», символом российского величия и демонстрацией великого подвига российского народа, территорией за которую не единожды проливалась кровь русских солдат: принимавшего участие в военных походах периода XVIII – XIX вв., героический защищавших Крымский полуостров в период Великой Отечественной войны, а также символом «Русской – Крымской весны», как нового этапа в российской истории.

Список литературы

1. Крим, Україна, Чорноморський регіон: безпека і розвиток (Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. Київ, 2011. № 4–5. С. 2–21. URL: https://razumkov.org.ua/uploads/journal/ukr/NSD122-123_2011_ukr.pdf (дата обращения: 10.03.2022).
2. Крим і Причорномор'я в українській геополітиці. URL: <https://ua.krymr.com/a/28304129.html> (дата обращения: 21.02.2022).
3. Дністрянський М.С. Загострення геополітичних взаємин у період постмодерну та становище України. Львів, 2021.

С.Г. Емец

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «СУДАКСКАЯ КРЕПОСТЬ»)

В статье охарактеризованы основные направления деятельности музея-заповедника «Судакская крепость», направленные на сохранение исторической памяти и воспитание патриотизма: фондовое, научно-исследовательское, методическое, экспозиционно-выставочное, экскурсионное, культурно-массовое и культурно-образовательное. Описаны ключевые проекты, реализованные музеем-заповедником в 2018–2022 гг.

Ключевые слова: историческая память; патриотизм; музей-заповедник «Судакская крепость»; исторический музей; место памяти; Великая Отечественная война; конференция, патриотическая акция, тематическая экспедиция, выставка, тематические мероприятия.

S.G. Yemets

PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY AND EDUCATION OF PATRIOTISM (FROM THE EXPERIENCE OF THE MUSEUM-RESERVE “SUDAK FORTRESS”)

The article describes the main activities of the Museum-Reserve “Sudak Fortress” aimed at preserving historical memory and fostering patriotism: fund, scientific and research, methodological, exposition and exhibition, excursion, cultural, mass and cultural-educational lines of work. Key projects implemented by the museum-reserve in 2018–2022 are described.

Key-words: historical memory; patriotism; Museum-Reserve “Sudak Fortress”; history museum; site of commemoration; the Great Patriotic War; conference; patriotic campaign; thematic expedition; exhibition; thematic events.

Проблемы историко-патриотического воспитания, фальсификации исторической правды имеют актуальнейшее значение, особенно в наше время. В связи с этим возрастает ответственность музеев за сохранение исторической памяти и воспитание патриотизма.

Как «место памяти», согласно концепции французского историка П. Нора, музей способен образовать символическое пространство прошлого, стать источником формирования взглядов, воссоздавать исторические реалии, вовлекать человека в мир ожившей истории, вызывать высокие чувства сопричастности значимым событиям минувшего времени, обеспечивать связь поколений.

Формирование исторической памяти – это многовекторный процесс, ведущий к утверждению патриотизма как качества личности. В этом сложном процессе воспитания принимают участие различные социальные институты, и роль музея здесь значительно велика.

В данной статье мы обратимся к опыту работы музея-заповедника «Судакская крепость», являющегося традиционным средством сохранения, отражения и формирования исторической памяти, а также центром патриотического воспитания.

Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Музей-заповедник «Судакская крепость» создано в августе 2014 г. В настоящее время в его структуру входят «Комплекс сооружений «Судакская крепость», являющийся памятником средневековой истории и архитектуры, а также исторический музей (бывший особняк Функа), постоянные экспозиции и временные выставки которого охватывают и представляют историю и культуру Судакского региона от первобытного времени до наших дней.

К основным видам деятельности музея-заповедника, ориентированным на сохранение исторической памяти, относятся: фондовое, научно-исследовательское, экспозиционно-выставочное, экскурсионно-методическое, культурно-массовое и культурно-образовательное направления.

В последние годы фондовый отдел целенаправленно работает с общественными организациями и местными жителями над пополнением коллекции музея-заповедника. Так, в 2021 г. сын почетного гражданина Судака, участника Великой Отечественной войны А.Я. Гришанина передал в фонды музея архив своего отца, включающий документы, фотографии, ордена, медали, раритетные материалы. Супруга участника Великой Отечественной войны В.И. Молчанова подарила семейные реликвии. От поискового отряда «Южный рубеж» поступают предметы времен Великой Отечественной войны, обнаруженные на местах боев в окрестностях Судака.

В музее-заповеднике активно развиваются традиционные направления деятельности — экспозиционно-выставочное и экскурсионно-методическое. Ежегодно проводится системная работа по экспонированию временных выставок

(2018 г. – 5; 2019 г. – 10; 2020 г. – 15; 2021 г. – 27; 2022 г. – запланировано 34), посвященных истории и знаменательным датам России, Крыма, Судака.

Проблеме сохранения памяти о событиях и героях Великой Отечественной войны уделяется особое внимание. В историческом музее этому периоду посвящен отдельный раздел постоянной экспозиции.

В январе 2021 г. была проведена реэкспозиция и открыта выставка «Десанту-слава!», приуроченная к 80-летию Судакского десанта (январь 1942 г.). Участниками торжественного открытия стали представители городской администрации, общественных и образовательных организаций, участники Всероссийского военно-патриотического общественного движения «Юнармия», жители города. Потомки десантников Н.Ш. Кинзягулова, Г.С. Кригер, Г. Амбарцумян, С.П. Пугачёв рассказали о своих близких, поблагодарили коллектив музея-заповедника за новую выставку. Главная концептуальная особенность экспозиции – личностно-ориентированный подход, когда через отдельные судьбы людей осознается масштаб героического события. Выставка охватывает временной период, начиная с довоенной поры: оккупацию, партизанское движение, десантную операцию, освобождении Судака в апреле 1944 г. Выставочное повествование включило также трагический эпизод о жертвах холокоста в Судаке, когда во время карательной операции фашистов после разгрома десанта 13 февраля 1942 г. на берегу моря были расстреляны 25 мирных граждан-евреев.

Живыми свидетелями тех страшных трагических дней выступили музейные экспонаты: фрагменты стрелкового вооружения, винтовочные штыки, боевые ножи, гранаты, патроны, взрыватели артиллерийских снарядов, военные каски, командирские полевые сумки-планшеты, солдатские фляга и котелок, советские монеты 1933–1939 гг., звёздочки, пуговицы, предметы быта партизан и красноармейцев. Многие фотографии, экспонаты, копии документов представлены впервые. Это результат многолетней научно-исследовательской работы. Существенным дополнением к имеющимся музейным предметам стали экспонаты из Комнат Боевой славы Дачновской и Грушевской средних общеобразовательных школ. Органично вписывается в экспозицию трансляция специально подготовленного документального фильма «Судакский десант: хронология подвига». Кульминацией выставочной композиции служит «Стена памяти» с фотографиями вырванных из неизвестности участников Судакского десанта. Под каждым изображением – краткий комментарий. Это жизнь отдельного человека, заставляющая задуматься ныне живущих. Завершается экспозиция сведениями о судакчанах – Героях Советского Союза и Почетных гражданах города – участниках Великой Отечественной войны.

Ко Дню защитника Отечества в 2021 г. открылась выставка «Ордена и медали Великой Отечественной войны», в 2022 г. – «Оружие Победы».

Большой резонанс среди местного населения вызвала выставка «Это наша с тобою судьба, это наша с тобой биография», посвященная 100-летию ВЛКСМ (29 октября 2018 г.). В экспозиции было размещено более 230 предметов из фондов музея-заповедника и личных собраний судакчан: комсомольские билеты,

учетные карточки, грамоты, значки, мандаты, свидетельства, кубки, фотоальбомы и многое др. На 14 стендах нашла отражение история комсомола, основанная на местном материале.

Ко Дню памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества, в 2019 г. открылась выставка «У каждого солдата свой рейхстаг», приуроченная к 30-й годовщине вывода советских войск из Афганистана, в 2022 г. – «Дембельский альбом».

Первому юбилею Общекрымского референдума и Воссоединения Крыма с Россией в 2020 г. была посвящена выставка «Крымская весна». Информативные стенды: «Точка невозврата», «Общекрымский референдум», «Референдум в Судак», «Судакское ополчение», «Как закалялся Крым», «Достижения Крыма», «Судак: 2014–2019» – отражают поэтапное развитие событий Крымской весны, начиная с ноября 2013 – февраля 2014 г. в Киеве и до успешных достижений Крыма и Судака в первую пятилетку. Особое внимание уделено участникам народного ополчения, в рядах которого находились судакчане.

Отдельное место занимают выставки, посвященные истории предприятий. В 2021 г. состоялись временные выставки «История совхоза-завода «Судак» к 100-летию филиала «Судак» АО «ПАО «Массандра» и «Магия ароматов» к 90-летию со времени основания совхоза-завода «Долина роз».

Научно-исследовательское направление осуществляется в форме конференции, чтений и форума, поисковой работы.

Музеем-заповедником проводится большая работа по установлению контактов с потомками десантников, партизан и освободителей Крыма. Так, почетными гостями исторического музея в разное время стали потомки танкистов – освободителей Судака: Е.А. Савельева – внучка Героя Советского Союза В.Л. Савельева, И.А. Колкунова – внучка А.П. Князева; Г.Ю. Захаренко – племянница М.И. Сергеева; В.В. Грушин – внук Н.М. Грушина; потомки участников Судакского десанта: С.П. Пугачев – внук В. Старокожева, Н.Ш. Кинзягулова и Г.С. Кригер – дочь и внучка Ш.Г. Кинзягулова; Г. Амбарцумян – правнук С. Калтахчяна; Т.А. Короленко – внучка Д.С. Шустова.

Всероссийский историко-археологический форум «Русь–Европа–Причерноморье–Византия» (2019, 2021 г.) проходит при участии Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым, ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». В работе форума приняли участие археологи, историки, геологи. В рамках Первого форума были проведены археологические изыскания у средневекового храма в балке Килеса-Кая.

Всероссийская научно-практическая конференция «Весна Освобождения» (2019–2022 гг.) проходит при содействии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» и объединяет ученых, историков, краеведов, поисковиков, независимых исследователей, музейных работников, учителей, обучающихся, аспирантов и студентов высших учебных заведений. С 2020 г. на конференции работает школьная секция с целью привлечения обучающихся к исследовательской деятельности. Основные направления работы конференции: формирование исторической достоверности

и объективности в изложении проблемных вопросов военной истории Отечества; охрана памятников и памятных мест, посвящённых Великой Отечественной войне; совершенствование военно-патриотического воспитания молодёжи; создание музейных экспозиций, посвящённых Великой Отечественной войне; освещение событий Великой Отечественной войны в литературе и искусстве; формирование эффективной информационной среды для борьбы с попытками фальсификации исторической правды; воспитание патриотизма на примерах героизма защитников Отечества. В рамках культурной программы в 2020 г. состоялся творческий вечер «Не ради славы и наград» поэта, музыканта, заслуженного артиста Республики Крым, члена Союза писателей России Константина Фролова; в 2022 г. – спектакль «О тех, кто душу положил за нас...» ГАУК РК «Крымский академический русский драматический театр им. М. Горького».

Международная научно-практическая конференция «Сурожские чтения» (2018 г., 2020 г.) призвана поднимать исторические, культурологические, искусствоведческие, краеведческие темы, освещать малоизученные вопросы, связанные с историей Крыма и Судака. Участие потомков известных людей, чьи имена связаны с Судакком, делает чтения особенно привлекательными. В 2018 г. состоялось торжественное открытие мемориальной таблички на месте захоронения праха писателя, краеведа, топонимиста И.Н. Лезиной. В 2020 г. было представлено издание музея-заповедника – книга «Мария из рода Капнист» об известной актрисе, чья жизнь связана с Судакком.

В работе Международных Крымских Герцыковских чтений «Серебряный век в Крыму: взгляд из XXI столетия» (2019 г., 2021 г.) приняли участие ученые, филологи, историки, философы, литературоведы, музейные работники, краеведы, исследователи из России, Украины, Казахстана, Армении, Эстонии, Турции, Испании, Италии, Великобритании. Чтения проводятся по инициативе и при участии Т.Н. Жуковской – внучки поэта Серебряного века Аделаиды Герцык.

Результатом работы каждой конференции служит издание сборника материалов.

Культурно-массовое и культурно-образовательное направления реализуются в разных формах: общественная инициатива, экспедиция, патриотическая акция, флешмоб, фестиваль, тематическая лекция, вечер-портрет, арт-досье, хронограф, концерт, музейный урок и др. Главное условие каждого мероприятия – историческая достоверность, предельная искренность, стремление к пробуждению лучших качеств человека.

По инициативе и ходатайству музея-заповедника «Судакская крепость» в 2021 г. микрорайон в пос. Уютное назван именем политрука И.Е. Гусева, героически погибшего во время разведывательной операции в Новом Свете в январе 1942 г.

Музей-заповедник взял шефство над братской могилой участников Судакского десанта, что находится на городском кладбище. В 2020 г. было проведено кардинальное благоустройство захоронения.

Ежегодно в январе музей-заповедник объявляет Вахту Памяти Судакского десанта. По сложившейся с 2019 г. традиции сотрудники музея-заповедника вместе со школьниками и жителями города опускают в воды Черного моря живые цветы в память об участниках Судакского десанта. В апреле осуществляется ряд мероприятий, приуроченных ко дню освобождения Крыма и Судака от немецко-фашистских захватчиков.

В 2019 г. более 300 человек приняли участие в патриотической акции «Поём песню Победы вместе!» в честь 75-летия освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков и Дня Победы.

Широкий отклик у посетителей музея-заповедника находят патриотические акции и флешмобы ко Дню России, Дню Государственного флага Российской Федерации, ко Дню солидарности в борьбе с терроризмом и др.

Деятельность существующих при музее-заповеднике общественных формирований: клуб «Друзья музея», киноклуб «Кино#Общение#Эмоции», общество краеведов и любителей истории – нацелена на формирование чувства преданности и любви к своему Отечеству; гордости за свою страну, её прошлое и настоящее; на воспитание гражданственности и ответственности перед обществом.

Приведённый опыт работы музея-заповедника «Судакская крепость» позволяет убедиться в самых широких возможностях музейных учреждений по сохранению исторической памяти и воспитанию патриотизма.

V. Rašković Talović, M. Stojadinović

**SERBIA BETWEEN THE IMPOSITION OF SANCTIONS ON RUSSIA AND
THE THREAT TO BECOME A TARGET OF SANCTIONS**

The Republic of Serbia has once again faced serious challenges in the process of international integration. In its efforts to maintain its neutrality and balance between the European and Eurasian paths, with a strong desire to maintain its traditional friendships, our country is facing the threat of having to “comply” with Western sanctions against Russia or will become the target of them. Having in mind the experience of our country with international sanctions, this paper will primarily analyze the situation in which Serbia found itself in the 90s, with a simultaneous review of the situation in which we find ourselves today.

Key-words: international sanctions, Europe, Russia, USA, Serbia.

В. Рашкович-Талович, М. Стоядинович

**СЕРБИЯ МЕЖДУ ВВЕДЕНИЕМ САНКЦИЙ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ И УГРОЗОЙ
СТАТЬ МИШЕНЬЮ САНКЦИЙ**

Республика Сербия в очередной раз столкнулась с серьезными вызовами в процессе международной интеграции. В стремлении сохранить свой нейтралитет и баланс между европейским и евразийским путями, при сильном желании сохранить свои традиционные дружеские отношения, наша страна сталкивается с угрозой того, что придется соблюдать западные санкции против России или стать их мишенью. Имея в виду опыт нашей страны с международными санкциями, в этой статье прежде всего будет проанализирована ситуация, в которой Сербия оказалась в 1990-х гг., с одновременным обзором ситуации, в которой мы находимся сегодня.

Ключевые слова: международные санкции, Европа, Россия, США, Сербия.

Endless queues in front of empty shelves, poverty, a salary of several billion with which one day it is possible to buy bread, milk and something else, and tomorrow it was not possible to buy matches, lack of fuel, oil, flour, grey economy as the only way to survive, the collapse of large companies, general fear and insecurity, these are just some of the pictures that describe the situation in the FRY in the 1990s, which arose as a result of unfairly imposed sanctions. International sanctions have always been an interesting field of research characterised by numerous conflicting views and attitudes. What can be said with certainty is that they have been applied too often as an instrument of foreign policy without any significant attempt to understand the possible consequences for the country where they are applied, but also for the wider international community. Especially since in practice they very rarely bring results as a means of coercion. Studying the issue of sanctions in the 1990s, Jovan Babić pointed out the key problem related to them, and that is ethical justification. They are presented as a moral and the only possible choice by the international community. This is especially interesting from the aspect that the alleged guilt of the Serbs was never proven later. On that occasion, Babić points out that “the ethical analysis of sanctions shows that in many ways it is a bad situation that can hardly be morally justified” [1].

Generally, sanctions can be defined as a measure taken by one or more international actors against one or more international actors in order to punish or compel them economically. They can be diplomatic, communication or economic. They can also differ in whether they are unilateral, multilateral or universal, then they can be general and selective (i.e. whether all or only individual measures are applied). At the same time, sanctions can be targeted at the nation as a whole or at certain individuals or groups. Sanctions can also harm countries that impose them, as they prevent cooperation on imports and exports with countries that are subject to sanctions, thus preventing the benefits that they would have as a result of mutual cooperation. They are the result of certain restrictive measures. When it comes to the application of sanctions in international relations, it should be emphasized that they differ greatly from sanctions at the national level, especially bearing in mind that this is the level of relations where states act against each other. In that action, there is a tendency for sanctions as an act to force states to do something that we want. The application of sanctions in international relations is becoming one of the most complex challenges in international relations.

Sanctions imposed by the international community in May 1992 led to a huge deterioration of the situation in our country, leading to one of the largest recorded hyperinflation of 120 billion a year. The economy of the FRY was completely destroyed, business turned into “black market”, corruption and simultaneously various forms of crime increased. As Mladen Lazić, a well-known Serbian sociologist, pointed out, the FRY found itself pushed into illegal international market transactions based on the services of private companies that operated outside the legal framework [7, p. 19]. The temporary lifting of sanctions against the FRY in November 1995 and their final lifting by the Security Council in early October 1996 only continued to pile up the problems. Regulations passed by the international community in order to lead our country to total isolation, which arose as a result of Resolution 757 of May 1992, were not automatically repealed, but continued to make it difficult to return the FRY from the so-called

“international exile”. The sanctions themselves have been met with differing views in the international community. While some see sanctions as a way to establish peace, with an emphasis on the situation in Bosnia and Herzegovina, others point out that they have only multiplied further problems. A similar policy continued in 1998 with the introduction of new sanctions by the United States and the European Union, which later resulted in the 1999 with NATO aggression. Alain Badiou asked about what kind of people worked in NATO in his famous work *Polemics* [2] giving at the same time very interesting answers. At the very beginning of this work is a text entitled “On the war against Serbia: who attacked when in today's world” by examining the names used to represent the situation in the former Yugoslavia. Badiou points out that they mainly focused on the trilogy of concepts of crime, victim and humanitarian interventions. This trilogy led to the expected result, which was hailed as the arrival of great liberators from the humanitarian West. “These names are used to convince people, who do not have even the most distant interest in these regions, that the process of decomposition of the Federal Republic of Yugoslavia has created this moral trilogy». In the sense of this nominal structure, everyone must understand the situation, and at the same time call for intervention. At the end, we have a new imperial practice that tolerates and even encourages the destruction of certain states. Therefore, an attack on the FRY was expected. This aggression ended after 78 days on June 10, 1999, with the conclusion of a military-technical agreement and the withdrawal of the Yugoslav military-security force from Kosovo and Metohija.

As the conflict in Ukraine heats up, with more and more powerful international actors seemingly ready to go as far as necessary to achieve the goals set in advance, a quiet economic and political war is starting again in the Balkans, with our country in its center. The West has already shown in the Ukrainian conflict that it will not give up on anything, even if it would mean the economic collapse of European countries, with the constant arming of Ukrainians, although there is polarisation of opinion about what EU should do among EU countries. The United States has made it clear that everyone in this conflict must choose their side, and the measures taken have affected all spheres of society. It should be reminded that Russian media are excluded from all world networks, Russian athletes are suspended in various ways, without the right to carry their flag at official competitions for a long time, the list of economic sanctions against Russia is getting longer and political rhetoric is getting harder. However, it seems that Europe is the biggest loser in this economic war, especially if we add the issue of energy on which it largely depends. In one of his addresses to media, Putin summed up the huge level of inflation spreading in Europe, market instability, as well as many other difficulties. He also mentioned that Russia, in addition to all the resources at its disposal, has another silent weapon, perhaps the most powerful of all, and that is food. The fear of food shortages is growing, as can be seen in the constant repetition of Western officials, as well as representatives of international organizations who have almost unanimously stated that there is no need to worry because the market will be constantly supplied with all necessary food. In his idealistic definition of Europe, Paul Scheffer states that “the European civilization ideal is at the heart of the tradition of liberation” and that “Europe sees itself as an end in itself: a large area with open borders, where

peoples, associations and individuals live in security and freedom and where common standards of justice, prosperity and cultural development have been achieved” [7, p. 42]. The huge geopolitical waves due to the conflict between East and West (especially the events in Syria and Ukraine), but also the pandemics, have largely shown how far this determination is from its reality. Europe has once again shown its disunity, forced to make decisions that are contrary to its national interests, which has led to a huge delay in harmonizing the common foreign policy of all EU member states. Relations between Russia and the United States have renewed the demand for the formation of antagonistic blocs and the creation of an artificial division into East and West.

In such a global chaos, the Republic of Serbia found itself in an unenviable position. Completely surrounded by NATO countries, it is difficult to pursue a policy that would also be the most optimal for Serbian national interests. The policy of neutrality and maintaining good relations with both the East and the West has been put to the test for who knows how many times. As TANJUG reports, EU spokesman Peter Stano said that “Brussels expects Serbia to comply with EU sanctions against Russia or to introduce similar national measures due to Russia's aggression against Ukraine, and added that the EU will make important decisions for Serbia based on Belgrade's commitment to values and principles of the Union” [6]. Serbia's consent to suspend Russia from the UN Human Rights Council was one of the forced moves of our foreign policy, which was made under enormous pressure. It should be reminded that President Aleksandar Vučić stated that this voting was held at the same time as it was being decided whether our country could continue importing oil and gas. Let us remind ourselves that our country is completely dependent on the import of Russian gas” [3].

The special envoy of the German Special Representative for the Countries of the Western Balkan, Manuel Sarrazin, unequivocally emphasized that Germany expects Serbia, as a candidate for membership in the European Union, to join the economic sanctions against Russia. Let us remind ourselves that the same envoy is directly committed to improving the position of the so-called “Kosovo” in international organizations, which would eventually result in admission [4]. This directly states the extent to which further European path will mean the conditioning of Serbian foreign policy. Of course, no one in the West expects that Serbian sanctions will lead to some more serious consequences for Russia's position, but it is primarily a symbolic act of joining to western unanimity that forbids any kind of difference in opinion. It should be reminded that the comprehensive economic war that has been waged has harmed Europe more than Russia, which has turned to internal economic development and alternative markets. On the other hand, by imposing sanctions on Russia, Serbia would put itself in an extremely awkward position because it would lose one strategically and historically important friend who has always supported Serbian national interests in international organizations in the most difficult times.

Certainly, the only path on which the Republic of Serbia must persevere is the path of neutrality. Bearing in mind the recent presidential and parliamentary elections in Serbia (and in some places local elections), the most important issue at the moment for our country is the formation of a stable government that will be able to persevere on this path.

Literature

1. Babić J. Sankcije UN – jedna etička analiza // Sociološki pregled. 1997. No 31. P. 297–304.
2. Badiou A. Polemics. London; New York, 2006.
3. Vučić: Srbija pod pritiskom glasala za isključenje Rusije iz UN saveta, 17. april, 2022. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/rusija-srbija-vucic-un/31791738.html>
4. Ko je pozvao Srbiju da uvede sankcije Rusij. 15. april, 2022. URL: <https://www.danas.rs/vesti/politika/ko-je-pozvao-srbiju-da-uvede-sankcije-rusiji/>
5. Lazić M. Transformation of the Economic Elite // M. Lazić (ur.). Society in Crisis. Yugoslavia in the Early '90s. Beograd, 1995.
6. Stano: Očekujem da se Srbija uskladi sa sankcijama EU Rusiji, 08. april, 2022. URL: <https://rs.n1info.com/vesti/peter-stano-ocekujem-da-se-srbija-uskladi-sa-sankcijama-eu-rusiji/>
7. Схефер П. Либерална нелагодност Европске интеграције. Београд, 2007.

СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИЯ ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА ДО 1917 Г. В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

М.И. Агаркова

ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРАРОДИНЫ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ В ЧЕРНОМОРСКО-КАСПИЙСКИХ СТЕПЯХ

Статья посвящена рассмотрению аргументов в пользу «степной» (причерноморско-каспийской) гипотезы индоевропейской прародины. Изложенные материалы демонстрируют кризис этногенетического направления в современной гуманитарной науке России, предлагаются пути преодоления этого кризиса – интеграция наук для решения проблем исторической антропологии, при сохранении целостности и специфичности каждой из интегрируемых наук.

Ключевые слова. Индоевропейцы, индоевропейская прародина, Причерноморско-Каспийские степи, этническая история, бронзовый век.

M.I. Agarkova

PROBLEMS OF LOCALIZATION OF THE INDO-EUROPEAN HOMELAND IN THE BLACK SEA-CASPIAN STEPPES

The article is devoted to the consideration of arguments in favor of the "steppe" (Black Sea-Caspian) hypothesis of the Indo-European ancestral homeland. The presented materials demonstrate the crisis of the ethnogenetic trend in the modern humanities of Russia, the ways to overcome this crisis are proposed – the integration of sciences to solve the problems of historical anthropology, while preserving the integrity and specificity of each of the integrated sciences.

Key-words. Indo-Europeans, Indo-European ancestral homeland, Black Sea-Caspian steppes, ethnic history, Bronze Age.

Каждый год в отечественной и зарубежной науке неуклонно возрастает интерес к индоевропейской проблематике. Это объясняется тем огромным значением, которое сыграли индоевропейцы (древние представители) в истории мировой цивилизации.

Вопросы о происхождении индоевропейцев, локализации их первичного размещения (прародины) и этапов расселения по Старому Свету уже более двух столетий остаются предметом наиболее противоречивых, и в то же время наиболее интересных дискуссий. Сама же индоевропейская проблематика нередко приобретала острую политическую окраску с явной тенденциозной трактовкой и служила предметом жарких идеологических споров.

Дискуссии по проблемам истоков огромного и разнообразного индоевропейского наследия и по сей день ведутся учеными с привлечением для их решения различных научных дисциплин. Причем, представители каждого направления выдвигают достаточно убедительные аргументы, направленные против построений их оппонентов. В конце XX – начале XXI вв. в области индоевросетики появилось большое количество псевдонаучных трудов.

Цель данной работы – продемонстрировать перспективы изучения идей ученых на поприще этнической истории в качестве новой исследовательской парадигмы интеллектуальной истории на современном этапе.

Одним из результатов крушения СССР стал мощный всплеск национального самосознания не только за пределами современной России, но и в самой Российской Федерации. Одной из форм этого всплеска стали попытки использования в индивидуальных или групповых политических интересах разного рода спекуляции, направленные на доказательства особой древности того или иного народа на данной территории и/или его преимущественного права на данную территорию. Для такого рода доказательств часто стали использовать данные археологии, лингвистики, антропологии и других наук, позволяющие, по мнению авторов публикаций, напрямую связать артефакты с тем или иным древним этносом. При этом без всяких сомнений подразумевается, что этнос, населяющий данную территорию сегодня, является прямым и неизменным потомком этноса древнего. Так, например, в досоветский и послесоветский период в Армении наиболее популярна идея «армянского арийства». Армянское нагорье объявляется колыбелью индоевропейских (индоарийских племён), а Урарту – армянским государством [1, с. 52]. Подобны теории и об украинских арийцах, не оставляющие равнодушными украинских радикальных националистов, членов современных нацистских «добробатов». Следует вспомнить и верхнепалеолитических башкиров, и хазарский миф, и даже «русских арийцев» в их различных исторических проявлениях [2]. Примерам подобных спекуляций с использованием данных реальных наук несть числа. Следует отметить, что и сам термин «индоевропейцы» плотно вошел в академическую науку, периодику и публицистику только со второй половины XX в., после Второй мировой войны, заменив более ранние термины «арии», «арийские племена» и «арийские народы», которые были дискредитированы их активным использованием немецкими нацистами для обоснования расовых доктрин нацистской Германии.

Впрочем, существует и огромное количество достаточно убедительных теорий, построенных на конкретном археологическом и лингвистическом материале, которые создают существенную основу для решения широкого круга вопросов в рамках индоевропеистики. Они могут быть сведены к четырем направлениям. Представители первого и второго направлений настаивают на зарождении индоевропейцев в непосредственной близости от древнейших центров зарождения скотоводства и земледелия и связывают распространение индоевропейских языков с расселением первых земледельцев из Анатолии и Балканского полуострова на север и восток (модели анатолийской и балканской прародин). Представители третьего направления настаивают на возникновении праиндоевропейской родины в Центральной Европе (севернее верхнего Дуная) вместе с прилегающими территориями юго-западной части Восточной Европы. Согласно построениям представителей четвертого направления, первичный центр их зарождения находился в степях между Днепром и Волгой, а распространение индоевропейских языков объясняется инвазиями подвижного скотоводческого населения на

запад, юг и восток. Последняя теория почти полностью построена на археологическом материале, однако получила поддержку ведущих лингвистов. Степи между Днестром и Волгой по своему географическому положению являются местом, где осуществлялись контакты населения, принадлежавшего к различным культурно-хозяйственным типам, где пролегли важнейшие пути этнических передвижений. Установление этнической принадлежности носителей культур Причерноморско-Каспийского ареала имеет определяющее значение для решения проблемы происхождения индоевропейских народов, поскольку с этой территорией сторонники центральноевропейской гипотезы генезиса индоевропейцев связывают миграцию с севера-запада на юго-восток индоиранцев, а сторонники переднеазиатской гипотезы – продвижение в обратном направлении нескольких последовательных волн различных индоевропейских народов и окончательное расселение ираноязычных племен. Освещение этого вопроса позволяет очертить некоторые особенности цивилизационного облика и исторического развития Черноморско-Средиземноморский региона.

Впервые причерноморские степи в качестве прародины индоевропейцев рассматривал еще в XIX в. Т. Бенфей, опираясь на соответствующую лексику для обозначения флоры и фауны. Соответственно, начиная со второй половины XIX в. в ход пошли исследования в области «лингвистической палеонтологии», с которой и начинается сравнительно-историческая компаративистика как таковая. В дальнейшем О. Шредер предположил, что прародина находилась в южно-русских степях, поскольку по крайней мере со времен скифов здесь известны ираноязычные кочевники [3, с. 118]. К дискуссии среди лингвистов, присоединились вскоре археологи, поскольку археология неолита и раннего металла достигла к этому времени уже заметных успехов. Впервые связать с археологическим эквивалентом индоевропейцев культуру погребений с охрой предложил Г. Чайлд [4, с. 84–85]. Позже эту идею обосновал Т. Сулимирский, пришедший к выводу о происхождении кубков культуры шнуровой керамики от древнеямной культурно-исторической общности и о дальнейших миграциях «ямников» из Причерноморья в Центральную Европу. В центре дискуссий 1930-х гг. относительно индоевропейской прародины оказываются разработки, помещающие прародину на территории лесостепной и степной Украины (исследования А. Неринга) или Приуралья, Южной Сибири и Северного Казахстана (труды В. Бранденштейна, Г. Гюнтерта и др.). Дальнейшие разработки этой концепции связаны с опытами М. Гимбутас, вышедшими в свет в 1960-х – 1970-х гг., считавшей носителей ямной («курганной культуры») протоиндоевропейцами [5, с. 17]. Но ни исследовательнице, ни кому-то из тех, кто разделял ее взгляды, даже несмотря на последовательные усилия основанного ими в 1973 г. журнала, так и не удалось убедительно продемонстрировать проникновение степного населения или его потомков западнее-севернее Левобережья Среднего Дуная. Все это заставило сторонников степной версии искать более гибкие и конструктивные подходы, а с другой стороны вызвало оживление среди ее противников и увеличило количество альтернативных гипотез. Существенным вкладом в разработку проблемы

стали труды В. Даниленко, Н. Мерперта, Д. Телегина, В. Сафронова, посвященные ямной культурно-исторической общности, которые вышли в свет в начале 70-х гг. XX в. [5, с. 191]. Впрочем, лишь В. Сафронов предложил отождествлять ее носителей с индоиранцами, используя при этом наработки своих предшественников, а также лингвиста В. Абаева, обнаружившего доскифский иранский пласт (до начала II тыс. до Р.Х.) [6]. Соответственно, В. Сафронов определяет иранскую атрибуцию полтавкинской и срубной культур.

Согласно Дж. Мэллори, эквивалентом индоевропейского сообщества накануне распада выступает культура Средний Стог. Эта культура была выделена Д. Телегиным в 1973 г. [7]; она впитала элементы групп полигенетического происхождения, установленных В. Даниленко [8]. Тем самым прародина индоевропейцев переносится из Волго-уральских и каспийско-аральских степей на лесостепное пространство между Днепром и Волгой. Дж. Мэллори поддерживает предположения о генетической связи между среднестоговской культурой и мариупольской культурно-исторической общностью, которая предшествовала ей в днепро-волжских степях, рассматривая, таким образом, мариупольскую общность как археологический эквивалент ранних индоевропейцев [8]. Так как процессы становления и развития индоевропейской общности невозможно ограничить хронологическими рамками среднестоговской культуры, встает вопрос выделения на днепро-волжском пространстве более ранних, общих по происхождению групп. В качестве этнокультурной основы индоевропейцев Л. Зализняком предлагается Днепро-Донецкий, а Ю. Павленко – Надазовский варианты [4, с. 79].

Тезис о связи расселения индоевропейцев с распространением коня приобрел особое значение, поскольку все индоевропейские народы выступают в истории как умелые коневоды и используют общее название коня. Древнейшие на территории Старого Света ритуальные захоронения лошади найдены на поселении Дериевка (культура Средний Стог – нач. III тыс. до н.э.). Археологическим проявлением культа лошади у носителей ямной и катакомбной культур служат ритуальные захоронения черепов и ног лошадей по всему ареалу [9]. А отвечая на вопрос о распространении колесного транспорта, исследователь способен решить проблему времени и места выделения из общности носителей индоевропейских диалектов индоиранцев, поскольку установлено, что древнейшие носители индоевропейских диалектов были хорошо с ним знакомы и он имел огромное значение в их хозяйстве. Это нашло отражение и в социальной структуре общества (наличие особого состояния колесничих), и в религиозных верованиях (с культом телеги, колесницы, колеса связан сложный комплекс важнейших космологических представлений), и в языке (термины, связанные с колесным транспортом, являются общеиндоевропейскими, выделяется и ряд специфических индоиранских). Ответы на этот вопрос пыталась найти Е.Е. Кузьмина и для этого всесторонне анализировала древнейшие захоронения с повозками в южнорусских степях. Исследователь пришла к выводу, что во второй половине III тыс. до н.э. население евразийских степей поддерживало тесные и разносторонние кон-

такты с более высокоразвитыми племенами земледельцев Юго-Восточной Европы, Кавказа и Юго-Восточного Прикаспия. Все эти три зоны служили проводниками передовых достижений земледелия, скотоводства и металлургии в южнорусские степи, все они могли стать посредниками в передаче в Евразию еще одного важнейшего достижения цивилизации – колесного транспорта [10]. У Е.Е. Кузьминой появляются твердые основания полагать, что распространение колесного транспорта в Центральной Европе шло из южнорусских степей. По мнению Ван де Ваальса посредниками в передаче повозок в Центральную Европу из Северного Причерноморья были племена верхнеднепровской культуры, связанной с ямной.

Новый импульс развитию «степной» теории происхождения индоевропейцев был дан не так давно. В двух работах, опубликованных в «Nature» [11; 12], исследователи проанализировали древнюю ДНК из археологических памятников и пришли к выводу о мощной миграции в конце неолита – раннем бронзовом веке, которая привела индоевропейские языки из степей в остальную Европу. Степная ямная (Pit-Grave) культура была определена как ареал протоиндоевропейского языка (по крайней мере, после выделения хеттов), а производные языки (греческий, германские, славянские, кельтские и др.), как связанные с культурами шнуровой керамики. Таким образом, современные генетики оперируют большими блоками популяций и предпочитают сопоставлять их с очень обобщенными культурными блоками, тогда как археология перешла на разбор более конкретных не столь больших культур, ибо каждая имела особую историческую судьбу.

Примечательно и сравнительно недавнее исследование антропологов, посвященное генетическому анализу причерноморско-каспийских степных кочевников, опубликованное в журнале Science Advances [13], результаты которого не подтверждают предположение о том, что киммерийцы, скифы и сарматы – прямые потомки носителей срубной и алакульской культур бронзового века. Согласно данному исследованию, группы кочевников железного века имеют более восточное происхождение, чем население срубно-алакульской контактной зоны. Их корни от восточной части причерноморско-каспийских степей уходят на Южный Урал, в Сибирь, Казахстан и монгольские степи. В целом, население степей железного века генетически гетерогенно. Авторы приходят к выводу, что причерноморско-каспийские степи в бронзовом и железном веках были очень динамичным регионом, где шли интенсивные миграции, перемещение и замещение популяций.

Таким образом, древнейшие этапы этногенеза индоевропейцев несомненно имеют непосредственную связь с археологическими памятниками Причерноморско-Каспийских степей, что придает индоевропейской проблематике особого значения в контексте развития отечественной науки. Значительное количество аспектов проблемы ранней истории индоевропейской общности (при локализации ее первоначального очага в Причерноморско-Каспийских степях) могли бы быть решены в условиях активного сотрудничества археологов, антропологов, этнологов и лингвистов.

Список литературы

1. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.
2. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М., 2015. Т. 1.
3. Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М., 2007.
4. Конча С.В. Проблема прабатьківщини індоєвропейців в історіографії // Археологія. Київ, 1998. № 3. С. 77–90.
5. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
6. Абаев В.И. Скибо-европейские изголоссы. М., 1965.
7. Телегін Д.Я. Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ, 1973.
8. Конча С.В. «Степова» концепція походження індоєвропейців на сучасному етапі // Археологія. Київ, 2001. № 3. С. 87.
9. Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // Советская археология. 1977. № 4. С. 53–73.
10. Мэллори Дж.П. Индоевропейские прародины // Вестник древней истории. 1997. № 1. С. 72–73.
11. Haak W., Lazaridis I., Patterson N. et al. Massive Migration from the Steppe was a Source for Indo-European Languages in Europe // Nature. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 207–211.
12. Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G. et al. Population Genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 167–172.
13. Krzewińska M., et al. Ancient Genomes Suggest the Eastern Pontic-Caspian Steppe as the Source of Western Iron Age Nomads // Science Advances. 2018. Vol. 4. № 10. P. 44–57.

Л.Г. Шепко

ФОРМЫ И УСЛОВИЯ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ И ПОДОНЦОВЬЯ В 60-80 ГГ. XX В.

В статье рассмотрены документы и международные обстоятельства, подготовившие создание Общественных организаций по сохранению историко-археологических памятников. Отмечены основные направления деятельности Донецкой областной организации УООПИК, показана ее роль в деле систематизации и учета памятников, содействию археологических исследований с привлечением молодежи.

Ключевые слова: общество охраны памятников, археологические исследования, памятники культуры, сохранение наследия, Донбасс.

L.G. Shepko

FORMS AND CONDITIONS OF HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE NORTHERN PRIAZOVYE AND PODONTSOVIE REGIONS IN 60-80S OF THE 20TH CENTURY

The article examines the documents and international circumstances that induced the creation of public organizations working on preservation of historical and archaeological monuments. The author highlights the main directions of activity of the Donetsk regional division, and demonstrates its role in the monument systematization and accounting, promotion of archaeological research with the involvement of youths.

Key words: heritage organization, cultural monuments, historic preservation, archaeological studies, Donbas.

Понятие «историческая память» в настоящее время приобрело особое значение. Разрушение, сознательное уничтожение материальных памятников, в которых она воплощена, делает задачу их сохранения чрезвычайно актуальной.

Понимание их значимости является основой формирования культурной политики страны. Историко-культурные ценности являются действенным средством в решении нравственных и воспитательных задач.

Особенно прочно связывают народ со своей землей и наследием предков археологические древности. Исторический опыт XX – начала XXI вв. показывает, что историко-археологические объекты не только не лишены внимания политиков, а напротив, плотно интегрированы в идеологические конструкции [1, с. 173]. Уже к концу XIX в. человечество осознало их значение для своего развития. Необходимость формирования правовой базы в сфере защиты культурного наследия была обозначена в 1889 г., когда в рамках Всемирной выставки в Париже состоялся Первый международный конгресс по охране произведений искусства и памятников. Следует обратить внимание, что в основу документов легли идеи и инициативы Николая Константиновича Рериха, оформленные к 1928 г. в Пакте Рериха [2].

Разрушения и мародерство во Второй мировой войне побудило в 1948 г. правительство Нидерландов поднять в ЮНЕСКО вопрос о необходимости принятия Конвенции по защите культурных объектов. Комитет, созданный Генеральной Конференцией ЮНЕСКО в 1951 г., составил и представил на рассмотрение проект Генеральной конвенции. Он был принят 14 мая 1954 г. и известен как Гагская конвенция 1954 г., или Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта [3]. Конвенцией предусматривались меры по охране движимых и недвижимых культурных объектов.

Важным документом стала «Рекомендация о международных принципах, применяемых к археологическим раскопкам», принятая в 1956 г. в целях борьбы с уничтожением и нелегальным вывозом археологических объектов [4, с. 34].

В связи с масштабными разрушениями исторических памятников в СССР в годы Великой Отечественной войны и интенсивным послевоенным восстановлением народного хозяйства, сопровождавшимся освоением новых территорий, требовались инициатива общества и решительные действия государства в сфере сохранения культурных ценностей. Вполне закономерным представляется принятие уже в 1948 г. Постановления Совмина СССР от 14.10.1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» [5]. В нем зафиксированы условия охраны и исследования археологических памятников, определены учреждения и организации, которые получали разрешение на проведение археологических разведок и раскопок, обозначены категории памятников, подлежащих государственной охране.

В ходе организации охраны памятников проявилась необходимость привлечь к этому процессу широкие слои населения, особенно молодежь, а соответственно возникла потребность в создании общественных организаций по сохранению и использованию объектов культурного наследия.

Оказывать содействие государственным органам в деле охраны памятников были призваны Общества охраны памятников истории и культуры, которые формировались как добровольные массовые общественные организации. Их деятельность должна была быть направлена на использование исторических памятников в деле патриотического, идейно-нравственного, интернационального воспитания народа. Начиная с 1959 г. (Грузинская ССР), Общества создаются практически во всех республиках Советского Союза [6, с. 241].

Донецкая археология в 60–80 гг. XX в. являлась составной частью организационного и структурного процесса оформления советской исторической науки и археологии, при непосредственном участии которых разрабатывались принципы сохранения и изучения культурно-исторических объектов.

В 1965 г. в Киеве группа ученых и деятелей культуры выступила с инициативой объединить усилия граждан в деле сохранения и популяризации объектов культурного наследия.

28 августа 1965 г. Правительство Украинской ССР одобрило предложения, приняв соответствующее постановление.

В 1966 г. 21 декабря в Киеве прошел Первый учредительный съезд Украинского общества охраны памятников истории и культуры (УООПИК), на котором было принято решение о создании добровольной общественной организации, избраны ее руководящие органы, утвержден Устав Общества (Постановление Совета Министров УССР № 378 от 12 июня 1967 г.) [7, с. 17].

Этому событию предшествовало создание областных отделений общества в Украине. Одной из первых в Украине была создана Харьковская областная организация (20 сентября 1966 г.) [8, с. 45].

В Донбассе процесс организационного оформления общественного направления работы по охране памятников проходил достаточно активно.

3 декабря 1966 г. при активном содействии донецких историков и краеведов прошла конференция, посвященная созданию данного общества. С докладом «О целях и задачах добровольного общества охраны памятников истории и культуры Украинской ССР» выступил председатель Облгоркомитета И.Я. Омеляненко. На конференции было принято решение учредить Донецкое отделение добровольного общества охраны памятников истории и культуры Украинской ССР, утвержден Устав, разработанный директором краеведческого музея Г.А. Гусинским. Председателем был избран историк И.Я. Омеляненко [9, с. 120].

Структура Общества сформировалась довольно быстро. В ближайшее время в городах и районных центрах области были созданы местные отделения Донецкого общества, в рамках которых проходила краеведческая, поисковая и исследовательская работа.

К 1969 г. в Донбассе насчитывалось 11 таких секций, которые имели разную направленность. Одной из наиболее активно действующих секций была секция археологических памятников, которой в первые годы ее работы руководила донецкий археолог, преподаватель Донецкого государственного университета Д.С. Цвейбель, в последующие годы археологическую секцию возглавляли

Т.А. Шаповалов, А.А. Моруженко, профессиональные археологи, преподаватели кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков ДонНУ. В секцию входили сотрудники Донецкого университета, работники государственных и общественных музеев области, учителя-историки, краеведы, сотрудники Института археологии АН УССР.

В деятельности Донецкого общества следует выделить одно из важнейших направлений – работу по систематизации и учету существующих в области памятников истории и культуры. В связи с этим следует отметить, что работа Общества проходила в тесном контакте с сотрудниками Донецкого краеведческого музея.

В 1950-х гг. после принятия Постановления 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» в области началась работа по учету памятников археологии, были составлены первые учетно-охранные паспорта.

Данная работа заметно оживилась с 1969 г. Над составлением паспортов памятников этим работали Н.П. Друпп и С.К. Стороженко. Были проведены натурные обследования курганов в Старобешевском и Волновахском районах, г. Ясиноватая. Паспортизация объектов археологии получила поддержку секции Донецкого отделения УООПИК. В 1980 г. О.Я. Приваловой и С.Н. Санжаровым со студенческим отрядом ДонГУ на средства Донецкого отдела Украинского общества охраны памятников было проведено сплошное археологическое обследование Волновахского района.

Новый импульс в деле охранной археологии Донецкого края был получен в 1985 г. в связи с созданием сектора охраны памятников археологии в Донецком областном краеведческом музее. Заметно активизировалась работа по учету объектов археологии, прежде всего, курганов. По программе сектора были проведены сплошные разведки в Амвросиевском, Володарском, Краснолиманском, Марьинском, Новоазовском, Шахтерском, Першотравневом, Старобешевском, Тельмановском, Ясиноватском и других районах. К этой работе были привлечены специалисты, которые имели необходимую квалификацию. Трудоемкая полевая работа, высокая насыщенность курганами территории Северного Приазовья и Подонцовья требовала значительных финансовых затрат. Бюджетное финансирование подкреплялось финансовой поддержкой Донецкого общества охраны памятников вплоть до 1992 г. За это время было паспортизировано около 700 ранее неизвестных курганов. Дальнейшее финансирование программы археологических обследований с постепенным учетом и паспортизацией новых курганов, к сожалению, было прекращено [10, с. 8–9].

Большую роль в выявлении и охране памятников археологии играли общественные активисты, которые оперативно предоставляли информацию о случаях разрушения памятников археологии.

Взаимодействие с широкой общественностью опиралось на разнообразные формы работы с активистами общества. Они принимали участие в университетских конференциях, научно-практических семинарах, заседаниях археологической секции Общества. Это позволяло решать задачи как охранного, так и просветительского характера.

Содержание материалов научно-практических семинаров, например, «Археология и краеведение – школе» 1985, «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе» 1986; «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе» 1987, 1989; «Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе» 1988, демонстрирует широкое персональное и территориальное представительство.

В конце 1960-х – 1970-х гг. приоритетной целью Донецкого отделения УООПИК было привлечение молодежи к краеведческой работе, которая помогала бы исследователям в формировании полной исторической картины региона. По городам области начали создаваться секции юных археологов, краеведов (Донецк, Горловка, Енакиево).

Следует отметить многолетнюю стабильную работу экспедиции Енакиевского городского общества охраны памятников истории и культуры и городского лагеря юных археологов «Эврика». С 1970 г. инициатором и руководителем являлся В.Ф. Клименко. Экспедиция проводила работы в Донецкой, Луганской, Харьковской областях. Полевую археологическую школу прошли более 700 учащихся, некоторые из них связали свою профессиональную деятельность именно с археологией [11, с. 5, 7].

Донецкая областная организация УООПИК сыграла особую роль в проведении полевых археологических работ. Она органично дополняла государственные структуры. Длительное время фактическим руководителем организации был заместитель Правления В.Н. Пугло. Помимо охранных исследований, финансировались сплошные археологические разведки, музейное строительство.

В 1980-е гг. ежегодно секция организовывала 4–5 археологических отрядов, осваивающих до 10 тыс. руб. Объектами исследования таких отрядов становились разрушаемые в ходе строительства курганы, поселения и стоянки, которые подвергались естественной эрозии [12, с. 4–5].

Некоторые отряды работали в течение ряда лет. Результаты их работ были отражены в отчетной документации, информационных сборниках, научных публикациях. Информацию хорошо иллюстрируют сообщения в ежегодниках «Археологические открытия» за 1970–1986 гг. (авторы С.М. Дегерменджи, В.Ф. Клименко, А.Г. Копыл, А.А. Кротова, С.И. Татаринев, О.Я. Привалова, А.И. Привалов и др.)

Таким образом, последствия разрушительных войн в XIX – XX вв., осознание мировым сообществом значимости культурного наследия, подготовка правовой базы по сохранению исторических памятников подготовили условия и привели к созданию соответствующих целям организационных форм.

Донецкое отделение Украинского общества охраны памятников истории и культуры сыграло важную роль в сохранении, систематизации и учете памятников истории, археологии и культуры на территории Донбасса в 1960–1980-е гг. Общество являлось частью общегосударственной структуры, которая имела возможность использовать в деятельности широкий арсенал средств и форм. Достаточно разветвленная структура позволяла охватить довольно широкий круг насе-

ления, выступать направляющим средством в формировании идеи «исторической памяти», ценности культурных объектов. В области археологии значение ДО УООПИК определяется тем, что работа членов секции имела научно ориентированную направленность. Важными итогами следует признать включенность в решение программ по сохранению и учету археологических памятников, исследование памятников разных эпох, работу с учащейся молодежью, активное содействие в организации экспедиций с привлечением школьников.

Представителями Донецкого общества была проделана важная работа по популяризации среди населения знаний о памятниках древности, исторической ценности археологических объектов, а также пропаганде идей сохранности памятников и исторических мест на территории региона. Опыт работы Общества был бы полезен в современных условиях.

Список литературы

1. Шепко Л.Г. Нацистская политика в отношении культурных ценностей // Историческая память о Великой Победе как основа духовного единства Донбасса и России (в рамках празднования 75-летия Великой Победы): Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Донецк, 2020. С. 170–173.
2. Куцарова М. Пакт Рериха – основа международной правовой системы защиты ценностей культуры и её будущее // 70 лет Пакту Рериха. Материалы Междунар. науч.-обществ. конф. 2005 г. М., 2006. URL: <https://lib.icr.su/node/855> (дата обращения: 02.04.2022).
3. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Гаага, 14 мая 1954 года. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm> (дата обращения: 02.04.2022).
4. Изнауров А.С. Исторические этапы формирования международно-правовой базы в сфере защиты культурного наследия человечества // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2017. С. 30–38; Recommendation on International Principles Applicable to Archaeological Excavations. URL: portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13062&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (дата обращения: 02.04.2022).
5. О мерах улучшения охраны памятников культуры. Постановление Совета министров СССР от 14.10.1948 № 3898. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss6320.htm> (дата обращения: 02.04.2022).
6. Максимов А.А. Общества охраны памятников истории и культуры // Большая советская энциклопедия. М., 1974. Т. 18. С. 241.
7. Принь О.В. Историчний нарис діяльності Українського товариства охорони пам'яток історії та культури у Донбасі (друга половина 60–х – 80–ті роки ХХ ст.). С. 16–28. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/14266/03-Pryn.pdf?sequence=1> (дата обращения: 02.04.2022).
8. Михайлов О.В. Історія харківської обласної організації українського товариства охорони пам'яток історії та культури в період з 1966 по 1971 рр. // Альманах науки. 2019. № 9 (30). Вересень. С. 45–47.
9. Федюн Е.И., Деятельность Донецкой областной организации украинского общества охраны памятников истории и культуры в «классический» советский период (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.) // Региональная история. Краеведение. Культура: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 21 дек. 2016 г., г. Донецк. Донецк, 2017. С. 120–124.
10. Дегерменджи С.М. Кургани Донеччини: загальний стан, проблеми обліку та охорони // Археологічний альманах. 2003. № 14. С. 3–12.

11. Косиков В.А., Добров П.В. К 65-летию со дня рождения исследователя древнейшей истории Донбасса Виктора Федоровича Клименко // Донецкий археологический сборник (ДАС). Донецк, 2002. Вып.10. С. 3–8.

12. Пугло В.Н. Охранные исследования и пропаганда охраны памятников археологии // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Материалы конф. 10–11 апреля 1986 г. Донецк, 1986. С. 4–5.

О.В. Матвеев

АБАЗИНЫ В ИСТОРИИ КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЯ¹

Статья посвящена роли абазин в этнокультурном пространстве Кубани и Черноморья. Прослежены этапы освоения этнической территории, формирование поселений, численность, участие в политической, экономической и культурной жизни региона

Ключевые слова: абазины, переселения, этническая территория, Кубань, Черноморье

O.V. Matveev

ABAZINS IN THE HISTORY OF THE KUBAN AND THE BLACK SEA REGION

The article is devoted to the role of abazin in the ethnocultural space of Kuban and the Black Sea. Traces of development of ethnic territory, formation of settlements, numbers, participation in the political, economic and cultural life of the region.

Key-words: abazines, relocation, ethnic territory, Kuban, Black Sea Region.

Несмотря на относительную изученность истории и культуры абазинского народа [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и др.], его судьбы и наследие в этнокультурном пространстве Кубани и Черноморья содержат немало лакун и требуют комплексного осмысления. Статья написана в рамках подготовки энциклопедии «Народы и культуры Кубани».

Абазины (самоназвание *абаза*) – автохтонный этнос Северо-Западного Кавказа, язык которых относится к абхазо-адыгской группе кавказской языковой семьи. Этнические корни а. уходят в первые века н.э. Кавказского Черноморья, где в результате сложных этнокультурных процессов формировались племена *абасгов*. Римский легат Флавий Арриан, совершивший в 134 г. плавание по Черному морю, отмечал: «С апсилами граничат абаски; у абасков царь Ресмаг» [9, с. 164]. В прилагаемой к своему описанию карте Арриан отмечает реку Абаска, протекающую в местах локализации племен абасгов, которую отождествляют сегодня с Мзымтой или Псоу. С северо-запада абасги граничили с родственными племенами санигов, территория которых простиралась до р. Ахенунты (современная р. Шахе) [10, с. 73], на юго-востоке – с близкими по языку и культуре протоабхазскими племенами апсилов. В труде середины X в. «Об управлении империей» император Византии Константин VII Багрянородный отмечал: «Побережье от пределов Зихии, то есть от реки Никопсиса, составляет страну Авасгию – вплоть до крепости Сотириуполя. Она простирается на 300 миль [11, с. 177]. Сочинение византийского императора зафиксировало консолидацию абазин с осознанием своего этнического единства и территории. Абасгия,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-49-230008 р_а, «Народы и культуры Кубани: энциклопедия».

располагавшаяся между реками Бзыбь и Туапсе, объединила санигов, апсилов, абасгов и некоторые другие племена Черноморского побережья, которых средневековые источники называли именем «абазы». В народных преданиях а. в качестве первоначальных мест обитания абазин упоминаются Псху, Ачипсху, Варданэ, то есть территории современных Туапсинского, Лазаревского и Адлерского районов. На формировании языка абазин сказались связи местных племён с Абхазским царством, которое в VII – X вв. распространяло своё влияние до современного посёлка Лазаревский [10, с. 102]. Но процесс абхазизации абазин не успел завершиться. В XI – XIII в. распространение абхазского языка столкнулось с распространением языка адыгских племён, происходившим в обратном направлении. Предки современных абазин были поначалу сильны и могущественны. По-видимому, именно они вытеснили племена кабардинцев с Черноморского побережья. Но в XIII в. адыги усилили свою мощь, в то время как среди а. начались внутренние раздоры между племенами, связанные с недостатком удобной земли. Поэтому в XIV – XVI в. происходит массовое движение абазин в верховья рек Кубани, Кумы, Урупа, Зеленчука. Лишь некоторые абазинские племена – джигеты (садзы) продолжали жить на Черноморском побережье вплоть до 1864 г.

Этнодемографическое развитие а. привело к образованию двух территориальных групп – *шкаруа* (горцы) и *тапанта* (равнинники), между которыми постепенно возникли диалектные различия [8, с. 532]. К первым относились баговцы, баракаевцы, башилбаевцы, кизилбековцы, тамовцы, шахгиреевцы, ко вторым – бибердовцы, джантемировцы, дударуковцы, клычевцы, кячевцы и лоовцы. Среди абазин выделилась прослойка князей – *аха*, дворян первой степени *амыста-ду*, которые являлись владельцами отдельных селений, и второй степени – *амыста*. Последние находились на службе у князя, или у первостепенных дворян. Основную часть абазинского народа составляли лично свободные крестьяне-общинники *анхаю*. На нижней ступени феодальной лестницы находились *лыги* – крепостные *и унавы*, состоявшие в домашнем рабстве. Этническая территория абазин неоднократно менялась. Тапанта уходили в Закубанье, переселялись в район верховьев рек Кумы и Подкумка, попадали в политическую зависимость от кабардинских и бесленеевских феодалов, оказывавших влияние на перемещения этой группы [4, с. 33].

В архаических верованиях абазин был представлен обширный пантеон высших сил, выступавших творцами всего сущего (*Анчва*), владетелями молнии и огня (*Афы*), лесов (*Нибна*), исполнявшими роли небесного арбитра (*Уашхо*), покровителя охоты (*Ажванша*) и др. Почитанием пользовались священные рощи, отдельные породы деревьев, огонь и др. В XVI в. вместе с другими народами Северо-Западного Кавказа абазин восприняли ислам суннитского толка, который определил многие стороны их духовной культуры, быта и ментальности.

В конце XVIII в. лоовцы, тамовцы и кячевцы переселялись российскими войсками переселялись на подконтрольные территории по правобережью Кубани. Значительная часть абазин осела в Пятигорье. По причине междоусобиц и земельных споров между абазинами и казаками Хоперского полка, в конце 30-х

– начале 40-х гг. XIX в. произошло переселение более 1000 кумских абазин на р. Кубань. Среди них оказались князья Лоовы, обосновавшиеся при Усть-Джегутинской балке. Амыста-ду Лоовых – Джегутановы и Айсановы поселились отдельным аулом у р. Джеганас. Кячевцы основали поселение на р. Кубани ниже аула Береслана Туганова; бибердовцы примкнули к жителям Тохтамышевского аула. В 1850-е гг. шкаровцы, оказывавшие сопротивление российским властям, постепенно вытесняются в западные районы Закубанья. Так, часть башильбаевцев переселяется в 1851 г. с Урупа в бассейны рек Фарс и Псефир. В конце 1850-х гг. их аулы занимали также верховья Большой и Малой Лабы. В 1840–1850-е гг. численность северокавказских абазин-тапанта составляла не менее 10 тыс. чел., численность шкаровцев колебалась в пределах 10–16 тыс. чел.

Немало мирных а. участвовали в военных действиях на стороне России. В 1822 г. в казачье сословие было зачислено до сотни абазин. Среди офицеров Кавказского Линейного казачьего войска встречались представители абазинской знати: Ш. Лоов, К. Лиев, А. и М.-Г. Дударуковы и др.

Южные абазины (самоназвание – *садза*, адыг. – *абадза*, абхаз. – *асадзуа*, груз. – *джики*, русск. – *джигеты*) занимали территорию от берега моря до перевалов через Большой Кавказский хребет между реками Агура и Бзыбь, на северо-западе граничили с убыхами, на юго-востоке с абхазами. К горным обществам относились Псху в верховьях рек Бзыбь и Апста, Аибга – в верховьях р. Псоу, Ахчипсы – в верхнем течении р. Мзымты. В пределах Ахчипсы на месте нынешних поселков Красная Поляна и Эстосадок находилось селение Кбаада до 200 дворов, где завершилась Кавказская война. Территория горных обществ в бассейне р. Мзымты называлась адыгами *Мдавей* по знатной садзской фамилии, а русские называли население этой земли медовеевцами. На побережье находились селения Халцыс – на правом берегу р. Мацеста, Хамышлар – на правом берегу р. Хоста, Ардыкуадж – на р. Кудепста, Гечкуадж – на правом берегу р. Псоу и др. [12, с. 34–35]. По подсчетам Ф.Ф. Торнау, население аулов южных абазин насчитывало около 22 тыс. чел.

Южные абазины активно сопротивлялись продвижениям русских войск на побережья, предпринимали объединиться вместе с шапсугами, убыхами и абадзехами под властью Сочинского меджлиса. 18 марта 1864 г. на р. Годлик (ныне территория пос. Нижняя Волконка Лазаревского района г. Сочи) садзы вступили в бой с войсками генерала В.А. Геймана. Сопротивление продолжалось до занятия русскими войсками урочища Кбаады, где 21 мая 1864 г. состоялся парад русских войск по случаю окончания Кавказской войны. Около 20 тыс. садзов выселились в Оттоманскую Порту.

Абазины тапанта по причине расположения их аулов вблизи Кавказской линии имели длительный опыт позитивных контактов с военной администрацией и поэтому уже в начале 1830-х гг. прочно вошли в состав Российского государства. Абазины шкарауа, обитавшие в труднодоступных высокогорных районах, были присоединены только на заключительном этапе Кавказской войны в 1862 г. [4, с. 123]. Это во многом предопределило переселение в Турцию «до 30000 душ

обою пола» кизильбековцев, тамовцев, баговцев, баштльбаевцев и шахгиреевцев [13, с. 218]. Выселение сократило этническую территорию абазин. В то же время вхождение в орбиту российской государственности способствовало ликвидации политической зависимости абазин от кабардинцев и бесленеевцев, прекращению феодальных междоусобиц и работорговли, переходу к мирным условиям жизнедеятельности, формированию стабильных поселений. Административные преобразования 1860-х гг. позволили компактно сконцентрировать абазинские аулы в Баталпашинском отделе Кубанской области. Сформировалось первое поколение абазинской интеллигенции, представленное просветителем, литератором и общественным деятелем Адиль-Гирей Кешевым, Умаром Мекееровым, способствовавшим зарождению школьного образования среди абазин.

Абазины принимали активное участие в защите российской государственности. Прапорщик М.И. Лоов, ставший Георгиевским кавалером в русско-японскую войну, пользовался большим уважением среди соплеменников и доверием русского командования, а в 1914 г. формировал абазинскую сотню Черкесского полка Кавказской туземной добровольческой дивизии. В этом полку на фронтах Первой мировой войны воевали жители практически всех абазинских аулов, многие были удостоены Георгиевских наград за доблесть, а юнкер Каблахов Джемальбий стал полным Георгиевским кавалером.

Вследствие административных преобразований советского времени этническая территория абазин входила в состав Баталпашинского отдела Кубанско-Черноморской области (1920–1922), Карачаево-Черкесской автономной области (1922–1926); после разделения последней большинство абазинских аулов оказались в Черкесской автономной области в составе Абазино-Ногайского и Эльбурганского районов. В переписи 1926 г. в Северо-Кавказском крае абазины именовались *бескесек-абаза* и насчитывали 13813 чел. В Армавирском округе перепись зафиксировала 45 чел., в Кубанском – 18 чел., в Черноморском – 5 чел., в Адыгейской автономной области данных не было представлено, в Черкесской автономной области – 10993 чел., в Карачаевской – представлены не были.

В 1924–1933 гг. преподавание в школах, где учились абазины велось на черкесском языке. Лингвистом, этнографом и собирателем абазинского фольклора Т.З. Табуловым в 1932 г. был создан абазинский алфавит на латинской основе; в 1938 г. он же вместе с Г.П. Сердюченко составил алфавит на кириллической основе, действующий по сей день. После этого стала активно развиваться национальная литература, воплощенная в творчестве И. Табулова, Б. Тхайцукова, К. Джегутанова, М. Тлябичевой, Ш. Физикова и др. [8, с. 538].

В 1939 г. перепись зафиксировала 34 абазин в Краснодарском крае и 1 в Адыгее, в 1970 соответственно 77 и 21, в 1979 – 173 и 26, в 1989 – 196 и 31, в 2002 г. – 196 и 71. Цифры по Адыгее представляются заниженными, поскольку многие абазины переходили на адыгейский язык, имели двойное самосознание и смешанные семьи, поэтому фиксировались адыгейцами, кабардинцами, черкесами. В ходе полевых исследований в Республике Адыгее в 1920 г. А.М. Тлюняев из аула Уляп рассказывал нам, что часть населения аула Уляп «была абазинами. Мы их называем абаза, это тоже из адыгского этноса. Язык отличается, любой

абазин свободно разговаривает на адыгском языке, а адыги не могут разговаривать на абазинском» [14]. А.Ф. Адзинов отмечал: «Наш род чисто абазинский, с Абхазии, разговором абхазы и абазинцы – они одинаковы почти. Я говорю по-адыгейски, отец, бабушка у меня разговаривали по-абазински. Я, когда из колхоза ушёл, надо было назвать как-то индивидуальное предприятие, я назвал «Абаз». У нас абазинский колхоз был, был Первый Уляп, Второй Уляп и Абазуляп. Был рынок абазинский, где только по-абазински старики разговаривали, мы ходили к ним. Мы с ними разговаривали на другом, черкесском языке, когда они нам что-то говорили, мы смеялись, а потом они смеялись: мы их не понимали, абазинский язык. Это фамилии Аджиновы, Шовгеновы, Тхакушиновы, Кумпиловы, Пибовы» [15].

Абазинцы составляли заметную часть населения аула Уляп, но быстро очеркесивались. Сегодня к абазинским родам аула относятся Агировы, Адзиновы, Баговы, Докумовы, Лоовы (Шекультировы), Ляфишевы, Маршенковы, Ожевы, Хаджимовы, Цишевы, Кумпиловы, Тхагушевы, Шефруковы, Шуовы, Тлюняевы, Тхакушиновы, Хаджуовы и др. Аул Уляп – родина двух глав республики Адыгея – Аслана Тхакушинова и Мурата Кумпилова, абазин по происхождению [16].

368 жителей абазинских аулов были награждены орденами и медалями за подвиги на фронтах Великой Отечественной войны, а З.О. Кунижев был удостоен звания Героя Советского Союза за участие в советско-финской войне.

Абазинцы внесли немалый вклад в развитие культуры Кубани. Так, заслуженным артистом Кубани и Карачево-Черкесской стал танцор в составе балетной группы Государственного академического Кубанского казачьего хора Алибек Муталибович Джандубаев [17].

Перепись 2010 г. зафиксировала 43341 абазин в России, из них 36,9 тыс. компактно проживают в 13 селах Абазинского района (14,8 тыс. чел.), в Адыгге-Хабльском (4,8 тыс.), в Малокарачаевском (4,4 тыс.), в Усть-Джегутинском (2,3 тыс.) районах Карачаево-Черкесской республики; 400 чел. – в Кабардино-Балкарии; 3,6 тыс. – в Ставропольском крае; 355 чел. – в Абхазии (по данным на 2011 г.); 279 чел. – в Краснодарском крае; 84 чел. – в Адыгее. Около 10 тыс. потомков абазинских переселенцев живут сегодня в Турции, Сирии, Ливане, Иордании.

Носители самобытной культуры и традиций, абазинцы органично вошли в этнокультурное пространство Кубани и Черноморья, оставили заметный след в истории региона.

Список литературы

1. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009.
2. Абазинцы (историко-этнографический очерк). Черкесск, 1989.
3. Данилова Е.Н. Абазинцы (историко-этнографическое исследование хозяйства и общественной организации. XIX век). М., 1984.
4. Ктиторова О.В. Абазинцы Северо-Западного Кавказа в исторических событиях и процессах конца XVIII – начала XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2003.
5. Тхайцуков М.С. Очерки истории абазин конца XVIII – XIX вв. (этнокультурные связи с народами Северо-Западного Кавказа). Черкесск, 2013.

6. Тхайцуков М.С. Абазины многонациональной России. Период новейшей истории (1917–2017 гг.). М., 2019.
7. Емельянова Н., Эзкеков М. Абазинский ренессанс. Наперекор стихиям / отв. ред. Р.Б. Рыбаков. М., 2020. Кн. 1.
8. Анчабадзе Ю.Д. Абазины // Адыгская (черкесская) энциклопедия / гл. ред. М.А. Кумаров. М., 2006. С. 532–546.
9. Античные источники о Северном Кавказе. Хрестоматия / сост. В.М. Аталиков. Нальчик, 2004.
10. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
11. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991.
12. Половинкина Т.В. Сочинское Причерноморье. Нальчик, 2006.
13. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1828–1874) / авт. проекта, археогр., сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2003. Ч. 2.
14. Полевые материалы экспедиции 2020 г. по проекту «Земляки и соседи» (ПМЭ-2020). Аул (А.) Уляп Красногвардейского района (р-на) Республики Адыгея (РА). Информатор (Инф.) Тлюняев Аслан Мухтарович, 1946 года рождения (г.р.).
15. ПМЭ-2020. А. Уляп Красногвардейского р-на РА. Инф. Адзинов Анатолий Фицевич, 1952 г.р.
16. Уляпские абазины – Аслан Тхакушинов и Мурат Кумпилов. URL: <https://maikop.bezformata.com/listnews/abazini-aslan-thakushinov-i-murat/68296910/> (дата обращения: 12.03.2020).
17. Алибек Джандубаев: «Язык танца понимает весь мир» // URL: http://www.alashara.org/news/alibek_djandubaev_yazyik_tantsa_ponimaet-ves_mir (дата обращения: 10.03.2022).

В.В. Разумный

**ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1770 ГОДА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
И ЕЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

Османская империя, стремясь восстановить свое влияние в Восточной Европе, спровоцировала войну с Россией, которая началась в 1768 г. В этой войне Российская империя впервые активно использовала свой военно-морской флот в Средиземном море. Успехи российского императорского флота во многом предопределили результат русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Особенное значение имели события кампании 1770 г., которая стала решающей в этой войне.

Ключевые слова: русско-турецкие войны, военно-морской флот, Российская империя, Османская империя, Средиземное море.

V.V. Razumny

**MILITARY CAMPAIGN OF 1770 RUSSIAN-TURKISH WAR AND ITS GEOPOLITICAL
SIGNIFICANCE**

The Ottoman Empire, seeking to restore its influence in Eastern Europe, provoked a war against Russia, which began in 1768. In this war, the Russian Empire for the first time actively used its navy in Mediterranean Sea. The successes of the Russian imperial fleet largely predetermined the outcome of the Russian-Turkish war of 1768-1774. Of particular importance were the events of the campaign of 1770, which became decisive in this war.

Key-words: Russian-Turkish wars, navy, Russian Empire, Ottoman Empire, Mediterranean Sea.

В середине XVIII в. Османская империя оказалась втянутой в сложный геополитический конфликт, в котором сплелись интересы Российской империи, Франции, Великобритании и Польши. Неверно рассчитав свои силы и доверившись французским советникам, султан Мустафа III осознано пошел на обострение ситуации и, фактически спровоцировал очередную русско-турецкую войну. В 1768 г. началась третья русско-турецкая война в XVIII в. Российская империя максимально извлекла уроки из опыта двух предыдущих военных конфликтов с Османской империей в период 1711–1713 и 1735–1739 гг. Поэтому в очередной войне с Османской империей Россия применила новую стратегию, в которой важная роль отводилась военно-морскому флоту. На наш взгляд, военная кампания 1770 г., фактически, наглядно показала на чьей стороне будет победа и какие из этого следуют геополитические последствия. Поэтому тема, рассматриваемая в данной статье, является актуальной и заслуживает внимания со стороны исследователей.

Цель данной работы состоит в изучении геополитического значения военной кампании 1770 года в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.

Данная тема была объектом внимания отечественных и зарубежных историков. Среди российских следует выделить работы Л.Г. Гребенщиковой [1], В.Н. Виноградова [2], Е.Н. Рукавишников [3], А.Б. Широкограда [4]. Отдельные аспекты изучаемого нами вопроса нашли отражение в работе британского историка Кэролайн Финкель, которая была издана на русском языке в 2014 г. [5].

Турецкий султан Мустафа III недостаточно хорошо понимал внешнеполитическую ситуацию, которая возникла в Средиземноморском и Черноморском регионах в середине XVIII в. Российская империя активно заявляла о своих правах в Восточной Европе, требуя вернуть территории, где проживало православное население Речи Посполитой. Франция, которая всегда выступала союзником Польши, стремилась максимально сорвать планы Санкт-Петербурга по расширению своих западных границ. Поэтому французские дипломаты стремились спровоцировать войну между Османской империей и Россией. Этот конфликт должен был отвлечь русскую армию от кровотока польской проблемы.

Следует подчеркнуть тот факт, что за пять лет до начала русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в Европе закончилась Семилетняя война, в которой принимали участие Франция, Великобритания, Испания, Пруссия и Россия. Силы европейских государств были значительно подорваны из-за военных действий. Османская империя смогла избежать участия в Семилетней войне и, по мнению французских дипломатов, была готова к военному конфликту против России.

Начавшаяся в 1768 г. война сразу же пошла вразрез с планами турецкого султана Мустафы III. В первых сражениях армия Османской империи потерпела ряд поражений. Российская империя изучила опыт прежних войн с Турцией и изменила стратегию ведения боевых действий. Если раньше сражения проходили на одном или двух театрах военных действий (как правило, Северное Причерноморье или Приазовье), то с 1769 г. Османская империя вынуждена была отражать наступление русских войск в Причерноморье, на Кавказе и на Балканах

[4]. На наш взгляд, наибольшее расширение территории военных действий произошло в 1770 г. Но для этой цели российское командование использовало не только сухопутную армию, но и военно-морской флот. Это было важное отличие от прежних военных конфликтов с Османской империей. В предыдущей войне с Турцией 1735–1739 гг. была сделана ставка на решающую военную кампанию, которая имела бы значительные геополитические последствия, способные привести к полному выводу противника из войны. Именно такой была военная кампания 1736 г., блестяще проведенная русской императорской армией в Северном Причерноморье и в Крыму. Ранее мы уже указывали об этом в своей предыдущей работе [6]. Но тогда впечатляющие военные успехи русской армии не были подкреплены соответствующей поддержкой военно-морского флота. И поэтому закрепить достигнутый успех не удалось.

Ситуация значительно изменилась в 1770 г. Русская войска под командованием генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева нанесли тяжелые поражения османской армии в сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. Фактически, эти крупные сражения происходили с интервалом в один месяц в июне, июле и августе 1770 г. Следствием этих побед стали падения турецких крепостей Измаил, Килия, Браилов и Бендеры. Особенно опасными для османской армии были потери крепости Килия, которая контролировала устье реки Дунай, и крепости Измаил, которая прикрывала коммуникации на Балканском полуострове.

Важность событий военной кампании 1770 г. состоит в том, что впервые в истории России ее военно-морской флот заявил о своём присутствии в акватории Средиземного моря. Для того чтобы лучше изучить особенности навигации в Средиземном море, ещё в 1764 г. русский фрегат «Надежда Благополучия» под видом торгового судна детально провел изучение местных портов и проливов. Это позволило русским кораблям без потерь и аварий внезапно появиться в восточной части Средиземноморского бассейна. Кроме того, российские дипломаты сумели добиться благоприятного нейтралитета Датского королевства и Великобритании в вопросе прохода эскадры Балтийского флота в Средиземное море. Особенно важна была нейтральная позиция британского флота. В конце 1760-х гг. Лондон стремился ослабить Османскую империю, которую активно поддерживала Франция. Это была часть тонкой дипломатической игры, поскольку в ходе Семилетней войны Франция уступила Великобритании значительную часть своих владений в Северной Америке и Индии и активно готовилась к реваншу. Такая геополитическая ситуация благоприятно отразилась на беспрепятственном проходе русской эскадры в Средиземное море.

В феврале 1770 г. корабли русского императорского флота совершили ряд десантных операций на Пелопонесском полуострове в турецкой провинции Морейя. В историографии эти события называются Первой Архипелагской экспедицией. Командовал русской эскадрой адмирал Г.А. Спиридов [1]. Появление кораблей русского императорского флота вызвало ряд антитурецких восстаний среди греческого населения. Русские моряки при поддержке греческих повстанцев взяли штурмом турецкую крепость Наварин и создали здесь свою военно-морскую базу. Для борьбы с греческими повстанцами турецкий султан Мустафа

III был вынужден направить значительные силы сухопутной армии. До начала восстания в провинции Морья эти войска планировалось использовать в боях против русской армии в Северном Причерноморье.

В июне 1770 г. русская эскадра успешно провела бой в Хиосском проливе и блокировала османский флот в порту Чесма. Именно здесь состоялась главное морское сражение, которое значительно повлияло на ход русско-турецкой войны. В ходе Чесменской морской битвы 26 июня 1770 г. весь турецкий флот был уничтожен. В результате этого разгрома вся акватория Эгейского моря перешла под контроль русской эскадры. Греческое население на островах стало переходить в российское подданство [3]. Корабли русской эскадры установили плотную блокаду пролива Дарданеллы, что позволило перекрыть доступ продовольствия и боеприпасов в столицу Османской империи. Это вызвало глубокий кризис в Константинополе и недовольство правлением султана Мустафы III.

Необходимо подчеркнуть тот факт, что Чесменское морское сражение проходило, практически, одновременно с битвой у Кагула. Эти два сражения едва не привели Османскую империю к полной военной катастрофе.

Подводя итоги, можно сказать, что военная кампания 1770 г. стала решающей в русско-турецкой войне. Основные силы Османской империи были разгромлены. Греческое население островов Эгейского моря приняло подданство Российской империи. Под влиянием побед русской армии и флота в Египте и Сирии начались антитурецкие восстания. Более того, в 1773 г. русская эскадра расширила сферу деятельности в Средиземном море и провела десантную операцию в Ливане, взяв под контроль порт Бейрут [3]. Это вызвало протест со стороны Франции, но в сложившейся ситуации она не смогла оказать действенную помощь Османской империи, поскольку готовилась к реваншу в Северной Америке. Говоря о геополитическом значении военной кампании 1770 г., следует указать на тот факт, что результатом успехов России стал возможен проект решения польского вопроса. В 1772 г. состоялся первый раздел территории Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией.

Список литературы

1. Гребенщикова Г.Л. Российские военно-морские силы в Эгейском море в 1770–1774 гг. // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 117–129.
2. Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 131–150; № 4. С. 124–149; № 6. С. 109–137.
3. Рукавишников Е.Н. Внешняя политика и пребывание российского военного флота в Средиземном море. 1770–1774 гг. // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 122–133.
4. Широкоград А.Б. Русско-турецкие войны 1676–1918 годы. Минск, 2000.
5. Финкель К. История Османской империи. Видение Османа. М., 2014.
6. Разумный В.В. Значение военной кампании 1736 года в геополитической ситуации в Черноморском регионе // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар, 2020. С. 72–76.

С.Г. Воскобойников

**ДОНСКИЕ КАЗАКИ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В КРЫМУ,
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПРИАЗОВЬЕ В ХОДЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ
ВОЙНЫ 1768–1774 ГГ.**

В работе представлены результаты исследования участия донских казаков в боевых действиях русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в Крыму, Причерноморье и Приазовье.

Ключевые слова: русско-турецкие войны, донские казаки, Крым, Причерноморье, Приазовье.

S.G. Voskoboynikov

**DON COSSACKS IN BATTLE ACTIONS IN THE CRIMEA, BLACK SEA AND AZOV
REGION DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR 1768–1774**

The paper presents the results of a study of the participation of the Don Cossacks in the fighting of the Russian-Turkish War of 1768–1774 in the Crimea, the Black Sea region and the Azov Sea.

Key-words: russian-turkish wars, don cossacks, Crimea, Black Sea region, the Azov Sea.

Поводом к обострению отношений между Россией и Турцией послужили события в Польше. На основании договоров с Турцией Россия обязывалась не вмешиваться в польские дела и не вводить свои войска на её территорию. В конце сентября 1763 г. в Польше умер король Август III (1733–1763 гг.) и начались обычные раздоры между группами польских магнатов. В числе других держав в выборы короля вмешалась и Россия, и в 1764 г. был избран ее кандидат – Станислав Понятовский (1764–1795 гг.). Борьба магнатов продолжалась и после избрания короля. Большую остроту приобрёл вопрос о правах представителей православного и протестантского вероисповедания - диссидентов. Король Станислав и его сторонники в сейме провели закон, согласно которому диссиденты получили равные права с католиками. Не довольные этим магнаты и шляхта создали Барскую конфедерацию и подняли мятеж против короля. По просьбе Станислава Понятовского в Польшу были введены русские корпуса генералов Михаила Никитича Кречетникова и Петра Федоровича Апраксина. В составе этих войск находились 2 тыс. донских казаков [1, с. 181].

В свою очередь, конфедераты обратились за помощью к Турции. Французское правительство поддержало ходатайство поляков перед султаном и использовало различные меры, чтобы поссорить Турцию с Россией. Это удалось не сразу. Французские дипломаты Шарль Гравье Верженн, Франсуа Эммануэль Сен-При, Анри-Луи Толей уговорили конфедератов уступить Турции Волынь и Подолию, в обмен на её помощь Польше. Предложение Турцию устроило.

В это время гайдамаки (формально подданные Российской империи) напали на пограничное турецкое с. Балту. Турецкое правительство потребовало наказать виновных. Что и было сделано российской стороной. Но султан Мустафа III (1757–1774 гг.) предъявил новые претензии. 6 октября 1768 г. великий визирь Халил-бей вызвал к себе русского посла Алексея Михайловича Обрезкова, объявил ему о начале войны и заключил в Семибашенный замок.

Русские войска были разделены на 3 армии: главная, под командованием фельдмаршала князя Александра Михайловича Голицына (около 65 тыс. чел.), собиралась у Киева; вторая армия, генерала Петра Александровича Румянцева (до 43 тыс. чел.), должна была защищать южные границы России от вторжений татар и располагалась между Полтавой и Бахмутом; третья армия, генерала Пётра Ивановича Олица (до 15 тыс. чел.), расположенная около г. Дубно, предназначалась для поддержки главной армии. За время военных действий сквозь огонь сражений под командованием походных атаманов Михаила Осиповича Поздеева, Тимофея Грекова, Дмитрия Мартыновича Мартынова, Никифора Никитича Сулина прошли 22 тыс. донских казаков [2, с. 157].

В январе 1769 г. войска Крымского хана совершили набег в Приазовье, но получили отпор. В ответ на это 6 марта отрядом генерала Максима Васильевича Берга (батальон пехоты и донской казачий полк Якова Ханжонкова), были заняты и восстановлены укрепления Азова и Таганрога. 15 апреля 1769 г. А.М. Голицын перешел р. Днестр и попытался овладеть крепостью Хотин. Но осаду пришлось прервать из-за недостатка в продовольствии и вернуться в Подолию. Где армия князя А.М. Голицына простояла 2 месяца. Отряд генерала М.В. Берга продвигался Перекопу. 9 сентября 1769 г. Хотин был занят русскими войсками. После чего А.М. Голицын отошел к г. Меджибожу, чтобы находиться поближе к своим базам снабжения. Екатерина II (1762–1796 гг.), недовольная А.М. Голицыным, назначила на его место П.А. Румянцева, а вторую армию возглавил генерал Петр Иванович Панин.

В результате боевых действий в 1770 г. (победоносные сражения: 16 июня у Рябой Могилы, 7 июля на р. Ларге, 21 июля на р. Кагул) русская армия прочно обосновалась в дунайских княжествах (Молдавии и Румынии); произошёл переход в подданство России ногайско-татарских Буджацкой и Едисанской орд, что послужило примером для крымских татар; султан Мустафа III сверг Каплан-Гирея и посадил на крымский престол Сахиб-Гирея, что раскололо татар на сторонников Турции и её противников.

Главной целью военных действий в 1771 г. было установлено овладение Крымом. Исполнение этой задачи возлагалось на 2-ю армию, состоявшую из 11 пехотных и 13 конных полков, а также 7 тыс. казаков под командованием походного атамана Михаила Сидоровича Себрякова [1, с. 188]. Руководство этими силами было доверено генерал-аншефу князю Василию Михайловичу Долгорукову. В это время султан Мустафа III с помощью иностранных инструкторов реорганизовал свою армию. перебросил значительные силы в крепости на Дунае. Уже в мае 1771 г. турецкие отряды стали делать набеги в Валахию и старались вытеснить оттуда русские войска. Эти попытки продолжались до глубокой осени и были отбиты благодаря бдительности и самоотверженности донских казаков.

В июне 2-я армия князя В.М. Долгорукова овладела Кинбурном и Перекопом. Бои за Перекоп продолжались 2 дня. Здесь 38 тыс. русскому корпусу противостояла 75-тыс. турецко-татарская армия. Перекопские укрепления представляли собой: 7-километровый вал, высотой 6–7 метров, три бастиона и 5 башен.

Есаул Запорожского войска Евстафий Кобеляк провёл со своими казаками подробную разведку подступов к укреплениям, промерял глубину рва и Сиваша, высоту вала. Князь В.М. Долгоруков разделил войска на несколько отрядов. Три полка казаков оказались под командованием генерал-майора князя Александра Александровича Прозоровского. В этот отряд также входили 4 батальона пехоты, 30 эскадронов кавалерии и 14 орудий. Форсировав залив Сиваш, отряд столкнулся с 40 тыс. чел. в корпусе крымской конницы. В ожесточённом бою противник был разбит и бежал. М.С. Себряков захватил с казаками 4 вражеских бунчука, за что был награждён именной золотой медалью и серебряным ковшом с дарственной надписью. Войсковой старшина Ефим Дмитриевич Кутейников со своими казаками отбил в бою у противника два знамени. Отличился в этом сражении и восемнадцатилетний Матвей Иванович Платов. Он был пожалован офицерской шпагой. Проявил отменную храбрость и есаул Тимофей Петрович Денисов. В это время, остальные русские отряды овладели перекопскими укреплениями. Отступление неприятеля сделалось всеобщим. Трофеями стали: 172 орудия, 25 тыс. ядер, 1300 бомб, 16 т. пороха, в плен были захвачены 871 чел. [1, с. 189].

16–17 июня отряд генерал-майора князя Фёдора Фёдоровича Щербатова, при поддержке азовской флотилии Алексея Наумовича Синявина, овладел крепостью Арабат на одноимённой косе в Азовском море. 22 июня войска В.М. Долгорукова заняли г. Гёзлев (русские называли его Козлов (Евпатория)). 29 июня была захвачена Кафа (Феодосия). В этом сражении русским удалось разгромить 95 тыс. армию крымского хана. Здесь вновь отличился Е.Д. Кутейников, который со своими донцами, отбил у противника 5 знамён. За что был награждён 30 червонцами и портретом Екатерины II [1, с. 189].

Но сторонники Селим-Гирея продолжали совершать постоянные нападения на подразделения русских войск. Особенно опасным было форсирование рек. Казаков направляли на фланги, в авангард и арьергард, чтобы под их прикрытием перейти водную преграду. По признанию многих русских генералов, казачья конница по универсальности выполняемых задач превосходила русскую регулярную кавалерию, и давала достойный отпор неприятелю. Армия В.М. Долгорукова овладела Еникале (Керчь), Балаклавой. Селим-Гирей был вынужден бежать в Стамбул (Константинополь). Победы русских войск не только в крупных сражениях, но в мелких боевых столкновениях, мизерная помощь со стороны Турции – всё это заставило крымскую знать искать мира с Россией. Был подписан договор, по которому Крым объявлялся независимым государством под покровительством России. После этого, кроме оставленных в некоторых городах гарнизонов, наши войска были выведены из Крыма.

Список литературы

1. Малыхин К.Г., Воскобойников С.Г. и др. История Донского края. Ростов н/Д, 2018.
2. Агафонов А.И., Астапенко М.П. Борьба за Северное Причерноморье и степное Предкавказье. Донцы в русско-турецких войнах середины и второй половины XVIII в. // История донского казачества: в 3 т. Донское казачество в составе Российской империи в XVIII – XX в. / отв. ред. А.И. Агафонов. Ростов н/Д, 2020. Т. II.

В.В. Клочков, В.С. Назарова

**ГРАДОНАЧАЛЬНИК ТАГАНРОГА БАЛТАЗАР КАМПЕНГАУЗЕН
(1772–1823): ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ**

В статье рассматриваются ключевые аспекты биографии одного из выдающихся администраторов российской империи первой трети XIX в. Б.Б. Кампенгаузена. Сделан акцент на его достижениях в период пребывания на посту градоначальника Таганрога в 1805–1809 гг. Показывается, что таганрогский период стал успешным прологом к дальнейшей административной карьере Б.Б. Кампенгаузена и оценивается его роль в качестве персонажа «второго плана» в истории.

Ключевые слова: Балтазар Балтазарович Кампенгаузен, политическая биография, герои «второго плана» в истории и историографии, Российская империя в первой трети XIX в., государственное управление, Таганрог.

V.V. Klochkov, V.S. Nazarova

**BALTHAZAR KAMPENGAUZEN (1772-1823) GOVERNOR OF TAGANROG:
PORTRAIT ON THE BACKGROUND OF THE EPOCH**

The article examines the key aspects of the biography of one of the outstanding administrators of the Russian Empire in the first third of the XIX century, Balthasar von Campenhausen. Emphasis is placed on his achievements during his tenure as mayor of Taganrog in 1805–1809. It is shown that the Taganrog period has become a successful prologue to the further administrative career of Balthasar von Campenhausen. His role as a «backstage heroes» in history is also evaluated.

Key words: Balthasar von Campenhausen, political biography, «backstage heroes» in history and historiography, Russian Empire of the thirst third of the XIX century, public governance, Taganrog.

Таганрог – второй по величине промышленный, научно-образовательный, культурный и рекреационный центр Ростовской области, а также крупный логистический центр. Город расположен на берегу Таганрогского залива Азовского моря в 65 километрах к западу от столицы региона – города Ростова-на-Дону и в 40 километрах от границы с Украиной. Образует городской округ Таганрог и является самым западным городом Ростовской области. По данным на 2021 г. численность населения Таганрога составляет 248 269 чел., а сам город является типичным средним городом России [1, с. 8–9].

Основанный в 1698 г. Петром I как крепость, Таганрог к концу XVIII в. постепенно утрачивает военное значение и становится крупнейшим торговым портом на юге Российской империи. Главным экспортным товаром была пшеница, специальный сорт которой под названием «Таганрог» (твердая пшеница) особо ценился на юге Италии и заслуженно считался лучшим для приготовления пасты. Тогда же завязываются интенсивные торговые связи с Италией, и в городе появляется большое количество итальянцев, внесших, наряду с греками, большой вклад в историю и культуру Таганрога. Ещё торговали пенькой и льном, а также паюсной икрой [2, с. 65–67].

К началу XIX в. в городе открываются консульства 15 государств (в том числе Бельгии, Великобритании, Греции, Дании, Италии, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Персии, Турции и Швеции), компактно расположенных на

улице в восточной части города, и поныне носящей название Конторской. В городе в целом было до 300 жилых домов, три деревянные церкви (Николаевская, Михайловская и Греческая), продовольственные склады и крупнейшие на юге страны такелажные мастерские. Население города приближалось к 10 тыс. чел. Участник войны 1812 г. генерал Н.Н. Раевский, побывавший в Таганроге в 1820 г., писал, что «город на хорошем месте, и хотя строением беден, но приносит правительству вдвое против Одессы» [2, с. 70].

Важность Таганрогского порта в экономике Юга России начала XIX в. подтверждалась и тем, что в 1802 г. город становится административным центром вновь учрежденного Таганрогского уезда. В следующем году в Таганроге было учреждено градоначальство, и первым градоначальником стал генерал от инфантерии Аполлон Андреевич Дашков (1803–1805). Его портрет, как и портреты его последователей на этом посту, ныне хранится в специальной галерее дворца Алфераки (1848 г., дворец зерноторговца Н.Д. Алфераки, архитектор – профессор Петербургской академии художеств А.И. Штакеншнейдер, ул. Фрунзе, 41). Первый градоначальник Таганрога подчинялся непосредственно императору [2, с. 71].

В 1805 г. градоначальником стал герой нашего повествования Балтазар Балтазарович Кампенгаузен (1805–1809), которому город обязан своей славой в начале XIX в. Именно при нем был учрежден Таганрогский таможенный округ, куда входили таможни и заставы Керчи, Мариуполя, Бердянска и Ростова-на-Дону. Годом позже открывается первая на юге России Александровская гимназия (ныне существующее здание – 1843 г., архитектор Ф.К. Боффо, ул. Октябрьская, 9), заложившая основу сети образовательных учреждений города. Для ее размещения Б.В. Кампенгаузен пожертвовал свой личный дом. В 1806 г. в Таганроге учреждается городская полиция и строится «Тюремный замок» – тогда он находился на окраине города, теперь же – в самом его центре (ул. Ленина, 175). Удивительно, что в современном Таганроге он выполняет ту же функцию: там расположен городской следственный изолятор. В том же году учреждается городской парк – один из первых регулярных парков в городах России (ныне на пересечении ул. Петровской и Б. Садового переулка). Наконец, в 1808 г. в Таганроге учреждается первый в Российской империи коммерческий суд под председательством статского советника А. Шауфуса [3, с. 324–325].

Б.Б. Кампенгаузен стал первым градоначальником Таганрога, имя которого было увековечено на карте города – переулок, ведущий от здания гимназии к городскому рынку получил название Большого Кампенгаузеновского (ныне Комсомольский переулок). При Б.Б. Кампенгаузене окончательно складывается структура управления городом. До 1808 г. в городе фактически было два магистрата – русский и греческий, что приводило к многочисленным разногласиям и неурядицам. Б.Б. Кампенгаузену удалось утвердить принцип единоначалия, но даже его авторитета не хватило для того, чтобы избрать городскую думу. Это случилось в Таганроге только в 1831 г. [3, с. 326].

Что же до биографических подробностей жизни нашего героя, то Б.Б. Кампенгаузен (нем. Balthasar von Campenhausen) происходил из

лифляндского дворянства и был вторым бароном в роду. Он получил блестящее образование, и как было отмечено современниками, «учился неспешно и обстоятельно, не торопясь на государственную службу» [4, s. 184–185]. Он окончил частную школу в Риге, а затем знаменитый Геттингенский университет, защитив в 1792 г. диссертацию «Основания российского гражданского права». Первый практический опыт юноша приобрел при русских посольствах в Польше и Швеции, а первую государственную должность на русской службе получил в 1797 г., когда по поручению императрицы Марии Федоровны стал (в 25 лет) заведовать Рижским коммерческим училищем [4, s. 187].

Когда в 1799 г. училище было переведено из Риги в Санкт-Петербург, именно Б.Б. Кампенгаузену выпало заниматься реорганизацией не только теперь уже Санкт-Петербургского коммерческого училища, но и Медико-хирургического института. К началу 1802 г. у нашего героя был готов план создания государственной медицинской управы при Министерстве внутренних дел. Не будет преувеличением сказать, что Б.Б. Кампенгаузен стоял у истоков профессионального медицинского образования в России.

В том же 1802 г. в судьбе Б.Б. Кампенгаузена произошел довольно крутой поворот. Талантливый администратор, получивший к тому времени придворный чин камергера, он был назначен на пост градоначальника Таганрога. О его заслугах на этом посту уже сказано выше, теперь же стоит привести характеристику Б.Б. Кампенгаузена, которую ему дал известный историк Таганрога конца XIX – начала XX вв. П. Филевский. В своей знаменитой «Истории города Таганрога» он писал: «Никто из таганрогских администраторов не сделал столько для города, как он; это был образец энергии и понимания нужд края, где действовать он был призван,... он был не только талантливейшим администратором в истории нашего города, но и один из крупнейших администраторов Александровской эпохи, как довольно редкий для России тип честного и неподкупного чиновника, во всех случаях руководствовавшегося интересами дела» [2, с. 68].

Именно неподкупность и честность стали причиной того, что в 1809 г. (в 37 лет) Б.Б. Кампенгаузен назначается на должность государственного казначея, а два года спустя получает чин тайного советника и должность сенатора. Именно стараниями Б.Б. Кампенгаузена в Российской империи образуется Главное управление ревизии государственных счетов (на правах министерства) – современный аналог Счетной палаты. В тесном сотрудничестве с известным реформатором М.М. Сперанским новоиспеченный сенатор и фактически министр разработал порядок и устав деятельности нового учреждения. Согласно этим документам, новое управление должно было отвечать за проверку всех приходно-расходных операций по казенным счетам [4, s. 189].

Главной проблемой для Б.Б. Кампенгаузена на новом посту стало то обстоятельство, что Главное управление ревизии государственных счетов, в отличие от прочих учреждений империи, не имело своих подразделений на местах даже на губернском уровне. Вследствие этого любые ревизии казенных счетов должны были осуществляться непосредственно из Петербурга, да и

скудная оплата сотрудников также не способствовала качеству проверок. Наш герой оставил по этому поводу весьма красноречивое замечание, отметив, что «выполнение служебных обязанностей осложняла чрезвычайная сложность и скученность, в которой у нас большая часть отчетов предоставляется, при том общем негодовании, кое ревизоры всегда лично на себя навлекают, коль скоро по долгу своему коснутся какого-либо частного интереса». Порядок работы, установленный Б.Б. Кампенгаузеном во вверенном ему учреждении, практически без изменений просуществовал до великих реформ 60–70-х гг. XIX в. [3, с. 366].

В июне 1823 г. карьера Б.Б. Кампенгаузена достигла своего пика – он стал временно управляющим Министерством внутренних дел с перспективой вскоре быть утвержденным министром. Однако в августе того же года во время конной прогулки на своей даче под Петербургом он упал с лошади и от полученных травм скончался месяц спустя. Заслуги Б.Б. Кампенгаузена как человека безукоризненной честности и редкого административного дарования, были отмечены не только официальными наградами и чинами. Надгробная речь, прочитанная на его похоронах, была литографирована, чего удостоивались немногие выдающиеся личности того времени. В память о пребывании Б.Б. Кампенгаузена на посту градоначальника Таганрога его именем был назван один из переулков, ведущих к городскому парку (ныне – переулок Спартаковский) и один из спусков к морю. По постановлению городской Думы Таганрога в 1832 г. в зале заседаний был вывешен его портрет (ныне хранится в парадном зале дворца Алфераки, где теперь размещен краеведческий музей города). [5, с. 128].

В жизни Б.Б. Кампенгаузена отразились все характерные черты, свойственные героям «второго плана» в историческом повествовании. Дело не только в том, что этим персонажам уделяется меньше внимания по сравнению с их более известными современниками, не так обширен фонд источников, или не столь значительно само историческое полотно, на фоне которого разворачиваются биографические подробности. В фигурах «второго плана», и первая треть XIX в. в истории России – одно из наиболее ярких подтверждений этому, по-иному выглядит сама эпоха: ее достижения кажутся не столь значительными, пороки – более очевидными, а связь с традицией – многогранной и сложной по характеру [6, с. 166]. Эти особенности ясно различимы на примере биографии Б.Б. Кампенгаузена – одного из наиболее выдающихся администраторов, создателя прообраза счетной палаты и более широко – системы государственной статистики в целом. Его заслуги оказались не до конца поняты современниками, ибо кому, кроме профессиональных историков, интересна скучная рутинная профессиональная бюрократия, и, как представляется, еще не оценены по достоинству потемками. Не слишком удачная профессиональная карьера (он не стал врачом, хотя именно в этом видел свое призвание) и не сложившаяся личная жизнь (детей у Б.Б. Кампенгаузена не было, а о его жене – Прасковье Петровне Перич мы не знаем почти ничего, кроме самых общих данных и случайно сохранившегося маленького портрета) дополняют портрет нашего героя. В историографическом же

смысле Б.Б. Кампенгаузен интересен тем, что, несмотря на обилие источников, его биография является едва ли не единственным жизнеописанием администратора первой трети XIX в., имеющего провинциальные южные корни. Однако будем справедливы: Б.Б. Кампенгаузену всё же повезло в том отношении, что о его коллегах по нелегкому административному ремеслу зачастую известно и того меньше.

Список литературы

1. Орлов Г.Н., Найговзин Л.И., Цимбал А.А. Памятники архитектуры, истории и культуры Таганрога. Таганрог, 2014.
2. Филевский П.П. История города Таганрога. Таганрог, 2019.
3. Управленческая элита Российской империи (1802–1917) / под ред. А.А. Фурсенко. СПб., 2008.
4. Campengausen, Baltasar von // Baltisches Biographisches Lexicon. 2016 (Digital ed.).
5. Государственность России. М., 1996. Кн. 1.
6. Клочков В.В. Ф.Р. Бонэм и изменения в электоральной организации партии ториконсерваторов в 1830–1835 гг. // Британские исследования. СПб., 2018. Вып. 5.

В.Г. Тур

О ЗАРОЖДЕНИИ РОССИЙСКОГО ВИНОГРАДАРСТВА И ВИНОДЕЛИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Автором в статье рассматривается исторический процесс освоения Российской империей Юго-Восточного Крыма и, в частности, развития виноградарства и производства ликерных и сухих вин с конца XVIII до середины XIX веков. Отмечается важная роль в развитии виноделия академика П.С. Палласа и Таврического гражданского губернатора Д.Б. Мертваго, а также подчеркивается поддержка их начинаний императорами Павлом I и Александром I.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, виноградарство, виноделие.

V.G. Tur

ABOUT THE ORIGIN OF RUSSIAN VITICULTURE AND WINEMAKING IN THE SOUTH-EASTERN CRIMEA

The author of the article discusses the historical process of the Russian Empire's development of the Southeastern Crimea and, in particular, the development of viticulture and the production of liqueur and dry wines from the end of the XVIII to the middle of the XIX centuries. The important role of Academician P.S. Pallas and Tauride civil governor D.B. Mertvago in the development of winemaking is noted, and the support of their undertakings by Emperors Paul I and Alexander I is also underlined.

Key words: Russian Empire, Crimea, viticulture, winemaking.

Юго-Восточный Крым сегодня трудно представить без обширных виноградников и всемирно известных ликерных, игристых и сухих вин, производство которых чаще всего связывают с активной деятельностью князя Л.С. Голицына. В то же время, следует отметить, что виноградарство имеет глубокие исторические корни и является местной традицией, связанной с древнегреческой колонизацией и в последующем, в христианский период средневековой истории, когда

данный регион входил в состав Византийской империи и после ее падения оказавшейся под контролем венецианцев и генуэзцев. Бесспорно, на развитие виноделия влияли не только бытовые запросы, но и православные церковные организации, нуждающиеся в насыщенных красных винах для осуществления обряда Таинства Святого Причастия, т.е. вкушения «крови и тела Господня», в котором кровь представляется специальным церковным вином. Наличие в регионе большого количества средневековых Православных храмов и монастырей, а также объектов Армянской Апостольской церкви сегодня подтверждается археологическими исследованиями, а, следовательно, существовала потребность в развитии виноградарства и виноделия. Производству ликерных вин способствовал исключительно теплый климат и почвы данного региона.

Последовавшая исламизация Юго-Восточного Крыма в период Османского завоевания 1475 г. привела к существенному сокращению виноделия. Вторая волна уменьшения числа виноградников вероятно связана с эмиграцией христианского населения в 1779 г. Как следствие, на короткое время были утеряны древние традиции. Тем не менее в «Камеральном описании Крыма» 1794 г. в Юго-Восточном Крыму упоминается о 274 дес., занятых под виноградные сады [10, с. 4]. Крымские татары-мусульмане сохранили и продолжали разведение виноградников для производства собственно винограда как садовой культуры, шедшей на продажу, для изготовления бекмеса и других неалкогольных целей.

После присоединения Крыма к России об исключительных условиях развития виноградарства и виноделия в Юго-Восточном Крыму писали академик П.С. Паллас, К.И. Габлиц, принц К.Г. Нассау-Зиген, И.А. Муравьев-Апостол [2, с. 118; 11, с. 205, 12, с. 156]. Не обошел своим вниманием регион и кн. Г.А. Потемкин, который завел себе собственный сад под Судакком на склонах горы Ай-Георгий, где были высажены 5 тыс. токайских лоз, привезенных знаменитым венгерским виноделом И. Бимбалазарем. Греческие сорта были высажены садовником из архипелагских греков Кебаком [9, с. 123; 17, с. 65]. Устроил свой виноградник в Судакской долине и академик П.С. Паллас. Одновременно брошенные мигрировавшими в Турцию татарами земли скупались российскими помещиками или передавались в собственность государству под казенные сады. Управление этими садами в Крыму было поручено приглашенному князем французскому ученому И. Банку, которого в 1787 г. сменил на посту Я. Фабр. Уже на рубеже XVIII – XIX вв. производство вина в Крыму существенно выросло. В России пользовались спросом марки Судакское Сарандовское, Судакское Палласовское, Судакское белое, Судакское сладкое, Судакское Мордвиновского сада и другие. Было отмечено, что в Юго-Восточном Крыму лучше всего растут лозы местных сортов и, прежде всего, Кокур [15].

Тем не менее, если говорить о начале именно российского виноделия в Юго-восточном Крыму, следует обратиться к событиям начала XIX в. Для развития виноградарства и виноделия требовались не любители, а профессионалы. Идея создания виноградарского училища в Судаке принадлежит еще Павлу I, который в 1798 г. распорядился выделить для его основания земли в Судакке и Козах [4, л. 68]. В 1803 г. уже Александр I поручил подготовить проект создания в

Крым и на Кавказе двух учебных заведений для обучения виноградарей с целью развития виноделия на юге России. 21 мая 1804 г. он утвердил предложение министра внутренних дел графа В.П. Кочубея о создании в Судаке виноградарского училища [4, л. 67]. Общая площадь выделенных для училища садов составляла 55 десятин. Располагались они в Судакской, Козкой, Отузкой, Кутлакской и Воронской долинах. Впрочем, Павел I и Александр I никогда не был в данном регионе [16]. Можно предположить, что инициатива создания упомянутого заведения принадлежала академику П.С. Палласу и Таврическому гражданскому губернатору Д.Б. Мертваго, которые приняли непосредственное участие к созданию первого в России учебного заведения виноградарей.

Министр внутренних дел граф В.П. Кочубей, касаясь найма специалистов во Франции, сетовал на «трудность с какою сопряжен вывоз людей с хорошим поведением, соединяющих в себе современное знание своего ремесла» [3, л. 1]. Тем не менее коммерц-советнику К.С. Рувье, которому предписывалось «доставить в Россию как искусных в виноделии людей, так и лучших виноградных лоз» удалось заключить в конце 1803 г. в г. Марселе договор с французами Антуаном Кони (купор и бочар) и виноградарем Бераром, а также закупить партию саженцев и виноградных лоз для судакских садов. Однако по прибытии специалистов в Судак выяснилось, что ничего не было готово к организации их работы, а выделенные по договору на их содержание суммы не соответствовали местным ценам. В итоге академик П.С. Паллас разместил французских специалистов в своем имении, а лозы и саженцы деревьев «до времени, пока устроено будет виноградное училище» были высажены в Ливадии, на специально выделенном участке в его же имении [4, л. 68].

29 мая 1804 г., коммерц-советник К.С. Рувье сообщал из Карфагена о повторной закупке в Малаге виноградной лозы и найме еще двух виноградарей с семьями для организации виноградарства в Судаке. Увы, но их ждала предшественников. Вторая партия саженцев, закупленных для Судакского училища, ввиду отсутствия такового была высажена в южнобережных владениях теперь самого коммерц-советника, который при покровительстве Министра внутренних дел графа В.П. Кочубея, получил не только земли для развития виноградарства, но и 12 тыс. государственной суды, а также безвозмездно закупленные за государственные средства саженцы [4, л. 95–97].

Только 6 сентября 1804 г. Император Александр I учредил штат училища, средства на строительство и расходы на содержание мастеров, включая иностранцев и самих обучающихся [5, л. 148]. Однако и здесь возникли проблемы организационного порядка ввиду отсутствия желающих среди местного населения отдавать своих сыновей в обучение новому делу. Проблема была решена путем отбора на обучение 10 учеников из числа воспитанников Херсонского, Перекопского и Ахтиарского военно-сиротских отделений «знающих грамоту, проворных и понятливых», а также 20 чел. из числа рекрутов. В перспективе они могли получить статус подмастерий и мастеров виноградарского дела, но обязаны были отслужить в сфере виноградарства и виноделия 25 лет. Если по истечении 10 лет в звании мастера они проявят «достаточное искусство и будут при

том добропорядочного поведения» предписывалось выделить им в собственность из казны участок для виноградного сада и десятину для индивидуального хозяйства. Дети выпускников училища причислялись к числу «солдатских» и обязаны были поступать на вакансии в данное учебное заведение наследуя мастерство родителей [6, л. 152]. Тем не менее, учебное заведение, построенное в урочище Ачиклар просуществовало всего 34 года и в 1838 г. было закрыто. Закрепленные за ним земли были переданы в аренду или собственность частным лицам, что впрочем не остановило процесса развития виноградарства и виноделия в Юго-Восточном Крыму. По сведениям Центрального статистического комитета в начале 70-х гг. XIX в. в Феодосийском уезде вод виноградниками числилось уже 1910 дес. земли, из которых 1670 десятин находилось в долинах Таракташской волости [13, отд. V, с.15]. К середине XIX в. из числа более сотни местных и иностранных сортов, в регионе с учетом климатических условий закрепились виноградные сорта: кокур-ирма, асма, кишмиш, рислинг, рулендер, заит и мускатель. Особое предпочтение виноделы отдавали кокуру, наиболее устойчивому к неблагоприятным погодным условиям и отличающемуся лучшими качествами для виноделия, имеющему мягкую кожу и высокий процент сахара [1, с. 150; 8, с. 26-34]. В то же время, существовало две проблемы, мешавшие развитию виноградарства, а следовательно и виноделию: дороги и вода. Вопрос сухопутного сообщения и даже учреждения почтовой станции был частично решен в 1827 г. [7, с. 87]. Что касается воды, которую удавалось сохранять в небольших водосборниках, например, в Таракташской волости между местными жителями, колонистами и российскими владельцами садов был достигнут консенсус и подача воды для полива осуществлялась по согласованному графику [13, с.26, 125]. Такая инициатива ставилась губернским начальствам в пример иным волостям, где спорны из-за воды особенно в засушливые годы иногда перерастали в серьезные конфликты.

После раздачи государственных садов, главными производителями вина в Юго-Восточном Крыму становятся так называемые помещики-рационализаторы, колонисты, купцы и даже государственные крестьяне. В большинстве хозяйств использовались мельницы и прессы которые изготавливались в Симферополе. Но в ряде богатых хозяйств приобретали усовершенствованное импортное оборудование, например, прессы европейского образца: Леруа-Денговские и системы бр. Мабиль. По мнению специалистов, в XIX в. виноделие данного региона оказалось наиболее развитым в Таврической губернии. [13, рид. V, с. 34].

Из числа вин производимых виноделами Юго-восточного Крыма в XIX в. известность приобрели: белые – Сотерн, Траминер, Рислинг, Бургундское белое, Токай; красные – Бургундское, Алеатик, Бордо, Лафит, Красное столовое и из сладких – Мускаты. Как отмечалось в статистических документах «Наиболее крепки... вина из окрестностей г. Феодосии и Судакской долины. Например, Судакские вина, представленные на Ялтинскую выставку в 1884 г., вообще отличались своими хорошими качествами, свидетельствуя о правильно веденной выдержке...» [14, с. 35]. Основными скупщиками вина были купцы из Одессы, Киева, Харькова, Таганрога, Ростова на Дону и других Малороссийских или южных

регионов. Лучшие марки получили широкую известность в Петербурге и Москве.

Таким образом уже к середине XIX в. при поддержке Российского государства в Юго-Восточном Крыму не только были восстановлены древние винодельческие традиции, но данная отрасль приобрела промышленные масштабы и стала важным источником дохода для местных производителей.

Список литературы

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Таврическая губерния. СПб., 1849. Ч. 2.
2. Габлиц К.И. Физическое описание Таврической области, по ея местоположению, и по всем трем царствам природы. СПб., 1785.
3. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 26. Оп. 1. № 542. Письмо Министра внутренних дел графа В. Кочубея Таврическому гражданскому губернатору Д.Б. Мертваго с приложением копии с Высочайшего подтвержденного 21 мая 1804 г. доклада о заведении виноградного училища в Крыму и о земле под оное назначенной. 31 мая 1804 г., № 302. Л. 66–77.
4. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. № 542. О принятии вывезенных из Малаги Коммерции Советником Рувье двух виноградарей и рассмотрении нужно ли будет какое-либо количество для училища земель им предназначаемых. 9 августа 1804 г., № 548. Л. 121–122.
5. Доклад Министра внутренних дел Императору Александру I. 6.09.1804. СПб. // ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. № 542. Л. 148–152.
6. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. № 542. О назначении из Херсонского, Перекопского и Ахтиарского военно-сиротских отделений 10 учеников для виноградного училища. Письмо министра внутренних дел графа В. Кочубея к Таврическому гражданскому губернатору Ю.Б. Мертваго. 15 августа 1804 г., № 559. Л. 125–131.
7. Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825–1860 гг. М., 1981.
8. Кеппен К.Ф. О виноделии и винной торговле в России. СПб., 1832.
9. Крючков А.В. Присоединение Крыма к России: последняя четверть XVIII – начало XIX вв. Саратов, 2019.
10. Маркевич А.И. Из прошлого Крымского виноградарства и виноделия // Вестник виноделия Украины, 1927. № 9–12. Цит. по: История виноделия Крыма. Сб. Массандра, 2000. Вып. 1.
11. Муравьев-Апостол И.А. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823.
12. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.
13. Памятная книга Таврической губернии / под ред. К.А. Вагнера. Симферополь, 1880.
14. Соломон. Вина на Ялтинской выставке 1884 г. // Записки Имп. Общ. С.Х. Юж. России. 1885. № 4–5. С. 181. Цит. по: Памятная книга Таврической губернии / под ред. К.А. Вагнера. Симферополь, 1880. Отд. 5. С. 35.
15. Тимиргазин А.Д. Судак. Путешествия по историческим местам. Симферополь, 2000. URL: https://royallib.com/read/timirgazin_a/sudak_puteshestviya_po_istoricheskim_mestam.html#102400 (дата обращения 05.04.2022).
16. Тимиргазин А.Д. «...Идея единения Вас и России». Романовы в Судак. 2012 // Официальный сайт Таврического отдела Союза ревнителей Памяти Государя Императора Николая Второго. URL: <http://skipetr.blogspot.com/2012/05/blog-post.html> (дата обращения: 05.04.2022).
17. Усейнова Э.Т. Етносело як аналог села кримських татар в Алуці часів М.С. Воронцова // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2012. № 239. С. 65–68.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА И МЕЖЕВАНИЯ ЮЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ В XIX В¹

В статье поднимается проблема изучения состояния земельного фонда южных территорий России в XIX в. и связанные с ним вопросы межевания. Автор раскрывает возможности исследования землепользования и межевания на примере Ростовского и Славяносербского уездов Новороссийской губернии.

Ключевые слова: землеустройство, генеральное межевание, Ростовский уезд, Славяносербский уезд, экономические примечания, мелочные дела.

L.G. Stepanova

THE PROBLEM OF STUDYING LAND MANAGEMENT AND SURVEYING OF THE SOUTHERN TERRITORIES OF RUSSIA IN THE XIX CENTURY

The article raises the problem of studying the state of the land fund of the southern territories of Russia in the 19th century and related boundary issues. The author reveals the possibilities of studying land use and land surveying on the example of the Rostov and Slavyanoserbbsky districts of the Novorossiysk province.

Key words: land management, general land surveying, Rostov district, Slavyanoserbbsky district, economic notes, petty matters.

В конце XVIII в. в результате русско-турецких войн к Российской империи присоединились обширные южные территории Северного Причерноморья, Крыма, Тамани и правобережной Кубани. В первой половине XIX в. в состав России было включено Черноморское побережье от устья реки Кубани до Поти. К 1864 г. завершилась Кавказская война, в результате которой к России присоединились земли в предгорьях и горах северной части Главного Кавказского хребта. Большинство территорий, вошедших в это время на юге в состав Российской империи, были малозаселенными, или испытали отток населения из-за военных действий и несогласия с результатами окончившихся войн. Огромные массивы земли нуждались в заселении, землеустройстве и межевании. Аграрное перенаселение районов старого расселения приводило к усилению миграционных потоков на южные окраины. Однако освоение региона шло очень медленно. Многие земли продолжали использоваться для скотоводства. Трудности в развитии земледелия были вызваны новыми природно-климатическими условиями, к которым не успели приспособиться переселенцы, и связанными с освоением региона нерешенными вопросами землепользования и межевания.

С 1811 до 1863 г. на южных территориях России отмечался самый значительный прирост населения. По подсчетам А.Г. Рашина, на 699,7 тыс. (280%) увеличилось количество населения на Земле Войска Донского, на 959,7 тыс. (259%) – в Херсонской губернии, на 351,9 тыс. (138%) – в Таврической губернии. На Земле Войска Черноморского численность населения увеличилась на 153,8 тыс. (846,5%) [1]. В 1820-1830-х гг. в Екатеринославской (бывшей Новороссийской) губернии интенсивно осваивались Ростовский и Александровский

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00330, <https://rscf.ru/project/22-28-00330>.

уезды, большой приток населения испытывала малоосвоенная пограничная Херсонская губерния [2, с. 115].

До нынешнего времени проблемы землепользования и межевания в комплексе с проблемами заселения и освоения южных территорий Российской империи в XIX в. в исторической науке не рассматривалась. В фундаментальном исследовании В.М. Кабузана в качестве источников материалы Генерального межевания не привлекались [2]. Отдельные вопросы освоения территории Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний в последние годы рассмотрены в этностатистическом очерке В.Я. Бойко [3]. Генеральное межевание, проводившееся на территории Новороссии и Крыма в конце XVIII – первой половине XIX в., оказывалось в центре внимания лишь некоторых исследователей. Среди современных работ стоит выделить работы И.В. Петровой, посвященные изучению становления системы кадастрового учета и анализу основных нормативно-правовых документов, которые сформировали юридическую основу генерального межевания на Юге Украины [4]. На основе материалов Генерального межевания Херсонской губернии базируется работа Д.З. Фельдмана, изучающего еврейскую колонизацию Северного Причерноморья [5]. Проектам предстоящего межевания территории Крыма в рамках изучения его интеграции в состав Российской империи в конце XVIII – начале XIX века уделил внимание Д.В. Конкин [6], источники и ход начавшегося процесса межевания земель на полуострове изучала Л.Л. Кузьмина [7].

Заселение южных российских территорий в XIX в. обеспечило надёжное прикрытие государственных границ Российской империи. В первой трети XIX в. на территории Новороссии и Крыма проводились основные работы по межеванию территории. Однако они затянулись из-за специфики каждого региона, выработки специальных правил межевания и решения возникавших земельных споров. После переселения черноморских казаков на Кубань работы по межеванию были отложены в связи с необходимостью окончательного установления землеустройства [8]. Заселение Закубанского края тесно связано с историей Кавказской войны, созданием Кубанской области, проблемами заселения Нагорной полосы, освоением Черноморского побережья. В ходе дальнейшего расширения территории Российской империи и проведения аграрной реформы Александра II необходимость повсеместного и тщательного межевания земель ещё более обострилась. В первую очередь, межевание требовалось для устранения земельных споров [9]. Нерешенные проблемы поземельных отношений отражались на многих сферах общественной жизни.

Проблема землеустройства и межевания южных территорий России в XIX в. нуждается в обстоятельном исследовательском изучении, как с точки зрения внутренних особенностей, так и с позиций процессов политической, социальной и аграрной эволюции южно-российской деревни, являвшейся перспективным источником наращивания земледельческого потенциала в Российской империи и нынешнего центра аграрного производства Российской Федерации. Возросший интерес к истории южных регионов, их уникальность и самобытности вызывает поиск новых источников и методов исследования.

Существующие ныне социально-экономические, аграрно-политические и культурные характеристики являются последствиями освоения и землеустройства юга России и нуждаются в существенном дополнении и расширении с учетом особенностей образа жизни различных категорий населения и изучения их в исторически конкретной динамике. Важно также определить роль и место казачьего населения в процессе хозяйственного освоения территории юга России как неотъемлемой части общероссийской земледельческой культуры.

Одним из направлений работы стало изучение землеустройства и межевания, проводившегося в Славяносербском и Ростовском уездах Новороссийской губернии. Хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов Экономические примечания по Ростовскому уезду содержат описания 66 дач [10], Экономические примечания по Славяносербскому уезду – 130 дач [11]. Данные Экономических примечаний к планам Генерального межевания позволяют определить сложившееся к этому времени состояние земель каждого уезда, выявить главные их категории и оценить освоенность территории и земельные резервы. Как правило среди категорий земельных угодий на этих территориях землемеры выделяли землю под поселениями, пашней, сенокосами, лесом и неудобными местами. Так, по сводным данным Генерального межевания в Славяносербском уезде числились 456073 дес. 1673 саж. земли. В целом под селениями находилось 3462 дес. 1425 саж. земли, под пашней 127188 дес. 1971 саж., под сенокосами – 245208 дес. 1103 саж., под строевым и дровяным лесом – 14119 дес. 433 саж., под неудобными местами – 66094 дес. 1831 саж. В самом городе Славяносербске числились 2004 дес. 1559 саж. земли, в том числе 208 дес. – под поселением, 368 дес. – под пашней, 1023 дес. 900 саж. – под сенокосами, 334 дес. 686 саж. – под строевым и дровяным лесом и 70 дес. 2378 саж. – под неудобными местами [11, л. 64].

Существенные возможности для изучения межевых работ открывают спорные и мелочные дела, заводившиеся в ходе их проведения. Особое мелочное по Указу Правительствующего Сената было заведено о разграничении земель войска Донского с Новороссийской, Воронежской, Саратовской и Астраханской губерниями и землей Черноморского войска [12]. Спорные дела при межевании заводились по выгонной городской земле и рыбных ловлях на реке Дон [13], лесным дачам [14], дачам казенных поселян [15]. К делам прилагались имевшиеся карты дач, в том числе уменьшительные, специальные, полевые записки землемеров, межевые книги, описания смежных земель. Привлечение источников межевого архива позволяет более реально оценить многие сложности, с которыми столкнулась Российская империя в процессе заселения и освоения обширнейших южных территорий. Изучение истории освоения и землепользования южных российских территории в XIX в. предоставляет возможность комплексно обобщить исторический опыт с точки зрения сохранения традиционного земледельческого и поселенческого уклада.

Список литературы

1. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М., 1956. URL: <https://istmat.org/node/72> (дата обращения: 02.03.2022).

2. Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858). М., 1976.
3. Бойко В.Я. Заселение Южной Украины. Формирование этнического состава населения края: русские и украинцы (конец XVIII – начало XXI в.). Этностатистический очерк. Черкассы, 2007.
4. Петрова И. Генеральное межевание Южной Украины (историко-правовой аспект) // Схід. Маріуполь, 2014. № 6 (132). С. 90–101.
5. Фельдман Д.З. Экономические примечания к планам Генерального межевания как источники по истории еврейской земледельческой колонизации Северного Причерноморья в начале XIX в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 422–428.
6. Конкин Д.В. Проблема землевладения крымских татар в проекте К.И. Габлица «О разделе Новороссийской губернии и организации управления и хозяйства в Крыму» (1802 г.) // Материалы к истории Причерноморья в Новое время. Симферополь, 2016. С. 47–48.
7. Кузьмина Л.Л. О земельных отношениях в Крыму в конце XVIII в. // Таврический научный обозреватель. Ялта, 2015. № 3 (ноябрь). С. 27–33.
8. Степанова Л.Г. Деятельность землемеров на Земле Черноморского казачьего войска в конце XVIII в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 6. С. 77–87.
9. Федина И.М. Землеустроительная политика поселенческих образований черноморских (кубанских) казаков в конце XVIII – XIX вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2020. № 2 (54). С. 3–13.
10. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 389.
11. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 392.
12. РГАДА. Ф. 1308. Оп. 5. Д. 8.
13. РГАДА. Ф. 1308. Оп. 2. Д. 104.
14. РГАДА. Ф. 1308. Оп. 2. Д. 110.
15. РГАДА. Ф. 1308. Оп. 2. Д. 118.

Э.Г. Вартаньян

П.А. ЧИХАЧЕВ О СОПЕРНИЧЕСТВЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ ЗА ВЛИЯНИЕ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX В.

Статья посвящена проблеме Восточного вопроса и соперничеству великих держав за влияние в Османской империи в середине XIX в. Основными источниками статьи являются воспоминания и труды Петра Александровича Чихачева, сотрудника азиатского Департамента Министерства иностранных дел Российской империи, современника событий Крымской войны 1853–1856 г. Его наблюдения и мысли удивительно созвучны нашим дням.

Ключевые слова: П.А. Чихачев, Россия, Англия, Франция, Австрия, Османская империя, Восточный вопрос, соперничество.

E.G. Vartanyan

P.A. CHIKHACHEV ON THE COMPETITION OF THE GREAT POWERS FOR INFLUENCE IN THE OTTOMAN EMPIRE IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY

The article is devoted to the problem of the Eastern Question and the rivalry of the great powers for influence in the Ottoman Empire in the middle of the 19th century. The main sources of the article are the memoirs and writings of Petr Alexandrovich Chikhachev, an employee of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, a contemporary of the events of the Crimean War of 1853–1856. His observations and thoughts are surprisingly in tune with our days.

Keywords: P.A. Chikhachev, Russia, England, France, Austria, Ottoman Empire, Eastern question, rivalry.

Исторически сложилось так, что одно из важнейших направлений российской внешней политики – борьба за влияние в Черноморском регионе. В настоящее время здесь переплетаются интересы Турции, России, Украины, государств Восточной и Юго-Восточной Европы, Закавказья. Турция занимает особое место в геополитическом пространстве Черноморско-Каспийского региона. Это определяется тем, что она является частью как Европы, так и «исламо-азиатского Юга», что представляет Турцию как мощного субрегионального лидера, имеющего собственную систему интересов.

В этом контексте интересно обратиться к истории Османской империи середины XIX в. и проанализировать причины соперничества великих держав за ее территорию, которое происходило в условиях всё большего закабаления империи иностранным капиталом и роста национально-освободительной борьбы покоренных народов. Большой интерес в этой связи представляет научное наследие Петра Александровича Чихачева, который в 1830 г. стал сотрудником Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи, долгое время работал помощником секретаря при русской миссии в Стамбуле, был современником рассматриваемых событий, наблюдал за ними непосредственно из османской столицы, прекрасно знал внутреннюю и внешнеполитическую обстановку, проблемы международных отношений. Блестящий ученый-востоковед в течение 20 лет путешествовал по территории Османской империи, с 1848 по 1863 г. провел восемь научных экспедиций по Малой Азии и опубликовал около ста работ, среди которых особую ценность получил его многотомный труд «Малая Азия». П.А. Чихачев уделял много внимания проблеме Восточного вопроса. Проблемы, поднимаемые П.А. Чихачевым, актуальны и в наши дни.

В Османской империи середины XIX в. росло национально-освободительное движение покоренных народов, что, в свою очередь, актуализировало проблему Восточного вопроса. Как отмечает П.А. Чихачев, «главная причина того, что Турецкая империя так долго существует, заключается в идее ее раздела. Великие державы, опираясь на право самых сильных, считают себя законными наследниками Турции. Их интересует не уничтожение турецкой тирании и не освобождение угнетенных народов, а раздел империи между ними. Поэтому, с тех пор как существует вопрос о безнадежно больном, каждая из пяти великих держав озабочена прежде всего долей, которая может достаться соперникам; и, пока кажется, что соседу достанется больше, они не могли до сих пор и никогда не смогут договориться» [1, с. 174]. Под предлогом освободительных движений покоренных народов великие державы стали вмешиваться во внутренние дела империи и бороться за господство в районе Ближнего Востока, Черного моря, проливов Босфор и Дарданеллы. П.А. Чихачев писал: «По существу, Восточный вопрос существовал всегда. И пока его не решат, он будет одной из страшных язв, отравляющих весь организм... Недуг слишком реален и дает о себе знать сильнее, нежели когда-либо» [2, с. 168].

Идеи, приобретающие господство в мире в XIX в., заключались в невозможности дальнейшего существования Османской империи, т.к. важнейшие основы этой империи были диаметрально противоположны устремлениям Европы: в

противовес европейским идеям политических свобод и торжества национальных принципов – турецкий деспотизм и угнетение народов. В свете этого вызывают интерес преобразования в Османской империи в 1839–1876 гг., направленные на модернизацию государства. В опубликованной в 1860 г. в Париже работе «Новый этап Восточного вопроса», П.А. Чихачев уделяет внимание эпохе реформ в Османской империи, известной под названием «Танзимат». Реформы привели к некоторым сдвигам в политико-административной, экономической и культурной жизни страны, но достигнутые результаты никак не соответствовали потребностям развития огромного государства, что не снимало актуальности Восточного вопроса [3, с. 337]. В этом контексте П.А. Чихачев рассуждает: «Искренность султана, его усилия, направленные на осуществление реформ, о которых так много шумит дипломатия, не что иное, как ширма, помогающая той и другой стороне прикрывать интриги... Положение турецкого правительства уже давно ненадежно. Оно хотело бы провести реформы, но против них выступает все мусульманское население, которое считает всякую реформу, внушаемую христианами, изменой вере своих предков... Если султан этого не сделает, то Европа выступит с угрозой раздела его владений. ... Целостность Турции, выдвигаемая как необходимость для европейского равновесия, – одна из самых варварских и безнравственных выдумок дипломатии» [4, с. 173].

Англия и Франция выступили накануне Крымской войны в качестве посредников, которые якобы стремились урегулировать русско-турецкие отношения, а фактически старались развязать войну. Ввод англо-французского флота в Черное море был не чем иным, как демонстрацией против России. После подписания Парижского мирного договора 1856 г., завершившим Крымскую войну, Англия, Франция и Австрия заключили между собой договор о сохранении принципа «целостности и независимости Османской империи» [5, с. 430]. Этот договор европейские государства использовали для вмешательства во внутренние дела Османской империи.

П.А. Чихачев подчеркивает, что «Англия для обеспечения своих торговых интересов приспособила к ним на свой лад международное право. Она присвоила себе право вмешиваться во все конфликты, связанные с английскими подданными или их имуществом, не считаясь с законодательством страны их пребывания. Но она не признает такого права ни за каким другим правительством. Она применяет такое право в основном к слабым государствам. Однако, когда подобное происходит с иностранцем на ее территории, она высокомерно отвергает любые претензии соответствующего правительства и отправляет истца в английский суд, что в большинстве случаев равносильно отказу. Весьма удивительно, что это островное чванство англичан распространяется даже на общественные отношения. Англичанин почти никогда не уважает обычаев и правил приличия той страны, в которой он живет, но бывает чрезвычайно шокирован малейшим несоблюдением иностранцами английского этикета и обычаев» [6, с. 20].

На вопрос «Прочен ли Парижский мир?» П.А. Чихачев отвечает, что мирный договор, завершивший Крымскую войну, не разрешил Восточного вопроса, «христиане, однажды обманутые, побоятся снова поставить себя в неприятное

положение, а мусульмане всегда будут смотреть на иностранное вмешательство как на оскорбление их национального достоинства и религии. Из этого следует, что как христиане, так и мусульмане объединятся и обратятся за помощью к России, Россия же найдет благоприятный момент, чтобы разрушить непрочное сооружение, воздвигнутое Парижским конгрессом, широко используя недовольство его решениями. Ее опытная дипломатия уже сейчас должна благоприятствовать этому» [7, с. 71]. П.А. Чихачев констатирует, что среди положений Парижской конвенции, нельзя найти ни одного, которое указывало бы на искреннее и разумное разрешение вопроса. В этом контексте ученый дает убийственную характеристику дипломатии XIX в.: «Пронизанная интригами, эгоизмом, недалевидная из-за своей беспринципности, дипломатия – самый грозный враг прогресса. Замкнутая в узком кругу ложных понятий, унаследованных от прошлых веков, она лишь тормозит продвижение мира вперед; находясь между рутинной и прогрессом, она естественный союзник первой; она не осмеливается открыто сопротивляться могучему дыханию новых идей, а только пытается строить козни, чтобы остановить их развитие. А поскольку эти козни, воздвигаемые неуверенной рукой, быстро раскрываются, то дипломатия, застигнутая врасплох, спешит признать факт свершившимся, надеясь втайне расставить новые ловушки. И все, чего она добивается, сводится к новым страданиям человечества» [8, с. 169].

Англия была той европейской страной, у которой отношения с Россией были наиболее далеки от примирения, поэтому, пишет П.А. Чихачев, этот мир [Парижский – Э.В.] продлится до тех пор, пока одной из сторон нарушение его покажется выгодным или возможным. Для России это будет тогда, когда «преобразовав свое управление и приумножив ресурсы своего промышленного и торгового развития, она почувствует себя достаточно сильной, чтобы начать борьбу» [9, с. 79–80].

П.А. Чихачев обвиняет Англию, которая «постоянно покровительствовала шаткой власти султана и защищала его от смертельных ударов». Таким образом, пишет он, «английский народ стал защитником варварства и угнетения. Для того ли, чтобы свыше 10 млн. христиан постоянно подвергались грабежам, оскорблениям и несправедливости; для того ли, чтобы никто из них никогда не мог быть гарантирован от покушений на их жизнь, честь, счастье; для того ли, чтобы их жены, сестры и дочери попали в гаремы; для того ли, чтобы развращенность, невежество, варварство находили поддержку в Европе?» [10, с. 173–174]. Далее ученый подчеркивает: «Английская политика предстает человеческой и либеральной лишь там, где свободолюбие и филантропия отвечают ее торгашеским интересам. Она выдает себя за поборницу освобождения народов, однако не столько из гуманных побуждений, сколько ради расширения своих торговых связей с другими странами. Английская политика покровительствует, провоцирует и тайно поощряет на континенте всяческие бунты и революции, нещадно подавляя их в подчиненных ей странах. Она кричит о жестокостях и тирании, возмущается казнями, которые совершались в Австрии после революции и кровавой борьбы, поставивших монархию на волосок от гибели, и в то же время сечет и вешает на

площади в Корфу [по решению Венского конгресса 1814–1815 гг. о-в Корфу отошел к Англии – Э.В.] дюжины людей, замешанных в заговоре ...» [11, с. 21].

П.А. Чихачев задается вопросом, почему же Франция пошла на союз с Англией против России, что она выиграла от этого союза, ведь между Францией и Россией не существовало никаких серьезных противоречий в том вопросе, который составлял основу турецко-русского конфликта? И отвечает на вопрос: «В сохранении европейского равновесия наряду с Францией заинтересованы и другие государства континента. А что же касается целостности Османской империи, то существует государство [Англия – Э.В.], которое в ней заинтересовано куда более, нежели Франция. Это настолько очевидно, пишет П.А. Чихачев, что нет нужды его называть» [12, с. 43]. Во всех войнах России с Турцией именно Австрия пыталась путем представлений и предостережений сгладить их возможные последствия. Франция же, кроме как в эпоху 1806 г., когда Наполеон воевал с Россией, постоянно занимала позицию наблюдателя и мирного посредника. Восточный вопрос мог затронуть интересы Франции настолько, чтобы втянуть ее в войну, только в том случае, если бы речь зашла о расчленении Османской империи и расширении за ее счет территории других государств. Но и в этом, столь угрожающем миру в Европе, случае, Франция имела бы соперника гораздо более грозного, чем Россия. Именно с ним-то она и заключила союз [с Англией – Э.В.]. И далее П.А. Чихачев приходит к следующему умозаключению: «Поскольку речь идет сейчас лишь о соперничестве между Англией и Россией в их влиянии на Востоке..., у Франции нет никаких оснований к активному вмешательству. И если бы обстоятельства все-таки ее вынудили к этому, то в ее же интересах было бы помешать превосходству Англии на Востоке, а отнюдь не предпринимать усилий, чтобы помочь ей» [13, с. 43].

Анализируя позиции великих держав накануне Крымской войны, П.А. Чихачев констатирует: «Австрия остается нейтральной потому, что она знает, что Россия не посягает на целостность Османской империи и не стремится к завоеваниям. Что касается Франции, то она заняла воинственную и агрессивную позицию потому, что ее подлинная традиционная политика, покоящаяся на хорошо осознанных ею интересах, непосредственно затрагивающих ее будущее, была целиком заменена конъюнктурной политикой, которая отличается известным желанием навязать свое влияние. Франция, вмешавшись в силу этого в первый же случившийся конфликт не учла того, что политическая роль великой державы состоит вовсе не в том, чтобы обязательно вмешиваться во все конфликты между государствами, лишь бы показать свою силу, и что ее более или менее активное вмешательство в европейские дела должно определяться не только той мощностью, которую она может использовать, но и степенью заинтересованности в том или ином конфликте» [14, с. 44]. Поводы для Крымской войны у Англии и Франции были разные, но обе страны были уверены в том, что война принесет выгоду каждой из них.

В заключении считаю необходимым вспомнить слова чрезвычайного полномочного посла Российской империи в Османской империи Н.П. Игнатьева: «Всякий раз, когда нам [России – Э.В.] приходилось отстаивать правое дело...

мы всегда оставались одинокими перед сплотившейся против нас Европы» [15, с. 298].

Список литературы

1. Чихачев П.А. Россия и Восточный вопрос // Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
2. Там же.
3. Вартаньян Э.Г. История Турции. Краснодар, 2013.
4. Чихачев П.А. Россия и Восточный вопрос // Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
5. Договор между Англией, Францией и Австрией о гарантиях целостности Османской империи (15/IV.1856 г.) // Хрестоматия по Новой истории. В 3 т. М., 1965. Т. 2. С. 430.
6. Чихачев П.А. Об англо-французской политике в Восточном вопросе // Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
7. Чихачев П.А. Прочен ли Парижский мир? // Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
8. Чихачев П.А. Россия и Восточный вопрос // Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
9. Чихачев П.А. Прочен ли Парижский мир? // Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
10. Чихачев П.А. Россия и Восточный вопрос // Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
11. Чихачев П.А. Об англо-французской политике в Восточном вопросе // Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Игнатъев Н.П. Записки // Русская старина. СПб., 1915. № 2.

С.Н. Бородина

КРЫМСКАЯ ВОЙНА КАК ФАКТОР РАЗРУШЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ

Статья посвящена аспектам формирования новых геополитических союзов и культурных границ в ходе Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. А также той роли и помощи, которую оказали Российской империи волонтеры, являющиеся представителями других стран и культур.

Ключевые слова: Крымская война, оборона, героизм защитников, культурные границы, православная вера, волонтеры.

S.N. Borodina

THE CRIMEAN WAR AS A FACTOR OF DESTRUCTION GEOPOLITICAL AND CULTURAL BORDERS

The article is devoted to the aspects of the formation of new geopolitical alliances and cultural borders during the Crimean (Eastern) War of 1853–1856. As well as the role and assistance provided to the Russian Empire by volunteers who are representatives of other countries and cultures.

Keywords: Crimean War, defense, heroism of defenders, cultural borders, Orthodox faith, volunteers.

Между государствами всегда существуют границы, сформированные в процессе их исторического развития. Одни государства формировались благодаря естественным географическим факторам, другие же, складывались опираясь на этнические или религиозные нормы, традиции и законы. То есть, созданные по своей сути людьми, этнические и религиозные границы формировали непримиримые противоречия между странами и народами.

На современном этапе ситуация в мире показывает, что одни границы разрушаются, а другие формируются. При этом, этнические и религиозные противоречия, которые ранее были своеобразным краеугольным камнем, сегодня таким могут и не являться. Поэтому очень актуальным является анализ причин и поводов, которые могут способствовать ослаблению и разрушению таких границ между народами.

Мы попробуем проследить трансформацию таких границ на примере противостояния и взаимодействия Российской империи и ее противников в годы Крымской войны. Геополитические интересы европейских стран и Османской империи в желании противостоять России способствовали складыванию единого блока двух, ранее непримиримых религиозных культур – христианской и мусульманской. С другой стороны, единая религиозная культура – православие скрепила в войне связи России и Греции. Географические, политические и этнические границы, которые чаще всего закрепляли культурные различия, не смогли препятствовать союзу России и греческого народа. Их объединила борьба за православную веру.

Поводом к Восточной или Крымской войне 1853–1856 гг. стали ряд противоречий. Так противостояние между Россией и Францией по сути являлось обострением на религиозной границе, между православием и католичеством. Хотя, конечно, для Франции был более важен экономический аспект и нежелание усиления позиций России на Балканах. Великобритании также не нравилось усиление позиций Российской империи, вследствие чего она разрабатывала планы не только ее ослабления, но и отторжения части ее территорий, в частности создание на Кавказе Федерации мусульманских народов под протекторатом Османской империи, которая на тот момент находилась под своеобразным протекторатом Великобритании. Итогом является создание «антирусского блока», в который вошли Османская империя, Франция и Великобритания. Позже к этому блоку присоединится королевство Сардиния. В формировании этого блока проявилось ослабление и трансформация культурных и религиозных границ ради выстраивания «антирусской границы». По сути, для противодействия христианам России, христиане Франции объединились с мусульманами Порты.

Ещё одной трансформирующейся границей является то, что европейские страны несколько веков противостоящие Османской империи, ее захватническим действиям на территории Европы, становятся ее военными союзниками, принимая активное участие в военных действиях. А некоторые страны, такие как Австро-Венгрия и Пруссия прямого участия в военных действиях не принимали, заняв позицию «двойного нейтралитета». Таким образом, между Россией и Ав-

стро-Венгрией, после поддержки династии Габсбургов Николаем I и складыванием в связи с этим союзнических отношений, была сформирована еще одна граница – геополитическая. Некоторые исследователи взаимоотношений России и Австрии в этот период, считают, что именно такая двойственная позиция Австрии не позволила России выиграть Крымскую войну.

Интересным этапом Крымской войны является участие в ней на стороне Турции египетского экспедиционного корпуса. Египет формально входил в состав Османской империи и, конечно, хотел получить независимость. Турция, таким образом, являлась врагом Египта, вынужденного ей подчиняться. В составе турецкой армии в период Крымской войны находилось около 50 тыс. египтян. Так один из египетских экспедиционных корпусов, в количестве 8 тыс. чел., высадился в районе Евпатории 14 апреля 1855 г. [1]. Получается, что против России, вынуждены были объединяться не только союзники, но и враги, что и приводило к формированию новых геополитических границ.

Однако, кроме противников, у России в этой войне были и союзники. Из некоторых стран на театр боевых действий прибывали волонтеры. Так в Евпатории, в составе российских войск, принял участие в военных действиях батальон добровольцев, прибывший из Греции. Греция не могла открыто вступить в войну на стороне России, но добровольцы греки отправились в Крым, чтобы не только поддержать греческое население полуострова, но и проявить свое отношение к усилению позиций мусульманства в Средиземноморье. Через общность православной веры для русских и греков разрушалась политическая и этническая границы. Не было разницы культур – сражались за Православие. В штурме русскими войсками Евпатории в феврале 1855 г. принимал активное участие Греческий легион имени российского императора Николая I [2]. В своих воспоминаниях, бывший ротным командиром Аристид Хрисовери написал: «...битва за Евпаторию перевернула великие планы союзников, которые могли осуществиться»: она помешала соединению англо-французских войск с турецкой армией. Он отмечал, что особенно важным был факт того, что в этом сражении «покрыло себя славой греческое оружие: «Наши русские братья оказали грекам честь сполна и полюбили нас так сильно, что даже их высшие офицеры смотрели на добровольцев с уважением» [2]. Греки-добровольцы прибыли чтобы плечом к плечу сражаться вместе с российскими военными против союзников Порты. Греческий легион был создан из разрозненных групп добровольцев греков, а также тех греков, которые воевали в различных российских военных подразделениях. Во главе легиона был поставлен полковник уланского полка Георгий Папафанасопуло. Еще по случаю прибытия греческих добровольцев в Одессу в январе 1855 г., архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием была отслужена торжественная литургия, после которой архиепископ обратился к грекам с речью о «важности совершающихся ныне событий и о религиозном родстве эллинов с великой семьей славян», «Вы не наши соотечественники, даже не наши соплеменники; и однако же, подобно отечественным воинам нашим, спешно идете на брань, и, следовательно, на самую смерть за нас!» [2]. При этом, идя в атаку русские воины кричали: «За веру! За царя! За Отечество!», а греки –

«За императора! За Православную веру!». Вот еще один пример разрушения политических границ через разрушение этнических. Интересно, что греческие воины сохранили свои национальные костюмы, считая, что турки должны видеть кто им противостоит. Русское командование неоднократно в донесениях отмечало мужество и отвагу греческих воинов, а также их тактику боя, которая позже будет взята на вооружение в российской армии. Мужество и героизм греческих воинов будут отмечены наградами, так Аристид Хрисоверти будет награжден золотой саблей с надписью «за храбрость», орденом Св. Анны 2-й степени будет награжден Константинос Папа-Дука. Георгиевским крестом будут награждены легионеры Николай Кумари, Фотис Георгиу, Георгис Каравано, Василий Михайлович, Константин Анагностопуло.

Кроме греческих добровольцев обращает на себя внимание еще такой эпизод войны, как присутствие в Крымской войне около 120 врачей-добровольцев из разных стран, в том числе 43 врача были из США. Нехватка врачей и медицинского персонала в армии способствовала подписанию императором Николаем I специального разрешения о приеме на службу медиков из других стран. И несмотря на объявление о прекращении приема на службу в сентябре 1855 г., количество заявлений от желающих служить в русской армии и быть соответственно на стороне России в этой войне, существенно увеличилось. Многие врачи по окончании Крымской войны и контракта были награждены серебряной медалью «За защиту Севастополя» и бронзовой «В память Крымской войны 1853–1856 гг.». Иностранные медики были так же награждены российскими орденами. Так американский хирург Ч. Генри был награжден орденом Св. Анны III степени, а доктора П. Харрис, Дж. Холт, И.А. Лис, У.Р. Трол – орденом Св. Святослава [4]. Доктор Уайтхед, принимая российскую награду, сказал, что медаль «За защиту Севастополя» будет служить гордым воспоминанием о том, что ему «выпала честь оказать помощь офицерам и солдатам, которые покрыли славой русское оружие и завоевали Севастополю имя бессмертного» [3]. В участии в Крымской войне иностранных медиков, добровольно отправившихся оказывать медицинскую помощь войскам Российской империи, можно также наблюдать разрушение этнических и конфессиональных границ. Что двигало иностранными медиками? Желание получить опыт полевой хирургии и стать более востребованными и, соответственно, более высокооплачиваемыми, награды или чувство справедливости? Нужно отметить, что в Крымской войне США выступили опосредованным союзником России. Они не вступили в прямой вооруженный конфликт с противниками России, но, к примеру, считавшаяся официальным изданием правительства газета «Вашингтон юнион» в мае 1854 г. вышла с заголовком: «Война между Россией и Турцией. Наши интересы требуют, чтобы успех сопутствовал первой. Симпатии в отношении второй не оправданны» [5]. Американские граждане пытались записаться добровольцами в российскую армию, но, поддерживая статус нейтралитета Америки, российские дипломаты отказывали добровольцам. При этом попытки дипломатов Великобритании провести компанию набора добровольцев были жестко пресечены правительством США, ряд английских дипломатов были высланы из страны. Это пример разрушения

геополитических границ, в Крымской войне правительство и общественность США поддерживали Россию. Министр иностранных дел М.А. Горчаков оценил итоги взаимоотношений России и США в Крымской войне так: «Симпатии американской нации к нам не ослабевали в продолжение всей войны, и Америка оказала нам прямо или косвенно больше услуг, чем можно было ожидать от державы, придерживающейся строгого нейтралитета. Освобожденные от препятствий, с необходимостью возникающих из взаимных действий во время войны, отношения между двумя странами не могут не укрепиться еще более вследствие отсутствия всякой зависти или же соперничества и благодаря общности взглядов и интересов» [5].

Российская империя государственными наградами награждала представителей других государств, иногда другого вероисповедания, различных социальных групп. Награждала за самоотверженность, честь, храбрость, за помощь России в трудную минуту и тем самым разрушала, хоть и временно, границы между народами и странами, социальные, культурные и политические. А фактором, способствующим разрушению этих границ, явилась Крымская война. Она разрушала границы с обеих противоборствующих сторон.

Список литературы

1. Зеленев Е.И. Война в Крыму и на Дунайском фронте: с кем и за что сражалась русская армия в 1853-1856 годах? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voyna-v-krymu-i-na-dunayskom-fronte-s-kem-i-za-cto-srazhalas-russkaya-armiya-v-1853-1856-godah>
2. Пинчук С. Неизвестные страницы Крымской войны: греческий легион во время штурма Евпатории. URL: <http://www.evpatoriya-history.info/history/04-krimean-war/vospominaniya-grecheskix-volonterov.php>
3. Иванов В.Б. Американские врачи в Крымской кампании. URL: <https://slavasev.ru/2004/08/13/amerikanskiye-vrachi-v-krymskoy-kampanii/>
4. Новикова О.В. Участие иностранных врачей в Крымской войне (1853–1856 гг.). URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/alminskie-chteniya-materiali-nauchno-prakticheskoy-konferencii-vipusk-N-3-12.html>
5. Российско-американские отношения во время Крымской войны // Дипломатический вестник. Страницы истории. URL: <http://www.mid.ru/bd...3256e06003bb3ac>

Т.В. Вакулова

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ВОЕННОГО ФОРТИФИКАЦИОННОГО ИСКУССТВА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1854–1855 ГОДОВ

Рассматриваются особенности фортификационных сооружений, созданных российским военным инженером Э.И. Тотлебенем для усиления обороны Севастополя в годы Крымской войны 1854–1855 гг.

Ключевые слова: Крымская война, оборона Севастополя, военный инженер, Э.И. Тотлебен, К.А. Шильдер, А.З. Теляковский, фортификационные сооружения, батареи, редуты, линия обороны.

T.V. Vakulova

FEATURES OF THE RUSSIAN MILITARY FORTIFICATION ARTS OF THE CRIMEAN WAR 1854–1855

The features of fortifications created by the Russian military engineer E.I. Totleben to strengthen the defense of Sevastopol during the Crimean War of 1854–1855 are considered.

Key-words: Crimean War, defense of Sevastopol, military engineer, E.I. Totleben, K.A. Shilder, A.Z. Telyakovsky, fortifications, batteries, redoubts, the line of defense.

Стремление и необходимость защищать и оборонять территории своего государства от вторжения заставляла русских создавать и совершенствовать оборону своих городов, строить фортификационные сооружения.

В Севастополе при обороне города 1854–1855 гг. с новой силой проявились не только боевые качества русских солдат, их способность к самопожертвованию, проявились таланты врачей, сестёр милосердия, военных командующих и военных инженеров. Благодаря чему «героический Севастополь стяжал удивление всего мира, и доблестям русской армии отдавали должную дань даже враги. Велика сила армии, когда она одушевлена чувством святой любви к Царю, когда армия эта составляет гордость Царя», – писал Тотлебен [1, с. 61].

Силу любой страны и армии составляют ее люди, её защитники. Среди имён прославивших российскую армию и Россию в годы Крымской войны 1853–1856 гг., имя выдающегося военного инженера, графа, кавалера ордена Андрея Первозванного, члена Государственного Совета Российской империи, почетного академика Российской Академии наук, генерал-адъютанта Эдуарда Ивановича Тотлебена. Тотлебен руководил фортификационными работами при обороне Севастополя, а также был автором фортификационных сооружений вокруг г. Николаева, построенных в 1855 г. [2, с. 4].

Э.И. Тотлебен являлся последователем выдающихся российских военных инженеров Карла Андреевича Шильдера и Аркадия Захаровича Теляковского. Во время обороны был помощником, Владимира Алексеевича Корнилова и Павла Степановича Нахимова. В 1854 г. они превратили Севастополь, который был незащищён с суши, в грозную военную крепость, чем увеличили славу отечественного военно-инженерного искусства.

Известный военный инженер Карл Андреевич Шильдер (1786–1854) под началом которого служил Тотлебен, заметил его способности и сыграл важную роль в его дальнейшей судьбе. К.А. Шильдер поручил ему заняться изучением

трубной контрминной системой для борьбы с подземными минными галереями противника. Тотлебен руководил командой саперов при производстве в обширных размерах опытов подземной войны. За это он был удостоен ордена Святого Станислава 3-й степени и ордена Святой Анны 3-й степени.

Талант Тотлебена как военного инженера раскрылся именно в Крымскую войну 1853–1856 гг. В начале 1854 г. он был помощником генерала Шильдера в инженерном обеспечении переправы русских корпусов через Дунай. В период занятия придунайских княжеств Тотлебен совершил под огнем противника ряд блестящих разведок по обследованию местности, ему принадлежит план атаки укреплений при Калафате. После ранения Шильдера возглавил проведение осадных работ под Силистрией [2, с. 4-5].

Инженерный талант Тотлебена ярче всего проявился именно в Севастополе, в процессе осуществления общей деятельности и реализации поставленных задач с военачальниками вице-адмиралом В.А. Корниловым и адмиралом П.С. Нахимовым. Представить, что в одиночку кто-либо мог справиться с такими сложными задачами сложно. Вне коллектива соратников, это было вообще невозможно.

Важно отметить, что Тотлебен являлся последователем выдающегося русского военного инженера, генерал-майора Аркадия Захаровича Теляковского (1806–1891), монументальный труд которого «Фортификация» был переведен почти на все европейски языки и являлся официальным учебником в военно-учебных заведениях европейских стран. В своём учении Теляковский отказался от принятого догматико-схоластического изложения курса фортификации и предложил рассматривать фортификационные системы во взаимосвязи с тактикой и стратегией. Теоретические положения Теляковского – связь фортификации с военным искусством и артиллерией, необходимость сочетания укреплений с местностью и потребностями войск, разработка новых типов оборонительных сооружений, разделение инженерных работ по очереди, были осуществлены Тотлебеном и с честью выдержали проверку на практике во время Севастопольской обороны 1854–1855 [3, с. 54]. В связи с этим иностранная газета «*Militaire Litterature Zeitung*» отметила: «Школа, образующая таких теоретиков, как Теляковский, и таких практиков, как Тотлебен и Мельников, по справедливости должна называться первою в Европе» [4, с. 27]. Герой обороны А.В. Мельников, руководил минной обороной на 3-м бастионе и проявил необыкновенную изобретательность в проходке подземных галерей и уничтожении галерей противника, был прозван за свою работу «Севастопольским кротом» [4, с. 27].

Идеи Теляковского стали не только основой русской школы фортификации, но и были реализованы во время Севастопольской обороны в 1854–1855 гг. Он писал о необходимости сочетания укреплений с местностью и потребностями войск, связи фортификации с артиллерией, разработка новых типов оборонительных сооружений, разделение инженерных работ по очереди.

Выделяя особенности русского фортификационного искусства Крымской войны 1854–1855 гг. и определяя роль Э.И. Тотлебена в усилении линии обороны

в Севастополе необходимо понимать, что в отличие от русской, западная фортификационная наука того периода, содержала множество сложных формул, чертежей, строгих правил. Западная фортификационная наука была наполнена строгой симметричностью и мелкими техническими подробностями, которые на практике невозможно было осуществить. Самое важное, что эти правила не оправдывались боевым опытом. Поэтому войска часто отказывались от устройства полевых укреплений, в большинстве войск на западе укоренилось убеждение в ненужности полевых укреплений. Изучение фортификации было оторвано от прочих военных наук, чего в русской фортификации благодаря Теляковскому и Тотлебену как его последователю не произошло [5, с. 10].

В европейской фортификации, её деление на полевую и долговременную определялось не назначением, а материалом конструкции. Европейские инженеры трактовали укрепления так, что они могут иметь какое-либо значение и без войск. Европейская фортификация отстала от русской и других военных наук. Русская школа фортификации базировалась на другом методе, согласно которому каждая эпоха в фортификации объясняется современным развитием военного искусства, в частности, состоянием артиллерии и осадного искусства в целом. Отдельные фортификационные системы рассматриваются русскими инженерами не изолированно друг от друга, а в их взаимозависимости. Именно в теории Теляковского и практике Тотлебена раскрывалась связь фортификации с тактикой и стратегией [5, с. 15].

В этом проявился и национальный характер русского военного искусства, который выражался, прежде всего, в том, что русская фортификация не подражала западу, а являлась самостоятельной и оригинальной. Теляковский писал, что важны не формы, как таковые, а то, как эти формы соотносятся с местностью в каждом частном случае; что возможны укрепления, содержащие в своих частях различные системы. Это нарушало правильность геометрических форм, чего не могла допустить официальная западная наука. Но дело фортификации, говорит А.З. Теляковский, – приспособить посредством укреплений местность к выгоднейшему действию войск, а потому лучшими являются те укрепления, «которые по разнообразию месторасположения большею частью получают фигуру геометрически неправильную» [5, с. 22].

Таким образом, применяя новый принцип русской школы фортификации – сочетание элементов различных систем, и определение чертежа укреплений условиями местности фортификационные формы становятся гибкими, и приближенными к решению боевых задач. Несомненно, приступая к работе в Севастополе, Тотлебен руководствовался данными принципами, он руководил противосадными и контрминными работами у Малахова кургана, возведением Селенгинского редута, руководил закладкой Волынского и Камчатского редутов. Он умело приспособлял укрепления к местности; инженерные сооружения для артиллерийских батарей готовил так, чтобы была возможность вести сосредоточенный огонь по одной цели; применял ложементы, которые положили начало стрелковым окопам; широко использовал подземно-минную борьбу и др. В короткий срок была создана глубоко эшелонированная оборона, в основу которой

были положены идеи Теляковского. Однако Тотлебен творчески подходу к положениям Теляковского, развили их дальше. Созданная ими оборона позволила эффективно использовать все силы и средства, в том числе морскую и береговую артиллерию. Основу обороны составляли бастионы. Созданная под Севастополем оборона являлась лучшим образцом полевой фортификации того времени. Она полностью отвечала условиям местности и требованиям тактики. Вклад Тотлебена в дело обороны города во время первой бомбардировки города в 1854 г., Николай I оценил производством во флигель-адъютанты. В апреле 1855 г. Тотлебен был произведен в генерал-майоры с назначением в Свиту Его Величества и награжден орденом Святого Георгия 3-й степени [6].

Таким образом, к особенностям русского военного фортификационного искусства Крымской войны 1854–1855 гг. можно отнести:

1. Практическое применение теоретических положений идей Теляковского Тотлебенем на практике. Теснейшая взаимосвязь фортификации с военным искусством и артиллерией, сочетание укреплений с местностью и потребностями войск, разработка и строительство новых типов оборонительных сооружений, разделение инженерных работ по очереди.

2. Отказ от принятого в Европе догматико-схоластического отношения к постройке фортификационных сооружений и использование системы сооружений во взаимосвязи с тактикой и военной стратегией.

3. Расширение оборонительной линии. В период обороны Севастополя, под руководством Тотлебена оборонительная линия города расширилась, она включала в себя новые форты и бастионы. Работы велись днем и ночью. Там, где были слабые укрепления, быстро сооружалась сплошная линия обороны. Тотлебен расширил фронтальную позицию на линии Северного укрепления и почти заново создал оборонительную линию на южной стороне. В связи с нехваткой времени не возводили сильные и правильные укрепления; работы велись одновременно на всех пунктах, для усиления обороны использовались пушки снятые с кораблей.

4. При создании оборонительной линии Тотлебен учитывал следующие: избиралась ближайшая к городу позиция, обусловленная существующими укреплениями, и на главных её пунктах выставлялась сильная артиллерия; эти пункты соединялись траншеями для ружейной обороны и рвами для перемещения сил прикрытий; между главными пунктами кое-где ставились ещё отдельные батареи. В итоге все подступы к городу получили сильную фронтальную и фланговую оборону пушечным и ружейным огнём.

5. В короткое время там, где вражеские рекогносцировки (разведка местности, которую проводят для различных целей в геодезии, и в военных целях) обнаруживали слабые укрепления с большими ничем не защищёнными промежутками, выросла сплошная оборонительная линия. В результате войска противников вынуждены были отказаться от намерения взять Севастополь открытой атакой и 28 сентября 1854 г. начали осадные работы.

6. Новым словом в фортификации стало создание Тотлебенем разветвленной системы ложементов (небольших окопов для укрытия пехоты или орудий),

передовых окопов и редутов (отдельно стоящее укрепление сомкнутого вида, чаще всего земляное, с валом и рвом, которое предназначается для круговой обороны), тщательно приспособленных к местности. Они обеспечивали усиление ружейного огня, затрудняли противнику ведение осадных работ, способствовали производству вылазок, а главное – стали, по выражению Тотлебена, «ушами и глазами обороняющихся». Ведение подземной минной обороны на 3-м бастионе и уничтожение подземных галерей противника.

7. Русская школа фортификации в отличие от западной, базировалась на методе, согласно которому каждая эпоха в фортификации объясняется современным развитием военного искусства, в частности, состоянием артиллерии и осадного искусства в целом. Отдельные фортификационные системы рассматриваются русскими инженерами не изолированно друг от друга, а в их взаимозависимости. Руководители обороны были довольны Тотлебенем. А.В. Корнилов писал: «Под началом Тотлебена мы за день сделали то, что не смогли сделать за год». «Без Тотлебена мы бы вовсе пропали», – так характеризовал Тотлебена Нахимов [6].

Список литературы

1. Тотлебен Э.И. Описание обороны Севастополя. М., 2017. Ч. I. Кн. I.
2. Кухар-Онышко Н.А. Военный инженер Э.И. Тотлебен: очерк. Николаев, 2010.
3. Из истории русского военно-инженерного искусства. М., 1952.
4. Майков Е.И., Жеребцов Д.К., Волк С.С. Развитие русского военно-инженерного искусства в обороне Севастополя в 1854–1855 гг. // Из истории русского военно-инженерного искусства: сб. статей. М., 1952. С. 109–135.
5. Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / под ред. С.И. Вавилова, ред.-сост. И.В. Кузнецов. М., Л., 1948.
6. Скупов Б.А. Гений фортификации и обороны Севастополя Эдуард Тотлебен. URL: <https://ardexpert.ru/article/9464> (дата обращения: 11.03.2022).

А.Ю. Коробов-Латынцев, Т.М. Хубежов ФИЛОСОФ НА ВОЙНЕ: ДОБРОВОЛЕЦ КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ НА ПОЛЯХ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ.

В статье рассматривается участие русского консервативного философа К.Н. Леонтьева в Крымской войне 1853–1854 гг. в качестве добровольца.

Ключевые слова: Крымская война, К.Н. Леонтьев, русская философия, Крым.

A.Yu. Korobov-Latyntsev, T.M. Khubezhov PHILOSOPH IN THE WAR: VOLUNTEER KONSTANTIN LEONTIEV IN THE CRIMEAN WAR 1853–1856

The article deals with the participation of the Russian conservative philosopher K.N. Leontiev in the Crimean War of 1853–1854.

Key-words: Crimean War, K.N. Leontiev, Russian philosophy, Crimea.

Среди русских философов можно набрать целый взвод тех, кто принимал участие в сражениях или же присутствовал на театре боевых действий. П.Я. Ча-

адаев принимал участие в Отечественной войне 1812 г., сражался на Бородинском поле. Вождь славянофилов А.С. Хомяков – в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Славянофилы И.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин принимали активное участие в формировании народного ополчения каждый в своих губерниях – Московской и Самарской. В. Соловьев отправился на русско-турецкую войну 1877–1878 гг. в качестве корреспондента «Московских ведомостей». Священник Павел Флоренский в Первую Мировую войну выполнял обязанности полкового священника и санитаря. Ф.А. Степун служил артиллеристом в Первую Мировую войну [1]. Русские философы не прятались от войны ни в своих мыслях (и дали оригинальную русскую философию войны), ни в жизни (и при необходимости шли на войну). Яркий пример – Константин Николаевич Леонтьев, известный русский мыслитель консервативного толка, литератор, дипломат, автор фундаментального труда «Византизм и славянство» и оригинальной теории триединого процесса развития культуры.

К моменту начала Крымской войны (1853–1856 гг.) в России не хватало военных врачей, поэтому студентам-медикам старших курсов было предложено досрочно закончить обучение, если они пожелают отправиться в Крым. Пойти на войну добровольцами пожелали многие, и в их числе К.Н. Леонтьев, который спустя годы вспоминал об этом своем решении: «Я все думал о Крыме, о Южном берегу, об этой самой Керчи («Где закололся Митридат...»). Думал я также и вообще об войне, я ужасно боялся, что при моей жизни не будет никакой большой и тяжелой войны. И на мое счастье, пришлось увидеть разом и то и другое совместно – и Крым, и войну». Свое решение философ комментировал так: «Я бы презирал себя до сих пор, если бы не поехал тогда в Крым» – добавляет философ [2, с. 54].

Леонтьев не был казенным студентом (т.е. учился за свой счет), поэтому ему дали возможность указать желаемое место службы. Конечно же, молодой философ указал Севастополь – «именно потому, что там можно ожидать военных действий» [3, с. 626]. В Севастополе свободных должностей к тому времени уже не было, и Леонтьева отправили в военный госпиталь под Керчью – в крепость Еникале.

В госпитале Леонтьев занимает место единственного ординатора. Больных много, Леонтьев писал матери, что в первое время решительно не знал, кто чем болен, и постоянно бегал к себе в комнату за медицинским справочником. Кроме того, жизнь в тыловом госпитале была скучна, а это для молодого философа-эстета было хуже самой большой опасности. Он досадует, что «никакого даже подобия военных действий до сих пор вблизи не вижу. Мне хоть бы подобие, одно подобие! Что делать?». И Леонтьев решает проситься в Севастополь, поскольку «там уж не подобие. Там и докторов убивают!..» [3, с. 626]. Однако добровольцев много, и все вакансии врачей в Севастополе к тому времени были уже заняты, к тому же многих раненых из Севастополя привозили именно в военный госпиталь под Керчь.

«Я недолго думал, – пишет Леонтьев – и решился проситься в какой-нибудь полк. Я надел вицмундир, надел шпагу и каску и поехал в Керчь». Леонтьев отправился прямо к генералу Врангелю, которого он знал по Керчи (Врангель был там на осмотре). Генералу, узнавшего молодого врача-ординатора, Леонтьев заявил прямо, что желает поступить в полк, «особенно если здесь откроются военные действия» [3, с. 627]. Генерал обещал не забыть Леонтьева и при случае пристроить его к казачьему полку, и той же весной Леонтьева прикомандировали к Донскому Казачьему 45-му полку. Полк этот был известен еще до Крымской войны. 3 апреля 1853 г. низшим и высшим чинам полка была выражена благодарность наказного атамана генерала от кавалерии М.Г. Хомутова Приказом № 8 по Войску Донскому [4, с. 392].

Едва Леонтьев успел прибыть в Керчь для прикомандирования к своему полку, как начинается высадка неприятельского десанта. Леонтьев вспоминает об этом так: «О собственной смерти я совсем не думал; мне было для этого слишком весело, и какой-то непобедимый рассудком инстинкт постоянно говорил мне, что я рано не умру, потому что назначен в жизни что-то ещё сделать (что именно, я и сам еще не знал). О собственной смерти я не думал, но я думал о других людях, об раненых...» [3, с. 629].

Здесь же проявляется в полной мере и знаменитый эстетизм Леонтьева: «...Как бы это было хорошо, если бы сейчас начали падать около гостиницы этой гранаты, бомбы и ядра, а я бы имел право, как частный человек и художник, смотреть с балкона на весь этот трагизм, взирать, ничуть и сам не избегая опасности, на эту внезапно развернувшуюся на интересном месте страницу из современной истории. Присутствовать безмолвно и философски созерцать... Прекрасная страница! Не только из истории человечества, но и из истории моей собственной жизни. Бомбы летят, а я смотрю!» [3, с. 634].

Эту фразу русского философа Константина Леонтьева уместно будет здесь сравнить со словами немецкого философа Эрнста Юнгера, также добровольцем отправившегося на войну. Речь идет о записи, сделанной Юнгером в 1944 г. во время бомбардировки Парижа авиацией союзников, которую философ наблюдал с крыши гостиницы «Рафаэль». Вот сама цитата: «При втором налете в лучах заходящего солнца я поднял бокал бургундского, в котором плавали ягоды земляники. Город с его башнями и куполами лежал в величественной красоте, подобно бутону, замершему в ожидании смертельного оплодотворения. Всё было зрелищем...» [5, с. 53].

В Керчи, во время осады города, Леонтьев ищет способа добраться до своего полка, о котором он решительно ничего не знал. Впрочем, как он пишет, ему было все равно, отправиться ли в полк или остаться в городе, он и так был рад «празднику жизни», происходившему вокруг. По счастливой случайности в городе он встречает двух казаков 45-го полка и едет вместе с ними. По пути они встречают вражескую пехоту, отрываются от нее и скачут полем по направлению к Феодосии – по тому пути, по которому должны были отступать наши войска. Оторвавшись от вражеской пехоты, Леонтьев со своими спутниками-казаками

отдыхает в поле. И снова этот леонтьевский восторг: «О, как я рад! – говорил я сам себе: природа и военная жизнь!.. Чего же лучше!..» [3, с. 654].

Добравшись наконец до штаба своего полка, вечером после прибытия Леонтьев вместе с казаками увидели густой столб дыма в стороне Керчи. Это взорвали Еникале, крепость под Керчью, где начинал служить Леонтьев и из которой в этот день утром отправился в Керчь на новое место службы. Вспоминая друзей, которые остались в крепости, лица больных, которых он лечил, Леонтьев признается, что ему только немного стало жалко их, поскольку настрой его чувств в этот день вовсе не располагал к грусти: «Кроме этого временного настроения чувств, самые идеи мои, мои еще прежде из долгих московских размышлений выведенные заключения не располагали меня ничуть видеть в войне только бедствие. Напротив того, поэзия войны, ее возвышающий сердце и помыслы трагизм совершенно заставляли меня забывать об этих бедствиях, о которых нынче до отвратительной пошлости твердят даже и люди, до смерти сами желающие повоевать, победить и отличиться» [3, с. 657].

Полковая жизнь добровольца Леонтьева началась спустя восемь месяцев тыловой, достаточно тихой службы в Еникале. После сдачи Керчи Леонтьев прослужил до глубокой осени при Донском казачьем полку на аванпосте и, как он пишет, постоянно был на коне и даже принимал участие «в маленьких экспедициях и рекогносцировках» [6, с. 65]

С.В. Хатунцев пишет в своей монографии «Константин Леонтьев: интеллектуальная биография»: «Настоящая, большая война, например Отечественная война 1812 года, казалась ему сильным, эстетически насыщенным экзистенциальным переживанием, уникальной возможностью броситься в гущу жизни, и когда такая возможность Леонтьеву представилась, он, и по велению собственной души, и по совету своих литературных друзей, М.Н. Каткова и И.С. Тургенева, рекомендовавших ему попробовать «широкой действительной жизни», ею воспользовался: отправился в Крым, которому угрожала высадка англо-французский войск» [7, с. 67]. Хатунцев пишет об эстетических мотивах Леонтьева отправиться на войну, замечая при этом, что «и патриотических мотивов этого поступка помимо эстетико-романтических соображений, со счетов сбрасывать не следует» [7, с. 68].

Осенью 1855 г. Леонтьева переводят в феодосийский госпиталь. Здесь его будет ждать любовная история, ссора с начальством и последующий перевод в другую крепость – Карасу-Базар, откуда философ сбежит к своей возлюбленной, за что ему будет грозить военный суд. Лишь вмешательство влиятельных друзей позволит ему избежать наказания. В 1856 г. Леонтьева вернут в его 45-й казачий полк. Однако вскоре философ подаст прошение об отставке. Ждать удовлетворения своего прошения он будет около года, пока оно будет бродить по запутанным бюрократическим лабиринтам.

Леонтьев пробудет в Крыму до самого окончания войны, до 30 марта 1856 г. Здесь он задумал писать роман «Война и юг». Есть вероятность, что Л.Н. Толстой, с которым Леонтьев был лично знаком, мог использовать некоторые леонтьевские наработки при создании своего великого романа-эпопеи. К сожалению,

роман «Война и юг» написан не был. Написаны были лишь отрывки, которые стали отдельными повестями, например, «Сутки в ауле Биюк-Дортэ». Здесь, к примеру, описывается начало войны глазами одного из персонажей, который «еще задолго до войны озлобился на французов и англичан»: «Он говорил, что французы и англичане отжили и сузились, что их надо освежить, окропить живой водою, и грозился при этих словах кулаком». Со временем ненависть Муратова, леонтьевского персонажа, «стала переменять характер отвлеченности на более живой... Он стал поговаривать, пугая жену, о военной службе... слух о тяжелой битве при Альме окончательно и искренно потряс его... тогда ни слезы милой Лизы... ни агрономия, ни оранжерея, ни диван – ничто не могло удержать его. И вот он наконец ополченец!» [8, с. 234–236].

Как и сам автор, персонаж бросается в жизнь, несмотря ни на что. Не секрет, что все персонажи Леонтьева списаны им с себя самого или, по крайней мере, раскрывают какую-то его сторону, реализованную или не реализованную, быть может, мечтание о себе будущем. Поэтому совершенно логично будет заключить, что и самого Леонтьева потряс слух о битве при Альме – первом крупном сражении Крымской войны, в котором Россия потерпела поражение.

Правда, в письме к матери Леонтьев писал, что его подвигло на поездку «любопытство видеть войну, если можно, чего два раза в жизнь, пожалуй, не случится; да и не дай Бог, а один раз посмотреть недурно» [9, с. 190], но думается, что кроме любопытства были и иные мотивы у молодого философа.

Леонтьев смотрел на войну и внес свою посильную лепту в общее дело, помогая раненым в керчинском госпитале. Быть может, окажись Леонтьев не в тыловом госпитале, а в самом Севастополе, услышь он гром пушек, увидь он знаменитый четвертый бастион – он смог бы проявить себя иначе, и тогда иначе сложилась бы его судьба, и, быть может, тогда его эстетическое сознание дало бы не только очерк о сдаче Керчи. Исследователь жизни и творчества Леонтьева Ю.П. Иваск, сравнивая Леонтьева и Л.Н. Толстого на войне, пишет: «Конечно, опыт у них был разный: один был «в деле», а другой лечил в тылу. То ли бы запел Леонтьев на Малаховском кургане, – может быть, спросят скептически настроенные читатели. Возможно, что – то же самое. Трусом он не был. В тот критический момент перед взятием Керчи Тургенев, например, едва ли бы сибаритствовал в кофейне! К тому же Леонтьев знал и поэзию войны, и ее прозу – в госпиталях. Толстой как-то посетил полевой лазарет и ужаснулся: там было страшнее, чем на редутах...» [10, с. 294].

С русского юга Леонтьев вернется в центральную Россию, впереди его будут ждать дипломатическая служба, консервативный и религиозный поворот, семейная драма, литературно-философская деятельность и литературно-философская борьба, а затем тайный монашеский постриг.

Военный эпизод жизни Леонтьева раскрывает в целом интерес русских философов к феномену войны. Интерес этот раскрывался в разных измерениях: эстетическом (который в случае Леонтьева проявился особенно ярко), этическом (на войну зовет совесть), экзистенциальном (война раскрывает иные стороны жизни, как «отец всех вещей» – раскрывает иные горизонты существования и

умозрения), метафизическом, историософском и т.д. Константин Леонтьев – яркий пример этого профессионального интереса философа к войне как экзистенциалу и событию.

Список литературы

1. Коробов-Латынцев А.Ю. Философ и война. О русской военной философии. М., 2020.
2. Волкогонова О.Д. Константин Леонтьев. М., 2013.
3. Леонтьев К.Н. Сдача Керчи в 55-м году (Воспоминания военного врача) // Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 6. Кн. 1. Воспоминания, очерки, автобиографические произведения 1869–1891 гг. СПб., 2003.
4. Казачество Юга России в Крымской войне 1853–1856 гг. Сборник документов / отв. ред. А.В. Венков. Ростов н/Д, 2017.
5. Солонин Ю.Н. Э. Юнгер: опыт первоначального понимания жизни и творчества // Парадигмы исторического мышления XX века: очерки по современной философии культуры. СПб., 2001.
6. Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 6. Кн. 1.
7. Хатунцев С.В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. СПб., 2007.
8. Леонтьев К.Н. Сутки в ауле Бююк-Дортэ // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 1.
9. Письмо К.Н. Леонтьева к матери от 10 марта 1855 г. // Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. СПб., 2000. Т. 9.
10. Иваск Ю.П. Константин Леонтьев (1831–1891) // К.Н. Леонтьев: pro et contra / сост., послесл. А.А. Королькова, сост., примеч., прил. А.П. Козырева. СПб., 1995. Кн. 2.

С.Н. Шаповалов

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ОСМАНОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ В 1853 ГОДУ

Статья посвящена исследованию особенностей военных действий, которые происходили между османами и русскими войсками на территории Черноморской береговой линии. Основное внимание уделено боевым действиям на посту Св. Николая, деятельности русского флота по защите прибрежных укреплений и подготовке укреплений к войне.

Ключевые слова: османы, пост Св. Николая, укрепления, Черноморская береговая линия, эскадра.

S.N. Shapovalov

MILITARY ACTIONS AGAINST THE OTTOMANS ON THE TERRITORY OF THE BLACK SEA COASTLINE IN 1853

The article is devoted to the study of the features of the hostilities that took place between the Ottomans and Russian troops on the territory of the Black Sea coastline. The main attention is paid to the military operations at the post of St. Nicholas, the activities of the Russian fleet to protect coastal fortifications and prepare the fortifications for war.

Key-words: ottomans, post of St. Nicholas, fortifications, Black Sea coastline, squadron.

До начала Крымской войны, по данным полковника Н.И. Карлгофа, территорию Черноморской береговой линии составляли ряд укреплений и занятых

войсками неукрепленных пунктов вдоль северо-восточного и восточного берегов Черного моря от устья реки Кубани до Турецкой границы. Под управлением начальника линии находился также край, простиравшийся полосой между Кавказским хребтом и берегом Черного моря [1, с. 1]. Приграничное положение (относительно Османской империи) укреплений обязывало ее начальника вице-адмирала Л.М. Серебрякова внимательно следить за развитием отношений между Санкт-Петербургом и Константинополем.

Для того чтобы быть ближе к эпицентру событий начальник линии лично отправился осенью из Керчи вместе с крейсировавшими вдоль восточного берега судами в Сухум-Кале, куда стекались донесения с русско-турецкой границы, официальная корреспонденция, сообщения от членов экипажей судов, заходивших на сухум-кальский рейд, сведения, полученные от дружественных горцев. Собираемая информация требовала тщательного анализа и принятия адекватных мер для повышения боеспособности укреплений линии.

С этой целью вице-адмирала Л.М. Серебряков рассылал начальникам отделений линии секретные послания для приведения укреплений в боевую готовность. Одно из них было адресовано в Новороссийск начальнику 1-го отделения генерал-майору А.О. Дебу. В нем указывался реальный срок начала военных действий: «Господин генерал-адъютант князь Меншиков уведомил меня, что Порта назначила сроки для вывода войск наших из Молдавии и Валахии, с тем чтоб считать войну объявленную, если требование это не будет выполненным и что срок этот по расчету должен окончиться 12 октября, уведомляя о том Ваше Превосходительство, покорно прошу Вас секретно предварить комендантов и воинских начальников, чтобы они на случай близкого разрыва с Турцией сделали все приготовления и приняли должные меры воинской предосторожности против внезапного появления турецких судов» [2, л. 7].

Одной из таких мер была новая сигнальная система, которая должна была помочь определить неприятельские суда до их подхода на опасное расстояние. Она включала в себя два разных флага – верхний и нижний, которые отличались по цветовой гамме и месту установки. Верхний состоял из голубой, белой и красной полос, а нижний – желтой, синей и желтой. Сам начальник береговой линии подробно объяснил принцип действия условного сигнала: «Для предупреждения намерений неприятельских судов при нападении на наши береговые укрепления в случае открытия военных действий я учредил условный сигнал, состоящий из двух флагов, которые военные крейсера, пароходы и транспорты, проходя мимо укрепления или подходя к оному, будут поднимать на грот-брам-стеннге, то есть: трехмачтовое судно на средней мачте, двух-мачтовое на задней и одномачтовое на имеющейся мачте, на самом верху; суда же, не использующие этого опознавательного сигнала, должно считать неприятельскими и в случае приближения таковых судов к укреплению тотчас принимать меры к предупреждению всяких покушений со стороны неприятеля...» [3].

К сожалению, даже своевременная подготовка к ожидаемому разрыву между Портой и Российской империей не позволила сохранить в целостности

все пункты Черноморской береговой линии. 16 октября до официального объявления войны между двумя державами гарнизон поста Св. Николая, входившего в состав 3-го отделения линии, подвергся нападению регулярных и нерегулярных османских войск [4, с. 26]. На его территории размещались несколько десятков деревянных домов, в которых жили начальник гарнизона, чиновники карантинно-таможенной заставы, две казармы, небольшая деревянная церковь, маленькие лавки и склад [5, с. 293]. Пост не имел никаких укреплений и постоянной артиллерии. За несколько дней до нападения османов из Редут-Кале были доставлены два орудия. Пост охраняли две неполные роты. Накануне османского вторжения его гарнизон был усилен 255 солдатами из Черноморского линейного № 12 батальона, несколькими казаками и двумя сотнями гурийской милиции во главе с князем Георгием Гуриели [6, с. 102].

В нападении на пост Св. Николая участвовал османский корпус, состоявший из регулярных и иррегулярных частей. Его численность определяют в пределах от 5 до 7 тыс. воинов [7, с. 54]. Отряд был усилен артиллерийскими орудиями. После многочасового неравного боя вся территория поста была захвачена неприятелем. Часть жилых и хозяйственных построек была уничтожена огнем. Из окружения смогли выйти лишь около 30 чел.

После захвата неукрепленного поста Св. Николая османы не смогли развить наступление. 17 октября они были атакованы русским отрядом, вышедшим на помощь из Озургет. Солдатам удалось выбить османские форпосты в окрестностях поста Св. Николая, но после многочасового боя с превосходящими силами противника отряд был вынужден отступить назад [8, с. 13–14]. Воспользовавшись затишьем, османы скрытно приступили к созданию укреплений на месте бывшего поста Св. Николая. Их прочное обоснование на захваченной территории грозило военной опасностью остальным укреплениям Черноморской береговой линии и нарушением морской коммуникации.

После потери одного из своих опорных пунктов командование линии более энергично стало применять меры к усилению укреплений. Для облегчения сухопутного движения войсковых колонн из Новороссийска в форт Раевский и в обратном направлении были отправлены команды для расчистки просек и поддержания в надлежащем состоянии дорог. В самом Новороссийске и в других укреплениях вносились коррективы в составленную ранее оборонную ведомость. Нижние чины привлекались к постоянным ремонтным работам, которые помогали поддерживать в надлежащем состоянии палисады, рвы, брустверы, крепостные стены и другие военные строения.

Усиление обороноспособности укреплений линии происходило на фоне появления неприятельских судов. В ночь с 5 на 6 ноября вблизи Пицунды и Бомбор объявились три османских парохода-фрегата. Здесь они встретились с одним русским фрегатом «Флорой», который был назначен в состав эскадры, крейсировавшей вдоль восточного берега Черного моря. Пользуясь своим численным превосходством, неприятель вступил в бой с фрегатом. Утром 6 ноября османские суда три раза атаковали фрегат «Флора», но были отбиты и предпочли удалиться.

Фрегат получил два легких повреждения, но не имел потерь в личном составе [9, с. 770].

Появление неприятельских кораблей вблизи опорных пунктов линии привело к излишнему беспокойству воинских начальников, которые стали открывать огонь по всем проходящим мимо судам. В первой декаде ноября эскадра контр-адмирала А.И. Панфилова крейсировала к Сухум-Кале и подошла с наступлением темноты к одному из укреплений линии. Корабли эскадры использовали установленный опознавательный сигнал, но в ответ гарнизон укрепления открыл огонь из береговой артиллерии. Одно из выпущенных ядер попало в борт парохода. При использовании повторного сигнала со стороны укрепления вновь раздались выстрелы, один из которых также попал в борт парохода. Эскадра была вынуждена скрыть огни и удалиться в море [10, л. 1об].

Занимаясь усилением обороны прибрежных укреплений, командование линии не собиралось мириться с потерей одного из своих стратегических пунктов на побережье. Для этого была начата подготовка к сбору судов, десантных войск и сухопутного отряда. Местом сбора флота была определена бухта Редут-Кале. Вскоре здесь на рейде под командованием вице-адмирала Л.М. Серебрякова было поставлено 3 парохода («Могучий», «Боец», «Молодец»), 2 фрегата («Мессемврия», «Сизополь»), 2 корвета («Андромаха», «Пилад») и 1 бриг («Птолемей»). Эскадра располагала также 8 азовскими казачьими баркасами [11, с. 94]. Не дождавшись затянувшегося сбора сухопутных сил из ближайших укреплений, в ночь с 6 на 7 ноября флот покинул редут-кальскую бухту и направился к бывшему посту Св. Николая.

Из-за отсутствия сухопутных сил вице-адмирал Л.М. Серебряков не мог рассчитывать на получение сведений о состоянии и боеспособности османских сил. Поэтому эскадра действовала фактически вслепую. Сначала ее корабли максимально близко подошли к берегу и открыли артиллерийский огонь по предполагаемым позициям противника. Огонь велся в течение 2 часов. По расчетам вице-адмирала Л.М. Серебрякова строениям и людям неприятеля был нанесен существенный вред. Не обошлось без потерь и в составе русской эскадры. На кораблях было убито 2 нижних чина, ранены 1 обер-офицер и 5 нижних чинов [12, с. 770]. Суда эскадры получили незначительные повреждения. Собранные вице-адмиралом войска не смогла выбить османский гарнизон с поста, так как не располагали сухопутными отрядами, которые могли бы отвлечь часть османских сил и атаковать наименее защищенные позиции неприятеля.

Неудачная морская атака была обусловлена и оборонительными мерами, которые предприняли османы на территории захваченного поста. Они привели в порядок сохранившиеся здания, насыпали бруствер к деревянному забору, построили земляную насыпь и превратили бывший пост в полноценное укрепление. Для усиления обороны со стороны моря османы установили артиллерию за земляными брустверами, которые позволили защитить орудия от прямого поражения неприятелем. Ее использование во время боя 7 ноября стало неприятным сюрпризом для русской эскадры.

После неудачной попытки отбить территорию бывшего поста Св. Николая вице-адмирал Л.М. Серебряков оставил все парусные суда для крейсирования между Редут-Кале и новым османским укреплением, а пароходы направил для нападения на османские береговые сооружения. При движении в сторону Трапезунда в 40 милях к югу от Батума отряд встретил 5 османских кочерм. Одна была захвачена, а остальные выбросились на берег. Победителям достались запасы пороха, медные пушки и 14 членов экипажа в качестве пленников [13].

Лишенные поддержки с моря османы на бывшем посту Св. Николая не могли предпринимать сколько-нибудь серьезных наступательных действий и сосредоточили свои усилия только на обороне. Их положение существенно осложнилось после побед, одержанных русскими морскими и сухопутными силами в Синопском сражении, при Ахалцихской крепости, под Башкадыкларом. С этого момента укрепления линии оказались в относительной безопасности от покушений неприятельского флота с моря, а османские силы теперь не могли рассчитывать на прибытие больших подкреплений и помощь морских судов.

По мнению главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанта светлейшего князя М.С. Воронцова, после одержанных побед захват местности, где раньше была Николаевская таможенная застава (бывший пост Св. Николая) не составил бы большого труда для русской армии, хотя был бы сопряжен с людскими потерями. Главная трудность заключалась в удержании будущего отвоеванного укрепления: «...удержать это место за собою без постоянного морского пособия совершенно невозможно. Чтобы прикрыть этот пункт с сухопутья, надо занять Чурук-су, которое по географическому положению своему, хотя и представляет выгоды для прикрытия путей сообщения внутрь Гурии, но со стороны моря имеет те же неудобства, как и местность Св. Николая. Нет никакой пользы нам владеть такими пунктами, которые так же легко могут быть взяты неприятелем, как и нами... По моему мнению, занять опять местность Николаевска и Чурук-су будет легко и полезно в том случае, если решено будет свыше атаковать и занять самый главный порт – Батум... [14]. До конца 1853 г. решение о судьбе бывшего поста Св. Николая так и не было принято, поэтому он оставался единственным пунктом Черноморской береговой линии, захваченным неприятелем.

Опасность для линии исходила не только от засевшего на территории бывшего поста османского гарнизона. Отдельные неприятельские корабли по-прежнему проверяли боеготовность береговых укреплений. 7 декабря неприятельские суда пытались применить военную хитрость против одного из укреплений линии. Около 10 часов вечера три османских парохода появились в окрестностях Головинского форта. Вскоре два из них направились в Варданскую бухту, а третий расположился на некотором расстоянии. Вечером все пароходы соединились против мыса Вардане. После того как совсем стемнело пароходы направились прямо к форту. Они использовали условленный сигнал, учрежденный для русских судов. По предположению начальника форта, это было сделано для того,

чтобы выманить баркас из форта и захватить. Гарнизон разгадал военную хитрость неприятеля и вместо высылки баркаса ответил выстрелами гранат с приморского бастиона [15, л. 132–132об].

Таким образом, в первый год Крымской войны военные действия на территории Черноморской береговой линии носили оборонительный характер. Крейсировавший вдоль восточного берега Черного моря флот обеспечивал защиту и коммуникацию между укреплениями. Самой значимой потерей стал захват неприятелем поста Св. Николая, не имевшего оборонительных сооружений. Остальные укрепления линии были сохранены и усилены.

Список литературы

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи: в 17 т. СПб., 1853. Т. 16: Кавказский край: в 10 ч. Ч. 10: Восточный берег Черного моря.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1756.
3. Там же. Л. 12.
4. Тимошенко-Оздемир Е.Н. Северный Кавказ в международной политике во второй половине XIX века // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2009. № 2.
5. Тарле Е.В. Крымская война: в 2 т. М., 2003. Т. I.
6. Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М., 1971.
7. Бестужев И.В. Крымская война 1853–1856. М., 1956.
8. Гейрот А.Ф. Описание Восточной войны 1853–1856 гг. СПб., 1872.
9. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. / Арх. гл. упр. наместника Кавказа; под общ. ред. А.Д. Берже. Тифлис, 1866–1904. Т. 10.
10. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1715.
11. Герасименко А., Санеев С. Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998.
12. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией... Т. 10.
13. Там же.
14. Там же. С. 791.
15. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1832.

А.П. Скорик, И.М. Федина

ПОКАЗАЧИВАНИЕ «БЕСПАСПОРТНЫХ ЛЮДЕЙ» В КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается исторический сюжет показачивания части иногороднего населения Кубани, сосредоточившегося на рыбных промыслах, но волею судеб утратившего удостоверение личности, а потому избегавшего взаимодействия с местными властями. О масштабности этой проблемы свидетельствует вмешательство имперских инстанций. Выдача эрзацпаспортов и перевод в казачье сословие считались способом выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: административная регистрация, атаманы заводов, беспаспортное лицо, делинквентное поведение, иногородние, источниковедческий анализ, Кубанское казачье войско, рыбные промыслы, удостоверение личности.

COSSACKIZATION OF "PASSPORTABLE PEOPLE" IN KUBAN REGION

The article discusses the historical plot of showing a part of the non-resident population of the Kuban, who focused on fishing, but by the will of fate lost their identity card, and therefore avoided interaction with local authorities. The scale of this problem is evidenced by the intervention of imperial authorities. The issuance of ersatz passports and transfer to the Cossack estate were considered a way out of the current situation.

Key-words: administrative registration, atamans of factories, non-passport person, delinquent behavior, people from other cities, source analysis, Kuban Cossack army, fisheries, identity card.

Среди самостоятельно мигрировавших неоседлых крестьян в районы Кубани встречалось немало беглых крестьян, разного рода личностей, образно говоря, со сложной человеческой судьбой и жизненными разворотами, причём, отнюдь не относившихся к преступному элементу. В исторических документах они прямо называются «беспаспортные люди».

В «Записке о беспаспортных людях, проживающих в Кубанском казачьем войске» от 9 февраля 1865 г., № 196, адресованной статс-секретарю Его Императорского Величества и управляющему делами Кавказского комитета, состоящему при Первом отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, тайному советнику Николаю Васильевичу Гулькевичу (1817–1876), детально проясняется ситуация с обозначенной категорией иногородних на Кубани. Кстати, именно в честь Н.В. Гулькевича оказался назван современный г. Гулькевичи Краснодарского края, ведущий своё происхождение от станции Гулькевичи Ростово-Владикавказской железной дороги (15 июля 1875 г.), построенной на землях пожалованного за службу имения Николая Васильевича. Обозначенную записку о «беспаспортных людях» подготовил известный российский реформатор, военный министр, генерал-адъютант Дмитрий Алексеевич Милютин, и в ней описывается одна из подгрупп самостоятельно мигрировавших неоседлых крестьян на Кубани, сосредоточившихся на рыбных промыслах. Изучение артефакта позволяет понять, что представляла собой тогда эта часть иногородних, почему она составляла буквально головную боль для властей и как они полагали возможным её трансформировать в более приемлемое общественное состояние и включение в казачье сословие. Разберём детально обнаруженный нами в Российском государственном историческом архиве симптоматичный многостраничный документ.

Военный министр Д.А. Милютин получил сообщение (письмо) от наместника Кавказа, великого князя Михаила Николаевича о том, «что побережье Азовского моря, принадлежащее ККВ (Кубанскому казачьему войску. – *авт.*) издавна занято рыболовными заводами. Заводы сии устроены большей частью среди недоступных болот, покрытых камышом. С самого основания их служили и теперь служат убежищем всякого рода бродяг. Привольная жизнь и возможность укрыться от преследования постоянно привлекают туда известный класс людей, какие до сего времени против них со стороны местного начальства оказываются недействительными, ибо при помощи обыкновенных полицейских средств нет возможности сделать внезапный обыск в этих труднодоступных местностях при

чуткости и осторожности бродяг, успевающих по малейшей тревоге сбежать в камыши или в открытое море» [1, л. 2–2об].

Очевидно, неоднократные попытки властей отловить этих людей оказывались безуспешными, поэтому в документе отмечается: «Для достижения цели необходимо предпринять ряд экспедиций целыми отрядами не только с сухого пути, но и со стороны моря. Большинство этих безызвестных приморских обитателей состоит просто из беспаспортных людей, не совершивших никакого другого преступления» [1, л. 2об]. Итак, власти понимали, что загнанные в жизненный тупик люди в большинстве своём надёжно спрячутся от навязчивых «поисковиков», хотя их делинквентное поведение не составляет большой общественной опасности для Азовского прибрежного района Кубани.

Социальное происхождение «бродяг» оказывалось вполне даже пристойным: «Люди эти приходят на заработки большей частью с паспортами преимущественно из малороссийских губерний, и уже на заводах при разгульной жизни и беспечности, просрочивая принесённые паспорта и не заботясь о получении других, делаются беспаспортными, некоторые из них и не по своей воле, а по недобросовестности своих хозяев, или так называемых атаманов заводов, которые, нуждаясь в рабочих руках, с умыслом не переменяют вверенных им наёмниками паспортов и держат т[аким] о[бразом] в своих руках опасующихся правосудия виновных за свою беспечность» [1, л. 3].

Местные власти в Азовском прибрежном районе Кубани (Ейского отдела и ближайших станиц) довольно хорошо владели информацией о ситуации с «беспаспортными людьми», но кардинально решить её не могли, а отчасти и не хотели этого делать, и при этом прекрасно знали об общественных настроениях, царящих внутри самой группы: «Многие из таковых беспаспортных людей давно желали бы явиться начальству и принести раскаяние, но боялись наказаний, определённых законом; со времени освобождения помещичьих крестьян из крепостной зависимости желание это, как осведомилось местное начальство, общее и почти нет сомнения, что, если бы людям было обещано прощение за бродяжничество, то они явились бы к ближайшему начальству ККВ и объявили о своём родоприсхождении» [1, л. 3об].

Вот таких людей командующий войсками в Кубанской области, начальник Кубанской области и наказный атаман Кубанского казачьего войска, генерал-адъютант, генерал-лейтенант Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон рассчитывал успешно поверстать в кубанские казаки, о чём и доложил наместнику Кавказа, великому князю Михаилу Николаевичу. Военный министр Д.А. Милютин эту идею показачивания своеобразной части иногородних поддержал, наряду с предложениями великого князя Михаила Николаевича: «Разделяя мнение командующего войсками Кубанской области, что означенные люди, привлечённые к морю, были бы нам весома полезны на северо-восточном берегу Чёрного моря, где и сами они, насколько известно по слухам, желали бы поселиться, Его императорское Высочество, Главнокомандующий Кавказской армией полагает: 1. Объяснить, что им будет даровано прощение, если они в течение 3-х месяцев со дня публикации добровольно явятся к местному начальству и сами, кроме

вины в просроченном паспорте или в неимении его не совершили никаких других преступлений, что они будут водворены на жительство по их желанию: или в местах родины, или на северо-восточном берегу Чёрного моря с зачислением в ККВ (Кубанское казачье войско. – *авт.*). 2. По получении удовлетворительных ответов из мест жительства означенных людей, дозволить семействам явиться на родину по особым письменным видам (специальным пропускам на предмет благонадёжности и разрешения для переселения. – *авт.*), выданным войсковым правлением на простой бумаге, с тем, чтобы они в известный срок возвратились с семействами для зачисления в ККВ (Кубанское казачье войско. – *авт.*), если не встретится особых препятствий со стороны властей. Не имеющих же семейств водворить во вновь поселённых станицах по побережью Чёрного моря немедленно» [1, л. 4–4об].

В Государственном архиве Краснодарского края в фонде 396 «Войсковой штаб Кубанского казачьего войска» нами обнаружены свидетельства, выдававшиеся беспаспортным людям, желающим водвориться в Кубанской области. Приведём два примера этих исторических актов (удостоверений личности) под названием «свидетельство»:

«Дано сіе изъ Войсковаго Штаба войска Кубанскаго, добровольно явившемуся, на основаніи положенія Кавказскаго комитета ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 8 Марта 1865 года, объ устройствѣ безъ паспортныхъ людей, скрывавшихся на рыболовныхъ заводахъ Черноморіи, называющему себя [до это момента шёл печатный текст, а далее вписано чернилами от руки] Калужской Губерніи Василіемъ Шмаковымъ, [далее идёт печатный текст] на временное прожительство въ [следует опять рукописный текст] Черно-Ерковскомъ поселеніи у Сотника Вѣднягина [далее печатный текст] срокомъ отъ нижеписаннаго числа [далее рукописный текст] въ теченіи четырехъ месяцевъ [слово «месяцевъ» написано с сокращением, помеченным надстрочным знаком титло] [далее следует печатный текст] съ тѣмъ, чтобы онъ [далее рукописный текст], Шмаковъ, [далее печатный текст] по истеченіи этого срока явился въ Войсковой Штабъ, для перемѣны свидѣтельства, или зачисленія въ казаки, въ случаѣ полученія къ тому времени удовлетворительныхъ справокъ съ мѣста родины; въ противномъ же случаѣ, за просрочку этого свидѣтельства поступить съ нимъ по законамъ». Далее отдельной строкой указывается: [вначале печатным текстом] «г. Екатеринодаръ [затем рукописно] Марта "21" [далее печатно] дня 1872 [цифра «два» вписана от руки] года». Внизу документа указаны две подписи. Печатный текст гласит: «Начальникъ Штаба войска Кубанскаго, Полковникъ». Потом справа от печатного текста визуально фиксируется размашистая, но неразборчивая подпись (ориентировочно: «Цымлянскій»). Строкой ниже помещён печатный текст: «Помощник Старшаго Адъютанта, Сотникъ». Затем справа от печатного текста начертана размашистая подпись, нами прочитанная как «Суханов». В правом нижнем углу документа отчётливо виден оттиск официальной войсковой печати «Войсковой Штабъ войска Кубанскаго» с двуглавым монархическим орлом [2, л. 28].

А вот ещё одно типовое «свидетельство»:

«Дано сіе Войсковаго Штаба войска Кубанскаго, добровольно явившемуся, на основаніи положенія Кавказскаго комитета ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 8 Марта 1865 года, объ устройствѣ безъ паспортныхъ людей, скрывавшихся на рыболовныхъ заводахъ Черноморіи, называющему себя [до это момента шёл печатный текст, а далее вписано чернилами от руки] Рязанской Губерніи Тихономъ Васильевымъ Сачковымъ [далее идёт печатный текст] на временное проживание въ [следует опять рукописный текст] станицѣ Старо-Корсунской на поромной переправѣ крестьянина Демина [далее печатный текст] срокомъ отъ нижеписаннаго числа [далее рукописный текст] въ теченіи четырехъ месяцевъ [слово «месяцевъ» написано с сокращением, помеченным надстрочным знаком титло] [далее следует печатный текст] съ тѣмъ, чтобы онъ [далее рукописный текст], Сачковъ, [далее печатный текст] по истеченіи этого срока явился въ Войсковой Штабъ, для перемѣны свидѣтельства, или зачисленія въ казаки, въ случаѣ полученія къ тому времени удовлетворительныхъ справокъ съ мѣста родины; въ противномъ же случаѣ, за просрочку этого свидѣтельства поступить съ нимъ по законамъ». Далее отдельной строкой указывается: [вначале печатным текстом] «г. Екатеринодаръ [затем рукописно] Мая "31" [далее печатно] дня 1873 [цифра «три» вписана от руки] года». Внизу документа указаны две подписи. Печатный текст гласит: «Начальникъ Штаба войска Кубанскаго, Полковникъ». Потом справа от печатного текста визуально фиксируется размашистая, но неразборчивая подпись (ориентировочно: Цымлянскій). Строкой ниже помещён печатный текст: «Помощник Старшаго Адъютанта, Сотник». Затем справа от печатного текста начертана размашистая подпись, нами прочитанная как «Лысенко». В левом нижнем углу отчётливо виден оттиск официальной войсковой печати «Войсковой Штабъ войска Кубанскаго» с двуглавым монархическим орлом [2, л. 99].

О чём свидетельствует наш источниковедческий анализ процитированных выше исторических актов? Прежде всего, речь идёт о достаточно массовой выдаче в Кубанской области документов «беспаспортным людям», подтверждавшим их социально-правовой статус, поскольку войсковые власти заготовили официальные печатные (sic!) бланки документов, удостоверяющих личности владельцев этих бумаг. Данный акт основан на принципах гражданско-правовой ответственности, и в свидетельстве закрепляется солидарная ответственность двух чиновников войскового штаба Кубанского казачьего войска и одного станичного обывателя (у которого проживает беспаспортное лицо) за благонамеренное социальное поведение этого самого беспаспортного лица. Официальный характер документу придаёт его выдача ключевой в регионе войсковой инстанцией в лице войскового штаба Кубанского казачьего войска. В то же время свидетельство содержит элементы гражданско-правового договора, поскольку беспаспортное лицо явилось добровольно для регистрации своего гражданского состояния и согласилось на ряд условий при получении документа, удостоверяющего личность. Речь идёт о свободном характере заключаемой сделки по натурализации беспаспортного лица, когда оно добровольно явилось и добровольно соглашается на получение свидетельства государственного образца, удостоверя-

ющего законность его присутствия на территории Кубанской области, когда осуществляется легальная прописка по достаточно определённом адресу в месте проживания (хозяйственной занятости) другого, законно находящегося на Кубани подданного Российской империи, когда фактом получения свидетельства беспаспортное лицо одновременно даёт согласие на индивидуальное правомерное поведение, прежде всего, в административно-правовом отношении, принимая на себя обязательно по регистрации на строго определённое время (четыре месяца). Вместе с тем, такое добровольное согласие предполагает два возможных варианта натурализации: зачисление в казачье сословие, или повторную регистрацию в войсковом штабе Кубанского казачьего войска с получением нового свидетельства для дальнейшего законного самоопределения личности бывшего беспаспортного лица, включая возврат домой.

Но и Войсковой штаб Кубанского казачьего войска, являясь стороной этого латентного гражданско-правового договора, признавал за конкретным беспаспортным лицом некоторые юридически значимые права. Прежде всего, его законное право на имя, право на адресное происхождение, право на регистрацию по месту проживания у другого законопослушного лица и, наконец, право на вхождение (причисление) в состав казачьего сословия.

Правовым основанием для выдачи свидетельства являлось разработанное Кавказским комитетом (особым общероссийским органом исполнительной власти межведомственного характера, сосредоточенном исключительно на кавказских делах) и Высочайше утверждённое 8 марта 1865 г. положение об устройстве беспаспортных лиц, позволявшее осуществлять регистрацию беспаспортных лиц и по существу решать их человеческую судьбу. Этим эксклюзивным административным правом и наделялся Войсковой штаб Кубанского казачьего войска, действовавший от имени Российского государства и от имени императора Российской империи.

Регистрация «беспаспортных людей» Войсковым штабом Кубанского казачьего войска была направлена на конкретную целевую группу лиц («скрывавшихся на рыболовных заводах Черномории») и узаконение их пребывания на территории Кубанской области. Причём, гражданско-правовая регистрация носила заявительный характер, поскольку беспаспортное лицо в добровольном порядке указывало свои полное имя и фамилию (как видим, не всегда указывалось отчество) в устной форме, что фиксировалось конкретными войсковыми чиновниками Войскового штаба Кубанского казачьего войска. Очевидно, что выявленное количество беспаспортных лиц оставалось достаточно велико, и войсковые власти проявляли кровную заинтересованность в их регистрации именно в свободном заявительном порядке, ибо полицейские акции по поимке и принудительному установлению личности «беспаспортных людей» в специфических природно-рельефных условиях низовьев Кубани и морского побережья с множеством плавней, лиманов и болотистых мест не приносили должного результата. Однако ограниченный срок получаемой регистрации (4 месяца) чётко указывал на заинтересованность войсковых властей в быстрейшем установлении именно

сословной определённости «беспаспортных людей». Причём, здесь же в документе прописывалась целевая предназначённость проводимой регистрации для последующего «зачисления в казаки» при одном существенном условии. Для этого беспаспортное лицо не должно отличаться делинквентным поведением по прежнему месту проживания, что подтверждалось получением «удовлетворительных справок с места родины». Иначе говоря, беспаспортное лицо по месту рождения могло характеризоваться только с положительной стороны местными властями, в противном случае путь в состав казачьего сословия был заказан. Соответственно, при подготовке необходимых справок «по месту родины» самые родные и близкие люди в процессуальном порядке узнавали, куда запропастился их родной человек, где он в настоящее время пребывает. Получение удовлетворительных справок не только позволяло определить новую судьбу «беспаспортных людей», но и фиксировало их гражданско-правовой статус с последующим переводом в казачье сословие со всеми его правами и привилегиями.

В любом случае «беспаспортные люди» вводились в правовое поле российского законодательства при получении указанного свидетельства, по существу, становившегося для них новым эрзацпаспортом, но, увы, сроком лишь на четыре месяца с момента выдачи свидетельства, который строго фиксировался днём, месяцем и годом в конце вручаемого документа. Из этого вытекало две правовые ситуации. В благополучном варианте при получении «удовлетворительных справок с места родины» беспаспортному лицу возвращалось его законное российское подданство, и обретение такого гражданско-правового статуса позволяло ему, правда, на безальтернативной основе быть зачисленным в казаки. В менее благополучном варианте, если всё же не удавалось по истечении четырёх месяцев получить «удовлетворительных справок с места родины», то требовалось пройти повторную регистрацию для выдачи нового свидетельства. Однако в документе никак не оговаривалась ситуация получения «неудовлетворительных справок с места родины», но фиксировалась в общем правовом порядке ответственность «за просрочку этого свидетельства» и предполагалось для беспаспортного лица «поступить с ним по законам». Что при этом точно имелось в виду, сказать сложно, но явно вопрос переходил для правонарушителей регистрации в уголовно-правовую плоскость.

Выдаваемое «беспаспортным людям» свидетельство однозначно являлось документом государственного образца, удостоверяющим личность его владельца и подтверждающим его законные права как подданного Российской империи. Другой вопрос, насколько владелец свидетельства мог их реализовать. У свидетельства присутствовали все необходимые реквизиты государственного документа: стандартизированный бумажный формат (размер А 4) с текстуально отграниченными белыми полями определённого размера со всех сторон; название документа «свидетельство», выполненное прописными буквами русского алфавита типографским способом и шрифтом заметно большего кегля, нежели основной текст документа; формализованный текст большей части документа, где отличаются только сведения личного характера; зафиксированная письменно ин-

формация, удостоверяющая личность владельца документа (фамилия, имя, отчество полностью); сведения о месте рождения человека в обобщённом виде (указывалась только конкретная губерния Российской империи); актуальная прописка владельца свидетельства, правда, у другого лица, правовой статус которого ранее уже был определён; полное указание наименования должностей войсковых чиновников, осуществивших регистрацию беспаспортного лица, причём, основным должностным лицом выступал начальник войскового штаба Кубанского казачьего войска, а исполнителем, судя по всему, как раз и заполнявшим типографский бланк свидетельства, значился помощник старшего адъютанта войскового штаба, но в персональном плане, в отличие от начальника войскового штаба Кубанского казачьего войска, это были разные люди; документ скреплялся оттиском войсковой печати Кубанского казачьего войска.

В целом же, объяснение такого стремления имперских властей к водворению «беспаспортных людей» на северо-восточном побережье Чёрного моря вполне понятно, ведь даже в 1893 г. свободных земель в Черноморском округе насчитывалось не менее 10 тыс. дес. [3, л. 51об].

Имперские власти рассчитывали не только натурализовать «беспаспортных людей» на Кубани и непременно поверстать их в казаки для поселения в станицах северо-восточного побережья Чёрного моря, но и предлагали серьёзным образом стимулировать этот социально-демографический процесс, для чего намеревались ввести определённые льготы: «Всем этим поселенцам предоставить место от службы и провиантское довольствие, тем, кто будет поселены в новых станицах на 3 года, наравне с прочими переселенцами, а водворённым в станицах, уже устроенным дать льготу на 2 года и провиантское довольствие в виде взаимообразной выдачи на первый год. Путевое довольствие выдавать семейным людям, выступившим в путь с места жительства, на том же основании, как и государственным крестьянам, по распоряжению местного губернатора» [1, л. 5об].

Следует обратить внимание на стремление имперских властей поставить показывание «беспаспортных людей» на Кубани под непосредственный контроль станичных обществ, начиная с оказания материальной помощи и заканчивая возвратом потраченных на хозяйственное обзаведение денежных сумм: «Пособий таковым людям не выдавать, но в случае крайних затруднений в водворении их, предоставить [право] местным станичным обществам ходатайствовать установленным порядком посредством общественных приговоров о выдаче этим поселенцам из войсковых сумм взаимообразно пособия до 100 рублей на семейство. Без процентов и с возвратом через 5 лет, но с тем [условием], чтобы эти деньги не выдавались им на руки, а были употребляемы под надзором станичных обществ на домообзаведение и вообще на устройство оседлости поселенцев на новых местах. Наблюдение за возвратом денег возложить на местное станичное начальство и полковое правление» [1, л. 5об].

Предложения Кавказского начальства и Военного министерства в отношении «беспаспортных людей» прошли экспертизу ещё в двух имперских инстанциях: в Министерстве внутренних дел и в Министерстве юстиции, и были там поддержаны при исполнении двух условий: «1. Чтобы были приняты строгие

меры к прекращению дальнейшего развития бродяжничества в местностях Азовского побережья. 2. Чтобы во избежание неприемлемого толкования слова «бродяга» в 5 пункте предложений сказать: «ограничить действие этого снисхождения сроком, определённым для вызова беспаспортных людей» [1, л. 5об].

В фонде 396 «Войсковой штаб Кубанского казачьего войска» Государственного архива Краснодарского края сохранились списки «беспаспортных людей», зачисленных в Кубанское казачье войско. Так, по состоянию на март 1865 г. заявлено в рыболовецких местах 117 семей, в станицах и хуторах Кубанской области выявлено 83 семьи. При нашем подсчёте по признаку места происхождения: 243 чел. указали Курскую губернию, 128 чел. назвали Воронежскую губернию, 188 чел. прибыли из Харьковской губернии, 110 чел. мигрировали из Черниговской губернии [4, л. 2–44]. Также в материалах вышеназванного архивного фонда представлены списки «безписьменновидным людям» по состоянию на ноябрь 1865 г. Они не явились на тот момент за получением свидетельства, удостоверяющего их проживание на территории Кубанской области, и таковых, согласно нашей обобщающей арифметике, насчитывалось 33 434 чел. [4, л. 44–836].

Итак, на фоне широко обсуждаемой в научной литературе и публицистике проблемы расказачивания остаётся менее изученным, но весьма актуальным для Кубанского казачьего войска, для исторического региона Кубани сюжет о показывании представителей иных сословий, административного перевода, прежде всего, иногороднего крестьянства в казачье сословие. Одним из вариантов показывания иногороднего крестьянства является натурализация «беспаспортных людей», работавших на рыболовных промыслах Кубани и скрывавшихся от властей по причине утраты документа, удостоверяющего личность. Нами изучена юридическая процедура возобновления гражданства Российской империи на основе исключительно добровольного желания «беспаспортных людей» заново обрести свои законные права. Ключевым актом, подтверждающим социально-правовой статус личности, стало свидетельство, выдаваемое войсковым штабом Кубанского казачьего войска «беспаспортным людям», но войсковые инстанции при этом рассчитывали на пополнение казачьего сословия и водворение во вновь поселённых станицах по побережью Чёрного моря.

Список литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 10. Д. 29.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 1010.
3. РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818.
4. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1009.

А.Ю. Гуменюк

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА СТАРЫЙ КРЫМ В 1860-Х ГГ. – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Данная статья посвящена обзору социально-экономического развития города Старый Крым в период с 1861 г. по начало XX в. В ней приведен количественный и национальный состав населения, количество учреждений образования. Часть материала характеризует состояние легкой и тяжелой промышленности, а также туристического сектора.

Ключевые слова: Старый Крым, население, промышленность, туризм.

A.Yu. Gumenyuk

**FROM THE HISTORY OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE CITY
OF OLD CRIMEA IN THE 1860S. – EARLY XX CENTURY**

This article is devoted to the review of the socio-economic development of the city of Stary Krym in the period from 1861 to the beginning of the 20th century. It contains the quantitative and national composition of the population, the number of educational institutions. Part of the material characterizes the state of light and heavy industries, as well as the tourism sector.

Key-words: Old Crimea, population, industry, tourism.

Левкополь (название города Старый Крым, данное ему в 1783 г.) после присоединения Крымского полуострова к Российской империи в 1783 г., уже на следующий год получил статус уездного города. Однако, в 1787 г., при разделении Таврической области на уезды, вместо Левкополя, уездным городом определили Феодосию, а уезд переименовали из Левкопольского в Феодосийский. В этом же году городу вернули название Старый Крым. 12 декабря 1796 г. он вошел в состав Таврической области в ранге заштатного города, каким он и остался и после отмены крепостного права в 1861 г. [1, с. 741].

Как и другие города на всей территории Российской империи, после отмены крепостничества, город получил ощутимый импульс к развитию. Население начало расти уже в первые годы после 1861 г., однако не очень быстро. Сказывались особенности географического положения: он находится на довольно большом удалении от береговой линии: к примеру, расстояние от города до морского берега по прямой составляет 15 км. Слабые темпы роста населения можно проиллюстрировать следующими цифрами: в 1863 г. в Левкополе числилось 1085 чел. [2, с. 801]. Тогда как в 1888 г. общее количество жителей города было 3541 чел. (из них большинство составляли армяно-григориане и христиане) [3, с. 32]. В городе размещалась болгарская колония, которая играла довольно существенную роль в жизни Старого Крыма [4, ст. 1400]. За 9 лет население города практически не изменилось, так в 1897 г. оно составляло 3330 чел., а перед Первой русской революцией 1905–1907 гг. – 4870 чел. Разнообразным было и население города по религиозному признаку: 70% жителей составляли православные, 13% – мусульмане, 12% – армяно-григориане, 1% населения были евреями и 1% – были представителями других вероисповеданий [2, с. 801]. Интересна и статистика бракосочетаний, к примеру, в 1890 г. в городе был заключен 21 брачный союз и рождено 129 детей [5, с. 48].

После отмены крепостного права, вышла на новый уровень и экономическая жизнь города: в соответствии с распоряжением Александра II во многих городах Российской империи открывали общественные банки, и Старый Крым не стал исключением. Для открытия подобных учреждений требовалось соблюсти ряд требований, и, в основном, все они касались возможности обеспечить прибыли банка капиталами. Однако, из требуемых 10 тыс. рублей уставного капитала для открытия подобного финансового учреждения, в городе нашлось только 6270 руб. Эти деньги находились на хранении в городской ратуше и этой суммы

было недостаточно для «основания банковского фонда». В округе Старого Крыма располагалось большое количество угодий, принадлежащих пяти армянским семьям, которые входили в армянское общество города, и стоимость этих земель покрывала нехватку денег. Благодаря этому 18 марта 1863 г. было принято решение об открытии в городе банка [6, л. 2, 5, 8].

Несмотря на скромный статус города, он обладал всеми «ветвями» городского управления, необходимыми для полноценного функционирования всех его служб и решения текущих и экстренных вопросов, возникающих на территории города и прилегающей местности. В 1861 г. в городе функционировали Городская ратуша, сиротский и словесный суды [1, с. 744]. Ввиду того, что город был не самым большим, его бюджет был соответственно не очень велик. К примеру, в 1890 г. общие городские доходы составили 12821 руб., в то время как расходы составили 12588 руб. [4, ст. 1376]. Совокупный городской бюджет по состоянию на 1900 г. составлял немного более 20 тыс. руб. [2, с. 801].

В заштатном городе Старый Крым в середине XIX в. насчитывалось всего 217 жилых дома, два заезжих двора, одно питейное заведение, одно кафе и всего одна баня. В городе было 10 улиц и проулков, которые не были освещены и вымощены. Снабжение города водой производилось за счет водопровода, двух фонтанов и четырех колодцев [6, с. 402–403]. К 90-м гг. XIX в. в городе был проведен телеграф и уже длительное время функционировала почта [4, ст. 1400]. Интересно заметить, что жители Старого Крыма не болели многими типичными для того периода времени болезнями, к примеру, проказой [6, с.402–403].

В начале XX в. наметились прогрессивные тенденции к росту и развитию города, поскольку в 1904 г. в Старом Крыму числилось уже 978 жилых строений, два православных храма, один армяно-григорианский, одна мусульманская мечеть, одна иудейская синагога. В городе располагались и несколько учебных заведений. К примеру, в 6 низших учебных заведениях проходило обучение 410 обучающихся. Из них: 265 мальчиков и 145 девочек. Интересно, что количество учеников равнялось 8,3% от общего числа жителей города. В целом, Старый Крым производил впечатление ухоженного города, через него было проложено шоссе, делившее город на две части. Старый Крым славился обилием зеленых насаждений и археологическими памятниками. В конце XIX – начале XX вв. при проведении земляных работ довольно часто находили фундаментные плиты древних зданий, могильные плиты разной степени сохранности, большое количество монет и сосудов.

В Старом Крыму имелись небольшие предприятия легкой промышленности. К примеру, в конце XIX – начале XX в. в городе действовали глиняно-гончарный завод и завод по производству извести [2, с. 801]. Последним владел «Каспаров, Ант. Каспар». Кирпично-черепичное производство находилось в собственности Бозаджиева [4, ст. 1400]. Однако на этих двух заводах было задействовано только 6 чел. К 1904 г. в целом в городе насчитывалось уже 4 предприятия с 9 рабочими [6, с.403]. Их общая годовая прибыль составляла 800 руб. [2, с. 801]. Кроме этого в Старом Крыму размещались 35 мастерских, в которых

трудились 139 ремесленников [6, с. 403]. Активно развивалось и табаководство [2, с. 801].

Прогресс в легкой промышленности и промыслах неизменно вел к развитию торговли, поскольку в 1900 г. здесь работали 45 торговых заведений [1, с. 741]. Их общий товарооборот составлял 121 тыс. руб. в год [2, с. 801]. Кроме этого, устраивались городские ярмарки, которые организовывались дважды в год – весной и летом [6, с. 403]. В свою очередь, на них продавали товар на сумму 2700 руб. [2, с. 801].

Несмотря на то, что Старый Крым не относится к числу прибрежных городов Крымского полуострова, во второй половине XIX в. туда начали приезжать курортники, страдающие от нервных и легочных болезней. Особой популярностью пользовались так называемые цветочные лечебные ванны, для которых использовались травы и цветы, собранные на окраинах города [6, с. 403]. Город был окружен поросшими лесом возвышенностями и микроклимат этой местности признавался очень здоровым. Во многом поэтому, город был популярен у отдыхающих, в особенности из Феодосии [2, с. 801].

Подытоживая изложенный материал, следует отметить, что, несмотря на не самое выгодное географическое положение Старого Крыма, и его не самый высокий ранг в иерархии городов Крымского полуострова, в нем функционировали все структуры управления, полагающиеся безуездным городам. На определенном уровне была развита легкая промышленность и, как следствие, торговля. В дополнение к этому, город привлекал внимание и туристов, которые лечились от болезней нервной системы. Кроме того, как в большинстве многонациональных городов полуострова, в нем были открыты не только разноконфессиональные культовые сооружения, но и учебные заведения, рассчитанные на представителей различных вероисповеданий.

Список литературы

1. Городские поселения в Российской империи в 7 т. / [сост. по приказанию М-ва внутренних дел]. СПб., 1864. Т. 4.
2. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 14. Новороссия и Крым [Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии и область войска Донского]. СПб., 1910.
3. Сборник статистических сведений по Таврической губернии / сост. Стат. бюро Тавр. губ. земства; общ. ред. и предисл. К.А. Вернера. Симферополь, 1889. Т. 9.
4. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный Адрес-Календарь Российской империи. СПб., 1895. Т. 2.
5. Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1892 год. Симферополь, 1892.
6. ГКУ РК ГАРК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1430 «Об открытии в городах Новороссийского края Общественного банка» на 11 листах.
7. Історія міст і сіл Української УРСР: У 26 т. Т. 12. Кримська область / гл. редкол.: Тронько П.Т. (голов.) та ін. Київ, 1974.

Е.А. Дмитриченкова

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ ПРИАЗОВЬЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Среди многих народов, населяющих Приазовье, особое место принадлежит немцам. Религиозные воззрения немецкоязычных колонистов Приазовья влияли на культурную жизнь местных этнических групп. Данная тема имеет научное и общественно-политическое значение, чем и обусловлена ее актуальность, поскольку первостепенное значение в жизни немецких колонистов Приазовья в период XIX – начала XX вв. имели религиозные предпочтения. Целью исследования является изучение и анализ историографической базы по вопросу религиозной жизни немецких колонистов Приазовья в XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: Приазовье, немцы, колонисты, меннониты, религиозная жизнь, духовенство, историография.

E.A. Dmitrichenkova

RELIGIOUS LIFE OF THE GERMAN COLONISTS OF THE AZOV REGION IN THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION

Among the many peoples inhabiting the Azov Sea, a special place belongs to the Germans. The religious beliefs of the German-speaking colonists of the Azov region influenced the cultural life of local ethnic groups. This topic has scientific and socio-political significance, which explains its relevance, since it is of paramount importance in the life of the German colonists of the Azov region in the period of the XIX – beginning XX centuries. had religious preferences. The purpose of the study is to study and analyze the historiographical base on the religious life of the German colonists of the Azov region in the XIX – early XX century.

Key-words: Azov region, Germans, colonists, Mennonites, religious life, clergy, historiography.

Отечественную и зарубежную литературу по обозначенной проблематике можно разделить на четыре отдельные группы: это работы дореволюционного периода, научное наследие советской историографии, современные исследования ученых и научные разработки зарубежных исследователей.

Первая группа. Работы дореволюционного времени в основном характеризовались описательностью и отсутствием четкой методики научного исследования. Их авторами зачастую были не профессиональные историки, а отдельные лица, которые по роду своей деятельности так или иначе имели дело с колониетской средой. К ним относились отдельные отечественные и иностранные публицисты, чиновники, представители колониетской интеллигенции (прежде всего, духовенство), военные, исследования которых опирались на соответствующие документы государственных ревизий и земской статистики, материалы колониетских и ведомственных архивов, законодательные акты и т. п. Большое значение имели и собственные наблюдения авторов. Большое значение имели и собственные наблюдения авторов.

Одним из самых ранних образцов такой литературы можно считать исследование А.А. Клауса [1], в котором впервые представлена классическая, в определенной степени хрестоматийная история немецкой колонизации южных районов России. По мнению автора, эта колонизация была вызвана не только соответствующей политикой российского правительства, но и общей специфической

ситуацией, сложившейся тогда в Германии. А.А. Клаус первым осветил отдельные аспекты социально-экономической жизни немецких и меннонитских колоний Приазовья середины XIX в. В частности, опираясь на материалы государственных ревизий, он указал на наличие в то время большого количества безземельных колонистов и массовый характер этого явления, привел важные данные о колонистском землевладении, сельском хозяйстве, образовании и т.п. Исследователь указывал на то, что общая социальная ситуация в колониях всего южного региона в то время была достаточно сложной.

Проблема немцев в России также привлекла к себе внимание таких исследователей, как А.А. Велицин [2] и Д.А. Багалея [3].

Вторая группа. Научное наследие советской историографии. Интерес к немецкой проблематике значительно вырос в России в начале XX в. и накануне Первой мировой войны, что нашло свое отражение в новых публикациях по этой тематике. Их авторы в определенной степени продолжали работать в направлении, основанном еще А.А. Клаусом, и рассматривали преимущественно общие вопросы истории немецкой и менонитской колонизации в стране. Среди них: Г. Писаревский [4] и Ю.М. Бондарь [5]. Они осветили важные стороны внутренней жизни немецкого и менонитского сообщества.

В это же время публиковались отдельные работы немецкоязычных авторов, происходивших преимущественно из среды местного колонистского духовенства. Историю своих соотечественников в России они рассматривали, прежде всего, через призму их духовной жизни, но вместе с тем их исследования содержали разнообразные материалы по внутренней жизни колонистских общин Приазовья. Стоит отметить таких исследователей: Е. Буш [6], Я. Штах [7], К. Келлер [8], Д. Эпп [9] и Ф. Исаак [10]. Анализируя общую картину развития дореволюционной историографии проблемы, следует отметить, что в этот период было начато ее изучение и созданы условия для дальнейшего научного исследования, которое продолжилось уже в советские времена.

В целом, в советский период тематика исследования не нашла достаточного освещения. Подавляющее большинство научных работ того времени, посвященных общей истории немцев России, вышла уже в послевоенные годы. Сильной их стороной следует считать использование значительного по объему архивного материала, что является свидетельством высокого научного уровня таких исследований. Как правило, в этих работах рассматривались лишь отдельные исторические аспекты (этнические и миграционные процессы, социальные отношения и т.п.), а их авторы в основном лишь частично обращались к исследуемому периоду. Вместе с тем, научные труды того времени заложили основу для новых дальнейших исследований по немецкой проблематике уже в постсоветский (современный) период.

Третья группа. Современный период развития историографии характеризуется разнообразием тематики, глубоким анализом известных и изучением новых архивных материалов, пересмотром многих старых теорий и догм, разработкой

новых методов исследования научных проблем, тесными связями с зарубежными учеными и научными учреждениями. Привлекают внимание работы авторов: И.М. Кулинич и Н.В. Кривец [11], В.Б. Евтуха и Б.В. Чирко [12].

Многим актуальным вопросам, связанным с немецкой историей, посвятил свой труд В.Н. Васильчук [13], который, в частности, исследовал общую историю немецкой общины с начала колонизации и до наших дней. Часть его работы непосредственно касается периода, исследуемого автором. По заключению ученого, немецкая колонизация основывалась на общеевропейской переселенческой практике и для нее были соответствующие социально-экономические и политические условия.

Четвёртая группа – научные разработки зарубежных исследователей. Отдельные исследования по немецкой тематике в этот период выходили и за рубежом. Зарубежные специалисты традиционно рассматривали преимущественно социальные аспекты этой проблемы.

В России в последние годы по немецкой проблематике были опубликованы исследования таких специалистов, как Е.И. Дружинина [14] и М.Л. Малиновский [15]. В диссертации А.В. Безсоновой [16] основное внимание было сосредоточено на проблемах развития позднего протестантского движения на юге во второй половине XIX – начале XX вв. По мнению исследовательницы, его возникновение было детерминировано разрушением традиционных жизненных укладов, в результате перехода к капиталистической системе социально-экономических отношений и кризисом традиционных для региона церквей. Как отметила в выводах А.В. Безсонова, представителями евангельского движения среди немцев и меннонитов были в основном состоятельные, но безземельные колонисты, не имеющие права голоса в своих общинах (преимущественно интеллигенция и предприниматели). К этому движению отрицательно отнеслась русская православная церковь, правительство же проводило более взвешенную политику, стараясь не вмешиваться в религиозные дела колонистских протестантов.

Проблеме межэтнических связей немцев и меннонитов с другими этническими группами населения Приазовья посвящено исследование Е.С. Лях [17]. По её мнению, отношения между различными группами немецкоязычного населения (лютеранами, католиками, менонитами) в категориальном плане можно рассматривать как межкультурное взаимодействие, так же, как и их отношения с остальным населением региона. Так называемая изолированность немецкоязычных колонистов имела не столько этническую, сколько социальную природу, а их бытовые традиции и привычки – больше общих, чем отличительных особенностей традициям местных крестьян, таким как: традиционализм, консерватизм, относительная замкнутость общинной жизни, важное значение этнической и религиозной отчужденности. По заключению этой исследовательницы, в среде немецкоязычных колонистов южного региона происходят процессы, которые можно определить как своеобразную трансформацию исторического этноса, обусловленную, прежде всего, изменением их правового статуса. Уничтожение системы самоуправления, лишение колонистов привилегий было детерминиро-

вано требованиями новой экономической ситуации в стране. В результате немецкоязычные колонисты превратились в более открытую для ассимиляционных воздействий часть населения региона.

Отдельные вопросы религиозной жизни немецких колонистов осветили в своих диссертациях: Т.К. Захарченко [18], А.С. Берестень [19], И.В. Задерейчук [20], О.В. Замуруйцев [21].

История меннонитов Приазовья нашла свое отражение в диссертациях Н.В. Осташевой [22] и М.В. Беликовой [23]. Однако и эти, несомненно, глубокие исследования, оставили нерешенными многие важные проблемы жизни менонитского сообщества того времени.

Таким образом, исследовав состояние разработки выбранной темы, приходим к выводу, что ее нельзя считать окончательно изученной, несмотря на то, что первые работы этого направления появились еще в дореволюционный период. До сих пор не было работ обобщающего характера, в которых бы комплексно рассматривались проблемы социально-экономического и культурного развития немецких и менонитских колоний Приазовья во второй половине XIX – начале XX вв. Много важных аспектов жизни немцев и меннонитов Приазовья до сих пор освещены недостаточно. Сегодня идет процесс поиска и сбора научного материала, который, безусловно, найдет свое отражение на страницах различных научных изданий и диссертационных исследований.

Список литературы

1. Клаус А.А. Наши колонии. СПб., 1869.
2. Велицин Г.А. Немцы в России. СПб., 1893.
3. Багалея Д.И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его на пути культуры. Исторический этюд. Киев, 1889.
4. Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII ст. (по неизданным архивным документам). М., 1909.
5. Бондарь Ю.М. Менониты. Пг., 1915.
6. Bosch A., Lingor J. Entstehung, Entwicklung und Auflosung der deutschen Kolonien am Schwarzen Meer am Beispiel von Kandel 1808 bis 1944. Stuttgart, 1990.
7. Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южно-русских колонистов. М., 1916.
8. Keller C. Die deutschen Kolonien in Südrußland. Bd. 1–2. Odessa, 1890.
9. Epp D.H. Chortiser Mennonitn. Odessa, 1889.
10. Isaac F. Die Molotschaner Mennoniten. Halbstadt, 1908.
11. Кулінич І.М., Кривець Н.В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. Київ, 1995.
12. Євтух В.Б., Чірко Б.В. Німці України. Київ, 1994.
13. Васильчук В.М. Німці в Україні. Історія і сучасність (друга половина XVIII – початок XXI ст.). Київ, 2004.
14. Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма, 1825–1860 гг. М., 1981.
15. Малиновский Л.В. История немцев в России. Барнаул, 1996.
16. Безсонова О.В. Позднее протестантское сектантство юга Украины (1850–1905 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1997.
17. Лях К.С. Німецькомовні колоністи півдня України в мультинаціональному оточенні: проблеми взаємодії культур (XIX – поч. XX-го ст.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Донецьк, 2005.

18. Захарченко Т.К. Соціокультурний розвиток німецьких і менонітських колоній Північного Приазов'я (XIX – початок XX ст.): дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2005.
19. Берестень О.Е. Суспільно-політична та культурно-просвітницька діяльність німецьких і менонітських колоністів Півдня України (1905 – 1917 рр.): дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2006.
20. Задерейчук І.П. Розвиток системи освіти в німців на Півдні України 1789 – 1938 рр.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2005.
21. Замуруйцев О.В. Німецькі колонії півдня України у другій половині XIX – на початку XX ст.: дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2008.
22. Осташева Н.В. Криза менонітської спільноти на Україні та закордонна менонітська допомога (1914 – поч. 30-х років XX ст.): дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 1996.
23. Белікова М.В. Менонітські колонії півдня України (1789–1917 рр.): дис. ... канд. іст. наук. Запоріжжя, 2004.

Г.А. Нагаева

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУБАНСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ БОГАРСУКОВЫХ В ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье анализируется вклад династии кубанских предпринимателей Богарсуковых в развитие региона. Рассматриваются направления обширной коммерческой деятельности членов семьи. Описывается их степень участия в общественной, культурной и благотворительной сферах провинциального общества.

Ключевые слова: Богарсуковы, благотворитель, купечество, Новороссийск, предпринимательство, черкесо-гаи.

G.A. Nagaeva

ACTIVITIES OF THE KUBAN BUSINESS BOGARSUKOV'S IN THE BLACK SEA PROVINCE AT THE END OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

The article analyzes the contribution of the dynasty of Kuban entrepreneurs Bogarsukovs to the development of the region. The directions of extensive commercial activities of family members are considered. Their degree of participation in the public, cultural and charitable spheres of the provincial society is described.

Key-words: Bogarsukovs, philanthropist, merchants, Novorossiysk, entrepreneurship, Circassoi.

В конце XIX – начале XX вв. в Российской империи бурно развивается предпринимательство. Для определения места и значения купеческого сословия в формировании социокультурного пространства российской провинции необходимо сформировать, максимально приближенный к реалиям изучаемого периода, портрет предпринимателя. Самым верным, по мнению автора, является описание образа жизни конкретных династий предпринимателей. Следует изучить не только экономическую составляющую, но и участие купечества в общественной, культурной, благотворительной деятельности. В предлагаемой статье автор предпринял попытку анализа жизненного пути крупных кубанских предпринимателей Богарсуковых.

Семья Богарсуковых принадлежала к этнической группе армян – черкесо-гаям. В исторической науке существует несколько версий их появления в России.

Приведем одну из них – С.Н. Ктиторова. Черкесо-гаи были представителями субэтноса, сформировавшегося на основе различных групп армян, переселявшихся в период с X – XI до XVII в. в горные районы Северо-Западного Кавказа и Восточного Причерноморья. Армяне, прибывшие в Черкесию из Крыма, переняли у адыгов язык и культуру, но сохранили свою приверженность к армянской апостольской церкви [1, с. 15].

Богарсуковы относили себя к константинопольским армянам, переехавших сначала в Крым, а затем на Северо-Западный Кавказ [2, с. 112]. Опираясь на исследования В.И. Колесова и О.А. Леусян, рассмотрим историю их переселения.

Начиная с 1843 г., в течение 10 лет, Борух Богарсуков (Борок Боронов Борсуков) ведет переговоры о переселении семьи из Закубанья на территорию России. В прошениях он указывает, что их предки дворяне имели древнюю родословную и жили у р. Абин еще 200 лет назад, т.е. в XVII в. В документах за 1845 г. фигурирует восемь семей по фамилии Борсугов. Нас интересуют три родных брата – дети вдовы Катерин и их племянник Хапак (Гапак) с семьями.

В 1853 г. на территорию России переселились братья Аслан, Борук, Пшемаф; их два племянника и вдова Тугус Богорсукова с сыновьями Никитой, Тухо, Ганишем, и Нашхо. Их определили на жительство «в Жинеевский аул состоящий при Славянском посту» [3].

В архивных документах Новороссийска первое упоминание семьи Богарсуковых встречаем в документах Канцелярии управления Черноморского округа. 31 декабря 1868 г. «проживающий в станице Крымской Темрюкский купец 1-ой гильдии Борух Баарсуков 66 лет, с женой Сирмою (52 лет), сыновьями: Ильей (39 лет), Борохом (в крещении Борис) (31 лет), Псукуем (25 лет), дочерьми: Анной (30 лет) и Елизаветой (26 лет)» был приписан в Новороссийские купцы 1-ой гильдии на льготу с 1 января 1869 г. [4].

Напомним, что в 1863 г. в Российской империи было принято «Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов» Ст. 35, которого гласила: «Если имеющий купеческое свидетельство... по одному уезду, намерен производить розничную торговлю, или содержать... промышленное заведение в другом уезде, то обязан взять там особое свидетельство второй... с платежом, установленной за оное пошлины...» [5].

Летом 1875 г. сын Боруха Богарсукова Борис с женой Марией и дочерью Макридией, родившейся в Новороссийске 20 февраля 1867 г., переезжает в Бжедуховский аул Майкопского уезда [6]. Другой информацией о братьях Аслане, Борухе и Пшемафе Богарсуковых автор не располагает.

Далее речь пойдет о сыновьях вдовы Тугуц Богорсуковой (Богарсуковой) – Никите, Карпе, Иване, Христофоре. В.И. Колесов и О.А. Леусян предположили, что это дети племянника Ханаха (Гапака), о котором говорилось выше. История Новороссийска в большей степени связана с этой ветвью династии Богарсуковых.

В 1848 г., после смерти отца, главой семьи становится 14-летний Никита. Основным видом деятельности братья избирают галантерейную и мануфактурную коммерцию. Никита Павлович (1834–1913) в 1860 г. переезжает в Армавир,

а в 1870-е гг. с братьями Карпом и Христофором – в Екатеринодар [7, с. 57]. С.Н. Ктиторов указывает, что в Армавире у братьев осталось немало недвижимости, хотя предпринимательством они продолжили заниматься в других городах [8, с. 109–113].

В Екатеринодаре братья основали торговые дома: в 1889 г. «Братья Карп и Христофор Богарсуковы» [9, с. 316]; в 1894 г. «Никита Богарсуков и Сыновья» [10]. Основной капитал товарищества братьев Карпа и Христофора Павловичей, акционировавших в 1910 г. свое предприятие, составлял 1,2 млн. руб., товары для магазинов они выписывали из Москвы, Лодзи, Петербурга и других крупнейших городов [9, с. 317]. Их магазины и склады находились в Екатеринодаре, Новороссийск, Майкоп, Сухуми, Армавире [2, с. 113].

Жизненный путь Карпа и Христофора Павловичей связан с историей Екатеринодара. В Новороссийске их интересы представлял старший Никита и его сыновья. В меньшей степени нам известно об Иване Павловиче. В 1867 и 1872 гг. он числился в списках армавирских армян. В 1874 г. в 31 год получил торговое свидетельство временного купца 2-ой гильдии. В 1878 г. был среди выборщиков гласных городской думы Екатеринодара. Иван Павлович, затем его сыновья Павел и Петр имели земли в районе Бжедугхабля. Павел наследовал участки земли в юрте аула Бжедуховского [3]. Напомним, что в этот аул в 1875 г. переезжает из Новороссийска Борис сын Боруха с семьей.

Никита Павлович в конце XIX – начале XX в. числился новороссийским купцом 1-ой гильдии. В этом городе примерно в 1895 г. он открыл отделение своего торгового дома [11]. Находилось оно на первом этаже дома купца Богдасарова на углу улиц Серебряковой (Советов) и Мартыновской (Рубина) [12]. Здание было построено в 1880-х гг. [13, с. 26-28].

У Никиты Богарсукова было пять сыновей (по сведениям В.П. Бардадыма – б): Артемий, Аким, Яков, Егор, Исаак. Они не только продолжили традиционный семейный бизнес, но и развивали другие направления предпринимательства. Егор Никитович являлся одним из учредителей «Черноморско-Кубанского товарищества производства портландского цемента «Бетон» в 1911 г. Завод был построен при станции Тоннельная [14]. Исаак Никитович занимался в Новороссийске рыбопромышленным промыслом [15].

Предприниматели Богарсуковы являлись собственниками значительной недвижимости. В конце XIX в. Карп и Христофор Богарсуковы построили двухэтажную гостиницу «Централь» в Екатеринодаре [7, с. 57]. В 1900–1901 гг. рядом с гостиницей они построили особняк, ярчайшее произведение эклектической архитектуры. Сейчас здание занимает Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына (Гимназическая, 67) [16]. В 1911 г. было возведено еще одно двухэтажное здание на ул. Графской (Советская, 35). Иван Павлович имел дом на ул. Пospолитакинской, 29 (ныне 39).

В 1906 г. Никита Павлович построил доходный двухэтажный дом на Штабной, 22 (Комсомольская, 36). В 1910 г. – Екатеринодарское торговое отделение на ул. Красной, 76. Егор Никитович имел особняк на ул. Гимназической, 22;

Аким Никитович – на углу ул. Екатерининской, 56 и Карасуновского канала (ул. им. А.В. Суворова) [2, с. 112–121].

В Новороссийске Богарсуковы также имели собственность. В 1901 г. Никита Павлович приобрел плановое место № 445 по ул. Лазаревской (ул. Конституции, 16) в 34-м квартале и построил одноэтажный жилой дом [17]. Также торговый дом «Никита Богарсуков и Сыновья» имел в собственности четырехэтажный дом на углу улиц Мартыновская (Рубина) и Михайловская (Коммунистическая). Здание использовалось под склады и приносило в год 1150 руб. дохода [18]. Егор Никитович имел одноэтажный дом в дачном поселке на Сухумском шоссе [20, с. 51].

В 1913–1914 гг. братья Яков, Егор и Исаак Никитовичи строят в Армавире трехэтажное здание на углу Николаевского проспекта и ул. Дукмасовской (угол Кирова, 43 и Комсомольской, 133). Новое здание предназначалось для театра, гостиницы, ресторанов и магазинов [8].

Богарсуковы активно занимались общественной и благотворительной деятельностью. Никита Павлович в Екатеринодаре в течение нескольких лет был ктиторм церкви Успения Пресвятой Богородицы. В 1884 г., ещё будучи купцом 2-ой гильдии, был одним из попечителей женского училища Новороссийска [20]. Оно было открыто осенью 1872 г. и содержалось на частные пожертвования [21, с. 92]. Позже, в 1900 г., этот общественный пост занимал его сын Исаак [22].

По данным В.П. Бардадыма, Никита Павлович финансировал строительство Армяно-григорианскую церковь в Новороссийске [2, с. 118]. Она была построена в 1908 г. на углу улиц Дмитриевской (Грибоедова) и Раевской (Новороссийской республики) [23, с. 27]. В 1909 г. Исаак Никитович, в честь рождения сына, пожертвовал церкви колокол стоимостью в 700 руб. [24].

Христофор Павлович, екатеринодарский купец 1-ой гильдии, с 1890-х гг. в течение многих лет избирался гласным Екатеринодарской городской думы [9, с. 316–317]. Являлся членом Екатеринодарского биржевого общества, попечительского совета городского 4-хклассного Александровского училища. Много лет являлся одним из директоров Кубанского областного Попечительного о тюрьмах комитета. В 1905 г. был пожалован Николаем II званием личного почетного гражданина [2, с. 113].

Егор Никитович был почетным блюстителем Кочетинского начального училища, неоднократно жертвуя на нужды училища значительные средства, за что в 1913 г. представлен к званию личного почетного гражданина [25]. Исаак Никитович в 1913 г. был избран гласным Новороссийской городской думы.

Вклад династии Богарсуковых в развитие Кубанского края и Черноморской губернии сложно переоценить. Какими же сведениями мы располагаем о последних годах жизни представителей этой некогда известной семьи?

Никита Павлович умер в Екатеринодаре в ночь на 3 марта 1913 г. [26]. В 1914 г., после продолжительной болезни, скончался Карп Павлович [2, с. 115]. Последними сведениями, которыми располагает автор относительно судьбы Исаака Никитовича, датированы 1925 г. По сведениям краеведа И.А. Гусенина,

он арендовал жилплощадь в Новороссийске на улице Тихомировской, 3 (Грибодова), в доме братьев Борисовых. Исаак Никитич подал прошение о демунципализации фасадного флигеля их бывшего домовладения на углу улиц Мартыновской и Михайловской. Он указывал, что его семью содержат братья, так как сам является инвалидом. Прошение было подписано его братьями, проживавшими на тот момент в Ростове-на-Дону, Думский проезд, 3 (Исполкомовский проезд) [19, с. 48–49].

Христофор Павлович в последние годы жил «из милости» у армянина Анопжана в Краснодаре по ул. Рашпилевская, 73. Скончался в полной нищете 16 октября 1929 г. Аким Никитович умер в Краснодаре в 1950-х гг. [2, с. 116, 121]. Некоторые члены семьи Богарсуковых нашли свое упокоение на Всесвятском кладбище Краснодара [25].

Таким образом, Богарсуковы являли собой яркий пример российских предпринимателей имперского периода. Процветали сами и благодаря своей неумолимой энергии способствовали развитию региона. Даже сегодня значительная часть их построек формируют неповторимый образ Краснодарского края. Печально, что их постигла та же участь, что и большей части российского купечества.

Список литературы

1. Ктиторов С.Н. У истоков истории Армавира // Армавир в трех столетиях истории России: XIX – XX – XXI вв. (к 180-летнему юбилею города): Матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Армавир, 2019.
2. Бардадым В.П. Замечательные кубанцы. Краснодар, 2002.
3. Колесов В.И., Леусян О.А. Один род – две генеалогии: Загадки семейной истории черкесо-гаев Богарсуковых. URL: <http://www.myeekaterinodar.ru/ekaterinodar/articles/ekaterinodar-odin-rod-dve-genealogii-zagadki-semejnoy-istorii-cherkesogaev-bogarsukovykh> (дата обращения: 27.02.2022).
4. Управление архива муниципального образования г. Новороссийск (далее УАМОН). Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.
5. Нагаева Г.А. Купеческое сословие России: история формирования законодательной базы // Современная мировая экономика: проблемы и перспективы в эпоху развития цифровых технологий и биотехнологии. Сб. науч. статей по итогам работы четвертого междунар. круглого стола. М., 2019. С. 184-186.
6. УАМОН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
7. Кубановедение: энциклопедия: А – Я / под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2008.
8. Ктиторов С.Н. Одинцов Г.В. Лебединая песня армавирского модерна (дом купцов братьев Богарсуковых) // Армавир в трех столетиях истории России: XIX – XX – XXI вв. (к 180-летнему юбилею города): Матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. Армавир, 2019.
9. Екатеринодар – Краснодар: Два века города в датах, событиях, в воспоминаниях... Материалы к летописи. Краснодар, 1993. С. 316–317.
10. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 599. Оп. 1. Д. 124. Л. 3.
11. УАМОН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 160. Л. 219–220.
12. Нагаева Г.А. Гостиницы как элемент городской инфраструктуры в дореволюционной России (на примере города Новороссийска конца XIX – начала XX вв.) // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.И. Горлова. М., 2021. С. 227–233.
13. Герасименко А.Б. История Новороссийска в открытках. Конец XIX – начало XX в. Краснодар, 1998.

14. Нагаева Г.А. История становления и развития промышленного производства в Черноморской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 7 (64) С. 1792–1801.
15. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 94. Л. 16.
16. Бондарь В.В. Этнические мотивы в архитектуре Краснодара: Публичная лекция 27 февраля 2008 г. URL: <https://refdb.ru/look/3230985-pall.html> (дата обращения: 02.03.2022).
17. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 250. Л. 13.
18. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 259. Л. 10.
19. Гусенин И.А. Новороссийские дачи: история дачного посёлка на Сухумском шоссе. М., 2022.
20. УАМОН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 7–7 об.
21. Нагаева Г.А. Женщины в социокультурном пространстве Черноморской губернии: конец XIX – начало XX вв. Краснодар, 2019.
22. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 192. Л. 95.
23. Зорина А.П. Новороссийск на дореволюционных открытках. Тула, 2012.
24. Черноморское побережье. 1909. 10 сентября.
25. Дюкарев А.В., Дюкарева И.А. Всесвятский некрополь: забытые имена – порушенная память // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 1366–1370.
26. Некролог Богарсукова Н.П. Черноморское слово. 1913. № 65.

И.В. Крючков

ЗАПАДНАЯ АРМЕНИЯ В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ Д.В.ПУТЯТЫ 1895 Г.: ЭКОНОМИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ¹

В 90-е гг. XIX в. обостряются взаимоотношения армянского населения Западной Армении с местной администрацией и мусульманами. Ситуация в регионе вызывала большую озабоченность в России. Полковник Д.В.Путята попытался разобраться в причинах кризиса и описать повседневную жизнь армян региона. Он видел одну из причин кризиса в затянувшейся экономической стагнации, поразившей Западную Армению.

Ключевые слова: Западная Армения, Османская империя, армяне, курды.

I.V. Kryuchkov

WESTERN ARMENIA IN THE TRAVEL ESSAYS OF D.V. PUTYATA IN 1895: ECONOMY AND EVERYDAY

In the 90s 19th century the relations of the Armenian population of Western Armenia with the local administration and Muslims are aggravated. The situation in the region caused great concern in Russia. Colonel D.V. Putyata tried to understand the causes of the crisis and describe the daily life of the Armenians in the region. He saw one of the causes of the crisis in the prolonged economic stagnation that hit Western Armenia.

Key words: Western Armenia, Ottoman Empire, Armenians, Kurds.

Западная Армения долгое время находилась на периферии международных отношений, в том числе в рамках решения «Восточного вопроса» [1]. Положение местного христианского населения и прежде всего армян и греков мало интересовала европейскую общественность. К тому же до последней четверти XIX в. Османская империя в целом относилась терпимо к христианам, проживавшим в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-59-05002 Арм_a

Западной Армении. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. серьезным образом меняет ситуацию в регионе.

В Западную Армению активно проникают британские дипломаты. В Эрзеруме и в других городах появляются британские консульства. Во многих районах открываются протестантские миссии, а в Трапезунде начинает действовать иезуитская и доминиканская школы. Данные факты вызывают большую озабоченность в России. В Санкт-Петербурге опасались британской экспансии в Западной Армении и выхода Британской империи к границам российского Закавказья [4, с. 309]. Поэтому с большим недоверием в России относились к возникающим в 80–90-е гг. XIX в. армянским политическим партиям, добивавшимся независимости Западной Армении. Создание армянского государства на территориях, входивших в Османскую империю, вызывала тревогу в России. Оно могла стать своеобразным «Пьемонтом» для армян России. Более того, независимая Западная Армения могла оказаться инструментом реализации британской политики на Среднем Востоке.

В этой ситуации Россия начинает активно отслеживать ситуацию в регионе через свои дипломатические миссии. Однако их возможности были ограничены, поэтому в Западную Армению направляются различные «научные экспедиции». Они выполняли разведывательную функцию, составляя подробные карты региона и собирая информацию об его экономическом потенциале, этническом составе населения и т.д. Все эти усилия были направлены на мониторинг деятельности Великобритании и подготовку в случае необходимости новой войны с Османской империей. Однако в конце XIX в. российская дипломатия была заинтересована в сохранении статус-кво в Османской империи, поскольку центр тяжести внешней политики России смещается на Дальний Восток [2, с. 102].

Летом 1895 г. в Западную Армению направляется экспедиция во главе с полковником Д.В. Путята. Экспедиция оказалась в регионе в непростое время. В 1894 г. Западную Армению захлестнула «Самсунская резня», в результате чего погибло несколько тысяч человек [3, с. 32]. Восстание армянского населения и его безжалостное подавление Портой, в том числе с помощью местного курдского населения охватили значительную часть региона. Д.В. Путята, кроме сбора информации, представлявшей интерес для военного ведомства России, пытался проанализировать причины дестабилизации ситуации в регионе.

Российский офицер оставил интересные, но в тоже время небесспорные зарисовки из жизни армян Западной Армении. Сбор информации облегчался тем, что в каждом европейце армяне видели защитника их интересов. Российскому офицеру они охотно рассказывали о готовности к восстанию, о проблемах с оружием и т.д. По их мнению, сигнал к восстанию должен был дать Армянский константинопольский патриарх [5, с. 19]. Широкие слои армянского населения желали создать свое «независимое царство, где не будет податей».

Д.В. Путяту интересовали различные аспекты культуры и повседневной жизни армян. В антропологическом отношении, по его мнению, армяне впитали в себя черты многих соседних народов, что было обусловлено тесными контактами с ними на протяжении многих веков. Он находил в армянском населении

черты семитских народов, включая евреев, чем он объяснял предприимчивость армян, их «склонность» к эмиграции [5, с. 26]. Наблюдая за жизнью армянского населения в различных регионах Западной Армении, Д.В. Путята отмечал её замкнутый характер, что затрудняло ассимиляцию армян. В то же время, на окраинах «армянского мира» он встречал армянские поселения, где местное население забыло родной язык, перейдя на курдский, поскольку там доминировали курды. Поэтому он не удивлялся, что некоторые курдские роды явно имели армянское происхождение [5, с. 26].

Российский путешественник наблюдал практически полное сходство внешнего вида, устройства жилищ, образа ведения хозяйства армян с соседними народами. Большинство армян являлось крестьянами и горожанами, только в Зейтуне и Сасунском округе встречались армяне-кочевники. Быт армянского населения отличался патриархальностью, из предметов европейской культуры у них полковник наблюдал только керосиновые лампы, полностью вытеснившие традиционные светильники. Дома армян отличались простотой и практически полным отсутствием мебели [5, с. 28]. Жилища армян в зоне смешенного проживания с курдами мало чем отличались от жилищ мусульман. Еще меньше отличий наблюдалось в одежде армян и курдов. В городах встречались первые признаки влияния европейских традиций на одежду армян, например, рукава одежды армянских женщин были выше в сравнении с сельской местностью, где влияние Европы практически не отмечалось.

В большинстве районов Западной Армении, по свидетельству Д.В. Путяты, отмечались благоприятные условия для ведения сельского хозяйства, как земледелия, так и животноводства. Обилие пригодных для земледелия пахотных земель в ряде случаев создает условия для её использования в зависимости от состава семьи и ее потребностей, не испытывая давления в случае определения границ земельного надела со стороны государства или других собственников. Большой доход сельскому населению приносила продажа шерсти и зерновых культур. Рацион местного населения, напрямую зависел от характера его экономики. Армяне главным образом употребляли молочные продукты и продукцию птицеводства. Налоги и подати, которые выплачивало армянское население, по мнению Д.В. Путяты, не были обременительными для христиан [5, с. 32].

Главной бедой армянского населения региона, как и мусульман, являлись засуха и неурожай. В наиболее выгодном положении оказались жители Мушской долины и прибрежных районов озера Ван, где они могли заниматься садоводством и виноградарством. Полковник не соглашался с мнением ряда британских путешественников, описывавших тотальную бедность армян. Большая часть армян региона проживала в достаточно благоприятных экономических условиях даже по сравнению со многими российскими губерниями (!). Правда, встречались и бедные деревни, но это, как правило, были селения, пострадавшие от засухи или испытывавшие социальный гнет со стороны города. Так, много бедных армянских деревень находилось около богатого г. Ван. Причем этнический состав угнетателей и угнетенных не имел ярко выраженных границ [5, с. 33]. Элиту

городского населения Западной Армении составляли армянские купцы, ростовщики и ремесленники.

В то же время, Д.В. Путьята отмечал господство патриархального, полунатурального хозяйства, как у армян, так и у их мусульманских соседей. Модернизация всех сторон жизни местного сообщества могла привести к настоящему расцвету Западной Армении. По его подсчетам в Битлисском, Эрзерумском и Ванском вилайетах могло проживать в 10 раз больше населения, чем в конце XIX в. [5, с. 33]. Модернизация должна была включать административную реформу, создание современных путей сообщения и развитие промышленного производства, в этом плане большие перспективы имело создание текстильной промышленности. Однако, Порта практически не уделяет внимания данным аспектам жизни Западной Армении, как и Османской империи в целом.

Список литературы

1. Амбарцумян К.Р. Проблема реформирования армянских вилайетов Турции в политике великих держав в 1908–1914 гг. // История: факты и символы. 2021. № 4. С. 51–60.
2. История внешней политики России, конец XIX – начало XX вв. (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997.
3. Кочар М.Р. Армяно-турецкие общественно-политические отношения и армянский вопрос в конце XIX – начале XX вв. Ереван, 1988.
4. Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896 гг. М., 1991.
5. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXVI. Записки о Малой Азии. Полковника Генерального штаба полковник Путьята. СПб., 1896.

Е.Н. Кумпан

ВОПРОС ОБ АВТОКЕФАЛИИ ГРУЗИНСКОЙ ЦЕРКВИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАСЕДАНИЙ ПРЕДСОБОРНОГО ПРИСУТСТВИЯ 1906 Г.)

В начале XX в. Грузии развивается движение сторонников автокефалии церкви, целью которого является как расширение пределов самостоятельности, так и попытка решить ряд проблем, характерных для духовной жизни региона. Дискуссии, которые разворачиваются в рамках работы Предсоборного Присутствия, позволяют выявить особенности восприятия реалий полиэтничного пространства в условиях противоречий периода революции волнений.

Ключевые слова. Кавказ, Грузия, религия, церковь, автокефалия.

E.N. Kumpan

THE QUESTION OF THE AUTOCEPHALY OF THE GEORGIAN CHURCH (BY THE MATERIALS OF THE SESSIONS OF THE PRE-COUNCILAL PRESENCE OF 1906)

At the beginning of the XXth century Georgia is developing a movement of supporters of the autocephaly of the church, the purpose of which is both to expand the limits of independence and to try to solve a number of problems characteristic of the spiritual life of the region. The discussions that unfold within the framework of the work of the Pre-Council Presence allow us to identify the peculiarities of perception of the realities of the multiethnic space in the conditions of contradictions of the period of the revolution of unrest.

Key-words. Caucasus, Georgia, religion, church, autocephaly.

В марте 1905 г. состоялся съезд духовенства Имеретинской епархии, на котором была выработана петиция Комитету министров. Авторы (386 подписей) отмечали, что «единство бывает тогда, когда церковь национальна, а не живет под властью и главенством иноземного духовенства», предлагали ряд преобразований и призывали «признать независимость грузинской церкви во главе с католикосом» [1, с. 661]. Движение за автокефалию развивается при поддержке епископа Имеретинского Леонида и епископа Сухумского Кириона. Епископ Кирион выразил свои взгляды в нескольких докладах. Помимо обоснования «исторического и канонического права» на автокефалию, он указывает и на «плачевное состояние» Грузинской церкви, отмечая что «после 95-летнего управления стала для всех очевидной непригодность системы Синодального режима, убившего живую деятельность Грузинской церкви». Он отрицает мнение, «будто Грузинский церковный вопрос выдвинут последним общим революционным движением и имеет политическую подкладку» [2, с. 46, 50].

Епископ Леонид подробно изложил свое видение современной ему церковной жизни Грузии, делая вывод о необходимости восстановления автокефалии грузинской церкви, а также «древнего порядка избрания епископов и членов клира», упразднения «во всем канцелярщины и формалистики», указывает на важность реформы духовно-учебных заведений и приходских школ [3, с. 679–680].

Активное обсуждение вопроса об автокефалии разворачивается в ходе Предсоборного присутствия, заседания которого проходили в течение 1906 г. с участием как епископа Имеретинского, так и Сухумского. Протоколы заседаний позволяют понять особенности восприятия этнических и межрелигиозных отношений в регионе представителями духовенства, выявить определенную дистанцированность взглядов участников дискуссий. Одним из центральных становится вопрос о духовных учебных заведениях. Епископ Леонид в своем докладе указывал, что учителя в основном были не знакомы «ни с грузинами, ни с особенностями грузинской Церкви, бездушные формалисты», которые воспитывали детей путем наказаний и значительная часть выпускников «объявляли себя явными атеистами... искали места службы в светских учреждениях..., заноса всюду заразу проповеди антидуховенства и даже антирелигии» [3, с. 667]. Преподавание богословских предметов на русском языке, по его мнению, привело к тому, что священнослужители не могли произносить проповеди на грузинском (а до 1883 г. не обучались и чтению церковно-грузинского шрифта), не были они знакомы и с традициями грузинского народа. «Сколько было случаев, пишет автор, «что прихожане вовсе запирали церкви, объявивши таким «курсовникам»: «Батюшка, поезжай туда, откуда приехал, научись прежде читать Евангелие, а потом пожалуйте сюда служить в церкви» [3, с. 668].

С ним полемизирует епископ Могилевский Стефан, говоря, что отказ семинаристов становится священниками, характерен и для многих русских семинарий и объясняется он «по отношению к Кавказу, с одной стороны, трудностью служения в грузинских приходах, при отсутствии всякой культурной обстановки, а с другой – легкостью на окраинах имеющему семинарское образование

поступить на гражданскую службу». Поясняя причины преподавания на русском языке, епископ пояснял, что «этим сами ученики и родители их весьма дорожили, ибо без этого ученикам был бы закрыт путь в высшие учебные заведения и на гражданскую службу», и тем что нет учебников на грузинском языке [4, с. 45–46]. При этом епископ соглашался, что преподавание только на русском языке является нецелесообразным. Профессор Н.Н. Глубоковский отмечал, что семинарии – «это общегосударственные учебные заведения, и нельзя обратить их только в национальные школы» [4, с. 48].

Вопрос о назначении русских священников в грузинские приходы вызывает долгие споры. Епископ Кирион настаивал на том, что «почти всегда грузинам отказывали в дозволении служить в русских приходах». Протоиерей И.И. Восторгов отвечал тем, что есть «целый ряд русских приходов, где служили и служат священники грузины», добавляя, что здесь вопрос не национальный, а просто денежный: каждый русский приход втрое обеспеченнее грузинского по жалованью от казны, и особенно по обеспечению от прихожан. Здесь и главная причина недовольства». В тоже время он заявляет о том, что «русские церковные деятели в Закавказье всегда стояли именно на точке зрения необходимости для паствы слушать богослужение на «родном» языке, понимая под этим названием тот язык, на котором ребенок говорит со своей матерью», но представители духовенства из грузин, по его мнению, «смотрели на дело совершенно иначе. Для них в Закавказье существовало два языка: родной – это грузинский, для всех решительно племен, населяющих Закавказье; не родной – это русский». В итоге богослужение и преподавание в школах совершалось на грузинском даже среди народов, говорящих на иных языках (осетины, абхазцы, греки) что вызывало протесты [4, с. 27–28, 47].

Вопрос о языке богослужения неразрывно связан с вопросом о расширении самостоятельности грузинской церкви. Епископ Стефан в этом контексте подчеркивал, что вопрос о пределах автокефалии (и том какое начало будет положено, национальное или территориальное) является ключевым, так как очень сложно будет разграничить сферы церковного влияния. И. Восторгов отмечал, что на Кавказе насчитывается 72 языка. «Когда грузинская иерархия станет огрузинивать не грузинские племена, поднимется общее возмущение» [4, с. 359]. Он считает, что территориальный принцип непригоден для определения области грузинской автокефалии, но сложность вызывает, по его словам, и «племенной» принцип: «можно ли фиксировать за каждой местностью её этнографическую физиономию?» [4, с. 362], учитывая интенсивные миграционные процессы в регионе.

В результате 13 декабря 1906 г. было установлено, что «осуществление автокефалии в практическом отношении может вызвать большие затруднения и осложнения», большинством голосов был принят проект об учреждении двух митрополичьих округов (грузинского и русского) на Кавказе [4, с. 351]. Епископы Леонид и Кирион на заседании не присутствовали и в голосовании не участвовали. Экзарх Грузии Никон (Софийский) к 1908 г. составил проект пере-

устройства грузинских епархий, в том числе с учетом части предложений высказанных 1905–1906 гг., но в мае 1908 г., накануне отъезда в Св. Синод, экзарх был смертельно ранен [5, с. 673]. И вопрос об автокефалии, и попытки преобразования духовного управления Грузией были на время отложены. В 1917 г., после Февральской революции, Грузинская церковь стала автокефальной. Временное правительство признало автокефальность Грузинской церкви не по территориальному принципу, а по национальному [6, с. 101].

Период взаимодействия в рамках Предсоборного присутствия формально не позволил достигнуть полного разрешения конфликта. Сам диапазон возможных решений был очень ограничен: вероятность дальнейшего обособления Грузии, сложность обстановки периода первой российской революции, поликонфессиональное пространство Кавказа и необходимость лавировать между интересами разных этнических групп. Предсоборное присутствие дало возможность диалога между представителями различных идейных направлений, позволило – с учетом разнопланового видения обсуждаемых ситуаций – достичь компромисса по ряду вопросов, но «наложение» кливажей: государство-церковь и центр-периферия, прежде всего обусловленное тем, что в Российской империи религиозные ограничения очерчивали и права этнических групп, предопределило радикализацию религиозных процессов.

Список литературы

1. Петиция духовенства Имеретинской епархии в Комитет министров // Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 660–661.
2. Что вынуждает грузин добиваться восстановления автокефалии своей церкви // Церковные ведомости издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1906. № 47. С. 46-51.
3. Ответы преосвященного Леонида, епископа Имеретии, на нижеследующие вопросы, циркулярно предложенные обер-прокурором Св. Синода относительно церковных реформ // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Ч. 2. С. 659–680.
4. Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 3.
5. Копия доклада следственного акта об убийстве Никона // Дякин В.С. Указ. соч. С. 672–673.
6. Лагвилава Т.И. К проблеме восстановления автокефалии грузинской церкви // Восточный архив. 2007. № 16. С. 98–102.

Н.Н. Разумная ТОРГОВОЕ МОРЕПЛАВАНИЕ В АЗОВСКОМ И ЧЕРНОМ МОРЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются проблемы связанные с осуществлением торгового мореплавания в Азовском и Черном морях в начальный период Первой мировой войны. Автор анализирует статистические данные опубликованные Министерством финансов за 1914 и 1915 гг. Перечислены количественные показатели торговых операций накануне Первой мировой войны в акватории Азовского и Черного моря. Охарактеризованы основные изменения, произошедшие в торговой конъюнктуре в связи с началом войны. Сделаны выводы о том, что с началом Первой мировой войны происходят существенные изменения во внешней торговле, отмечено

снижение всех показателей по торговому мореплаванию уже в 1915 г. На Юге России в эти годы была отмечена более активная торговля с Грецией и Персией. Возрастает роль портовых таможенных служб, которые осуществляют активную по борьбе с контрабандой.

Ключевые слова: торговое мореплавание, Первая мировая война, Азовское море, Черное море, Мариуполь, таможня, контрабанда.

N.N. Razumnaya

COMMERCIAL NAVIGATION IN THE AZOV AND BLACK SEA DURING THE FIRST WORLD WAR

The article deals with the problems associated with the implementation of merchant shipping in the Azov and Black Seas in the initial period of the World War First. The author analyzes the statistical data published by the Ministry of Finance for 1914 and 1915. The quantitative indicators of trade operations on the eve of the World War First in the waters of the Azov and Black Seas are listed. The main changes that have taken place in the trade situation in connection with the beginning of the war are characterized. Conclusions are drawn that with the beginning of the First World War there are significant changes in foreign trade, a decrease in all indicators for merchant shipping was noted already in 1915. In the South of Russia during these years, more active trade with Greece and Persia was noted. The role of port customs services is growing, which are actively involved in the fight against smuggling.

Key-words: trade sailing, World War First, Azov Sea, Black Sea, Mariupol, customs, contraband.

С началом Первой мировой войны произошли серьезные изменения в торговой конъюнктуре Черного и Азовского морей, что не могло не отразиться на развитии экономики Юга России и естественно внесло свои коррективы в повседневную жизнь населения. Данная проблема практически не изучалась в советской историографии, в последнее время проблематика событий, связанных с периодом Первой мировой войны все больше привлекает внимание исследователей. Тем не менее, отдельные вопросы остаются вне поля зрения.

Целью публикации является рассмотрение проблемы развития торгового мореплавания в Азовском и Черном морях в годы Первой мировой войны.

Развитие железных дорог и внутренних водных путей в районе, прилегающем к восточной части Азовского моря, поставило вопрос об улучшении и углублении не только мариупольского, но ростовского и таганрогского портов в еще большей мере, чем это было намечено по программе 1910 г. Поскольку Министерством торговли и промышленности в 1910 г. был намечен перечень мер по расширению портового строительства. В соответствии с внесенной, в Государственную думу записке о классификации приморских торговых портов и программе строительных работ общая стоимость затрат оценивалась в 133 млн. руб. [1, с. 373]. Поскольку прогресс в технике кораблестроения выдвинул ряд требований к портам в отношении глубины подходов, бассейнов, строительстве волноломов, береговых укреплений и т.д. [2, л. 6, 46; 3]. В результате проведенной реконструкции удалось значительно увеличить грузооборот целого ряда портов на побережье Черного и Азовского морей [1, с. 373].

В первой половине 1914 г. торговое мореплавание проходило в обычном режиме. С началом Первой мировой войны в морской торговле России с зарубежными странами произошел коренной перелом. В порты Черного и Азовского

моря из-за границы пришло 487 русских судов, с общей вместимостью – 807 197 тонн. Иностраных – 2 308 судов, с общей вместимостью – 3 753 978 тонн [1, с. 343]. При этом в Черное и Азовское море приходили суда без груза в количестве 191, общей вместимостью 292 499 тонн. Иностраных судов насчитывалось 1 746, общей вместимостью – 2 738 647 тонн [1, с. 344]. Приход судов в период с января по август 1914 г составил 2 638, вместимостью 4 264 тыс. тонн. За период августа 1914 г. – января 1915 г. пришло только 157 судов общей вместимостью 297 тыс. тонн. Поэтому цифры уменьшения прихода судов из-за границы в 1914 г. распределяются следующим образом: 335 русских судов, 318 568 тыс. тонн. Количество иностранных судов уменьшилось на 1 575, с общей вместимостью – 2 511 597 тонн [1, с. 345]. Если говорить о заграничном плавании в 1915 г., то в водах Азовского и Черного морей, как и Балтийского, прихода судов из-за границы вообще не было [1, с. 346].

В 1913 г. указанными выше судами было привезено из-за границы в порты Азовского и Черного морей – 62 057 тыс. пудов грузов, а в 1914 г. эта цифра была практически в половину меньше – 38 232 тыс. пудов, т.е. уменьшение произошло на 23 825 тыс. пудов груза [1, с. 347].

Если говорить об уменьшении привоза товаров в порты Черного и Азовского морей в 1914 г. в сравнении с цифрами 1913 г., то можно видеть следующий результат работы на отдельных морях судов разных флагов (+ увеличение против 1913 г, – уменьшение, в тыс. пуд.). Таким образом, как видно из данных таблицы 1 произошло существенное увеличение привоза товаров из нейтральных государств Греции и Персии, остальные страны лишь уменьшили товарооборот в акватории Азовского и Черного морей в 1914 г. В общей сложности уменьшение составило 23 825 тыс. пудов грузов [1, с. 349].

Таблица 1 [1, с. 349]

Экспорт товаров в порты Черного и Азовского морей в 1914 г.
(в сравнении с 1913 г. в тыс. пуд.)

Российский	Шведский	Норвежский	Датский	Германский	Голландский	Бельгийский	Британский	Французский	Испанский	Итальянский	Австро-Венгерский	Греческий	Турецкий	Румынский	Персидский	Китайский	Японский	С-Американский
-3 596	-850	-1 717	-416	-3 634	-200	-427	-7 939	-1 130	-	-717	-3 963	+881	-60	-17	+20	-	-	-

В связи с полным закрытием для привоза акваторий Черного и Азовского морей в 1915 г. общая цифра товаров сократилась на 38 232 тыс. пудов [1, с. 350].

Если говорить об отходе русских судов с русских портов Черного и Азовского морей в 1914 г. было отправлено 374 суда, вместимостью 680 563 т. Ино-

странных судов – 2 299, общей вместимостью 3 770 860 т. Были и 88 судов, ушедших без грузов, общей вместимостью 142 905 т. Иностранных судов, вышедших без грузов, насчитывалось – 317 общей вместимостью – 427 855 т [1, с. 354].

В 1914 г. указанными судами было вывезено за границу 373 236 судов, а в 1913 г. – 645 856 т, т.е. уменьшение произошло на 272 620 тыс. пудов грузов [1, с. 357]. Произошло существенное уменьшение вывоза товаров за границу. Из России стали больше экспортировать товаров в нейтральную Грецию, прирост составил 23 983 тыс. пудов и нейтральную Персию на 36 тыс. пудов.

Таблица 2 [1, с. 359]

Импорт товаров через Порты Черного и Азовского морей в 1914 г.
(в сравнении с 1913 г. в тыс. пуд.)

Флаги	Российский	Шведский	Норвежский	Датский	Германский	Голландский	Бельгийский	Британский	Французский	Испанский	Итальянский	Австро-Венгерский	Греческий	Турецкий	Болгарский	Персидский	Румынский	Японский	С-Американский
Товары	-17 100	-2 083	-9 153	-1 549	-21 669	-4 080	-4 869	-131 528	-6 560	-277	-53 422	-40 510	+23 983	-2 307	-176	+36	-1 287	-	-

В общей сложности произошло сокращение вывоза товаров из акваторий Черного и Азовского морей за границу на 272 620 тыс. пудов [1, с. 359].

В основном в это время судоходство в акватории Черного и Азовского морей было ограничено только малыми каботажными перевозками. Всеми этими судами было перевезено по малому каботажному плаванию определенное количество грузов. В табл. 3 видно, что в 1913 г. количество грузов, перевезенных благодаря каботажу составляло 249 901 тыс. пудов. При этом в 1915 г. было отправлено груза в половину меньше только – 117 280 тыс. пудов.

Таблица 3 [1, с. 364].

Малый каботаж в Черном и Азовском море (1913–1915 гг.)

Приход судов с товарами					
1915 г.		1914 г.		1913 г.	
количество судов	вместимость	количество судов	вместимость	количество судов	вместимость
10 723	2 406 998	28 299	14 604 488	34 697	18 153 305
117 280 тыс. пуд.		206 367 тыс. пудов		249 901 тыс. пудов	

Если говорить о ситуации в русском торговом мореплавании в акватории Черного и Азовского морей следует выделить несколько причин сокращения даже малого каботажу. Во-первых, определенное количество судов погибло, во-

вторых, начиная со второй половины 1914 г. не производилось покупок судов за границей и было прекращено строительство новых судов на отечественных верфях, которые были заняты исполнением заказов морского ведомства. В-третьих, привлечение практически всего тоннажа к выполнению военно-судебной повинности и отсутствие своевременного ремонта корпусов, котлов и машин [1, с. 365].

Если говорить о проблемах, появившихся в работе портов в годы войны, следует сказать о росте заработной платы грузчиков, которая ставила на повестку дня вопрос об оборудовании портов механическими перегрузочными средствами и дополнительными складскими помещениями. Данная тенденция наблюдалась еще накануне войны, поскольку бурное экономическое развитие страны привлекало рабочие руки к более продуктивному труду. Даже в условиях войны рассматривалась задача не только механизации портов, но и строительство зернохранилищ, оборудовании холодильниками, улучшение противопожарных и санитарных мер [1, с. 374–375].

В период Первой мировой войны, в связи с изменением условий внешней торговли, усиливается значение таможенной службы. Ярким примером является работа Мариупольской таможни, которая в это время сосредоточила все внимание на борьбе с контрабандой. Запрещался вывоз из страны платины, золота, серебра, алюминия и других стратегических товаров и материалов. Не допускали к ввозу товары германского производства и других враждебных России стран, ограничивались ввоз и торговля спиртом и винно-водочными изделиями. Таможенники также задерживали и изымали революционные листовки, воззвания, литературу, досматривали посылки для военнопленных.

В 1916 г., когда усилилась морская блокада, закрывшая торговые пути, когда цены на продукты питания и предметы первой необходимости выросли в несколько раз, объектами контрабанды становятся табачные и винные изделия, а также чай, перемещавшийся мелкими партиями.

В документах, находящихся на хранении в Государственном архиве ДНР содержится информация, подтверждающая контрабанду чая небольшими партиями (от 1 до 5 фунтов). К примеру, в Мариупольскую таможню в ноябре 1915 г. было выслано 3 фунта чая иностранного происхождения, задержанного в магазине Общества потребителей рабочих заводов Гартмана (г. Луганск). В 1917 г. ввиду отмены денежного взыскания и замены его личным наказанием по контрабандным делам, возбужденным до 17 марта 1917 г. настоящее делопроизводство было прекращено, а проходящий по этому делу товар подлежал конфискации [4, л. 5–8, 24].

Таким образом, в начала XX вв. торговля в акватории Черного и Азовского морей была достаточно оживленной, этому способствовало развитие угольной промышленности на территории Донбасса, строительство железной дороги. В связи с началом Первой мировой войны происходят существенные изменения во внешней торговле, отмечено снижение всех показателей по торговому мореплаванию уже в 1915 г. На Юге России в эти годы была отмечена более активная

торговля с Грецией и Персией. Возрастает роль портовых таможенных служб, которые осуществляют активную по борьбе с контрабандой.

Список литературы

1. Народное хозяйство в 1915 году: (VIII год) / Комиссариат финансов, Ред. «Вестника финансов» и «Торгово-промышленной газеты». Петроград, 1918.
2. Госархив ДНР. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2.
3. Госархив ДНР. Ф. 117. Оп. 1. Д. 28.
4. Госархив ДНР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 71.

Н.Е. Вишнякова

НЕМЕЦКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 ГГ.

В период военного лихолетья немецкие поселенцы оказались в непростой политической и экономической ситуации, их собственность подлежала сокращению, а гражданские права были нарушены, так как немцы воевали против Российской империи в Первой мировой войне. В свою очередь рост численности безземельного крестьянства в России способствовал преобладанию негативных настроений в отношении немцев, чьи землевладения распространялись по уездам Таврической губернии.

Ключевые слова: немецкие землевладельцы, Таврическая губерния, сокращение немецкой собственности.

N.E. Vishnyakova

GERMAN SETTLERS OF THE TAURICA PROVINCE IN THE CONDITIONS OF THE FIRST WORLD WAR 1914–1918

During the hard times of the war, German settlers found themselves in a difficult political and economic situation, their property was subject to reduction, and civil rights were violated, since the Germans fought against the Russian Empire in the First World War. In turn, the growth in the number of landless peasantry in Russia contributed to the predominance of negative sentiments towards the Germans, whose land holdings spread across the counties of the Tauride province.

Key words: German landowners, Tauride province, reduction of German property.

В период 1910–1912 гг. в Государственной думе 3-го и 4-го созывов был представлен на обсуждение законопроект, который существенно влиял на отношения собственности землевладельцев иностранцев. Но благодаря действиям партии «Союз 17 октября» данные мысли не воплотились в жизнь. В 1914 г., а в российском обществе заговорили о том, что министр МВД Н.А. Маклаков и министр юстиции И.Г. Щегловитый выступили с новым законопроектом, ограничивающим гражданские права поселян-собственников в области землевладения и землепользования [5].

В 1914 г. в Симферополе было принято решение о созыве земских гласных Таврической губернии и предводителей дворянства, где была предложено отправить Петроград делегацию, которая представит перечень негативных последствий для экономики губернии в случае проведения ликвидационных мероприятий. По запланированному пути представители Таврической губернии посетили

председателя Совета министров И.Л. Горемыкина, главного управляющего земледелием и землеустройством А.В. Кривошеина, министра внутренних дел Н.А. Маклакова, юстиции Щегловитов И.Г. Описанный визит не дал практических результатов так, как в Российской империи начались разработки законодательной базы по сокращению земельного фонда немцев, а Государственной думе разрабатывался законопроект, ориентированный на отмену немецкого землеустройства в России [6, с. 218].

В этот период в крымской прессе был опубликован ряд статей, в которых авторы выступали в защиту крымских немцев, обращая внимание на пагубность ликвидации немецких землевладений. Так, в статьях газеты «Южные ведомости» за 1914 г. отмечалось, что немцы отличаются старательностью в своей деятельности и очень и не могут быть теми, кто поддерживает вражескую сторону [6]. Факт лишения немцев землевладения оценивался как большое потрясение для делового Крыма, в результате чего цепной реакцией страдали банки, промышленные предприятия, частные лица в силу тесной взаимосвязи немцев со всеми деловыми кругами полуострова.

Следует отметить, что выходцы из семей крупных землевладельцев отличались в годы военного периода, воевали в рядах русской армии, оказывали сильную материальную и медицинскую помощь на нужды фронта, как это происходило в предшествующее время. И невзирая на все это, на заседаниях Государственной Думы в январе 1915 г. выступающие ораторы-депутаты призывали покончить с экономическим статусом немецкого населения [5, с. 11–12].

По итогам нормотворческой деятельности правительства 3 февраля 1915 г. был опубликован закон «О землепользовании и землевладении» суть которого сводилась к организации процесса продажи земельного имущества выходцами немецкого происхождения. Участки, располагавшиеся в 106 км от моря, не могли быть проданы добровольно и выставлялись на публичные торги. Законодательные предписания касались граждан, не православного вероисповедания [5]. Во исполнение данного закона в Таврической губернии был создан уполномоченный комитет, в обязанность которого вменялось создать реестр, в котором производилась опись недвижимого имущества немцев и устанавливалась их цена.

Главным покупателем земельных владений в период действия узаконений в 1915–1916 гг. был Крестьянский поземельный банк, в состав руководства которого входили на протяжении длительного периода представители немецкого этноса. С принятием правительством закона от 2 февраля 1915 г. Крестьянский поземельный банк покупал земли по добровольному согласию, но 13 декабря 1915 г. было сокращено время добровольной продажи, вследствие чего земли подлежали принудительному изъятию из собственности. На наш взгляд, эти ускоренные меры были вызваны нуждами фронта, которые возрастали по мере затягивания российской стороны в длительную войну.

В общественной среде проявлялись протесты против немецкого народа, которые отражались и на страницах еженедельных изданий. Как выделено в исследованиях А.Ю. Бахтурина то, что публикации, носящие ярко выраженный анти-немецкий характер не обличались цензурой [1, с. 27].

В фондах ГАРК Присутствия (Ф.27) имеются списки всех недвижимых имуществ на 16 апреля 1915 г., данные по количественному составу имуществ, подлежащих ликвидации и по уездам, в которых располагались имения немецких землевладельцев. Ликвидационные мероприятия коснулись всех немецких собственников, у которых на 20% сократилось количество земельного фонда, а некоторые, имеющие по 400–500 дес. и вовсе лишились своих участков.

Отношение к данной ситуации со стороны русского крестьянства формировала не только местная пресса, но и правящие круги. В волостных органах власти размещались объявления о предстоящей ликвидации всех колонистских земель, что вызвало неслыханный резонанс в обществе, проживающем по соседству с немецкими выходцами. Крестьяне с первых шагов политики правительства по сокращению немецкого землепользования на территории Таврической губернии начали совершать противозаконные действия, проявившихся в захвате земельных фондов, «...живого и мертвого инвентаря» и т.д. [3].

Информация по сокращению земель поселенцев Таврической губернии отмечена в документах Таврического отделения Крестьянского поземельного банка (ф. 71). По представленным материалам, возможно изучить законодательные распоряжения от 1916 г., когда ликвидационный процесс оказался убыточным и был приостановлен. Отдельного внимания заслуживает анализ архивных источников, в которых находятся списки имений, поступивших в продажу с торгов, с подробным описанием общей земельной собственности немцев Готлиб, Шлее, Классен и др. В сведениях общих расходов на ликвидационный процесс можно определить, что правительством выделялись деньги, чтобы покрыть расходы на столь убыточное мероприятие [2]. В фондах ГАРК мы находим процесс изъятия собственности на примере династии Шнайдер, имения которых Токсабе, Джавджуржек, Ибраим-бой были выставлены на продажу и со всем имуществом проданы на публичных торгах [3].

Ликвидационный процесс коснулся всех представителей из среды немецких землевладельцев, которые не только занимали государственные должности, но также способствовали экономическому развитию региона, благодаря активной деятельности, внедрению новейших технологий и передовым исследованиям в области сельского хозяйства.

В результате коснувшихся перемен, часть земель крупных собственников была передана Крестьянскому Поземельному банку, на оставшихся участках функционировало сельскохозяйственное предприятие. Эти земли не были изъятые, так как действие государственных распоряжений было приостановлено и усмотрело видело в этом угрозу во-первых, для экономического развития губернии, во-вторых, для политической стабильности в обществе.

Законы «О сокращении немецкого землевладения» от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. были временно лишь приостановлены, были не отменены и как отмечено в архивном документе (Ф. 71) «не отменены и до такой отмены должны считаться имеющими силу...» [3].

В циркулярных письмах «О приостановлении ликвидации землевладения» отмечено, что в марте 1917 г. временно были приостановлены ликвидационные

работы, мероприятия по ликвидации допускались в случае, если не были связаны с разделением имений, которые уже частично были проданы. К сожалению, данный факт был обусловлен колоссальными материальными убытками, вызванными решениями власти, но при этом большая часть крымских земель уже была в распоряжении государства, невзирая на несовершенство действующей законодательной базы.

В период временного приостановления узаконений, имения, вносившиеся в ликвидационные списки, должны были сохраняться в пользовании их прежних владельцев, именно таким было решение правительства.

Таким образом, после 1914 г. с начала Первой мировой войны в судьбе немецких землевладельцев имели место серьезные изменения в лице сокращения или изъятия земельной собственности. Со стороны государства, на наш взгляд были сделаны неверные шаги, создавшие кризисные явления в Таврической губернии. Все это подтверждает непродуманный характер экономической политики государства в части сокращения собственности немецких жителей без учета их прибыли, а также налицо зависимость экономических институтов в Российской империи от действий бюрократического аппарата.

Список литературы

1. Бахтурин А.Ю. Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить: немцы-колонисты и российское общество в годы «германской» войны // Новый исторический вестник. 2013. № 27 (1). С. 27.
2. Государственный архив в Республике Крым. Ф. 71. Оп. 2. Д. 204. Смета общих расходов по имениям крестьянского поземельного банка за 1917 год. Л. 15.
3. Государственный архив в Республике Крым. Ф. 71. Оп. 2. Дело о покупке Крестьянским поземельным банком при деревне Ибраим–Бой поселянина Шнайдера. 1917 год.
4. Государственный архив в Республике Крым. Ф. 71. Оп. 2. Списки имений Евпаторийского уезда. Ф. 71. Оп. 2. Д. 32.
5. Лаптев Ю.Н. Переселение немцев в Крым и основание колоний (XIX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / сост. Ю.Н. Лаптев. Симферополь, 2000. С. 11–21.
6. Линдеман К.Э. Законы 2-го февраля 1915 г. (об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Южной России. М., 1915. С. 218.
7. Сокращение немецкого землепользования в Крыму // Южные ведомости. 1915. 6 мая. № 101.

Е.В. Иванов

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА КУБАНИ И В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ РОССИИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье на основе анализа причин зарождения гражданского противостояния на Кубани и в Северном Причерноморье России в 1918–1922 гг. рассматриваются проблемные вопросы современного развития постсоветского пространства.

Ключевые слова: Гражданская война, советская власть, государство, Кубань, Северное Причерноморье, Россия.

**CIVIL WAR IN THE KUBAN AND IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION
OF RUSSIA: CHALLENGES OF MODERNITY**

The article examines the problematic issues of the modern development of the post-Soviet space on the basis of the analysis of the causes of the emergence of civil confrontation in the Kuban and in the Northern Black Sea region of Russia in 1918–1922.

Key-words: Civil war, Soviet power, state, Kuban, Northern Black Sea region, Russia.

Актуальность темы исследования обусловлена ростом числа военных конфликтов в мире и изменением характера гражданской войны в условиях современного глобализма. Будучи своеобразной формой военного противостояния и социального конфликта, гражданская война является угрозой национальной безопасности для любой страны. И поэтому в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указана необходимость предотвращения подобных конфликтов на всей территории страны [1, с. 1–5].

Гражданская война – это своего рода цивилизационное столкновение. Но в отличие от других войн – это конфликт на территории одного государства, внутри единого, с формальной точки зрения, политического пространства.

Причинами такого цивилизационного столкновения на Кубани и в Северном Причерноморье могут быть этнополитические, культурные, экономические, идеологические и иные противоречия в фазе их обострения.

Тесные исторические, культурные и хозяйственные связи этнических групп, населяющих эти территории, дают основания изучать историю Гражданской войны в регионе, как единое целое. Влияние природно-климатических и рельефных условий региона на социальные процессы и характер гражданского противостояния становятся основополагающим в изучении причин и последствий военных столкновений.

Кубань и Северное Причерноморье – это приграничная территория, полиэтническая, а значит потенциально взрывоопасная. Способствует этому, в первую очередь, природно-хозяйственное положение и сложности социально-экономического населения региона.

Теперь, на рубеже веков Россия на Кубани и в Северном Причерноморье вновь переживает исторический перелом, связанный с переходом ее из старого в новое социально-политическое качество. Это обстоятельство усиливает актуализацию опыта борьбы, выживания и созидания в обществе, охваченном всеобщим кризисом, пониженными темпами производства, падением жизненного уровня большей части населения страны, усилившимся политическими катаклизмами, обостренным чувством тревоги. Россия в таких условиях по необходимости оказалась перед выбором варианта общественного развития и необходимостью переосмысления основных положений, связанных с пониманием тенденций и характером развития общества.

Проблема взаимоотношения центральной власти с особенностями казачьей среды в 1918–1922 гг. привело к хаосу. Эта парадигма стала результатом неэф-

фективности сценариев развития социально-экономических отношений и непонимание особенностей менталитета казачества, черноморского и кубанского казачества.

Принципы научной достоверности и объективности требуют всестороннего изучения фактического материала, проверки и сопоставления мнений, нестройной и суждений анализа источников.

Таким образом, одним из ответов на данную проблему может служить анализ гражданских конфликтов в мире.

Так, американский политолог и социолог С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» пишет: «ослабление государств и появление «обанкротившихся стран» наводит на мысль о всемирной анархии как модели, главной идеи которой стало: исчезновение государственной власти; распад государств; усиление межплеменных, этнических и религиозных конфликтов; появление международных криминальных мафиозных структур; рост числа беженцев до десятков миллионов; распространение ядерного и других видов оружия массового поражения; расползание терроризма; повседневная резня и этнические чистки» [4, с. 37–38].

В современном мире гражданские войны носят все чаще запрограммированный характер: наиболее радикальные силы, состоящие в политической оппозиции к действующему правительству, точно и профессионально провоцируют общество на конфронтацию с законной властью, что может привести к затяжной и разрушительной механизированной деградации той или иной государственной власти. Основной причиной этого кризиса становится недобросовестная конкуренция между различными странами в экономике (на мировых рынках за источники сырья и сбыта) и в политике, которая сама является «концентрированным выражением экономики».

Борьба за ресурсы и рынки сбыта привела к возникновению на практике предоставления зарубежных грантов разным политическим персоналиям и институтам внутри бывшего СССР, а ныне СНГ. Из этого факта «вытекает» вопрос: удалось ли при этом избежать гражданского противостояния? Ответом может послужить конфликты на Северном Кавказе, в Грузии, на Украине, Нагорном Карабахе и Киргизии, проблематичная ситуация в Приднестровье. Можно предположить, что это все звенья одной вялотекущей имплицитной гражданской войны нового типа. Подтверждением данного предположения может послужить информационные войны, «цветные революции», гибридные локальные конфликты, которые предшествуют современным гражданским войнам или опосредствуют их.

Суть гражданской войны не сводится только к борьбе за политическую власть – это значит упрощать саму природу такой войны. Борьба может вестись не только на поле битвы, но и в парламенте, и на выборах, а также на международном уровне, то есть из-за рубежа. И недооценивать факт такой борьбы за власть в контексте гражданских войн нельзя.

Иностранная дипломатия и силовые ведомства прилагают все свои силы максимально точно действовать в интересах своего государства. Заключенные

соглашения и договоренности, несомненно, являются фиксированным звеном в сложной, многоходовой дипломатической цепи, где пересекаются экономические выгоды и территориальные уступки, информационные «сбросы» и межэтнические конфликты, и наконец, борьба за власть с помощью «марионеточного правительства».

Так Временное правительство России в 1917 г. фактически контролировалось странами Антанты, интерес которых заключался в продолжении использовать людские и природные ресурсы бывшей империи в своих интересах. Это привело к неспособности Временного правительства самостоятельно и эффективно выработать программу действий как во внутренней политике, так и во внешней, что привело к параличу власти, а затем и к перевороту. Потеря контроля над огромной страной, западных политиков привела к мысли о немедленном военном вторжении и наведении порядка в интересах Антанты.

В борьбе против советской власти на Кубани и в Северном Причерноморье активно выступило не только Белое движение, в основном состоявшее из офицеров царской армии и активно поддерживаемое интервентами, но и казачество, духовенство, представители делового мира России, значительные массы крестьянства. Не случайно крестьянское сословие рассматривалось советской властью как «мелкобуржуазная стихия», которую надлежало в целом «нейтрализовать». Для этого крестьянское сословие предлагалось разделить на разные категории и противопоставить их друг другу: кулаки (богатые крестьяне) – враги советской власти, середняки – «временные попутчики», а бедняки (сельские пролетарии) – союзники. Любые попытки объединительного характера воспринимались как утопия. А «цель создания государства-коммуны отражала утопические устремления большевизма» [2, с. 105].

Таким образом, можно утверждать, что инициативу развязывания Гражданской войны на Кубани и в Северном Причерноморье России считать прерогативой исключительно только Белого движения и интервенции, не правильно. Советская власть немало приложила усилий к развязыванию вооруженного конфликта на территории страны. Гражданская война и военная интервенция 1918–1922 гг. в России по общему определению – не только вооруженная борьба за политическую власть, но и борьба за национальные богатства страны, осуществлявшаяся между представителями различных классов, социальных слоев и групп бывшей Российской империи при участии внешних сил [3, с. 125–136].

Гражданская война на Кубани и Северном Причерноморье России стала временем необузданных страстей, под влиянием которых миллионы людей были готовы отдать жизнь ради торжества своих идей и принципов. Противников-антагонистов, и красных, и белых, парадоксальным образом сближали эмоциональный порыв, избыток биологической энергии, невиданная ранее непримиримость. Такое время порождало не только величайшие подвиги, но и величайшие преступления. Нараставшее взаимное ожесточение сторон вело к быстрому разложению традиционной народной нравственности. Логика войны обесценивала моральные нормы вела к превращению насилия в обыденность [1, с. 41–46].

Именно поэтому, данный вопрос так важен и актуален сегодня, так как очень сложно объективно оценить события тех давних лет. Но этот вопрос необходимо решать для того, чтобы консолидировать все российское общество единым пониманием истории России.

Список литературы

1. Володин К.А. Дискуссионность гражданской войны в России // Трибуна молодого ученого. Томск, 2018. № 1. С. 41–46.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/banc40391>.
3. Стожко Д.К. Гражданская война как политический феномен // Век глобализации. 2018. № 4. С. 125–136.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 868.

А.А. Боголюбов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН В РОССИИ

Предлагаемая статья посвящена деятельности польских общественных и политических организаций в период с 1914 по 1919 г. в таком представляющем интерес для исследователя регионе как Черноморское Побережье Кавказа. Статья показывает роль польских общественных организаций помощи беженцам во время Первой мировой войны, а также роль польских политических организаций и дипломатических представительств в жизни региона в период Гражданской войны в России.

Ключевые слова. Первая мировая война, Гражданская война, Черноморское побережье Кавказа, польские беженцы, общественные организации, политические партии, дипломатические представительства.

A.A. Bogolyubov

ACTIVITIES OF POLISH PUBLIC AND POLITICAL ORGANIZATIONS ON THE BLACK SEA COAST OF THE CAUCASUS DURING THE FIRST WORLD AND CIVIL WARS IN RUSSIA

The article presented is dedicated to the activity of the Polish social and political organizations during the period from 1914 till 1919 in such an interesting to any scholar region as the Black Sea coast of the Caucasus. The article describes the role of the Polish social organizations in giving help to the Polish refugees during World War I and also the role of Polish political organizations and diplomatic structures in the life of the region during the Civil war in Russia.

Key words. World War I, The Civil war, The Black Sea Coast of the Caucasus, Polish refugees, social organizations, political parties, diplomatic structures.

Темой статьи является деятельность польских общественных и политических организаций на Черноморском побережье Кавказа в весьма непростой и для России, и для Польши период. С одной стороны, шла Первая мировая война, в ходе которой вся территория Царства Польского, входившего тогда в состав Российской Империи, была оккупирована Германской Империей. С другой стороны,

после поражения этой империи в первой мировой войне была провозглашена независимость Польши, а территория России оказалась охваченной Гражданской войной.

Под термином «Черноморское побережье Кавказа» автор подразумевает нынешнее Черноморское побережье Краснодарского края, входящее в состав Российской Федерации – от Керченского пролива на севере до границы России на юге.

С началом Первой мировой войны и особенно в связи с наступлением немецких войск в Царстве Польском, и как следствие появлением польских беженцев, в том числе и на Черноморском побережье Кавказа, местные польские землячества активно включились в оказание помощи этим попавшим в непростую ситуацию людям.

Уже в августе 1914 г. в Петрограде было образовано Польское общество вспомоществования жертвам войны (далее – ПОВЖВ) [1, л. 2]. В сентябре 1914 г. в Царстве Польском возникла организация, ставившая целью оказание помощи жителям региона, пострадавшим от боевых действий – Центральный гражданский комитет губерний Царства Польского (далее – ЦГК). После эвакуации Царства Польского в августе 1915 г. организация с таким же названием возникла в России, но действовать ей пришлось уже в других условиях [2, с. 103]. Вскоре на съезде в Петрограде была создана организация, призванная объединить усилия тех, кто стремился оказать помощь польским беженцам – Совет съездов польских организаций помощи жертвам войны со штаб-квартирой в Москве [2, с. 102].

Как следует из собранных автором статьи архивных материалов, одно из первых отделений ПОВЖВ начало свою деятельность в Новороссийске уже в январе 1915 г., обратившись в городскую управу с просьбой разрешить провоз на территорию Царства Польского ящика с одеждой для пострадавших от боевых действий [3, л. 12]. В начале июля того же года Новороссийское отделение ПОВЖВ занималось уже помощью полякам, находившимся в Новороссийске и постоянно там проживавшим [3, л. 26, 429]. Ситуация резко изменилась после эвакуации Царства Польского. Всего в Новороссийске тогда оказалось 160 взрослых и 152 ребёнка из числа беженцев-поляков [3, л. 813].

После февральской революции 1917 года, когда легализовали свою деятельность ранее запрещённые политические объединения, в том числе Польской Социалистической Партии (далее – ПСП), одна из наиболее многочисленных на Северном Кавказе групп этой партии находилась в Туапсе. [3, с. 372–374, 376]. После Октябрьской революции 1917 г., когда в России стали повсеместно появляться отделения Комиссариата по польским делам, образованного при Комиссариате по делам национальностей Совета Народных Комиссаров, в этом городе организаторами отделения Комиссариата стали представители легализованной ПСП, а также Союза Эвакуированных железнодорожников. Ставший местным Комиссаром по польским делам Ян Голембиовский в газете «Ведомости комиссариата», издававшейся Комиссариатом по польским делам, сообщал в номере

за 22 июля 1918 г., что Комиссариат в Туапсе занимался преимущественно репатриацией польских беженцев на родину, а также оказанием им материальной помощи [6, с. 7–8].

В тот же период центром эвакуации поляков со всего Северного Кавказа стал порт Новороссийск. Там их к июлю 1918 г. скопилось около 4 тыс. Первая их партия должна была отправиться на пароходе «Афины», пришедшим в порт под австрийским флагом. Однако на борт корабля попало лишь 57 поляков, получивших пропуски в качестве сопровождающих санитаров. [2, с. 158].

В конце 1918 г., после провозглашения независимости Польши, на Северном Кавказе стали повсеместно возникать польские дипломатические представительства. В Новороссийске консулом стал Казимеж Пстроконьский, а вице-консулом – Януш Кнафлевский [2, с. 159]. Офицером при консульстве был назначен прапорщик Войткевич [7, с. 27]. Консульство размещалось по адресу: Стандарт, ул. Садовая 12 [8, с. 83]. 6 декабря того же года в Сочи было организовано бюро уполномоченного консульства. Руководил им Ян Пневский, а секретарём был Казимеж Залейский [2, с. 159]. В Анапе уполномоченным консульства был Промбчевский [2, с. 320]. Сведения об отделе Консульства в Гаграх выходят за рамки данного исследования.

Автору статьи не удалось обнаружить каких-либо сведений о деятельности поляков в регионе в период, связанный с приходом Красной Армии на Черноморское побережье Кавказа. Такие сведения встречаются уже в материалах, относящихся к более позднему периоду – 1920-м гг., а, следовательно, выходят за рамки данного исследования.

Подводя итоги настоящей работы, следует отметить, что поляки в регионе Черноморского Побережья Кавказа оставили заметный след, в том числе в период Первой мировой и Гражданской войн своей общественной и политической деятельностью. Эта деятельность представляет собой широкое поле для будущих исследований.

Список литературы

1. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А) Ф. 199. Оп. 1. Д. 398.
2. Mądzik M. Działalność kulturalno-społeczna i polityczna Polaków w Gruzji na przełomie XIX i XX wieku. Lublin, 1987.
3. Архив Актов Новых в Варшаве (ААН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 726.
4. ААН, ЦГК. Ф. 94.
5. Najdus W. Polacy w rewolucji 1917 roku.
6. Gołębiowski J. Korespondencje. Tuapse (Czarnomorskie wybrzeże) // Wiadomości Komisariatu. 22.07.1918. № 11.
7. ААН, Министерство Иностранных Дел (МИД). Политико-экономический департамент. Восточный отдел. Ф. 6674В.
8. ААН, МИД. Консульство в Новороссийске. Ф. 5.

СЕКЦИЯ 2. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

А.В. Ишин

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМСКОЙ АССР В 1921 ГОДУ

Автор рассматривает исторические, геополитические и этнические аспекты образования Крымской Автономной Социалистической Советской Республики в 1921 году. Анализируется роль крымской автономии в системе государственного строительства. Выявляется специфика политико-административного статуса Крымской АССР.

Ключевые слова: Крымская Автономная Социалистическая Советская Республика, геополитические задачи, этнические аспекты.

A.V. Ishin

HISTORICAL, GEOPOLITICAL AND ETHNIC ASPECTS OF FORMATION OF THE CRIMEAN ASSR IN 1921

The author examines the historical, geopolitical and ethnic aspects of the formation of the Crimean Autonomous Socialist Soviet Republic in 1921. The role of the Crimean autonomy in the system of state building is analyzed. The specificity of the political and administrative status of the Crimean ASSR is revealed.

Key-words: Crimean Autonomous Socialist Soviet Republic, geopolitical tasks, ethnic aspects.

Информация о финансовой поддержке

Статья выполнена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

Financial support information

The article was carried out within the framework of the project of the Russian Foundation for Basic Research No. 21-09-43110 “The relationship between the party-state power and the multi-ethnic society in the course of the implementation of national policy (based on materials from the North Caucasian Territory and the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, 1920s)”.

100-летие образования Крымской Автономной Социалистической Советской Республики актуализировало научную дискуссию о целях этого политического шага, характере и исторической роли автономии.

При этом отметим, что в историографии традиционно выделяется три точки зрения в отношении ее правового статуса: 1) национальная, 2) и территориальная, и национальная, 3) территориальная (интернациональная) [1, с. 27–37].

В этой связи немаловажно подчеркнуть, что образование Крымской АССР в 1921 г. было вполне закономерным шагом с очевидными историческими, геополитическими и этическими аспектами.

Примечательно, что, как отмечает Л.П. Кравцова, вопрос об автономии обсуждался еще до установления Советской власти в Крыму и начала широкомасштабной Гражданской войны в России. Так, резолюция II съезда РСДРП(б) Таврической губернии от 24 ноября 1917 г., в частности, гласила: «...Констатируя, что население Крыма состоит из различных национальностей, из которых татары не являются численно преобладающим элементом (только 18% всего населения), съезд считает в силу местных особенностей единственно правильным решением вопроса об автономии Крыма референдум (народное голосование) среди всего населения Крыма; в то же время съезд находит, что все местные организации обязаны вести самую энергичную агитацию против разжигания национальных страстей в местном населении разными националистическими группами и партиями...» [1, с. 12].

В ходе Гражданской войны в Крыму дважды – в 1918 г. (март – апрель) и в 1919 г. (апрель – июнь) создавались «прифронтовые» советские республики, выполнявшие буферную геополитическую роль – Советская Социалистическая Республика Тавриды (в условиях быстрого продвижения по территории страны германцев и украинских гайдамаков) и Крымская Советская Социалистическая Республика (в условиях противостояния Белым силам Юга России и силам Антанты) [2, с. 95–116].

Рассматривая политическую ситуацию в Крыму уже в 1921 г., немаловажно учитывать, что на полуострове в это время активно работали эмиссары британской и германской разведок, то есть тех сил, которые ранее приложили немалые усилия для свержения монархии и развязывания Гражданской войны на пространстве Российской империи. Не вызывает сомнений, что образование Крымской АССР в составе Советской России осенью 1921 г., а также создание нового мощного государства СССР со своим социальным проектом в декабре 1922 г. отнюдь не входило в их планы. Поэтому западные оппоненты пытались использовать инерцию Гражданской войны для дестабилизации одного из ключевых регионов РСФСР, о чём свидетельствуют, в частности, оперативные материалы Частей особого назначения [3, л. 76].

Вместе с тем еще в начале 1919 г., по воспоминаниям одного из руководителей будущей Крымской автономии – Ю.П. Гавена, идея автономного статуса Крыма была поддержана главой Советского государства В.И. Лениным: «Ваше предложение будет санкционировано. Поговорите с тов. Сталиным в Наркомнаце о вытекающих из него практических вопросах. По всему видно, что в ближайшее время красные части очистят Украину и Крым от белогвардейцев и вы сможете вернуться в Крым для осуществления наших задач. Старайтесь избегать прежних ошибок. Национальный вопрос требует самого вдумчивого и осторожного отношения...» [1, с. 13–14].

А.П. Машенко отмечает, что в 1921 г. в Крыму, где в это время проживали представители 59 национальностей, «большинство населения составляли русские и украинцы, которых было очень сложно отделить друг от друга, – 371 017 чел. (51,5 процента). Татар (их тогда называли просто татарами, не добавляя прилагательное «крымские») было 186 715 человек (25,9 процента), евреев – 49 404

(6,8 процента), немцев – 42 350 (5,9 процента), греков – 23 868 (3,3 процента), армян – 12 051 (1,7 процента), болгар – 10 572 (1,5 процента)» [4].

18 октября 1921 г. главы Совнаркома РСФСР В.И. Ленин и ВЦИК РСФСР М.И. Калинин подписали Постановление об образовании Крымской Автономной Социалистической Советской Республики. В указанном документе, в частности, отмечалось: «1. Образовать Автономную Крымскую Социалистическую Советскую Республику, как часть РСФСР, в границах Крымского полуострова из существующих округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского... 2. Аппарат государственной власти Автономной Крымской Социал. Советской Республики складывается согласно Конституции РСФСР из местных Советов, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Кр. ССР. 3. Для управления делами Автономной Кр. С.С.Р учреждаются Народные Комиссариаты: 1. Внутренних дел. 2. Юстиции. 3. Просвещения. 4. Здравоохранения. 5. Социального обеспечения. 6. Земледелия. 7. Продовольствия. 8. Финансов. 9. Труда. 10. Совета народного хозяйства. 11. Рабоче-крестьянской инспекции. 12. Нарсвязи и Управлений коммунального хозяйства и статистики ... Для ведения борьбы с контрреволюцией создается при СНК Кр. ССР Крымчека, починенная непосредственно ВЧК, причем ее коллегия формируется Крымским Совнаркомом и утверждается ВЧК... 6. В целях сохранения единства финансовой, хозяйственной политики по всей территории РСФСР: Продовольствия, Финансов, Совета Народного Хозяйства, Труда, Путей сообщения, Нарсвязи, Рабоче-Крестьянской Инспекции и Центрального Статистического Управления являются обязательными для соответствующих Народных комиссариатов Кр. ССР... 10 До созыва Всекрымского Учредительного Съезда Советов и выборов Крымского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров территория Крыма управляется Крымским Революционным Комитетом» [1, с. 254–256].

Юридическому становлению Крымской АССР в правовом пространстве Советской России предшествовала еще одна важная веха в государственном строительстве в Крыму, которая была обозначена в 1921 г. и была связана с созданием постоянных органов власти, пришедших на смену системе революционных комитетов, что в целом способствовало стабилизации внутривластной ситуации.

В июле 1921 г. состоялись выборы в городские, в августе и сентябре – в сельские Советы. В конце октября – начале ноября на уездных съездах Советов были избраны делегаты на первый Всекрымский съезд Советов, который проходил с 7 по 11 ноября 1921 г. На съезде 10 ноября была принята Конституция Крымской Социалистической Советской Республики.

«Основные положения» Конституции провозглашали «равенство и право на свободное развитие всех национальностей Крыма», государственными языками автономии объявлялись «русский и татарский».

Наиважнейшее значение имело следующее положение: «Крым ССР заявляет о своей твердой решимости остаться одной из составных частей общей федерации великой Российской Республики на началах теснейшего политического и экономического объединения для совместной борьбы за торжество Коммунистической революции» [5, с. 122].

Юридический анализ базовых нормативных актов Крымской АССР убеждает нас в ее территориальном статусе. Вместе с тем, этот статус имел свою специфику, обусловленную двумя важнейшими геополитическими задачами: защита морских рубежей Советской России (в 1921–1922 гг. советским руководством по-прежнему не исключалась высадка на крымском побережье белогвардейских десантов и сил Антанты, о чем свидетельствуют материалы ВЧК и ЧОН), и, во-вторых, стремлением большевистских властей транслировать идеи «мировой революции» на мусульманский Восток, в первую очередь, в Турцию, с которой были установлены тесные дипломатические отношения.

Сегодня также необходимо учитывать, что, несмотря на автономный статус, любые административные единицы в Советской России были починены генеральной политической линии партийно-государственного руководства, которая недвусмысленно определялась как «диктатура пролетариата».

Поэтому вполне закономерно, что национальная политика большевистских властей в Крыму дала весьма противоречивые результаты по двум основным причинам. Во-первых, ставка делалась на сугубо административные меры ее осуществления. Во-вторых, в первые годы формирования большевистской диктатуры де-факто была подорвана сама основа жизни национальных общин полуострова, вследствие репрессивного характера социальной политики Советской власти [6, с. 40; 7, с. 114].

Тем не менее Крымская АССР сыграла важную роль в консолидации пространства бывшей Российской империи в новом политическом формате, в развитии хозяйственного и оборонного потенциала Юга Советской России.

Список литературы

1. Крымская АССР (1921–1945). Вопросы-ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990. Вып. 3.
2. Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь, 2012.
3. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР). Оп. 2. Д. 91.
4. Машенко А. Как Крым республикою вольной в федерацию вошёл. 100 лет назад полуостров стал первой автономией в составе РСФСР // Парламентская газета. 18.10.2021. URL: <https://www.pnp.ru/social/kak-krym-respublikoyu-volnoy-v-federaciyu-voshyol.html>.
5. Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921-й: Краткий исторический очерк. Симферополь, 1992.
6. Григор'янц В.Є. Вірмени Криму: минуле і сьогодення (Проблеми соціо-культурного та етнополітичного розвитку). Сімферополь, 2005.
7. Ишин А.В. Социально-политические процессы в Крыму в первой половине 1920-х годов: к 100-летию образования Крымской АССР. Симферополь, 2022.

Е.В. Туфанов

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ НОМЕНКЛАТУРА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СССР В 1920-1940-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

В статье анализируется функционирование партийно-государственной номенклатуры и Советской политической системы через призму национального вопроса в 1920–1940-е гг. Национальная политика СССР была очень многогранна в данном исследовании мы постарались изучить национальный вопрос через призму реализации кадровой политики в полиэтническом регионе. Рассмотрели одну из самых негативных проявлений советской национальной политики в исследуемый период – депортации народов на примере карачаевского и калмыцкого народов.

Ключевые слова: национальная политика, коренизация, депортация, партийно-государственная номенклатура, Северный Кавказ, ответственный работник.

E.V. Tufanov

PARTY-STATE NOMENCLATURE AND NATIONAL POLICY IN THE USSR IN THE 1920S-1940S (BASED ON THE MATERIALS OF THE NORTH CAUCASUS)

This article analyzes the functioning of the party-state nomenclature and the Soviet political system through the prism of the national question in the 1920s–1940s. The national policy of the USSR was very multifaceted. In this study, we tried to study the national issue through the prism of the implementation of personnel policy in a multi-ethnic region. We examined one of the most negative manifestations of Soviet national policy in the period under study – the deportation of peoples on the example of the Karachai ethnos and the Kalmyk people.

Key-words: National policy, korenization, deportation, party-state nomenclature, North Caucasus, responsible employee.

Национальный вопрос и деятельность системы управления, где основным элементом является партийно-государственная номенклатура на территории многонационального Северного Кавказа имеет важнейшее и актуальное значение в современной российской исторической науке. Именно от решения национального вопроса на территории полиэтнического региона зависела судьба Советской государственности и реализация решений центральной власти на местах в период становления и функционирования Советской политической системы. Деятельность системы партийно-государственного управления и решения в рамках Советского государства национального вопроса имеет важное значение в истории Северокавказского региона. Таким образом, национальная политика Советского государства является темой чрезвычайно актуальной и востребованной, так как национальный вопрос на территории Северо-Кавказского региона и в наше время требует государственного участия.

Национальная политика большевиков, стояла на позиции интернационального разрешения национальных вопросов. Данный принцип лег в основу как кадровой политики Советской власти, так и решений многочисленных этнических вопросов. III Всероссийский съезд Советов в резолюции «О политике Совета Народных Комиссаров по национальному вопросу», полностью одобряет национальную политику Советского правительства и надеется трансформацию быв-

шей Российской империи в братский союз советских Республик, объединившихся на федеративных началах. Необходимо констатировать, что Советская власть в национальном вопросе была полностью солидарна с постановлениями партийных форумов в этом вопросе. На данный факт следует обратить особое внимание, так как еще не произошло полное сращивание партийных и советских аппаратов управления, и еще было далёко до формирования однопартийной политической системы.

В годы Гражданской войны, в период функционирования политики «Военного коммунизма» национальный вопрос, не обсуждался на высоком уровне, но сразу после окончания активных действий на фронтах Гражданской войны, сложные вопросы национальной политики нашли отражение на партийных съездах. Так, на X съезде РКП (б) отмечается, что для нормализации национальных отношений необходимо развивать и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов, развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения, развивать широкую сеть курсов и школ на родном языке для ускоренной подготовки местных кадров советско-партийных работников по всем областям управления. Именно на десятом съезде РКП(б) были заложены основы кадровой национальной политики, которая будет в дальнейшем сформирована и найдет отражение на территории Северного Кавказа. Данная кадровая политика получила название коренизации. Политика коренизации ставила перед собой задачи становление национальной партийно-государственной номенклатуры, которая станет надежным проводником идей и постановлений правящей партии.

Кадровая политика в национальных районах, с подачи центральной власти создавала максимально благоприятные условия для выдвижения в управленческий состав партийных и советских органов власти представителей национальных меньшинств. В период функционирования политики коренизации, кандидат на управленческие должности должен был соответствовать определенным критериям. Кандидат должен был быть представителем местного этноса и в своей жизни и деятельности руководствоваться коммунистическими идеалами, и разделять политику правящей партии. Центральная власть стояла на позиции, что наличие коренного населения в системе государственного и партийного управления, позволит донести в самой доходчивой форме до социума государственные решения и директивы.

Необходимо отметить, ещё один фактор который заметно осложнял реализации политики коренизации – это огромная роль мусульманского духовенства и родовых отношений. Архивные документы ярко демонстрируют наличие в ряде регионов Северо-Кавказского края действующих мечетей, наличие шариатского правосудия и арабских школ, специализирующихся на теологическом образовании. Именно религиозный элемент имел специфическое влияние и на родовые отношения, которые затрудняли процесс слияния социума и государственной власти. Однако несмотря на все трудности политика коренизации набирала

обороты на территории Северного Кавказа. Таким образом, политика коренизации способствовала прогрессу и социально-экономическому развитию региона. В процессе функционирования национальной политики в области формирования кадрового потенциала в регионе формируется управленческий слой представителей местного социума, со знанием местного языка, культуры, обычаев и традиций региона. Кадровая политика на территории Северного Кавказа являлась частью всей национальной политики государства. Полиэтничность региона способствовала становлению национального слоя ответственных работников различного уровня в системе государственного и партийного управления.

Политика коренизации была не единственным ярким проявлением национальной политики Советского государства. В исследуемый период на территории Северного Кавказа была реализована наверно самая негативная сторона национальной политики СССР, получившая название депортация народов. Депортация в СССР подверглись не только этносы, но и различные социальные группы. Особенностью депортаций являлся внесудебный, всеобщий и принудительный характер. На территории Северного Кавказа и Юга СССР депортации подверглись такие народы как: карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы. Следует отметить, что данные народы были лишены и своей национальной автономии, за исключением турок – месхетинцев, которые не имели автономии. В рамках данного исследования сложно представить и рассмотреть трагедии всех народов, которые попали под колесо депортаций, в данной статье автор попытается рассмотреть одну из сложных граней национальной политики СССР, на примере депортации карачаевского народа и калмыков.

1 февраля 1931 г. ЦИК и СНК СССР принял постановление «О предоставлении краевым (областным) исполкомам и правительствам автономных республик права выселения кулаков из пределов районов сплошной коллективизации сельского хозяйства», где основным критериям для попадания под действия данного постановления являлись: контрреволюционный актив, наиболее богатые, остальные. Данный документ показывает, что под действия постановления могли попасть представители любого этноса и социальной группы в зависимости от трактовки местной партийно-государственной номенклатуры и представителей силовых структур.

Начало депортации народов на Юге СССР и Северного Кавказа положило постановление ГОКО № 1828 сс от 29 мая 1942 г. «О дополнительном выселении из Краснодарского края и Ростовской области греков – иностранных подданных и лиц признанных социально опасными». В документе указывалось, что выселению подлежат лица немецкой и румынской национальности, крымские татары и иностранные подданные. Дальнейшие депортации народов носили характер репрессивного воздействия со стороны государственной власти. Первыми приняла на себя удар государственной системы представители карачаевского народа в ноябре 1943 г.

По результатам переписи 1939 г. в Карачаевской автономной области находилось 75763 карачаевца. Данный регион в период с августа 1942 г. по январь

1943 г. находился под контролем нацистских войск. Проживающие лица были разделены оккупационными властями на 4 группы. Это – кулаки, бывшие князья и репрессированные советской властью, затем шли представители партии большевиков, далее уголовники и другие элементы карачаевского социума. В регионе был организован полицейский аппарат и спецотряды по борьбе с партизанским движением. Был сформирован Карачаевский национальный комитет, который сумел организовать вооружённое выступление в Учкулановском районе против Советской власти. Даже в условиях отступления немецких войск звучали призывы: «чтобы служащие полиции остались в регионе и совместно с мусульманским духовенством не допустили бы установление советской власти в регион.». Следует отметить, что оккупационные силы не получили поддержку всего народа и других национальных меньшинств Северного Кавказа, соответственно, акт депортации карачаевского народа носил насильственный и бесчеловечный характер. Уже в сентябре 1943 г. был разработан план «Расселения переселенцев из Карачаевской АО в Казахскую и Киргизскую ССР». Согласно разработанному в НКВД плану подлежало выселению с родных мест 16 тысяч семейств. Из Мало-Карачаевского района 4250 семейств в Джамбульскую область. Представители Усть-Джегутинского района – 4100 семейств, согласно плану, были размещены в Кировском районе Южно-Казахстанской области. Из Учкулановского района подлежало депортации 3500 семейств, они находили приют в Кзыл-Кумском районе, Таласской долине Киргизской ССР. Жители Микояновского, Зеленчукского и Предграненского районов подлежали размещению в Чуйской долине Киргизской ССР. Согласно утвержденному плану представителей карачаевского народа расселяли целыми колхозами по совхозам, пустующим помещениям колхозов и путем временного вселения в существующие колхозы. Для обеспечения приема и размещения переселенцев в принимающие регионы отправлялись ответственные представители НКВД СССР. В областях, где размещались переселенцы создавались областные комиссии в составе первого секретаря обкома, председателя облисполкома и начальника УНКВД. Таким образом, весь процесс депортации и размещения переселенцев возглавила партийно-государственная номенклатура в тесном взаимодействии с представителями силовых структур.

12 октября 1943 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Карачаевской автономной области и об административном устройстве её территории». Данный указ осуществлял формирование законодательной базы для осуществления депортации целого народа проживающего на территории Северного Кавказа. Документ декларировал, что все карачаевцы, проживающие на территории области переселялись в различные регионы СССР, а Карачаевскую автономную область следует ликвидировать. Президиум Верховного Совета СССР дал указание Совету народных комиссаров СССР наделить карачаевцев в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству. Часть Карачаевской автономной области, согласно указу, передавалась в управление Ставропольского края: Зеленчукский, Усть-Джегутинский и Мало-Карачаевский районы

подчинялись Ставропольскому краевому исполкому советов депутатов трудящихся. Часть Предградненского района была включена в состав Мостовского района Краснодарского края, остальную часть со ст. Преградной включили в состав Зеленчукского района Ставропольского края. Учкуланский и часть Микояновского района включались в состав Грузинской ССР. Остальную часть Микояновского района включили в состав Усть-Джегутинского района Ставропольского края. Таким образом, автономная Карачаевская область была ликвидирована и вошла в состав различных административных образований СССР. Совет Народных Комиссаров СССР от 6 ноября 1943 г. выпустил постановление № 1221-368 сс. «О порядке заселения районов бывшей Карачаевской автономной области Ставропольского края». По районам, вошедшим в систему управления Ставропольского края, предлагалось согласно постановлению сформировать 17 новых колхозов путем вселения из степных районов края 3280 хозяйств. Ряд колхозов предусматривалось объединить, а колхозы, не имеющие условий для существования, ликвидировать, их земли передать в организованные колхозы и промышленные предприятия. Территории, вошедшие в состав Краснодарского края, – бывший колхоз «Красная Лаба» влить в состав близ расположенных колхозов. На землях, которые вошли в состав Грузинской ССР, ликвидировались все 12 колхозов из-за отсутствия пахотных земель. На базе трех колхозов селения Н.-Теберда сформирован колхоз путем вселения 200 хозяйств из горных регионов Грузии (сваны, рачинцы, лечхумцы). Согласно постановлению, устанавливались хронологические рамки реализации данного документа. В Ставропольском крае организацию новых хозяйств необходимо было реализовать до 1 февраля 1944 г. По Грузинской ССР – в течении всего 1944 г. Также постановление регламентировало определенные льготы как для колхозов, так и для работников сельскохозяйственных предприятий.

Таким образом, государственная власть реализовала идею депортации целого народа с насиженных мест в совершенно новую социальную и территориальную среду, обвинив карачаевцев в сотрудничестве с оккупантами, не разбираясь в частности. Депортация карачаевского народа вызвала «эффект домино», так как на освободившиеся земли партийно-государственная система управления переселила других граждан СССР, что вызвало экономические трудности восстановления народного хозяйства.

Уже в декабре 1943 г. волна депортаций накрыла калмыцкий народ. Согласно переписи 1939 г., численность калмыков в СССР составляла 134402 чел. Кроме Калмыцкой АССР, калмыки проживали в Сталинградской области и Ставропольском крае. Летом 1942 г. земли Калмыкии, включая столицу Элисту, были оккупированы. Оккупация немецко-фашистскими войсками продолжалась до начала 1943 г. Решением о выселении калмыков как «средстве урегулирования межнационального конфликта» было ускорено обвинением в сдаче в плен 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» от 27 декабря 1943 г. надлежало всех калмыков, проживающих на территории Калмыцкой АССР, переселить, а Калмыцкую

АССР ликвидировать и образовать в составе РСФСР Астраханскую область. Данный документ дал старт репрессий в отношении калмыцкого народа, который был обвинен в измене Родине и содействии немецко-фашистским оккупантам. Таким образом, государственная власть даже не поменяла формулировки обвинения целых народов, среди которых было большое количество тех, кто сдерживал врага на линии фронта и не щадил своей жизни ради защиты Родины. В связи с Указом Президиума Верховного Совета уже 28 декабря 1943 г. вышло в свет постановление Совета Народных Комиссаров, согласно которому калмыки выселялись в Алтайский – 25 тыс. чел. и Красноярский – 25 тыс. края, Омскую – 25 тыс. и Новосибирскую области – 20 тыс. чел. Расселение калмыков произвести главным образом в сельском хозяйстве, животноводстве и рыболовстве. Постановление обязывало руководителей регионов, в которые переселялись депортированные народы, обеспечить прием и проживание, создать комиссию, провести подготовительные мероприятия связанных с приемом переселенцев. В каждом районе расселения переселенцев организованы тройки в составе председателя райисполкома, секретаря райкома и УНКВД. Именно на эти руководящие тройки возлагались обязанности по приему, расселению и контролю за переселенцами. Таким образом, за весь процесс переселения и расселения ответственность возлагалась на руководящих работников партийной власти, на представителей советской власти и силовые структуры. Более половины калмыков в Омской области было расселено в ее северных округах – Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Тобольском. Многие проживали в абсолютно не пригодных для жилья условиях. В сложных и непривычных географических и территориальных границах.

В исследуемый период 1920–1940-х гг. идет процесс становления советской политической системы в рамках которой формировалась партийно-государственная система управления, которая становится проводником идей и решений центральной власти на местах. Северный Кавказ с его многонациональностью имел большое значение для реализации национальной политики молодого Советского государства. Один из важных вопросов для любой политической системы – это кадровый, так как говорил И.В. Сталин: «Кадры решают все». Именно на Северном Кавказе центральная власть реализовала политику коренизации системы партийно-государственного управления. Она рекрутировала в кадровый резерв национальной номенклатуры представителей местного социума. Именно представители партийно-государственной номенклатуры реализовывали национальную политику в регионе. Прямым следствием этого стала депортация ряда народов, проживающих в регионе. Рассматривая процесс депортации народов, следует констатировать негативные последствия этой грани национальной политики СССР. Целые народы были обвинены в содействии оккупантам, насильно были сорваны с насиженных мест и отправлены в другие регионы СССР. Был нарушен принцип, что плохих народов нет, есть отдельные индивиды, которые встали на путь измене Родине. Власть не в коем случае не должна была подводить целые народы под общий знаменатель и проводить политику репрессий. Следует отметить, что процесс реабилитаций и переселений

народов на свои родные места был очень сложным и долговременным. Необходимо отметить, что ошибки в реализации национальной политики СССР находят свой отклик и в современной ситуации в Российской Федерации.

Список литературы

1. Баранов А.В., Ишин А.В., Касьянов В.В., Рожков А.Ю. Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.). Краснодар, 2021.
2. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. «Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы)». М. 1998.
3. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать» Документы, факты, комментарии. М. 1992.
4. О политике совета народных комиссаров по национальному вопросу. III Всероссийский съезд Советов // Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М., 1939.
5. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Десятый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898–1924. М., 1954.
6. Сталинские депортации 1928–1953 / сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М. 2005.
7. Туфанов Е.В. К вопросу об источниках рекрутирования региональных управленцев 1920–1930-е гг. на материалах Северного Кавказа. // Вестник Калмыцкого университета. Элиста, 2018. № 37(1). С. 32–42.
8. Туфанов Е.В. К вопросу коренизации государственного и партийного аппарата управления на материалах Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. // Современная научная мысль. 2017. № 5. С. 43–50.
9. Туфанов Е.В. Становление и развитие советской региональной партийно-государственной номенклатуры 1921–1939 гг. (на материалах Северного Кавказа: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2019.
10. Туфанов Е.В. Становление моральных принципов нового руководителя в партийных дискуссиях 1920-х годов // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35(3). С. 62–68.
11. Туфанов Е.В. К вопросу о роли системы учета кадров в процессе формирования партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг. на материалах Юга России // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 39(3). С. 48–56.

Ю.А. Яхутль

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В АДЫГЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ 1920–1930-Х ГГ. (К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ АДЫГЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматривается политика партийно-государственных органов власти Адыгейской (Черкесской) автономной области по созданию социальной инфраструктуры в 1920–1930-х гг. Организация медицинского обслуживания населения и политика ликвидации неграмотности на территории области положили начало коренному, качественному изменению условий жизни населения. Статья основана на документах из фондов Национального архива Республики Адыгея.

Ключевые слова: Адыгейская автономная область, черкесы, ликвидация неграмотности, здравоохранение, социалистическая модернизация.

**SOCIALIST MODERNIZATION OF SOCIAL INFRASTRUCTURE
IN THE ADYGEA AUTONOMOUS REGION OF THE 1920S-1930S.
(TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE ADYGEA
AUTONOMOUS REGION)**

The article examines the policy of the party-state authorities of the Adyghe (Circassian) Autonomous Region on the creation of social infrastructure in the 1920s-1930s. The organization of medical services for the population and the policy of eliminating illiteracy in the region marked the beginning of a radical, qualitative change in the living conditions of the population. The article is based on documents from the collections of the National Archive of the Republic of Adygea.

Key-words: Adygea Autonomous Region, Circassians, literacy eradication, healthcare, socialist modernization.

Ликвидация неграмотности и организация медицинского обслуживания были одной из приоритетных направлений в работе правительства страны и РКП(б)–ВКП(б) в 1920–1930-х гг. Существенное влияние на ход реализации социальных программ правительства оказывали особенности исторического развития малочисленных народов в составе Российской империи и их организационно-правовой статус в составе Советской России.

Реформы образования и здравоохранения обрели национальные, региональные особенности, способствуя не только ликвидации неграмотности, формированию советской образовательной системы и организации медицинского обслуживания населения, но и выступили инструментом национальной политики большевиков. Одна из целей этих программ – идеологическая трансформация российского многонационального общества.

В национальных автономиях особое внимание уделялось организации обучения детей школьного возраста, ликвидации неграмотности среди взрослого населения, подготовке национальных кадров, медицинскому обслуживанию, охране детства, санитарному просвещению населения.

Изучение исторического опыта социалистической модернизации социальной инфраструктуры актуален в контексте очередных модернизационных процессов в российском обществе. В условиях кризиса, глобальных вызовов современности, когда наиболее значимыми становятся вопросы повышения уровня исторического образования и культуры общества в целом, образовательный контент приобретает особый статус, реализация которого во многом определяет перспективы развития страны.

Объектом исследования данной статьи является деятельность органов власти Адыгейской автономной области в 1920-х–1930-х гг. по формированию социальной инфраструктуры. Предмет – особенности реализации политики ликвидации неграмотности и становление системы здравоохранения в Адыгее. Территориальные рамки охватывают Адыгейскую (Черкесскую) автономную область в границах 1920-х–1930-х гг. Хронологические рамки: период 1920–1930-х гг., когда была реализована программа социалистической модернизации в социаль-

ной сфере. Цель статьи: изучить особенности процесса социалистической модернизации социальной сферы коренного населения Северо-Западного Кавказа – черкесов (адыгейцев).

Немаловажным фактором в новой образовательной концепции был национальный компонент. На совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 9–12 июня 1923 г. была поставлена задача по развитию просветительских учреждений и распространению грамотности на «местных языках» [1, с. 24]. Кампания по борьбе с неграмотностью одновременно способствовала усвоению новых идеологических концепций по социалистической модернизации общества и реализации национальной политики.

В начале 1920-х г. уровень грамотности среди черкесов Кубанского округа составлял лишь 4% [2, л. 1–6]. Борьба с неграмотностью, в том числе её рецидивами, продолжалась до конца 1930-х гг. На первом этапе ликвидации неграмотности государство вынуждено было применять чрезвычайные методы. Очередной этап в кампании наметился во второй половине 1920-х гг. с целью обеспечения модернизационного рывка. А начало 1930-х гг. актуализировало вопрос воспитания «нового советского человека» в рамках культурной революции.

Практическая реализация кампании по ликвидации неграмотности среды черкесов была рассмотрена в сентябре 1922 г. на заседании Адыгейского областного исполнительного комитета [3, л. 43 об.]. Эта работа была признана как одна из приоритетных наравне с вопросами организации медицинского обслуживания населения. С образованием Адыгейской (Черкесской) автономной области в июле 1922 г. кампания приобрела новый, более качественный характер. В 1922–1923 гг. на территории с компактным проживанием черкесов функционировали 42 школы I-й ступени с числом учащихся 5 тыс. чел., в том числе 2 600 черкесов. Однако школьная сеть могла охватить лишь 29% всего детского 30-титысячного населения области в возрасте от 8 до 17 лет [4, л. 12]. По переписи 1926 г. в автономной области неграмотных в возрасте от 14 до 49 лет насчитывалось 36 900 чел. Количество неграмотных среди детей в возрасте от 9 лет и старше постепенно сокращалось, но по-прежнему сложно и противоречиво шла кампания среди взрослого населения [11, л. 58].

За период с 1920 г. по 1929 г. в ААО открыли 41 школу. Начальное образование стало обязательным, а в первой половине 1930-х гг. обязательным стало и семилетнее обучение [14, л. 54]. Количество семилетних школ в первой половине 1930-х достигло 7, но их было недостаточно для полного охвата учащихся образовательным процессом. И лишь с ростом количества семилетних школ до 30, соответственно выросло количество учащихся до 4 887 чел., в том числе черкесов 1 775 чел.

За период с 1920 г. по 1934 г. количество школ увеличилось с 9 до 143, а число учащихся с 400 до 14 204, в том числе черкесов с 2 568 до 7 471 учащихся. Улучшились качественные показатели образовательного процесса: посещаемость достигала 90%, а отчисление не превышало 10% от общего числа учащихся [5, л. 55, 56].

Ликвидация неграмотности у черкесов (адыгейцев) в 1920–1930-х гг. имела свои особенности, обусловленные условиями развития в составе российской империи. Но следует признать, что политика ликвидации неграмотности, за столь небольшой промежуток времени, оказала определяющее влияние на культурное, экономическое развитие черкесов, способствуя их гармоничному включению в процесс социалистической модернизации общества.

В Советской России государственная система здравоохранения в 1920–1930-х гг. формировалась исходя из принципов бесплатного и доступного медицинского обслуживания населения, которая была озвучена на VIII съезде РКП(б). Наиболее эффективно она проявилась в регионах с компактным проживанием малочисленных народов, не имевших полноценного медицинского обслуживания в условиях российского самодержавия. Так в процессе национально-государственного самоопределения черкесов – западных адыгов были проведены первые организационные мероприятия по предоставлению санитарных и медицинских услуг населению.

В начале 1920-х гг. автономия находилась в глубоком экономическом и социальном кризисе. Особенно остро стоял вопрос медицинского обслуживания черкесов и их санитарно-эпидемиологические условия жизни. В шести наиболее типичных для Адыгеи аулах: Уляп, Блечепсин, Пшизов, Егорухай, Хачемзий и Хакуринохабль в 1920 г. умерло больше, чем родилось на 11%, а в 1911 г. по этим же аулам смертность превысила рождаемость на 32%. Для обслуживания черкесов (адыгейцев) в Краснодаре работала лишь одна больница («лазарет для горцев») на 40 коек [6, л. 105]. В условиях нарастающего кризиса и при отсутствии должного финансирования необходимо было провести экстренные профилактические мероприятия медицинского и санитарного характера в черкесских аулах. По мнению заведующего отделом здравоохранения Горского исполкома А. Бжассо социальные заболевания приобретали остро-выраженный характер [7, л. 57–59]. На этот момент вся медико-санитарная помощь для горского населения заключалась в стационарной помощи в участковой больнице на 25 коек в ауле Шенджий, и 12 фельдшерских пунктах.

Первым успехом здравоохранения Горского исполкома стало формирование доверия горцев к организации медицинской помощи. Но в 1920–1922 гг. не удалось существенно продвинуться в оказании медицинских услуг населению.

Первые, ощутимые достижения в организации медицинского обслуживания были достигнуты в 1923 г., когда были открыты 6 врачебных участков и 11 фельдшерских пунктов, что способствовало увеличению коечного фонда. Амбулаторную помощь могли получить более 7 тыс. чел. [8, л. 15, 15 об.]. В аулах проводились медико-просветительские мероприятия. В второй половине 1920-х гг. на территории области функционировали 5 больниц, 14 врачебных амбулаторий, 3 временных врачебных и 9 фельдшерских пунктов. Особое внимание уделялось охране детства и материнства. За этот период значительно вырос и кадровый потенциал медицинских учреждений области. По состоянию на 1 октября 1927 г. в медицинских учреждениях области работало 343 чел. [9, л. 67]. Но при этом, только 25% врачей имели профессиональный стаж работы от 1 до 9 лет.

Вторая половина 1920-х гг. характеризуется расширением сети лечебных учреждений, основной задачей которых было приближение медпомощи к населению. С 1923 г. по 1934 г. общее количество лечебных учреждений области увеличилось с 40 до 330 [10, л. 100].

Период 1920–1930-х гг. стал временем качественного изменения медицинского обслуживания населения ААО. Принятые меры способствовали улучшению качества жизни и росту численности населения. Так численность населения в возрасте старше 18 лет увеличилась с 55 207 чел. в 1926 г. до 58 159 чел. в 1927 г. [11, л. 216].

Политика ВКП(б) в области здравоохранения, сформировавшаяся как государственная система, стала составной частью социалистической модернизации, позволившая создать условия для организации бесплатной и доступной медицинской помощи.

Государственная ответственность позволила малочисленным народам России, в том числе и Северо-Западного Кавказа, получить организованное, плановое медицинское обслуживание впервые за время вхождения в состав российской империи.

Социальная инфраструктура в Адыгейской автономной области была сформирована в ходе социалистической модернизации и получила дальнейшее развитие. Одной из приоритетных задач реформ было создание качественно новых условий жизни населения. Весь предвоенный период Адыгея получала государственную поддержку по развитию образования и здравоохранения. Наличие острого дефицита кадров в этих сферах, в том числе и представителей коренного населения, решалось средствами их целевого обучения.

Список литературы

1. О мероприятиях по народному просвещению. Постановление 2-й сессии ВЦИК XI 15 октября 1924 г. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. документов. 1917–1973 гг. / А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М., 1974.
2. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 9.
3. НАРА. Ф. Р-1. Оп. 4 а. Д. 1.
4. НАРА. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 20.
5. НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 702.
6. НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 702.
7. НАРА. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1.
8. НАРА. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 20.
9. НАРА. Ф. Р-5. Оп. 5. Д. 62.
10. НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 702.
11. НАРА. Ф. Р-1. Оп. 4 а. Д. 27.

С.А. Чупрытников

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ, ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920-Е ГГ.

В статье рассматривается политико-просветительная составляющая в становлении советского государства, которое по своей сути являлось государством идеократическим. На материалах Северо-Кавказского региона и Кубани, в частности, освещается нарастающее усиление идейно-политического, коммунистического воспитания, подчинение ему других сфер жизни. Делается вывод, что идейно-политический прессинг, коммунистическое воспитание при всех недостатках выполняли главную функцию при реализации одного из характерных признаков революции – формирования нового человека с новыми ценностями и ценностными ориентациями.

Ключевые слова: политико-просветительная работа, лекционная пропаганда, интернациональное воспитание, советский социалистический проект, идеократическое государство.

S.A. Chuprynnikov

IDEOLOGICAL, POLITICAL AND EDUCATIONAL ASPECT IN FOUNDATION OF SOVIET STATE IN 1920S.

The article describes political and educational aspect in foundation of soviet state, which was essentially an ideocratical state. Based on the data from Northern Caucasus and Kuban region it illustrates a growing strengthening of ideological and political communist upbringing, and subordination of all facets to it. It is concluded that despite all the drawbacks ideological and political pressing and communist upbringing fulfilled the main function in realization of major principle of a revolution - and that is formation of a new person with new values and value guidelines.

Key words: political and educational activities, lectural propaganda, international upbringing, soviet sociological project, ideocratical state.

В любом политическом изменении, а появление СССР являлось глобальным изменением, одной из составляющих является его идеологическое обеспечение. Это было очень актуально для советского государства, которое являлось государством идеократическим, с монополюно правящей партией и в котором декларировалось построение нового коммунистического общества с новыми ценностями и ценностными ориентациями. Специфическим регионом в нем являлся Юго-Восточный (с 1924 г. Северо-Кавказский) край и, в частности, Кубань.

В первой половине 1920-х гг. политико-просветительная работа шла в основном по линии просвещения, нередко без определённого плана и даже стихийно. Но в ней не было излишней заидеологизированности и партийного штампа.

В клубах Северо-Кавказского края, и на Кубани в частности, действовали по принципу: «не насаждать культуру» и не перегружать рабочего политическим просвещением» [1]. В культработе учреждений в годы нэпа преобладают увеселительные, платные вечера. Кроме танцев до утра и «живой газеты», в них зачастую больше ничего и не проводилось. В резолюции 2-го краевого культсовещания (1926 г.) давалась такая установка: «улучшение содержания культработы не

должно означать превращения ее в учебу, а клубов в учебные заведения. Предстоящий период должен пройти под знаком дальнейшей организации отдыха и развлечений» [2].

Лекционная пропаганда также носит в большей степени случайный характер, и не страдает излишней партийно-политической направленностью. Преобладала тематика лекций, прочитанная, например, в Армавирском клубе профсоюза сотворгслужащих в июне 1927 г.: «Омолаживание», «Жизнь после смерти», «На грани человеческого сознания», «Гипноз как наука», или Ростовского клуба строителей: «Путь жизни», «Стоит ли земля на трех китах?», «Половой быт в наше время» [3].

Такой подход не находил одобрения со стороны партийных организаций. В условиях разгоревшейся внутрипартийной борьбы и с усилением сталинского крыла «улучшением» культработы считалось насыщение ее политико-идеологическим аспектом. Армавирский окружком ВКП(б) в декабре 1927 г., заслушав отчет окружного совета профсоюзов, указал на слабость политического воспитания масс и обязал усилить его за счет сокращения культурно-увеселительных мероприятий [4]. На это же обращал внимание и Кубанский окружком партии [5].

После образования СССР интенсивная работа по идейно-политическому воспитанию масс, наряду с поднятием их культурного уровня, стала проводиться строго по партийным установкам. Весь ход становления и развития её в Северо-Кавказском регионе и на Кубани в частности, показывал, что культурно-просветительная деятельность не могла быть вне политики, когда социалистическая идеология становится идеологией «статус кво», а побежденная идеология оказывала яростное сопротивление. По ленинскому определению, просветительно-воспитательная работа как составная часть создания нового человека была несовместима с аполитичностью («мы не можем ставить просветительную работу вне связи с политикой» [6])

В советских условиях просвещение было поднято до уровня политического, тесно связанного с повседневной жизнью. На первый план выдвигается участие в различных политических кампаниях, организационно-идеологическое обеспечение выполнения мероприятий, проводимых партией и советским государством, развитие самодеятельного (до определенных рамок) творчества трудящихся, интернационального воспитания, утверждение ценностных ориентаций идеологии социализма.

В разработанном «Уставе рабочего клуба» основной целью его деятельности провозглашалось сплочение рабочих и выработка у них «классового самосознания», усиление «коммунистического воспитания», искоренение традиций, навыков, понятий буржуазной идеологии. Клубы начинают превращаться в подобие политшколы и кроме политико-просветительной работы никаких других мероприятий не проводили.

Из всех лекций, прочитанных в стране на 1 января 1926 г., лекции общеполитического характера составили 43,2%, против 34,4% на ту же дату 1925 г. [7]. Но такие лекции, зачастую кроме неприятия у аудитории, ничего не вызывали.

Индустриализация и последовавшая за ней коллективизация придали всей культурно-просветительной работе еще большую политическую ангажированность. VII съезд профсоюзов признал целесообразным создать при областных и губернских профсоветах комиссии, которые бы осуществляли работу по отдельным направлениям просветительной деятельности. Культурная работа должна была перестраиваться на основе партийного лозунга «лицом к производству» с проведением мероприятий «по коммунистическому воспитанию в тесном сочетании с политико-просветительной работой и вовлечением широких масс трудящихся в социалистическое строительство» [8].

В этот период времени происходит большой приток новой рабочей силы из села. Общественные, коллективистские начала в сознании этой волны были слабыми. Работа «на государство» не отождествлялась с работой «на себя». На предприятиях происходит ослабление трудовой дисциплины, увеличилось количество прогулов, особенно в летнее время.

1 апреля 1929 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О культурно-просветительной работе профсоюзов». В нем особо подчеркивалось, что в культурно-просветительной работе основное направление – разъяснение массам политической линии партии и значительное увеличение в клубной сети кружков и курсов политико-воспитательного и производственного характера.

Клубы стали активно проводить те мероприятия, которые были направлены прежде всего на мобилизацию масс на выполнение промфинплана, на воспитание социалистического отношения к труду. Организовывались «митинги-переключки станков», во время которых проверялось состояние оборудования и заслушивались самоотчеты рабочих-специалистов. Центральной фигурой в культурно-просветительных учреждениях становится ударник производства. В клубах начали устраиваться галереи портретов лучших передовиков с описанием их производственных побед, для них выделялись специальные ложи и ряды в зрительных залах, в организации культурного досуга распространяется такая форма как базы однодневного отдыха для лучших ударников. Широко распространяются вечера-встречи ударников и старых кадровых рабочих, посвященные отдельным хозяйственным и политическим вопросам. Резко возросло количество лекций по политической тематике.

В 1920-е гг. активно ведется работа и по такому направлению, как интернациональное воспитание. Распространенной формой в нем были «интернациональные конгрессы», к подготовке и проведению которых привлекались сотни рабочих. В ходе их изучалась история революционного движения отдельных стран, зарождались и крепились интернациональные связи. Делегатами таких «конгрессов» могли быть только ударники производства.

По линии профсоюзов оказывалась и конкретная материальная помощь рабочему классу других стран. Так, в октябре 1924 г. Кубанский окружной совет профсоюзов принял решение о переводе Профинтерну собранных фондов помощи германскому и японскому пролетариату в сумме 2405 руб. и 593 руб. 91 коп. соответственно [9].

Во время забастовки английских горняков в 1926 г. профсоюзы Северного Кавказа в результате агитационной работы собрали только с 9 по 25 июня 1926 г. 82169 руб., а к 1 октября 1926 г. было отчислено 286102 руб. На проходивших собраниях везде высказывалось пожелание об отчислении большего размера средств, нежели принятого 1/4 дневного заработка. А рабочие заводов безоговорочно заявляли: «помощь бастующим горнякам мы оказывали, и будем оказывать впредь» [10].

Надо отметить, что северокавказские, в том числе и кубанские рабочие и их организации, имели довольно широкие международные связи с рабочими организациями многих стран: Австрии, Германии, Франции, Италии, Португалии, Швеции, Бельгии, Швейцарии и даже далекой Австралии. Им оказывалась не только материальная помощь, но и происходил обмен опытом организации работы профсоюзов, вплоть до участия в работе съездов этих объединений [11].

Результатом усиленного внимания интернациональному воспитанию явился тот факт, что только на предприятиях г. Краснодара к началу 1930-х гг. были организованы десятки кружков по изучению иностранного языка. В них обучалось сотни членов профсоюзов, из которых многие были рабочими.

В культурно-просветительную работу по идеологическому обеспечению советского социалистического проекта органично входили и вопросы развития физкультурного движения. С восстановлением народного хозяйства, созданием новых производственно-промышленных структур и организацией трудовых коллективов появилась и возможность, и необходимость проведения массовой физкультурной и спортивно-оздоровительной работы. Стали повсеместно учреждаться спортивные клубы, физкультурные кружки и ячейки. V Всероссийский съезд профсоюзов потребовал создания в клубах в числе прочих и спортивных кружков [12], в стране проводится активная пропаганда физкультуры и спорта. Физкультурное движение становилось частью общекультурной деятельности и средством воспитания. А закрепило такой подход постановление ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 г. В нем отмечалось, что физическая культура должна расцениваться как «неотъемлемая часть общеполитического, культурного воспитания и образования». Поэтому работа по развитию физической культуры не должна обособляться и отрываться от основной политико-просветительной деятельности общественных организаций.

Определяя ее содержание, ЦК подчеркивал, что эту работу «необходимо рассматривать не только с точки зрения физического воспитания и оздоровления..., но и как один из методов воспитания масс..., и, вместе с тем, как средство сплочения широких рабочих и крестьянских масс вокруг профессиональных организаций, через которые рабоче-крестьянские массы вовлекаются в общественно-политическую жизнь» [13].

Происходит повышение статуса физкультуры как сферы деятельности. Учреждается должность инструктора по физкультуре, на которого возлагается руководство всей работой по союзам. На предприятиях эту работу проводят руководители физкультурной работы.

Через физкультуру и спорт должен был быть и стать *советским* (выделено авт. – С.А. Чупрынников) и эта составляющая его существования на долгое время являлась основополагающей. Он нес в себе внутреннее сильное мобилизующее начало, которое впоследствии позволяло ему утвердиться.

В заключение отметим, что СССР как государство, особенно на первых этапах своего существования – уникальный социоисторический феномен, характеризовавшийся осознанием всеми народами общности цели, внутренней идейной солидарностью и действенным международным интернационализмом. По сути, Советский Союз являлся идеократическим государством и идейно-политическая его составляющая естественна. С этой позиции весь просветительно-политический прессинг в 1920-е гг. являлся не таким уж излишним. При всех недостатках он напрямую был связан с одним из главных достижений советского государства – ликвидацией неграмотности и повышением общекультурного уровня. Культпросветработа с усиленным идейно-политическим трендом выполняла главную функцию при реализации одного из характерных признаков революции – формирование нового человека с новыми ценностями и ценностными ориентациями.

Список литературы

1. Молот. 1926. 22 янв.; Советский Юг. 1926. 30 янв.; Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 274. Л. 41.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 756. Л. 166.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 1407. Л. 43 об., 220 об.
4. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 85. Л. 144.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-698. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.
6. Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г.// Полн. собр. соч. Т. 41. С. 399.
7. Профессиональные союзы СССР. 1924–1926: Отчет ВЦСПС к VII съезду профсоюзов. С. 304.
8. VIII Всесоюзный съезд профессиональных союзов: Стеногр. отчет. С. 464.
9. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 47. Л. 28.
10. ГАРО. Ф. Р-2287. Оп. 1 (ч. 1). Д. 1164. Л. 139.
11. ГАРО. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 3411. Л. 35, 36, 52-55.
12. Профсоюзы СССР: Документы и материалы. Т. 2. С. 399.
13. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта. 1917–1957 гг. М. 1959. С. 12–13.

А.В. Аверьянов

ФЕНОМЕН СМЕШАННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СЕЛЬСОВЕТОВ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ В 1920-е гг.

Статья посвящена анализу предпосылок создания и функционирования смешанных национальных советов в Северо-Кавказском крае в первое десятилетие советской власти. Выделяются механизмы работы советских аппаратов в смешанных сельсоветах и специфика их коренизации.

Ключевые слова: Северо-Кавказский край, национальная политика, национальные сельсоветы, смешанные сельсоветы, этнические (национальные) меньшинства.

THE PHENOMENON OF MIXED NATIONAL VILLAGE SOVIETS IN THE NORTH CAUCASUS TERRITORY IN THE 1920s

The article is devoted to the consideration of the prerequisites for the creation and functioning of mixed national councils in the North Caucasus Region in the first decade of Soviet power. The mechanisms of operation of Soviet apparatuses in mixed village councils and the specifics of their korenization are highlighted.

Key-words: North Caucasus Region, national politics, national village councils, mixed village councils, ethnic (national) minorities.

Важной задачей советской власти в первые годы её существования являлось расширение лояльной социальной базы и увеличение уровня поддержки в обществе. В данной связи повышенное внимание уделялось работе среди этнических, или национальных меньшинств. Советская национальная политика должна была символизировать контраст в подходах к решению национального вопроса в сравнении с дореволюционным периодом. Курс на «автономизацию» противопоставлялся «русификаторству» и стал ключевым механизмом вовлечения этнических меньшинств в реализацию советского проекта.

Аналогичный «автономистский» подход в 1920-е гг. использовался на региональном и местном уровнях на территориях с относительно немногочисленным иноэтничным населением, где нельзя было создать полноценную национальную автономию. Так, на Дону, Кубани и Ставрополье, представлявших исторический субрегион, проживало большое количество этнических сообществ. В местах их компактного расселения были учреждены национальные районы, обладавшие некоторыми признаками автономий, а также национальные сельсоветы. Последние создавались на основе циркуляра Административной комиссии ВЦИК от 21 ноября 1923 г., инструкции ВЦИК и СНК от 8 октября 1923 г. [1, с. 46]. После образования Северо-Кавказского края регламентация формирования национальных сельсоветов приняла более упорядоченный характер. В письме ВЦИК «О выделении национальных сельских Советов» от 29 апреля 1926 г. в районах со смешанным национальным населением при разукрупнении предписывалось выделять селения с однородным составом для организации самостоятельных сельсоветов [2, с. 32].

Создание национальных сельсоветов должно было вовлечь этнические сообщества в процесс советизации и ускорить формирование соответствующих политических структур на родном языке с участием местных уроженцев (политика коренизации). К числу задач национальных сельсоветов относилось удовлетворение хозяйственных, культурных и бытовых потребностей местного населения. В письме краевого исполкома всем окружным и областным исполкомам Северо-Кавказского края подчеркивалось, что «сельские советы являются основной ячейкой советской власти трудящихся и имеют своей задачей привлечение трудящихся масс к непосредственному участию в деле строительства во всех областях культурной и хозяйственной жизни населения» [3, л. 102 об.].

Пик создания национальных сельсоветов пришёлся на середину-вторую половину 1920-х гг. К 1925 г. в Северо-Кавказском крае было выделено 106 национальных сельсоветов, в том числе 87 в русских округах и 19 в автономных областях. Среди них – немецкие, армянские, греческие, шапсугские, калмыцкие, туркменские, эстонские, чешские и другие национальные сельсоветы [4, л. 33].

Выделение национальных сельсоветов шло параллельно с коренизацией их аппаратов. На должность председателя, членов президиума сельсоветов выдвигались национальные кадры, как правило из местных уроженцев. Если таковых не было, то на их место присылались представители соответствующей национальности из других районов или регионов страны.

Формирование и функционирование национальных сельсоветов сопровождалось целым рядом сложностей, в том числе дефицитом национальных кадров, а также малочисленностью и дисперсным характером расселения этнических меньшинств. Наиболее сложная ситуация складывалась среди татар и туркмен, а также прибывавших из-за границы ассирийских и армянских беженцев. Татаро-туркменское население края было разбросано по нескольким округам Северо-Кавказского края, в том числе Ставропольскому, Донскому, Таганрогскому. Весьма немногочисленными и смешанными по своему национальному составу были многие немецкие колонии на Юге России. Несмотря на это, краевые власти твердо придерживались курса на выделение национальных сельсоветов, «не останавливаясь перед недостаточным для этой цели населением в том или другом пункте» [5, л. 90].

Однако в ряде случаев это было попросту невозможно. Значительная часть представителей этнических сообществ проживала малыми группами от нескольких десятков до нескольких сотен человек, которые к тому же были вкраплены в состав русских по этническому составу населенных пунктов. В некоторых случаях бок о бок проживали представители различных этнических групп, которые были связаны между собой не только культурно-религиозными связями, как например татары и туркмены, но и хозяйственными отношениями, в том числе арендой земли, торговлей и т.д.

В случае невозможности создания самостоятельного национального сельсовета рекомендовалось создавать так называемые смешанные национальные сельсоветы путем ввода в их состав представителей этнических сообществ пропорционально их численности [6, л. 108–109].

Краевыми партийными органами предписывалось «при пере выборах и до выборах сельсоветов вводить в аппараты их представителей нацмен, приближая аппараты к тем национальностям, которые составляют большинство... В тех же районах, где имеется компактная масса той или другой национальности, обеспечить достаточное представительство этой национальности во всех исполкомах, парткомах, профорганах и комитетах комсомола» [7, л. 8].

В ряде случаев существование смешанных сельсоветов носило переходной характер до выделения национальных населённых пунктов в качестве самостоятельных национальных сельсоветов. Например, в 1925 г. в Донском округе су-

уществовали три смешанных русско-немецких сельсоветов: Г. Лиманский сельсовет Куцевского района, куда входила колония Ново-Ильевская с 1025 немцами; Алексеевский сельсовет того же района с колонией Мариэнталь, где проживали 614 немцев; Елизаветовский сельсовет с колонией Ольгенфельд и проживавшими в ней 810 немцами [8, л. 6]. Впоследствии указанные колонии были выделены в отдельные немецкие сельсоветы, чему способствовала численность и компактный характер проживания немецкого населения.

В конечном формате смешанные сельсоветы создавались в том случае, когда образование национальных сельсоветов были физически невозможным по причине малочисленности этнических сообществ и их разбросанности, поскольку даже во многих национальных сельсоветах значительную часть населения составляли русские. Характерным примером являлось выделение смешанных по национальному составу сельсоветов в Терском и Ставропольском округах. Всего по Терскому округу насчитывалось 254 украинских, 56 немецких, 27 осетинских, 10 кабардинских, 8 болгарских, 4 калмыцких, 3 армянских, 2 ногайских, 2 грузинских, 2 туркмено-татарских и по одному польскому, горско-еврейскому и чеченскому населённым пунктам [9, л. 35]. Многие населённые пункты представляли собой небольшие хутора численностью несколько десятков человек, которые были окружены такими же национальными или русскими населёнными пунктами. Зачастую смешанные сельсоветы представляли собой конгломерат сразу нескольких этносов, например, украинско-калмыцкие, украинско-немецкие сельсоветы.

Таблица 1

Смешанные сельсоветы в Терском округе [9, л. 35]

Название сельсовета	Район	Национальный состав
Русский	Моздокский район	Русско-осетинский
Гражданский	Ессентукский	Русско-армянский
Левокумский	Минераловодский	Украино-немецкий
Прикумский	-//-	-/-
Колтуновский	Георгиевский	-//-
Марьяновский	Степновский	Русско-немецкий
Стародубский	Воронцово-Алекс.	-//-
Величаевский	Прикумский	Украино-калмыцкий
Ростовановский	Прохладненский	Русско-немецкий

Смешанные сельсоветы существовали и в других округах Северо-Кавказского края. Так, в Виоделенском районе Ставропольского округа функционировал Софиевский сельсовет, куда входил немецкий хутор Ерохинский; а также Лиманский сельсовет, куда был включен немецкий хутор Еримизин [10, л. 38].

Создание национальных смешанных сельсоветов в 1920-е гг. позволило охватить значительную часть проживавших в Северо-Кавказском крае этнических сообществ, отличавшихся дисперсным характером расселения, а также обеспечить проведение коренизации советских и хозяйственных аппаратов в полиэтничных сельских районах.

Список литературы

1. Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг. Ростов н/Д, 2010.
2. О выделении национальных сельсоветов. Центральным исполнительным комитетам автономных республик, краевым, областным и губернским исполнительным комитетам (ВЦИК, 29 апреля 1926 г.) // Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР: Систематический сборник действующих актов правительства Союза ССР и РСФСР по делам национальностей РСФСР (Октябрь 1917 г. – ноябрь 1927 г.). М.; Л., 1928.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р – 3758. Оп. 1. Д. 128.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р – 1235. Оп. 120. Д. 72.
5. ГАРО. Ф. Р–1798. Оп. 1. Д. 941.
6. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р – 1161. Оп. 1. Д. 1749.
7. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 165.
8. ГАРО. Ф. Р–1798. Оп. 1. Д. 968.
9. ГАСК. Ф. Р–1161. Оп. 1. Д. 956.
10. ГАСК. Ф. Р–299. Оп. 1. Д. 784.

И.Ю. Васильев

УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВА НА ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КУБАНИ В 1920-Е – 1930-Е ГГ.

В 1920-х – начале 1930-х гг. советская власть в кубанских станицах и на прилегающих к ним территориях целенаправленно формировала для себя разнообразную базу сторонников из числа бедных слоёв станичного населения, приезжих, национальных меньшинств, женщин и пр. А в середине и во второй половине 1930-х годов власть переходит к жёсткому централизованному и непосредственному руководству всеми сферами общества. В небывалых до того времени масштабах она начала целенаправленно формировать социальную и культурную жизнь людей, саму повседневность.

Ключевые слова: Советская власть, государственная политика, женское движение, коренизация, коллективизация, сельские клубы, радио, комсомол.

I.Yu. Vasiliev

STRENGTHENING THE INFLUENCE OF THE STATE ON THE LIFE OF SOCIETY IN THE TERRITORY OF THE KUBAN IN THE 1920S – 1930S

In the 1920s – early 1930s. the Soviet government in the Kuban villages and in the territories adjacent to them purposefully formed for itself a diverse base of supporters from among the poor strata of the village population, visitors, national minorities, women, etc. And in the middle and in the second half of the 1930s, power passes to a rigid centralized and direct leadership of all spheres of society. On an unprecedented scale until then, it began to purposefully shape the social and cultural life of people, the everyday life.

Keywords: Soviet power, state policy, women's movement, indigenization, collectivization, village clubs, radio, Komsomol.

1920-е – 1930-е гг. стали временем постоянного усиления воздействия государства на жизнь социума. Тематике взаимоотношений советской власти и общества посвящено немало научных трудов. В частности, посвящённых советской

повседневности. Здесь необходимо упомянуть книгу И.Б. Орлова «Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления», где показан основной срез междисциплинарного взаимодействия при изучении повседневности (социология – история), даны специфика советской повседневности и особенности её изучения на примере конкретных субдисциплин, инструментарий которых используется для изучения истории повседневности (например, устная история), а также в которой можно найти очерки о конкретных сферах советской повседневности, таких как семейная жизнь, туризм, сфера услуг и некоторых других [1].

В работе Н.Б. Лебиной «Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю» основное внимание уделяется непосредственному и символическому воздействию государственной политики на наиболее значимые аспекты повседневности, такие как питание, а также различным вариантам реакции людей на вторжение государственной политики в их повседневную жизнь [2].

Ликвидация досоветского уклада и формирование нового в коллективной монографии «Повседневный мир советского человека 1920-х – 1940-х годов: Жизнь в условиях социалистической трансформации». В ней были преимущественно использованы материалы Юга России [3].

Этническая составляющая укрепления советского строя на Кубани отражена в работах историка и политолога А.В. Баранова [4]. В последние несколько десятилетий специфика довоенного колхоза, колхозной повседневности того времени получила освещение в ряде исследований. Например, в работах М.А. Гадицкой [5].

Советская власть сразу же после своего окончательного установления на Кубани в 1920-м г. начала гораздо более активно вмешиваться в хозяйственную и повседневную жизнь, чем царская (белогвардейская). В 1924 г. местные партийные органы добивались проведения в жизнь льгот беднякам, например, при землеустройстве и налогообложении.

Но в первой половине 1920-х гг. идеологические принципы использовались в отношении хозяйственных вопросов осторожно. Большевики последовательно создавали базу своих сторонников. В станицах проводилась программа привлечения бедняков в партию, агитации среди середняков. К 1925 г. появилась сеть первых комсомольских ячеек. Больше всего их было на важных железнодорожных станциях. Например, на станции Тихорецкой в начале 1930-х гг. уже было 57 членов и кандидатов в члены ВКП(б), около 200 комсомольцев.

Целенаправленная работа проводилась и с женщинами: власть полагалась, прежде всего, на так называемых активисток. Целью работы с женщинами было их вовлечение в производство и политику. Женщин власть стремилась вырвать из круга семейных традиций, и активистки должны были влиять на остальных женщин. «Женское движение» часто вызывало бурный протест у членов семей активисток. В 1927 г. в г. Темрюке муж и свекровь не давали невестке (и жене) идти на городское женское собрание. Они закрыли её в доме. Но женщина с маленьким ребёнком выпрыгнула в окно и пошла на собрание. По воспоминаниям

Е.А. Дворниковой, активистки женского движения: «Почти ежедневные совещания, конференции, на которые нередко врываются мужья и с кулаками бросались на жён». Женщины – активистки, члены женсоветов, делегатки в значительной степени занимались помощью коммунистам и комсомольцам – мужчинам (например, в организации буфетов во время агитационных мероприятий и пр.).

Типичной активисткой была мать известной артистки Нонны Мордюковой Ирина Заиковская, дочь иногороднего бедняка, начавшая карьеру бойкой председательницей комсомольской ячейки с преимущественно девичьим составом в ст. Старощербиновской. Там она проявила лидерские качества, активность. После её постоянно назначали председателем различных отстающих колхозов в период колхозного строительства в 1930-е гг. Ирина Петровна была главой семьи уже при живом муже, с которым она позже расстались, свою жизнь на селе обустроивала по городским канонам. При этом в целом круг «советских феминисток» был весьма узок.

Партийные органы уделяли внимание и развитию местной инфраструктуры. В 1926 г. в ст. Некрасовской состоялось открытие агропункта, развитие особого хозяйства сельсовета, общества Красного Креста [6].

Постепенно росло влияние партийных органов. В 1926 г. в ст. Воронежской было 8 членов партии, 18 кандидатов в члены, в том числе 2 женщины. Одновременно с ростом влияния в станице партийных органов нарастала вражда «кулацкого актива» и коммунистов. «Кулаки» активно влияли и на бедняков [7].

В ходе создания базы сторонников в 1920-х – начале 1930-х гг. советская власть предоставила некоторые привилегии представителям различных народов. Например, в ходе коренизации (предоставление дополнительных возможностей для осуществления самоуправления, карьерного роста и получения образования для представителей различных народов в 1920-х – начале 1930-х гг.) на территории Усть-Лабинского и Кропоткинского районов был создан немецкий национальный район с центром в селе Ванновское (Ванновка). Немцы составляли 44,56% населения района, когда как восточные славяне – 53,8%. К середине 1930-х гг. коренизация была свёрнута [8].

Изменения в общественно-политической жизни серьёзно сказались на специфике хозяйствования. Как уже упоминалось, после окончания Гражданской войны специфика землепользования менялась быстро и неоднократно. С начала 1920-х гг. землю для индивидуальных крестьянских хозяйств стали делить на представителей всех сословий и независимо от пола членов семьи, «по едокам». «...Три сестры, мать – четверо. И их двое. Шесть человек семья была. И было двенадцать гектар. По два гектара давали на человека. Пять или шесть лет пользовались, уже стали хорошо жить» [9].

Одновременно в начале 1920-х гг. создавались сильно идеологизированные коммуны (в станице Воронежской Усть-Лабинского района – им. Д. Бедного, им. 3-го Интернационала). На хуторе 3-я Речка Кочеты (Усть-Лабинский район) в начале 1920-х гг. работала коммуна им. С.М. Буденного. В середине и в конце 1920-х гг. стали создаваться объединения хлеборобов, более ориентированные

на производство. Это были ТОСы (Товарищества по совместной обработке земли — И.В.) и артели (в ст. Воронежской — «Наш путь», «Красный треугольник»).

Развивалась и потребительская кооперация. В 1924–1925 гг. в ст. Усть-Лабинской действовало общество потребителей «Самопомощь». Оно занималось закупкой для населения продуктов народного потребления, в особенности — продовольствия.

Начиналось и создание колхозов. Так, колхоз «Большевик» (ст. Воронежская) в 1929 г. объединял в этой станице 350 семей (пятую часть населения) [10].

В 1929 г., одновременно с разоблачением так называемой «правой оппозиции», усилилось партийное руководство станичными советами. Дело в том, что зажиточные станичники в условиях давления и низких закупочных цен отказывались в условиях давления сеять хлеб [11].

С конца 1920-х гг. советская власть уже стремилась к коренному изменению экономической основы уклада жизни кубанского села, переводу его на индустриальные рельсы [12]. Первоначально упор делался на регулирование хозяйственной жизни путём кредитования. В сведениях о кредитовании сельхозпроизводителей ст. Некрасовской за 1928–1929 гг. указано, что коллективным хозяйствам была оказана помощь на сумму 51 835 руб., а единоличным — на 28 176, в ст. Усть-Лабинской коллективным хозяйствам оказана помощь на 130 723 руб., а единоличным — на 57 160. Кулаков в Усть-Лабинском районе в 1927 г. было 1650 чел., в 1928-м — 1072; середняков в 1927 г. было 9638 чел., в 1928-м — 9208; бедняков в 1927 г. было 6548 чел.; в 1928-м — 8336 [13]. Начиная с 1930 г. упор был сделан на полную коллективизацию (фактическое огосударствление сельского хозяйства) с централизацией и концентрацией рабочих рук и посадочного материала, семенного фонда. Происходили и другие изменения. Например, в Горячеключевском районе эти процессы сопровождались усилением внимания к табаководству, техническим культурам, раскорчёвкой новых угодий [14].

Однако коллективизация поначалу столкнулась с сопротивлением местных жителей. Иногда (как это было в Горячеключевском районе) участники Гражданской войны в лице как красных, так и белых партизан нередко совместно действовали против мероприятий по коллективизации. Иногда она напрямую воздействовала на решения местных властей. Например, политическое состояние района в 1930 г. было неблагоприятным [15]. Поэтому начиная с 1934 г. выдвигались требования к повышению бдительности местных партийных организаций. В 1935 г. некоторых распоясавшихся во время коллективизации и голода партийцев одёргивали, пресекали их чрезмерную активность [16].

После завершения коллективизации выросло влияние власти на молодёжь и подрастающее поколение. Имела место организация пионерских отрядов и более быстрый рост комсомола. Так, группа пионеров из ст. Ладожской даже выступила на 12-й районной партконференции. Хотя наблюдалась и нелюбовь ряда местных партийных и хозяйственных руководителей к комсомолу и пионерии. Например, в колхозах «Свободный труд» и «Красный форштадт». Одновременно власти занялись механизацией хозяйства, инфраструктуры района. В распоряже-

нии РИК (Районного исполнительного комитета) и Усть-Лабинской МТС (Машино-тракторной станции) имелась автоколонна грузовиков, появлялись и комбайны. Партийная ячейка Некрасовской МТС участвовала в организации ремонта техники и обучении трактористов.

Имело место усиление военной составляющей деятельности местных партийных организаций. Это и подготовка допризывников, и мобилизация лошадей, и постройка аэроклуба. Рабочие и служащие Усть-Лабинской железной дороги им. К.Е. Ворошилова праздновали 25-ю годовщину создания Рабоче-крестьянской красной армии (РККА) вместе с кавалеристами Н-ской части. А в ст. Запорожской местный совет занимался ликвидацией неграмотности призывников 1912 г. рождения. При МТС вводилась должность специального работника по мобилизации, создавались мобилизационные запасы продуктов. Комсомольцы с энтузиазмом занимались военной подготовкой: С.П. Смирнов, например, вспоминал, что мог провести целый рабочий день, не снимая противогаза. Особый упор делался на самокритику, выявление в партийных рядах врагов и вредителей [17]. В то же время появилась сельскохозяйственная техника. Например, в том же 1939 г. в районе числилось 328 тракторов и 94 комбайна [18].

Во второй половине 1930-х гг. казачество начало активно интегрироваться в советское общество. Например, немало казаков предвоенного времени были рады попасть на службу в милиционные кавалерийские части Красной армии. При том что, например, приходилось ездить на бывших своих, а теперь «обобществленных» колхозных лошадях: «Каждый год три раза в лагерь ходили для учений. На учебные сборы. Там бойцы сменялись, переменный состав. Тогда Тимошенко был министром вооружённых сил. В Невинномысске наш полк стоял. Туда приходим – свою одежду скидаем. У старшины была она на складе. Три месяца отбудем в Моздоке. Там учимся три месяца. На железную дорогу погружаемся и едем на Невинку. Форму скидаем, свою одежду получаем и едем домой. На лошадях, но лошади были коллективные, общие наши лошади были. Не то что мои личные. Наши лошади, но их отобрали у нас!». В территориальных кавалерийских частях, расквартированных под ст. Ленинградской, вновь носили казачью форму. «Мама мне пишет «Еля, приезжай, сколько у нас казаков!». В тридцать шестом году тут конница была, казаки! Полна улица! У нас же ж лагерь был! ... Вот я ещё приехала, тут везде конница, в педучилище воинская часть была... Много! Казаки все в форме, красивые!». Особенно активно участвовала в этих процессах часть казачьей молодёжи, стремящейся к социализации и личной самореализации [19].

Менялись условия бытования традиционной культуры, фольклора. Местом времяпровождения молодёжи постепенно становятся основанные новой властью клубы [20]. Их деятельность, например, способствовала популяризации советских праздников, выборов в советы [21]. Появляются «идеологически выверенные» переделки популярных казачьих песен, таких как «Ты Кубань, ты наша Родина». *«Мы - работники счастливы / Нашей Родины святой, / Бьём челом тебе родыма, / До сырой зэмли поклон! / От высокого Казбека, / До каспийских берегов / ...Казаки семьёй колхозную / Честным заняты трудом. / Про свои станции*

вольные, / *Песни звонкие поют*» [22]. В фольклорном репертуаре растёт количество частушек [23]. Исполнение на клубной сцене способствовало упрощению фольклора, сокращению текстов песен, разнообразия репертуара.

Появлялись уличные радиоточки «...которые практически непрерывно транслировали передачи центральной радиостанции, пропагандировавшие новый... песенный репертуар: советские массовые и колхозные песни, исполнявшиеся солистами и народными хорами (например, хором им. М.Е. Пятницкого). Благодаря этому в сознание ... внедрялась принципиально иная музыкально-поэтическая стилистика, причём особой восприимчивостью к ней отличалась сельская молодёжь. Не последнюю роль в изменении культурных ориентиров сыграли и клубные работники, которые также навязывали самодеятельным исполнительским коллективам новый советский репертуар» [24].

В целом к началу сороковых годов советская власть стала основной социальной силой. Что, например, проявилось в быстром росте числа коммунистов. Так, в июле 1938 г. в свиновхозе «Звезда» ряды РКП(б) пополнили 3 чел. К концу 1940 г. в Ленинградском районе было уже 538 коммунистов [25].

В целом в 1920-х – начале 1930-х гг. коммунисты в кубанских станицах и на прилегающих к ним территориях целенаправленно формировала для себя разнообразную базу сторонников из числа бедных слоёв станичного населения, приезжих, национальных меньшинств, женщин и пр.

В середине и во второй половине 1930-х гг. власть переходит к жёсткому централизованному и непосредственному руководству всеми сферами общества. В небывалых до того времени масштабах она начала целенаправленно формировать социальную, экономическую и культурную жизнь людей, саму повседневность.

Список литературы

1. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008.
2. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.
3. Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920-х – 1940-х годов: Жизнь в условиях социалистической трансформации. Ростов н/Д, 2011.
4. Баранов А.В. Демографическое эхо войн 1914–1922 годов: украинский фактор в социальном и политическом развитии Юга России первой трети XX в. // Великая Отечественная война в контексте истории XX в. Краснодар, 2005. С. 17; Баранов А.В. Особенности формирования украинской историографии нацистроительства и этнического самосознания в конце XX – начале XXI вв. // Вопросы национальной историографии и народных исторических представлений славян и их соседей. Краснодар, 2013.
5. Гадицкая М.А. «Котёл ударника»: об иерархии потребления в колхозной деревне (на материалах Юга России 1930-х гг.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kotel-udarnika-ob-ier-arhii-potrebleniya-v-kolhoznoy-derevne-na-materialah-yuga-rossii-1930-h-godov/viewer> (дата обращения: 12.01.2020); Гадицкая М.А. Полевой быт сельских механизаторов Юга России в 1930-е гг. // Власть. 2013. Т. 21, № 9. С. 172–176.
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1471. Оп. 1. Д. 141. Л. 1; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 110. Л. 3; Котенко Е. Наша Нонна // Родная Кубань. Краснодар, 2016. № 2. С. 104–105; Государственный архив Краснодарского края

(ГАКК). Ф. Р–411. Оп. 2. Д. 439. Л. 31, 45; Смирнов С.П. Круги памяти. Воспоминания о станции Отрадной и отрадненцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная. 2018. С. 57; Котенко Е. Наша Нонна // Родная Кубань. 2016. № 2. С 107; Смирнов С.П. Круги памяти. Воспоминания о станции Отрадной и отрадненцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная, 2018. С. 92.

7. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 155. Л. 1, 2; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 138. Л. 21, 25, 26; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 161. Л. 3; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 134. Л. 3.

8. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 251. Л. 6; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 184. Л. 6; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 184. Л. 8; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 184. Л. 1, 2; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 200. Л. 1, 1 об, 2.

9. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее – ПМ КФЭЭ) 2008 года (-2008). Аудиокассета (далее — а\к) 4091, станция (далее – ст.) Некрасовская. Информант (далее – Инф.): Бондарев Н.П, 1924 г.р. Исследователь (далее – Иссл.): Матвеев О.В.

10. Буденновцы // Сельская новь. 1964. № 133. 7 ноября. С. 3–4; Сылко С.В. 200 лет станции Воронежской. Хронология, факты, события, комментарии. Майкоп, 2004. С. 157; ГАКК. Ф. Р–245. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–22; Забазнов А.Н., Савенко М. Усть-Лабинск: историко-краеведческие очерки. Краснодар, 2015. С. 85, 87.

11. Забазнов А.Н. Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794–2000 гг. Усть-Лабинск, 2010. С. 96; Сылко С.В. 200 лет станции Воронежской. Хронология, факты, события, комментарии. Майкоп, 2004. С. 158; Приходько Е.И. История создания и развития районной газеты «Красный табаквод» (Горячключевской район, Краснодарский край). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sozdaniya-i-razvitiya-rayonnoy-gazety-krasnyu-tabakovod-goryacheklyuchevskoy-rayon-krasnodarskiy-kray> (дата обращения: 02.02.2019).

12. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 110. Л. 3.

13. Приходько Е.И. История создания и развития районной газеты «Красный табаквод» (Горячключевской район, Краснодарский край). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sozdaniya-i-razvitiya-rayonnoy-gazety-krasnyu-tabakovod-goryacheklyuchevskoy-rayon-krasnodarskiy-kray> (дата обращения: 02.02.2019).

14. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 155. Л. 1, 2; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 138. Л. 21, 25, 25; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 161. Л. 3; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 134. Л. 3.

16. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 251. Л. 6; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 184. Л. 6; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 184. Л. 8; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 184. Л. 1,2; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 200. Л. 1, 1 об, 2.

17. ГАКК. Ф. Р–586. Оп. 1. Д. 657. Л. 3, 6; ГАКК. Ф. Р–586. Оп. 1. Д. 654. Л. 15–16; Смирнов С.П. Круги памяти. Воспоминания о станции Отрадной и отрадненцах 1920-х – 1930-х годов. Отрадная, 2018. С. 25.

18. ЦДНИКК. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 46. Л. 1; ЦДНИКК. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 72. Л. 2.

19. ПМ КФЭЭ-1996. А/К 1073. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: Онищенко Г.Т., 1909 г. р. Иссл.: Матвеев О.В.; Казанков В.И. «Привет из Ломжы». История одной старой открытки // Отрадненские историко- краеведческие чтения. Армавир – Отрадная, 2017. Вып. V. С. 123–125; 133– 134 – с. 1; ПМ КФЭЭ-1993. а/к 398. ст. Ленинградская. Ленинградский р-н. Инф.: Пручай Е.И., 1918 г.р. м.к. Иссл-ли: Буланкин А.А., Бабицкий В.В., Бутко Е.А.

20. ПМ КФЭЭ — 1993. а/к 388. Ст. Ленинградская. Ленинградский р-н. Инф.: Данилова В.П., 1928 г.р., м.к. Иссл-ли: Гордовская Т.Н., Коваленко Л.В.

21. ПМ КФЭЭ — 1993. а/к 384. Ст. Ленинградская. Ленинградский р-н. Инф.: Лыхварь С.В., 1938 г.р; Карпенко В.П., 1935 г.р. Иссл.: Жиганова С.А.

22. ПМ КФЭЭ — 1993. а/к 388. Ст. Ленинградская. Ленинградский р-н. Инф.: Данилова В.П., 1928 г.р., м.к. Иссл-ли: Гордовская Т.Н., Коваленко Л.В.

23. ПМ КФЭЭ-1992. а/к № 395. ст. Ленинградская. Ленинградский р-н. Инф-ты.: ф/к районного дома культуры Ленинградского района. Иссл-ли.: Бондарь Н.И., Буланкин А.А., Бабицкий В.В.

24. Дорохова Е.А., Пашина О.А. Русская народная культура в XX в.: устные свидетельства сельских жителей (по материалам фольклорных экспедиций) // Studia Litterarum. 2017. № 4. С. 351–352.

25. ЦДНИКК. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 107. Л. 1; ЦДНИКК. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 110. Л. 2.

Ю.Е. Слон

СТАНОВЛЕНИЕ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА КУБАНИ В 1920-Е ГОДЫ

В статье рассматривается создание комсомольской организации на Кубани в конкретных условиях 1920-х годов. На основе документальных свидетельств анализируются мероприятия, а также опыт работы комсомольской ячейки станицы Уманской. Цель данной статьи обусловлена необходимостью изучения истории комсомола на основе принципов объективности и достоверности.

Ключевые слова: комсомольская организация, Кубань, комсомольцы, история.

Y.E. Slon

FORMATION OF THE KOMSOMOL ORGANIZATION IN THE KUBAN IN THE 1920S

The article discusses the creation of a Komsomol organization in the Kuban in the specific conditions of the 1920s. On the basis of documentary evidence, the events are analyzed, as well as the experience of the Komsomol cell of the village of Umanskaya. The purpose of this article is due to the need to study the history of the Komsomol on the basis of the principles of objectivity and reliability.

Key words: Komsomol organization, Kuban, Komsomol members, history.

Комсомольская организация – уникальное явление отечественной истории, природа и сущность которого выяснены далеко не до конца. Необходимо всесторонне и объективно проанализировать опыт работы комсомола на различных направлениях, его историко-документальную базу и творчески использовать их в новых условиях.

Появление Советского государства сопровождалось созданием общественно-политических молодежных организаций, роль которых заключалась в воспитании подрастающего поколения. Одной из первоочередных задач стало создание «нового» советского человека, свободного от предрассудков прошлого. Наиболее многочисленной и хорошо организованной стал Российский Коммунистический союз молодежи, с 1924 г. Ленинский РЛКСМ. В 1926 г., переименованный во Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ) [1]. Учреждение комсомольской организации, с точки зрения советской правящей элиты, изначально подразумевалось, как «один из рычагов грандиозной машины» [2] с целью построения нового типа общества. «В деревне организации РКСМ должны явиться одним из главнейших опорных пунктов партии и Советской власти» [3]. Но правительство столкнулось с серьезными проблемами: невысокий уровень грамотности, сильное влияние казачьих и национальных традиций, а также преступность, алкоголизм и проституция, вызванные безработицей. Именно эти проблемы и призван был решить ВЛКСМ [4].

Комсомольская организация на Кубани создавалась в сложной социальной ситуации. Переход к новой экономической политике обострил, и так непростую ситуацию после Гражданской войны. В указанный период по стране в городах было зарегистрировано около 2 млн. человек, не имевших постоянной работы, а в 1921 г. городах Кубани и Черноморья насчитывалось около 72 693 чел. безработных, в 1922 эта цифра выросла до 82 344 чел. [5]. В металлургической и швейной промышленности количество безработных росло за счет ликвидации учреждений. Работники умственного труда и чернорабочие составляли 50% всех безработных, 47% безработных давали женщины. Средняя продолжительность безработицы по всем профессиональным группам определялась в 5,2 месяца. Причём время пребывания на учете биржи труда у женщин было гораздо более продолжительным, чем у мужчин. Длительность на бирже труда краснодарского безработного была в 2 раза выше, чем, например, петроградского. Свыше 50% безработных составляли две возрастные группы: 21–30 и 31–40 лет. Несмотря на проблему нехватки рабочих мест, весьма распространены были случаи отказа безработных от предлагаемой им работы с низкой оплатой в 25–30 руб. Люди хотели получить работу с большей оплатой, которая позволила бы содержать семью [6]. Учитывая общую тенденцию роста безработицы, комитет биржи труда предпринимал ряд мер для оказания помощи безработным. Среди них были: организация общественных работ, борьба с вольным наймом, расширение материальной помощи безработным, организация столовых, общежитий (в Краснодаре, Новороссийске, Армавире), выплата пособий [7]. Однако право на их получение имели только лица, до этого уже работавшие и не имевшие других средств к существованию. Выплаты при длительной нетрудоспособности зависели от стажа работы. Первоначально они предоставлялись только инвалидам, к которым относились и нетрудоспособные по возрасту [8]. В итоге постоянно увеличивающееся количество безработных обостряло многие социальные проблемы. Данные Кубанской статистики свидетельствуют о том, что (к 1924 г.) имущественные преступления составили наибольший процент (56%) от общего количества правонарушений, 27% дала группа преступлений против порядка управления. По имущественным преступлениям подавляющее большинство было осуждено за кражу, разбой, грабежи и укрывание краденного. По преступлениям против порядка управления наибольшее число осуждалось за приготовление и сбыт спиртных напитков. Таким образом, в условиях Кубани, наиболее распространенными преступлениями являлись кражи, разбои и аракочварение. Имущественные преступления, диктуемые нуждой, вообще увеличивались количественно в зимние месяцы каждого года и в предурожайные месяцы: март, апрель, май, июнь. Наибольшее количество преступлений совершалось в возрасте 20–24 лет, затем 25–29 и 30–39 лет, т.е. как раз в наиболее работоспособных группах, дающих одновременно наибольший процент безработных [9].

Стоит отметить, на Кубани из-за вышеуказанных причин и в условиях Гражданской войны, создание комсомола немного затянулось и вообще началось позже, нежели в регионах Центральной России. Кроме того, сам процесс создания в сельской местности не всегда имел организованный характер: «Как везде

и всюду, начали с места в карьер. Собирались группа самых смелых и решительных, в то же время самых безалаберных парней. К ним примыкали остальные. Выбирали, по обыкновению, инициатора ответственным секретарем, намечали лучший дом в станице (дом попа, торговца), объявляли его комсомольским клубом, сносили туда мягкую мебель, ковры и непременно пианино...» [10].

Днем рождения комсомолии Кубани считается 1 августа 1920 г., когда в Екатеринодаре состоялся I Кубано-Черноморский съезд РКСМ. Незадолго до этого 28 марта 1920 г. было оформлено создание Екатеринодарской городской комсомольской организации, а вслед за этим такие организации были созданы и в других городах и станицах Кубани. 3 апреля 1920 г. для руководства комсомольскими организациями Кубано-Черноморской области было создано оргбюро обкома комсомола. Комсомольцы под руководством партийных и советских органов решали насущные задачи: боролись с белыми бандами, организовывали субботники, добывали топливо, продовольствие, распахивали заросшие поля, восстанавливали заводы и транспорт.

Так, спустя три месяца после утверждения Советской власти на Кубани, в ст. Уманской (ныне Ленинградской) была создана одна из первых ячеек РКСМ. В архивном отделе станицы Ленинградской сохранились воспоминания первых комсомольцев станицы. Артем Прокофьевич Рыжонков вспоминал: «15 июля 1920 года нарочный обскакал на лошади все кварталы станицы и объявил, что в женской гимназии состоится собрание молодежи, на котором будет создана ячейка Российского коммунистического Союза молодежи. Нас молодежь, родители не отпускали на собрание, так как боялись всего нового. Но к вечеру, возле гимназии яблоку негде было упасть. Пришли бедняки и сынки богачей и кулаков» [11]. Власть проявляла заботу о комсомольцах. В станице Уманской под ячейку выделили лучшее здание станицы – дом бывшего атамана Ейского отдела генерала Кокунько. В числе первых мероприятий станичных комсомольцев была организация первых субботников по благоустройству станицы. По свидетельству А.П. Рыжонкова, за два месяца работы комсомольская ячейка увеличилась с 20 до 75 чел. [12].

В чрезвычайной обстановке Гражданской войны и «военного коммунизма» появилась необходимость в создании идеологической основы нового государственного строя. В деятельности комсомола это привело к появлению показательно романтизированных форм борьбы с религиозным влиянием – комсомольских карнавалов на православные Рождество и Пасху, их аналогам в национальных районах. Деятельность комсомола была в основном нацелена на дискредитацию религиозных институтов и священнослужителей. В значительной степени властью были использованы молодежная тяга к развлечениям и озорству. Участие комсомола в борьбе с религией достигло наивысшей точки активности.

Кроме того, активное участие комсомол принимал в образовании и воспитании подрастающего поколения, организовывая ликбезы для населения. Перед комсомольской молодежью ставились задачи, требовавшие образованных специалистов, которая должны создавать будущее собственными руками.

После гражданской войны остро возникла проблема сиротства и безнадзорности. В станице Уманской, при содействии комсомольцев открылся детский дом. Ячейка взяла над ним шефство, отправляя воспитателями лучших ее представителей. Эту работу юноши и девушки выполняли под руководством Д.П. Жлобы. Именно Д.П. Жлоба инициировал организацию из бывших беспризорников детского духового оркестра под руководством известного музыканта Я.А. Белозорцева. Это был первый в стране Советов детский музыкальный коллектив [13].

Власть осознавала, что молодежь, составляя значительную часть населения, своей трудовой и политической активностью способна оказать серьезное содействие реализации стратегического курса государства. Именно от социализации молодежи во многом зависело, насколько рационально будут использованы потенциальные возможности советского общества и государства. Учитывалось и то, что именно молодежи наиболее присуще стремление к творчеству, новаторству, а, значит, ее легче перевоспитать, повернуть от религиозных к новым идеалам.

Массовость, многообразие направлений и форм деятельности комсомольской организации предопределили влияние комсомола на повседневную жизнь всего общества. Опыт коммунистического союза молодежи может быть востребован и современными общественными объединениями молодежи, государственными структурами, претворяющими в жизнь молодежную политику Российской Федерации.

Список литературы

1. Оконов Б.А. Комсомол национальных автономий юга России в борьбе за права женщин (1920-е годы) // Новый исторический вестник. 2019. № 60 (2). С. 62–75.
2. Комсомол в деревне: очерки / под ред. В.Г. Тана-Богораза. М., 1926. С. 7.
3. По вопросу РКСМ: резолюция XI съезда РКП(б), март-апрель 1922 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Ч. I. 1898–1925. С. 641.
4. Комсомол в деревне: очерки / под ред. В.Г. Тана-Богораза. М., 1926. С. 177.
5. Герцензон А. А. Преступность и алкоголизм в РСФСР. М., 1930.
6. Голосенко И.А. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб., 1998.
7. Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия. М., 1982.
8. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX в.). СПб., 2000.
9. Нежигай Э.Н. К проблеме девиантного поведения. Исторический аспект (На примере Кубано-Черноморских городов в 20-е годы XX века) // Вестник Академии знаний. 2013. № 4 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-deviantnogo-povedeniya-istoricheskiy-aspekt-na-primere-kubano-chernomorskih-gorodov-v-20-e-gody-xx-veka> (дата обращения: 12.04.2021).
10. Комсомол в деревне: очерки / под ред. В.Г. Тана-Богораза. М., 1926. С. 177.
11. Архивный отдел МО ст. Ленинградская. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 16. Л. 7.
12. Там же Л. 8.
13. Там же Л. 8 об.

Р.Ю. Басте

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ АДЫГЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СОВЕТИЗАЦИИ

В статье представлен анализ деятельности Советов депутатов трудящихся Адыгейской автономной области в послереволюционный период. Характеризуется взаимодействие областных и краевых управленческих структур, таких как Краевой исполнительный комитет и Адыгейский областной исполнительный комитет. Анализируется деятельность постоянных комиссий Областного совета депутатов трудящихся в направлении организационного вовлечения депутатов в работу областного Совета. Дается характеристика административно-территориальным преобразованиям в Адыгейской автономной области в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Советы депутатов трудящихся, областной исполнительный комитет, постоянные комиссии, Адыгейская автономная область, общенародное дело, административно-территориальное деление, партийное руководство, хозяйственная деятельность, управление.

R.Yu. Baste

MANAGEMENT STRUCTURES OF THE ADYGEA AUTONOMOUS REGION IN THE CONDITIONS OF SOVETIZATION

This article presents an analysis of the activities of the Councils of Workers' Deputies of the Adyghe Autonomous Region in the post-revolutionary period. The interaction of regional and regional administrative structures, such as the Regional Executive Committee and the Adyghe Regional Executive Committee, is characterized. The article analyzes the activities of the permanent commissions of the Regional Council of Workers' Deputies in the direction of organizational involvement of deputies in the work of the regional Council. The article describes the administrative-territorial transformation in the Adyghe Autonomous Region during the period under review.

Keywords: Councils of Workers' Deputies, regional executive committee, permanent commissions, Adyghe Autonomous Region, national affairs, administrative-territorial division, party leadership, economic activity, management.

Политические, экономические и иные отношения между национальностями в советском государстве, сложившемся после Октябрьской революции, определялись ленинской национальной политикой дружбы народов, а не численностью каждой нации или уровнем социально-экономического и культурного развития. Являясь наиболее многонациональным из всех государств мира, такого рода политика нашла свое отражение в истории образования автономных областей РСФСР.

27 июля 1922 г. Президиум ВЦИК принял решение – выделить из Краснодарского и Майкопского отделов Кубано-Черноморской области территорию, населенную черкесами (адыгейцами), с включением в нее чересполосных селений и хуторов с юртовыми землями и лесами и образовать на ней Черкесскую (Адыгейскую) автономную область [1].

Постановлением Президиума ВЦИК от 24 августа 1922 г. Черкесская (Адыгейская) автономная область была переименована в Адыгейскую (Черкесскую) автономную область. В связи с проведением районирования Юго-Востока в соответствии с Постановлением Президиума ВЦИК от 2 июня 1924 г. и ликвида-

цией Кубано-Черноморской области, Адыгейская (Черкесская) автономная область вошла непосредственно сначала в Юго-Восточный, а с 16 октября в Северо-Кавказский край [2].

При разделении Азово-Черноморского края на Ростовскую область и Краснодарский край 13 сентября 1937 г. Адыгейская автономная область вошла в состав Краснодарского края [3].

Органами управления Адыгейской автономной области были: Совет депутатов трудящихся Адыгейской автономной области, его исполнительный комитет, отделы и управления исполнительного комитета [4].

Адыгейская автономная область, как и другие автономные области, отличалась от обычной административно-территориальной области в следующем:

1. Она имела право «на положение об Адыгейской автономной области», учитывающее ее национальные особенности.

2. Адыгейская автономная область была независима в вопросах языка делопроизводства, в органах власти, управления, суда и т.п. Но это не означало какой-либо исключительности адыгейского языка и культуры, так как принцип равноправия национальностей во всех областях государственного, хозяйственного и культурного строительства действовало в Адыгее так же, как и на всей территории СССР.

3. Адыгейская автономная область в отличие от обычной административной области имела право на национальную территорию. Границы автономной области и ее районное деление не устанавливались, как это делалось по отношению к обычной области, а утверждались Верховным Советом СССР. Территория Адыгейской автономной области не могла быть изменена без ее согласия.

4. Существовал особый порядок взаимоотношений между органами государственной власти ААО и центральными органами РСФСР, с одной стороны, и между Адыгейской автономной областью и органами власти Краснодарского края, с другой. Оба эти вопроса регулировались постановлением Президиума ВЦИК и СНК СССР от 29 октября 1928 г. «О взаимоотношениях между областями, вошедшими в состав краевых (областных) объединений и органами краевой (областной) власти» [5].

Все эти перечисленные факторы давали основание утверждать, что Адыгейская автономная область является национально-государственным образованием, а не только административно-территориальной единицей в составе Краснодарского края.

Согласно вышеупомянутому Закону Адыгейский областной исполнительный комитет составлял и утверждал свой хозяйственный план в соответствии с общехозяйственным планом Краснодарского края и представлял крайисполкому для включения областного плана Адыгеи в общекраевой хозяйственный план. Если возникало разногласие по хозяйственному плану между областью и краем, оно разрешалось Советом Министров РСФСР [6].

В случае несогласия Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся с решением Адыгейского областного Совета депутатов трудящихся, то

тот не имел права отменить решение последнего, но мог войти в Президиум Верховного Совета РСФСР с представлением об его отмене [7].

И наоборот, если Адыгейский областной Совет депутатов трудящихся не согласен с решением Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся, касающимся Адыгеи, Облсовет имел право приостановить действие решения Крайсовета на территории Адыгеи с одновременным обжалованием его в Президиум Верховного Совета РСФСР. Решение последнего являлось окончательным.

Местные Советы депутатов трудящихся являлись единственными органами государственной власти на местах. Между центром и местами никаких промежуточных инстанций, в виде особых представителей центра, стоящих над местными органами не было.

Говоря об органах государственной власти автономной области, нужно указать, что Совет депутатов трудящихся ААО являлся местным органом государственной власти и был наделен следующими особыми полномочиями:

1. Принятие и предоставление на утверждение Верховного Совета СССР «Положения об Адыгейской автономной области», учитывающего его национальные особенности.

2. Установление, изменение количества районов ААО и их границы с предоставлением этих вопросов на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР, в то время как границы административной области устанавливались Президиумом Верховного Совета СССР.

3. Утверждение избирательных комиссий по выборам в Совет национальностей от ААО согласно «Положению о выборах в Верховный Совет РСФСР» [8].

Совет депутатов трудящихся ААО и руководимые им районные, городские и сельские Советы депутатов трудящихся входили в единую систему органов власти социалистического государства, основанную на принципе демократического централизма.

Совет депутатов трудящихся руководил культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории. Он устанавливал местный бюджет, обсуждал вопросы, имеющие государственное значение, рассматривал свод государственных расходов и доходов. Он также руководил деятельностью подчиненных ему органов управления, обеспечивал охрану государственного порядка, содействовал усилению обороноспособности страны, обеспечивал соблюдение решений Областного совета депутатов трудящихся автономной области и охрану прав граждан [9].

Порядок работы Совета депутатов трудящихся ААО был сессионный. Сессионный порядок работы и срок созыва сессий определялся Конституцией РСФСР. Все вопросы, рассматриваемые на сессиях, решались открытым голосованием и простым большинством голосов депутатов [10].

На сессиях Областного совета рассматривались наиболее важные вопросы народного хозяйства области. Они широко освещались в местной печати, что должно было придавать гласность работе Областного совета и усиливать контроль со стороны трудящихся области за деятельностью своих депутатов, укрепляло связь Областного совета с народом. Но так было в теории, на практике же

многие вопросы в прессе обходились вниманием, рассказывалось только об успехах и достижениях. О провалах и недостатках говорилось лишь тогда, когда сообщалось о враждебной и террористической деятельности «врагов народа» и шпионов.

Анализ работы сессий Адыгейского областного Совета депутатов трудящихся показывал, что центральное место в ее деятельности занимали вопросы хозяйственного, социального и культурного строительства.

Областной Совет мог рассматривать на своей сессии любой вопрос культурно-политического строительства Адыгеи, заслушивать доклад о деятельности нижестоящих Советов, исполнительного комитета или отдела.

Совет депутатов трудящихся Адыгейской автономной области организовывал постоянные комиссии по любому вопросу своей компетенции, определял на основе общих указаний взаимоотношения этих комиссий с исполнительно-распорядительными органами областного Совета депутатов трудящихся.

Постоянные комиссии Областного совета депутатов трудящихся являлись организационной и действенной формой вовлечения депутатов в работу областного Совета. Постоянные комиссии избирались из числа депутатов областного совета сроком на два года, т.е. на срок его полномочий. Распределение депутатов по постоянным комиссиям происходило с учетом их индивидуального желания, интересов и профессии. Перечень постоянных комиссий определялся областным Советом депутатов трудящихся.

В своей работе постоянные комиссии привлекали представителей общественных организаций, специалистов по соответствующим отраслям хозяйства и культуры, активистов из числа рабочих и служащих. Постоянные комиссии содействовали проведению в жизнь решений Адыгейского областного Совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета, а также вышестоящих государственных органов. В необходимых случаях они вносили свои предложения на рассмотрение Адыгейского областного Совета депутатов трудящихся и Адыгейского областного исполкома, а также по своей инициативе или по поручению областного совета проверяли работу подчиненных Совету предприятий, учреждений и организаций, выявляли вопросы населения и вносили свои предложения на рассмотрение областного Совета.

Постоянные комиссии в своей работе были подотчетны областному совету депутатов трудящихся, т.е. только тому Совету, который их образовал [11].

Таким образом, практическое осуществление функций управления, Конституция СССР возлагала на исполнительно-распорядительные органы. Такими органами являлись, помимо центральных органов исполнительно-распорядительные, органы местных Советов депутатов трудящихся и, в частности исполком Адыгейского областного Совета депутатов трудящихся, который являлся исполнительным и распорядительным органом Адыгейского областного Совета депутатов трудящихся.

Согласно статье 75 Конституции РСФСР исполком областного Совета депутатов трудящихся избирался на первой сессии Адыгейским областным Советом депутатов трудящихся, где и определялся состав областного исполнительного комитета [12].

Выборы же в сельские советы впервые проводились одновременно на всей территории РСФСР. В Адыгее в 1922 г. они осуществлялись уже на основе нового Положения о сельских советах, утвержденного ВЦИКом 25 января 1922 г., согласно которому советы избирались сроком на один год на общем избирательном собрании гражданами аулов и сел, пользовавшимися избирательным правом.

В работе первого съезда Советов, который состоялся с 7 по 10 декабря 1922 г., участвовал 151 делегат, из которых черкесов было 112, коммунистов – 21. На этом съезде были подведены итоги советского строительства в Адыгее и был избран областной исполнительный комитет в составе 29 членов и 8 кандидатов, из них черкесов – 21. Был избран и президиум облисполкома из 7 членов и двух кандидаты, среди которых было 6 черкесов [13].

Областной исполнительный комитет образовывался в следующем составе: председатель облисполкома, его заместитель, секретарь исполкома, члены исполкома [14].

Облисполком подчинялся избравшему его Совету, т.е. Совету депутатов трудящихся ААО, чем обеспечивалась возможность для Адыгейского областного Совета депутатов трудящихся руководить деятельностью облисполкома. Решения исполкома подписывались председателем и секретарем Адыгейского облисполкома. В работе Адыгейского облисполкома принимали участие начальники управлений, заведующие отделами, а также приглашенные лица. Для решения наиболее важных для области вопросов созывались расширенные заседания. В этих заседаниях принимали участие, кроме членов облисполкома, председатели районных исполнительных комитетов и представители областного профессионального союза [15].

К предметам ведения Адыгейского областного исполнительного комитета относились:

1. Осуществление руководства культурно-политическим и хозяйственным строительством на территории Адыгейской автономной области на основе решений областного Совета депутатов трудящихся и вышестоящих государственных органов.

2. Составление и утверждение на сессии Адыгейского областного совета депутатов трудящихся народнохозяйственного плана Адыгеи в соответствии с хозяйственным планом Краснодарского края и представления его крайисполкому для включения в обще краевой хозяйственный план. Разногласия по хозяйственному плану между Адыгейской автономной областью и Краснодарским краем разрешались Советом Министров РСФСР.

3. Облисполком в области сельского хозяйства был наделен всеми функциями, которыми обладала обычная административная область, с тем исключением, что свой сельскохозяйственный план он согласовывает с Краснодарским

крайисполкомом, так как сельскохозяйственный план автономной области являлся частью обще краевого сельскохозяйственного плана.

4. Исполком Адыгейского областного совета депутатов трудящихся осуществлял общее руководство финансовой работой в соответствии с существующими законоположениями. Принимал меры к поступлению государственных и местных налогов и сборов, сложений недоимок и освобождения отдельных групп маломощных плательщиков от налогов в пределах прав, предусмотренных законом. Он разрабатывал перечень местных налогов и сборов, подлежащих введению в ААО и выносил их на утверждение сессий Адыгейского областного совета депутатов трудящихся. Адыгблсполкому предоставлялось право составления и предварительного рассмотрения областных смет доходов и расходов по всем подведомственным ему учреждениям и предприятиям. Он давал заключения по сметам учреждений, состоящих на госбюджете и неподведомственных облисполкому, а также составлял сводки государственных доходов и расходов по сметам областных учреждений, наблюдал за исполнением государственного бюджета и представлял на сессию Адыгблсовета депутатов трудящихся годовой отчет по исполнению госбюджета в области.

В области финансово-налоговой работы областные органы Адыгеи подчинялись директивам центральных органов, а также Краснодарскому крайисполкому. В области местного бюджета программу и план своих работ Адыгблсполком согласовывал с Краснодарским крайисполкомом [16].

В области советского строительства к предметам ведения Адыгблсполкома относились:

1. Установление и изменение сроков выборов районных и аульских Советов, руководство и наблюдение за своевременным проведением последних, а также за созывами районных сессий депутатов трудящихся на территории ААО.

2. Руководство и инструктирование нижестоящих исполкомов по вопросам советского строительства.

3. Непосредственная связь с высшими органами власти РСФСР и органами Краснодарского края по вопросам, касающимся ААО, и командирования на заседания Совета Министров РСФСР или исполкома Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся докладчиков по делам ААО.

4. Разработка законодательных предложений, касающихся автономной области и вхождения с ходатайством в Президиум Верховного Совета РСФСР, с одновременным уведомлением об этом Краснодарского крайисполкома, об изменении существующих законоположений в целях приспособления их к бытовым и культурно-национальным условиям ААО.

5. Издание обязательных решений для ААО.

6. В период между сессиями областного Совета освобождал от должности и назначал на должность руководителей отделов и управлений с последующим внесением на утверждение областного Совета депутатов трудящихся автономной области.

7. Рассмотрение и разрешение конфликтных вопросов, возникающих между районными исполнительными комитетами и отделами Адыгейского исполнительного комитета.

Отделы и управления Адыгоблисполкома находились в двойном подчинении, т.е. они в своей деятельности были подчинены как Адыгейскому областному Совету депутатов трудящихся, так и его исполнительному комитету. Кроме того, они подчинены и соответствующему министерству РСФСР [17].

Еще следует отметить, что отделы и управления Адыгоблисполкома выполняли также указания соответствующих отделов Краснодарского крайисполкома. Но в своей работе они могли приостанавливать под свою ответственность спорные распоряжения отделов и управлений Крайисполкома и представлять их на разрешение в соответствующее министерство РСФСР.

Таким образом, практика социалистического строительства в Адыгее подтвердила, что Советская автономия призвана была способствовать ликвидации фактического неравенства, которое существовало в прошлом у отсталых и угнетенных народов. Главным условием успешного решения стоявших перед советской властью задач, как говорилось в партийных решениях, оставалось привлечение рабочего населения к управлению, которое давало возможность строить новый государственный аппарат на принципах демократии.

Список литературы

1. Государственное учреждение Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 2. Л. 80.
2. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986. С. 157.
3. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.)... С. 162, 166.
4. Таов М.А. Адыгейская автономная область – советское социалистическое национально-государственное образование // Учёные записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп, 1969. Т. IX. С. 119.
5. Там же. С. 121.
6. Там же.
7. Там же. С. 119.
8. ГУНАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 336. Л. 43, 44.
9. Там же.
10. Таов М.А. Указ. соч. С. 123.
11. ГУНАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 336. Л. 44.
12. Таов М.А. Указ. соч. С. 192.
13. Там же. С. 192.
14. ГУНАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 336. Л. 77.
15. Там же. Л. 46.
16. Там же. Л. 63.
17. Национально-государственное строительство в РФ: Северный Кавказ (1917–1941 гг.) Майкоп, 1995. С. 199.

О.В. Бершадская

**НАСЕЛЕНИЕ ШАПСУГСКОГО РАЙОНА ЧЕРНОМОРСКОГО ОКРУГА
В 1920-Е ГОДЫ: ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

В настоящей работе, хронологические рамки которой охватывают середину 1920-х гг., рассматриваются основные виды хозяйственной деятельности и особенности патриархального уклада жизни шапсугов – основного населения Шапсугского национального района.

Ключевые слова: Шапсугский национальный район, шапсуги, Черноморский округ.

O.V. Bershadskaia

**POPULATION OF THE SHAPSUG DISTRICT OF THE CHORNOMORSKY DISTRICT
IN THE 1920S: ECONOMIC ACTIVITIES AND SOCIAL RELATIONS**

In this work, the chronological framework of which covers the mid-1920s, the main types of economic activity and features of the patriarchal way of life of the Shapsugs – the main population of the Shapsug national district are considered.

Key-words: Shapsug national district, Shapsugs, Black Sea district.

На территории Черноморского побережья Краснодарского края проживают шапсуги, которые имеют статус коренного малочисленного народа. Шапсуги (самоназвание: шапсыг, в переводе – живущие у моря) – народ группы адыгов, численность которого в настоящее время составляет около 4 тыс. чел. [1]. Наша работа посвящена одной из страниц истории шапсугов – проблемам экономического и социального развития Шапсугского национального района (1924–1945) в первые годы его существования.

Ранее шапсуги являлись одной из крупнейших групп причерноморских адыгов. Они активно участвовали в событиях Кавказской войны (1817–1864), после окончания которой большинство шапсугов вместе с другими адыгскими племенами переселились на территорию Османской империи. Оставшиеся горцы жили в аулах, расположенных между Туапсе и Сочи. В 1924 г. на этой территории был образован Шапсугский национальный район с центром в Туапсе, входивший в состав Черноморского округа [2, с. 79]. На тот момент население района насчитывало около 4 тыс. чел., проживающих в 6 аулах общей численностью 600 дворов [3, с. 16].

Вопреки ожиданиям, не все шапсуги приняли эти преобразования. Так, среди жителей аулов Красно-Александровский и Божьи Воды были распространены «автономистские настроения», выразившиеся в категорическом отказе «подчиняться вновь созданному ревкому, игнорируя его распоряжения, и по-прежнему считая себя непосредственно в составе Туапсинского района» [3, с. 67]. Окружные власти видели в этом конфликте классовый подтекст, указывая, что отказ подчиняться Шапсугскому ревкому «является настроением кулацкой части (в том числе торговцев)... и вдохновляется наиболее активными кулацкими вождями». В соответствии с приказом окружного исполкома отменялись все постановления аулов Красно-Александровский и Божьи Воды о неподчинении, в противном случае разрешалось применить «строгие репрессивные

меры» [4, с. 83]. В последующие месяцы шапсугский «вопрос» был одной из важных политических проблем Черноморского округа.

Шапсугский район относился к сельским районам, городских поселений здесь не было. По данным Всесоюзной переписи населения (1926 г.) на его территории проживало 5 409 чел. [5, с. 449–450]. Большинство из них являлось шапсугами – 68,3% [6, с. 315]. Плотность населения составляла 6,4 чел. на кв. км. Средний размер крестьянской семьи был 5,2 чел. [7, с. 95].

Хозяйственная деятельность населения Шапсугского района включала в себя земледелие, скотоводство, а также неземледельческие заработки. Сложный рельеф местности и густая лесная растительность, занимающая значительную часть района, существенно затрудняли ведение сельского хозяйства. Расчищенные от леса земельные угодья распределялись следующим образом: 46,5% обрабатываемой земли приходилось на пашни, 18% занимали сады. Сельскохозяйственное производство было ориентировано на выращивание кукурузы, доля которой составляла 81,5% в общем посеве. В целом земледелие давало 36,2% валового дохода крестьянского хозяйства. В стаде домашнего скота преобладали овцы и козы, общая доля которых составляла 47%. Удельный вес свиней был очень низким – 3,5%, хотя природные условия Шапсугского района благоприятствовали свиноводству – в окрестных лесах было много подножного корма. Но религиозные традиции шапсугов (мусульман-суннитов) запрещают употреблять в пищу свинину. Доход от животноводства составлял 26,4% в общем валовом доходе крестьянских хозяйств. Неземледельческая деятельность, связанная с лесозаготовками и сбором диких фруктов, была характерна для 74% крестьянских хозяйств и давала 37,4% валового дохода. В среднем на один гектар угодий было затрачено 473 рубля капитала, на одно хозяйство – 648 руб. [7, с. 68]. В большинстве хозяйств ежемесячный доход составлял не более 55 руб. на едока [8, с. 19].

У шапсугов сохранялся патриархальный уклад жизни. В социальной иерархии доминировали вертикальные отношения и патрон-клиентские связи. В частности, это выражалось в использовании наемного труда, которое было завуалировано так называемыми «общественными работами». В период сбора урожая кукурузы у зажиточных хозяев работали беднота и молодежь в обмен на угощение и ночлег. Сами бедняки никогда не просили общественной помощи, а наоборот, принимали активное участие в таких работах, потому что «подкармливались» и, оказывая безвозмездную помощь зажиточному хозяину, надеялись на его покровительство [9, с. 107–107 об.].

Уровень грамотности среди шапсугов был одним из самых низких в Черноморском округе – 27%, при этом доля грамотных мужчин составляла 42,7%, женщин – всего лишь 9,6% [6, с. 99–100]. Больше половины детей-черкесов не посещали школу, так как были заняты в домашнем хозяйстве. Самых школ в только что созданном Шапсугском районе было недостаточно, в имеющихся же школах отсутствовала учебная литература на родном языке [9, с. 109–110]. В течение 1924/25 г. по инициативе местных властей в районе проводилась активная культурно-просветительская работа. Были выделены ассигнования на развитие школьного дела, организовывались избы-читальни. Шапсуги охотно посещали

избы-читальни, получая здесь разъяснение советских законов, а также ответы на вопросы по землеустройству и налогообложению. Так как большинство шапсугов были неграмотными, работники читален часто устраивали коллективные читки газет вслух, с последующим переводом на родной язык. В аулах, где культурно-просветительная работа велась подобным образом, отмечался довольно высокий уровень общественно-политической активности шапсугов – они стали вступать в комсомол, принимать участие в работе добровольных обществ, например, МОПР [9, с. 102–104]. В целом эти мероприятия способствовали стабилизации обстановки в районе, и «автономистские» настроения утихли к началу 1926 г.

Список литературы

1. Анчабадзе Ю.Д. Шапсуги // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2020). URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/5603496> (дата обращения: 28.01.2022).
2. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) / сост.: А.С. Азаренкова, И.Ю. Бондарь, Н.С. Вертышева. Краснодар, 1986.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 16. Д. 1002.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 998.
5. ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXII. Занятия. М., 1929.
6. ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. V.
7. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 2443. Оп. 2. Д. 93.
8. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 763.
9. Управление архива муниципального образования город Новороссийск (УАМОГН). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 848.

А.В. Павлова

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ ГОРНЫХ РАБОТ И ГОРНОСПАСАТЕЛЬНОГО ДЕЛА В СССР (1922–1925 гг.)

В статье раскрыты основные этапы формирования системы обеспечения безопасности при ведении горных работ и горноспасательного дела в СССР периода 1922–1925 гг. Доказана роль Донбасса как центра развития данной системы в угледобывающей промышленности СССР.

Ключевые слова: Донбасс; безопасность горных работ; горноспасательное и испытательное дело; восстановление каменноугольной промышленности; охрана труда.

A.V. Pavlova

DEVELOPMENT OF THE SUPPLY SYSTEM MINING SAFETY AND MINE RESCUE IN THE USSR (1922–1925)

The article reveals the main stages in the formation of a security system in the conduct of mining operations and mine rescue in the USSR in the period 1922–1925. The role of Donbass as a center for the development of this system in the coal mining industry of the USSR is proved.

Key-words: Donbass; mining safety; mine rescue and testing; recovery of the coal industry; labor safety.

Одним из самых важных событий в российской истории XX в. является образование в 1922 г. СССР как федеративного государства, построенного на социалистических принципах концептуальной власти. Трудно переоценить влияние данного факта на развитие советской общегосударственной системы обеспечения безопасности при ведении горных работ и горноспасательного дела, особенно в период с 1922 по 1925 гг.

Проблема сохранения исторической памяти и преемственности российской цивилизации в вопросах, касающихся построения основ национальной безопасности, в том числе безопасного ведения подземных работ и спасательного дела в горной промышленности, остаётся актуальной и через 100 лет после образования СССР. Подтверждением тому служит недавняя авария в Кузбассе на шахте «Листвяжная», произошедшая от взрыва метана 25.11.2021 г., в результате которой погибли 52 чел. – 46 горняков и 6 горноспасателей. Особо остро данный вопрос стоит перед спасателями Донецкой Народной Республики, на территории которой не прекращаются обстрелы вооруженными силами Украины наземных сооружений угольных шахт – электростанций, подъемных и вентиляционных стволов, что может привести к массовой гибели людей под землей.

Проблемы развития советской общегосударственной системы обеспечения безопасности горных работ и горноспасательного дела в СССР, в том числе и на Донбасса, не стали темой исследования для отечественных историков. Только в опубликованных мемуарах бывших горноспасателей содержатся упоминания о некоторых эпизодах становления донбасской горноспасательной школы [1; 2].

Научная новизна данного исследования определена самой необходимостью поиска новых исторических источников и выработки теоретических положений на основе научных междисциплинарных связей.

Источниками исследования стали сведения, добытые из материалов Государственного архива ДНР, Научно-технической библиотеки НИИГД «Респирактор» МЧС ДНР, Центральной научно-технической библиотеки ГУ «ИНТИ» (бывшее ЦБНТИ Министерства угольной промышленности СССР), ГУ «Макеевский научно-исследовательский институт по безопасности работ в горной промышленности».

Целью исследования является формирование представления о развитии советской общегосударственной системы обеспечения безопасности при ведении горных работ и горноспасательного дела в 1922–1925 гг. на примере Донбасса.

Вопросы административно-территориального и хозяйственного деления Донецкой губернии наложили свой отпечаток и на организацию системы горноспасательных станций Донбасса: их дислокация и переименование происходило постоянно, вплоть до середины 1922 г., когда в соответствии с новым Положением о горном надзоре в РСФСР, все горноспасательные станции, кроме Центральной Макеевской спасстанции, были подчинены начальникам горных округов, сформированных по принципу промышленного деления [3, с. 165].

Так, в соответствии с архивными данными на конец 1921 г. только в пяти из девяти горных районов Донбасса значились действующими 24 спасательные станции [4]. Система представляла собой организованную структуру, состоящую

из районных и подрайонных станций, охватывающих практически все угольные предприятия Донбасса. Как следует из отчета ЦПКП Донбасса «Статистический обзор за 1921 год» каменный уголь и антрацит добывались в 9 горных районах, а именно, каменный уголь – в Бахмутском, Алмазном, Семейкинском, Енакиевском, Юзовском, Гришинском, Должанско-Калитвенском; антрацит – в Должанско-Калитвенском, Александро-Грушевском, Криндачевском, Семейкинском. Всего за 1921 г. по всем горным районам Донбасса было добыто 330,46 млн. пуд. угля (100%), но большая его часть добывалась в Юзовском – 75,71 млн. пуд. (22,92%), Енакиевском – 53,61 млн. пуд. (16,24%), Алмазном – 37,6 млн. пуд. (11,38%) и Криндачевском – 58,53 млн. пуд. (17,69%). Именно в этих районах расположено наибольшее количество горноспасательных станций; не были охвачены только Должанско-Калитвенский и Семейкинский горные районы [5].

Таким образом, организация сети горноспасательных и испытательных станций в период начала восстановления каменноугольной промышленности Донбасса отставала от темпов роста территории разработки и добычи каменного угля и антрацита, но ее концентрация по принципу расположения самых производительных по добыче угля горных районов и подрайонов Донецкой губернии, была объективно целесообразна.

После переподчинения Центральной Макеевской горноспасательной и испытательной станции напрямую ЦУГН РСФСР, вся структура горноспасательных и испытательных станций Донбасса в соответствии с новым Положением о горном надзоре в РСФСР, утвержденным Президиумом ВСНХ 06.04.1922 г., перешла к местным начальникам горных округов. Горные округа, входившие в состав Донецкой губернии, были в дальнейшем образованы по промышленному делению, а их распределение по округам осуществлялось Украинским Управлением Горного Надзора. На территории УССР, а, по сути, на территории Донбасса, на основании пункта 4 Декрета СНК о Горном Надзоре были установлены 12 горных округов: Бахмутский, Лисичанский, Алмазный, Славяносербский, Должанский, Грушевский, Чистяковский, Криндачевский, Горловский, Макеевский, Юзовский, Гришинский [3, с. 165].

Итогом большой организационной работы советского правительства по приведению к действующим нормам положения с безопасностью труда шахтеров и состояния горноспасательного дела в угольных бассейнах страны, в том числе и в Донецком каменноугольном бассейне, стало создание в 1921 г. специального комитета, получившего название Горного надзора, на который СНК РСФСР возложил обязанности осуществления строгого контроля за соблюдением техники безопасности на шахтах и промышленных предприятиях, а также руководство деятельностью горноспасательных и испытательных станций всего РСФСР, к числу которых были причислены спасстанции Донбасса [3, с. 135–155].

Началом организации советской, и российской в том числе, горноспасательной службы считается 1922 г., когда ВЦИКом и СНК РСФСР 06.07.1922 г. было принято постановление «О горноспасательном деле в РСФСР». Этим постанов-

лением было положено начало организации активной (профессиональной) горноспасательной службы, построенной на принципах централизованного управления. 13.07.1922 г. было введено в действие Положение о горноспасательном и испытательном деле, а организованное Б.Ф. Гриндлером Центральное Управление Горноспасательными Станциями (ЦУГС) вошло на правах отдела в Центральное Управление Горного Надзора (ЦУГН) при ГУГП ВСНХ РСФСР. Спасательные станции были выведены из подчинения обслуживаемых предприятий и переданы в ведение ГУГП [6].

Централизация управления спасательными станциями привела к быстрому разрастанию сети горноспасательных станций: на территории Донецкого каменноугольного бассейна к 1924 г. их насчитывалось 21 единица (в 1920 г. – 14) с составом активного персонала 426 чел. Разработанные и введенные в действие нормативно-правовые акты о горноспасательном деле в РСФСР дали возможность организовывать оказание помощи на местах силами горноспасательных команд с привлечением транспортных средств госучреждений и частных лиц [7].

30.12.1922 г. был подписан договор о создании Союза Советских Социалистических Республик – федеративного союзного государства, в состав которого на равных правах вошли четыре советские социалистические республики: РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР. Соответственно союзным договором были определены и разграничены компетенции республиканских органов власти, регламентированы нормы законотворческой деятельности и подчиненности государственных органов СССР и союзных республик. Но, по-прежнему, в угледобывающей отрасли страны предприятия Донбасса имели общесоюзное значение.

Развитие общегосударственных мер регулирования обеспечения безопасности подземных горных работ и горноспасательного дела особенно в период НЭПа нашло свое отражение в резолюциях хозяйственных съездов работников горной промышленности, на повестке дня которых проблемы Донбасса были первостепенными. Осенью 1922 г. в г. Москве проходил организованный ВСНХ РСФСР Первый Всероссийский съезд по горной промышленности, на котором, в том числе, были рассмотрены вопросы организации и осуществления маркшейдерского и горноспасательного дела, горно-технического надзора, а также впервые с высокой трибуны начальник ЦУГН ГУГП В.Ф. Шкуматов представил проблему «параллелизма», который возник в следствие дублирования горнотехнической инспекцией Наркомтруда функций государственного горного надзора, что вносило путаницу в работу органов Горного надзора и предприятий. Анализируя деятельность горноспасателей Донбасса, В.Ф. Шкуматов констатировал, что горноспасательное дело, находилось полностью в руках государства и содержалось им. Съездом была разработана и принята резолюция, содержащая решения по всем вопросам повышения эффективности надзора, организации научной деятельности горноспасателей [8].

В феврале 1924 г. в г. Макеевке прошел съезд инженеров рудников треста «Югостали», который осветил состояние безопасности горных работ на газовых и пыльных шахтах этого треста. Съезд констатировал, что процесс восстановления шахт и одновременного обеспечения безопасности работ, отстает от роста

нагрузки и развития работ в них, и как следствие создается угроза возможных катастроф с массовыми человеческими жертвами. Выявленное положение не являлось специфическим для рудников треста «Югостали» и характеризовало весь Донбасс. Отмечалось, что низкая дисциплина труда и несоблюдение горнорабочими правил безопасного ведения подземных горных работ, являлись одними из главных причин несчастий на рудниках [9].

В развитие темы Горный отдел ВСНХ СССР инициировал весной 1925 г. обследование всех газовых и пыльных шахт и проведение мероприятий по усилению деятельности горноспасательных станций Донбасса. Результаты обследования были представлены на созванном в г. Горловке Первом Донецком съезде по безопасности горных работ 15–21 мая 1925 г. Именно формат съезда, на который были приглашены ведущие специалисты по горному делу, технике безопасности и горноспасательному делу, наиболее масштабно удовлетворял разрешению вопросов, связанных с усилением безопасности работ в каменноугольной промышленности Донбасса [9, с. 237-240].

Съезд объединил представителей: Горных Отделов ВСНХ СССР, УССР и Северо-Кавказского краевого СНХ, профсоюзов горняков и металлистов, Инженерно-Технических Секций ВСГ, руководителей каменноугольных предприятий Донбасса, трестов Донугля, Югостали, Химугля, Транспорткопи, Московской Горной Академии, Ленинградского и Екатеринославского горных институтов, Сталинского горного института, Донского Политехникума, Наркомтруда, Наркомздрава, начальников горных округов и районных горноспасательных станций Донбасса, Научно-Технического Совета ВСНХ, научных деятелей горного дела.

Участие горноспасательных станций в деле охраны жизни горнорабочих, их роль при ликвидации катастроф и оказание технической помощи горнопромышленным предприятиям при работе в душливой атмосфере – важные факторы в деле охраны безопасности работ, поэтому вопросам усовершенствования горноспасательного дела было отведено на съезде значительное место [10].

Съезд указал на необходимость принятия срочных мер к восстановлению оборудования и приспособлений, служащих для обеспечения безопасности работ в рудниках; создание рациональных условий для работы техперсонала шахт по технике безопасности; усиление местного шахтного надзора за безопасностью; вовлечение широких масс горнорабочих в дело охраны труда [11].

Главным итогом работы съезда стало сплочение в Донбассе широких масс советской общественности вокруг проблемы безопасного ведения подземных работ и горноспасательного дела, как неотъемлемой части системы государственного контроля и надзора, а реализация мер по повышению безопасности горных работ, намеченных Донецким съездом, зависела от слаженной работы всех заинтересованных ведомств.

Созданный в сентябре 1925 г. Совет по безопасности горных работ при ГО ВСНХ (председатель – В.М. Свердлов, заместитель – проф. А.А. Скочинский), в состав которого вошел Б.Ф. Гриндлер, начальник отдела Горного Надзора ГО

ВСНХ СССР, был призван решить вопрос о реализации мер безопасности горных работ, которые были намечены Донецким съездом [12].

Таким образом, можно сказать, что к 1922–1925 гг. в Донбассе сложился один из крупнейших центров по развитию советской общегосударственной системы обеспечения безопасности при ведении горных работ и горноспасательного дела в угольной промышленности СССР.

После смерти В.И. Ленина уже в 1924 г. целенаправленно велась политика свертывания НЭПа, что было обусловлено ростом влияния И.В. Сталина и его административно-командных методов государственного управления, в том числе и в экономике.

В декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) вынес решение о необходимости ускоренными темпами развивать тяжелую индустрию. Это потребовало строительства предприятий тяжелой индустрии, в том числе и горной промышленности, что было не возможно без удовлетворения новых повышенных требований к созданию безопасных условий труда и спасательному делу в СССР.

Список литературы

1. Вяльцев В.М., Вяльцев А.В., Кондаков К.В., Фролов А.В. Становление горноспасательного дела в Донбассе. Исторический очерк // Безопасность жизнедеятельности: Приложение. 2014. № 3. С. 5–6.
2. Соболев Г.Г. Горноспасатели. М., 1991. С. 33–35, 38–90.
3. История горного надзора в документах XIX – XX веков / под ред. В.В. Грицкова. М., 2004.
4. Госархив ДНР. Ф. Р-2346. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.
5. Донбасс в 1921 году. Отчет ЦПКП Донбасса. С. 7.
6. Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции от 15.08.1922 г. № 44. С. 533.
7. Победоносцев С.Н., Егоров Д.В. Горное законодательство за пять лет революционного строительства (обзор) // Горный журнал. 1923. № 1–7. С. 1–6.
8. Стенограмма речи начальника ЦУГН ГУГП В.Ф. Шкуматова // Горный журнал. 1922. № 10–12. С. 381–383.
9. К предстоящему съезду по вопросам безопасности работ в каменноугольной промышленности Донбасса // Горный журнал. 1925. № 4. С. 237–249.
10. Гармаш А. Итоги съезда по безопасности горных работ в Донбассе // Горный журнал. 1925. № 6. С. 470–474.
11. Труды 1-го Донецкого съезда по безопасности горных работ. Центральное управление печати ВСНХ СССР. М., 1926. С. 428–429.
12. Совет по безопасности горных работ // Горный журнал. 1925. № 9. С. 791.

Т.Ю. Людоровская

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА КАК ЧАСТЬ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В 1930-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье изучается одно из направлений социальной политики советской власти, в частности, по вопросам охраны материнства и детства в 1930-х гг. в Сталинской области. Обоснованы основные тенденции правовых и организационных форм защиты материнства и детства исследуемого периода, результатом действия которых стало создание яслей, детских садов, детских и женских консультаций. Проведена сравнительная характеристика мероприятий семейной политики в сфере здравоохранения, проводимых в городах и селах области.

Ключевые слова: социальная политика, материнство, детство, детские учреждения, Сталинская область.

T.Yu. Ludorovskaya

MATERNITY AND CHILDHOOD PROTECTION AS A PART OF FAMILY POLICY IN THE 1930s (BY THE EXAMPLE OF THE STALIN REGION)

The article examines one of the directions of the social policy of the Soviet government, in particular, on the protection of motherhood and childhood, carried out in the 1930s on the territory of the Stalin region. The main trends of legal and organizational forms of protection of motherhood and childhood of the studied period are substantiated, the result of which was the creation of nurseries, kindergartens, children's and women's consultations. A comparative characteristic of measures for the implementation of family policy in the field of health care carried out in cities and villages of the region is carried out.

Key-words: Social policy, motherhood, childhood, children's institutions, Stalin region.

Донбасс – крупнейший промышленный регион, где сконцентрировано большое количество рабочих, среди которых значительное место занимают женщины. Большой научный интерес представляет изучение сферы охраны здоровья женщины в 1930-е гг., так как именно в этот период были сформированы особенности этого института, знание которых обогатит опыт современных отечественных властных структур, вырабатывающих стратегию его развития на современном этапе. Все это будет способствовать предоставлению комплексного характера мероприятиям, проводимым по обновлению современного института охраны материнства и детства.

Предлагается изучить развитие института охраны материнства и детства на основе показателей деятельности учреждений здравоохранения Сталинской области, как центра Донбасского региона. Источниковой базой исследования послужили материалы Государственного архива Донецкой Народной Республики. Особый интерес представляют отчеты о сети, функционировании и кадрах женских консультаций, родильных домах и детских больницах, а также о деятельности других учреждений здравоохранения региона.

15 апреля 1929 г. принято постановление Центрального Комитета ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок», в котором определялись основные направления по работе среди трудящихся женщин, а именно – вовлечение их в социалистическое строительство и использование женского труда в различных отраслях народного хозяйства. Важнейшие показатели массового вовлечения женщин во все сферы производства и народного хозяйства были связаны с улучшением уровня жизни и условий труда женского населения области. Проводились специальные мероприятия по созданию благоприятных условий для значительного культурно-технического роста женщин и для повышения их квалификации. Также формировался ряд государственных мероприятий по охране труда и здоровья женщин, охране интересов матери и ребенка, разворачивались бытовые учреждения, которые должны были облегчить женщине домашний труд по обслуживанию семьи и уходу за детьми [1, с. 175].

Такая политика правительства была обусловлена следующими факторами: в 1934 г. советское руководство инициировало обширное демографическое исследование, в результате которого было выявлено стойкое падение рождаемости по всей территории страны [2, с. 49–50]. Безусловно, причины данного явления таились в тенденциях индустриализации, а именно, – в росте урбанизации и вовлечении женщин в промышленную рабочую силу. После получения результатов исследования и выявления основных причин снижения рождаемости, государство сделало ставку на качественно новое развитие института семьи, укрепляя сформировавшийся образ «работающей матери», который представлялся как высшее право женщины. Таким образом, расширились задачи государственной семейной политики в отношении «социального материнства».

В 1934 г., после выявления демографической проблемы, как и по всей стране, в Сталинской области начинает увеличиваться число учреждений здравоохранения, в частности, больничных заведений; в последующие годы наблюдается стабильное увеличение таких учреждений. В городах и в селах Сталинской области стало больше функционировать женских и детских консультаций, что установлено при изучении годовых отчетов этих учреждений: посещение женских консультаций увеличилось в 4 раза, а детских консультаций – в 5 раз.

В 1938 г. на территории области уже функционировало 66 женских консультаций. Необходимо отметить тот факт, что в основном такие консультации находились вместе с детскими консультациями. Это можно объяснить тем, что приемы и в женских, и в детских консультациях велись преимущественно одним и тем же врачом, особенно если речь шла о данных заведениях в сельской местности. Число детских самостоятельных консультаций все же было больше, чем женских – 30 в городах и 23 по селам области. Процент пропускной способности детских консультаций по области – 103,2, женских консультаций – 74,5, причём для сельской местности показатели были крайне низкими – 25,7% [3, л. 203–221].

Основной задачей работы женских консультаций к концу 1930-х гг. стало привлечение и постановка на учет беременной женщины на ранних сроках, в дальнейшем – наблюдение за ней и после родов. В 1938 г. женские консультации вели достаточно активную деятельность в отношении обслуживания беременных, о чем свидетельствуют показатели посещаемости консультаций: из общего количества посещений по поводу беременности зафиксировано в среднем 50% (53,9 – по городу, 23,7 – по сельской местности); и значительно меньше обращались уже после родов – 13,5% (13,9 – по городу, 7,7 – по сельской местности). Посещение консультаций по гинекологическим заболеваниям были крайне низкими – 27,7%, а на профилактические осмотры приходилось еще меньше посещений – 8,5%. По поводу аборт обращались 1,93% женщин. Наименьшее количество консультаций предоставляли Горловский, Дзержинский, Харцызский районы, а наибольшее – Краматорский и Володарский районы Сталинской области [4, л. 224–226].

На основании вышеизложенных данных, можно проследить тенденцию наименьшей пропускной способности женских консультаций в сельской местно-

сти, особенно в профилактических целях и абортирования. Относительно профилактики у многих женщин просто не хватало времени на это, или они не задумывались о профилактических мероприятиях после родов. Незначительное количество обращений в медицинские заведения по поводу аборт объясняется никак не тем фактором, что они были запрещены, поскольку до 1937 г. аборты были легальны. Это было связано, скорее всего, с определенными сельскими устоями или «пережитками прошлого», когда женщины вместо государственных больниц и консультаций обращались к местным «бабкам-повитухам», что зачастую приводило к неблагоприятным последствиям.

Согласно отчетам, по всем районам Сталинской области наблюдалась стопроцентная занятость кадров в медицинских учреждениях, за исключением Сталинского района, где было занято 90%. В сельской местности области эти же показатели ниже в 2 раза – 50%. Руководство здравоохранением области признавало работу женских консультаций удовлетворительной, но требуя ведения лучшей учетной документации во всех медицинских заведениях.

В течение 1933–1937 гг. в Сталинской области прослеживается и увеличение числа родильных домов, однако они были не единственными учреждениями, где могли появиться на свет дети. Существовали фельдшерские амбулаторные и фельдшерские акушерские пункты, а также стационарные акушерские пункты (появились лишь в 1936 г., но не имели тенденции к увеличению). Также в клиниках и больницах существовали специально отведенные родильные койки. Увеличение таких коек за 1933–1937 гг. было существенным: если в 1933 г. родильных коек в больницах городов было 608, а в селе – 230, то в 1937 г. – 1789 и 531 соответственно. В клиниках городов области в 1933 г. отводилось 106 больничных коек, а в 1937 г. уже 237.

На территории Сталинской области в 1938 г. функционировало 37 городских родильных домов и 14 сельских роддомов, в 1939 г. – 35 и 26 соответственно. Разворот штатных родильных коек по области в среднем равнялся 99%, но на селе количество коек развернуто больше. Тем не менее, процент штатных коек по районам области неодинаковый. Так, Дзержинский и Славянский районы использовали лишь до 80% своих штатных коек, а Лиманский и Буденовский районы развернули в 1,5 раза больше коек, чем им положено по штату [4, л. 231–232].

В отчете о сети и деятельности медицинских учреждений Сталинской области за 1939 г. зафиксировано 108 колхозных домов с числом фактически развернутых коек 369. За год общее число поступивших больных – 3561 чел. (в том числе рожениц – 3561) [5, л. 5].

В сельской местности отмечалась низкая загруженность родильных домов по причине отсутствия врачебных кадров. В 1938 г. из 14 сельских роддомов только в Старо-Кременчугском работали 2 врача, а в остальных районах вообще не было врачей: ни по штатам, ни фактически [4, л. 234]. В 1939 г. в 26 родильных домах было принято на работу 5 штатных врачей, 48 чел. среднего медицинского персонала и 76 человек младшего персонала, тогда, как в городах – 52; 266 и 290 чел. соответственно [5, л. 2].

С 1938 г. в отчетах начинают указывать новое мероприятие в медицинских учреждениях – родовспоможение – это ряд лечебно-профилактических мер, направленных на охрану здоровья женщины не только во время беременности, но и во время родов. Так, суммарный процент охвата родовспоможением по области в 1938 г. был довольно высокий и составлял 94,4%. По отдельным районам он был ещё выше – 98% [4, л. 240].

Нами установлено, что только в конце 1930-х гг. применение родовспоможения в родильных заведениях приобрело постоянный характер, что значительно облегчало роды женщине. Суммарный процент родовспоможения по области был высоким в городе, но очень низким в сельской местности.

Особое значение в 1930-е гг. уделялось расширению сети детских дошкольных учреждений, в частности, яслей и детских садов. Данная политика правительства была обусловлена несколькими факторами: во-первых, руководство продолжало претворять в жизнь ранее принятую программу «работающей матери»; во-вторых, воспитание детей раннего возраста привязывало женщину к дому, что препятствовало ее трудовой деятельности в полном объеме, поэтому возникла необходимость в компромиссном решении. Им как раз и стало увеличение количества детских яслей и детских садов.

Сеть детских яслей в 30-е гг. XX в. на территории Сталинской области была развита довольно широко. Если к 1933 г. происходило количественное уменьшение показателей данной сети, то в 1934 г. количество яслей значительно увеличилось как в городах, так и в селах. Так, в последующие годы уже наблюдались стабильные количественные показатели среди ясельных учреждений. Если в 1934 г. в городе было 324 яслей, а в селе 125, то в 1937 г. в городе сохраняется число яслей, а в селе можно наблюдать тенденцию увеличения данных учреждений до 166 [5, л. 8].

Основная масса городских яслей – это детские ясли при промышленных предприятиях – 269 (83,8%), а также для детей красноармейцев – 4 и ясли-санатории – 2. В сельской местности Сталинской области функционировали сезонные ясли, которые были открыты во время проведения сельскохозяйственных работ (в основном с весны по осень). Из общего количества таких яслей выделялись заведения при совхозах, при МТС и при колхозах. Их число постоянно изменялось, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Средний процент использования ясельного фонда по области был 87,4 [3, л. 220].

Таким образом, на примере развития социального института охраны материнства и детства Сталинской области в течение 1930-х гг. нами было установлено, что женщины были активными участниками социально-экономических процессов. После апрельского постановления ЦК (1929 г.) провозглашалось привлечение женского населения к социалистическому строительству, с этой целью начались мероприятия по улучшению социального уровня трудящихся. Учитывая ещё тот факт, что в стране упала рождаемость, в Сталинской области с середины 1930-х гг. начинается расширение задач политики «социального материнства», поскольку Донбасс являлся регионом с большой концентрацией женщин на производстве. С 1934 г. наблюдается увеличение больничных учреждений на

территории области, повышается процент посещения этих заведений. Для поддержания созданного образа «работающей матери», начинается расширение сети детских дошкольных учреждений.

Изучив отчеты по здравоохранению Сталинской области, можно выделить следующие проблемы: во-первых, на всей территории области существовала разница в реализации программы охраны материнства и детства между городом и селом: в городах существовало большее количество больничных заведений, и они были лучше укомплектованы; в сельской местности стоял вопрос об острой нехватке квалифицированных медицинских работников. Во-вторых, в селах женщины не переставали ходить за консультациями, а в большинстве случаев и для прерывания беременности к местным «бабкам-повитухам», не признавая государственные женские консультации и акушерские пункты. В-третьих, почти в каждом отчете областного уровня отмечается, что в больничных заведениях небрежно относились к административным функциям, в частности, к ведению отчетной документации, которая проводилась на низком уровне.

Список литературы

1. Араловец Н.Д. Женский труд в промышленности СССР. М., 1954. С. 175.
2. Лебина Н.Б., Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности. М., 2007. С. 49–50.
3. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. Р.-4249. Оп. 1. Д. 261. Л. 203–221.
4. ГА ДНР. Ф. Р.-4249. Оп. 1. Д. 261. Л. 224–240.
5. ГА ДНР. Ф. Р.-4249. Оп. 1. Д. 308. Л. 2–8.

В.А. Стадник, Д.И. Корнев

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ КК-РКИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ДОНБАССЕ (1930-1934 гг.)

В статье проведен анализ деятельности местных КК-РКИ в системе партийно-государственных органов власти. Архивные материалы, на основе которых базируется исследование, позволили определить значимость донецкого Рабкрин в совершенствовании госаппарата, его взаимодействие с другими партийно-государственными органами в обеспечении дисциплины исполнения и соблюдения законности в процессе советской модернизации.

Ключевые слова: контроль, регион, инспекция, государственный аппарат, нормированное снабжение, модернизация, коррупция, прокуратура.

V.A. Stadnik, D.I. Korenev

TERRITORIAL AUTHORITIES OF CC WPI AS THE MOST IMPORTANT ELEMENT OF THE SYSTEM OF PARTY-GOVERNMENTAL POWER IN DONBASS (1930–1934)

This article is devoted to the analysis of the activity of CC WPI locals in the system of party-governmental power's body. By means of archive materials, we curtained the role of Donets' WPI in advancing of governmental staff, its professional engagement with other party-governmental bodies to the control of discharge's discipline and due process of law in conditions of soviet region's modernization.

Keywords: control, inspection, region, governmental staff, modernization, corruption, office of public prosecutor, normalize supplies.

На современном этапе, в условиях беспрецедентных экономических санкций и информационной войны, объявленной России коллективным Западом, доминирующую роль во всех сферах жизнедеятельности общества начинает играть государство. Система государственных органов усиливает свои функции власти и управления в стране, важнейшие из которых - контроль и проверка исполнения. В это не простое для страны время государству необходимо использовать бесценный опыт работы Контрольных Комиссий Рабоче-крестьянской инспекции (далее – КК-РКИ), деятельность которых осуществлялась в не менее сложный период начала 1930-х гг. в СССР.

Прочное взаимодействие органов контроля с партийными и советскими органами власти было характерно для всего периода существования Рабкрина [1, с. 42]. Осуществляя контрольно-проверочные функции как в центре, так и на местах, КК-РКИ получали информацию практически обо всех сферах общественной жизни в стране и систематически информировали ЦК и ЦКК партии о политических и социально-экономических аспектах событий, происходящих в регионах. Это позволяло определять и корректировать политические, социально-экономическую и идеологические аспекты политики руководства страны на конкретном этапе. Опираясь на результаты ревизионно-проверочной работы регионального контроля, в 1930–1934 гг. Президиум ЦКК и Коллегия НК РКИ подготовили ряд проектов, которые легли в основу резолюций партийных съездов, конференций и постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР [2, с. 74]. Так, для борьбы со спекуляцией и незаконным обогащением постановлением СНК СССР от 20 ноября 1931 г. при местных КК-РКИ были созданы Инспекции цен, контролирующие ценообразование на продовольственные товары и ширпотреб в условиях нормированного снабжения [3, с. 396].

В Донецком бассейне – важнейшем индустриальном районе СССР территориальный контроль ежемесячно, а в особых случаях и еженедельно сообщал как в местные (парткомы, Советы), так и в вышестоящие органы партийно-государственного аппарата данные о ходе коллективизации и индустриализации, выполнении планов хлебозаготовок, развитии торговли и собственной продовольственной базы, состоянии транспортной инфраструктуры и т.д. [4, л. 50]. Отчеты территориальных КК-РКИ Донбасса были обязаны освещать настроение представителей самых разных социальных групп, в том числе и членов партии [5, л. 45, 45об.]. Особое внимание уделялось «вычищению» из партийно-государственного аппарата лиц, которые не могли находиться в нем в силу определенных причин.

В отчетах местных Контрольных комиссий Рабоче-крестьянской инспекции было обозначено, что значительная часть проступков, совершенных членами партии и ответственными работниками партхозаппарата, так или иначе, имели отношение к незаконному обогащению и получению незаслуженных материальных благ. В период карточной системы распределения такими материальными благами являлись не столько денежные средства, как предмет товарооборота и

накопления, сколько предметы и товары, обеспечивавшие жизнедеятельность населения и отдельного взятого человека – продовольствие и продукты питания, продуктовые карточки, одежда и обувь, топливо, в меньшей степени – предметы быта.

В условиях нормированного снабжения начала 1930-х гг. наблюдался значительный прирост имущественных правонарушений: растрат, хищений, фактов бесхозяйственности в учреждениях, на предприятиях и особенно в кооперации, работу которых разрушали действия коррумпированных представителей партхозаппарата. Так, в докладной записке Председателя облКК-РКИ И.Г. Перекатова в ЦКК НК РКК УССР причиной текучести рабочей силы на предприятиях Донбасса была названа «плохая постановка рабочего питания и снабжения» [5, л. 40]. Этот факт мог негативно воздействовать на выполнение производственных планов.

Рабкрин, осуществляя контрольно-проверочную деятельность в повышении эффективности управления, выполнении режима экономии, борьбе с бюрократизмом и пр., способствовал укреплению социалистической законности. В этом направлении как центральные, так и территориальные органы контроля вместе с судебными органами боролись с преступностью, выявляя расхитителей государственной и общественной собственности, коррупционеров и взяточников, участвовали в укреплении и качественном совершенствовании работы милиции, судебных органов, прокуратуры. Так, в постановлении объединенного заседания Президиума Донецкой областной КК КП(б)У и Коллегии РКК от 3 февраля 1933 г. было заявлено, что «органы Прокуратуры, суда и милиции... не вели надлежащей борьбы с преступлениями в деле рабочего снабжения» [6, л. 76]. Совершенствуя госаппарат, КК-РКИ осуществляли проверку правильной организации борьбы с экономической преступностью. Понятно, что непосредственно оперативно-следственные мероприятия и надзор не находились в ведении Рабкрин. Однако, на основании проведенных проверочно-инспекционных мероприятий, КК-РКИ могли инициировать привлечение к следствию и суду лиц, уличенных в совершении правонарушений, вместе с тем не вмешиваясь в оперативно-следственную деятельность правоохранительных органов. Их функции ограничивались в этом процессе выработкой определенных предложений и рекомендаций [1, с. 178]. Дело в том, что при проверке субъектов хозяйственной деятельности, особенно в условиях карточной системы распределения, Рабкрин в ходе обследования постоянно сталкивался с общественно опасными деяниями, на которые в силу своей компетенции был обязан реагировать. Что характерно, большинство уголовных дел по злоупотреблениям, растратам, хищениям и другим должностным преступлениям в сфере продовольственного снабжения Донбасса были инициированы органами партийно-государственного контроля [6, л. 31].

Существовали даже некоторые разногласия между КК-РКИ и судебными прокурорскими органами, особенно на местах [7, с. 31]. Однако, несмотря на часто низкое качество первичных материалов, собранных сотрудниками Рабкрин и

предоставленных в органы юстиции и прокуратуры, именно они являлись основанием для привлечения подозреваемых к следствию и суду. Так, при непосредственном участии проверочной комиссии облКК-РКИ на Дебальцевском агрокомбинате была изобличена преступная группировка, занимавшаяся хищением продовольственного сырья, в которую входили ранее судимые (в том числе и за бандитизм) Радченко, Сергиенко, Шкрогаль (он же Кирюмин), Терещенко (он же Слюсарь) и др. Используя поддельные документы, расхитители-уголовники смогли занять руководящие должности в аппарате агрокомбината, и, начиная с весны 1931 г., в течении года «...занимались хищением, разбазариванием и растратированием комбинатской продукции, продуктов питания, фуража и спец-одежды» [8, л. 9–11]. Члены банды были вооружены, избивали и запугивали рядовых работников предприятия. Летом 1932 г. все они предстали перед судом.

Вследствие низкой раскрываемости преступлений экономического характера: растрат, хищений, бесхозяйственности, махинаций с заборными документами и нормированными товарами, злоупотреблений служебным положением, – проверкам и обследованиям со стороны территориальных органов КК-РКИ Донбасса были подвергнуты местная милиция и уголовный розыск. В Артемовске областной Рабкрин вскрыл преступную схему по незаконному изъятию автотранспорта работниками милиции для личных нужд представителей местного партхозаппарата из гаража Часов-Ярского керамического завода [9, л. 31–34]. В целом, было выявлено множество недостатков работы милиции Донбасса: низкая квалификация личного состава, большая текучесть кадров, коррупция и должностные преступления [10, л. 57–63].

Обследования, проведенные в 1930–1934 гг. советских судебных органов низового и среднего уровня показало, что по уголовным делам и должностным преступлениям, в том числе и сфере продовольственного снабжения, лишь 20% от их общего количества заканчивалось обвинительным приговором. И одной из причин такого положения было плохое качество предварительного следствия [1, с. 194]. Кроме того, по материалам КК-РКИ, в Донбассе не хватало квалифицированных судей, вследствие чего «...в Славянском Нарсуде... дела лежат без движения, Прокуратура вынуждена освобождать арестованных из-под стражи ввиду того, что ДОПры не принимают, а нарсуд не справляется» [10, л. 51]. Процесс организации работы низовых судебных органов была вынуждена взять под особый контроль республиканская ЦКК – НК РКИ.

Центральная и местные Контрольные комиссии огромное значение уделяли моральным и этическим нормам поведения членов партии в повседневной жизни и в быту, строго карая тех, кто нарушал Программу и Устав партии, дискредитировал Советскую власть, подрывал авторитет ВКП(б), используя членство в партии и служебное положение в личных интересах. Сопутствующим факторами должностных преступлений являлось «морально-бытовое разложение»: пьянство, разрушение института семьи и брака, и как следствие – беспорядочные половые связи, которые приводили к заражению венерическими заболеваниями. Настоящим бичом являлось пьянство членов партии. Как утверждает И.Г. Иванов, большая часть рядовых коммунистов, к примеру, на Кубани, исключалась

из партии именно по этой причине [11, с. 156]. В Московской парторганизации более трети коммунистов была исключена из партии именно за пьянство [12, с. 117]. Донбасс не являлся исключением. В отчете Контрольной комиссии Славянского района, которая с сентября 1930 г. по май 1931 г. проверяла местные партийные организации указано, что в «... поступках, недостойных членов партии... самое большое место занимает пьянство» [13, л. 11]. Осенью 1932 г. Донецкая облКК-РКИ совместно с ОГПУ проводила расследования самоубийства в Луганске видного представителя старой партийной номенклатуры, большевика с дооктябрьским стажем (с 1907 г.) Исаевского по причине тяжелейшей алкогольной зависимости и «застарелого сифилиса» [14, л. 6]. В ходе проверок регионального партхозаппарата местные органы КК-РКИ отмечали: «... растраты общественных денег в большинстве случаев были связаны с пьянством, что дискредитирует партию в глазах трудящихся» [15, с. 207].

Органы КК-РКИ, осуществляя контрольно-проверочные функции в сфере продовольственного обеспечения, не могли не взаимодействовать и с ОГПУ. Однако, взаимодействие Рабкрин и органов государственной безопасности нередко скрывало в себе определенные противоречия, как например, в ходе расследования фактов о случаях якобы «опухания кадровых рабочих на почве недоедания» на Щербиновском руднике в Горловке. Проверочная комиссия в составе членов горпарткома и горКК-РКИ была вынуждена перепроверить материалы городского отдела ОГПУ и сообщить в Донецкий обком КП(б)У, что факты недоедания горнорабочих не соответствуют действительности, а голодают люди «... из безработных деклассированного элемента и выпущенных их Допров» [5, л. 182].

Таким образом, в условиях грандиозных социально-политических и экономических преобразований в стране продовольственное обеспечение населения индустриального Донбасса являлось одним из основных направлений государственной политики и находилось под контролем партийного и советского аппарата. КК-РКИ, как один из важнейших компонентов системы, выполняя контрольно-проверочные функции в тесном взаимодействии с другими партийно-государственными органами, обеспечивали выполнение задач, поставленных перед ними руководством страны в условиях ускоренной модернизации начала 1930-х гг.

Список литературы

1. Морозов Л.Ф. Органы ЦКК-НК РКИ в борьбе за совершенствование советского государственного аппарата. (1923–1934 гг.) / Л.Ф. Морозов, В.П. Портнов. М., 1964.
2. Гусев, К.В. Краткий очерк истории органов партийно-государственного контроля в СССР. М., 1965.
3. Иконников С.Н. Создание и деятельность объединенных органов ЦКК-РКИ в 1923–1934 гг. М., 1971.
4. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 86.
5. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 55.
6. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 51.

7. Сольц А. Задачи советского суда в новой обстановке // За темпы, качество, проверку. 1933. № 7-8.
8. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 59.
9. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 8.
10. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 109.
11. Иванцов И.Г. Роль внутрипартийного контроля в укреплении и развитии ВКП(б) 1920-1929 гг.: На материалах Кубани: дис. ...канд. ист. наук. Краснодар, 2005.
12. Санников В.А. Органы партийного контроля в политической системе СССР в 1920-е – первой половине 1930-х годов (на материалах Москвы): дис. ... канд. ист. наук. М., 2020.
13. ГА ДНР. Ф. 196. Оп. 1. Д. 10.
14. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 32.
15. Москаленко И.М. ЦКК в борьбе за единство и чистоту партийных рядов. М, 1973.

Н.Ф. Бугай

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: СУДЬБЫ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ (СОВЕТСКИЕ ГРЕКИ)

Рассматривается проблема советских греков, проживавших на территории Крымской АССР и Черноморского побережья Грузинской ССР, а также Краснодарского края РСФСР. Греки испытали на себе горечь спецпереселений в 1930–1940-е гг. Проблема привлекает внимание и потому, что, общество греков названных регионов страны не было окончательно реабилитировано в 1990-е – 2000-е годы. Не решил этой проблемы и Указ Президента Российской Федерации по реабилитации народов Республики Крым от 21 апреля 2014 г., в котором названы только греки, проживавшие на полуострове.

Ключевые слова: Крым, Черноморское побережье, греки, переселение, положение, защита, реабилитация.

N.F. Bugay

GREAT PATRIOTIC WAR: THE FATE OF ETHNIC MINORITIES (SOVIET GREEKS)

The scientific report deals with the problem of the Soviet Greeks who lived on the territory of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic and the Black Sea coast of the Georgian SSR, as well as the Krasnodar Territory of the RSFSR. The Greeks experienced the bitterness of the special resettlements in the 1930s and 1940s. The problem attracts attention also because the society of the Greeks of the named regions of the country was not finally rehabilitated in the 1990s – 2000s. This problem was not solved by the Decree of the President of the Russian Federation on the rehabilitation of the peoples of the Republic of Crimea of April 21, 2014, in which only the Greeks who lived on the peninsula were named.

Key words: Crimea, Black Sea coast, Greeks, resettlement, position, protection, rehabilitation.

По-разному формировались судьбы этнических меньшинств на территории Союза ССР. В период войны, конечно же, такое положение оказало огромное влияние на положение этнических меньшинств, повергшихся репрессиям со стороны органов партийной и государственной власти. С их стороны это было деструктивное вмешательство в жизнь этнических общностей. С середины 1930-х гг. до 1953 г. принудительным порядком были переселены в столь отдаленные места 3,5 млн граждан. Этот контингент составляли 19 этнических общностей

целиком и в дополнение к этому 42 группы представителей, принадлежавших разным национальностям.

Правда, вряд ли можно причислить греков к этническому меньшинству, так как население их в Союзе ССР составляло до 300 тыс. чел. Тем не менее, применительно к субъектам, на территории которых проживали греки, они были этническим меньшинством. Такая формулировка остается применимой и к грекам Крымской АССР.

Накануне Великой Отечественной войны численность греческого населения заметно сокращалась. Более того, значительный контингент советских греков стал участниками войны 1941–1945 гг. Находясь на фронтах, они с достоинством и честью, чувством гордости и отвагой, проявляли героизм в сражениях против фашистов, несли свою службу, выполняя гражданский долг.

Многие из греков были удостоены высших наград родины, включая и звание Героя Советского Союза. Известны многие имена советских греков, внесших заметный вклад в экономический потенциал государства. Известно имя конструктора дизельного двигателя танка Т-34, летчика испытателя новой техники, Героя Советского Союза Г.Я. Бахчиванджи и многих других греков, прославившихся свои имена.

В российской историографии проблема советских греков в этот период не была обойдена стороной. Возвращение к ней оставалось неслучайным и в 1990-е гг. Создана определенная российская историография [2, 3, 8, 11, 4], сформирована источниковая база [9, 5, 6, 7, 10].

Что касается историографии проблемы советских греков и конкретно их судьбы в 1920–1940-е гг., и особенно относительно научных исследований истории греков, проживавших на территории Крымской АССР, Черноморского побережья Грузинской ССР (Аджарская, Абхазская АССР), а также Черноморского побережья Краснодарского края, то в большей мере точки зрения в оценках событий, за некоторым исключением, совпадали.

Заслуживает высокой оценки и опубликованные за эти года документальные источники, основной корпус которых формировался на базе архивных материалов, выделенных в таких архивохранилищах как ГА РФ, РГАНИ, РГАСПИ, местных архивах Краснодарского края, Ростовской области, Кабардино-Балкарской Республики и других.

В большей мере, конечно же, ценность представляют документы так называемых «особых папок» И.В. Сталина, позволяющих выявить по этому сложному периоду истории советских греков многие аспекты, установить причины принимавшихся мер по отношению к этой этнической общности на территории Союза ССР. В этих документах содержится переписка наркома НКВД СССР Л.П. Берия с председателем ГКО СССР И.В. Сталиным. Здесь же сохранены многочисленные инструкции, разъясняющие положения постановлений ГКО СССР об осуществлении принудительных переселений народов, соответствующие приказы НКВД СССР, штабов фронта, документы Наркомата НКВД СССР, управлений по краям и областям Союза ССР.

Конечно, основополагающим документом проведения подобных акций применительно греков было Постановление ГКО СССР от 2 июня 1944 г. № ГКО 5884 «совершенно секретно» «О выселении с территории Крымской АССР болгар, греков и армян численностью 37 тысяч человек» (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 261).

Комплексное изучение широко практиковавшейся социальной технологии, связанной с карательными наказаниями, типа принудительного переселения народов и формированием института спецпереселенцев позволяет реконструировать систему реализации подобных акций и анализировать их причины.

По моему глубокому убеждению, греки «попали» под этот молох, на чисто превентивной основе. Скорее, сыграла пагубную роль существующая концепция по вектору: «периферийный фактор – этнические общности», который предполагал и применение механизма реализации национальной политики – принудительное переселение, зачистка пограничных территорий от насеявших этнических меньшинств. Устраивались в этих целях и приграничные зоны, ширина которых достигала в отдельных случаях до 100 км от пограничной линии.

За три дня до принятия Постановления ГКО СССР нарком НКВД Л.П. Берия писал И.В. Сталину: «...Греческое население проживет в большинстве районов Крыма. Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с приходом оккупантов занималась торговлей и мелкой промышленностью. Немецкая власть оказывала содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т.д.»

В заключение этого послания Л.П. Берия был изложен и вывод применительно трех этнических общностей: «НКВД считает целесообразным провести выселение с территории Крыма всех болгар, греков и армян» [1, с. 83–84].

27–28 июня 1944 г. была проведена спецоперация по выселению греков, болгар, армян, а также и иноподданных национальностей. Всего выселено: 41 854 чел.: греков – 15 040 чел., болгар – 12 422 чел., армян – 9621 чел., немцев, итальянцев, румын и других национальностей – 1119 чел. Среди иноподданных, входящих в общее количество, было греческих подданных – 3531 чел., турецких – 10, иранских – 16 (ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 179. Л. 227).

4 июля были доложены ГКО СССР И.В. Сталину итоговые данные на этот период. Из Крыма выселялись татар – 183 155 чел., болгар – 12 422, греков – 15 040, армян – 9621, немцев – 1119, а также иноподданных – 3 652 [ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 275].

17 июля 1944 г. Комитет по при СНК СССР по учету и размещению рабочей силы в информации на имя Н. Шверника сообщал, что в Молотовскую (ныне Пермскую) область в первом полугодии 1944 г. было переселено 5293 семьи – 20 025 чел. из Крыма [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 152. Л. 8].

Учет греков и болгар затруднен по той причине, что сведения приведены зачастую совместные не по принадлежности по национальности, а от статуса спецпереселенцы. Первоначальные данные Отдела спецпоселений НКВД СССР были следующими. В конечном итоге спецпереселенцы составили: греки, расселенные в Башкирской АССР – 2927 чел. (1455 взрослых), в Марийскую АССР – 122 (95) чел. В Гурьевскую область – 4289 (1096), в Кировскую область –

550 чел., в Якутскую АССР – 8 чел. Данные по Свердловской области, Молотовской и Кемеровской областям приведены по имеющимся общей численности прибывших болгар, греков и армян. Начальник отдела спецпоселений Чкаловской области Дмитренко в докладной записке на имя комиссара В.В. Чернышёва в июле 1944 г. сообщал, что прибыло болгар, греков и армян в Башкирскую АССР – 5727 чел., в Марийскую АССР – 581 чел., в Гурьевскую область – 4289 чел., в Кемеровскую область – 6791 чел., в Молотовскую область – 10 028 чел., в Кировскую область – 550 чел., Свердловскую. – 10 348 чел. [5, с. 588].

Кто в июле, а кто в августе 1944 г. прибывали в места предназначения для расселения спецпереселенцев. 1 сентября 1944 г. нарком внутренних дел Казахской ССР Богданов в докладной записке в Отдел спецпоселений НКВД СССР сообщал о том, что «в июле 1944 г. из Крымской АССР в Гурьевскую область Казахской ССР прибыли 1096 семей (4286) человек), расселены по 5 районам. Они были переселены из Старо-Крымского, Ичкинского, Судаковского и Феодосийского районов: по национальному признаку – болгары, греки, армяне, цыгане, крымские татары и частично караимы».

Греки были выселены с территории Закавказья и Северного Кавказа. По имеющимся архивным данным, на 1952 год греки были выселены по постановлению ГКО СССР № 1828 от 29 мая 1942 г. из Краснодарского края и 5251 грек (Ростовской области 886 чел.) [ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 646 Л. 6].

В целом было выселено в 1940-е гг. около 62 тыс. граждан греческой национальности. По имеющимся данным, взрослых спецпереселенцев было 49580 чел.

Постановлением ГКО № 1828 от 20 мая 1942 г. предписывалось выселить с территории Краснодарского края и Ростовской области совместно с выселяющимися греками из Армении, Азербайджана, Грузии, южных районов Украины (Мариуполь и др.) было выселено 25 тыс. греков на основании Постановления ГКО № 5984 от 24 июня 1944 г.

На основании Постановления от 2 июня 1944 г. № 5984 и Постановления № 1610 от 24 июня 1944 г. численность выселяемых греков составила около 90 тыс. чел.

7 марта 1956 г. МВД СССР обратилось в ЦК КПСС с проектом постановления о снятии ограничений по спецпоселению греков, болгар и армян, а также членов их семей, выселенных в 1944 г.

В деле консолидации народов, реализации их нужд и интересов, несомненно, сыграл роль и принятый в апреле 2014 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» от 21 апреля 2014 г. № 268.

Дело оставалось за практической стороной воплощения в жизнь намеченных указом мер, для чего имелись все возможности и в стране, и в частности, в Крымской Республике. Все этнические общности республики становились «полноценными хозяевами своей земли».

В современных условиях заметно повышается роль общественных объединений греков России. Институты гражданского общества, которых на территории страны действуют более 20, вникают в решение вопросов, связанных с улучшением жизни греков, занимаются также вопросами национально-культурного возрождения. Эти задачи стоят и перед Общероссийским объединением греков и его отделениями в крупных городах страны.

Институты гражданского греческого российского сообщества обращаются в государственные органы власти с просьбой и предложением логически завершить начатую реабилитация российских греков. Не ограничиваться только реабилитацией российских греков, проживавших на территории Крымской АССР (15 тыс. чел.), а реабилитировать также и российских греков, проживающих от границ Грузии до г. Анапа, а также в Ростовской области. Этим самым будет устранена ошибка в решении проблем объединения греков во имя мира и гражданского согласия.

В ответном письме из Департамента по обеспечению деятельности Приемной Президента РФ по приему граждан, что вы (греки) уже реабилитированы Указом Президента РФ от 21.04.2014 г. в общем указе, но не отвечают, каким образом это сочетается со ст. 13 названного Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г.).

А эта статья гласит: «Особенности применения этого Закона по отношению к репрессированным народам, проживающим и проживавшим на территории Российской Федерации, регулируется отдельными законодательными актами РСФСР, принимаемыми по отношению к каждому репрессированному народу».

Одним словом, вопрос не получил разъяснения. Он требует более глубокого изучения и выводов. Греки, не проживавшие в Крымской АССР, а на других, названных территориях, ждут ответ именно на вопрос, каким образом надо сделать так, чтобы они чувствовали себя реабилитированными?

Список литературы

1. Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР ...выселить греков». М., 1999. С. 83–84.
2. Бугай Н.Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан. История и историография (XX – начало XXI в.). М., 2012.
3. Бугай Н.Ф. Репрессированные народы: армяне, греки и другие // Шпион. М., 1994. № 2(4), 3(5).
4. Джуха И.Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР: депортация 1940-х годов. СПб., 2008.
5. «По решению Правительства Союза ССР...». Нальчик, 2003.
6. Реабилитация. Как это было? Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2000.
7. Принудительное переселение крымских татар: путь к реабилитации М., 2015.
8. Российские греки: история и современность. М., 2000.
9. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.
10. Реабилитация народов России. Сб. документов. М., 2000.
11. Триандафилов Г.В. Греки России – уезжать или оставаться? М., 1994.

С.А. Хубулова, А.Е. Батыров

КРЫМ И ОСЕТИЯ: ОДНА НА ВСЕХ ПОБЕДА¹

В статье рассматриваются вопросы участия представителей Осетии в военных операциях в Крыму в годы Великой Отечественной войны. Новые архивные документы, введенные в оборот, позволяют изучить также проблему эвакуации с Крымского полуострова в Северо-Осетинскую АССР, размещения и социального обслуживания прибывающих крымчан. Рассмотрены также вопросы обустройства детей, оставшихся без попечения взрослых.

Ключевые слова: война, героизм, эвакуация, беспризорные дети.

S.A. Khubulova, A.E. Batyrov

CRIMEA AND OSSETIA: ONE VICTORY FOR ALL

The article deals with the participation of representatives of Ossetia in military operations in the Crimea during the Great Patriotic War. New archival documents put into circulation also allow us to study the problem of evacuation from the Crimean Peninsula to the North Ossetian ASSR, accommodation and social services for arriving Crimeans. The issues of arrangement of children left without adult care are also considered.

Key words: war, heroism, evacuation, street children.

История Великой Отечественной войны полна примеров беззаветного мужества. Наряду с представителями других народов СССР в героической обороне Севастополя, наступательной операции в Крыму внесли свой вклад несколько тысяч воинов из Северной и Южной Осетии.

Особо хочется отметить участие 77-й Симферопольской стрелковой дивизии, в рядах которой мужественно сражались и воины-осетины. К примеру, приказом по 77-й СД № 23/н от 22 мая 1944 г. произведено награждение 70 бойцов, среди которых осетин – 5.

Судьбы многих осетин связаны с Крымом. К примеру, призванный Орджоникидзевским ГВК Ставропольского края снайпер 1133-го стрелкового полка 339-й СД старшина Доев Давид Тебоевич (1912 – 12 ноября 1943) одним из первых форсировал с десантом Керченский пролив и высадился на Керченский п-ов, где подавил 12 огневых точек противника, уничтожил 5 офицеров и 20 фашистов, в т.ч. трех снайперов, чем помог батальону овладеть заводами им. Войкова и Кирова. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. Приведу примеры мужества и доблести, отличившихся в боях за Крым воинов-осетин (для удобства, данные на бойцов изложены в алфавитном порядке, искажения, допущенные в изученных документах при написании имен бойцов и населенных пунктов, сохранены). Джабиев Александр Кимаевич (Камаевич), 1922 г.р., стрелок 7-й стрелковой роты 324-го СП рядовой Джабиев А.К. 16 апреля 1944 г. в районе г. Балаклава из снайперской винтовки уничтожил трех снайперов противника, которые мешали продвижению нашей пехоты. Приказом № 14/н от 27 апреля 1944 г. Джабиев А.К. награжден медалью «За отвагу».

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований проекта № 21-09-43008 СССР.

Кудзаев Владимир Детогозович, командир отделения 41-го отдельного саперного батальона 77-й СД, старший сержант. Отличившись в боях за освобождение Крыма, приказом по 77-й СД № 16/н от 2 мая 1944 г., он награжден орденом Славы 3-й степени. 19 апреля 1944 г. на подступах к г. Севастополь в районе Кадыковка, под огнем противника проделал несколько проходов в проволочном заграждении и снял несколько десятков мин и 25 фугасов [1].

К освобождению Севастополя от фашистов причастны два осетина – Герои Советского Союза. Это подводник Астан Кесаев и уроженец г. Цхинвала Константин Кочиев (в Севастополе есть улица его имени). Кесаев топил немецкие транспорты, заходившие в бухту. А Кочиев командовал торпедными катерами и тоже истреблял немецкие транспорты [2].

В тылу продолжалось фронтовое братство. В отложившихся архивных документах имеются факты, когда Северная Осетия за полгода войны приняла свыше 11 тыс. эвакуированных и беженцев. Среди них были жители крупных городов (Москва, Ленинград, Киев и др.), из Украины перебрались в республику свыше 800 чел., из Донецка – 32 чел., Запорожья – 214 чел., Севастополя – 52 чел., Евпатории – 64 чел., Керчи – 82 чел., Крыма – 1791 чел., общее количество беженцев из этих районов превысило 6 тыс. чел., среди них были русские, украинцы, евреи [3, с. 38–40]. Также в Северную Осетию прибыли составы с сотрудниками и оборудованием ряда предприятий: Северо-Донецкая железная дорога (175 чел.), военный склад Ростова-на-Дону (57 чел.), ВРЗ им. Кагановича – Донбасс (954 чел.), завод «Укрцинк» – Константиновка (120 чел.), госпитали из Крыма – 12 (129 чел.) [4, л. 28].

Для координации приема эвакуированных при Северо-Осетинском обкоме ВКП (б) была введена должность Уполномоченного по эвакуации.

Размещение эвакуированных осуществлялось как в городах Орджоникидзе и Алагир, так и окрестных селах. Выбор Алагира и Алагирского района был обусловлен, по всей видимости, не только имевшимися возможностями принятия большого количества людей (свыше 10 тыс. только до октября 1942 г.), но и близостью к Военно-Осетинской дороге, позволявшей в случае экстренной ситуации эвакуировать жителей из пределов района в Закавказье.

Сразу по прибытии по плану требовалось установить тщательный учет и регистрацию прибывающего эвакуированного населения, создавая нормальные условия в расквартировании, трудоустройстве по предприятиям и учреждениям; установить учет и выявление семей, не имеющих совершенно трудоспособных и требующих материальной помощи; не допускать передвижения эвакуированного населения и перехода из квартиры без ведома райисполкомов.

Самый главный вопрос, который следовало решить первым, – жилищный. Первые группы эвакуированных вначале размещались в Доме колхозника, в клубе крахмального завода и в гостиницах города. Но эти помещения не всегда соответствовали элементарным нормам и вызывали недовольство жильцов.

Уполномоченные по эвакуации привлекали общественность для проведения всех мероприятий, связанных с размещением и трудоустройством эвакуирован-

ного из прифронтовой полосы населения, обеспечивать нормальные условия расквартирования (как в части жилплощади, так и отопления); б) максимальное трудоустройство эвакуированных по предприятиям, учреждениям и в колхозах района; в) организацию бесперебойного снабжения хлебом, за счет специально выделенных фондов Наркомторгом по спискам; г) систематическую санобработку всех прибывающих эвакуированных граждан, медобслуживание; д) своевременную выдачу пособий семьям военнослужащих, а также зарплаты по аттестатам семьям командно-начальствующего состава.

Ещё одним важным вопросом было трудоустройство. Хотя точного учета из числа эвакуированных, нуждающихся в работе, не было, но стороны принимались меры по устройству на работу, в первую очередь, эвакуированного, как наиболее нуждающегося, Из общего числа эвакуированного населения (9,6 тыс. чел.) были обеспечены работой райисполкомами республики, предприятиями и учреждениями 1902 чел., в том числе, семьи военнослужащих, направленные на работу военкоматом 127 чел.: «Правда, имеются случаи, когда предоставить работу по специальности не представляется возможным, как машинистки, делопроизводители, регистраторы и т.д.» [5, л. 9].

Исключительно для снабжения эвакуированного населения правительством республики выделили 8 т хозяйственного мыла, 30 т крупы, 20 т сахарозаменителя, детских чулок 3 тыс. пар [6, л. 16].

Топливом эвакуированное население обеспечивалось в первую очередь, причем, заявления эвакуированных и семей мобилизованных в РККА предварительно поступали в исполком, а затем направляются в ГОРТОП для обязательного удовлетворения. Обеспечение хлебом проводилось наравне с остальным населением городов по карточкам, после прописки в домовых книгах. Тем гражданам, которые не прописались или остановились проездом в городе, хлеб выдавался непосредственно из магазина из расчета 400 г на человека.

До конца 1941 г. в республику прибыло свыше 4,5 тыс. детей, в том числе из Крыма 152 чел. Кроме того, принято на учет 55 подростков, прибывших без родителей. Подростки направлены учениками на завод «Стеклотара», Промсовет, 20 чел. – в ремесленное училище. Из общего количества детей учтено и посещали школы 825 чел., а не посещающих школы – 121 чел., главным образом, из-за отсутствия одежды и обуви.

Наиболее нуждающееся эвакуированное население, как временно неработающее, многосемейные, престарелые и другие граждане, нуждающиеся в материальной помощи, получили в горисполкоме денежную помощь в сумме 94230 руб., в том числе подростки, прибывшие без родителей – 1200 руб. Для оказания помощи эвакуированным детям Наркомфином СО АССР было выделено: Орджоникидзевскому райисполкому – 90 тыс. руб.; Ардонскому – 170 тыс.; Алагирскому – 110 тыс.; Садонскому – 100 тыс.; Дигорскому – 170 тыс.; Ирафскому – 40 тыс.; Гизельдонскому – 100 тыс.; Орджоникидзевскому горисполкому – 200 тыс. руб. [7, л. 155].

В рамках обозначенной проблемы требует своего решения также вопрос о детях беспризорных, которые вместе с взрослыми прибывали в Осетию. До осадного положения в Северной Осетии было 7 детских домов, в которых размещалось 520 чел. В первые месяцы войны в Осетию прибыло около 800 детей из детских домов из Ленинграда и Ростова-на-Дону, Донецка, Макеевки, Севастополя, Симферополя. Но были и такие, кто перемещался без сопровождения – беспризорные и оставшиеся без опеки. Так, из разных районов Украины в Осетию прибыло около 60 беспризорных детей, которые были размещены в детском приемнике НКВД республики [8, л. 6]. Ко времени эвакуации за пределы Северной Осетии в официальных документах указывалось количество воспитанников детских домов – 1120 чел. [9, л. 16].

На ликвидацию детской беспризорности направлены были усилия партийно-государственных и общественных организаций. Так, на одном из заседаний комитета обороны было принято постановление: «Обязать исполкомы райсоветов к 5.01.42 г. выделить комнаты при каждом отделении милиции; организовать в этих комнатах дежурство из представителей органов народного образования, ВЛКСМ, для проведения культурно-массовой работы с задержанными детьми и их родителями. Обратит внимание культурных и зрелищных предприятий города на недопустимость скопления детей в вечернее время в указанных местах и на необходимость организации обслуживания детей в дневное время. Считать необходимым установления дежурств в указанных местах из представителей органов народного образования, милиции и комсомола. В целях более успешной борьбы с детской безнадзорностью предложить гор и райОНО по договоренности с отделами пропаганды и агитации горкома ВКП(б) и райкомов ВКП(б) и лекционным бюро СОАССР систематически проводить на предприятиях и учреждениях лекции и беседы по вопросам воспитания советских детей; привлечь к делу борьбы с детской безнадзорностью печать и радио» [10, л. 145]. Такой обстоятельный развернутый план является подтверждением того обстоятельства, что власть стремилась не допустить развития беспризорности и безнадзорности детей.

К сожалению, пока не удалось установить общее количество эвакуированных в Осетию граждан за все годы войны, предстоит кропотливая работа. Нужно учитывать тот факт, что перемещение эвакуированных происходило постоянно, часть оседала в Осетии, другие через некоторое время переводились на Урал, в Закавказье. Полный учет не велся, что усложняет всестороннее изучение темы.

Но даже имеющиеся сведения позволяют утверждать, что Северо-Осетинская АССР приняла свыше 13 тыс. чел. до осени 1942 г. В августе 1942 г. Северо-Осетинская АССР, как и другие северокавказские республики, была объявлена на военном положении [11, с. 108], а в начале сентября того же года из г. Орджоникидзе (столицы республики) началась организованная эвакуация предприятий, организаций и населения [12, л. 103]. В начале октября 1942 г. в республику прекратился поток эвакуированных в связи с обострившейся обстановкой на фронте. Составы с реэвакуированными начали вновь прибывать весной 1943 г. после полного изгнания врага с территории СО АССР.

Список литературы

1. Кулумбетов Р. Осетины и Крым. Связь времён и событий. URL: <https://respublikarso.org/history/2084-osetiny-i-krym-svyaz-vremen-i-sobytyiy.html> (дата обращения: 01.04.2022).
2. Наша среда. URL: <https://nashasreda.ru/> (дата обращения 2.04.2022).
3. Память о пережитом. Архивы Республики Северная Осетия – Алания – 75-летию Победы. Сборник документов и материалов. Владикавказ, 2020.
4. Центральный государственный архив РСО-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. Р-629. Оп. 2. Д. 17.
5. Государственный архив новейшей истории РСО-Алания (ГАНИ РСО-А). Ф. 1. Оп. 4. Д. 271.
6. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 11.
7. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17.
8. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 15.
9. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 11.
10. ЦГА РСО-А. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 43.
11. Хубулова С.А., Хаблиева Л.Ч., Батыров А.Е. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны. Владикавказ, 2012.
12. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17.

А.А. Аджирирова

РАЗВИТИЕ ФОТОЖУРНАЛИСТИКИ ДОНБАССА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена изучению особенностей фотожурналистики Донбасса в годы Великой Отечественной войны. Рассматривается история фотографии в системе общественно-политической и культурной жизни региона, влияние политики советской власти на военную фотографию, жанровые особенности военной фотографии в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Донбасс, военная фотография, фотожурналистика, фотокор.

A.A. Adzhimirova

DEVELOPMENT OF PHOTOJOURNALISM IN DONBASS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the study of the peculiarities of photojournalism of Donbass during the Great Patriotic War. The article examines the history of photography in the system of socio-political and cultural life of the region, the influence of the policy of the Soviet government on military photography, genre features of military photography during the Great Patriotic War.

Key-words: The Great Patriotic War, Donbass, military photography, photojournalism, photojournalism.

Великая Отечественная война – героический и одновременно трагический период истории нашей страны, во время которого советскому народу путем титанических усилий удалось отстоять свою свободу.

На фронтах Великой Отечественной войны вместе с солдатами сражались тысячи военных фотокорреспондентов. Их основным оружием была фотокамера, с помощью которой они запечатлели все этапы военных действий, показали мужество и героизм советских воинов. Среди фотокорреспондентов были и

выходцы из Донбасса. Советские военные корреспонденты были создателями образа Великой Отечественной войны, заложили основы для восприятия войны будущими поколениями.

Актуальность данной темы связана с тем, что сегодня Донбассу, одному из наследников Великой Победы, пришлось встать с оружием в руках на защиту своей свободы. На землю нашего края вновь пришли горе и разрушения. По этой причине память о подвиге наших предков становится для всего народа особенно ярким примером и призывом к борьбе. Это важно не только для русских, но и для народов всего мира, которые борются за свою независимость, за свою землю и свой язык. На наш взгляд, очень важно, чтобы подрастающее поколение воспитывалось на примерах истинных героев, победивших фашизм, отстаивших свободу; на примерах людей, беззаветно преданных своей Родине.

На фронтах Великой Отечественной войны фотокорреспонденты сопровождали солдат на боевых позициях, вели документальную фотохронику в партизанских отрядах. Фотоматериал для газетных статей зачастую поступал в редакции прямо с линии фронта. Фотокамеры были для фотожурналистов настоящим «оружием», с помощью которого были сделаны исторические документальные фотографии.

Неустанно работали фотокамеры, помогая вести фотолетопись войны, – делать нужное, тяжкое, опасное дело. Часть фототехники, которая использовалась в то время, сейчас хранится в музеях, в том числе в Музее фотожурналистики и фототехники в Донецке. Он был и остается единственным в мире; это место, где фотожурналистика представлена так широко – во всех аспектах и ипостасях. О моделях фотоаппаратов можно также узнать по редким фотографиям самих фотокорреспондентов, а также из мемуарной литературы. Официально иностранная техника находилась под запретом и журналистам разрешалось использовать в работе только отечественные аналоги. Так, Евгений Халдей вспоминал, что в прифронтовой полосе разрешалось использовать только отечественный ФЭД – так называемую «русскую Лейку». Однако в сложных погодных условиях, под огнем противника советская техника часто выходила из строя, поэтому журналистам известных советских изданий давали специальное разрешение на использование иностранных фотоаппаратов. Так, известный советский фотокор Анатолий Егоров первоначально делал снимки на советскую фотокамеру «ФЭД», но на передовой в окопах среди пыли и грязи техника сломалась. На подступах к Одессе проблему удалось решить: «Когда ходили в контратаку, я видел на ничейной полосе убитого фашистского офицера, а у него на ремешке через плечо – фотоаппарат...» [1]. Трофейным фотоаппаратом оказалась немецкая Leica. А. Егоров отметил, что никто из солдат на фотоаппарат не позарился, так как солдатам и офицерам запрещалось фотографировать на фронте. За нарушение запрета можно было попасть под трибунал. В итоге до конца войны А. Егоров проработал с трофейным фотоаппаратом. Признанные мастера советской фотографии Евгений Халдей, Марк Марков-Гринберг, Аркадий Шайхет и Борис Шейнин всю войну прошли с фотоаппаратами Leica. Мастер советского военного фоторепортажа Борис Игнатович использовал фотоаппарат Leica II

немецкого производства и английскую камеру Junior Special Ruby Reflex. При этом фотограф самостоятельно сконструировал для камеры сменные объективы. Они помогали ему производить съемку не только в условиях хорошего освещения, но и в сумерках, а также в землянках. Знаменитые исторические кадры Потсдамской конференции Е. Халдей сделал широкоформатной камерой Speed Graphic, которую ему подарил американский фотограф Роберт Капо [2]. В условиях несовершенства отечественной техники, недоступности хороших фотоаппаратов и телеобъективов для рядовых фотографов, военным корреспондентам часто приходилось рисковать жизнью, чтобы сделать хороший кадр на поле боя. Константин Симонов, рассказывая о нелегком труде военкоров, писал: «И еще тяжелей, чем для нас, писавших о ней, война оборачивалась для тех, кто должен был снимать ее на пленку, – для военных фотокорреспондентов и операторов... Войну издали не снимешь, войну можно снимать только вблизи!» [3].

На строительстве оборонительных сооружений на подступах к Донбассу работало около 500 тыс. его жителей, из которых в октябре 1941 года была создана целая трудовая армия. Для них выходила даже специальная газета «Донбасский отпор», которую выпускала группа журналистов областной газеты «Социалистический Донбасс» [4, с. 8]. В ее редакцию вошли донецкие журналисты Н.М. Протасов, И.И. Зенин, А.И. Ярмаль, Б.М. Щаранский, М.М. Сорокин, а ее активными помощниками стали сотни бывших рабкоров и селькоров. Уже в пятом номере, от 12 сентября 1941 г., газета сообщала: «В стенновке дистанции №1 показана многообразная лагерная жизнь. Рабкоры особенно уделяли внимание вопросам производства и агитационно-массовой работе. Передовики-стахановцы поделились опытом организации труда. Такие боевые листки теперь будут выходить на дистанции ежедневно» [5]. На страницах газеты публиковались снимки с фронта, фотографии советского военного руководства.

Среди фотокорреспондентов, связанных с Донбассом, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, необходимо назвать Е. Халдея, Е. Комму, Л. Шлапоберского, П. Кашкеля и других. Так, мариуполец, штатный фотокорреспондент местной газеты Павел Кашкель в 1941 г. защищал Москву, а на передовой в его руках всегда был фотоаппарат. Потом П. Кашкеля пригласили в дивизионную газету. Фотограф запечатлел лица тысяч советских бойцов и командиров, освобождавших Донбасс и Запорожье, Молдавию, Румынию, Венгрию, был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Ефим Комм работал корреспондентом «Комсомольской правды». Он часто рисковал жизнью, чтобы задокументировать победное наступление советских войск. По воспоминаниям М. Лангмана, однажды Е. Комму пришлось под огнем противника переправиться через реку для того, чтобы сделать снимки танковой атаки на плацдарме. Эти снимки на следующий день появились в очередном номере газеты танкового корпуса, к которому был прикомандирован Е. Комм [5, с. 224].

Переломные битвы войны – Смоленское сражение, битва за Москву, Сталинградское сражение, сражение на Курской дуге, форсирование Днепра, освобождение Украины и Крыма, освобождение европейских стран, битва за Берлин

– широко освещались как фронтовой прессой, так и центральной. Например, бои в Сталинграде снимали Э. Евзирхин, Г. Зельма, П. Трошкин, Н. Боде, Г. Липскеров, Ю. Чернышов, Я. Рюмкин и многие другие. Б. Игнатович, Я. Давидзон, М. Трахман вели фоторепортажи из партизанских отрядов. П. Оцуп, А. Скурихин освещали труд оборонных предприятий.

Среди фотокоров, работавших в Донбассе на втором этапе войны следует отметить Л. Шлапоберского, Э. Евзерихина. Один из снимков луганского фотографа Льва Шлапоберского, сделанный 14 февраля 1943 г. в освобожденном от нацистов Ворошиловграде – вошел в издание «Великая Отечественная война в фотографиях и кинодокументах. 1943 г.» [7] Митинг, посвященный освобождению Донбасса и г. Сталино, состоялся 15 сентября 1943 г. на площади перед сожженным Домом Советов (здание администрации Ворошиловского района). В качестве основных гостей на митинге присутствовали члены военного совета Южного фронта, командующий фронтом Ф.И. Толбухин, секретарь ЦК КП(б)У Д.С. Коротченко, командиры подразделений, первыми ворвавшихся в город. В это время в Сталино работал военный фотокорреспондент Эммануил Евзирхин, благодаря которому у нас есть возможность лицезреть снимки самого первого митинга, посвященного освобождению шахтерской столицы.

Военная фотография в годы Великой Отечественной войны выполняла две главные функции – она обличала все зверства фашистов, являлась важным документом, наиболее убедительным свидетельством и одновременно обвинительным актом против оккупантов; она звала в бой, на защиту Родины, с помощью снимков-символов, снимков-лозунгов, снимков-плакатов, поднимаясь до больших художественных высот и обобщений и в то же время, не теряя своей конкретности и документальности. Наряду с этими задачами фронтовые фоторепортеры показывали и обычную, будничную сторону войны, тяжелую повседневную солдатскую работу (снимки И. Озерского «Солдатский труд», Г. Липскерова «Пусть солдаты поспят», Г. Санько «Письмо домой», М. Трахмана «В землянке белорусских партизан», «Обед бойца», А. Устинова «Между боями», «Попей, сынок»).

В ходе войны советские фотокорреспонденты сделали сотни тысяч снимков. Большинство их сыграло свою роль на страницах печати и в настоящее время хранится в многочисленных архивах. Но некоторые из них, считавшиеся, возможно, в свое время недостаточно значительными, приобрели с годами большую ценность. Изменились критерии их оценивания. Актуальный, документальный аспект отошел на второй план, уступив место художественному обобщению. Мир стал открывать для себя силу советской военной фотографии, занявшей в истории современной фотожурналистики особое положение, которое объясняется тем, что если в военной фотографии других стран ярко отличаются имена нескольких исключительных репортеров, то советский военный фоторепортаж заслуживает внимания как единое целое.

Военные фотографии стали настоящими летописцами войны, отражая на своих снимках все значимые события. Они сражались наравне солдатами, подвергая свою жизнь смертельной опасности, и перенесли все тяготы войны.

Обращение к истории советского военного фоторепортажа позволяет, с одной стороны, глубже понять историю Великой Отечественной войны, а с другой – проследить историю становления советской визуальной пропаганды. Советские военные корреспонденты были создателями образа Великой Отечественной войны, заложили основы для восприятия войны будущими поколениями.

Список литературы

1. Добровольский А. Стоп-кадры войны. Как фельдмаршал Паулюс угодил в перепроявку. URL: <https://www.womanhit.ru/archive/586786-stopkadryi-voynyi.html>
2. Кузнецова О. Человек с «Лейкой» // Собеседник. 2015. № 18. С. 15.
3. Чудаков Г. Фотолетопись Великой Отечественной // Советское фото. 1985. Май. С.2.
4. Жирохов М. Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941–1943. М., 2011.
5. Госархив ДНР. Ф. 5758. Оп. 1. Д. 2. Л. 60.
6. Лангман М. Готов рискнуть // Солдаты слова. Донецк, 2003.
7. Антология советской фотографии: [фотоальбом: в 3 т.] / сост. Л. Ухтомская, А. Фомин. М., 1987. Т. 2: 1941–1945.

Н.В. Селюнина

СОЗДАНИЕ УЧЕБНОЙ СЕТИ ВОЕННО-САНИТАРНОЙ ПОДГОТОВКИ ДЕВУШЕК-МЕДСЕСТЕР И ПРОЦЕСС ВОЕННО-ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ УЧАЩИХСЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе широкого круга архивных источников анализируется процесс вовлечения женщин в санитарные кружки для их обучения оказанию медицинской помощи. Учебная сеть военно-санитарной подготовки постепенно расширялась, росла квалификация. Процесс военно-физической подготовки усиливался, шла работа по освоению военных специальностей.

Ключевые слова: военно-санитарная подготовка, курсы медсестер, медицинские школы, учебно-санитарные дружины, военно-физическая начальная подготовка, оборонно-спортивные мероприятия.

N.V. Selyunina

CREATION OF A MILITARY-HEALTH TRAINING NETWORK OF GIRLS-NURSES AND THE PROCESS OF MILITARY-PHYSICAL TRAINING OF STUDENTS IN THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article, based on a wide range of archival sources, analyzes the process of involving women in nursing classes to train them to provide medical care. The military and medical training network gradually expanded, the qualifications grew. The process of military and physical training was intensifying, work on mastering military occupations was underway.

Key-words: military and medical training, nursing courses, medical schools, training and sanitary brigades, military-physical elementary training, defense and sports activities.

Задача военно-санитарной подготовки девушек для фронта стояла не менее остро, чем подготовка военных специалистов. В первый же день войны Ростовский городской комитет партии потребовал от всех партийных и комсомольских организаций «обеспечить широкое вовлечение женщин в санитарные кружки и их обучение навыкам оказания первой медицинской помощи». В свою очередь,

Ростовский обком ВЛКСМ принял 24 июня 1941 г. постановление, предусматривающее организацию для девушек медицинских школ и курсов медсестер. В нём содержались требования, адресованные учителям и работникам школ, «в пионерских отрядах проводить обучение умению оказывать первую медицинскую помощь» [1].

Через день, 26 июня бюро обкома ВЛКСМ посвятило отдельное заседание вопросу «об организации курсов медсестер и санитарных дружин из числа комсомольцев и несоюзной женской молодежи» [2]. Горкомам и райкомам комсомола поручили не позднее 5 июля 1941 г. провести набор на курсы медсестер девушек, имеющих образование не ниже семи классов, и доукомплектовать учебно-санитарные дружины девушками, имеющими образование не ниже четырех классов [3]. Группа должна была состоять из 45 чел. Базой для обучения стала школа медицинских сестер, которая была в г. Каменске еще до войны. В апреле 1941 г. эту школу окончили 99 девушек. Завершив первый выпуск, школа приступила к подготовке нового набора. В этом наборе числилось 143 чел. Учащиеся школы медсестер успешно овладевали практическими навыками оказания первой медицинской помощи, изучали военно-полевую хирургию, учились владеть винтовкой и пулеметом по программе школы ворошиловских стрелков.

Подготовка сандружинниц широко практиковалась и в общеобразовательных школах города. По итогам обучения проводились зачеты среди девчат на значок «ГСО». Вот как вспоминала о тех днях бывшая выпускница школы № 3 Л.Н. Богатова: «Мальчишки осваивали оружие, учились тушить зажигательные бомбы, а мы постигали азы медицины. Преподавали хорошо, так, что до сих пор смогу сделать любую перевязку. Позже, когда отступали, мне уже не понарошку приходилось перевязывать раненых бойцов. Помню одного парня, всего истекающего кровью; осколок застрял у него в лопатке, пришлось тащить зубами. Это было в районе Раздор, у переправы через Дон, где шли ожесточенные бои, и наши навыки нам оченьгодились» [4].

С каждым днем войны учебная сеть военно-санитарной подготовки расширялась. К 16 июля 1941 г. санитарные дружины насчитывали 90 чел., а в санкружках занималось более 1000 женщин. В целях обеспечения нормальных условий для занятий женщин-производственниц, призванных для прохождения всеобщего, руководителей предприятий обязали подменять их на производстве [5].

В феврале 1942 г. ГК ВКП(б) потребовал усилить военное обучение женщин, подготовку медсестер, санитарок и связисток. Главной учебно-методической базой по-прежнему оставалась школа медсестер, а основным источником ее пополнения – педучилище. К началу марта 1942 г. в школе обучалось 125 девушек, а еще 60 посещали курсы медсестер и сандружинниц. Уровень военно-санитарной подготовки, естественно, зависел от квалификации обучающего медперсонала, а кадры медработников таяли день ото дня. К весне 1942 г. большинство из них были призваны на фронт. Если до войны город имел 61 врача, то 25 апреля 1942 г. их осталось 13. Они по-прежнему обслуживали горбольницу, которая превратилась в настоящий госпиталь. Перед оккупацией города большинство девушек, окончивших курсы, были направлены на фронт. Незадолго до

сдачи зачетов две из них, Ю. Изварина и М. Цибулина, писали: «В боях с фашистами мы своей высокой медицинской работой, а при случае и боевым оружием, покажем немецким бандитам, на что способны русские женщины» [6].

После освобождения города от гитлеровцев курсы медсестер вновь возобновили работу. 10 июля 1943 г. состоялся их первый выпуск и был произведен новый набор на курсы. В условиях дефицита медицинских препаратов и инструментов, при минимальном штате кадров санитарные кружки и курсы проделали колоссальную работу. За период с начала войны и до конца 1944 г. на фронт ушли 752 медсестры и 275 сандружинницы.

Шла война, и время предъявляло повышенные требования к военно-физической подготовки школьников. Закон о всеобщей воинской повинности требовал, чтобы с 1 сентября 1939 г. военной подготовкой учащихся занимались штатные военные руководители. В соответствии с Приказом Наркомпроса РСФСР «Об организации военно-допризывной подготовки учащихся 8-10-х классов», изданным в ноябре 1941 г., она стала осуществляться по 110-часовой программе. Программа эта предусматривала усиление внимания к физической подготовке старшеклассников. Она носила преимущественно военно-прикладной характер, например, военизированные походы на длинные расстояния, кроссы с преодолением препятствий, прыжки через естественные преграды с грузом, строевую и лыжную подготовку, ведение штыкового боя и военно-физкультурные игры [7].

В 1941–1942 учебном году во всех школах города создавались стрелковые кружки и группы. В практику школьной работы прочно вошли оборонные соревнования. Школьники с большим интересом овладевали военными специальностями. Но в первом военном учебном году программа военно-допризывной подготовки осталась незавершенной. Осенью 1941 г. все старшеклассники привлекались на сельхозработы, трудились на объектах Оборонстроя. В большинстве школьных зданий разместились госпитали, и учиться пришлось в непригодных помещениях. Практически все военруки были мобилизованы, но вопрос допризывной подготовки молодежи не был снят. В постановлении, принятом на собрании партийного актива города 11 февраля 1942 г. было записано: «Повседневно развивать военно-физкультурную работу в школах, воспитывать здоровое поколение, волевое, храброе, настойчивое и самоотверженное, умеющее метко стрелять, ходить на лыжах, переносить трудности и т.д.». [8]

По завершении программы первой очереди всеобща юношам-десятиклассникам 1924 г. рождения без экзаменов вручили аттестаты, после чего все они были призваны в ряды РККА. Часть из них была направлена в военные училища, а уже оттуда, пройдя ускоренный курс обучения – на фронт.

После временной оккупации города с возобновлением учебных занятий, невзирая на трудности, снова возобновился и процесс военно-физической подготовки учащихся. Как и по всей стране, в соответствии с постановлением правительства, в школах был введен новый предмет – начальная и допризывная подготовка в 5–10 классах и военно-физическая в 1–4 классах. Теперь на военно-физическую подготовку вместо 398 часов отводилось 850, по 5 часов в неделю. По военному делу вводились переводные и выпускные испытания. Учащиеся

знакомились с уставом и организационной структурой Красной Армией, с отдельными родами войск, с боевой техникой и тактикой современной войны.

Даже в мирное время введение нового предмета встречает на своем пути много проблем, а в военное – тем более. Как в первом, так и в последующих втором и третьем военных учебных годах не хватало военруков, они часто сменялись, у многих не было педагогической подготовки. Как правило, военруками становились вернувшиеся с фронта по ранению офицеры. Военной подготовкой были охвачены большинство школ города. Перед комсомолом города городской комитет партии поставил задачу: «Каждый комсомолец, каждый юноша и девушка должны овладеть минимумом военных знаний и одной из военных специальностей» [9].

8 июня 1943 г. вопрос «О состоянии военно-физической начальной и допризывной подготовки школьников» вновь выносится на заседание бюро ГК ВКП(б), и речь идет о путях устранения слабых мест в работе школ по военно-физическому воспитанию. Свообразным подведением итогов и свидетельством возрождения спортивных традиций города стал митинг на площади Труда 18 июня 1943 г., посвященный Всесоюзному дню физкультурника, который впервые проводился за два года войны. Митинг завершил парад физкультурников города. В этот день в праздничной колонне прошли все спортивные команды города. Еще более насыщенным в плане оборонно-массовой работы школ стали новый, 1943–1944 учебный год, а также следующий за ним 1944–1945 учебный год. Успешное решение задачи усиления физического развития школьников благотворно сказывалось на укреплении дисциплины в школах. В годы войны военная и физическая подготовка слились фактически в один предмет.

Традиционными стали школьные и городские оборонно-спортивные соревнования. С 1 по 15 октября 1943 г. состоялись оборонно-спортивные соревнования учащихся, школьные команды готовил опытный военный, который работал военруком в школах города – Вениамин Сергеевич Крапивин. Переживший тяжелейшее ранение, он отдавал все силы важному делу. В зимние каникулы он старался выводить детей в лес, учил ходить на лыжах, устраивал лыжные соревнования и военную игру на местности.

Военизированные пешие и лыжные походы, марш-броски и кроссы – все это повышало физическую подготовку будущих воинов. Приносили свои плоды совместные усилия школ. В результате мощной работы с учащимися было подготовлено 170 ворошиловских стрелков, 66 автоматчиков, 44 гранатометчика, а в педучилище – еще 39 ворошиловских стрелка.

До конца учебного года силами учащихся были приведены в порядок и оборудованы спортивные площадки во всех школах города, что позволило большую часть занятий проводить на свежем воздухе.

18 июля 1944 г. во Всесоюзный день физкультурника на праздник вышли спортсмены всех школ в количестве 960 чел., в том числе спорттрота девушек из 120 чел. В начале 1944–1945 учебного года в Каменске состоялись ставшие традиционными в ту пору осенние оборонные соревнования, в конце которых прошел митинг, посвященный XXVI годовщине ВЛКСМ и второму году введения

военного всеобуча. Этот митинг завершили спортивный парад и эстафета, в которой участвовало более 700 чел. [10].

Весной 1945 г., как всегда, начались зачеты по сдаче норм «ГТО». «Нормативы были жесткими, – вспоминает фронтовик, бывший учитель физкультуры Федор Федорович Усачев, – они включали прыжки с парашютом, вышку и борьбу. Эстафета была сложной, сначала бег, затем ребята преодолевали вплавь реку Донец туда и обратно, и с гранатой в руках преодолевали определенный отрезок вверх по горе, назад спускаясь на велосипедах. Выполнив все условия, экзамен был сдан и получен значок «ГТО»» [11].

В результате такой интенсивной подготовки школы города подготовили 375 пловцов, 312 мастеров рукопашного боя, 6 инструкторов-общественников, 1379 юных спортсменов украсили свою грудь значками «ГТО». В завершении хотелось бы отметить, что на чувстве патриотизма держится высокое чувство любви к Родине. Мы должны знать историю своего Отечества, ибо, если мы забудем прошлое, у нас не станет и будущего. Великое не умирает!

Список литературы

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 1. Оп. 3. Д. 87. Л. 174.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 2. Оп. 5. Д. 89. Л. 181.
3. Государственный архив администрации г. Каменск-Шахтинска. Ф. 4. Оп. 4. Д. 76. Л. 123.
4. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 245. Л. 121–122.
5. ЦДНИРО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 245. Л. 121–122.
6. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14, Л. 145–148.
7. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14, Л. 145–148.
8. РГАЭ. Ф. 8765. Оп. 12. Д. 57. Л. 9–14.
9. РГАЭ. Ф. 8765. Оп. 12. Д. 57. Л. 9–14.
10. ЦДНИРО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 278. Л. 134.
11. ГАРО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 89. Л. 182.

Б.В. Ионов, Д.А. Паркин

«ЧЕРНЫЙ КРЕСТ НА ГРУДИ ИТАЛЬЯНЦА...»: ИТАЛЬЯНСКИЙ ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОРПУС CSIR В ДОНБАССЕ В 1941–1942 ГГ.

В статье рассматриваются действия итальянского экспедиционного корпуса CSIR в ходе проведения наступательных операций в составе германской группы армий «Юг». В материалах статьи проведен анализ боевых действий итальянских дивизий корпуса в боях за Донбасс в конце 1941 – начале 1942 гг.

Ключевые слова. Донбасс, берсальеры, корпус, вермахт, группа армий «Юг», CSIR, Миус.

«BLACK CROSS ON THE ITALIANS BREAST...»: ITALIAN EXPEDITIONARY CORPS CSIR IN DONBASS IN 1941–1942

The article examines the actions of the Italian expeditionary force "CSIR" during offensive operations as part of the German army group "South". The article analyzes the main actions of the Italian divisions in the battles for Donbass in late 1941 – early 1942.

Key-words. Donbass, bersaglieri, corps, Wehrmacht, Mius, red Army.

В связи с проведением специальной военной операции на Украине и попытками международной изоляции России со стороны США и их союзников по НАТО большой интерес вызывают события, произошедшие в годы Великой Отечественной войны. Попытка сокрушить СССР нацисткой Германией и её сателлитами, одним из которых была фашистская Италия, завершилась катастрофой для последних, как закончатся крахом устремления их современных последователей.

В этом контексте проведем анализ действий итальянского экспедиционного корпуса CSIR в ходе проведения наступательных операций в составе германской группы армий «Юг».

27 сентября 1940 г. между Германией, Японией и Италией был подписан договор (Берлинский пакт), который стал дальнейшим продолжением антикоминтерновского пакта 1936 г. и представлял собой союз, направленный на вооруженную агрессию против СССР [1, с. 37]. Окончательно вопрос о вступлении Италии в войну против Советского Союза был предрешен весной 1941 г., когда правительство Б. Муссолини, несмотря на поражения на Балканах и в северо-восточной Африке, гарантировало А. Гитлеру участие части итальянских вооруженных сил в войне с СССР.

Вооруженные силы Италии состояли из Сухопутных войск, ВВС, ВМФ и «войск национальной безопасности». Сухопутные войска обладали слабой мобильностью и технической оснащенностью по сравнению с германскими войсками. В наступательных операциях вермахта на Восточном фронте итальянские подразделения выполняли вспомогательную роль, чаще всего в тылу, на второстепенных участках или располагались в резерве. В обороне они действовали, в основном, в первом эшелоне; во втором находились дивизии германских войск, назначение которых – контратаки и контрудары [1, с. 287]. В СССР итальянские войска были в прямом подчинении командованию группы армий «Юг» и в критических ситуациях направлялись на самые опасные участки фронта, что не могло не вызвать недовольства руководства корпуса и конфликтов с германским командованием.

Сформированный для войны в Советском Союзе итальянский экспедиционный корпус «Corpo di Spedizione Italiano in Russia» – CSIR под командованием генерала Д. Мессе состоял из 3-х моторизованных («автотранспортируемых») дивизий 52-й «Торино», 9-й «Пасубио» и 3-й «Челере» [4, с. 43]. В их состав входили мобильные подразделения гвардейцев-берсальеров. Дивизии были оснащены лучшей итальянской боевой техникой, вооружением и снаряжением. Так, личный состав насчитывал 59 тыс. солдат и 2,9 тыс. офицеров; 83 самолёта и

61 танк; 108 полевых орудий, 256 – противотанковых и 80 – зенитных; 5500 автомобилей, 866 ручных и 81 станковый пулемёт; 1550 мотоциклов [4, с. 267–268]. Сведения свидетельствуют о сравнительно высокой военно-технической оснащённости экспедиционного корпуса, который с воздуха прикрывала собственная авиагруппа. Однако тактико-технические характеристики итальянской боевой техники не вполне соответствовали условиям войны в СССР.

В июле 1941 г. первые соединения CSIR были отправлены на советско-германский фронт в полосу действий армий «Юг». Части корпуса по железной дороге выдвинулись из Италии (Рим, Верона) через Австрию (Вена) и Венгрию (Будапешт). К месту сбора в Румынии (Сучава, Фэлтичены) личный состав корпуса и частично вооружение были доставлены на автомашинах и гужевым транспортом [2, с. 36].

20 июля 1941 г. итальянский корпус начинает боевые действия против РККА в оперативном подчинении первой танковой группы Клейста [3, с. 81]. 11 августа 1941 г. первой в боестолкновениях с Красной Армией понесла потери дивизия «Посубио» (17 убитых) на западном берегу р. Буг в районе с. Покровское, севернее г. Николаев [4, с. 51].

По свидетельству начальника штаба итальянских сухопутных войск, Маршала Уго Кавальеро, он получил доклад от генерала Мессе, которому в конце сентября 1941 г. «...удалось сосредоточить весь экспедиционный корпус и ввести его в действие, не дробя по частям» [5, с. 79]. В докладе Мессе было указано, что корпус CSIR во взаимодействии с 1-й танковой группой Клейста завершил окружение частей РККА севернее Днепропетровска. В операции принимали участие все три дивизии корпуса.

Уделяя большое значение захвату важнейшего индустриального центра СССР – Донбассу, наступление германских войск на этот район началось 29 сентября 1941 г. 8 октября 1941 г. подвижная группа 17-й армии группы армий «Юг» и передовые части 1-й танковой армии Клейста окружили в районе Бердянска основные силы 9-й и 18-й армии Южного фронта. Вследствие этого немецко-фашистские войска вошли на территорию Донбасса и внезапным ударом 9 октября овладели Мариуполем [6, с. 17].

Непосредственное участие в боевых действиях в Донском бассейне против советских войск 9-й армии Южного фронта корпус CSIR принимает в оперативном подчинении 1-й танковой армии, которая наносит удар в обход индустриального района с юга с дальнейшим выходом к Таганрогу и Ростову.

Итальянские войска продвигались к административной столице Донбасса – г. Сталино вслед за 14-м танковым и 49-м горнострелковым корпусами вермахта, прикрывая оперативные тылы корпусов и обеспечивая стык 17-й полевой армии с 1-й танковой армией, ведя бои с 296-й стрелковой дивизией 12-й советской армии и 383-й стрелковой «шахтерской» дивизией 18-й армии.

Большие проблемы для итальянских дивизий возникли вследствие невозможности быстрого преодоления р. Волчьей и перестроения в боевые порядки для наступления. Причиной этому было отсутствие полноценного инженерно-

саперного обеспечения и автотранспорта. Итальянские дивизии корпуса «Пасубио» и «Челере» ушли вперед, в то время как дивизия «Торино» безнадежно отстала. С большим трудом, переправившись через р. Волчья 14 октября, итальянцы наткнулись на организованную оборону 383-й «шахтерской» дивизии под командованием полковника К.И. Провалова в районе пос. Елизаветовка [4, с. 61].

Трое суток, до конца дня 17 октября, бойцы «шахтерской» дивизии на своих позициях сдерживали наступление итальянских кавалерийских полков «Савойя» и «Наварра», уничтожая всадников ружейно-пулеметным и минометным огнем: «Среди этого ада, освещенного тусклым октябрьским солнцем, носятся и истошно ржут лошади, потерявшие всадников...» [7, с. 27–28]. Итальянцы в бою под Елизаветовкой потеряли около 500 солдат и офицеров. Советские бойцы захватили большое количество пленных, а также оружия, снаряжения, лошадей.

Тяжелые бои проходили, начиная с 17 октября на линии н.п. Дачное – Успенковка, которые несколько раз переходили из рук в руки. В этот же день 383-я стрелковая дивизия получила приказ на организованный отход на рубеж Кураховка – Максимильяновка – Марьинка – Александровка – Андреевка. Слева от неё отходила 38-я кавалерийская дивизия.

Наиболее ожесточенные бои проходили 19–20 октября 1941 г. на западных окраинах г. Сталино по линии от пос. Горняк до ст. Авдотьино. В этом районе дивизия «Челере» и 198-й немецкая пехотная дивизия 49-го горнострелкового корпуса перешли в наступление при поддержке около 100 немецких танков. Однако, бойцы-шахтеры и поддерживающий их 30-й полк НКВД гранатами и бутылками с горючей смесью отбили атаку, уничтожив при этом около 50 танков. С утра 20 октября бои разгорелись уже в южных пригородах г. Сталино. В помощь дивизии «Челере» выдвинулась дивизия «Пасубио», которые совместными действиями начинают наступление на правый фланг 383-й дивизии, который прикрывал 694 стрелковый полк, стоявший насмерть [4, с. 66].

В ночь на 21 октября 1941 г. советские войска оставили столицу Донбасса – г. Сталино. Итальянские дивизии CSIR продолжили наступление на Горловку, Рыково и Зугрэс. Кровопролитные сражения развернулись по всей полосе наступления итальянского корпуса 22–24 октября, при которых особенно чувствительные потери понесла дивизия «Челере» при занятии н.п. Андреевка, Скотоватая и Пантелеймоновка. В этом районе итальянцам противостояли части 74-й и 296-й стрелковых дивизий 12-й армии Южного фронта [4, с. 66]. 6 ноября 80-й полк дивизии «Пасубио» был окружен на ст. Никитовка в Горловке бойцами 74-й стрелковой дивизии. Командование 49-го горнострелкового корпуса не оказало поддержки союзникам. С огромным трудом и большими потерями, при поддержке авиации, итальянской пехоте удалось вырваться из кольца только через 6 дней. Местом дислокации отдельной авиационной эскадры CSIR, прикрывавшей наземные войска с воздуха был аэродром в захваченном Сталино [8, с. 226].

В первой половине ноября 1941 г. наступление итальянского корпуса было приостановлено вследствие тяжелых потерь и невозможности качественно улучшить его обеспечение боеприпасами, топливом, провиантом, зимним обмунди-

рованием, и снаряжением. Именно в этот период и начинаются серьезные противоречия между командующим корпусом Мессе и германским командованием. Мессе отказался выполнять очередные указания командования 1-й танковой армии, объясняя свой отказ усталостью солдат и невыполнением немецкими тыловыми службами своих обязательств по обеспечению итальянского корпуса [2, с.149]. Как позднее вспоминал командующий 6-й армии вермахта Ф. Паулюс, «... у итальянцев не было самого элементарного снаряжения и вооружения для проведения масштабных операций, не говоря уже об отсутствии внятных планов действий на просторах России» [9, с. 85–86].

После непродолжительной передышки корпус CSIR во второй половине ноября – декабре 1941 г. принимает участие в тяжелейших наступательных и оборонительных боях 4-го армейского корпуса 17-й полевой армии вермахта в 96-ти километровой полосе против 12-й армии Южного фронта. Контрнаступление советских войск способствовало разгрому 1-й танковой армии и освобождению Ростова 29 ноября 1941 г. спустя неделю после первого захвата города немецкими войсками. В течение декабря 1941 г. наступательно-оборонительные операции с обеих сторон на этом участке фронта привели к тяжелейшим позиционным боям. Попытки командования Южного и Юго-Западного фронтов силами шести армий разгромить 4-й армейский и итальянский корпус CSIR, 49-й горнострелковый, 14-й и 3-й моторизованные корпуса закончились безрезультатно [10, с. 102].

В этот же период итальянские моряки принимали участие в патрулировании азовского побережья в районе Мариуполя. Для этого в мариупольский порт были доставлены 10 итальянских противолодочных катеров и суда обеспечения из десятой флотилии MAC [11, с. 216].

Особенно ожесточенные бои с участием корпуса CSIR и 52-й пехотной дивизии «Торино» проходили в районе крупнейшего железнодорожного узла – ст. Дебальцево. С 7 по 25 декабря 1941 г. город четыре раза переходил из рук в руки. В боях за Дебальцево погиб командир 52-й автотранспортируемой дивизии «Торино» генерал Уго де Каролис [10, с. 101]. Смелый и решительный, «генерал Аванти», как уважительно называли его бойцы, получил смертельное пулевое ранение в грудь от неизвестного советского стрелка во время рекогносцировки в районе пос. Хацапетовки (совр. г. Углегорск). Факт смерти столь высокого армейского чина был зафиксирован на первой полосе итальянской газеты «La Domenica del Corriere» [11, di. 1]. Бригадный генерал был посмертно награжден германским командованием Рыцарским крестом [12, с. 57]. Он погребен на итало-немецком кладбище в г. Рыково (совр. г. Енакиево).

25 декабря 1941 г. начались кровопролитные бои за Донбасс в ходе зимнего наступления советских войск, получившего кодовое название «Чистяковская операция». В итальянскую военную историю оно вошло как «Рождественская битва». Удар советской пехоты по передовым позициям итальянцев пришелся на чернорубашечников легиона «Гальяменто» и части дивизии «Челере». В ходе декабрьского сражения особенно серьезные потери потерпел берсальерский полк.

В боях у пос. Новая Орловка только подвижная дивизия «Челере» потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 1.400 человек. С января 1942 г. в секторе действия CSIR наступило затишье, и итальянские части осуществляли исключительно операции местного значения.

К концу 1941 г. итальянский корпус CSIR, в изматывающих боях местного значения, понес тяжелые потери (около 5 тыс. чел.). Такие города как Павлоград, Дебальцево, Горловка, Никитовка, Рыково получили печальную известность в Италии [13, с. 104].

У командующего корпусом Д. Мессе продолжали ухудшаться отношения с германским командованием. Когда весной 1942 г. началась подготовка к отправке на советско-германский фронт сформированной 8-й армии генерала И. Гарибольди, Мессе выразил резкий протест, считая, что это приведет к неоправданно высоким потерям среди итальянских военнослужащих, что впоследствии и произошло в боях под Сталинградом и на Кавказе (60% офицеров и 40% нижних чинов) [12, с. 57, 64].

Именно о бесславно сложивших головы в чужой и далёкой стране итальянцах и написано пронзительное стихотворение М. Светлова «Итальянец».

Список литературы

1. Вторая Мировая война. Итоги и уроки. М., 1985.
2. Мессе Д. Война на русском фронте. Итальянский экспедиционный корпус в России (К.С.И.Р.). М., 2009.
3. История Второй Мировой войны 1939–1945. М., 1975. Т. 4.
4. Сафронов В.Г. Итальянские войска на Восточном фронте. 1941–1943 гг. М., 2012.
5. Кавальеро У. Записки о войне (дневник начальника итальянского Генерального штаб). М., 1968.
6. Жирохов М.А. Сражение за Донбасс. Миус-фронт. 1941–1943. М., 2011.
7. Провалов К.И. В огне передовых линий. М., 1981.
8. Бунтовский С.Ю. История Донбасса: научно-популярное издание. Донецк, 2017.
9. Сталинградская эпопея. Свидетельства генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса. 1939–1943 гг. / под ред. Гёрлице В. М., 2012.
10. Афанасенко В.И. Дебальцево – «мини-Сталинград» сорок первого года // Історичні і політологічні дослідження. 2011. № 1-2 (47–48), С. 100–103.
11. La Domenica del Corriere. 21 Dicembre 1941. № 51.
12. Залеский К.А. Железный крест – высшая награда Рейха. Самая полная энциклопедия. М., 2013.
13. Скотони Д. Захват Сталино в 1941 году и память итальянских оккупантов о «новом порядке» в Донбассе // Журнал исторических, политологических и международных исследований. Донецк, 2019. № 1 (68). С. 101–111.
14. Стёпкин В.П. История Донецка. Донецк, 2004.

Е.Е. Лютов

ПОСЛЕДНИЕ ЗАЩИТНИКИ КЕРЧЕНСКОЙ КРЕПОСТИ. СУДЬБА БОЙЦОВ 17-Й ОТДЕЛЬНОЙ ПУЛЕМЁТНОЙ РОТЫ КВМБ

19 мая 1942 г. немецкие войска начали генеральный штурм Керченской крепости, но встретили ожесточённое сопротивление. Этот удар приняла небольшая группа бойцов 17-й

отдельной пулемётной роты Керченской военно-морской базы, последних защитников крепости.

Ключевые слова: Керченская крепость, Керченская оборонительная операция, Операция «Охота на дроф».

E.E. Lyutov

**THE LAST DEFENDERS OF THE KERCH FORTRESS.
THE FATE OF THE FIGHTERS OF THE 17TH SEPARATE MACHINE GUN
COMPANY OF THE KVMB**

On May 19, 1942, German troops launched a general assault on the Kerch fortress, but met fierce resistance. This blow was taken by a small group of fighters of the 17th separate machine-gun company of the Kerch naval base, the last defenders of the fortress.

Key-words: Kerch fortress, Kerch defensive operation, Operation «Hunting for bustards».

В мае 1942 г. произошла печально известная в отечественной историографии катастрофа Крымского фронта. Недельная оборона Керченской крепости завершалась, к 18 мая с переправ в Еникале и Опасном переправлялись последние части 51-й армии Крымского фронта. В этот же день наблюдатели из Керченской крепости доложили, что на южных окраинах Керчи в районе Солдатской слободки противник сосредотачивает значительные силы пехоты, танков и артиллерии. Было очевидно, что немецкие войска готовятся к генеральному штурму крепости. Поскольку свою главную задачу по прикрытию отхода войск Крымского фронта на Таманский полуостров и отвлечению части сил врага на себя гарнизон крепости выполнил, более не было необходимости рисковать людьми. По распоряжению маршала Будённого в ночь на 19 мая защитники крепости эвакуировались [1, л. 18].

Однако, врага нужно было задержать у стен Керченской крепости ещё один день – 19 мая – для того, чтобы полностью завершилась переправа последних частей 51-й армии через Керченский пролив. С этой целью в крепости было решено оставить группу прикрытия. Согласно документам ЦАМО РФ в неё вошли 38 бойцов 17-й отдельной пулемётной роты Керченской военно-морской базы (далее – КВМБ), которые получили задачу сковать силы противника и по возможности продержаться до наступления темноты. После завершения Керченской оборонительной операции в списках, уточняющих потери за 01.07.1942 г. была составлена следующая запись: «*Обороняя Крепость гор. Керчи эта группа была блокирована противником – поэтому, за неимением возможности представить переправу все перечисленные лица остались в Крепости*» [2, л. 221–223]. Все они были внесены в списки потерь КВМБ как пропавшие без вести. Лишь недавно сотрудниками Керченской крепости была проведена работа по установлению судьбы бойцов 17-й пулемётной роты.

В первую очередь, следует обратиться к документам вермахта. В журнале боевых действий 30-го армейского корпуса отмечается, что после того, как немецкие войска перешли в атаку, они встретили ожесточённое сопротивление. Отдельные группы советских бойцов рассредоточились по территории, заняв ряд

прекрасно укрепленных казематов XIX в. и яростно отбивались. Для их подавления противнику пришлось задействовать танки, артиллерию и огнемёты. Лишь к наступлению темноты 19 мая бои за крепость стихли. В вечерней сводке 30-го армейского корпуса сообщалось: *«При использовании огнемётов, многочисленные бункеры, встроенные в каменные стены, гарнизоны которых защищались очень стойко, были взяты с большими потерями для противника. Пленных взять не удалось»* [3, л. 544].

Таким образом, немецкие документы действительно подтверждают, что оставшаяся в крепости группа прикрытия приняла бой, и большая часть из её последних защитников по всей видимости погибла.

Первое подтверждение этому удалось получить в 2018 г. В августе–сентябре 2018 г. на территории Керченской крепости военно-патриотическим поисковым объединением ДОСААФ России «Крымский рубеж» (г. Керчь) и отрядом ПАО Тат-Нефть поиск (г. Казань) проводилась большая поисковая вахта, в ходе которой у Главных ворот крепости (в источниках военного времени назывались Северные ворота) удалось обнаружить останки 18 советских бойцов, погибших 19 мая 1942 г. Судьба оставшихся 20 долгое время оставалась неизвестной [4, с. 90–98].

Как удалось позже выяснить, не все они погибли. Согласно архивным документам ЦАМО РФ и ЦВМА МО РФ 26 бойцов 17-й отдельной пулемётной роты КВМБ действительно до сих пор числятся пропавшими без вести, включая её командира, младшего лейтенанта К.С. Наумова [2, л. 221–223]. Судьбу остальных 12 удалось установить. Согласно документам, войну пережили 7 чел.: Кленин И.П. [5, л. 100], Мудрянов И.И. [6, л. 10], Бондаренко С.Г. [7, л. 192 об.], Борщ Л.Я. [8, л. 176 об.], Окс Б.М. [8, л. 177], Осенко Г.С. [9, л. 907], Якубенко А.М. [10, л. 30].

Несмотря на то, что прямых документов получить в настоящий момент не удалось, не вызывает сомнений, что первые двое, Кленин И.П. и Мудрянов И.И. смогли на подручных средствах переправиться на Таманский полуостров. Едва ли их эвакуировали средствами КВМБ, т.к. иначе они бы остались проходить службу в своей части. После переправы бойцы были зачислены в ближайшие воинские соединения – в 61-ю стрелковую дивизию [5, л. 100] и 383-ю стрелковую дивизию [11, л. 10] соответственно и воевали в их составе до окончания Великой Отечественной войны.

Бондаренко С.Г. попал в плен и был освобождён в 1944 г., после чего продолжил службу [12, л. 18 об.]. По остальным подробных сведений на сегодняшний день нет, известно лишь, что они были живы, проживая по указанным в документах адресам.

Необычным фактом стало расхождение вновь открывшихся данных с немецкими документами. Запись в журнале боевых действий 30-го армейского корпуса сообщает, что пленных после штурма врагу взять не удалось. В последствии же оказалось, что 5 бойцов из 38, числившихся по списку, попали в плен. Помимо упоминавшегося выше Бондаренко С.Г., в их число вошли красноармейцы: Бурага М.В., Карпачев А.М., Лежайский Г.И., Педченко Г.П. Однако,

если посмотреть на даты пленения, то всё становится на свои места. Большинство из наших бойцов были пленены 24–25 мая, т.е. спустя почти неделю после окончания боёв. По всей видимости, оставшиеся в живых пулемётчики укрывались в многочисленных подземных казематах Керченской крепости, ожидая возможности эвакуироваться, и лишь голод и жажда заставили их спустя почти неделю сдаться в плен. Что касается попавших в плен, судьба их сложилась печально. Лишь С.Г. Бондаренко удалось выжить. М.В. Бурага [13, л. 15] и А.М. Карпачев [14, л. 63] умерли в плену, а Г.И. Лежайский [15, л. 44] и Г.П. Педченко [16, л. 316-316 об.] пережили плен, были освобождены, но позже, в 1944 и 1945 гг., погибли в боях.

Один из бойцов, красноармеец Н.П. Кочкарёв попал в список по ошибке. Согласно документам эвакуационного госпиталя № 2343 Н.П. Кочкарёв, получил тяжёлое ранение ещё 16 мая 1942 г. и в этот же день скончался. Он похоронен на кладбище ст. Тамань [17, л. 274 об.].

Нельзя не отметить героизм последних защитников Керченской крепости. Несмотря на мощнейшую поддержку артиллерии и авиации, обладая подавляющим превосходством в живой силе, противник на протяжении целого дня пытался подавить очаги сопротивления наших бойцов, и лишь с наступлением ночи бои стихли. Как отмечается в немецких документах: *«В тяжёлых боях полк (436-й пехотный полк 132-й пехотной дивизии) уничтожил многочисленные современные боевые казематы, построенные в укреплённых скалах, гарнизоны которых защищались очень ожесточённо, в некоторых случаях подорвав себя»* [3, л. 543]. Даже в сухих официальных документах звучит скупая похвала отваге советских солдат. Подвиг 37 последних защитников Керченской крепости обязательно должен быть увековечен и остаться в памяти жителей Керчи и всего нашего народа.

Список литературы

1. ЦВМА. Ф. 1081. Оп. 12. Д. 9157.
2. ЦВМА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 416.
3. NARA. Т. 315. R. 827.
4. Лютов Е.Е., Лютова Е.А. Разминирование Крепости Керчь (2015–2019 гг.). К вопросу об использовании данных спецоперации по разминированию объекта в реконструкции исторических событий периода Великой Отечественной войны // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Волгоград, 11-12 сент. 2020 г. В 3 ч. Волгоград, 2020. Ч. 1.
5. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1990.
6. ЦАМО. Ф. 1219. Оп. 2 Д. 50.
7. ЦВМА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 415.
8. ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 1315.
9. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 818.
10. ЦАМО. Одесский ВПП. Оп. 223247. Д. 20.
11. ЦАМО. Ф. 8496. Оп. 168521. Д. 15.
12. ЦВМА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 163.
13. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 1203.
14. ЦАМО Ф. 58. Оп. 977520. Д. 2527.
15. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1368.

16. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 2062.

17. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977522. Д. 422.

В.И. Афанасенко

76-я ОТДЕЛЬНАЯ МОРСКАЯ СРЕЛКОВАЯ БРИГАДА В ОБОРОНЕ РОСТОВА-НА-ДОНУ В ИЮЛЕ 1942 ГОДА

В июле 2022 г. исполняется 80 лет героической обороне города воинской славы Ростова-на-Дону-забытой странице Великой Отечественной войны. О героизме и стойкости воинов 76-й отдельной морской стрелковой бригады, сформированной на базе Черноморского высшего военно-морского училища имени Фрунзе, проявленных 20-24 июля 1942 г. – в данной статье.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, морские стрелковые бригады в обороне Ростова-на-Дону.

V.I. Afanasenko

76th SEPARATE MARINE FIRE BRIGADE IN THE DEFENSE OF ROSTOV-ON-DON IN JULY 1942

July 2022 marks the 80th anniversary of the heroic defense of the city of military glory of Rostov-on-Don, a forgotten page of the Great Patriotic War. About the heroism and steadfastness of the soldiers of the 76th Separate Marine Rifle Brigade, formed on the basis of the Frunze Black Sea Higher Naval School, shown on July 20-24, 1942 – in this article.

Key-words: Great Patriotic War, naval infantry brigades in the defense of Rostov-on-Don.

Боевым распоряжением штаба 56-й армии № 00274 от 20 июля были определены участки обороны на рубежах «Г» и «А» для занятия их всем соединением и частям армии к 6-00 21 июля. По многим причинам одновременного занятия рубежей четырьмя дивизиями и четырьмя бригадами армии по внешнему обводу Ростовского оборонительного района по всей его стопятидесятикилометровой полосе не получилось.

В центре боевых порядков армии на внешнем обводе РОРа, опираясь на сооружения 376-го и 378-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов 158-го укрепрайона, заняли морские пехотинцы 76-й отдельной бригады полковника К.Е. Долганова. Ее батальоны к 20-00 19 июля заняли оборону в полосе Сердюков, (иск.) Междорожный [1, с. 45].

На левом фланге Ростовского оборонительного района, от хутора Недвиговка и станции Хапры, к обороне временно переходила 16-я Грозненская курсантская стрелковая бригада полковника В.П. Колесникова, опираясь на сооружения 375-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 158-го укрепрайона. Севернее, по восточным склонам балки Донской Чулек и балки Каменная, по высотам с отметками 116,9; 97,7, до хутора Междорожный, опираясь на сооружения 377-го и 373-го ОПАБ 158-го Ура, также временно, до выхода на этот рубеж 30-й стрелковой дивизии, к обороне перешла 68-я отдельная морская стрелковая бригада полковника Шаповалова А.Е. Штаб бригады — село Чалтырь. Штабом 56-й армии было спланировано: после занятия обороны стрелковыми полками 30-й стрелковой дивизией полковника Аршинцева Б.Н., 16-ю и 68-ю бригады отвести на рубеж «А» и тыловой рубеж в полосе: хут. Калинин,

Чалтырь, коммуна «Труд», увеличивая тем самым глубину обороны армии в западном и северо-западном секторах РОРа. Артиллерийскую поддержку на этом участке обеспечивал огнем 152-мм гаубиц 526-й полк большой мощности РКК с огневых позиций у с. Ленинанан. Противотанковый резерв командующего артиллерией армии генерал-майора артиллерии Кариофилли Г.С. составили 756-й артиллерийский полк ПТО (20 орудий), 56-й батальон противотанковых ружей (ПТР), 4-я рота СИТ (собак-истребителей танков) и инженерно-саперная рота с запасом противотанковых мин. Эти части и подразделения располагались в садах и рощах между пос. Чкалова и с. Мясникован. 14-й отдельный дивизион гвардейских минометов (двенадцать установок БМ-8 и БМ-13) капитана 3-го ранга Москвина А.П. занимал огневые позиции в роще между поселками Чкалова и Северный. Штаб 56-й армии в течение 20 и 21 июля 1942 г. располагался в штольне поселка Каменоломни, в 400 м западнее моста через р. Темерник. В воздухе господствовала немецкая авиация. В ночь на 20 июля только в полосе обороны 76-й отдельной морской стрелковой бригады отмечено 80 самолетовылетов противника группами по 9-12 бомбардировщиков в направлении Ростова-на-Дону, на переправы через реку Дон. 20 июля, в 10.15, самолеты противника бомбардировали боевые порядки 76-й морской стрелковой бригады. В 15.35 немецкая авиация повторила налет на штаб бригады, располагавшийся в с. Султан-Салы. 47 самолетов двумя заходами сбросили на село до ста авиабомб. Личный состав штаба бригады и тыловых подразделений понес потери [2, с. 145]. Среди погибших — командир медсанроты бригады военврач 3-го ранга Маландин, военврач Борзова, инструктор политотдела бригады политрук Сенников.

В таких условиях войска 56-й армии в течение 20-21 июля 1942 года готовились к обороне Ростовского оборонительного района. Из-за одновременного выхода соединений и частей на указанные им участки обороны командующий армией генерал-майор Рыжов А.И. был вынужден «затыкать» оголенные места, непрерывно перебрасывая войска с места на место. В конечном итоге, кроме 347-й стрелковой дивизии и 76-й отдельной морской стрелковой бригады, нормативное время для занятия обороны и дооборудования ротных опорных пунктов и батальонных районов обороны (12-24 часа) не имели 30-я, 339-я и 31-я стрелковые дивизии, 16-я, 68-я и 81-я отдельные стрелковые бригады.

Боевым распоряжением № 00282 от 21 июля штаба 56-й армии предписывалось к утру 22 июля произвести смену 76-й и 81-й отдельных морских стрелковых бригад на рубеже «Г» частями 339-й и 31-й стрелковых дивизий. Этим же распоряжением 16-я курсантская и 68-я морская отдельные стрелковые бригады выводились на левый берег Дона для занятия обороны в полосе Койсуг, Усть-Койсуг, Азов, Кагальник. 81-я отдельная морская стрелковая бригада, после смены ее батальонами 248-го и 75-го полков 31-й Сталинградской стрелковой дивизии, выводилась на рубеж «А», прикрывая подступы к Ростову-на-Дону с северо-востока. 76-я отдельная морская стрелковая бригада, после смены ее 339-й Ростовской стрелковой дивизией, отводилась на тыловой оборонительный рубеж, в район Красный город-Сад, а затем — в резерв командующего Южным фронтом.

Не все из намеченного удалось выполнить за короткую июльскую ночь. Если смена 68-й и (частично) 81-й морских стрелковых бригад прошла более или менее организованно и полки 30-й и 31-й стрелковых дивизий заняли отведенные им участки обороны на рубеже «Г», то 339-я Ростовская стрелковая дивизия этого не сделала. Командир дивизии полковник Морозов П.И. и его штаб не получили своевременно боевое распоряжение № 00282 командующего 56-й армии из-за трусости начальников связи и оперативного отдела штаба дивизии, сбежавших на левый берег Лона, оставив штаб дивизии без связи со штабом армии и с соседями. В результате этого преступления часть боевых подразделений и тылов 76-й морской отдельной бригады, выполняя распоряжение штаба армии, в ночь с 21 на 22 июля отошли на северо-западную окраину Ростова-на-Дону, а стрелковые батальоны и оба артиллерийских дивизиона остались на рубеже «Г» дожидаться смены. Там и застал их на рассвете 22 июля таранный удар немецкого 3-го танкового корпуса. Для решающего штурма Ростова-на-Дону командование группы армий «А» сосредоточили основные силы 17-й полевой армии и 3-й моторизованный корпус 1-й танковой армии — до семнадцати дивизий с частями усиления — свыше 200000 солдат и офицеров, около 500 танков и самоходно-артиллерийских установок «Артштурм», до 3500 орудий и минометов. Общее превосходство противника в силах составило: в живой силе — 2:1; в танках — абсолютное (500:15); в артиллерии и минометах — 6:1 [3, с. 128].

В течение вечера и ночи с 21 на 22 июля немцы небольшими группами пехоты и танков «прощупывали» передний край обороны 56-й армии, вели артиллерию и минометных батарей; саперы противника делали проходы в минных полях рубежа «Г» Ростовского оборонительного района, подрывали склоны эскарпов и противотанковых рвов, готовя проходы для танков. Авиация 8-го авиакорпуса пикирующих бомбардировщиков генерала люфтваффе Фибига бомбила переправы через Дон. 22 июля немецкая авиация для поддержки наземных войск, штурмующих Ростовский оборонительный район, совершила более 800 боевых вылетов, буквально вбивая бомбо-штурмовыми ударами все препятствия на пути танковых колонн.

Главный удар 57-го танкового корпуса пришелся по позициям 373-го и 376-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов 158-го укрепленного района и четырем батальонам пехоты (256-й стрелковый полк 30-й стрелковой дивизии и 3-й батальон 76-й морской стрелковой бригады). В 6-50 около ста танков 13-й дивизии Траугота Герра преодолели на ряде участков противотанковый ров и атаковали передний край РОРа. Огнем всех средств эта атака была отбита. Было подожжено, подбито и подорвалось на минных полях 32 танка и 15 грузовиков с пехотой. Но шести танкам удалось выйти в тыл третьему батальону морских пехотинцев и раздавить батарею 120-мм минометов у высоты 112,3. Расчеты ПТР сумели подбить два танка.

В 8-30, после пятнадцатиминутного огневого налета и удара пикирующих бомбардировщиков Ю-87, немцы повторили атаку на стыке 30-й стрелковой дивизии и 76-й морской бригады. Танки шли тремя волнами, за ними выдвигались

автоматчики, мотоциклы и грузовики с пехотой, на прицепе автомашин тащили минометы и противотанковые пушки.

В 9-20 свыше шестидесяти танков прорвались через позиции восьмой стрелковой роты моряков. Половина танков двинулась по дороге на село Султан Салы, а около тридцати боевых машин встали по гребню высот с отметками 112,3 и 58,6 и огнем танковых пушек расстреливали огневые точки 3-го батальона моряков и поддерживающий его 3-й дивизион 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка. В артиллерийской дуэли, подбив 16-18 танков, погибли расчеты гвардейского гаубичного дивизиона. Но главные события происходили на участке обороны 376-го отдельного-пулеметно-артиллерийского батальона 158-го укрепрайона и третьего батальона 76-й отдельной морской стрелковой бригады северо-западнее села Султан-Салы. Отбросив к югу разрозненные части 339-й стрелковой дивизии, немцы после полудня навалились с фронта и тыла на морских пехотинцев 76-й бригады. В 14.00 свыше шестидесяти танков, подавив минометные и артиллерийскую батареи 3-го батальона, несколько раз «проутюжили» траншеи и окопы стрелковых рот, нанеся батальону тяжелые потери. Остатки батальона к 17.00 с боем отошли на высоту 119,8, прикрывая с тыла 1-й и 2-й батальоны бригады. За день боя на участке 3-го батальона было убито более трехсот солдат и офицеров противника, подбито и сожжено 23 немецких танка [4, с. 161]. Первый и второй батальоны 76-й морской стрелковой бригады при поддержке 378-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 158-го укрепрайона и гаубиц 39-го гвардейского корпусного и 1223-го РК артиллерийских полков удержали свои позиции по рубежу «Г» Ростовского оборонительного района. На правом фланге бригады, в районе хуторов Буденный и Каменный Брод, 22-я танковая дивизия (и.о. командира дивизии полковник Карл Родт) бронированным клином прорвала оборону 81-й отдельной морской стрелковой бригады и продвинулась на юг на 8-10 километров, выйдя к хуторам Щепкин и Красный. В ночь с 22 на 23 июля командование 57-го и 3-го танковых корпусов вермахта подтянуло на участки прорыва все танки и самоходно-артиллерийские установки с других направлений, где успеха достичь не удалось. Личный состав танко-ремонтных рот сумел восстановить часть подбитых и поврежденных боевых машин и вернуть их в строй.

23 июля в 03.30 вражеские орудия и минометы открыли массированный огонь по боевым порядкам 56-й армии, а через полчаса началась атака танков и мотопехоты. Главный удар наносил 57-й танковый корпус из района Султан-Салы на северную окраину города. В 9-30 танки 22-й дивизии вермахта вышли на рубеж: балка Дубовая, высота 116,8. После упорного двухчасового боя, с 11-3- до 13-20, с моряками 76-й бригады, от 70 до 80 танков ворвались в Большие Салы. Остатки 76-й морской стрелковой бригады вместе с расчетами 39-го гвардейского артиллерийского полка в течение трех часов сражались в окружении и вели неравный бой в балке Темерник и на высотах с отметками 119,5; 111,4. К 16.00 массированными налетами авиации вся матчасть 39-го артполка была уничтожена, потери личного состава превысили 50%. На исходе были боеприпасы в подразделениях 76-й бригады.

В этом огненном аду командир бригады полковник Дмитрий Никифорович Долганов сумел организовать прорыв в направлении северо-восточной окраины Ростова. В 16.00 по балке Темерник сводная колонна моряков и артиллеристов 39-го полка пошла на прорыв. Пушки и станковые пулеметы катили вручную и на построениях. По приказу комбрига всех лошадей вели в поводу по флангам колонны, используя их как живой щит, частично прикрывавший от пуль и осколков. С боями остатки бригады к 20.00 пробились к пос. Мирный и заводу «Ростсельмаш». При прорыве погиб военком бригады полковой комиссар С.А. Стогов, а начальник штаба бригады майор В.И. Худченко, которому очередью перебили ноги, не желая сдаваться в плен, застрелился. В Ростове, по приказу начальника штаба артиллерии 56-й армии полковника Попова, из состава 76-й бригады были изъяты вместе с расчетами десять спасенных орудий (4 УСВ 76,2-мм 39 г., 4-76,2-мм 27 г. и 2 45-мм пушки). В ночь с 23 на 24 июля приказом штаба армии остатки 76-й бригады были выведены на левый берег Дона через переправу на 29-линии. В ходе боев 21–23 июля потери 76-й отдельной морской стрелковой бригады составили: 2915 бойцов и командиров, 15 пушек, 52 миномета, 19 ПТР, 52 автомашины и 872 лошади [5, с. 25-26].

Город горел, среди домов, во дворах, на улицах и в переулках, на многочисленных баррикадах вспыхивали жестокие ближние бои. Пленных не брали ни наши, ни немцы. Как свидетельствует бывший генерал вермахта Альфред Рейнгардт, в дни штурма донской столицы командовавший 421-м Швабским пехотным полком 125-й пехотной дивизии: «Сражение за центр Ростова велось беспощадно. Защитники его не желали сдаваться в плен, они дрались до последнего дыхания, они вели огонь из укрытия до тех пор, пока не погибали. Центр Ростова стал местом битвы штурмовых команд. Немцам приходилось отбивать у противника дом за домом, прокладывая себе путь через забаррикадированный центр, – подобных сражений, вероятно, никто и никогда еще прежде не вел. Такие бои разгорелись бы, наверное, на улицах Москвы или Ленинграда, если бы немцам удалось войти туда» [6, с. 438-440]. Памяти курсантов-воинов 76-й отдельной морской стрелковой бригады, сформированной на базе Черноморского высшего военно-морского училища имени Фрунзе (г. Севастополь) – посвящается.

Список литературы

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 412. Оп. 10282. Д. 37. Л. 45.
2. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 37. Л. 56.
3. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Медведев М.В. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.). Ростов н/Д, 2016.
4. Краснознаменный Северо-Кавказский. Ростов н/Д, 1978.
5. ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 7. Л. 25-26.
6. Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на восток. 1941–1943. М., 2003.

С.М. Сивков

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА «БУРЯ» АБИНСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1942–1943 ГГ.

В докладе речь идет о создании на Кубани в годы Великой Отечественной войны партизанских отрядов, в том числе Ахтырского отряда «Буря», его борьбе с фашистскими оккупантами, совместных действий с частями Красной Армии, показан его вклад в разгром оккупантов и их пособников.

Ключевые слова: партизанский отряд, Красная Армия, Краснодарский штаб партизанского движения, партизанский отряд «Буря», Краснодарский край.

S.M. Sivkov

ACTIVITIES OF THE PARTISAN DETACHMENT "STORM" OF THE ABINSKY DISTRICT OF THE KRASNODAR REGION IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1942–1943

The report deals with the creation of partisan detachments in the Kuban during the Great Patriotic War, including the Akhtyrsky detachment "Storm", its fight against fascist occupiers, joint actions with units of the Red Army, shows its contribution to the defeat of the occupiers and their accomplices.

Key-words: partisan detachment, Red Army, Krasnodar headquarters of the partisan movement, partisan detachment "Storm", Krasnodar Territory.

Летом 1942 г. войска вермахта захватили г. Ростов-на-Дону, форсировали водную преграду и оказались на территории Краснодарского края и несколько позже Ставропольского. Эти трагические события стали толчком к развертыванию на указанных территориях мощного партизанского движения, 80-летие которого мы отмечаем в этом году. Это и определяет актуальность выбранной темы.

За последние годы процессы изучения партизанского движения на Кубани и Ставрополье приняли значительные масштабы. Среди публикаций по данной тематике следует отметить труды ростовского исследователя Кринко Е.Ф. [1], краснодарских: Лазовской С.В. и Захаровой И.Ю. [2], Иванцова И.Г. [3–5], Сивкова М.С. [6] и многих других.

Как отмечал Е.Ф. Кринко, большинство документов по партизанам Кубани содержится в Центре документации новейшей истории Краснодарского края в документах фондов Южного, Краснодарского краевого, кустовых штабов партизанского движения, а документы Ставропольского партизанского движения имеются в специальном фонде Государственного архива новейшей истории Ставропольского края [1, с. 33]. Практически все последние публикации основываются на документах данных фондов.

Наш доклад посвящается всего лишь одному из восьмидесяти шести партизанских отрядов, действовавшему на территории Краснодарского края. Рассекреченные ранее документы позволяют сделать это, опираясь на базу данных, имевшуюся в наличии сразу после освобождения Кубани от немецко-фашистских оккупантов. Как правило, она включает два документа, которые велись и

для других партизанских отрядов: Учетную карточку отряда и лицевой счет. Оба документа имели граф совершенно секретно и сравнительно недавно введены в научный оборот.

Партизанский отряд «Буря» Абинского района Краснодарского края был создан в ст. Ахтырской при активной поддержке Абинского районного отдела Народного комиссариата внутренних дел. По состоянию на 26 октября 1942 г. он включал в свой состав около 70 чел. (по другим данным, 68).

Командиром отряда стал Яровой Илья Семенович, 1912 г. рождения, член ВКП(б), русский, образование низшее, который являлся участковым уполномоченным районного отдела НКВД ст. Ахтырской, на данной должности находился до ликвидации партизанского отряда в 1943 г.

Комиссаром отряда стал Запорожец Николай Алексеевич, 1914 г. рождения, член ВКП(б), русский, образование среднее, бывшего заместителя начальника политотдела МТС. Так же как и командир отряда, он прошел в этой должности весь период активных боевых действий.

Заместителем командира отряда становится Попович Иван Антонович, 1917 г. рождения, член ВКП(б), русский, образование низшее, коллега командира отряда, оперативный уполномоченный Районного отдела НКВД [7, л. 1]. Сведений о его боевой деятельности ограничиваются 26 октября 1942 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что командование отряда является почти сверстниками, на момент создания отряда их возраст составлял от 25 до 30 лет. Никто из них по возрасту не мог быть участниками революции и не имели боевого опыта Гражданской войны.

В структуру отряда входило следующее количество партизан:

- начальствующий состав – 12 чел.;
- партизаны – 58 чел.;
- из военнослужащих – нет.

Сведения о партийном составе партизанского отряда представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сведения о партийном составе партизанского отряда «Буря» (по состоянию на 26.10.1942 г.) [8]

№ п\п	Членов ВКП(б)	Кандидатов в члены ВКП(б)	Членов ВЛКСМ	Беспартийных
1	11	1	7	51
2	15,7%	1,4%	10%	72,8%

Таким образом, в отряде 17,1% составляли члены и кандидаты в члены партии, 10% комсомольцы и абсолютное большинство – 72,8% беспартийные.

Данные по гендерному признаку представлены нами в таблице 2.

Таблица 2

Сведения по гендерному признаку партизанского отряда «Буря» [8]

№ п/п	Мужчин	Женщин
1	56	14
2	80%	20%

По этому признаку 80% отряда составляли мужчины и 20% женщины, что являлось высоким показателем доли женщин среди других партизанских отрядов Краснодарского края.

Данные по национальному составу партизан отряда представлены в таблице 3.

Таблица 3

Сведения о национальном составе отряда «Буря» [8]

№ п/п	Русских	Украинцев	Белорусов	Греков
1	67	нет	нет	3
2	95,7%	нет	нет	4,3%

Как видно из приведенных данных, абсолютное большинство бойцов отряда было представлено русским населением, скорее всего называвшим так себя после неудавшейся попытки украинизации 1920–1930-х гг. [9], а численность греков объясняется тем, что на этой территории Краснодарского края ранее находился Греческий национальный район [10, с. 92].

В Учетной карте сделана приписка, что списочный состав отряда составляет 68 чел., а не 70, как указано выше [8, л. 1].

Отряд был достаточно хорошо укомплектован стрелковым вооружением. На вооружении партизанского отряда находилось:

- винтовок – 54;
- автоматов – 8;
- пистолетов – 3;
- патронов – 20000.

Неплохо обеспечен отряд и гужевым транспортом, количество лошадей составляло 10 голов.

Кроме того, в наличии у бойцов отряда была радиостанция, ручной пулемет, пехотные лопаты, шапки для зимнего периода в количестве 40 штук, 15 теплых костюмов, 6 пар сапог и 30 пар ботинок. Для зимнего периода в наличии имелось и 40 комплектов нижнего белья.

Партизанский отряд имел связь со штабом партизанского куста и штабом 2 батареи 1137 стрелкового полка. Со штабом куста имелся конный связной, а с батареей пеший связной.

Среди партизан один из них имел государственную награду, полученную ещё в мирное время – орден Ленина и большую золотую медаль сельскохозяйственной выставки. Ими был награжден Дмитрий Васильевич Имотиков (фамилия в документе неразборчивая).

Местом базирования отряда стала территория между хуторами Сорокин и Кушников.

По состоянию за 1942 г. в ходе боевых действий отрядом убито два румынских солдата и один ранен. В качестве боевых трофеев одна винтовка типа «Маузер» и триста патронов.

Ситуация изменилась за первый месяц 1943 г. В ходе проведения боевых операций партизаны отряда «Буря» убили, ранили и взяли в плен 98 гитлеровцев, из них убито 95 солдат противника. Отрядом захвачены: одна винтовка, один миномет, 300 патронов и одна лопата.

После частичного освобождения территории Краснодарского края, в процессе поиска изменников родины были пленены еще два человека.

Следует отметить, что в период немецкой оккупации головной районный партизанский отряд «Орёл» имел свой печатный орган, газету «Партизанская правда» [11]

В целом, несмотря на хорошую оснащенность оружием и амуницией, деятельность данного отряда можно оценить как одну из самых нерезультативных. Хотя объективно, у отряда не было широких возможностей для ведения активных боевых действий.

Список литературы

1. Кринко Е.Ф. Партизанское движение на Кубани и Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2005. № 1. С. 27–35.
2. Лазовская С.В., Захарова И.Ю. Партизанское движение на Кубани 1942–1943 гг. // Научный вестник Южного института менеджмента. Краснодар, 2017. № 1. С. 103–107.
3. Иванцов И.Г. Партизанское движение на Кубани в период немецко-фашистской оккупации // Вехи истории: 75 лет Сталинградской битвы и освобождению Юга России от немецко-фашистских захватчиков. Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2018. С. 73–77.
4. Иванцов И.Г. Боевой путь Новотитаровского и Пластуновского партизанских отрядов Краснодарского партизанского куста. Август 1942 — февраль 1943 гг. // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2020. С. 250–254.
5. Иванцов И.Г., Сивков С.М. Партизанский отряд «Грозный» на Кубани (1942–1943 гг.) // Черноморско-средиземноморский регион в системе национальных интересов России : история и современность: К 80-летию начала Великой Отечественной войны. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2021. С. 224–228.
6. Сивков М.С. Освободительная операция на Кубани: год 1943 // Битва за Кавказ (1942–1943). Время. События. Люди. Сборник материалов науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня начала освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 2017. С. 173–176.
7. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 4373. Оп. 1. Д. 116. Л. 2.
8. ЦДНИКК. Ф. 4373. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.

9. Иванцов И.Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б): 1920 – начало 1930-х гг. Краснодар, 2009.

10. Иванцов И.Г. Автономия районного масштаба Греческий район Северокавказского края. 1930–1938 гг. // Вестник Московского государственного открытого университета. Серия: Экономика и право. 2012. № 3. С. 92.

11. ЦДНИКК. Ф. 4373. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

Т.И. Юрина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВЕДЕНИЯ НОВОРОССИЙСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 19.08–26.09. 1942 г. ПОСЛЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ОБ ОСТАВЛЕНИИ НОВОРОССИЙСКА

Важным этапом Новороссийского противостояния 1942–1943 гг. является завершение Новороссийской оборонительной операции и установление линии обороны, проходящей через город более года. Статья посвящена определению значения в истории битвы за Кавказ рубежа в районе новороссийских цементных заводов, установленного за несколько месяцев до образования Малой земли на противоположном берегу Цемесской бухты.

Ключевые слова: Новороссийское противостояние 1942–1943 гг., Новороссийско-Сухумское шоссе, Новороссийский оборонительный район, Цемесская бухта.

T.I. Yurina

SOME ASPECTS OF THE CONTINUATION OF THE NOVOROSSIYSK DEFENSIVE OPERATION 19.08–26.09 1942 AFTER THE ANNOUNCEMENT OF THE ABANDONMENT OF NOVOROSSIYSK

An important stage of the Novorossiisk Withstand of 1942–1943 is the completion of the Novorossiisk defensive operation and the establishment of a defense line passing through the city for more than one year. The article is devoted to determining the true significance in the history of the Battle for the Caucasus of the fiery frontier in the area of Novorossiisk cement plants, established a few months before the formation of Malaya Zemlia on the opposite shore of Cemess Bay.

Key words: The Novorossiisk Withstand of 1942–1943, the Novorossiisk-Sukhum roadway, the Novorossiisk Defensive Area, the Cemess Bay.

В ходе Новороссийского противостояния 1942–1943 гг. совершенно особую роль предназначено было судьбой сыграть 318-й стрелковой дивизии, которая в течение целого года сдерживала нацистские войска на восточной окраине города в районе цементных заводов. На этом рубеже, получившим в истории название «огненного», в настоящее время находится ансамбль «Линия обороны» мемориального комплекса «Героям Гражданской войны и героям Великой Отечественной войны». Сюда 318-я дивизия прибыла, спустя несколько дней после прозвучавшей по радио 11 сентября 1942 г. сводки Совинформбюро об оставлении нашими войсками Новороссийска.

Решение перебросить в район Новороссийска на автомашинах 318-ю дивизию командование фронтом приняло в ночь на 12 сентября. Части дивизии к этому времени не успели полностью получить пополнение и вооружение. Многие подразделения в частях дивизии совершенно отсутствовали, однако обстановка требовала принятия неотложных мер, поэтому полного сосредоточения дивизии дожидаться не стали.

Её части и подразделения с ходу вводились в бой без предварительной подготовки. Огневая поддержка осуществлялась главным образом ружейно-пулеметным огнем непосредственно наступавших и тех подразделений, которые вели бои до подхода 318-й дивизии [1].

16 сентября в оперсводке начальнику штаба Черноморской группы войск сообщалось: «318 СД без 1331 СП к исходу 15 сентября вышла в полосу обороны 103 КСБР и, с 10.00 16 сентября 1942 г. 1339 СП совместно 103 КСБР ведет бой за овладение цемзаводами, Адамовича балка, действуя правее 103 КСБР. Подразделения полка, попав под сильный фланговый артиллерийский огонь противника с направления г. Колдун медленно продвигаются вперед» [2, л. 278]. А в следующей сводке уже говорилось о том, что противник продолжает оказывать упорное сопротивление и, предприняв контратаку при поддержке танков и сильного артогня, к исходу 16 сентября оттеснил наши части с восточной окраины цемзавода (западный) [2, л. 277].

Скупые строчки оперсводок не могли отразить сути трагических событий тех дней. В тот день с 8 утра до 14 часов дня нацистская артиллерия, стянутая темной ночью к советским позициям, в упор расстреляла 5 жилых домов, обороняемых 2-й ротой 1-го батальона 1339-го стрелкового полка, похоронив под развалинами около 150 чел., включая прибывших той же ночью 120 чел. подкрепления. Пытавшихся выскочить из этого ада тут же косила пулеметная очередь.

1-я рота полка заняла оборону по берегу бухты, недалеко от мола и вдоль железнодорожных путей, на которых паровозы чистили топки. Во время артобстрела двухметровый слой шлака обрушился, поднялась жуткая черная пыль, многие солдаты оказались засыпанными. Комроты и комвзвода с 17 бойцами, находившимися в шоковом состоянии, ранеными и контуженными, наглотававшими угольной пыли, с черными лицами, оставив позиции, отошли по берегу бухты, но были задержаны в районе штаба дивизии заградотрядом и отправлены в штрафные части. Окопы бежавших солдат заняли минометчики 1339-го стрелкового полка, которые откапывали засыпанных и уносили с передовой. Оставленные окопы и блиндажи тут же занимали нацисты. К вечеру на этом рубеже оставалось не больше 10 чел., вооруженных противотанковыми гранатами и пулеметом [3].

«За 16 и 17 сентября рассеяно до 2,5 рот пехоты противника. Уничтожено до 3 взводов пехоты, подбит 1 танк, уничтожено 5 повозок, подавлена батарея на северо-западной окраине цемзавода (Западный) и 2 миномета на г. Колдун. Потери за 16 и 17: убито 69, ранено 186, повреждено 2 миномета и 1 пулемет», – гласила очередная оперсводка [2, л. 286–287].

Штаб полка размещался в школе около завода «Октябрь», а затем переместился в каменный дом на берегу моря в конце сада-парка, знаменитую дачу Голицына. «Солдаты и офицеры, артиллеристы, связисты и саперы твердо стояли и делали все, чтобы остановить врага. Именно в стенах завода «Октябрь» и около него, слева к побережью и справа от высоты Сахарная Голова часто разгорались ожесточенные бои. Не одна сотня солдат и офицеров полка отдали свою жизнь, но приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина «Ни шагу назад»

был выполнен точно» [4]. Нехватка снарядов и артиллерии сопровождалась недостатком электрических средств связи и перебоями с продовольственным снабжением до конца 1942 г.

На передовой ощущалась явная нехватка солдат. Для пополнения недавно прибывшего 1339-го стрелкового полка были приведены 100 слесарей и шоферов из автороты, которые становились, в основном, минометчиками. В течение двух недель на высоте, идущей от «Пролетария» к горе Сахарная Голова приходилось отбивать по четыре атаки в день, каждая из которых сопровождалась двухчасовой артиллерийской подготовкой. Отбивали преимущественно противотанковыми гранатами. В балке этой высоты, в железобетонной насосной станции размещался командный пункт первого батальона. Местность полностью простреливалась, так что эвакуировать раненых и хоронить убитых приходилось только ночью, причём рядовых хоронили прямо на месте боя, а офицеров носили в братскую могилу. Погибло в той балке на пути к Сахарной Голове немало советских солдат, особенно у колодца-родника, недалеко от дома главного инженера завода [5].

И еще одно событие вошло во все сообщения тех дней: внезапным налетом воинов 16-й стрелковой бригады была занята высота 435,2 (5 км северо-восточнее Мефодиевки) [6, л. 56]. Советское командование оставалось верным своей тактике частого перехода в контратаки.

С овладением почти всей территорией Новороссийска, но, так и не добившись успеха в восточной части Новороссийского оборонительного района, противник приступил к перегруппировке частей, создавая оборонительные рубежи.

Войска Новороссийского оборонительного района прочно удерживали занимаемые позиции и восточный берег Цемесской бухты, не допуская прорыва противника с севера в район Геленджика и не давая ему возможности использовать Новороссийск как морскую базу, а также предотвращая высадку десанта южнее его [7].

Даже незначительный спад накала борьбы был использован командованием Новороссийского оборонительного района для перегруппировки и пополнения войск. Все соединения Новороссийского оборонительного района были немногочисленны: 77-я и 216-я стрелковые дивизии из 12 798 чел. по штату имели не более чем по 3 тыс. чел., занимая фронт обороны 88 км по периметру и 40 км оперативной глубины [8].

Последующие сообщения Ставке Верховного Главнокомандования все реже и скупее упоминают о военных действиях в районе Новороссийска. Следствием драматичного перехода морем, под натиском превосходящих сил противника обороняющихся советских частей с западного берега Цемесской бухты на берег восточный, явилось прозвучавшее 11 сентября заявление об оставлении города, и его судьба перестала интересовать Сталина. Внимание командования флотом было приковано к подготовке обороны Главной базы, располагавшейся в Поти, вследствие выхода немецких войск на перевалы Большого Кавказа [9]. Командование Северо-Кавказского фронта сосредоточилось на обороне Туапсе. Тем не менее, оперсводки начальнику штаба Черноморской группы войск Закавказского

фронта свидетельствуют о том, что напряжение в районе Новороссийска не спадало. Лишь 26 сентября Новороссийская оборонительная операция, длившаяся более месяца, успешно завершилась [10, с. 177], а затем ещё год продолжались напряженные позиционные бои.

Значение новороссийского противостояния объясняется в первую очередь стратегическим положением Новороссийска. Новороссийско-Сухумское шоссе, о котором говорилось в директиве Гитлера от 23 июля 1942 г., является единственной дорогой, идущей между морем и горами к советско-турецкой границе. Из трех возможных направлений преодоления войсками вермахта Главного Кавказского хребта предпочтение отдавалось именно этому, ибо упомянутая дорога находилась в наиболее хорошем состоянии для передвижения моторизованных войск. Но поскольку она находилась в сфере огня Черноморского флота, нацистское командование настойчиво стремилось овладеть не только самой приморской дорогой, но в первую очередь – Новороссийском и Туапсе. В случае размещения судов германского и итальянского флотов в Цемесской бухте появлялся реальный шанс завладеть инициативой и установить собственный контроль, как за этим стратегическим шоссе, так и за действиями советских военно-морских сил в Черном море.

Данное обстоятельство позволяет утверждать, что в кульминационный момент оборона Новороссийска становилась главным событием битвы за Кавказ [10, с. 127–128]. Реализация планов нацистского командования по выходу в Закавказье должна была способствовать скорейшему вступлению в войну Турции, которая могла нанести удар по советскому Кавказу с юга. К тому времени на советско-турецкой границе уже были развернуты 26 [11] (по другим данным – 28) дивизий турецкой армии.

В ходе наступления немецко-фашистских войск на юге, как и предписывалось июльской директивой Гитлера, еще в начале сентября, направление, пролежавшее через Новороссийск, являлось приоритетным, о чем можно судить по дневнику начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Гальдера. По меньшей мере, с 24 августа по 8 сентября, его записи начинаются с описания ситуации под Новороссийском, [12] в то время как в сообщениях в Ставку Сталина на первом месте следовал, естественно, Сталинград, а сведения по Новороссийскому оборонительному району шли четвертым-пятым пунктом, реже – третьим [6, л. 20–41].

Другим фактором, определяющим значимость исследуемого сражения, является совпадение по времени начала боев за Новороссийск (19 августа), водружения имперского флага на Эльбрусе (21 августа) и достижения войсками Паулюса берегов Волги (24 августа 1942 г.). Вышеприведенные факты позволяют утверждать, что начало складывания левого фланга советско-германского фронта в районе Новороссийска летом 1942 г. совпало с апогеем наступления гитлеровских войск. К моменту создания Новороссийского оборонительного района, ход осуществления планов вермахта был весьма успешным, несмотря на чрезвычайно растянутую полосу наступления. Однако в прогнозе развития событий заблуждались обе стороны: в то время как Гитлер не мог подозревать, что

подошел к зениту своей империи, достигнув берегов Волги, советское командование не заметило кульминационной точки развития военных действий на Кавказе.

В ходе реконструкции хода исторических событий лета – осени 1942 г. мы установили, что, несмотря на оккупацию большей части города, Новороссийск не был полностью захвачен нацистами. Исходя из геополитических особенностей Новороссийска, мы определили роль, которую сыграл рубеж обороны, на протяжении года проходивший по его территории, в обороне Кавказа. Следует также уточнить, что поскольку начало новороссийской оборонительной операции относится к 19 августа 1942 г., то в общей сложности эти бои составили 393 дня, включая новороссийскую наступательную операцию, завершившуюся 16 сентября 1943 г.

На основе анализа всего оборонительного этапа Новороссийского противостояния можно сделать вывод, что он является наиболее важным, ключевым в развитии дальнейшего хода военных действий на левом фланге фронта. Во многом это связано с тем значением, которое придавалось вермахтом стратегическому направлению, пролежавшему через Новороссийск. Срыв планов вермахта на Кавказе предотвратил затягивание войны, а также возможность вовлечения южного региона страны в непрерывный военный конфликт, связанный с борьбой за обладание нефтяными ресурсами и политическое влияние на Востоке.

Список литературы

1. Фонды Музея истории цемента, инв. № 1125 нв. Кавешников Д.С. Боевые действия 318-й Новороссийской дивизии в Новороссийско-Таманской операции. С. 1.
2. ЦАМО. Ф. 47-А. Оп. 9575. Д. 70.
3. Фонды Музея истории цемента, инв. № 8814 мц. Яковлев А.Я. Письмо в комитет ВЛКСМ объединения Новоросцемент. Л. 6–8.
4. Фонды Музея истории цемента, инв. № 1594 нв. Ганзик М.Н. Короткие заметки о боях за Новороссийск. Л. 1.
5. ЦАМО. Ф. 47-А. Оп. 9575. Д. 31. Л. 51.
6. ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24.
7. ЦАМО. Ф. 47-А. Оп. 9575. Д. 60. Л. 5.
8. ЦАМО. Ф. 47-А. Оп. 9575. Д. 51. Л. 59.
9. Киселёв И.В. Совместные операции Красной Армии и Черноморского флота в ходе битвы за Кавказ (1942–1943 гг.). Краснодар, 2017. С. 90.
10. Горшков С.Г. На южном приморском фланге (осень 1941 – весна 1944 г.). М., 1989.
11. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1967. С. 49.
12. ЦАМО. Дневник начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Гальдера за период августа 1939 г. – сентября 1942 г. М., 1960. Кн. 2.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ ТУАПСИНСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ. К ПРОБЛЕМЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТОЧНОЙ ДАТЫ НАЧАЛА ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЕВ НА ТУАПСИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Установление даты начала и завершения любого исторического события выступает в качестве важной задачи научного исследования. Но существует ряд факторов, не позволяющих определить точные хронологические рамки произошедшего, что оказывает воздействие на установление его итогов и последствий. Отсутствие четкой хронологии влияет на определение географии изучаемого явления, создает риск упущения важных эпизодов. Подобная ситуация характерна для Туапсинской оборонительной операции, общепринятая датировка которой содержит множество нестыковок, мешающих её полноценному изучению.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Кавказ, Туапсинская оборонительная операция, исследование, датировка, хронологические рамки, географические рамки, эпизоды, последовательность.

S.A. Kindyakov

CHRONOLOGICAL FRAMEWORK OF THE TUAPSE BATTLE OPERATION. ON THE PROBLEM OF ESTABLISHING THE EXACT DATE OF THE START OF DEFENSIVE BATTLES IN THE TUAPSE DIRECTION

Establishing the date of the beginning and end of any historical event is an important task of scientific research. But there are a number of factors that do not allow to determine the exact chronological framework of what happened, which affects the establishment of its results and consequences. The lack of a clear chronology affects the definition of the geography of the phenomenon under study, creates the risk of missing important episodes. A similar situation is typical for the Tuapse defensive operation, the generally accepted dating of which contains many inconsistencies that prevent its full study.

Key-words: Great Patriotic War, battle for the Caucasus, Tuapse defensive operation, research, dating, chronological framework, geographical framework, episodes, sequence.

В большинстве исследований, посвященных Битве за Кавказ, датой начала Туапсинской оборонительной операции принято считать 25 сентября 1942 г. Исходя из этого, описание событий, происходивших на этом участке фронта, начинаются с указанной даты. При таком подходе, все, что происходило ранее, а именно в августе, начале сентября, либо не рассматривается вообще, либо рассматривается достаточно схематично. Выявленные при таком подходе события исследователи, как правило, относят к другим операциям, таким как: Армавир–Майкопская оборонительная операция и оборона перевалов Главного Кавказского хребта войсками 46-й армии.

По поводу данных операций, особенно Армавир–Майкопской, у краевых историков и исследователей идет множество споров, главной причиной которых является грубейшая ошибка, допущенная в названии этой операции, не соответствующая принятой военной терминологии. В частности, на это указывал историк-краевед Э.И. Пятигорский, который впервые на страницах своих монографий поднял вопрос о реальной датировке начала Туапсинской оборонительной

операции [1]. Стоит отметить что анализ собранных в процессе исследования документов во многом доказывает правоту Э.И. Пятигорского. Ввиду того, что в изученных на сегодняшний день источниках целого ряда частей и подразделений, Армавир–Майкопская операция никак не фигурирует. Однако в приказах, поступавших в войска, начиная с ночи 6 августа и весь день 7 августа 1942 г. четко фиксируется одно и то же указание, говорящее об организации прочной обороны, на Туапсинском направлении. Следовательно, именно эту дату можно считать фактическим началом Туапсинской оборонительной операции, поскольку все последующие приказы и действия войск начиная с 6 августа 1942 г. будут подчинены именно этой задаче.

Однако при ближайшем рассмотрении проблема точной датировки начала Туапсинской оборонительной операции выглядит несколько сложнее и прежде чем перейти к её детальному рассмотрению необходимо дать общую характеристику положения дел на указанном участке фронта, без которого логика отданных приказов и распоряжений будет не совсем понятна.

К моменту поступления приказов о создании прочной обороны на Туапсинском направлении, общую обстановку на этом участке фронта можно охарактеризовать как крайне тяжелую. Войска Северокавказского фронта после боевых действий за переправы через реку Кубань и в районе города Армавира отходили к предгорьям главного Кавказского хребта. Войска 56-й армии готовились к обороне г. Краснодара. Однако в это время в районе Армавира по-прежнему продолжали сражаться части 1-го стрелового корпуса, попавшие в окружение. Основные соединения 12-й армии, 17-го кавалерийского корпуса и 18-й армии с боями отходили к предгорьям. После отхода от Краснодара 56-я армия также отступила к предгорьям Главного Кавказского хребта, её части заняли оборону в районе ст. Ключевая, Саратовская, Пензенская. К моменту отхода частей 56-й армии соединения 12-й армии находились в районе ст. Мартанской, Имеретинской, Абхазской, Кутаисской, Черноморской.

Здесь необходимо сказать о ещё одном обстоятельстве затрудняющим датировку Туапсинской оборонительной операции. Данным обстоятельством выступает тот факт, что перед началом решающих боестолкновений на этом направлении, командование Северо-Кавказского фронта в связи с создавшейся ситуацией решает провести перегруппировку, в результате которой 12-я и 18-я армии должны были поменяться местами, но, по сути, произошла лишь замена этих соединений. При этом части, которые входили в состав армий остались на прежних участках, но нумерация армий поменялась: 12-я армия переименовывается в 18-ю, а 18-я в свою очередь в 12-ю. Указанное обстоятельство привело к тому что многие руководящие документы озвученных воинских соединений оказались в разных архивных фондах что сильно затруднило их поиск для исследователей.

Также необходимо отметить, что не совпадение официальной датировки начала рассматриваемой операции, с фактической, демонстрируют многие армейские документы. К примеру, журнал боевых действий 236-й стрелковой дивизии. В данном документе сообщается большое количество номеров приказов

и распоряжений, поступивших в дивизию от вышестоящего командования в рассматриваемый промежуток времени. Указанное обстоятельство является очень важным, поскольку позволяет проследить всю цепочку принятия решений на разных уровнях и таким образом понять, чем является тот или иной приказ, постановкой частной боевой задачи, или конкретизацией общего решения командования армии или фронта о переходе к обороне на конкретном участке. Так, согласно записи, сделанной в журнале 236-й сд. 7 августа 1942 г., командованием дивизии было получено боевое распоряжение штаба 18-й армии № 0579/оп. В распоряжении указывалось, что дивизия должна сосредоточиться в следующих населенных пунктах: ст. Апшеронская, ст. Кубанская, пос. Хадыженский. Рассмотрение положения дивизии, а также маршрута её движения в данные населенные пункты с привязкой к датам говорит о том, что рассматриваемое соединение выдвигалось для организации прочной обороны на Туапсинском направлении.

Доказательством этому служит факт получения приказов о переходе к обороне на Туапсинском направлении, практически всеми воинскими частями и подразделениями. К примеру, в 13-ю кавалерийскую дивизию, входившую в состав 17-го казачьего кавалерийского корпуса, поступил частный боевой приказ штаба корпуса № 26. Аналогичные приказы штаба № 24 и № 25 получили и другие дивизии из состава 17-го кав. корпуса а именно 116 кд [2]. и 12 кд [3].

Таким образом на основе приведенного комплекса фактов можно заключить что полученное распоряжение СКФ является одним из доказательств подготовки прочной обороны на Туапсинском направлении в первой декаде августа 1942 г. Данный вывод полностью согласуется с приказами и распоряжениями поступившими в штаб 17-го кав. корпуса и штаб 18-й армии в период с 8 по 11 августа 1942 г. К примеру 8 августа в штаб 18-й армии был направлен приказ в дополняющий боевое распоряжение НР №0333/ОП с требованием занять отдельными опорными пунктами все дороги и тропы, идущие через Главный Кавказский хребет в пределах крайних точек, справа пос. Лазаревское, Хамышки, ст. Даховская, слева г. Туапсе и г. Горячий Ключ [7].

Однако ключевой приказ, позволяющий поставить точку в споре о точной датировке начала Туапсинской оборонительной операции, поступил 11 августа 1942 г. Именно в эту дату штаб СКФ направил командованию 17-го кав. корпуса приказ № 0351 ОП, в котором сообщалось что противник пытается развить успех в направлении Майкоп–Туапсе. В связи с чем корпусу была поставлена задача продолжать прочно удерживать рубеж реки Белая. На рубеже ст. Ханская, с. Великое. Параллельно ставилась задача обеспечить отход 12-й армии на рубеж хуторов Бойко и Яровой. Кроме этого, корпусу ставилась задача особенно прочно прикрыть выход всех дорог на шоссе Майкоп–Туапсе с направления ст. Белореченской и с. Великое в районе ст. Черниговская, Пшихская, Кубанская-1. Копии данного приказа были отправлены командующим 12-й 18-й армий командующему 5-й воздушной армии, начальнику артиллерии СКФ и в Генеральный штаб Красной армии [4]. Аналогичные приказы и боевые распоряжения штаба СКФ содержащие уточненные данные о районах, где необходимо создать прочную

оборону за номерами 0350/ОП [5], 0352/ОП [6], поступили в штаб 18-й и 12-й армий.

Таким образом, исходя из приведенных данных, можно сделать вывод, что согласно дате, обозначенной в приказах, поступивших в 17-й кав. корпус, а также в штабы 18 и 12 армий официальной датой начала Туапсинской Оборонительной операции является 11 августа 1942 г. При этом фактической датой начала операции можно считать 6 августа, поскольку именно этой датой подписаны частные боевые приказы по 17 кав. корпусу о переходе к обороне на рубеже р. Белая с целью не допустить прорыва противника на Туапсинском направлении. В этом контексте 6 августа 1942 г. нужно понимать как время постановки частной боевой задачи соединениям 17 кав. корпуса которая под влиянием общего негативного развития событий на фронте переросла в оборонительную операцию с участием 18-й 12-й и 56-й армий.

Список литературы

1. Пятигорский, Э.И. История – это то, что было. Туапсинская оборонительная операция. Хроника. Факты. Размышления, комментарии и версии краеведа. Туапсе, 1992.
2. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 3470. Оп. 0000001. Д. 0018. Л. 130.
3. ЦАМО. Ф. 3470, Оп. 0000001. Д. 0018. Л. 131.
4. ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 53. Л. 107.
5. ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 53. Л. 105.
6. ЦАМО. Ф. 467. Оп. 0006005. Д. 0094. Л. 104.
7. ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 53. Л. 99.

И.В. Киселёв

ГЕЛЕНДЖИК В УСЛОВИЯХ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ 1942–1943 гг.: МЕЖДУ ТЫЛОМ И ФРОНТОМ

Статья посвящена различным аспектам жизни города Геленджика на Черноморском побережье в период боевых действий на Северном Кавказе. Основное внимание уделено последствиям немецких бомбардировок, продовольственной проблеме. Автором рассматриваются особенности взаимоотношений горожан с советскими войсками и помощи, которую оказывали Красной армии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; битва за Кавказ; Геленджик; Черноморский флот.

I.V. Kiselev

GELENDZHİK IN THE CONDITIONS OF THE BATTLE FOR THE CAUCASUS 1942–1943: BETWEEN THE REAR AND THE FRONT

The article is devoted to various aspects of the life of town Gelendzhik on the Black Sea coast during the military operations in the North Caucasus. The main attention is paid to the consequences of the German bombing and the food problem. The author deals with the features of the relationship of citizens with the Soviet troops and their assistance to the Red Army.

Key-words: The Great Patriotic War; battle of the Caucasus; Gelendzhik; The Black Sea Fleet.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала тяжелым испытанием для всего Советского Союза. Наибольшие бедствия выпали на долю тех регионов, которые были захвачены врагом или находились в зоне боевых действий. К их числу можно отнести и Геленджик, более года находившийся в ближайшей прифронтной полосе. Представляется целесообразным изучить то, как развернувшиеся в 1942–1943 гг. боевые действия изменили жизнь этого города на Черноморском побережье Краснодарского края.

Перед Великой Отечественной войной, в 1939 г. население Геленджикского района составляло 26,5 тыс. чел., из которых около 11 тыс. чел. проживали в Геленджике. Район не имел сколь-нибудь существенной промышленности, жил сельским хозяйством, рыболовством и курортной отраслью.

С началом боев за Новороссийск район Геленджика и проходившее через него шоссе стало подвергаться регулярным авианалетам противника. В результате уже к середине сентября 1942 г. центральная часть города с немногими хозяйственными, административными и общественными зданиями оказалась практически полностью разрушена. Многие геленджичане перебрались в окрестные села и хутора, или попросту укрылись в горах. Прибывший в город командир Новороссийской военно-морской базы капитан 1 ранга Г.Н. Холостяков вспоминал: «Геленджик оказался почти пустым. Учреждения и большинство жителей эвакуировались. Электростанцию демонтировали – опасались, как бы не досталась врагу» [1, с. 222].

Несмотря на то, что в Геленджике оставались райком ВКП(б), горсовет и райотдел НКВД, сложившаяся обстановка способствовала расхищению государственного и личного имущества граждан. Так, один из работников геленджикской торговли оказался уличен в воровстве продуктов с разбомбленных складов и их последующей продаже. Он был исключен из партии и расстрелян по приговору военного трибунала.

Но проблема централизованного снабжения продовольствием населения осенью 1942 г. стала едва ли не главной задачей местной власти. Секретарь Геленджикского райкома ВКП(б) Д.Н. Макрушин в своем сообщении краевому комитету партии указывал, что в за август и сентябрь жители получили муку по уменьшенной в два раза норме, а «на октябрь месяц у нас хлеба совершенно нет» [2, с. 485–487]. К концу 1942 г. нехватка муки оказалась такова, что постановлением крайкома ВКП(б) и краисполкома от 3 декабря 1942 г. требования к качеству хлеба были снижены, а трудоспособным, но не работающим и не учащимся гражданам он вообще не выдавался.

Положение усугублялось тем, что на приморские районы Краснодарского края легла задача по обеспечению продовольствием действовавших на их территориях соединений Красной армии. В этой связи Военный Совет Черноморской группы войск, членом которого являлся и первый секретарь крайкома ВКП(б) П.И. Селезнев, принял 27 октября 1942 г. постановление о мясозаготовках. Оно предусматривало сдачу войскам практически всего скота в Геленджикском и Туапсинском районах. Продовольственная проблема обострялась действиями армейских тыловых служб. Тыловики позволяли себе без всякого разбора забивать

скот и конфисковывать продукты из хозяйств. В отдельных случаях представители Красной армии устанавливали полный контроль над работой колхозов.

Выживание многих жителей района зависело от приусадебного хозяйства, а также рыболовства. В прибрежных водах ловля рыбы и дельфинов в промышленных масштабах продолжалась колхозом им. Парижской коммуны. Она была сопряжена со многими рисками: минной опасностью, налетами германских самолетов, действиями немецких и итальянских торпедных катеров. Тем не менее, рыбакам удалось не только обеспечить потребности войск, но и существенно помочь местному населению.

При всех трудностях снабжения продовольствием, с началом войны геленджичане привлекались к работам по созданию укреплений и военной инфраструктуры. Речь шла о создании противодесантной обороны вдоль берега Черного моря и военного аэродрома на м. Тонкий. 15 сентября 1942 г. начальник Геленджикского гарнизона отдал приказ о мобилизации всех жителей в возрасте с 16 до 55 лет на оборонные работы. Исключение делалось только для трудящихся предприятий и учреждений, а также женщин с грудными детьми. Основные усилия были брошены на расширение уже существующей взлетно-посадочной полосы и постройки еще одного аэродрома. В дополнение к уже существовавшей базе гидроавиации на м. Тонком начала создаваться аналогичная база на м. Толстом.

Создание развитой аэродромной сети в Геленджике было обусловлено тем, что это одно из немногих подходящих для данной цели мест на побережье Северного Кавказа. Около года он оставался самым западным пунктом базирования советской авиации на берегу Чёрного моря. По этой же причине Геленджик имел ключевое значение в работе тыла 47-й армии, а затем и сменившей её 18-й армии.

С начала сентября 1942 г., когда левый фланг всего советско-германского фронта стабилизировался на берегу Чёрного моря под Новороссийском, Геленджикский район и советские войска вокруг него оказались практически изолированы от остальной территории страны. С нею их связывала узкая прибрежная полоса с единственным приморским шоссе. Поэтому снабжение частей и соединений 47-й армии, сражавшихся на этом направлении, требовало постоянного внимания. Не случайно вопрос обеспечения порядка и дисциплины при движении транспорта поднимался в приказании штаба армии, направленном начальникам гарнизонов Геленджика и сел в его окрестностях 13 декабря 1942 г. [3]. Распоряжения на данный счет отдавались неоднократно. К началу 1943 г. списочный состав 47-й армии, чьи тылы располагались исключительно в Геленджикском районе, превысил 50 тыс. чел. Кроме неё, здесь располагались подразделения Новороссийской военно-морской базы. Поэтому в немногочисленных населенных пунктах и на дорогах района было столь много военнослужащих и техники, что приходилось постоянно возвращаться к вопросам обеспечения порядка.

Потеря крупнейшего на Северном Кавказе Новороссийского порта существенно повысила значение Геленджикской бухты для военных перевозок морем. Однако в ней имелось только три причала для малотоннажных плавсредств

– барж, катеров и парусно-моторных шхун. С их помощью на рейде могли разгружаться корабли и суда среднего тоннажа. Собственных механических средств для погрузочных работ и ремонтной базы Геленджик не имел. С перебазированием в Геленджикскую бухту Новороссийской военно-морской базы и прибытием новороссийских портовиков стали вестись работы по совершенствованию причального фонда. В частности, удалось удлинить северную пристань, используя корпус затопленной паровой шхуны «Советский Крым» [4, с. 103–104]. В результате появилась возможность использовать порт Геленджика для переброски такой техники, как средние танки и тяжелые артиллерийские орудия. И если до войны годовой грузооборот Геленджикского порта составлял примерно 25 тыс. т, то уже во второй половине 1942 г. через него прошло 28 тыс. т грузов. В 1943 г. довоенный оборот оказался превышен в пять раз и достиг почти 125 тыс. т.

Впрочем, далеко не все недостатки в его работе удалось изжить. Проведенная 28 декабря 1942 г. штабом Новороссийского оборонительного района проверка работы Геленджикского порта выявила следующие проблемы:

«...1. При разгрузке прибывшей армейской части порт и прилегающая к нему территория не были очищены от посторонних лиц. Район порта и прилегающие улицы были забиты прибывшим личным составом, матчастью и транспортом.

2. Охрана порта отсутствовала, в результате чего доступ в него неограничен и на причале находились гражданские лица.

3. В городе много болтающихся без дела военнослужащих, в том числе из состава прибывающих частей. Места стоянок автомашин не определены. Дисциплина по сигналу «Воздушная тревога» отсутствует и никем не регулируется.

4. Порт забит грузами армии, в том числе боеприпасами, оставленными прибывающими частями. Мер к очистке порта не применяется.

5. Личный состав прибывающих частей не знает порядка при разгрузке и никем не инструктируется» [5].

Близость фронта обусловила развертывание в Геленджике военных госпиталей. Первые три госпиталя были созданы в городе еще зимой 1941–1942 гг. на базе домов отдыха и санаториев. В период битвы за Кавказ в Геленджикском районе поочередно размещались госпитали армейского и фронтового подчинения. На постоянной основе в городе существовал 43-й военно-морской госпиталь Новороссийской военно-морской базы. Среди медицинского персонала широко были представлены жители Геленджика. Их также привлекали к сбору и заготовке лечебных трав, которые компенсировали нехватку медикаментов и витаминов в воинских частях [6, с. 34–35].

Представленные в данной статье факты иллюстрируют лишь самые заметные приметы жизни прифронтового города: авиационные налеты, нехватка продовольствия, перестройка жизни в интересах фронта, взаимодействие гражданского населения и военнослужащих. Жители Геленджика прошли через многие испытания военного времени и стали надежным тылом для действующей армии.

Список литературы

1. Холостяков Г.Н. Вечный огонь. М., 1976.

2. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 2 кн. Краснодар, 2005. Кн. 2. Ч. 1.
3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 402. Оп. 9575. Д. 61. Л. 303.
4. Исторические записки. Документы из фондов музея-заповедника. Новороссийск, 2007. Вып. 6.
5. ЦАМО РФ. Ф. 402. Оп. 9575. Д. 30. Л. 186.
6. Зиновьева Т.А. Тыловой Геленджик как место дислокации советских войск, обеспечивших успех в боевых действиях в ходе Новороссийско-Таманской операции // Место подвига – Новороссийск. Август 1942 – сентябрь 1943 – на левом фланге советско-германского фронта: Материалы науч. конференции. Новороссийск, 2014. С. 28–39.

Е.А. Шкрибитко, А.С. Саенко

УСЛОВИЯ ТРУДА И ЖИЗНИ В КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ ОСВЕНЦИМ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВЕТСКИХ УЗНИКОВ – УРОЖЕНЦЕВ ПРИАЗОВЬЯ

В статье, по материалам опубликованных и неопубликованных воспоминаний, рассматриваются тяжелейшие условия труда и жизни бывших узников – уроженцев Приазовья в концентрационном лагере Освенцим (Аушвиц).

Ключевые слова: Освенцим, условия содержания, советские узники, воспоминания, Донбасс, Ростовская область.

E.A. Shkribitko, A.S. Saenko

WORKING AND LIVING CONDITIONS IN THE AUSCHWITZ CONCENTRATION CAMP IN THE MEMOIRS OF SOVIET PRISONERS – NATIVES OF THE AZOV REGION

The article, based on the materials of published and unpublished memoirs, examines the most difficult working and living conditions of former prisoners - natives of the Azov region in the Auschwitz concentration camp (Auschwitz).

Key words: Auschwitz, conditions of detention, Soviet prisoners, memoirs, Donbass, Rostov region.

Сегодня в условиях определенных переоценок и фальсификаций итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн как на Западе, так и на Украине предложенная тема актуальна. Важно сохранить и передать молодежи истинную сущность фашизма и его последствий. Одной из сторон немецко-фашистского оккупационного режима, орудием репрессий и геноцида народов захваченных территорий были концлагеря.

Изучение отлаженной системы уничтожения населения в концлагерях в годы Великой Отечественной войны имеет важное научное значение для исследования проблемы оккупационной политики Третьего Рейха и его последствий для всего мирового сообщества.

Современное поколение уже плохо представляет себе грандиозную систему подавления инакомыслия, отлаженную и беспощадную машину террора, которую создали фашисты.

Следует отметить, что уже через два месяца после прихода к власти, в марте 1933 г., германские фашисты организовали в окрестностях Мюнхена первый

концентрационный лагерь – Дахау – для изоляции в нем политических врагов фашистского режима и просто подозреваемых в нелояльности к новым властям.

Со временем количество концентрационных лагерей стало увеличиваться. По данным немецких историков, к 1939 г. имелось уже около 100 филиалов шести основных лагерей. После начала Второй мировой войны спешно стали создаваться новые лагеря как в Германии, так и на оккупированных территориях – Чехословакии, Франции, Норвегии, Нидерландах. Наибольшие по численности заключенных и числу жертв были концлагеря, построенные в Польше – Освенцим (Аушвиц), Майданек, Собибор, Трешлинка, Белжец, Хелмно и другие.

Если в каждом из концлагерей на территории Германии число умерщвленных составляло несколько десятков тысяч или порядка 100 тыс. чел., то в Освенциме (Аушвице) было убито 4 млн. граждан разных стран. Массовому истреблению подвергались евреи, цыгане, поляки и русские.

В лагерь отправляли мужчин и женщин, детей, молодежь и стариков. Это были люди различных политических убеждений, профессий, вероисповедания. Большинство из них не имело ничего общего с политической деятельностью. Они попали в лагерь лишь потому, что принадлежали к той или иной национальности и расе.

Число находившихся в одном блоке заключенных менялось и зависело от общего числа заключенных в лагере. Заключение в лагерь осенью 1941 г. свыше 10 тыс. советских военнопленных (для них отвели девять блоков) и в марте 1942 г. – узниц (для них выделяли десять блоков) еще больше ухудшило и без того трудные жилищные условия узников Освенцима.

Важную роль в формировании представления об условиях, созданных для содержания узников в указанном лагере играют воспоминания бывших заключенных.

В течение первых нескольких месяцев существования лагеря Освенцим заключенные спали вповалку на соломенных тюфяках, расположенных в отдельных помещениях. Эти тюфяки утром, после подъема, нужно было собрать и сложить в углу. Из-за этого солома в тюфяках быстро ломалась, и когда их складывали или раскладывали, в комнатах становилось темно от пыли. В комнатах, называемых штурбами, ширина которых составляла 5 м, заключенные лежали на тюфяках в три ряда, сжатые до предела. Спать можно было лишь на одном боку. Поскольку места не хватало, заключенные, занимавшие лагерные должности, силой уплотняли вечером узников. Это подтверждает в своих воспоминаниях бывшая узница концлагеря Мария Ойжинская [1, с. 358], угнанная в Освенцим из Сталинской области.

Об ужасающих условиях содержания заключенных, прекрасно знало начальство лагеря. Об этом убедительно свидетельствует первое посещение концлагеря Освенцим (Аушвиц) Гиммлером 1 марта 1941 г. [2, с. 111].

Согласно списку инвентаря от 25 января 1943 г., под жилые помещения в концлагере Освенцим-Аушвиц был выделен двадцать один блок (причем блоки № 24 и 25 лишь частично служили этой цели). Например, в блоке № 2 находилось

234 койки с 702 тюфяками, а заключенных было 1193 чел., то есть примерно половина из них вынуждена была спать по двое на одном тюфяке. На одного заключенного приходилось примерно 2,5 м³ воздуха. Такая же скученность была в остальных жилых зданиях [3, с. 91]. Этот факт подтверждается в воспоминаниях бывшей узницы В.Л. Сехиной, угнанной в Освенцим из Донбасса: «У нас в бараке были трехъярусные деревянные койки, еще была печка, в которой топили углем, десяток с лишним деревянных шкафов, несколько деревянных столов и несколько десятков грубо сколоченных табуретов. Все эти предметы поступали в наш барак постепенно» [4].

Общими у заключенных были санитарные помещения (туалет с 22 унитазами и писсуары, раковины с 42 кранами). Чаще всего туалет представлял собой три бетонных пандуса, в которых были прорезаны круглые отверстия с таким расстоянием, что люди, сидя на них, касались друг друга спинами и плечами и чувствовали себя еще более униженными. Заключенным отводилось всего 3 минуты на посещение туалета 2 раза в день – утром и вечером. Одним из наказаний в концлагере был «запрет гигиены» – провинившимся на определенный срок запрещали посещать туалет и мыться. В бараке было сыро, протекала крыша, заключенные, болевшие алиментарным поносом, пачкали солому и тюфяки. Ночью запрещали открывать дверь для проветривания. Было очень много насекомых, крыс, которые набрасывались на спящих и трупы. Воды было недостаточно, чтобы помыться.

Из-за отсутствия бани и умывальной, заключенные месяцами ходили невымытые и грязные, а физиологические потребности вынуждены были отправлять в примитивных, неогороженных отхожих местах [5, с. 84–85]. Не следует удивляться, что в таких условиях и при такой скученности постоянно вспыхивали различные эпидемические заболевания, которые буквально косили заключенных.

Жилищные и санитарные условия в концлагере Аушвиц III (Моновиц) и в нескольких десятках филиалов были аналогичными.

Главной и конечной целью всех гитлеровских концентрационных лагерей было уничтожение заключенных после полного использования их в качестве рабочей силы. В лагерных условиях большинство заключенных было обречено на смерть после 3–6 месяцев, в зависимости от рода выполняемой работы.

Условия труда заключенных, работавших на немецких предприятиях вне лагеря, как правило, были не менее тяжелые, чем в концлагере. Слабых, истощенных от недоедания, нетрудоспособных отправляли в газовые камеры, а на их место поступали новые пополнения. Этот факт отмечал в воспоминаниях бывший узник Освенцима Роман Роздольский, уроженец Донбасса [6, с. 359–360].

Особенно жестоко немцы обращались в лагере с советскими военнопленными. Вскоре по прибытии они или умирали от общего истощения и болезней, или их убивали эсэсовцы.

В воспоминаниях бывшего заключенного Василия Тимофеева содержатся сведения о «профилактике», которая проводилась в лагере. Так, по словам бывшего узника, заключенным, содержащимся в Освенциме, в целях недопущения

распространения эпидемий, вырывали волосы, что называлось «стрижкой». При сопротивлении лагерные охранники жестоко избивали палками по голове и всему телу, а затем «купали» из шлангов холодной водой, после чего обливали кипятком. Для тех, кто был настроен особо агрессивно, такое издевательство проводили целый день.

«Из сорока заключенных вынесли 10 полумертвых, а слабых, едва державшихся на ногах, отправили в крематорий для сжигания в газовых печах», – вспоминал Василий Тимофеев [7, с. 89].

В свидетельских показаниях, бывших заключенных Освенцима, также сохранились сведения о том, какой режим был установлен для узников в карантинной зоне. Все заключенные в «карантине» получали номер. Так, подъем был в пять часов утра, на завтрак заключенные получили 200 г. хлеба пополам с опилками и поллитра баланды с брюквой, после чего ставили заключенных в две шеренги и заставляли сидеть на корточках с вытянутыми вперед руками, не двигаясь, пока охранник не скажет: «Встать!». Кто не выдерживал этих «упражнений», тот получал нагайкой по голове, рукам и всему телу.

«После ударов кожа трескалась, текла кровь, а через два-три дня человек становился черным от побоев», – свидетельствовал Василий Тимофеев [8, с. 90].

Одной из причин распространения в концлагере Освенцим эпидемий и различных болезней были, в частности, ужасающие жилищные и санитарно-гигиенические условия. Об этом свидетельствует в своих воспоминаниях Л.В. Левченко – бывшая узница концлагеря Освенцим, угнанная туда из Донбасса (лагерный № 22896). По словам бывшей узницы, спали заключенные по 8–10 чел. Условия содержания были совершенно невыносимыми – было множество вшей и клопов, которые мгновенно разносили различные заболевания, что вызывало целые эпидемии [9, с. 64].

Таким образом, приведенные воспоминания бывших узников-уроженцев Приазовья концлагеря Освенцим-Аушвиц свидетельствуют об ужасных, нечеловеческих условиях содержания заключенных. Факты, приведенные выше также позволяют говорить о том, что условия содержания в нацистских лагерях были схожи: должным образом не соблюдались санитарно-гигиенические нормы, нарушалось личное пространство, у заключенных отсутствовала возможность нормально питаться, пользоваться личными вещами, распоряжаться своим временем и т.д. Помимо этого, нарушались условия труда, в которых работали заключенные, отсутствовали гарантии, страховка и должное медицинское обеспечение.

Список литературы

1. Саенко А.С. Условия содержания в концлагере Освенцим (по воспоминаниям бывших советских узников) // Регионы России в военной истории страны. Сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф., г. Йошкар-Ола, 17–18 ноября 2021 г. Йошкар-Ола, 2021. Вып. III. С. 356–366.
2. СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1968.
3. Освенцим: Гитлеровский лагерь массового уничтожения. Варшава, 1978.
4. Интервью с В.Л. Сехиной, 1921 года рождения – запись сделана А. Саенко 4 апреля 2014 г., г. Донецк Донецкой области.

5. Вернувшиеся из ада. О судьбах наших земляков, жителей Дона, ставших узниками фашистских концентрационных лагерей. Ростов н/Д, 2001.

6. Саенко А.С. Условия содержания в концлагере Освенцим (по воспоминаниям бывших советских узников)...

7. Вернувшиеся из ада. О судьбах наших земляков, жителей Дона, ставших узниками фашистских концентрационных лагерей...

8. Там же.

9. Саенко А.С., Шкрибитько Е.А. Жизнь в концлагере Аушвиц: свидетельствуют жертвы // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы II Всерос. науч. конф., приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.). В 2 ч. Ростов н/Д, 2021. Ч. 2. С. 62–71.

М.В. Медведев

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРМИИ АНДЕРСА НА ТЕРРИТОРИИ СССР В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

В годы Великой Отечественной войны по соглашению между советским правительством и польским правительством в изгнании была сформирована польская армия во главе с В. Андерсом. Польские вооруженные соединения, входившие в состав данной армии, находились на территории СССР с августа 1941 г. до августа 1942 г. В дальнейшем эти соединения были выведены в Иран. В данной статье автором делается обзор современной отечественной историографии касательно армии Андерса, а также определяются проблемные вопросы, выделенные учеными в своих работах.

Ключевые слова: армия Андерса, Великая Отечественная война, СССР, Польша, отечественная историография.

Medvedev M.V.

ISSUES OF THE FORMATION OF ANDERS' ARMY ON THE TERRITORY OF THE USSR IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

During the Great Patriotic War, by agreement between the Soviet government and the Polish government in exile, a Polish army led by W. Anders was formed. Polish armed units that were part of this army were in the USSR from August 1941 to August 1942. Later, these units were withdrawn to Iran. In this article, the author reviews modern Russian historiography regarding Anders' army, as well as identifies problematic issues highlighted by scholars in their work.

Key-words: Anders' army, the Great Patriotic War, USSR, Poland, national historiography.

Среди различных тем в истории советско-польских отношений не менее актуальным и проблемным является вопрос о формировании на территории СССР польской армии под командованием Владислава Андерса. Данное войско располагалось на советской территории в течении одного года, с августа 1941 г. по август 1942 г.

Формирование армии Андерса начинается с момента заключения от 30.07.1941 г. соглашения между правительством СССР и польским правитель-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00405, <https://rscf.ru/project/22-28-00405/>

ством в изгнании. В документе говорилось, что «оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии» [1, с. 12]. Кроме того, в соглашении отмечалось, что Советский Союз одобрил формирование на своей территории польской армии под командованием, назначенным польским правительством с согласия правительства СССР. Важным моментом было и то, что польская армия на территории СССР должна была действовать в оперативном подчинении Верховного командования СССР. На роль командующего армией назначили освобожденного из заключения В. Андерса с восстановлением его в звание генерала. В состав армии стали прибывать амнистированные польские военнослужащие, попавшие ранее в плен. Вскоре стороны договорились, что после формирования армии ее соединения будут принимать участие в боях против немецких войск на стороне Красной армии. Однако данное условие польская сторона так и не выполнила [1, с. 12].

С начала формирования армии и до февраля 1942 г. в состав ее частей и соединений было принято не менее 75 тыс. военнослужащих. Попытки советской стороны привлечь данные формирования к участию в боевых действиях встречались отказом командования армии Андерса. Причиной затягивания польской армии выдвижения на фронт называлось Андерсом как недостаточное укомплектование и оснащение соединений. После новых соглашений с советской стороной премьер-министр правительства Польши В. Сикорский добился возрастания численности армии Андерса до 96 тыс. чел. Следующий шаг польской стороны заключался в вопросе о последовательном перемещении армии в Иран. Большая часть армии до конца августа 1942 г. была выведена из территории СССР. Попытки советской стороны привлечения армию Андерса к боевой деятельности на фронте не увенчались успехом.

Многие годы события тех лет вызывали большой интерес среди исследователей и до сих пор продолжают активно привлекать внимание ученых в области исторической науки. В работе рассматриваются отечественные исследования, изданные в постсоветский период вплоть до настоящего времени. В советский период историки также обращались к теме армии Андерса, в основном это были работы, посвященные советско-польским отношениям в военный период.

На протяжении длительного времени, после упомянутых событий, архивные фонды были ограничены для исследователей. Историки, которые все-таки могли получить допуск к таким материалам, в силу существующей идеологии не имели возможности проводить полноценные исследования. Острым оставался вопрос о нахождении польских солдат и офицеров в советском плену.

После распада СССР началась переоценка событий прошлых лет. Вместе с тем возобновился интерес к истории существования армии Андерса. За это время было издано много работ, которые касались вопросов данной темы.

Наиболее важным вопросом стала история эвакуации армии Андерса из территории СССР в августе 1942 г. К этой проблеме обращаются большинство историков, исследовавших тему армии Андерса. В.И. Прибылов отмечает тенден-

цию в непостоянстве премьер-министра Польши В. Сикорского, который маневрировал в политических вопросах с советской стороной. Кроме того, сам Андерс неоднократно оказывал влияние на ситуацию с передислокацией армии. Однако командующий армией в свою очередь возлагал ответственность на советскую сторону, ссылаясь на проблему с ее обеспечением [2].

С.В. Заец отмечает проблему, которая присуща как российским, так и польским исследователям, заключается она в применении ограниченного перечня архивных материалов и источников с разных сторон. Действительно, такой подход может привести к необъективным и не подтвержденным выводам [3].

В исследовании Н.С. Лебедевой также отмечается слабая изученность отечественных архивов касательно данного вопроса. Автор приводит перечень фондов российских архивов, где содержатся сведения по формированию армии Андерса. Данная работа основана на материалах отечественных архивов, впервые вводимых в научный оборот [4].

Дальнейшим исследованием вопроса о передислокации армии Андерса стала работа Ю.В. Иванова, в которой автор акцентирует внимание на проблеме отправки отдельных соединений армии на фронт, что требовало советское правительство. Польское правительство следующим шагом предложило передислоцировать армию в Среднюю Азию. Однако автор отмечает факт сокращения продовольствия от советского руководства, но позицию российской стороны в данном вопросе считает объективной [5].

Прорывом в исследовании истории армии Андерса стала публикация раскритиченных документов, которые оказались доступны уже в перестроечный период. Это были записи диалогов политических представителей советско-польских отношений. В 1994 г. появилось новое издание «Русского архива», в котором целый раздел был о данной армии [6]. В 2013 г. появились публикации воспоминаний генерала В. Андерса, которые полностью завершили выпуск всех разделов его неизданных ранее мемуаров [7]. В это время появились и публикации о работе спецслужб в рамках советско-польских отношений в годы войны, в том числе это касалось и периода существования армии Андерса.

Особое место в перечне отечественной историографии по проблеме советско-польских отношений заняла монография «Против общего врага. Советские воины в Войске Польском 1943–1968 гг.», которая была опубликована в 2021 г. Интерес в ней вызывает первая глава, посвященная армии Андерса. Благодаря этому изданию, появился новый взгляд на тему формирования на территории СССР армии Андерса и вывода ее в Иран [1].

Таким образом, в современной отечественной историографии появилось достаточное количество работ, связанных с историей формирования и существования армии генерала Андерса. Благодаря новым публикациям стало возможным прояснить многие сложности в данных вопросах. Кроме того, российские историки стали чаще обращаться и к польской историографии исследуемой проблемы. Однако, стоит отметить, что все еще недостаточно используется архивный потенциал в современных работах.

Список литературы

1. Филиппов В., Ларин Г. Против общего врага. Советские воины в Войске Польском 1943–1968 гг. Рязань, 2021.
2. Прибылов В.И. Почему ушла армия Андерса? // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 29–38.
3. Заец С.В. Советско-польский военный союз // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2009. № 6. С. 22–26.
4. Лебедева Н.С. Армия Андерса в документах российских архивов // Репрессии против поляков и польских граждан: Исторические сборники «Мемориала». М., 1997. Вып. 1. С. 123–140.
5. Иванов Ю.В. Польская армия генерала В. Андерса в СССР (август 1941 – август 1942 года) // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 52–58.
6. Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. Т. 14 (3–1).
7. Андерс В. Без последней главы // Звезда. 2013. № 5. С. 116–160.

И.В. Рыбак

ТРЕТИЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР: ШТУРМ САПУН-ГОРЫ

В статье на основе изучения исследований современных историков посвященных второй обороне Севастополя дана характеристика боевых действий в период освобождения города, показано значение стратегических мероприятий для победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Ключевые слова: Великая Отечественная война геополитика, вторая оборона и освобождение, штурмы, бомбардировка.

I.V. Rybak

THE THIRD STALIN'S BLOW: ASSAULT ON SAPUN MOUNTAIN

The article, based on the study of the studies of modern historians devoted to the second defense of Sevastopol, describes the fighting during the liberation of the city, shows the importance of strategic measures for the victory over the Nazi invaders.

Key-words: Great Patriotic War geopolitics, second defense and liberation, assaults, bombing.

6 ноября 1944 г. в начале доклада «27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» на собрании Московского городского Совета депутатов трудящихся, посвященном годовщине Великого октября Председатель Государственного комитета обороны (ГКО) И.В. Сталин отметил боевые операции 1944 г. Великой Отечественной войны:

- Ленинградско-Новгородская операция (14 января – 1 марта);
- Днепровско-Карпатская операция (24 декабря 1943 г. – 17 апреля 1944 г.);
- Одесская (26 марта - 14 апреля) и Крымская (8 апреля – 12 мая);
- Белорусская, т.е. операция «Багратион» (23 июня – 29 августа);
- Львовско-Сандомирская (13 июля – 29 августа);
- Яско-Кишиневская (20–29 августа) и Бухарестско-Арадская (30 августа – 3 октября) операции;
- Прибалтийская операция (14 сентября – 24 ноября);

- Восточно-Карпатская (8 сентября – 28 октября) и Белградская операции 28 сентября – 20 октября) операции;

- Петсамо-Киркенесская операция (7–29 октября) [1, с. 14].

Стратегические наступательные операции обусловили разгром немецко-фашистских войск во Второй Мировой войне.

План Крымской наступательной операции был разработан в Ставке Верховного главнокомандования (ВГК) с целью «сходящимися ударами 4-го Украинского фронта и ОПА с востока в общем направлении на Симферополь – Севастополь расчленив группировку противника и затем в тесном взаимодействии с Черноморским флотом полностью уничтожить ее, не допустив эвакуации из Крыма» [1, с. 20].

Освобождение Крыма и Севастополя И.В. Сталин считал третьим по важности стратегическим ударом советских вооруженных сил в 1944 г.

Севастопольский укрепленный район с октября 1943 г. обороняла 17-я немецкая армия (армейская группа «Руофф») под командованием генерала пехоты Карла Альмендингера (с 1 мая 1944 г.). «На подступах к Севастополю гитлеровцы создали мощную противовоздушную оборону. В этих условиях экипажи дальних бомбардировщиков вынуждены были применять внезапные и массированные налеты, атаковать цели с нескольких направлений» [2, с. 349].

В конце апреля 1944 г. на Севастопольском плацдарме находилось более 75 тыс. немецких солдат. Личный состав маршевых батальонов был укомплектован свежими силами: 1020-й – 830 чел., 336-й – 540 чел., 35, 36 и 37-я маршевые роты – около 620 чел. Танки и штурмовые орудия сводного дивизиона, сформированного из остатков разгромленных танковых бригад, усилили пехоту [1, с. 21].

Командующий войсками 4-го Украинского фронта (4УкрФ) генерал Ф.И. Толбухин 15 апреля поставил задачу Красной Армии овладеть Севастополем.

Маршал К.Е. Ворошилов, прибывший в Севастополь 15.04.1944 г., и Маршал А.М. Василевский как представители Ставки ВГК, принимали участие в разработке и осуществлению плана операции по освобождению Крыма. Они координировали наступательные действия Четвертого Украинского фронта, Отдельной Приморской армии (ОПА) и кораблей Черноморского флота (ЧФ). К.Е. Ворошилов заслушал доклады не только командующих сухопутными войсками и Черноморским флотом, но и командиров 11-го и 16-го стрелковых корпусов. Он посетил окопы на переднем крае [3, с. 231]. В ходе начавшейся операции К.Е. Ворошилов и А.М. Василевский согласовывали действия сухопутных, Военно-Морских и Военно-Воздушных Сил. Регулярно информировали друг друга о положении дел на передовой [3, с. 232].

Во время Крымской наступательной операции и при освобождении Севастополя применялась военная техника, поступившая по программе ленд-лиз [1, с. 44].

Начиная с февраля 1944 г., Ставка ВГК разрабатывала тщательный план освобождения Крыма и Севастополя. На основании предложений А.М. Василевского в феврале была издана Директива Ставки ВГК № 220019 представителю

Ставки об уточнении и утверждении плана освобождения Кривого Рога и Крыма (7 февраля 1944 г.). На ее основании «начало операции против Крыма планировать после того, как будет очищено от противника нижнее течение р. Днепр до Херсона» [6, с. 40].

В конце февраля 1944 г. фронт переместился на крымское направление. И командование 4-го Украинского фронта получило возможность начать непосредственную подготовку Крымской освободительной операции.

В результате многочасовых обсуждений обстановки в районе Севастополя в Ставке ВГК сделали вывод, что необходим общий штурм севастопольского укрепленного района всеми войсками фронта при активной поддержке авиации, флота и партизан.

Генерал армии Ф.И. Толбухин 7 апреля 1944 г. подписал приказ о начале наступательной операции в Крыму [5, с. 349].

Силы 4-го Украинского фронта и ОПА включали в себя два укрепленных района, две бригады морской пехоты численностью 470 тыс. чел., 30 стрелковых дивизий. Вооружения составляли 5982 орудия и миномета, 772 войсковой зенитной артиллерии, 559 танков и 1250 самолетов [4, с. 221].

За две недели апреля была освобождена основная часть Крымского полуострова.

Активная подготовка к освобождению Севастополя началась на основании Директивы Ставки ВГК № 220074 народному комиссару Военно-Морского Флота, командующему ЧФ «О задачах флота на 1944 год» от 11 апреля 1944 г.:

- подвозились боеприпасы и горючее;
- формировались штурмовые группы;
- группы разграждений и преодоления противотанковых рвов;
- проводились тренировки личного состава на местности, похожей на немецкие укрепления и позиции;
- морская авиация и флота систематически совершали нападения на укрепления врага;
- ежедневно расширять операционную зону флота в Черном море путем уничтожения минных полей [6, с. 72].

15 апреля регулярная армия совместно с крымскими партизанами освободили Алушту и Ялту. Части 51-й Армии вышли на оборонительные рубежи Севастополя [7, с. 403].

18 апреля командующий 4УкрФ генерал Ф.И Толбухин подписал Приказ № 294 «О завершении разгрома немецкой армии в Крыму». В нем не только отмечалось, что противник, понеся невосполнимые потери личного состава и военной техники, не имел возможности для эвакуации из Севастопольского морского порта. Указывалось, что после разгрома немецко-румынских соединений в городах Симферополь, Феодосия и Евпатория, части Советской армии вышли на последний рубеж севастопольского оборонительного района противника – р. Черная и хребет Сапун-гора [5, с. 360].

23 апреля наши войска перешли в наступление со стороны Балаклавы на мыс Херсонес. Однако ожидаемого успеха это наступление не дало.

29 апреля А.М. Василевский по телефону доложил в Ставку ВГК Сталину И.В. обстановку в Крыму и оперативный замысел – нанести основной удар по врагу силами Приморской армии и 51-й армии в направлении на поселок 6-я Верста и мыс Херсонес с обходом Севастополя с юга войсками 2-й гвардейской армии намечалось нанести отвлекающий удар в направлении Мекензиевых гор с выходом к Северной бухте [7, с. 224].

Целью этого удара было отвлечение внимания противника от главного наступления на Сапун-гору. И.В. Сталин поддержал замысел А.М. Василевского и наметил начало наступательных действий 2-й гвардейской армии на вспомогательном направлении на 5 Мая.

Генеральное наступление на немецкие позиции силами всех родов сухопутных войск и ЧФ было решено начать 7 мая. Части 1-го гвардейского корпуса 51-й армии взяли высоту Сахарная головка, прикрывавшую вход в Инкерманскую долину, и начали наступление в направлении восточной и юго-восточной части Северной бухты. После полуторачасовой артиллерийской подготовки и авиационной бомбардировки начался штурм Сапун-горы. В 19 час. 30 мин. войска 77-й и 32-й гвардейских дивизий вышли на её вершину.

8 мая, заняв Сапун-гору, советские войска продолжили наступление на центральную часть города в 7 час. утра. Прижав к морю немецко-румынские войска, 13-й гвардейский корпус и 55-й стрелковый корпус 2-й гвардейской армии в конце дня вышли на берег Северной бухты. Чтобы закрыть выход противника из Северной бухты, ночью из района пос. Любимовка на мыс Коса Северная был высажен морской десант.

Утром 9 мая солдаты 4УкрФ сломали сопротивление противника. К 19 час. Севастополь был полностью освобожден от немецких оккупантов.

10 мая И.В. Сталин Приказом № 262 «Об объявлении благодарности войскам 4-го Украинского фронта за освобождение Севастополя и завершение разгрома немецкой армии в Крыму» отметил отличившиеся в боях воинские соединения и объявил благодарность личному составу всех армий. В честь этой победы в Москве был дан салют из 324 орудий.

По сообщению Советского Информбюро об итогах Крымской наступательной операции Красной Армии от 12 мая 1944 г. «противник потерял убитыми 50000 солдат и офицеров, ... взято в плен 61587 солдат и офицеров». Уничтожено 188 танков и самоходных орудий, 529 самолетов, 1882 пулемета и т. д. [5, с. 381].

Оккупанты уничтожили материальные ценности, культурные и исторические памятники. Изучив архивные документы, можно дать правильную оценку событий оккупации и понять глубину трагедии населения Крыма во время пребывания фашистских войск на территории полуострова.

Таким образом, Крымская наступательная операция сорвала эвакуацию немецкой армии, так как в севастопольских бухтах артиллерийским огнем и ударами авиации были потоплены корабли немецко-румынских военно-морских сил.

В 1941–1942 гг. более восьми месяцев хорошо вооруженные немецкие войска под командованием генерала Эриха фон Манштейна не могли взять город.

В мае 1944 г. штурм Севастопольского оборонительного района силами всех родов войск продолжался восемь дней. Освобождение самого города – 58 часов.

Зимняя кампания 1944 г., которая включала в себя первый, второй и третий сталинские удары, в ходе которых были разгромлены немецкие группировки под Ленинградом, на Правобережной Украине и в Крыму, обусловила дальнейшие наступательные операции Красной Армии.

Победы, достигнутые Советской Армией в результате операций третьего сталинского удара, коренным образом изменили обстановку на юге Советского Союза и позволили вооруженным силам СССР начать наступление в Бессарабии и Румынии при содействии эскадры ЧФ. Третьим ударом было завершено зимнее наступление 1944 г., в результате которого Советская армия подошла к государственным границам и перенесла военные действия на территорию Западной Европы [8, с. 334].

Список литературы

1. Крымская наступательная операция. Значение. Итоги. Правда и ложь: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 25-27 апреля 2019 г. Севастополь, 2020.
2. Севастополь.1941–1945 гг.: сборник архивных документов / сост. Н.Ф. Задарожная, М.Г. Соловьева. Симферополь, 2020.
3. Акшинский В.С. Климент Ефремович Ворошилов: Биогр. очерк. 3-е изд., доп. М., 1979.
4. Дюличев В.П. Крым. История в очерках. XX век. Симферополь, 2005.
5. Крым в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945: Сборник документов и материалов / сост. И.П. Кондранов, А.А. Степанова. Симферополь, 1973.
6. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-4). Ставка ВГК, 1944–1945 гг.: Док. и материалы / сост. А.М. Соколов и др. М., 1999; Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974.
8. Бешанов В.В. Десять сталинских ударов. Минск, 2004.

Т.М. Удалова

ВОЗРОЖДЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1943-1945 гг.)

В статье, на основе источниковой базы, раскрыты особенности социокультурного пространства, которое возрождалось усилиями всех граждан Советского Союза на территории Сталинской и Ворошиловградской областей в 1943–1945 гг. Автор делает вывод о том, что несмотря на сложные условия военного времени общими усилиями удалось создать благоприятные условия для повседневной жизни населения Донбасса.

Ключевые слова: социокультурное пространство, возрождение, население Донбасса, военное время.

T. M. Udalova

REVIVAL OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE DONBASS POPULATION IN WARTIME CONDITIONS (1943–1945)

The article, based on the source base, reveals the features of the socio-cultural space, which was revived by the efforts of all citizens of the Soviet Union on the territory of the Stalin and Voro-

shilovgrad regions in 1943–1945. The author concludes that despite the difficult conditions of wartime, joint efforts managed to create favorable conditions for the everyday life of the population of Donbass.

Key-words: sociocultural space, revival, population of Donbass, wartime.

Военная агрессия со стороны правительства Украины внесла существенные коррективы в повседневную структуру жизни граждан Донецкой и Луганской Народных Республик, планирование которой на прямую зависит от каждодневной обстановки на линии разграничения. Основная цель укрофашистов состоит в дестабилизации ситуации на данных территориях, а также разрушении традиционных устоев, ценностных ориентиров населения Донбасса. В связи с этими обстоятельствами главная задача исследователя состоит в формировании представления о методах сохранения социокультурной среды как неотъемлемого компонента повседневной жизни социума на территории Сталинской и Ворошиловградской областей в 1943–1945 гг., которые фашисты пытались разрушить в период оккупации региона.

На сегодняшний день опубликовано ряд научных публикаций, в которых социокультурный аспект повседневности изучается социологами, философами, культурологами в контексте культурофилософских и социологических концепций [1]. В данном случае автор ставит цель сформировать представление о культурно-историческом аспекте повседневного бытия населения Донбасса в условиях возрождения, а это предоставит возможность не только обратиться к достижениям советского общества, но сохранить и приумножить региональную идентичность и самосознание населения Донецкой и Луганской Народных Республик – наследников Великой Победы!

В сентябре 1943 г. для населения Сталинской и Ворошиловградской областей пришло неизгладимо праздничное событие – день освобождения Донбасса. Практически 700 дней оккупации предшествовали Победе и освобождению, наполненные болью, ужасом, массовым уничтожением миролюбивого жителей двух областей региона. За время оккупации на территории Сталинской области было убито и замучено 174 416 мирных граждан, 149 367 военнопленных, 252 тыс. граждан, угнано в Германию, нанесен материальный ущерб в размере 30 млрд. руб. [2, л. 18].

Несмотря на устрашение и массовое истребление нацистам не удалось сломить население Донбасса. После освобождения Донецкого бассейна его граждане столкнулись не только с необходимостью скорейшего восстановления важнейшего угольного и промышленного района страны, а также с необходимостью возродить культурные и научно-образовательные учреждения. Следует констатировать, что в довоенный период на территории Сталинской области функционировало 10 театров, в том числе театр оперы и балета, шесть драматических театров, театр музыкальной комедии, филармония, 24 Дворца культуры, более 1 тыс. кинотеатров, 8 музеев, клубов и изб-читален, 1190 библиотек, 262 радиопузла, 1 областная радиостанция. В Ворошиловградской области действовало 893 клуба, 873 массовые библиотеки, 5 театров, 4 музея и филармония [3, л. 114].

За период оккупации Донбасса фашисты разрушили, взорвали, сожгли, разграбили практически все учреждения культуры.

Партийные и государственные органы, осознавали необходимость скорейшего возрождения данных формирований, так как за годы оккупации население региона оказалось под давлением фашистской «машины пропаганды доктора Геббельса», что в какой-то мере способствовало разрушению духовных и культурных ценностей русского народа. 25 августа 1943 г. ЦК ВКП(б) принял постановление по усилению культурно-просветительской работы в районах, освобожденных от немецкой оккупации. В соответствии с этим постановлением было принято решение придать этому процессу упорядоченный характер и отправить в Донбасс 2 251 партийного работника, которые обязаны были читать лекции, доклады, проводить беседы, организовывать работу радиоузлов, кинотеатров, театров, библиотек и других культурных учреждений. На восстановительные работы в Донбассе на 1943–1944 гг. выделялась сумма в размере 136 млн. руб. [4, л. 58].

Успех возрождения социокультурной среды зависел не только от просветительской и разъяснительной работы, но и от функционирования культурных учреждений и активного приобщения к их восстановлению населения. 20 февраля 1943 г. Ворошиловградский исполком городского совета депутатов трудящихся принял постановление «О привлечении населения на работы по восстановлению городского хозяйства», в соответствии с которым все трудоспособное население приняло участие в работах, связанных с ремонтом разрушенных общественных зданий общенародного значения, а также социокультурных учреждений [5, л. 18]. Аналогичные постановления были приняты и в других городских советах Донбасса.

Преодолевая невероятные трудности, жители региона творили буквально чудеса. Документы свидетельствуют о том, что всего на территории Сталинской и Ворошиловградской областей в городах и шахтерских поселках гитлеровцы за период оккупации разрушили 310 клубов. Лишь за два месяца восстановительных работ, с октября по декабрь 1943 г., только в Сталинской области было отремонтировано и начали свою работу 43 клуба, из них 20 в новых помещениях. За этот период в селах начали работать 95 изб-читален. В Ворошиловградской области было восстановлено 32 районных, 192 сельских и 167 колхозных клубов, открыто 298 красных уголков [6, л. 213].

Также была проведена значительная работа по возрождению библиотечного дела. Так, например, с первых дней освобождения Ворошиловградской области сотрудниками областной библиотеки был инициирован сбор книг среди населения для укомплектования книжного фонда. За месяц книжный фонд составил 12 тыс. экземпляров. Благодаря помощи жителей Чкаловска фонд библиотеки был пополнен еще на 60 тыс. книг различного жанра. Уже через 24 дня после освобождения Сталино был открыт читальный зал, а вскоре и абонемент Сталинской областной библиотеки им. Н.К. Крупской. В уютных, просторных и светлых комнатах разместилась библиотека комбината «Ворошиловградуголь». Свою деятельность она начала с октября 1943 г. По состоянию на январь 1944 г.

в ней насчитывалось около 12 тыс. томов технической, социально-экономической и художественной литературы. Для просвещения населения, занятого на восстановительных работах, было принято решение организовать передвижные библиотеки, которые пользовались огромной популярностью. Всего на этот период в Донбассе начали работать 79 библиотек, насчитывавших свыше 300 тыс. томов и восстановленных за счет сбора книжных изданий среди населения [7, л. 17–18]. 19 сентября 1943 г. в г. Мариуполе была открыта детская городская библиотека, которая позволила подрастающему поколению погружаться в мир сказок и приключений.

Безусловно, процесс возрождения социокультурного пространства региона был сложным, так как средств на эти мероприятия выделялось значительно меньше, чем в других отраслях народного хозяйства. И все же, несмотря ни на какие трудности военного времени, этот процесс начался буквально с первых дней освобождения региона от немецко-фашистских захватчиков. Так, уже 11 сентября был издан первый выпуск газеты «Макеевский рабочий», тираж которого составил 500 экземпляров, что позволило гражданам региона быть в курсе последних событий, происходящих как на фронте, так и в тылу. Для чтения газет и книг в сельской местности открывались избы-читальни и красные уголки. Так, только с октября по декабрь 1943 г. в Сталинской области было открыто 95 изб-читален, а в Ворошиловградской области – 298 красных уголков [8, л. 67].

Формирование социокультурного пространства планировалось реализовать через сеть культурно-просветительских учреждений, приоритетным из которых являлся кинематограф, что объяснялось доступностью демонстраций кинолент благодаря передвижным киностудиям, низкой стоимостью билетов или вообще их отсутствием. Благодаря наличию в Донбассе 234 киноустановок, работникам культуры, например, Сталинской области удалось продемонстрировать только за январь 1945 г. 317 киносеансов [9, л. 134].

С помощью слаженной работы Управления по делам искусств и самоотверженной сплочённости населения Донбасса ускоренными темпами удалось возродить театральную жизнь. Менее чем через месяц после изгнания оккупантов, весной 1943 г., в Ворошиловграде в помещении Театра юного зрителя состоялся первый концерт театра эстрады. Вскоре начал работать Русский драматический театр, немного позже – Театр музыкальной комедии. В Краснодоне был открыт Театр юного зрителя, в Ровеньках – Областной украинский музыкально-драматический театр. Всего в Ворошиловградской области на 1 января 1945 г. функционировало 4 театра. Успешно возрождалась театральная жизнь и в Сталинской области. Уже в 11 ноября 1943 г. было принято решение реэвакуировать донецкие театры из г. Пржевальского и г. Кызыл-Орда Киргизской ССР. К началу 1944 г. удалось восстановить работу Сталинского музыкального тетра и Украинского драматического театра им. Артема в Сталино, в Макеевке – Украинского драматического театра, в Мариуполе – Русского драматического театра. В Славянске, Константиновке и Лисичанске вскоре были открыты русские передвиж-

ные драматические театры. С января 1944 г. начали свою работу областные государственные филармонии в Сталино и Ворошиловграде. Всего до завершения войны на территории Донбасса было возрождено 11 театров [10, л. 113].

Особенностью культурной жизни населения Донбасса в период восстановления стало проявление инициативы и активного участия в создании драматических групп и эстрадных ансамблей, фронтовых концертных бригад, коллективов художественной самодеятельности, проводивших районные, областные, республиканские и всесоюзные смотры-конкурсы за право выступить на фронтах. Повседневный образ культурной жизни населения края был нацелен на выработку новых методов работы культурно-просветительных учреждений, ставших особенно востребованными в военное время. Инициативой работников культуры были организованы передвижные выставки, библиотеки, театры, клубы, агитпоезда, агитационные пароходы и фургоны. В Ворошиловградской области работало 1 362 кружка художественной самодеятельности, насчитывающих 16 965 чел., занимающихся культурным обслуживанием трудящихся городов и шахтерских поселков. Особо следует отметить культурно-просветительскую работу в госпиталях среди раненых бойцов и офицеров. Только за январь 1945 г. в госпиталях Сталинской области силами художественной самодеятельности было проведено 406 концертов [11, л. 87].

В разных уголках региона возрождались музеи, картинные галереи, выставки, что значительно повышало культурный и образовательный уровень населения Донбасса.

Таким образом, несмотря на трудности военного времени, а порой и вопреки им, систематически проводились в Донбассе художественные выставки, премьеры в театрах, новые фильмы на экранах и выходили миллионными тиражами книги, читательские конференции в библиотеках, клубах и избах-читальнях. Все проявления культурной жизни умножали силы для воинских и трудовых свершений ради приближения Победы, создавали в стране ощущение скорого возвращения мира.

Список литературы

1. Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. М., 1986; Соковиков С.С. Культура повседневности. Челябинск, 2002; Корнев В.В. Вещи нашего времени: элементы повседневности. Барнаул, 2010.
2. ГА ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 115. Л. 18.
3. ЦГАВОВУ Украины. Ф. Р. 166. Оп. 15. Д. 28. Л. 114.
4. ЦГА ВОВУ Украины. Ф. 166. Оп. 15. Д. 3. Л. 58.
5. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 2. Д. 73. Л. 18.
6. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 1070. Л. 213.
7. ЦГАВОВУУ. Ф. Р. 166. Оп. 15. Д. 7. л. 17–18.
8. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 91. Л. 67.
9. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 1076. Л. 134.
10. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 1096. Л. 113.
11. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 2. Д. 124. Л. 87.

Н.Н. Старченко

**РОЛЬ КИНО В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
СССР НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА СТАЛИНО (1943–1953 ГГ.)**

В статье раскрывается значение и социально-культурное влияние кинематографа на городское население СССР на примере города Сталино в период послевоенного восстановления. На основе архивных документов и периодических изданий исследуемого периода рассмотрен важный элемент досуга горожан – кино. Поход в кинотеатр, привлекал не только молодежь, но и все возрастные группы. Для большинства советских людей кино было практически единственной доступной формой развлечения. Кинематографические образы, с которыми встретился человек в первое послевоенное десятилетие, были призваны выполнять как легитимную функцию для власти, ради достижения победы в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, так и мобилизующую население для послевоенного восстановления.

Ключевые слова: Донбасс, Сталино, кинематограф, репертуарный план, советские фильмы, «трофейное кино», горожане, мультипликация.

N.N. Starchenko

**THE ROLE OF CINEMA IN THE SOCIO-CULTURAL LIFE OF THE
POPULATION OF THE USSR ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF STALINO
(1943–1953)**

The article reveals the significance and socio-cultural influence of cinema on the urban population of the USSR on the example of the city of Stalino during the post-war reconstruction. On the basis of archival documents and periodicals of the period under study, an important element of citizens' leisure – cinema - is considered. Going to the cinema attracted not only young people, but also all age groups. For most Soviet people, cinema was practically the only form of entertainment available. The cinematic images that a person encountered in the first post-war decade were designed to perform both a legitimate function for the authorities, for the sake of achieving victory in the fight against the Nazi invaders, and mobilizing the population for post-war reconstruction.

Key words: Donbass, Stalino, cinema, repertoire plan, soviet films, «trophy cinema», city dwellers, cartoons.

Несмотря на трудности послевоенного положения, жилищный кризис и голод, люди пытались жить полноценной жизнью с праздниками, вечерними встречами, посещениями кинотеатров, песнями, которые на некоторое время отвлекали их от тяжелых трудовых будней.

Важное значение в культурно-массовой работе среди населения Сталино в первые послевоенные годы имело кино. Только кино, как наиболее массовый и любимый среди населения вид искусства был в состоянии не только поднять общий дух освобожденного в сентябре 1943 года города, но и способствовать мобилизации моральных сил советских людей на борьбу с грозным врагом, укреплению национального единства, воспитанию мужества, оптимизма, активизации восстановительных работ.

Оценив возможности влияния кино на массы, советские идеологи в полную мощь использовали киноискусство для коммунистического воспитания граждан. Кинофикация и кинообслуживание населения Донбасса имело исключительное значение в процессах деокупации региона. С освобождением Донбасса и его областного центра города Сталино от оккупантов, кинематограф занял важное

место в жизни граждан и советской политики. Об улучшении культурного обслуживания рабочих промышленных предприятий говорилось в приказе Комитета по делам искусств при СНК СССР в апреле 1943 года. СНК и ЦК КП(б)У в апреле 1944 года издали постановление «Об улучшении культурного и бытового обслуживания Донбасса», а в октябре 1944 года СНК УССР и ЦК КП(б)У было издано постановление «Об улучшении кинообслуживания трудящихся Донбасса» [1, с. 67].

Небольшой перерыв в работе кинотеатра им. Шевченко г. Сталино (открыт в 1939 г.) относится к годам оккупации, но уже в сентябре 1943 г. в кинотеатре демонстрировалась кинокартина «Разгром немецких войск под Москвой» – 18 сеансов и дано 12 концертов (силами ДК). Перед началом кинофильма и концерта проводились доклады на тему: «Текущий момент», «Отечественная война советского народа против немецких оккупантов». Известно, что кинофильмами и концертами было обслужено 30 тыс. населения города. В это же время в кинотеатре «Металлургов» демонстрировалось два сеанса указанной кинокартины [2]. Стоит отметить, что уже в 1944 г. деятельность кинотеатра им. Шевченко была возобновлена в прежнем довоенном объеме. Чуть позже в том же здании был открыт детский кинотеатр. На месте гардероба появился малый зал, что повысило количество посадочных мест.

В первые послевоенные годы основной целью при составлении репертуарного плана, являлось показать зрителю, в первую очередь, актуальные советские фильмы, освещающие доблесть Красной Армии, ее героев, героизм работников тыла, помощь фронту по организации победы над немецко-фашистскими оккупантами. Репертуарный план демонстрации фильмов, состоял из нескольких разделов: хронико-документальные, учебные, художественные, детские фильмы. В репертуарном плане киносети Сталинской области на 2-е полугодие 1947 г. указывалось, что наиболее «актуальные фильмы» необходимо повторять через 3–5 месяцев, как художественное произведение, имеющее важное политическое значение в деле воспитания масс [3].

Выбор фильмов обычно определялся характером работы, уровнем образования и возрастом зрителей. Для многих людей художественное кино было отдыхом, поэтому большую популярность имели комедии. Этому жанру отдавало предпочтение абсолютное большинство горожан. На втором месте по популярности были приключенческие фильмы, на третьем – фильмы о современности.

Репертуар кинотеатров Сталино, в исследуемый период разделялся на две части: первая – фильмы патриотического и исторического содержания («Ленин в Октябре», «Фронтовые подруги», «Александр Невский», «Иван Грозный», «Родные поля», «Человек с ружьем»), которые помогали народу осознать величие своего Отечества; вторая – ленты сугубо развлекательные («Весна», «Ты мое счастье», «Антон Иванович сердится», «Сердца четырех») [4], которые должны были отвлекать население от излишних мрачных мыслей, вызванных голодом и разрухой.

В клубах города, было принято, каждый раз перед демонстрацией кинофильмов, читать лекции, например, о Конституции УССР [5]. Среди кинофильмов, которые демонстрировались в рассматриваемый период, следует назвать: «Москва столица СССР», «Гаврош», «Подвиг разведчика» (1947), «Адмирал Ушаков», «Возвращение Василия Бортникова», «Встреча на Эльбе» (1949), «Сталинградская битва» (1949), «Падение Берлина», «Смелые люди» (1950) и другие. Эти картины собирали полные залы. Тем не менее, стоит отметить, что не во всех клубах имелись в наличии киноустановки. Так, например, на шахте Чулковка № 8, Трудовская шахта № 5, Евдокиевка шахта № 16/17, Петровка шахта № 10 по вине руководителей клубов с 23 декабря 1946 г. по 10 января 1947 г. трудящиеся были лишены кинообслуживания [6].

Как правило, указанные фильмы несли идеологическую нагрузку, и воздействовали на умонастроения людей более эффективно, чем лекции. В многочисленных отчетах о проверке культурно-бытового обслуживания трудящихся города отмечалось, что в некоторых клубах кроме показа кинокартин и проведения танцев, никакой другой работы не проводилось.

В исследуемый период, широко пропагандировались документальные фильмы, основанные на военном материале. К декабрю 1944 г. в Сталино дошла лента «К вопросу о перемирии с Финляндией» – о вероломных финнах, нарушивших мирный договор с Советским Союзом, а в конце мая 1945 г. в кинотеатре Шевченко уже демонстрировался документальный фильм «Знамя победы над Берлином водружено» [7].

Особой популярностью у населения пользовалось иностранное кино, которое существенно отличалось от советского и раскрывало горожанам неизвестный стиль жизни западного мира.

В 1947 г. было принято решение о выпуске на советские экраны большой партии зарубежных фильмов, объявленных «трофейными». В СССР трофейное кино появилось в результате конфискации киноархивов на завоеванных территориях после окончания Великой Отечественной войны.

В первую партию «трофейных фильмов» в основном попали фильмы немецкого производства, а также несколько американских. Необходимо подчеркнуть, что выпуск так называемых «трофейных фильмов» на советский экран был вызван в первую очередь сокращением объемов отечественного кинопроизводства, инициированного прежде всего, самим руководством страны. Кроме того, высшими партийными инстанциями официально был санкционирован как список, так и порядок кинопоказа «трофейных фильмов» [8, с. 64].

Трофейные фильмы сформировали целое поколение на почве чистой любви, настоящей мужской дружбы, безотказно действующего кодекса чести. Эти понятия легко входили в сознание людей, после войны особенно чувствительных к добрым жизненным началам. Большой популярностью пользовались такие киноленты: «Девушка моей мечты», «Тарзан», «Венский вальс», «Дама с камелиями», «Мост Ватерлоо» и другие. Примечательно, что трофейные фильмы продолжали демонстрировать на советских киноэкранах и после смерти И.В. Сталина, вплоть до 1956 г.

Достойную конкуренцию западной продукции составляли советские фильмы. Большим успехом у донецких зрителей пользовался новый цветной художественный фильм «Падение Берлина». В кинотеатре им. Шевченко города Сталино на начало марта 1950 года фильм просмотрело двести тысяч человек. Стоит отметить, что после очередного киносеанса кинотеатром было организовано общественное обсуждение фильма «Падение Берлина», где выступил присутствовавший в зале участник штурма Берлина Г.Ф. Коняшко [9].

Если в сталинском городском кинотеатре шел фильм «В 6 часов вечера после войны», зал заполнялся на сто процентов каждый день. Такой же популярностью среди горожан пользовались и кинокартины «Подвиг разведчика» и «Повесть о настоящем человеке». Очередь за билетами у кинотеатра выстраивалась на улице, и в ней стояли по 4–5 часов. У касс наблюдалась давка. Жительница города Донецка Г.Т. Герасимова вспоминает, что после войны кино было очень востребовано. Иногда трудно было достать билеты. Часто за ними выстраивались очереди [10, с. 227]. У входа в кинотеатр шла торговля билетами с рук, в результате чего нередко оказывались занятыми не только посадочные места, но и проходы. Для того чтобы посмотреть любимые ленты, при отсутствии билетов, залазили на деревья и ограды.

Кино, как развлечение и часть культурного досуга оставалось более доступным по сравнению с театральным искусством. Билет на спектакль Донецкого русского музыкального театра в 1944 г. составлял – 16 руб. 20 коп., тогда как билет в кинотеатр стоил всего 5 руб. [11]. К началу 1953 г. цена на билеты в кинотеатр составляла от 2 до 6 руб. [12, с. 401-402].

Характерной чертой тех лет были массовые походы в кино жителей города. Например, для студентов Сталинского педагогического института ежемесячно 2 раза организовывались культпоходы в кино и театр с обсуждением фильмов и спектаклей. При этом, в каждом культпоходе участвовало от 350 до 400 чел. [13].

Заслуживает внимания детский кинематограф и мультипликация. В Сталино демонстрировали такие советские детские кинофильмы как «Зоя», «По щучьему велению» и др. Стоит отметить, что демонстрировались, как идеологически нейтральные мультфильмы, такие как «Муха-Цокотуха», так и с идеологической подоплекой, например, «Чего хочет Гитлер?», «Бей фашистских пиратов!», «Бей врага на фронте и в тылу!»; «История воспитания фрица». Дети с большим удовольствием смотрели и взрослые киноленты. К примеру, «Чапаев» был любимым фильмом как взрослых, так и детей [14, с. 171].

Для детей организовывались и детские кинофестивали. Так, в период зимних каникул в клубе им. Ленина металлургического завода им. Сталина в январе 1949 г. проходил детский кинофестиваль для пионеров и школьников Сталино-заводского района города. В дни фестиваля юные зрители посмотрели цветной киносборник, в который входили короткометражные фильмы, такие как: «В стране великанов», «Квартет», «Серая шейка», «Первый урок». В программе фестиваля также были художественные фильмы: «Руслан и Людмила», «По щучьему велению» и др. Фестиваль продолжался до конца школьных каникул [15].

Таким образом, из сказанного ранее следует, что в социально-культурной жизни населения города Сталина в послевоенное десятилетие важное значение имел кинематограф. Кино для большинства советских людей было единственной доступной формой культурного отдыха. По эмоциональным, идейным, художественным действиям и масштабам охвата населения, кино было одним из самых важных и любимых видов массового искусства, а в условиях советской действительности еще и мощным фактором идейного и политического влияния, одним из элементов формирования системы мировоззренческих и ценностных позиций населения страны и города Сталино в частности. Кинематографические образы, с которыми встретился советский человек в период 1943–1953 гг., были призваны выполнять как легитимную функцию для власти, ради достижения победы в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, так и мобилизующую население для послевоенного восстановления.

Список литературы

1. Проценко Є.О. Кінофікація Донбасу в 1943–1945 рр. Гілея, 2016. Вип. 112 (9). С. 66–71.
2. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. 326. Оп. 2. Д. 52. Л. 50.
3. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 4. Д. 1094. Л. 10.
4. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 4. Д. 1094. Л. 81.
5. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 4. Д. 1094. Л. 18.
6. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 4. Д. 1095. Л. 2.
7. Ясенов Е. Сталино после войны URL: <http://infodon.org.ua/stalino/166> (дата обращения: 12.03.2022).
8. Косинова М.И. Советская кинофикация и кинопрокат во второй половине 1940-х годов // «Трофейное кино» – спасение киноотрасли в период «малокартинья». М., 2015. Т. 9. № 3. С. 59–69.
9. Выдающееся произведение советского киноискусства. Обсуждение кинофильма «Падение Берлина» // Комсомолец Донбасса. 1950. 3 марта. С. 4.
10. Герасимова М.С. Дозвілля в повсякденному житті населення Донбасу в 1945–1953 рр. // Нові сторінки історії Донбасу: Зб. статей. Донецьк, 2007. Кн. 13/14. С. 218–235.
11. Ясенов Е. Важнейшим из искусств для большинства дончан было кино URL: <http://infodon.org.ua/stalino/173> (дата обращения: 12.03.2022).
12. Стёпкин В.П., Гергель В.И. Полная история Донецка. Донецк, 2008.
13. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 257. Л. 51.
14. Грідіна І.М. Духовне життя населення України в роки Другої світової війни (1939–1945 рр.). Донецьк, 2010.
15. Дитячий кіно-фестиваль // Радянська Донеччина. 1949. 5 січня. С. 4.

К.С. Щевич

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СТАЛИНСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА 1943–1945 ГГ.

Эвакуированный в июне 1942 г. коллектив Музыкального театра смог вернуться в родной лишь в конце января 1944 г. Так, как многие здания были разрушены немецко-фашистскими захватчиками, то музыкальному театру пришлось ютиться в одном помещении в музыкально-драматическом театре им. Артёма. Этот факт повлиял на уменьшение количества поставленных спектаклей.

Ключевые слова: Музыкальный театр, г. Сталино, постановка, эвакуация, немецко-фашистские захватчики, спектакль.

K.S. Schewich

FEATURES OF THE WORK OF THE STALINIST MUSICAL THEATER 1943–1945

Evacuated in June 1942, the Musical Theater collective was able to return to its native only at the end of January 1944. Since many buildings were destroyed by the Nazi invaders, the musical theater had to huddle in the same room with the Musical Drama Theater. Artyom. This fact has influenced the reduction in the number of staged performances.

Key-words: Musical theater, city of Stalino, staging, evacuation, Nazi invaders, performance.

Эвакуированный в июне 1942 г. в Киргизскую ССР коллектив Музыкального театра был расположен в г. Пржевальске. В эвакуации были проведены премьерные показы таких спектаклей как «Травиата», «Чио-чио-сан», «Севильский цирюльник», «Фауст», «Карнавальное колесо», «Риголетто» и другие [1, с. 4].

После освобождения г. Сталино осенью 1943 г., вернуться в родной город Музыкальный театр смог лишь в конце января 1944 г. Возвращение театра из Киргизии, согласно, финансовых отчетов бухгалтерии обошлась в 140 тыс. руб. Музыкального театра не было разрушено как большинство других помещений. В связи с этим руководство музыкального театра позволило драмтеатру арендовать помещения.

Возвратившись в родной город театр начал свою творческую работу 16 апреля 1944 г. с постановки оперы Чайковского «Черевички». В этот же период состоялись премьеры таких опер, как «Надежда Светлова» Дзержинского, «В огне» Кобалевского, «Кармен» Бизе и «Евгений Онегин» Чайковского. Из балетного репертуара весной 1944 г. были поставлены «Лебединое озеро», «Корсар» и «Раймонда». В интервью корреспонденту газеты «Социалистический Донбасс» режиссер Александр Здоховский так описан готовность к работе своего коллектива: «Приступая к работе в освобожденном городе, театр мобилизует всю энергию и творческие силы на то, чтобы вместе со всеми принять активное участие в восстановлении Всесоюзной кочегарки» [2, с. 215].

В планах театра была следующая схема работы. Ежемесячный план состоял из 18 вечерних и 2 утренних спектакля со средней загруженностью зала в 70%. Касательно ценовой политики билетов, то средняя цена была установлена в 16 руб. 20 коп.

Касательно штата Музыкального театра, то он был полностью укомплектован. Не было проблем с исполнителями и бутафорией. Все расходы, которые были предусмотрены руководством театра и Областным отделом Искусств были выполнены без превышения бюджетной сметы. На оплату зарплаты штатного персонала было выделено 2 025 300 руб., а для нештатного персонала 101 200 руб. Сценические артисты получали заработную плату в соответствии с присужденной им квалификацией. Требования для получения квалификации у разных категорий артистов могли кардинально отличаться. Артист-вокалист для получения высшей категории должен был иметь выдающиеся вокальные, отличные

музыкальные и сценические данные, высокое профессиональное мастерство, яркая творческая индивидуальность, широкое признание зрителей и общественности, а также исполнять ведущие и первые партии и роли в репертуаре театра. Опыт работы в театре должен был быть не менее 3 лет. В Сталинском Музыкальном театре артистов-вокалистов было 12 чел., с зарплатой за ставку в 1750 руб. Почти такие же требования, к которым добавляются выдающиеся танцевальные способности, выдвигались для артистов балета высшей категории. В Музыкальном театре таких артистов было 3 чел. с заработной платой в 1100 руб. за ставку. Артистов оркестра высшей категории в театре не было, но было 15 артистов первой категории с зарплатой 900 руб. за ставку [3, с. 2].

Расходной сметой театра были предусмотрены курсы повышения квалификации и подготовки кадрового состава для артистов сцены. В месяц на оплату учебы штатного коллектива выделялось 6520 руб. Всего на подобные курсы было направлено 289 чел., а сами курсы длились три месяца, и за весь курс было заплачено 19560 руб. [4, с. 314].

Посещение музыкального театра обходилось населению несколько дороже, чем походы в Сталинский государственный украинский музыкально-драматический театр им. Артема, но в целом можно было приобрести билеты доступные населению с разной заработной платой. Вечерние сеансы были дороже в целом на 5 руб. Например, если билет в партере на утренний спектакль стоил 15 руб., то то же посадочное место во время вечернего сеанса стоило 20 руб. Та же самая тенденция прослеживалась и с ценой бельэтажа, только стоимость этих мест увеличивалась на 3 руб. Например, с 12 до 15 руб. [5, с. 316].

В целом сезон 1944 г. для Музыкального театра был успешным. За это время почти полностью была восстановлена прерванная эвакуацией 1941 г. работа. Ставились новые спектакли, проводились благотворительные концерты, шла подготовка новых совместных проектов. Несмотря на отсутствие кадровых проблем, в Музыкальном театре постоянно проходила текучка кадров. В соответствии с приказом № 126 «О пополнении списка работников», который хранится в Донецком Государственном архиве ДНР, в конце 1944 г. кадровый состав Музыкального театра претерпевал некоторые изменения. На должность мастера сапожного цеха был зачислен Маламеда М.Е. Работу в данной должности он должен был начать с 25.12.1944 г. с окладом в 350 руб. в месяц. Подобное назначение объяснялось тем, что предыдущий мастер сапожного цеха – Сидоренко Фома Павлович был призван в ряды РККА. На должность старшей уборщицы с окладом по смете с 31.12.1944 г. была зачислена Шнарбер Б.Б. А с 28.12.1944 г. на должность шофера с окладом 500 руб. в месяц был зачислен Ванюхин Петр Яковлевич. Кроме установления заработной платы при приеме на работу, нескольким артистам оркестра она была повышена. С 1 января 1945 г. Иоэльс М.М. был установлен оклад в сумме 450 руб., Копьевой Н.Н. – оклад в сумме 1100 руб. и Виленц Ш.И. оклад в 900 руб. [6, с. 16].

Репертуар нового театрального сезона 1945 г. Музыкального театра составляли такие спектакли, как: «Принцесса цирка», «Чио-Чио-Сан», «Евгений Онегин», «Лебединое озеро», «Марица», «Пиковая дама», «Холопка», «Кармен»,

«Царская невеста», «Майская ночь», «Травиата». Всего на год было запланировано 11 постановок среди которых были как и новые, так и капитально-восстановленные спектакли. Из них – 6 новых и 5 капитально-восстановленных постановок [7, с. 37].

В целом, 1945 г. должен был стать довольно плодотворным. Согласно календарному плану Сталинского Государственного Русского Музыкального театра артистами должно было бы дано 151 вечерних и 15 утренних спектаклей на стационаре. Отпуск у театра был запланирован на сентябрь месяц. По факту календарный план, утвержденный на сезон 1945 г. не был выполнен в полном объеме. Несоответствие было в количестве проведенных постановок. Из запланированных на стационаре спектаклей было поставлено всего 148, хотя планировалось 151.

Период работы Музыкального театра с конца 1943 по 1945 г. был довольно успешным. В плане сборов со спектаклей прослеживалась небольшая недостача, но это было вполне объяснимо, так как в стране ещё продолжалась война.

Список литературы

1. Социалистический Донбасс. Сталино, 1943. 27 октября. № 89. С. 4.
2. ГА ДНР. Ф. Р-6417. Оп. 1. Д. 7. Л. 215.
3. ГА ДНР. Ф. Р-6403. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
4. ГА ДНР. Ф. Р-6417. Оп. 1. Д. 7. Л. 314.
5. ГА ДНР. Ф. Р-6403. Оп. 1. Д. 10. Л. 316.
6. ГА ДНР. Ф. Р-4982. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.
7. ГА ДНР. Ф. Р-6417. Оп. 1. Д. 7А. Л. 37.

М.А. Метейко, Т.М. Удалова

РОЛЬ ВОСПИТАНИЯ ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИИ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ У ДЕТЕЙ В 1943-1953 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются особенности организации воспитания в дошкольных учреждениях Сталинской области в 1943–1953 гг. Уделяется особое внимание способам воспитания и развития мировоззрения подрастающего поколения.

Ключевые слова: повседневность, дети, Донбасс, воспитание, дошкольные учреждения.

M.A. Meteiko, T.M. Udalova

THE ROLE OF EDUCATION IN PRESCHOOL INSTITUTIONS IN THE FORMATION OF THE WORLD VIEW OF CHILDREN IN 1943–1953 (BY THE EXAMPLE OF THE STALIN REGION)

The article deals with the peculiarities of the organization of upbringing in pre-school institutions of Stalin region in 1943–1953. Special attention is paid to the ways of upbringing and development of outlook of the younger generation.

Key words: daily life, children, Donbas, education, preschool institutions.

После освобождения Сталинской области от немецко-фашистских захватчиков, необходимо было в срочном порядке восстанавливать разрушенную социальную инфраструктуру, в том числе и садики, в связи с чем в восстановлении разрушенных дошкольных учреждений помогали шахты, заводы, работники этих садиков и родители. Тем не менее, не смотря на тяжелый послевоенный период, огромное внимание уделялось вопросам патриотического воспитания и формирования мировоззрения советского человека, в том числе и в дошкольных учреждениях.

В качестве источника были использованы документы Государственного архива Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР).

Вопросу повышения идейно-политического уровня работников дошкольных учреждений уделялось большое внимание. Так, в Сталинском районе работники детских садиков Министерства угольной промышленности посещали кружки по изучению краткого курса истории ЦК ВКП(б), биографии И.В. Сталина и В.И. Ленина. Повышение своего идейно-политического уровня дошкольные работники практически сочетали с общественно-полезной работой.

Говоря о идейно-политическом воспитании дошкольников, стоит сказать о том, что 95 дошкольных работников были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», 9 чел. имели медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», 7 чел. имели значок «Отличники Просвещения», 12 человек награждены медалями за оборону городов. По линии предприятий многие дошкольные работники награждены значками отличников угля, металлургии, химии и так далее. Таким образом, воспитатели непосредственно подавали пример своим воспитанникам, показывали, что любой труд на благо СССР высоко оценивался государством, общественностью, что нужно стремиться быть таким человеком, который сможет пригодиться Родине. Кроме того, детям часто читали о жизни В.И. Ленина, И.В. Сталина, и детям нравилось слушать эти рассказы. Старшим детям были знакомы такие герои, как Зоя Космодемьянская и Олег Кошевой, они любили их, восторгались их подвигами, брали с них пример [1, л. 33].

Для уточнения представлений у детей, обогащения впечатления воспитателей систематически проводили прогулки, экскурсии, знакомили детей с окружающей жизнью, бытом, с героями труда, фронта. Вооруженные богатыми впечатлениями из наблюдений, экскурсий, знакомством с окружающим у детей возникали разнообразные творческие игры. Например, воспитатель шахты № 10 Сталинского района писала: «Я систематически знакомила детей с шахтой, где в основном работают родители детей моей группы, путём экскурсии, бесед, в играх дети часто отражали шахту. Вот одна из игр, организатором которой был один из моих воспитанников Вова. Предварительно распределив роли между детьми, Вова заявил: «Ребята, я начальник участка! Слушайте меня. Сначала давайте построим копер, чтобы шахта лучше работала». Все рабочие принялись за работу. Коля: «Я буду работать по-стахановски». Все дети изъявили желание работать по-стахановски. Появляются вагонетки, которые нагружаются «углём». Некоторые дети на грузовиках и машинах отправляют «уголь» в город» [2, л. 103].

Тематика игр была разнообразной. Воспитательница старшей группы детского сада «Рыбкомбината» г. Мариуполя вспоминала, что после экскурсии к железной дороге дети соорудили вокзал, железную дорогу, организовали привокзальный буфет. Дежурный по станции в красной фуражке давал отправление, после чего «поезда» уходили. В буфете дети продавали бутерброды и фрукты (детская лепка), которые покупали и кушали пассажиры дальнего следования на остановках. Воспитатель одного из детских садов средней группы Артёмовского района Лопатина писала: «После прогулки по улице, с целью знакомства с учреждениями, дети в играх отражали увиденное. Например, строили школы, ясли, воспроизводили улицу, строили телеграфные столбы, а для этого просили шпагат, палочки и другое. Игра проходила интересно» [3, л. 104].

Разнообразные игры описывали воспитатели детских садов в отчетах: игры с водой, с песком, со строительным материалом, а также творческие игры. Согласно «Руководству» воспитатели усложняли игры, повторяли их в различных вариантах. Кроме того, большое внимание уделялось дидактическим играм, которые развивали органы чувств и обогащение словаря ребенка, обучали счету. Например, для закрепления цифр в старшей группе воспитатель Пономаренко проводила игру «Весёлый счёт», «Летающие колпачки», а для развития органов чувств и ощущений воспитатель Шурда проводила игру «Чудесный мешочек». Такие дидактические игры помогали уточнить представление детей, развивать их умственные способности.

Интересные игры проводились воспитателями по конструированию и комбинированию природного материала из семян, ракушек, соломы, травы и других материалов. Задания подбирались с учетом детского интереса, в повторных занятиях имело место постепенного усложнения.

При наличии различных костюмов и масок в детских садах организовывались хороводные игры и игры-драматизации. Во многих детских садах в работе с детьми использовались игры-шутки, которые вызывали у детей хорошее настроение.

Кроме того, проводились беседы на самые разнообразные темы: беседы, связанные с жизнью детей в семье, в детском саду, беседы, связанные с общественной жизнью, трудом взрослых, о подвиге отважных партизан. В целях обогащения детской речи, большое внимание уделялось развитию мышления, памяти, художественного вкуса. Кроме того, в детсадах записывались и обобщались пословицы, скороговорки, народные загадки, прибаутки, которые использовались в работе с детьми. Большинство воспитателей добились того, что дети научились самостоятельно составлять рассказы по картинкам, рассказывать об увиденном, о своих воспоминаниях [4, л. 111].

Роль родного языка в развитии ребенка раннего возраста огромна, а дошкольный возраст исключительно благоприятный для усвоения родного языка. В связи с этим, воспитатель детсада нес огромную ответственность за правильную постановку работы по родному языку. Для поднятия качества работы и повышению знаний в области методики родного языка на методических объединениях обсуждались следующие вопросы:

1. Проведение бесед в средней и старшей группах с анализом.
2. Рассказ по картинке в младшей группе, средней и старшей.
3. Занятия по проведению бесед и рассказ по картинке.
4. Анализ прослушивания рассказов, сказок со стороны правильности их передачи.
5. Беседа и её влияние на расширение кругозора ребенка.
6. Родной язык в детском саду.

Детские сады вели планомерную работу по обогащению словаря ребенка, работали над развитием связной и выразительной речи. Работа по расширению и обогащению словаря детей старались увязать с наблюдениями за окружающей жизнью и с интересными играми [5, л. 106].

Воспитатель старшей группы детского сада «Рыбкомбината» Мариупольского района рассказывала, что для пополнения словаря детей новыми словами и понятиями она использовала окружении детсада, проводила экскурсии на железнодорожную станцию, питомник. Перед экскурсией продумывала, что могут увидеть дети, какие могут задать вопросы для того, подготовиться и дать правильный ответ на поставленные вопросы. Например, чтобы ответить на вопрос ее воспитанников: «Почему небо достаёт до моря?», заранее прочитывала информацию про горизонт и пересказывала прочитанное дошкольникам [6, л. 106].

Таким образом, указанные мероприятия способствовали обогащению детской речи, расширению их кругозора. В детях воспитывалось чувство любви и преданности Родине и ненависть к врагам. Тем не менее, наряду с позитивными тенденциями, в Сталинской области все еще существовали детские сады, которые не уделяли должного внимания играм в жизни детей. Некоторые воспитатели не понимали значения творческой игры для общего развития ребёнка и не поддерживали инициативу детей при попытках организовать игру. «Книгульторг» снабжал детские сады интересной детской литературой, что дало возможность пополнить детские библиотеки, однако, этой литературы зачастую было недостаточно, особенно нехватка художественной литературы ощущалась в детских садах сельских районов. Кроме того, стоит отметить, что не все воспитатели хорошо владели речью. Для поднятия качества работы по родному языку, а также для исправления ошибок в речи воспитателя, методическими кабинетами организовывались кружки по изучению родного языка.

Список литературы

1. ГА ДНР. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 365. Л. 33.
2. Там же. Д. 147. Л. 103.
3. Там же. Л. 104.
4. Там же. Л. 111.
5. Там же. Л. 106.
6. ГА ДНР. Р. 2852. Оп. 1. Д. 147. Л. 106.

А.А. Дукин, Т.М. Удалова

**РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ПАРТИЙНОЙ ИДЕОЛОГИИ СССР
В ПРОЦЕССЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТЯЖЁЛОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА**

В статье рассматриваются особенности организаторской и идейно-политической работы руководства Советского Союза в процессе восстановления Донбасса. Уделяется особое внимание не только идеологической составляющей, но и патриотизму советских граждан в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: СССР, идеология, политическая работа, восстановление, Донбасс, патриотизм.

A.A. Dukin, T.M. Udalova

**THE ROLE OF THE STATE AND PARTY IDEOLOGY OF THE USSR IN THE PROCESS
OF RESTORATION OF HEAVY INDUSTRY OF DONBASS**

The article examines the peculiarities of organizational and ideological-political work of the leadership of the Soviet Union during the restoration of Donbas. Particular attention is paid not only to the ideological part, but also to the patriotism of Soviet citizens during the Great Patriotic War.

Key words: USSR, ideology, political work, reconstruction, Donbas, patriotism.

Героическая борьба тружеников Донбасса за восстановление тяжёлой промышленности Донбасса – одна из ярких страниц истории СССР. Изучение и освещение подвига советских людей на трудовом фронте, тех условий и причин, которые позволили выковать Победу в Великой Отечественной войне – одна из важнейших задач историков современности. Значение определяется как огромной познавательной и воспитательной ролью героического опыта советского народа, так и перспективами дальнейшего общественного прогресса нашего молодого государства.

На необходимость изучения опыта защиты Отечества указывал и В.И. Ленин. Он подчеркивал, что анализ, объяснение причин нашей Победы должен быть больше всего учтен и сделан основой нашей агитации и пропаганды. Объяснение, почему агитация должна делать упор на победах государства, в работах В.И. Ленина звучит так: «Чтобы одержать победу в другой войне, войне на фронте бескровном» [1, с. 143].

Организатором и вдохновителем трудовой самоотдачи рабочих тяжёлой промышленности Донбасса была, прежде всего, Коммунистическая партия. Руководствуясь марксистско-ленинской идеологией, опираясь на преимущества советского общественного и государственного строя, партия сумела в кратчайшие сроки организовать восстановление Донбасса.

В начале Великой Отечественной войны экономика СССР понесла колоссальные потери. В Донбассе предприятия и многие производственные мощности были разрушены. В результате эффективных действий партийных органов СССР, в частности, благодаря Государственному Комитету обороны созданного 30 июля 1941 г. было остановлено падение промышленного производства и удалось восстановить разрушенный Донецкий регион. Экономические победы сыг-

рали огромную роль в военных победах СССР. К началу 1942 г. объемы промышленного производства, в том числе и ключевых в военно-производственной цепи, сократились в разы. Стабильный прирост в тяжелой промышленности наблюдается в 1943 г., благодаря восстановлению мощностей Донбасса. Резкое сокращение рабочей силы компенсировалось возрастанием производительности. Однако здесь назревает ключевой вопрос о том, какими путями удалось этого добиться, ведь восстановить предприятие недостаточно, необходимо организовать работу на нём таким образом, чтобы не только выполнить план, но и перевыполнить его. В центре внимания здесь стоит прежде всего идеология. ВКП(б) целиком и полностью контролировала идеологическое направление. Советская пресса была одним из важнейших инструментов в деле мобилизации трудящихся на восстановление промышленности Донбасса. Благодаря силе печатного слова, она освещала героизм и мужество советских людей, проявленные в борьбе с врагом, тем самым поднимала рабочий класс на трудовые подвиги во имя долгожданной Победы. Руководством для партийно-советской печати в период военного времени являлись прежде всего Директивы и решения ЦК ВКП(б). В них были сформулированы и определены основные задачи организаторской, идейно-политической работы партии в массах. На заседаниях Политбюро и Пленумах ЦК КП(б)У неоднократно рассматривалась деятельность редакций газет и журналов, а контроль за этим осуществлял отдел пропаганды и агитации. Это способствовало тому, что в годы войны вся печатная пресса была подчинена интересам фронта и помогала находить наиболее целесообразные формы и методы борьбы в тылу немецко-фашистских войск. В этом большая заслуга журналистов и широкого круга активистов печати, которые освещали трудовой героизм рабочих и колхозников страны, укрепляя у советских людей веру в Победу [2, с. 238].

Следует также отметить не только идеологическую работу правительства в сфере пропаганды, но и патриотизм самих советских граждан, который проявлялся в призывах всех областей Советского Союза помочь Донбассу на благо общей цели. Агитационная работа среди молодежи осуществлялась через призывы, за распространение которых были ответственны обкомы соответствующих областей по разнарядкам ЦК ВЛКСМ и ЦК ЛКСМУ. 26 апреля 1944 г. на страницах газеты «Правда» было напечатано письмо запорожских колхозников, в котором они писали: «Донбасс стал нашим родным домом, а в шахту тянет так же, как тянуло на колхозное поле. И многие из нас решили остаться в Донбассе не на один месяц, а навсегда, потому что понравился нам шахтерский труд» [3, с. 239].

Партийные комитеты различных уровней принимали соответствующие решения о направлении местных жителей на восстановление Донбасса, что сопровождалось развертыванием широкой пропагандистской кампании. Проследить этот процесс можно на примере Подолья. Постановление «О шефстве районов над угольными шахтами трестов «Краснодонуголь» и «Фрунзеуголь» от 13 июня 1944 г., принятый обкомом компартии устанавливал, что трудящиеся каждого района брали шефство над одной из шахт этих трестов, поставляли им лесоматериалы, выделяли транспорт, помогали рабочей силой. С ноября 1944 г. исполком

областного Совета депутатов трудящихся и бюро обкома КП(б)У подчеркивал то, что решение важнейшей политической и военно-хозяйственной задачи в сфере восстановления угольной промышленности Донбасса требует не только всякой помощи, но и участия в этом деле всех колхозников области [4, л. 25].

За короткий срок комсомольцами и молодежью промышленных областей СССР было направлено в подшефные угольные тресты Донбасса более 500 вагонов с оборудованием, инструментами, стройматериалами и другими предметами, необходимыми для восстановления промышленных предприятий и коммунальных учреждений. Горняки получили от своих шефов 6671 обушок, 600 отбойных молотков, 6516 кайл, 2174 сумки дежурного слесаря. Строителям, восстанавливающим шахты, было отгружено: 11318 топоров, 53116 железных лопат, 360 вагонов леса, цемента, металла, кирпича и других стройматериалов. В механические мастерские шахтных предприятий и рудоремонтные заводы Донбасса было направлено 260 металлообрабатывающих станков и более 180 тыс. единиц слесарного и станочного инструмента. Только ЦК ЛКСМ УССР на восстановление Донбасса 43 тыс. юношей и девушек, которые откликнулись на общий призыв помощи Донецкому региону. Архивные документы содержат в себе выступление бригадира, комсомолки Марии Гришутинной на собрании партийно-хозяйственного актива угольной промышленности Донецкой области: «Многие наши ребята рабочие ушли защищать Советскую Родину, а другие погибли в немецком гестапо. Мы, девушки, поняли, что нам нужно пойти работать. В течение месяца на «шахте 19-20» треста «Артемуголь» насчитывалось уже около 20 девушек и женщин. В короткое время они освоили горняцкие профессии. Мы проработали около четырех месяцев, и шахта выработалась. Нас перебросили на шахту «Комсомолец». Там мы организовали две комсомольско-молодежные бригады, которые выполняют свою норму на 180–200%. Шахта № 12 им. 25-летия комсомола – это одно из лучших предприятий шахтоуправления «Комсомолец». На этой шахте работает 80% женщин, из них 60% – забойщицами. Девушки нашей шахты сказали, что они будут работать до тех пор, пока мы не изгоним немецких гадов с нашей земли. Мы не будем выпускать из рук своих обушков и будем помогать нашим воинам. Наши советские женщины и девушки не уступают ни в чем мужчинам. Они сказали, что будут работать и помогать фронта до тех пор, пока над советской землей не пронесется громкое «ура» и не скажут, что у нас мир» [5, л. 29].

Следует выделить особую роль женщин в процессе восстановления тяжёлой промышленности Донбасса. 10 декабря 1943 г. в Горловке состоялся слет девушек-шахтеров, на котором они записали всесоюзное обращение: «Следуйте нашему примеру, смелее идите, товарищи, на шахты. Овладейте специальностям своих родителей и братьев». Данное обращение дало небывалый толчок социалистическому соревнованию за перевыполнение ежедневных норм. Их примеру последовали рабочие Советского Союза, прибывшие на шахты по набору, вследствие чего началось соревнование за звание «Мастера угля в дни Отечественной войны». С целью достижения данного звания необходимо было выполнять месячную норму на 150%. Уже к маю 1944 г. это звание получили

почти 4,3 тыс. женщин и мужчин СССР. Бывший директор шахты № 4–5 «Никитовка» Т.А. Джапаридзе вспоминала, что основное бремя восстановительных работ легла на плечи женщин и девушек, которые никогда не видели шахтных предприятия, не говоря о том, чтобы на них работать. Однако то, что они сделали, невозможно назвать иначе как подвиг [6, л. 29].

В угольной промышленности Донбасса численность женщин в 1944 г. достигла почти 100 тыс. чел. На подземных работах они составляли 42,6% от всех рабочих, а на поверхности – 55,9%. Стоит отметить одну важную особенность – многие из них шли на предприятия добровольно. Партийный аппарат занимался лишь тем, что рассылал призывы и командировал на место назначения. Доказательством этого может служить то, что среди женщин, которые составляли значительный, если не подавляющий процент рабочих, дезертирство было менее массовое и составило примерно 2–3% от общего количества рабочих. Причем текучесть кадров была исключительно за счет девушек до 20 лет. Жители западных областей в 2–3 раза чаще покидали свои рабочие места, чем женщины из других районов УССР [7, л. 29].

Ещё одной формой идеологического стимулирования советских граждан в целях восстановления предприятий Донбасса являлось социалистическое соревнование, которое выразилось в борьбе за выполнение принятых трудящимися обязательств, направленных на получение более высоких производственных результатов, позволяющее с меньшим числом работников давать больше продукции (движение двухсотников, тысячников, многостаночников, совместителей профессий, комсомольско-молодёжных и фронтовых бригад). Результатом этого, стало усиление применения скоростных методов производства и строительства. В Донбассе оно обрело небывалую популярность. В частности, 29 июня 1944 г. Приказом Комиссара тяжелого машиностроения СССР, секретарю Комитета комсомола г. Краматорска было поручено совместно с профсоюзными и комсомольскими организациями, обсудить условия социалистического соревнования на общих собраниях цехов Ново-Краматорского машиностроительного завода. Также было необходимо мобилизовать всю молодежь на активное участие во Всесоюзном соревновании и с целью продемонстрировать наилучшее выполнение взятых молодежными бригадами обязательств. Особенное значение уделялось обеспечению широкой гласности социалистического соревнования, наглядному показу работы передовых бригад, отдельных участников и проведению широкого обмена опытом работы с тем, чтобы передовые методы работы, дающие наибольшую производительность труда, становились достоянием всего коллектива завода [8, л. 91].

Таким образом, следует отметить, что партийно-идеологическая работа способствовала достижению главной цели – мобилизовать трудящихся для выполнения поставленных задач и беспрекословного исполнения всех распоряжений. Дисциплина и самоотдача трудящихся были ключевыми средствами для достижения целей в столь тяжёлое время. Стоит также упомянуть тот факт, что сколько бы не пытались говорить о насильственных методах работы с трудовыми коллективами, реальность на самом деле была иной. Руководство СССР всеми

силами восстанавливало социальную инфраструктуру наравне с промышленностью. Больницы и школы строились под особым контролем местных органов власти, и советские граждане понимали, что созидательный труд рано или поздно приведёт к Победе. Не стоит упускать и тот факт, что строго выверенная политика руководящего аппарата, позволила создать кооперацию, включавшую в себя другие области и республики всего СССР. ГКО под непосредственным руководством И.В. Сталина смог на практике стать властной структурой, которая держала в поле зрения все важные вопросы военного времени, их решения с целью достижения Победы над врагом в Великой Отечественной войне. Следует подчеркнуть такое принципиальное обстоятельство: Государственный Комитет Обороны в качестве высшего чрезвычайного органа власти и управления в стране с неограниченными властными полномочиями занял ведущее место как структура в системе органов стратегического руководства страной. Политика советского руководства характеризовалась строгим соблюдением и выполнением распоряжений и указов. Однако не стоит забывать, что на простых рабочих легла важнейшая задача по восстановлению всей индустриальной мощи Донецкого региона, ведь без угля и металла не могла обойтись оборонная промышленность СССР.

Также хотелось бы подчеркнуть уникальность политической ситуации - разработка и реализация комплексных мер по восстановлению хозяйства освобожденного от оккупации Донбасса проводились параллельно с тяжелейшими военными действиями. Благодаря согласованной политике всех ветвей власти были найдены новые организационные формы для эффективного решения проблем возрождения экономики в освобожденных районах. Среди них: организация набора рабочих, шефство над предприятиями, комсомольский призыв на восстановление Донецкого края и другие. Нельзя говорить о том, что система работала идеально, человеческий фактор не позволял избежать ошибок. Несмотря на это, всегда находились пути решения тех или иных проблем. Перед партийно-руководящим аппаратом стояли тяжелейшие задачи в восстановлении многоотраслевого региона. Донбасс под чутким руководством ЦК ВКП(б) с братской помощью народов Советского Союза и с патриотическим духом трудящихся смог возродиться и внести свой вклад в Победу над фашистской Германией.

Список литературы

1. Ленин В.И. Письмо к организациям РКП о подготовке к партийному съезду // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 143.
2. О партийной и советской печати. Сборник документов и материалов. М., 1954. С. 540.
3. Там же.
4. Госархив ДНР. Ф. Р. 326. Оп. 1. Д. 639.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Госархив ДНР. Ф. Р. 4804. Оп. 3. Д. 3.

Я.Д. Банадыков, Р.А. Карсекин

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРУДА НЕМЕЦКИХ
ВОЕННОПЛЕННЫХ ПРИ ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРОМЫШЛЕННОГО
ПОТЕНЦИАЛА ДОНБАССА (1944–1949 гг.)**

В статье рассматриваются отдельные аспекты функционирования лагерей немецких военнопленных в Донбассе в 1944–1949 гг. Проведен анализ нормативных документов и архивных материалов по использованию труда, учету и условиям содержания немецких военнопленных при восстановлении индустриальной базы и социальной инфраструктуры Донецкого бассейна.

Ключевые слова. Военнопленные, ГУПВИ, лагерь, Донбасс, угольная промышленность, нормы, лагерное отделение, организация труда.

Ya.D. Banadykov, R.A. Karsekin

**TO THE QUESTION OF USING GERMAN MILITARY PRISONERS LABOUR
DURING RECONSTRUCTION OF INDUSTRIAL RESOURCES OF DONBASS (1944–
1949)**

The article discusses some aspects of the functioning of German prisoners of war camps in the Donbass in 1944–1949. The analysis of normative documents and archival materials on the use of labor, accounting and conditions of detention of prisoners of war during the restoration of industry and social infrastructure of the Donetsk basin was carried out.

Keywords. Donbass, prisoners of war, camp, coal industry, norms, camp department, labor organization.

Коренной перелом в Великой Отечественной войне способствовал значительному увеличению количества военнопленных, прежде всего немецких солдат и офицеров, а также их союзников – итальянских, румынских, японских военнослужащих, в меньшей степени – представителей других национальностей, участвующих в войне против СССР на стороне нацистской Германии. В СССР одним из основных нормативно-правовых актов, регулирующих условия содержания, статус и использование труда военнопленных, являлось «Положение о военнопленных», утвержденное постановлением СНК СССР 1 июля 1941 г. № 1798 – 800с. [1, с. 65–67].

Руководство системой лагерей военнопленных в Советском Союзе было возложено на Управление по делам военнопленных и интернированных (позже Главное Управление – ГУПВИ) в составе НКВД СССР. В регионах эти функции выполняли управления союзных, автономных республик, краёв и областей [1, с. 74].

Практически сразу после завершения Донбасской наступательной операции (13 августа – 22 сентября 1943 г.), на основании постановления ГКО СССР от 26 октября 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна», пленум Сталинского обкома партии в ноябре 1943 г. принял решение к апрелю 1944 г. обеспечить добычу угля на 51 угольной шахте Донбасса и построить более 200 небольших шахт вблизи железных дорог и рабочих поселков. В условиях тяжелейших демографических по-

терь и нехватки рабочей силы в Донбассе для восстановления угольной промышленности июне 1944 г. была принята директива ГУПВИ НКВД СССР о направлении в регион большего количества военнопленных [2, с. 124]. 11 января 1945 г. для дальнейшего улучшения руководства работой лагерей в Сталинской области при территориальном управлении УНКВД был создан отдел по делам военнопленных и интернированных под руководством полковника Г.П. Петрова [1, с. 120].

По состоянию на 10 мая 1945 г. по линии Народного комиссариата угольной промышленности СССР на шахтах Донбасса трудилось 82600 пленных немецких солдат и офицеров, на порядок больше чем в других угольных бассейнах страны («Карагандауголь» – 14500 чел., «Челябуголь» – 4200 чел.) [1, с. 604].

Лагеря в зависимости от вида работ и направлений производства имели свои характерные особенности. Все они состояли из лагерных отделений и располагались вблизи от производственных объектов. Так, лагерь № 280 в г. Сталино состоял из 67 лагерных отделений, а лагерь № 242 – из 24. В основной период их функционирования со времени открытия и вплоть до 1949 г. на территории Сталинской области находилось 13 лагерей, 40% от общего количества в УССР. На территории лагерей были расположены бараки с двух и трехспальными нарами, хозяйственные постройки, склады. Лагеря круглосуточно охранялись, были огорожены деревянными заборами с колючей проволокой и наблюдательными вышками [3, с. 341].

Данные по количеству военнопленных, находящихся в лагерях Донбасса, занятых на восстановительных работах и приписанных к определенным наркоматам, представлены в табл. 1 [1, с. 605–608].

Таблица 1

Предприятия и количество работающих военнопленных в Донбассе в 1944–1949 гг.

Наименование Наркомата	Предприятие	Количество военнопленных
1 Накромуголь	Предприятие угольной промышленности Донбасса, шахты, рудники	82 600 чел.
2 Наркомстрой	Восстановительные и строительные работы в г. Горловка	1000 чел.
3 Наркомчермет	Завод им. Фрунзе в г. Константиновке	1600 чел.
	Завод в г. Ворошиловграде	1400 чел.
	Завод в г. Енакиево	1300 чел.
	Завод в г. Макеевка	1200 чел.
	Завод Азовсталь в г. Мариуполь	800 чел.
	Завод им. Куйбышева г. Краматорск	800 чел.
	На прочих работах (Горловка, огнеупорные карьеры г. Часов-Яр)	800 чел.

4 Наркоматбоеприпасов	Завод № 107 в г. Сталино	1900 чел.
	Завод № 110 в г. Сталино	1400 чел.
5 Наркомтяж	Завод им. Сталина в г. Краматорск	3100 чел.
	Прочие восстановительные работы (Краматорск, Лисичанск)	1600 чел.
6 Наркоматэлектростанций	ГРЭС в г. Курахово	3500 чел.
	ГРЭС в пос. Зуевка	1500 чел.
	ГРЭС в пос. Штеровка	600 чел.
7 Наркомхимпром	Завод «Донсода» в г. Сталино	1800 чел.
	Коксохимзавод № 4 в г. Авдеевка	700 чел.
8 Наркомстанко-строй	Завод в г. Краматорск	2300 чел

Данные таблицы показывают, что помимо военнопленных, занятых в восстановлении угольной промышленности Донбасса и искупающих свою вину плодотворным трудом, к маю 1945 г. в восстановлении металлургических, машиностроительных, энергетических предприятий, железных дорог, в строительстве административных и жилых зданий участвовало более 27 тыс. немецких военнопленных.

Весной 1947 г. ЦК КП(б)У и местные партийные комитеты получили информационные письма из ГУПВИ МВД СССР о проверке условий работы и быта военнопленных. Такие же письма из получили директора промышленных комбинатов, фабрик и заводов, управляющие трестами. В письме секретарю Дружковского горкома партии Полякову констатировалось, что положение с охраной труда и техники безопасности на объектах восстановления оставалось крайне неудовлетворительным, в следствии чего только в 1946 г. в лагерях по Сталинской области было «...зарегистрировано 11133 случая производственного травматизма из них со смертельным исходом-180, в результате которых потерянно 52615 человеко-дней» [4, с. 3]. В письме в категоричной форме указывалось, что и в январе 1947 г. положение с охраной труда и техникой безопасности не изменилось. Было зафиксировано 866 случаев производственных травм, из них со смертельным исходом – 16 и потерянно 5945 человеко-дней. Руководителям промышленных предприятий, на которых использовался труд военнопленных, а также администрации лагерей в жесткой форме предписывалось обеспечить соблюдение мер безопасности, систематически проводить инструктаж, качественно усилить снабжение военнопленных спецодеждой и обувью, оградить опасные механизмы и оборудование для недопущения получения работниками травм и увечий. Начальникам промышленных объектов и лагерной администрации в Донбассе было указано на необходимость разработать конкретные мероприятия по упорядочиванию охраны труда и соблюдению техники безопасности: «...по каждому предприятию, на каждом объекте работ и установить жесткие

сроки выполнения этих мероприятий...» [4, л. 4]. Каждый случай со смертельным исходом или с тяжелыми телесными повреждениями рассматривался как чрезвычайное происшествие и подлежал тщательному расследованию с привлечением виновных к судебной ответственности.

Администрация лагерей регулярно проверяла условия труда и быта и по мере возможности принимала положительные решения по жалобам военнопленных [5, с. 240].

В сентябре 1945 г. состоялось совещание первого секретаря Сталинского обкома КП(б)У Л.Г. Мельникова с руководителями промышленных предприятий и угольных трестов, а также начальниками лагерей военнопленных. На совещании были затронуты острые проблемы организации труда на восстанавливаемых объектах: фабриках, заводах, электростанциях, шахтах. Было заявлено о низком качестве выполняемых работ, не выполнении производственных планов, попытках саботажа и даже побега. Так, управляющий треста «Макеевуголь» И.Я. Россочинский сообщал о преднамеренном употреблении военнопленными солёной воды, которая вызывает отёчность конечностей, отказе от питания помещенных в лагерный лазарет. Управляющий угольным трестом «Горловскуголь» М.Н. Шишацкий констатировал, что положение военнопленных в лагере гораздо лучше, чем вольнонаёмных рабочих: «Лагерные рабочие находятся на полном пансионе, имеют постельные принадлежности, а вольнонаёмный этого не имеет» [6, л. 5, 13].

Начальник Сталинского лагеря № 280 Г.П. Петров доложил о совместном приказе Наркомугля и НКВД о введении премиальной системы для военнопленных при выполнении производственных работ. За выполнение 100% нормы военнопленные получали 25 руб., за 110% – 50 руб. Эти деньги были предназначены для обязательных покупок в лагерных ларьках (мыло, зубной порошок, сахар, чай, табак, и пр.) [6, л. 56]. Продовольственное обеспечение военнопленных определялось по семи основным нормам для различных категорий. При выполнении норм выработки и их перевыполнению полагалась выдача надбавки по дополнительному питанию (+25% к основной норме) и второе горячее блюдо (мясных и рыбных продуктов – 50 г., круп – 50 г., жиров – 10 г.) [1, с. 375–376]. Как вспоминал бывший военнопленный Оскар Сейя, в лагере № 280 в г. Сталино «...завтрак подавали ровно в 6 часов утра. Каждому полагался литр супа. Суп был жидким, в нем едва плавали редкие зерновые. Полагалось также по 200 граммов хлеба...если рабочая бригада выполняла дневную норму, человек получал дополнительно еще 200 граммов хлеба. В обед получали еще по 200 граммов хлеба и еще литр супа, а также 50 граммов рыбы (морского окуня). После приготовления рыба нарезалась тонкими кусками и сдабривалась подсолнечным маслом. К ужину заключенные получали те же 200 граммов хлеба, небольшую чашку кофе и 100 граммов другой рыбы, несколько меньшего размера» [7, с. 63]. Опираясь на распоряжение № 263 НКВД СССР от 11.12.1944 «О работе подсобных хозяйств лагерей военнопленных», администрация для улучшения питания

военнопленных способствовала организации подсобных хозяйств в лагерях (свинарников, коровников, овощехранилищ, огородов и пр.). Также заключались трудовые договора с колхозами и совхозами [1, с. 377–378].

Оказание медицинской помощи и лечение больных и травмированных военнопленных в Донбассе осуществлялось в спецгоспиталях МВД СССР в п. Щегловка в г. Сталино и в г. Макеевке на 500 койко-мест в каждом [1, с. 611].

В лагерях немецких военнопленных, помимо антифашистских организаций, созданных для проведения политической и идеологической работы с заключёнными [8, с. 197], существовали антисоветские и откровенно фашистские группы, которые были разоблачены и ликвидированы. Основная цель деятельности вскрываемых нелегальных групп – злостный саботаж, попытка диверсий на восстанавливаемых промышленных объектах Донбасса. Так, в лагере МВД № 242 в г. Горловка Сталинской обл. в январе 1949 г. за подготовку диверсионного акта были арестованы пленные эсэсовцы О. Бренер и А. Рудольф, работавшие на угольной шахте им. К. Маркса. Следственными органами было установлено, что фигуранты готовили взрыв, для чего похитили 37 динамитных шашек и детонатор, а также планировали нападение на горнорабочих-запальщиков с целью насильственного изъятия у них дополнительных компонентов для организации взрыва на шахте. Свидетель по делу А. Куба на следствии заявил о словах Бренера при подготовке к диверсии: «Всё равно домой не поедет, но русским мы устроим, от чего им жарко станет, и они запомнят, что мы эсэсовцы. Я взорву шахту хотя и потеряю жизнь» [1, с. 870]. Выявление таких злостных саботажников и членов террористических ячеек находилась в компетенции Особых отделов территориальных управлений и лагерной администрации.

По данным Центрального финансового отдела Министерства внутренних дел, в СССР за период с 1943 г. по 1 января 1950 г. военнопленные отработали 1 077 564 200 человеко-дней, заработали 16 723 628 тыс. руб. и выполнили работу в строительстве и промышленности общей стоимостью примерно 50 млрд. рублей [9, с. 46].

Таким образом, использование немецких военнопленных в процессе восстановления промышленности и социальной инфраструктуры Донецкого бассейна являлось значимым компонентом возрождения экономического потенциала важнейшего индустриального района СССР. Следует отметить, что советская администрация лагерей строго руководствовалась нормативными документами, регулирующими использование труда военнопленных на восстановительных работах, условия содержания, организацию питания и медицинского обслуживания. Не требует доказательств отношение к советским военнопленным в нацистских лагерях, нахождение в которых для них чаще всего оканчивалось массовыми казнями, печами крематориев, смертью от непосильного труда, пыток, голода и болезней.

Список литературы

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорулько. М., 2000.

2. Добров П.В., Багликова М.С. Историчні і політологічні дослідження. Донецьк, 2001. № 4 (8). С. 123–127.
3. Степкин В.П. История Донецка. Донецк, 2004.
4. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. 574. Оп. 2. Д. 58.
5. Бунтовский С.Ю. История Донбасса: научно-популярное издание. Донецк, 2017.
6. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 806.
7. Сейя О. Выжить любой ценой. Немецкий пехотинец на Восточном фронте. 1941–1945. М., 2014.
8. Новиков А.С. Организация советской пропаганды в печати в начальный период Великой Отечественной войны // Войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, архивоведения и источниковедения, российской о всеобщей истории нового и новейшего времени: Сб. материалов Десятой междунар. конф. молодых ученых и специалистов «Сlio-2020». М., 2020. С. 195–198.
9. Сквозь плен. Немецкие военнопленные в Советском Союзе. 1941–1956 [фотоальбом] / Мемор. музей немец. антифашистов. М., 2007.

Л.А. Крыжко, Е.В. Крыжко

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ АНАЛОГОВ НАТО В ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ.

В начале 1950-х гг. в условиях развития «холодной войны» США приступают к реализации идеи создания в ближневосточном регионе блока аналогичного НАТО. Проект «средне-восточного командования» предполагал объединение арабских стран и Израиля с главенством Египта. Однако в силу исторически сложившихся причин и интересов участников данная идея не была реализована.

Ключевые слова: «средне-восточное командование», Ближний Восток, США, Египет, геополитика, международные отношения.

L.A. Kryzhko, E.V. Kryzhko

THE PROBLEM OF CREATING NATO ANALOGUES IN THE BLACK SEA-MEDITERRANEAN REGION IN THE EARLY 1950s

In the early 1950s In the context of the development of the Cold War, the United States is starting to implement the idea of creating a bloc similar to NATO in the Middle East region. The project of the Middle East Command arose, which assumed the unification of the Arab countries and Israel with the supremacy of Egypt. However, due to historical reasons and interests of the participants, this idea was not implemented.

Key-words: Middle Eastern Command, Middle East, USA, Egypt, geopolitics, international relations.

Политический вектор стран Запада после Второй мировой войны претерпевает ряд изменений, связанных с внутренними и внешними факторами. Ослабляющее влияние Великобритании на Ближнем Востоке провоцирует возникновение вакуума силы в регионе, который стремятся заполнить США в противодействии усиливающемуся СССР. События, связанные с активизацией арабо-еврейского конфликта и революцией «Свободных офицеров» в Египте, вынуждают американскую администрацию пересмотреть свои подходы к региону. Политика

лабиринта требовала, с одной стороны, сближения Израиля и арабских стран, с другой – поступательного вытеснения своего британского союзника.

Учитывая сложившиеся тенденции на Ближнем Востоке в начале 1950-х гг., в Вашингтоне возникает идея связать ближневосточные страны договорными отношениями в военно-политической сфере в рамках блока–аналога НАТО, направленного против коммунистической угрозы. Данное предложение впервые было представлено США Великобритании, Франции и Турции осенью 1951 г. под названием «средневосточное командование». В проект должны были войти Египет, Иордания, Ирак, Йемен, Ливан, Саудовская Аравия, Сирия и Израиль. Объединить эти страны с установленным историческим соперничеством, переходящим в открытое противостояние, ставило тяжелую задачу перед американской дипломатией.

Ключевую функцию в блоке предполагалось возложить на Египет. Он должен был получить ведущие административные посты, взять на себя обязательство предоставить территорию для военного освоения, оснащаться современным вооружением [1, с.196–197]. Для США открывалась перспектива передачи под их контроль британской военной базы в зоне Суэцкого канала.

В противовес идеям Вашингтона, Лондон выдвинул проект блока «Великая Сирия» с участием Ирака, Иордании, Палестины и Сирии, делая ставку на заинтересованность хашимитских правительств нивелировать роль Египта как соперника в борьбе за региональное лидерство [2, с. 94–95]. Такая расстановка сил в странах Запада соответствовала распределению сфер влияния, установленному в мае 1950 г. в «Тройственной декларации» [3, р. 196–197]: США – Египет, Израиль, Саудовская Аравия и Сирия; Великобритания – Ирак, Трансиордания и Суэцкий канал; Франция – Ливан [4, с. 127].

США, стремясь прочно закрепиться в Египте и при этом не вступать в открытое противостояние с Великобританией, занимает выжидающую позицию в период революции «Свободных офицеров» и последовавшей после нее внутриполитической борьбе радикального и умеренного течений [5, с. 156].

В июне 1950 г. Египет, Сирия, Ливан, Саудовская Аравия и Йемен, при одобрении со стороны Соединенных Штатов, подписали «Пакт коллективной безопасности» Лиги арабских государств (ЛАГ) (или Договор о совместной обороне и экономическом сотрудничестве – Авт.) [6]. Этот акт склонил руководство Сирии в сторону Египта в противовес Ираку [7, р. 194], нанеся удар по интересам Великобритании в регионе.

Вашингтон в основу своих геополитических успехов на Ближнем Востоке ставил идею о сосуществовании в рамках единого блока арабских стран и Израиля. С этой целью был предпринят ряд попыток проведения двусторонних египетско-израильских переговоров, стремясь использовать авторитет Египта в арабском мире при успешном течении дипломатического процесса. Однако принципиальная позиция Каира по палестинской проблеме, американской военной помощи Израилю и приграничных столкновений сторон завели переговорный процесс в тупик [8, с. 98]. Данная инициатива Вашингтона способствовала

нагнетанию конфронтации в египетско-израильских отношениях, а попытки лавирования американской стороны стали причиной провала проекта «среднево-сточного командования» с участием Египта как лидера ЛАГ.

Кроме того, Израиль демонстрировал осторожную позицию в отношении американских инициатив по участию в военных блоках с арабскими странами и ведению переговоров с Египтом, который в соответствии с «Пактом коллективной безопасности» ЛАГ демонстрировал крайне антиизраильскую позицию [4, с. 123].

Обострение арабо-израильского противостояния стимулировало американскую администрацию вырисовывать четкий контур ближневосточных союзников с явным предпочтением израильской стороне, в частности, по поставкам вооружений [1, с. 200; 204–205]. Данные установки диктовались внутриамериканской политикой еврейского электорального лобби.

Понимание об утопичности идеи формирования блока «среднево-сточного командования» приходит к американской администрации после визита госсекретаря США Дж. Даллеса в мае 1953 г. в Каир, в ходе которого Г.А. Насер категорично выступил против предложенной инициативы и поставил под сомнение необходимость противостояния проникновению СССР в регион [9, с. 31]. Проект Вашингтона противоречил идее египетского руководства о лидерских позициях в арабском мире.

Таким образом, идея США создать на Ближнем Востоке военный блок-близнец НАТО с главенством Египта оказалась несостоятельной вследствие изначальной настороженной позиции арабских государств к инициативам стран Запада с преобладающим их влиянием и стремлением вести игру на противоречиях внутри ближневосточного региона. Избрание Вашингтоном в качестве консолидирующей идеи о противостоянии коммунистической угрозе и нежелание американцев жертвовать своим сотрудничеством с Израилем привело к сворачиванию проекта «среднево-сточного командования», что способствовало дальнейшей переориентации Вашингтона на Турцию и Пакистан по созданию военного блока.

Список литературы

1. Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.
2. Мджавлих М.С. Некоторые историко-правовые аспекты деятельности Лиги арабских государств на международной арене // Ближний Восток: история и современность. Сб. статей. М., 1997. С. 90–103.
3. Hutchison E. Violent Truce. A Military Observer Looks at the Arab-Israeli Conflict 1951–1955. London, 1956.
4. Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2-х т. Т. 1: 1947–1956 / отв. ред. В.В. Наумкин. М., 2003.
5. Крыжко Л.А. Трансформация внешнеполитического курса Египта в начале 1950-х гг. и проблема египетско-израильских взаимоотношений // Международные отношения. 2017. № 1. С. 155–163.
6. Договор об обороне ЛАГ. URL: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=128> (дата обращения: 09.04.2022).
7. Doran M. Pan-Arabism before Nasser. Egyptian Power Politics and the Palestine Question. New York: Oxford University Press, 1999.

8. Крыжко Л.А. Египетско-израильские пограничные вооруженные столкновения в первой половине 1950-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 10(84): в 2-х ч. Ч. 1. С. 97–100.

9. Нагайчук В.И. Политика США в отношении Египта (50–60-е гг.). Киев, 1982.

С.В. Мошкин

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕДАЧИ КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ ИЗ СОСТАВА РСФСР В СОСТАВ УССР В 1954 ГОДУ¹

В статье раскрываются обстоятельства передачи Крыма из состава РСФСР в состав Украинской ССР в 1954 году. Показывается, что это было коллективное решение советского руководства, вызванное хозяйственной целесообразностью. Делается вывод, что процесс передачи был оформлен юридически не безупречно, но в полном соответствии со сложившимися в СССР политическими и правовыми традициями.

Ключевые слова: Крымская область; Н.С. Хрущев; конституционные полномочия Верховного Совета СССР.

S.V. Moshkin

POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE TRANSFER OF THE CRIMEAN REGION FROM THE RSFSR TO THE UKRAINIAN SSR IN 1954

The article describes the circumstances of the transfer of Crimea from the Ukrainian SSR in 1954. It shows that it was a collective decision of the Soviet leadership, caused by the economic expediency. It is concluded that the transfer process was not legally formalized flawlessly, but it was done in full accordance with the political and legal traditions prevailing in the USSR.

Key words: Crimean region; N.S. Khrushyov; constitutional powers of Supreme Soviet of the USSR.

Историческая память россиян отягощена многочисленными мифами и легендами по поводу передачи Крыма Украине в 1954 г. Здесь вспоминают и волюнтаризм Н.С. Хрущева, и якобы его желание угодить жене–украинке, кто-то говорит о стремлении Никиты Сергеевича таким образом искупить вину перед украинцами за годы сталинских репрессий, в которых он сам принимал активное участие, кто-то называет это подарком в связи с 300-летним юбилеем Переяславской Рады, отмечавшемся в том году.

Досужие разговоры о причинах передачи Крыма начались сразу же после события, настолько оно было неожиданным для всех, и не стихают поныне. Вот и Президент РФ В.В. Путин в своей знаменитой «крымской речи» слово в слово воспроизвел весь традиционный набор исторических мифов по поводу изъятия Крыма из состава РСФСР: «В 1954 году последовало решение о передаче в её (Украинской ССР – С.М.) состав Крымской области... Инициатором был лично глава Коммунистической партии Советского Союза Хрущёв. Что им двигало – стремление заручиться поддержкой украинской номенклатуры или загладить свою вину за организацию массовых репрессий на Украине в 30-е годы – пусть с

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 21–011–43023 «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики».

этим разбираются историки. Для нас важно другое: это решение было принято с очевидными нарушениями действовавших даже тогда конституционных норм» [1].

По сути, своим высказыванием В.В. Путин возложил всю ответственность за произошедшее персонально на Н.С. Хрущева, хотя в распоряжении историков нет ни одного документа, свидетельствующего об этом. Да и не мог Н.С. Хрущев в то время такие вопросы решать единолично. После смерти И.В. Сталина прошло менее года, и Никита Сергеевич, хотя и стал Первым секретарем ЦК КПСС, ещё не набрал тот политический вес, как это случится после разгрома «антипартийной группы» в 1957 г., и придерживался в Президиуме ЦК так называемого коллективного стиля руководства. Без поддержки «сталинской гвардии» в лице Г.М. Маленкова, В.М. Молотова, А.И. Микояна, Л.М. Кагановича, Н.А. Булганина, К.Е. Ворошилова вопрос о Крыме не мог решаться в принципе. Так что передача Крыма в 1954 г. – это плод коллективного решения советского руководства, но никак не лично Н.С. Хрущева, что, впрочем, не исключает того, что именно он инициировал обсуждение этого вопроса в Политбюро ЦК КПСС.

Что касается собственно причин передачи Крымской области в состав Украинской ССР, то и здесь нет никаких особых тайн. Еще в период «крымской весны» нам приходилось высказываться об этом [2]. Сейчас лишь повторим: решение о передаче Крыма было продиктовано исключительно логикой оптимизации процессов управления строительством Каховской ГЭС, Каховского водохранилища, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов – в своей совокупности крупнейшего инфраструктурного проекта послевоенного СССР. Если по первоначальным планам строительство Северо-Крымского канала должно было начинаться на территории Украинской ССР, а завершаться на территории РСФСР, что заведомо вело к многочисленным хозяйственным неурядицам, то с передачей Крыма вся ответственность за успешное завершение строительства крымской части канала (вместе с ответвлениями это более 11 тыс. км.) ложилась на плечи УССР, ближайшей к полуострову союзной республики, уже и без того приступившей к работам по созданию единой оросительной системы на территории Таврии. Принцип «одного окна» снимал многочисленные межведомственные противоречия и существенно облегчал управление гигантским строительством. Совпадение по времени с 300-летним юбилеем Переяславской Рады оказалось случайным, но пришлось как нельзя кстати. Им умело воспользовались и широко отмечали в обеих республиках как символ русско-украинского единства. Однако передачу Крыма тогда вряд ли можно было считать щедрым подарком России братской Украине, скорее напротив – послевоенное обустройство разрушенного войной полуострова, восстановление хозяйства, элементарное налаживание жизни, в том числе и благодаря приводу туда днепровской воды, стало для Украинской ССР нелегкой дополнительной ношей.

Вопрос о том, было ли решение о передаче Крыма «принято с очевидными нарушениями действовавших даже тогда конституционных норм» [1], как об

этом заявил В.В. Путин, требует особого рассмотрения, остановимся на нем подробнее. Упуская второстепенные правовые детали этого события, обозначим наиболее важные и дискуссионные.

1. Был ли правомочен Президиум Верховного Совета РСФСР принимать постановление о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР и вносить соответствующее представление на утверждение Президиумом ВС СССР? Аналогичное постановление принял и Президиум Верховного Совета УССР и также направил представление в Президиум ВС СССР.

2. Был ли правомочен Президиум ВС СССР, опираясь на совместные представления Президиумов ВС РСФСР и УССР, принимать Указ «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» [3, с. 64]? Дата подписания Указа – 19 февраля 1954 г. считается официальной датой передачи Крыма.

Конституция РСФСР того времени (ст. 16) прямо указывала, что «территория РСФСР не может быть изменяема без согласия РСФСР» [4]. Кто же от имени РСФСР мог давать согласие на это? Это важный вопрос. Согласно букве Основного Закона у Президиума ВС РСФСР таких полномочий не было. Быть может, такое право было закреплено за Верховным Советом РСФСР – высшим органом государственной власти республики? Отнюдь. Ст. 19 Конституции исчерпывающе называла перечень вопросов, находящихся в ведении высших органов государственной власти РСФСР, и этот список также не включал в себя полномочий по изменению территории и границ республики. То есть не только Президиум, но и сам Верховный Совет РСФСР не были правомочны рассматривать вопросы изменения территории. Иными словами, ни одна высшая властная инстанция республики не была наделена конституционным правом изменять или давать согласие на изменение территории РСФСР. Это был явный правовой пробел Конституции РСФСР. Аналогично обстояло дело и с Конституцией Украинской ССР.

Единственной корректной правовой процедурой в той ситуации было бы проведение на всей территории РСФСР референдума по вопросу передачи Крыма, тем более что Конституция РСФСР предоставляла Президиуму ВС РСФСР (ст. 33 п. «г») право «производить всенародный опрос (референдум)» [4]. Положительные итоги такого референдума означали бы легитимную дачу согласия РСФСР на передачу Крымской области Украинской ССР. Но надо помнить, что референдум в советских условиях был «мертворожденным» правовым институтом, им никогда не пользовались, в законодательстве тех лет даже не были прописаны ни правовой статус, ни юридические рамки, ни организационные процедуры всенародного опроса, упомянутого в Конституции РСФСР. Неудивительно поэтому, почему российские власти в 1954 г. не воспользовались такой возможностью. К слову сказать, первый в истории РСФСР референдум был проведен десятилетия спустя от описываемых событий, по сути, в другой России. Это был всероссийский референдум о введении поста президента 17 марта 1991 г.

Как отмечалось выше, официально передача Крымской области в состав Украинской ССР состоялась на основании Указа Президиума ВС СССР от

19 февраля 1954 г. Снова зададимся вопросом: имел ли право Президиум ВС СССР на отчуждение российских земель в пользу другой союзной республики? Ответ однозначный – нет. Конституция СССР (ст. 49) детально описывала полномочия Президиума ВС СССР, и права на изменение границ там не значилось [5]. Такое право было закреплено только за самим Верховным Советом, но не Президиумом. Более того, в Конституции СССР специально оговаривалось (ст. 14 п. «д»), что «утверждение изменений границ между союзными республиками» относится к ведению Союза ССР в лице его высшего органа власти, коим в СССР, согласно ст. 30 Конституции, являлся Верховный Совет Союза ССР, но никак не его Президиум [5]. К тому же, передача Крымской области из РСФСР в Украинскую ССР требовала изменений Конституции СССР, в частности ст. 22 и 23, в которых указывались территории, входящие в состав этих союзных республик. Но право вносить изменения в Основной Закон также было закреплено, согласно ст. 146, исключительно за самим Верховным Советом СССР, но опять-таки не за его Президиумом [5]. Так что издание Указа от 19 февраля 1954 г. о передаче Крыма было явным превышением полномочий со стороны Президиума ВС СССР.

Однако надо признать, что подобное превышение полномочий было рутинной и обыденной юридической практикой в СССР. Президиум Верховного Совета регулярно издавал Указы, имеющие силу Законов Союза ССР, а редко собиравшийся, два раза в год, Верховный Совет лишь утверждал их на своих сессиях. После этого ситуация входила в правовое русло. Причем такая практика была характерна не только для решения текущих, мало принципиальных вопросов жизни государства, но даже в тех случаях, когда речь шла о вопросах конституционных, требующих внесения поправок в Основной Закон. Президиум Верховного Совета СССР не задумываясь превышал свои полномочия, с легкостью и без всяких предварительных референдумов перекраивал карту страны, упразднял, переименовывал, формировал новые территориально-административные единицы (области) в составе союзных республик с последующим утверждением новаций на сессии Верховного Совета СССР. Так, только в одном 1954 г., наряду с решением о Крыме, в Украинской ССР появилась Черкасская и упразднена Измаильская области, а Каменец-Подольская была переименована в Хмельницкую область. В свою очередь, на территории РСФСР в один день появились Липецкая, Белгородская, Арзамасская, Балашовская и Каменская области. Все они, кстати, были утверждены на сессии Верховного Совета СССР общим списком одним Законом СССР «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР» от 26 апреля 1954 года» [6, с. 545–550]. В этом же Законе одним из пунктов обширного перечня территориально-административных изменений значилась и передача Крымской области в состав УССР. Затем депутатами ВС СССР были внесены соответствующие поправки в Конституцию СССР. После того как летом 1954 г. на соответствующих сессиях Верховных Советов РСФСР и УССР внесли поправки в республиканские конституции в соответствии с ранее сделанными изменениями в Конституции СССР, правовое оформление передачи Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР было завершено.

Так что с позиции советского руководства никаких юридических изъятий в процессе передачи Крыма не было. Одно из многих территориальных изменений, принятое в силу хозяйственной целесообразности и оформленное в соответствии со сложившимися правовыми и политическими традициями.

Таким образом, Президиум ВС РСФСР из-за правового пробела в республиканской конституции формально не мог инициировать вопрос о передаче Крымской области в состав УССР и по понятным причинам не воспользовался процедурой всенародного опроса. Президиум ВС СССР, в свою очередь, превысил конституционные полномочия, передав Крым Украине на основании собственного указа, но узаконил это решение буквально через два месяца на сессии Верховного Совета СССР. Вот, пожалуй, и все «очевидные нарушения действовавших тогда конституционных норм» [1].

Список литературы

1. Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России и представителям гражданского общества, 18 марта 2014 года, Москва, Кремль. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/20603> (дата обращения: 10.02.2022).

2. Мошкин С. Почему Хрущев передал Крым Украине. Судьбу полуострова предопределило простое хозяйственное решение. URL: <https://rg.ru/2014/04/15/hrushev-site.html> (дата обращения: 14.02.2022).

3. О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР: Указ Президиума ВС СССР от 19.02.1954 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 4 (798). 9 марта.

4. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) / Редакция 13.03.1948 г. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР/1937/Редакция_13.03.1948 (дата обращения: 15.02.2022).

5. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) / первоначальная редакция. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_СССР_\(1936\)/Исходная_редакция](https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_СССР_(1936)/Исходная_редакция) (дата обращения: 16.02.2022).

6. Закон СССР от 26.04.1954 «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР» // Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Первая сессия (20–27 апреля 1954 г.). Стеногр. отчёт. М., 1954.

А.Ю. Капшук

СТУДЕНЧЕСКИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОТРЯДЫ КРАСНОДАРСКИХ ВУЗОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ (1970-е-1980-е гг.)

В исследовании проводится сравнение повседневной жизни бойцов студенческих строительных отрядов крупнейших вузов г. Краснодара. Основой исследования служат как опубликованные, так и полученные автором с помощью интервью воспоминания участников движения.

Ключевые слова: студенческие строительные отряды, Краснодар, воспоминания, история повседневности, Краснодарский край, студенты.

STUDENT CONSTRUCTION TEAMS OF KRASNODAR HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN THE MEMORIES OF THE PARTICIPANTS (1970s–1980s)

The study compares the daily life of members of student construction brigade of the largest universities in Krasnodar. The basis of the research is the memories of the participants of the movement, both published and obtained by the author with the help of interviews.

Key-words: student construction brigades, Krasnodar, memories, the history of everyday life, Krasnodar region, students.

Основными источниками по истории студенческих строительных отрядов являются документы штабов ССО (постановления руководящих органов ВЛКСМ, приказы, распоряжения, планы, отчёты и т.д.) и материалы периодической печати исследуемого периода. Данные источники позволяют нам увидеть, как формировались и развивались студенческие строительные отряды. При этом стоит заметить, что они не всегда отображают объективную реальность. Планы и постановления штабов дают нам возможность увидеть, как должна была проводиться работа, но не показывают, была ли она выполнена в полном объёме. Отчёты могли приукрашивать реальную ситуацию перед вышестоящими органами. Средства массовой информации исследуемого периода являлись официальными органами КПСС, ВЛКСМ и государственных структур, поэтому не были независимыми. В связи с этим для более объективного анализа истории студенческих строительных отрядов особую актуальность приобретает изучение воспоминаний участников движения.

В последние годы начали появляться исследования по истории студенческих строительных отрядов Краснодарского края, основанные на воспоминаниях участников событий. Особый интерес вызывает работа А.В. Баранова [1]. Автор исследует историю интернационального студенческого строительного отряда «СКИФ» Кубанского государственного университета, написанную на основе анкетирования бывших бойцов отряда. Статья «Бамовские «СКИФы» [2] основана на коллективных воспоминаниях участников стройотряда истфака КубГУ. В нём авторы рассказывают о деятельности своего линейного отряда на строительстве социальных объектов западного участка Байкало-Амурской магистрали в 1981 г. Обе эти работы довольно подробно раскрывают повседневную историю конкретного отряда: позволяют нам увидеть, как проходили рабочие будни бойцов данного ССО, каким образом они проводили своё свободное время, что ими двигало при вступлении в отряд. В исследовании Т.А. Красновой [3] воспоминания бойцов ССО не являются основным источником, но играют важную роль для передачи атмосферы периода трудового семестра. Изучив источники и историографию темы, можно сделать вывод, что интерес к рассмотрению истории студенческих строительных отрядов через призму воспоминаний участников стал получать своё развитие только в последние годы.

Целью нашей работы является стремление рассмотреть и сравнить воспоминания бойцов студенческих строительных отрядов, участвовавших в деятельности разных ССО, сформированных в вузах г. Краснодара, для выявления общих тенденций и особенностей в истории повседневности этого движения.

Основной источниковой базы исследования служат воспоминания участников студенческих строительных отрядов крупнейших вузов города Краснодара: Краснодарского политехнического института (КПИ), Краснодарского сельскохозяйственного института (КСХИ) и Кубанского государственного университета (КубГУ). Некоторые использованные в исследовании воспоминания были ранее опубликованы [4; 5; 6], другие получены автором с помощью метода глубинного интервью.

Летнему «трудовому семестру» в студенческих строительных отрядах предшествовал подготовительный этап. В это время шло формирование отрядов, привлечение бойцов, заключение договоров и т.д. В отряде «Зодчий» КСХИ в подготовительный период проходила активная подготовка студентов. После заключения договоров было известно, какими именно работами будут заниматься стройотрядовцы. Они проходили обязательную профессиональную подготовку именно по этим направлениям, а также обязательный инструктаж по технике безопасности. Для повышения качества работ в отряд привлекали профессиональных строителей, которые выступали в качестве мастеров-наставников [7]. В отряде «Гранит» Краснодарского политехнического института для вступления в ССО было необходимо пройти процедуру специального отбора, во время которой кандидаты в стройотряд показывали свои навыки. Например, в 1971 г. такой «тренирующе-проверочной» площадкой служил строящийся корпус автомобильно-дорожного факультета КПИ [4]. В отряде «СКИФ», работавшем на Байкало-Амурской магистрали в 1981 г., предварительное обучение проходили только командир и комиссар. Остальные бойцы под их руководством получали опыт на практике: в подготовительный период они работали на расширении биологической станции КубГУ «Камышанова поляна» [2, с. 161]. В основном бойцы отряда никакого предварительного обучения не проходили, если не считать профессиональные навыки, полученные ими ещё старшеклассниками во время обучения в межшкольных учебно-производственных комбинатах (МУПК). Аналогичная ситуация сложилась и в студенческом отряде безвозмездного труда «Оптимист», носившем в те годы звание отряда коммунистического труда [8].

За исключением упомянутого «Оптимиста», основной мотивацией для бойцов студенческих строительных отрядов была возможность хорошего заработка. Это подтверждается как историографией [1, с. 347], так и изученными воспоминаниями участников движения [4; 7; 12]. Доходы бойцов студенческих строительных отрядов Краснодарских учебных заведений для того времени были ощутимо высокие. При средней зарплате в СССР в 250 руб., а обычной студенческой стипендии в 40 руб. бойцы студенческого строительного отряда «СКИФ» могли заработать от 200 до 500 и более руб. в месяц [1, с. 347–348]. Примерно столько же зарабатывали и бойцы студенческого строительного отряда экономического факультета КубГУ «Пламя» [9]. Этот доход примерно соответствовал средней зарплате стройотрядовцев в крае. Например, в 1981 г. средняя зарплата бойцов ССО составляла 14,66 руб. в день [10, л. 19]. Соответственно в месяц выходило около 440 руб. Студенты из отряда «Зодчий» зарабатывали ещё больше. Их доход мог составлять около 1000 руб. в месяц [7]. Помимо официальной зарплаты,

студенты могли находить и дополнительные заработки. Иногда к ним обращались жители мест дислокации ССО с различными просьбами: поставить забор, отремонтировать сарай и т.д. Подобная помощь становилась дополнительным неофициальным источником дохода [8]. Финансовая мотивация была важной, но не единственной для студентов, особенно, когда речь шла о поездке на БАМ. Ребята хотели доказать свою силу, выносливость, испытать себя. Многих привлекала стройотрядовская романтика. Официальные идеологические мотивы, о которых заявляли комсомольские организации, были менее важными для студентов [1, с. 348].

Распорядок дня ССО официально жёстко регламентировался. У студентов должно было быть время и на труд, и на полноценный отдых. Рабочая неделя в соответствии с решением Краснодарского краевого штаба ССО составляла 41 час. В остальное время бойцы должны были заниматься культурно-массовой, политической работой, а также отдыхать [12, л. 47–48]. В реальности это не всегда соблюдалось. Во всех воспоминаниях, которые были рассмотрены в рамках исследования, бойцы отмечали, что работали, что называется, «от рассвета до заката». Иногда возникала необходимость трудиться даже после окончания светового дня [5; 8]. Часто работали практически без выходных. Например, в ССО «СКИФ» дни отдыха возникали только в том случае, если по какой-либо причине возникал простой [1, с. 350].

Ю.Д. Красюк вспоминает, что в отрядах, которыми он руководил, выделялся один день отдыха в две недели, всё остальное время бойцы работали [12]. Исключение делалось для Дня целинника, который отмечали 1 августа [2, с. 167] и для второго воскресенья августа, когда в ССО традиционно праздновался День строителя. Переработки были вызваны не только стремлением студентов больше заработать, но и производственной необходимостью. Например, когда можно было без очереди получить транспорт для заливки больших объёмов дефицитного бетона, который по технологии требовалось укладывать без длительных задержек по времени. Даже в отряде безвозмездного труда «Оптимист» студенты могли трудиться даже ночью, например, если не успевали выполнять план работ в срок [8].

Снабжение бойцов студенческих строительных отрядов было разным и зависело от руководства хозяйства, где они трудились. Так, Ю.Д. Красюк вспоминает, что в отрядах, в которых он работал, никогда не было проблем с питанием. Студенты получали всё необходимое: овощи, фрукты, мясо и т.д. «У нас принцип такой был: кушать «от пуза». Добавка – пожалуйста. Две добавки – пожалуйста. Спасибо руководители предприятия нам выделяли всегда питание» [12]. То же можно было сказать и о питании бойцов интернационального ССО «СКИФ», работавших на строительстве сельхоз объектов в хуторе Бойко-Понура Калининского района Краснодарского края в 1982 г. Годом ранее, в 1981 г., когда отряд «СКИФ» работал в г. Усть-Кут Иркутской области на строительстве БАМа, проблем с питанием студенты не испытывали, хотя готовили и питались они самостоятельно [2, с. 166]. Совершенно иная ситуация позже наблюдалась в том же ССО «СКИФ» и «Оптимист», в которых работал А.В. Баранов. Он вспоминает,

что обычно кормили кашами, мясо давали плохое, а овощи и фрукты хорошего качества студентам приходилось покупать самостоятельно: «За те годы, которые я ездил (с 1983 по 1988) только один раз питанием полностью все были довольны» [8].

Несмотря на большую производственную загруженность, бойцы ССО находили время и на отдых: вечерами и в редкие выходные дни они могли заниматься спортом и своим любимым делом, ходили на дискотеки, пели песни, общались с местными жителями, а также с ребятами и девушками из других отрядов. Студенты находили время и на проведение праздничных мероприятий. Например, отмечали День строителя, во время которого в ССО, в том числе и в отряде «СКИФ» проводили обряд инициации новичков [1, с. 352]. Существовали и уникальные праздники, которые были важны для бойцов конкретных отрядов. Например, в ССО «Зодчий» придумали свой праздник – День именинника. В этот день праздновали дни рождения всех бойцов отряда: делали шаржи, дарили подарки, поздравляли друг друга и т.п. Такой формат был придуман, чтобы не останавливать рабочий процесс в каждый из дней рождения бойцов, выпадавших на период «трудового семестра» [7].

Подводя итог, важно отметить, что данное исследование не претендует на окончательность и полную исчерпываемость выводов, является лишь одной из первых попыток сравнения и анализа воспоминания бойцов разных высших учебных заведений Краснодара с целью выявления особенностей в повседневной жизни ССО. Для уточнения полученных на начальной стадии предварительных выводов необходимо проведение дальнейших изысканий.

Несмотря на то, что в исследуемый период студенческие строительные отряды были Всесоюзным движением, подчинённым единым требованиям и планам Центрального Штаба ССО, деятельность линейных отрядов проходила по-разному. Например, в Краснодарском политехническом и сельскохозяйственном институтах уделялось больше внимания подбору бойцов и их профессиональному обучению в подготовительный период, чем в Кубанском государственном университете. Это наряду с их производственной специализацией являлось одной из причин более высоких заработков бойцов этих вузов.

Отличалось и обеспечение продуктами питания в студенческих строительных отрядах, но оно зависело не от учебных заведений, а от хозяйств, в которых ССО работали, и их руководства. В большинстве отрядов питание бойцов было организовано на должном уровне, но, начиная со второй половины 1980-х гг., студентам иногда приходилось докупать некоторые продукты за свой счёт.

Многое в жизни бойцов отрядов было схожим: главной мотивацией для работы в ССО для студентов являлась возможность заработка; трудились на протяжении всего светового дня, и часто практически без выходных; активно проводили свободное время. Несмотря на трудности, с которыми приходилось сталкиваться, все опрошенные участники студенческих отрядов с удовольствием и ностальгией вспоминают жизнь в студенческих строительных отрядах.

Список литературы

1. Баранов А.В. Студенческий строительный отряд «СКИФ» КубГУ 1980-х гг. (По материалам воспоминаний бойцов) // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России. Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Краснодар, 2020. С. 344–355.
2. Бамовские «Скифы» // Голос минувшего. Краснодар, 2020. № 1–2. С. 160–168.
3. Краснова Т.А. Строили города // Молодёжь Кубани: вчера, сегодня, завтра...: очерки по истории Краснодарской краевой организации ВЛКСМ и современного молодёжного движения. Краснодар. 2018. С. 132–146.
4. Яковлев Н.А. Утром встаёшь, руки не разгибаются // Вести КубГТУ. Краснодар, 2019. № 6. С. 7.
5. Калманович С.А. «...Друзьям на память города дарить» // Вести КубГТУ. 2019. № 6. С. 8.
6. Косенко В.Г. Хотелось быть первыми // Молодёжь Кубани: вчера, сегодня, завтра...: очерки по истории Краснодарской краевой организации ВЛКСМ и современного молодёжного движения. Краснодар. 2018. С. 151–153.
7. Бареев В.И. Интервью. Ноябрь 2019 // Личный архив А.Ю. Капшука.
8. Баранов А.В. Интервью. Февраль 2022 // Личный архив А.Ю. Капшука.
9. Цимбал Н.Г. Интервью. Сентябрь 2016 // Личный архив А.Ю. Капшука.
10. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 2006. Оп. 24. Д. 56.
11. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 14. Д. 91.
12. Красюк Ю.Д. Интервью. Октябрь 2019 // Личный архив А.Ю. Капшука.

П.В. Кузьмин, Л.Г. Халанская

КРИЗИС РАЗВИТИЯ КПСС (1980 – НАЧАЛО 1990-Х ГГ.): СОДЕРЖАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Предлагается авторское толкование понятия «кризис развития КПСС». На основе анализа реальных процессов в партийном и государственном строительстве в 1980-е–начале 1990-х гг., а также литературы по проблеме, авторы приходят к выводу, что советская политическая система и ее ключевой компонент, КПСС, содержали возможности для своего реформирования.

Ключевые слова: кризис развития КПСС, конфликт партийных лидеров, разрушение Советского Союза, социально-политические последствия, советская политическая система.

P.V. Kuzmin, L.G. Khalanskaya

THE CRISIS OF THE DEVELOPMENT OF THE CPSU (1980 – THE EARLY 1990s): CONTENT AND SOCIO-POLITICAL CONSEQUENCES

The author's interpretation of the notion "crisis of the development of the CPSU" is proposed. Based on an analysis of real processes in party and state building in the 1980s and early 1990s, as well as literature on the problem, the authors come to the conclusion that the Soviet political system and its key component, the CPSU, contained opportunities for their own reform.

Key-words: the crisis in the development of the CPSU, the conflict of party leaders, the destruction of the Soviet Union, socio-political consequences, the Soviet political system.

В декабре 2021 г. – 30-летие прекращения существования Союза Советских Социалистических Республик. В историографии присутствует широкий спектр мнений, отражающих сложность и многогранность этого исторического явления конца XX в. Но, несмотря на большое количество публикаций по данной теме,

нам представляется, что еще не осмыслены до конца причины распада мощной страны, в которой развивались производство и наука, работала система социального обеспечения, граждане бесплатно получали новые квартиры, давали образование детям, имелась армия, способная защитить свою страну. Поэтому и сегодня сохраняется социальная потребность в углублении представлений о причинах распада некогда великого, мощного и влиятельного в мире государства.

Целью статьи доклада выяснение предпосылок, содержания и социально-политических последствий кризиса развития КПСС в период 1980-х – начало 1990-х гг.

Среди работ, посвященных рассматриваемой проблеме, отметим публикации Г.А. Арбатова, В.А. Алексеева, Е.В. Алексеева, Ф.Г. Горелика, М.С. Горбачёва, А.А. Зиновьева, Р. Кирсанова, В.А. Костикова, С.Г. Кара Мурзы, О.В. Крыштановской, И.Д. Лаптева, Р.А. Медведева, А.И. Уткина, А.П. Шевякина, А.Н. Яковлева. Целый ряд интересных и глубоких идей содержат работы З. Бжезинского, С. Коэна и других зарубежных авторов.

Перечисленные и другие исследователи, преследуя конкретные цели при написании своих работ, так или иначе обращаются к проблеме причин распада СССР. И это справедливо, т.к. выявление причин – наиболее общая и существенная составляющая, позволяющая вскрыть более частные аспекты явления.

Анализ работ указанных выше авторов позволяет говорить о многообразии причин, способствующих и вызвавших распад СССР. В этом многообразии по признаку сходства выделяются следующие группы причин: конец существования советского государства был «неизбежен», поскольку был «предопределен» неким неисправимым генетически или врожденным дефектом; система пала жертвой антисоветской народной революции снизу – демократической (в России) и/или национальной (в других советских республиках); основание советской системы оказалось подточено неработающей экономикой, что привело к экономическому коллапсу; постепенные преобразования (перестройка), которые попытался проводить М.С. Горбачёв, вышли из под контроля и, как не раз случалось в российской истории, пали жертвой национальной традиции максимализма, или экстремизма, разрушившей основания системы; исчезновение Советского Союза – это классический пример решающей роли лидеров в истории, в данном случае, сначала М.С. Горбачёва, затем Б.Н. Ельцина; распад СССР был «элитным» деянием, и, значит объяснение нужно искать в поведении номенклатуры или отдельных ее сегментов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [1, с. 52–53].

Несомненно, перечисленные группы причин, можно рассматривать в качестве таковых, исследуя процесс распада советского государства. Одновременно, полагаем, что в качестве отдельной причины целесообразно выделить влияние кризиса КПСС на распад Советского Союза. Основанием для выделения этой причины мы видим то, что КПСС в соответствии со ст. 6 Конституции СССР являлась руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций. Ключевые функции КПСС состояли в определении генеральной перспективы развития

общества, линии внутренней и внешней политики СССР, руководстве созидательной деятельностью советского народа, придании ей планомерного научно обоснованного характера в борьбе за осуществление социалистических и коммунистических преобразований [2]. Влияние партии пронизывало все стороны советской политической системы. Все структуры государственного аппарата, образовательной системы и т.д. формировались на партийной основе. Поэтому развитие КПСС, ее качественные характеристики не могли не определять содержание и направленность социальных процессов в стране.

Подводя итоги изучению обозначенного вопроса, можно сделать соответствующие выводы.

Кризис развития КПСС имеет многие причины, основные из которых порождены самой партией. Были нарушены принципы внутрипартийной жизни, отсутствовали механизмы самоочищения, способствующие засорению партии карьеристами, эгоцентристами, неспособными разрешать возникающие проблемы и противоречия. Слишком часто наверх поднимались недостаточно компетентные, не всегда порядочные члены партии. Комчванство, зазнайство, самовосхваление были распространенными явлениями в партийной жизни.

подавляющее большинство в КПСС составляли честные люди, патриоты своей страны. Но, сложившиеся в партии отношения, отодвигали их в сторону правящим слоем партии.

Каждое последующее после 1917 г. поколение лидеров и партийных элит было хуже и мельче предыдущего. Идеологические кадры высшего эшелона, ученые обществоведы вместо анализа реальных противоречий социализма, развития теоретических основ партийной жизни и социалистического строительства часто занимались апологетикой достигнутого, предлагали подчас догматические, а нередко утопические идеи и положения. Мало было творческого поиска, инноваций.

Преодоление кризиса партии было запоздалым. Этот процесс объективно был востребован уже в 1960-е годы, а возможно и ранее. Середина 1980-х гг. – это период всестороннего охвата «болезнью» партии, когда ее успешное лечение было маловероятным. Усилия М.С. Горбачёва (его позитивные, и ошибочные решения), возникшие конфликты между различными партийными группами, а также между М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным привели в конечном итоге к развалу КПСС,

Кризис партии, учитывая, что КПСС была правящей, ядром политической системы советского общества, неизбежно создавал предпосылки разрушения советского государства. Это разрушение не было исторически запрограммировано. Разрушение СССР – следствие ошибок, а также предательства, преступных действий ряда руководителей союзного уровня, а также партийно-государственных деятелей бывших союзных республик.

Список литературы

1. Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему распался Советский Союз? М., 2011.
2. Конституция (основной закон) СССР. М., 1977.

Б.М. Кондорский

**РОЛЬ ПРОЦЕССОВ КОРПОРАТИЗАЦИИ В РАЗВАЛЕ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

В рамках любой корпорации внутренние интересы доминируют над внешними. Корпоративный тип сознания препятствует прогрессивному развитию. Борьба с процессами корпоратизации в 20-30-е годы в среде хозяйственно-партийной элиты predetermined высокий уровень развития экономики в этот период. В то же время, в 50-80 годы корпоратизация на всех уровнях стала одним из факторов развала СССР.

Ключевые слова: социальная корпоратизация, СССР, Российская империя, Февральская революция, Сталин, Китай, Французская революция.

B.M. Kondorsky

**THE ROLE OF CORPORATIZATION PROCESSES IN THE COLLAPSE
OF THE SOVIET UNION**

Within any corporation, internal interests dominate over external ones. The corporate type of consciousness hinders progressive development. The struggle against the processes of corporatization in the 20-30s among the economic and party elite predetermined the high level of economic development in this period. At the same time, in the 1950s and 1980s, corporatization at all levels became one of the factors in the collapse of the USSR.

Key-words: social corporatization, USSR, Russian Empire, February Revolution, Stalin, China, French Revolution.

Острые Французской революции, как не покажется странным, было направлено не столько против дворянства и духовенства, сколько против системы корпораций, сформированных тогдашней буржуазией, которая, покупая государственные должности, была в значительной степени независима от правящего режима.

В рамках любой корпорации внутренние интересы доминируют над внешними. Традиционно-корпоративный тип сознания препятствует, мешает прогрессивному развитию. Революцию творили те, кого можно назвать изгоями из своих сословий и корпораций, имевшими отличный тип общественного сознания.

Однако, и революционеры не избежали этого явления. Именно корпоратизация Якобинского клуба, отчуждение его руководства от народных масс, послужило основной причиной поражения в политической борьбе. В свою очередь, корпоратизация уже термидорианцев predetermined приход к власти Наполеона, который терпеть не мог любые его проявления.

В начале XX в. в царской России резко усилились процессы корпоратизации, которые коснулись и бюрократической элиты, и учрежденной после Революции 1905–1907 гг. Государственной Думы. Появившиеся общественно-политические организации превратились в партии «в себе» и «для себя». Особенно это было характерно для конституционных демократов.

Промышленная буржуазия была разобщена в рамках различного рода монопольных объединений и синдикатов. Следует обратить внимание, что в России

существовал капиталистический уклад, который, в отличие от капиталистической системы, не имел потенциала дальнейшего развития.

Традиционную крестьянскую общину также следует рассматривать как своеобразную корпорацию. Интересы крестьян не простирались далее своей родной волости. Высокий уровень концентрации рабочих на крупных предприятиях способствовал формированию производственного «патриотизма».

Происходит сегментация общества. Каждый сегмент уже живет определенными ожиданиями. Средний класс – дальнейшим улучшением качества жизни, правые – укреплением самодержавия, левые – радикальной революцией, либералы – учреждением конституционной монархии, крестьяне – справедливым распределением земли. Если ожидания не сбываются, происходит накопление отрицательной энергии, которое пока носит скрытый характер. При этом, власть постоянно испытывает давление несовместимых требований – различные слои ждут от нее диаметрально противоположных действий.

В этих условиях реформы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина не смогли решить ворох накопившихся проблем. Просматривается сходство с Францией в предреволюционный период. Разумные попытки реформ, предпринятые Тюрго при Людовике XVI, вызвали противодействие не только со стороны дворянства и духовенства, но и непонимание со стороны третьего сословия. В этот период, запутавшись в своей внутренней и внешней политике, правящий режим просто не знает, что ему делать. Его действия носят судорожный характер, наступает паралич власти. Забегая вперед, следует отметить, что нечто подобное мы наблюдали во второй половине 1980-х гг. в Советском Союзе.

Корпоративность в значительной степени предопределила беспомощность правящего режима в период Первой мировой войны. Для военного руководства была характерна разобщенность армейских и гражданских чинов не умевших, а часто не желавших искать компромиссы между собой. Обычным было противостояние между Ставкой и Советом министров. Промышленные комитеты, созданные буржуазией, играли роль «пятого колеса».

После Февральской революции, став носителями государственной власти, депутаты Думы пребывали в ими же придуманном пространстве. Либерально-демократический тип мышления и сознания основной части буржуазии в условиях тогдашней России носил иллюзорный характер. К осени 1917 г. Временное правительство полностью замкнулось в себе, что и предопределило приход большевиков к власти.

Корпоративность в этот период у большевиков была слабо выражена и ее проявления подавлялись железной волей В.И. Ленина. РСДРП(б) представляла собой партию изгоев из самых различных общественных сословий и корпораций. Именно антикорпоративный тип сознания позволил удержать власть и выиграть Гражданскую войну.

Сословно-корпоративный тип сознания руководства Белого движения отнюдь не способствовал их военным успехам. Особенно это относится к Добро-

вольческой армии. Для донского и кубанского казачества был характерен региональный сепаратизм. Выход за пределы своей «родины» заметно снижал боеспособность их военных соединений.

Если В.И. Ленин пытался противодействовать проявлениям фракционности в партии убеждением, то И.В. Сталин использовал несколько иные методы. Здесь Сталина можно уподобить Октавиану, который боролся с проявлениями корпоративности, как основной причины гражданских войн в Риме, методами жестких проскрипций. Только это позволило установить мир и порядок в Республике. Именно этим можно объяснить репрессии по отношению не только к хозяйственно-партийной элите, но и руководству армии в 1930-е гг.

Корпоратизация – это такая социальная «болезнь», которая поражает любую профессионально-бюрократическую систему за достаточно короткий срок. Поэтому И.В. Сталин был вынужден держать подобного рода структуры в режиме напряжения. Это сыграло не последнюю роль в победе Советского народа в Великой Отечественной войне, обеспечило высокий уровень эффективности мобилизационных мероприятий.

После смерти И.В. Сталина в руководстве страны произошло расслабление. Многие общественные процессы вышли из-под контроля партии и были пущены на самотек. Начались процессы корпоратизации на всех уровнях. В первую очередь, самой КПСС. Все это способствовало деформации общественного сознания населения и руководства страны.

Развал страны начался с известного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде Партии, который поставил свои лично-корпоративные интересы выше объективных законов существующей политической системы. Кстати, Сталин, не смотря на так называемый «культ личности», всегда поступал наоборот. Второй «осиновый кол» был вбит уже Л.И. Брежневым и А.А. Громыко после подписания Хельсинских соглашений.

Совершенно по-другому в аналогичной ситуации, повел себя Китай. Мудрость руководства КПК, в первую очередь в лице Дэн Сяопина, заключалась в том, что они не пошли по пути Хрущева, полностью сохранив авторитет Мао Цзэдуна в партии и государстве.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. произошло воспроизведение «февральской» ситуации. И там, и там попытка иллюзорно-корпоративной «демократизации» общества на основе опыта западных стран привела к развалу государства.

Несколько другим путем пошел Китай. И важную роль здесь сыграла Культурная революция, направленная против процессов корпоратизации в китайском обществе. Можно со всей ответственностью утверждать, что если бы не было Культурной революции, не было бы современного Китая. Любая перестройка горбачевского типа привела к развалу государства. Решительные меры, направленные на подавление «майдана» в 1989 г., с учетом событий на Украине, носили более чем разумный характер.

Корпоратизация, расцветшая в 1990-е гг. пышным цветом во всех сферах общественной жизни, вплоть до криминальной, была в последующем частично купирована В.В. Путиным. Однако нельзя расслабляться. По нашему мнению,

тенденции корпоратизации характерны для «Единой России», которая является в настоящее время основой политической системы страны. Не надо забывать, что январские события в Казахстане были, в первую очередь, обусловлены высоким уровнем корпоратизации элиты на основе традиционного кланового сознания.

М.А. Махалкина

ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТ И ПОЗИЦИЯ РОССИИ (1992–1993 ГГ.)

Проблема статуса Абхазии для грузинского государства после распада СССР приобрела важную роль, актуализировавшись после войны 1992–1993 гг., и выйдя на новый международно-правовой уровень после событий в Южной Осетии 2008 г. и последовавшего за ними признания независимости республики Абхазия Российской Федерацией. В статье рассматривается российская внешнеполитическая позиция по отношению к грузино-абхазскому конфликту в девяностые годы в условиях становления многополярного мира.

Ключевые слова: Абхазия, внешняя политика России, грузино-абхазский конфликт 1992–1993 гг., непризнанная республика, право народов на самоопределение, территориальная целостность.

М.А. Makhalkina

GEORGIAN-ABKHAZ CONFLICT AND THE POSITION OF RUSSIA (1992–1993)

The problem of the status of Abkhazia for the Georgian state after the collapse of the USSR acquired an important role, becoming relevant after the 1992–1993 war, and reaching a new international legal level after the events in South Ossetia in 2008 and the subsequent recognition of the independence of the Republic of Abkhazia by the Russian Federation. The article examines the Russian foreign policy position in relation to the Georgian-Abkhaz conflict in the nineties in the conditions of the formation of a multipolar world.

Key-words: Abkhazia, the foreign policy of Russia, the Georgian-Abkhaz conflict of 1992–1993, the unrecognized republic, the right of peoples to self-determination, territorial integrity.

Грузино-абхазские после распада СССР выстраивались в контексте конфликтного связанного с проблемой правового статуса Абхазии и стремлением народа республики к самоопределению.

События последних десятилетий, связанные с признанием независимости Косово европейскими государствами, войной в Южной Осетии в 2008 г., интеграцией Крыма в состав России наглядно показали мировому сообществу необходимость проработки механизмов взаимодействия с непризнанными территориями, а также важность внутривнутриполитической деятельности, результатом которой зачастую становится дискриминация народов, проживающих в государстве.

В данной статье ставится цель проанализировать российско-грузинские отношения с 1991 по 1993 гг., т.е. в период нарастания напряженности и открытых военных действий между войсками Грузии и Республики Абхазия; а также выявить особенности российского внешнеполитического курса в отношении бывшей постсоветской республики в условиях формирования новой многополярной системы международных отношений.

К концу 1980-х гг. грузино-абхазские отношения находились в состоянии напряженности, одной из причин этому стало принятие грузинским руководством ряда документов, в которых декларировалась незаконность деятельности государственных структур и правовых актов советского периода.

Для Абхазии в частности болезненным явилась отмена актов о союзном единстве Грузии и Абхазии (от 1921 г.) и о вхождении Абхазии на автономных началах в состав Грузии (от 1931 г.). Расценивая это как угрозу своей независимости, Верховный Совет Абхазии 25 августа 1990 г. принял Декларацию о государственном суверенитете Абхазской АССР, по которому Абхазия объявлялась «суверенным социалистическим государством, обладающим всей полнотой власти на своей территории вне пределов прав, добровольно переданных ею Союзу ССР и Грузинской ССР на основе заключенных договоров» [2, с. 87].

Пришедший к власти в Грузии З. Гамсахурдия в октябре 1990 г., придерживавшийся радикальных националистических взглядов, не способствовал улучшению отношений центра и автономии, а, наоборот, развязав войну в соседней республике Южная Осетия, дал понять, что Сухум вскоре ожидает тот же сценарий.

Российская сторона, оказавшаяся в 1991 г. в сложной политической, социально-экономической и военной ситуации, свой внешнеполитический курс строила с учетом распада биполярной системы международных отношений и формирования нового многополюсного мира, где ей отводилась роль регионального участника. «Ключевой линией поведения российской дипломатии стало «выравнивание российских позиций по международным вопросам с позициями США и государств Западной Европы» [1, с. 2].

В контексте поддержки сообщества мировых демократий и с учетом разделения симпатий к сторонам в грузино-абхазском конфликте в российском Правительстве и Парламенте, был сформулирован подход к проблеме, основанный на «признании незыблемости территориальной целостности Грузии, внутри которой Абхазии должны быть предоставлены самые широкие политические права» [2, с. 104].

Военные действия против Абхазии начались 14 августа 1992 г. Под предлогом охраны железной дороги грузинские войска были введены на абхазскую территорию. Ещё одним поводом явилось стремление грузинских властей освободить группу захваченных накануне этих событий в качестве заложников сторонниками З. Гамсахурдия представителей грузинского правительства, среди которых был вице-премьер А. Кавсадзе. Заложников держали в абхазском селе Кохори Галийского района. В первые дни войны грузинская сторона захватила г. Сухум, высадила морской десант в районе г. Гагры. На стороне абхазов выступили добровольцы-интернационалисты из числа кабардинцев, адыгейцев, черкесов, чеченцев, русских и т.д.

26 августа 1992 г. Б.Н. Ельцин в обращении к руководству Грузии и Абхазии отмечал необходимость прекращения боевых действий перед лицом дестабилизации положения в южных регионах России из-за массового потока беженцев.

Вместе с тем, президент подчеркнул, что российская позиция в отношении единства «территориальной целостности Грузии неизменна», и что «будут предприняты все меры для пресечения попыток проникновения на территорию Грузии вооруженных добровольческих отрядов» [4, с. 260].

Являясь правопреемницей СССР и будучи заинтересованной в стабильном и неконфликтном Кавказском регионе, Россия выступила с миротворческой инициативой, предложив услуги посредничества руководству Грузии и Абхазии для достижения мира и политического решения возникших разногласий. 3 сентября 1992 г. в Москве была проведена встреча на высшем уровне Б.Н. Ельцина, Э. Шеварднадзе и В. Ардзинбы. В результате был подписан итоговый документ, предусматривающий прекращение огня, вывод грузинских войск, обмен военнопленными, обеспечение возвращения беженцев, возобновление деятельности органов власти Абхазии на всей территории республики.

Данное Соглашение не было выполнено по причине отказа грузинских вооруженных сил оставить свои позиции и перейти к политическому диалогу. Подчеркивая важность невоенного урегулирования конфликта и необходимость реализации пунктов Московского соглашения, Верховный Совет РФ предложил свои посреднические услуги, отмечая, что необходим такой пакет договоренностей, который бы предусматривал «согласованный отвод вооруженных сил Госсовета Грузии с территории Абхазии при одновременном разоружении, расформировании и удалении из Абхазии добровольческих вооруженных формирований и групп, прибывших с Северного Кавказа, а также введение контингента миротворческих сил стран-членов СНГ для обеспечения безопасности населения, а также устойчивого функционирования транспортных магистралей и ключевых промышленных объектов» [3, с. 2868].

Парламентарии России осудили деятельность руководства республики Грузия «путем насилия решить сложные проблемы межнациональных отношений» и вынесли ряд рекомендаций Президенту и Правительству РФ. В частности, было предложено «рассмотреть вопрос об использовании Контингента вооруженных сил РФ в качестве миротворческих сил», а также «приостановить передачу республике Грузия вооруженной, боевой техники, боеприпасов частей и соединений Вооруженных сил РФ, прекратить поставки вооружений, боевой техники по заранее заключенным контрактам... воздержаться от заключения экономических соглашений с Грузией вплоть до урегулирования конфликта в Абхазии» [3, с. 2868].

С октября 1992 г. боевые действия в зоне конфликта продолжились. Абхазская сторона освободила г. Гагры, северо-западные районы Абхазии до границы с Россией, прорвав кольцо военной блокады вокруг Гудауты, где располагалось Правительство и Верховный Совет Абхазии.

В марте 1993 г. Верховный Совет Абхазии обратился к Парламенту России с «настоятельным ходатайством вернуть республику Абхазия в состав, либо под покровительство России в соответствующей международно-правовой норме, обеспечивающей мир и безопасность в регионе, сохранение народа Абхазии и

необходимого для его существования экономического и культурного пространства с РФ» [4, с. 165].

К лету 1993 г. активизировались военные столкновения между соперниками: форсировав р. Гумиста, абхазские войска освободили населенные пункты правобережья г. Сухум.

В этот же период Россия выступила с инициативой подписания трехстороннего Соглашения о прекращении огня, по которому предполагался вывод грузинских войск и всех добровольцев из Абхазии, а также восстановление легитимности абхазских государственных учреждений на всей территории республики.

Сочинское Соглашение, так же как и предшествующее ему Московское не было выполнено. Боевые действия возобновились в период конституционного кризиса в России. К концу сентября абхазские силы захватили г. Сухум, и к 30 сентября абхазская армия вышла к р. Ингур, где год назад и началась война, что ознаменовало поражение грузинской стороны в данном конфликте.

Россия, тем не менее, отреагировала на нарушение сочинского Соглашения весьма жестко. В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации [4, с.282] было приостановлено энергоснабжение Абхазии, а также введена продовольственная блокада.

Российская сторона, обозначив поддержку Грузии, тем не менее, имела принципиальные расхождения во взглядах, декларируемые представителями законодательной и исполнительной власти. В частности, ряд парламентариев симпатизировал абхазской стороне, объясняя это несостоятельностью политики, проводимой правительством Б.Н. Ельцина и Е.Т. Гайдара; в Правительстве поддерживали курс Э. Шеварднадзе, проводимый на подавление национальных движений в Абхазии. Это объяснялось длительной работой грузинского лидера на посту главы внешнеполитического ведомства СССР и его личными контактами с действующими российскими политиками. Некоторые политики использовали ситуацию в целях повышения личной популярности (например, В.В. Жириновский, контактировавший с З. Гамсахурдия и Д. Дудаевым).

Противоречия Парламента и Правительства РФ по вопросу урегулирования грузино-абхазского конфликта предположительно сказались на том, что Россия перестала рассматриваться грузинскими властями как посредник, способный реально помочь решению проблемы. В связи с чем Грузия стала активно искать поддержку со стороны Запада, в частности США. Об этом упоминает А. Чикваидзе, занимавший в разное время пост министра иностранных дел Грузии: «именно из-за Абхазии Россия потеряла всякое положительное влияние на Грузию, а Соединенные Штаты Америки твердо встали в Грузии и укрепили свои стратегические позиции на российском южном фланге» [5, с. 149].

Российская сторона на начальном этапе формирования внешнеполитического курса безоговорочно поддержала территориальную целостность Грузии и незыблемость ее суверенитета, т.е. для Абхазии отводилась роль территориального образования с широкой автономией в пределах союзного с Грузией госу-

дарства. Такая поддержка объяснялась отчасти желанием упрочить свой авторитет в постсоветской республике, имеющей выход к Черному морю и граничащей с Россией в нестабильном регионе Северного Кавказа.

В итоге, за период 1992–1993 гг. российско-грузинские отношения развивались на фоне конфликтного взаимодействия в условиях сотрудничества по вопросу обеспечения целостности Грузинской республики и подавления проявлений абхазского сепаратизма. Между сторонами существовал ряд претензий политического и идеологического характера, повлиявший в итоге на изменение геополитического курса Грузии из пространства российского влияния на постсоветском пространстве в сторону Запада и его воззрений на контуры мирового порядка.

Список литературы

1. Богатуров А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. № 1 (13). URL: <http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm>. (дата обращения: 02.02.2013).
2. Затулин К.Ф. Россия и Абхазия. Две страны – один народ. СПб., 2011.
3. Заявление Верховного Совета Российской Федерации в связи с событиями в Абхазии 25 сентября 1992 г. // Вестник Совета народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 40. С. 2868–2869.
4. Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 гг. / сост. и коммент. М.А. Волхонский, В.А. Захаров, Н.Ю. Силаев. М., 2008.
5. Чикваидзе А.Д. Пальто не надо! // Международная жизнь. 2005. № 11. С. 128–153.

СЕКЦИЯ 3. ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ РЕГИОН В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОСТИ

Н.А. Романович

О НАЧАЛЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РФ В УКРАИНЕ

В статье представлены результаты всероссийского опроса по поводу отношения россиян к специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. Рассматриваются представления жителей страны о причинах начала спецоперации, выявляется степень её поддержки, информационные источники о ходе операции, определяется уровень лояльности к Президенту РФ после начала военных действий. Изучаются некоторые аспекты картины мира в российском обществе, в частности, представления о поддержке спецоперации в России и настроениях украинского населения. Выдвигается гипотеза, что уровень поддержки спецоперации по мере её успешного осуществления может возрастать.

Ключевые слова: отношение населения, социологический опрос, специальная военная операция в Украине.

N.A. Romanovich

ON THE START OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN UKRAINE

The article presents the results of all-Russian survey on the attitude of Russians to a special military operation launched to demilitarize and denazify Ukraine. The ideas of the country inhabitants about the reasons for the special operation start are considered. The degree of support and the information sources about the operation course are revealed. The level of loyalty to the President of the Russian Federation after the hostilities outbreak is determined. Some aspects of the Russian society world picture are studied – in particular, ideas about Russian special operation support and Ukrainian population mood. It is hypothesized that the level of support for the special operation may increase according to its success.

Key-words: public attitudes, sociological survey, special military operation in Ukraine.

Известный профессор военной истории Мартин ван Кревельд в своей книге «Расцвет и упадок государства» [1, с. 14–15] полагает, что уже в конце XX в. межгосударственная война стала уходить в прошлое, поскольку потеряла свое основное привлекательное свойство – извлечение материальной выгоды. Право суверенного государства вести войну было аннулировано за исключением случаев целей самообороны, либо «принуждения к миру». А с появлением ядерного оружия уменьшилась вероятность войны хотя бы в силу здравомыслия правителей, имеющих в своем распоряжении такое оружие. Ядерное оружие способно обеспечить стране абсолютную защиту, но вести войны между державами, обладающими ядерным оружием, не представляется невозможным. По умолчанию ядерные державы в итоге решили, не обращая внимание на наличие ядерного оружия, вести обычные войны высокоточным оружием. При этом ядерное оружие остается ключевым фактором сдерживания военного противостояния.

Известно, что история не терпит сослагательных наклонений, но с большой долей вероятности можно утверждать, что специальная военная операция России

в Украине, начатая 24 февраля 2022 г., могла бы не начаться, если бы Украина не была заинтересована во вступлении НАТО и не заявила о своих претензиях на обладание ядерным оружием. Потенциальная угроза собственной безопасности и принятые обязательства по защите и освобождению в течение восьми лет обстреливаемых украинской стороной ЛНР и ДНР, были официально заявленными причинами начала российской военной операции по демилитаризации и денацификации Украины.

Население самой России чрезвычайно болезненно встретило известие о начале спецоперации, поскольку в нашей стране не насаждалась (в отличие от Украины) ненависть и агрессия по отношению к бывшей братской державе. Ожесточенная конфронтация в реальном информационном, в том числе, виртуальном пространстве способствовала российским исследователям объединиться для проведения инициативного проекта по выявлению отношения россиян к сложившейся ситуации.

Проект объединил независимых исследователей и исследовательских компаний в различных регионах – Москвы, Самары, Воронежа, Чебоксар, Казани и других. Участниками проекта был проведен опрос жителей РФ старше 18 лет [2]. Сбор данных проводился с помощью телефонного опроса жителей всех регионов РФ 28 февраля – 1 марта по случайной выборке. Было опрошено 1640 респондентов. Каждому потенциальному респонденту было совершено не менее 3 попыток контакта. Финальная выборка была взвешена по полу, возрасту и образованию.

После признания Россией 21 февраля 2022 года независимости ДНР и ЛНР (на внеочередном заседании Совета Безопасности на фоне обострения ситуации на Донбассе) были подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с главами республик, прибывшими в Москву. Ответы на вопрос: **«Вы в целом поддерживаете или не поддерживаете решение России о признании Россией независимости Донецкой и Луганской народных республик?»**, – показывают, что подавляющее большинство россиян (70%) поддерживают это решение. Не поддерживают признание суверенности республик только 16% граждан России. Остальные ответы: *«в чем-то поддерживаю, в чем-то нет»* – 4%, *«ничего не знаю об этом решении»* – 5%, *отказ от ответа* – 4%.

Признав независимость Луганской и Донецкой республик и подписав с ними договор о взаимопомощи, Россия подавала недвусмысленный сигнал Киеву, что намерена защищать ДНР и ЛНР в случае нападения на них. Киевская власть не вняла предупреждению, продолжая обстрелы республик вопреки подписанным ранее минским соглашениям. С кремлевской трибуны было заявлено, что *«иного выхода не было»*, кроме начала специальной военной операции. В чем российские жители усматривают причины военных действий?

Доминирующим ответом на вопрос: **«Как Вы считаете, зачем, с какими целями была начата эта военная операция на территории Украины?»**, – оказалось суждение: *«Защитить русскоязычное население ДНР и ЛНР»* – 29%. Второе место по популярности занял ответ: *«Не дать разместить военные базы*

НАТО на территории Украины» – 8%. Третье место было отдано мнению: «Сменить недружественный России политический режим» – 5%.

Самыми непопулярными оказались следующие альтернативы: «присоединить всю или большую часть Украины» – 1%, «оккупировать всю или большую часть Украины» – 1%, «разделить Украину и установить своё влияние на части Украины» – 0,4%. Остальные респонденты затруднились ответить или называли свои варианты, отличные от предложенных альтернатив. Большое количество затруднившихся ответить объясняется малым сроком, прошедшим с начала военных действий – люди ещё не успели разобраться в происходящем. Были и отказы от ответа, но их оказалось немного – 1%.

Помятуя, что право суверенного государства вести войну сегодня аннулировано в общественном сознании, за исключением случаев защиты и самозащиты, можно видеть причины легитимации россиянами военных действий. Жители РФ трактуют действия своих властей, как «защиту» и «самозащиту». Защиту русскоязычного населения ДНР и ЛНР граждане России видят основной целью военной спецоперации. Самозащиту от перспектив размещения военных баз НАТО на территории Украины и военной угрозы со стороны Украины – параллельной целью. В данном случае такая причина как «защита» (29%) собирает существенно больше голосов, чем «самозащита» (8%), потому что самозащита по сути являлась превентивной мерой, требующих дополнительных доказательств.

Один их ключевых вопросов – это вопрос о степени поддержки спецоперации гражданами России (рис. 1).

Рис. 1. СКАЖИТЕ, ВЫ ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ИЛИ НЕ ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ВОЕННУЮ ОПЕРАЦИЮ РОССИИ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ?

Война – это всегда катастрофа и трагедия, особенно, если это война между бывшими братскими народами. Тот факт, что в целом большинство населения (58%) высказалось в пользу поддержки военной операции в самом её начале, говорит достаточно высоком уровне лояльности к действиям руководства страны и, если можно так выразиться, априорного доверия, поскольку люди ещё не успели разобраться в происходящем и выработать собственное мнение. Не поддержали военные действия в общей сложности 23% опрошенных. Две дополнительные альтернативы «*в чем-то поддерживаю, в чем-то не поддерживаю*» и отказ от ответа (в целом 8%) оттянули на себя голоса как противников, так и сторонников спецоперации, чем объясняется разница с опросом ВЦИОМ, который проходил 25 и 27 февраля 2022 г.

ВЦИОМ опросил по 1600 россиян в рамках своего ежедневного проекта «Спутник» [3]. Согласно полученным результатам начало спецоперации поддержало 65% (25 февраля) и 68% (27 февраля), в среднем – 67%. Против военных действий высказалось 25% и 22% соответственно, в среднем – 24%. ВЦИОМ проводил опрос тем же способом (телефонный опрос) по сходной выборке (случайная, стратифицированная по территории страны), но получил несколько иной результат из-за короткой шкалы ответов. Независимые исследователи использовали более длинную шкалу для кодирования результатов – 7 значений шкалы, включая вариант «отказ от ответа», очевидный для столь острой и неоднозначной ситуации. ВЦИОМ использовал только 3 значения шкалы: сторонники, противники и затрудняющиеся с ответом. При этом коллеги из ВЦИОМ вариант «затрудняюсь ответить» предлагали только для тех, кто своим молчанием демонстрировал такое затруднение. Независимые исследователи давали респонденту возможность дать смешанный ответ – «в чем-то поддерживаю, в чем-то нет», а также отказаться от ответа. Это дает возможность более детального анализа позиции респондентов, но уменьшает долю как сторонников, так и противников. В итоге доля поддерживающих сократилась с 67% до 58%, а доля не поддерживающих сократилась 24% до 23% соответственно. Следует отметить, что вариант «в чем-то поддерживаю, в чем-то нет» обычно в других опросах набирает большинство голосов, тогда как в данном опросе его выбрали только 6% россиян. Это свидетельствует о достаточно четком расколе россиян на поддерживающих и не поддерживающих спецоперацию, поскольку количество сторонников «срединной позиции» мало. Как показывают результаты опроса ВЦИОМ, динамика поддержки – нарастающая, но, по свидетельству специалистов, рост поддержки может продолжиться только в случае успешности спецоперации и её сравнительной краткосрочности.

В американских СМИ новости об Украине проходят красной нитью. Газета «Вашингтон Пост» 8 марта 2022 г. опубликовал выдержки из результатов опроса российских независимых исследователей по поводу начала специальной военной операции: «Телефонный опрос, проведенный на прошлой неделе группой независимых исследовательских организаций, показал необычайно скромную поддержку путинской войны среди 1640 опрошенных: 58% решительно или частично поддержали ее, а 23% выступили против. Остальные были уклончивы или

не высказали никакого мнения... Это далеко от того, что 91 процент населения поддерживает его аннексию Крыма, и предполагает потенциальные проблемы для Кремля в случае действия санкций и если война затянется» [4]. Почему американские журналисты приводят не данные ВЦИОМ, а данные независимых исследователей? Конечно, потому что 58% ниже, чем 67%, но то, что у ВЦИОМ 3-х балльная шкала ответов, а у независимых исследователей – 7-балльная, они не принимают во внимание. А для читателей у них готов вердикт: «необычайно скромная поддержка». Вольно же автору статьи трактовать поддержку большинства россиян как «чрезвычайно скромную». Сопоставление с Крымом в данном случае не выдерживает критики: Крым отошел России без капли крови, а поддержать военную операцию против хотя и бывшего, но братского народа, миролюбивым российским жителям необычайно тяжело.

Ответы на вопрос: *«Как Вы думаете, Украина, как страна или политика ее руководства представляли опасность для Российской Федерации достаточно, чтобы начинать широкомасштабные военные действия на всей территории Украины?»*, – показали причины поддержки. Как оказалось, 54% опрошенных уверены, что Украина представляла опасность для РФ. Не считают Украину опасной 28% граждан. Остальные не имеют четкого мнения по этому поводу.

Но поддержка, по мнению специалистов, возможна только в том случае, если спецоперация будет успешной и скоротечной. Если же она затянется, особенно, если перейдет в партизанскую фазу, то поддержка населения станет весьма спорной. Об этом предупреждают военные теоретики, в частности, Мартин ван Кревельд в своей книге «Трансформация войны» [5]. Он утверждает, что поскольку ядерная война не может быть применима для разрешения межгосударственных противоречий, то её место занимают конфликты «низкой интенсивности». В такого рода вялотекущих конфликтах есть шанс мощному государству проиграть несопоставимо более слабому сопернику в случае, если он «завязнет» на территории противника. С точки зрения автора, это может свидетельствовать о том, что нас ожидают изменения в военной стратегии, фокусировании её на противопартизанских действиях. В перспективе, по мнению автора, это может привести к тому, что старые нормы гуманитарного права (права войны) разделяющее военных и гражданских, могут уйти в прошлое или серьезно видоизмениться.

Поставленная Россией цель освобождения русского и украинского народов от неонацистского режима в соседней Украине вызвала противостояние нашей страны и почти всего остального мира. Тумблер ненависти, ещё не остывший после времен холодной войны, легко включился снова. Россия ещё раз убедилась в том, что у неё только два надежных союзника: армия и флот. «Империя лжи» раздувает агрессию среди своего населения, отключив российские информационные источники. Удивительно, что восьмилетние страдания Донбасса и кровь убитых детей ничуть не волновали мировую общественность, в которой пацифисты выявились лишь с началом военной операции России.

Проведенное исследование демонстрирует поддержку большинства населения России военной операции в первую неделю от её начала. Одновременно выявляются и многие не определившиеся со своей позицией. В современных войнах есть риск «завязнуть» на территории противника, если конфликт примет вялотекущий характер. Автор статьи в «Вашингтон пост», анализируя результаты опроса россиян об уровне поддержки спецоперации, с сожалением констатирует: «Но это также и не решительный отказ – пока» [4]. Америка надеется, что число противников спецоперации возрастет в результате жестких санкций и затянувшихся военных действий. Оправдаются ли эти расчеты – покажет будущее. Одно несомненно – заканчивать войну неизмеримо тяжелее, чем её начинать.

Список литературы

1. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М., 2016.
2. Исследование отношения жителей России к специальной военной операции РФ в Украине. 07.03.2022. URL: <https://www.extreamscan.eu/> (дата обращения: 09.03.2022).
3. Специальная военная операция в Украине: отношение и цели. Аналитический обзор. 28.02.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-v-ukraine-otnoshenie-i-celi> (дата обращения: 07.03.2022).
4. Faiola A. Through Putin's looking glass: How the Russians are seeing – or not seeing – the war in Ukraine // The Washington Post. 08.03.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/08/russian-media-state-television-ukraine/> (дата обращения: 09.03.2022).
5. Кревельд М. Трансформация войны. М., 2009.

И.В. Юрченко, Н.Н. Юрченко

ДИАГНОСТИКА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ¹

В статье предлагается обоснование необходимости применения методов этнополитической диагностики для конфликтологического анализа проблем региональной безопасности и стабильности на Юге России в условиях кризисной реальности. Подчеркивается важность теоретической и эмпирической разработки проблем мониторинга на основе ивент-анализа.

Ключевые слова: этнополитическая диагностика, Азово-Черноморский регион, вызовы безопасности, внешнеполитические факторы, мониторинг на основе ивент-анализа.

I.V. Yurchenko, N.N. Yurchenko

DIAGNOSTICS OF THE ETHNOPOLITICAL SITUATION IN A MULTINATIONAL REGION IN THE CONTEXT OF GLOBAL SECURITY CHALLENGES OF RUSSIA

The article provides a justification for the need to use methods of ethno-political diagnostics for the conflictological analysis of the problems of regional security and stability in the South of Russia in the conditions of crisis reality. The importance of theoretical and empirical development of monitoring problems based on event analysis is emphasized.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФИЦ ЮНЦ РАН, гр. № 122020100306-9 «Конфликтологический анализ проблем региональной безопасности и стабильности на Юге России в третьем десятилетии XXI века».

Key-words: ethno-political diagnostics, the Azov-Black Sea region, security challenges, foreign policy factors, monitoring based on event analysis.

В современной кризисной реальности требуется своевременная диагностическая экспертиза угроз и вызовов безопасности России, для чего необходима разработка научного инструментария анализа социально-политических процессов в полиэтническом пространстве многонационального региона. Фундаментальная научная задача, на решение которой направлено исследование включает отработку и апробирование конкретных методов диагностики этнополитической ситуации в геополитически значимом регионе. Сложнейшим внешнеполитическим фактором, влияющим на региональные процессы, является ситуация в Азово-Черноморском бассейне в связи с активизацией структур НАТО по усилению своего влияния в макрорегионе и вызываемые конфликтным обострением миграционные потоки на Юге России. В субъектах Федерации традиционно представляющих приоритетное развитие русской культуры, и оказавшихся, в период постсоветского конфликтного противостояния крупных геополитических и геоэкономических игроков в ситуации кардинальной трансформации мироустройства и углубления мирового системного кризиса, на пограничных рубежах военных столкновений в Грузии в августе 2008 г. и гражданской войны на Украине, продолжающейся более восьми лет. Основными причинами проявлений крайней «русофобии», радикализма и экстремизма на этих территориях являются искусственное создание экономических трудностей и использование противниками России этно-конфессиональных, социально-политических, экономических проблем для разжигания вражды и эскалации конфликтов в условиях неравномерного развития территорий и этно-конфессионального многообразия социальных общностей на постсоветском пространстве.

Глобальные вызовы безопасности России, угрозы ее национальным интересам требуют укрепления государственного суверенитета и геополитического статуса Российской Федерации. В этих условиях значительную роль играют пограничные регионы юга страны, к которым прежде всего относятся Ростовская область, Краснодарский край и Республика Крым. В истории российской государственности их пограничное стратегически важное положение и объективная вовлеченность в формирование российской национальной культуры, также, как и сегодня, всегда обеспечивали прочность территориальной целостности и основы сохранения самобытной российской цивилизации в данном региональном измерении. С точки зрения геополитики Азово-Черноморский и Северо-Кавказский регионы всегда представляли собой крайне важный стратегический узел. В результате общественных трансформаций конца XX века в направлении рыночных отношений социально незащищенной оказалась значительная часть населения этих регионов: сельхоз производители, беженцы, вынужденные мигранты, многодетные семьи, дети в неполных семьях, женщины и молодежь. Социальные взаимоотношения между доминирующими этническими группами и меньшинствами постоянно меняющимися по составу и численности по причине неустойчивых направлений миграции, вызывают распространение недоверия, чувство тревоги и неуверенности в сохранении сложившегося экономического и

социокультурного порядка. Все эти процессы протекают на фоне риторики о правах человека, включающей, в частности, проблемы защиты прав и самобытности доминирующей этнической группы – с одной стороны, и защиты прав национальных меньшинств и мигрантов – с другой. При этом конфликты миграций не только не ослабевают, но и становятся более сложными, многоуровневыми, политизированными и трудно профилактируемыми. В то же время, на конфликтной почве может укрепляться национальное самосознание, повышаться значимость статуса нации, которые становятся цементирующим механизмом, поднимающим чувство собственного достоинства рядовых граждан, а также той части элиты, которая сориентирована на обеспечение роста внутреннего потенциала страны. Имея ярко выраженные общие черты, южно-российские регионы тем не менее имеют свою специфику в отношении социально-политических, миграционных процессов и межконфессиональных конфликтов.

Теоретическая и эмпирическая разработка проблем мониторинга на основе ивент-анализа, диагностики межконфессиональных конфликтов как основных угроз дестабилизации в регионах Юга России находится в стадии становления и отдельные аспекты этой темы являются предметом рассмотрения различных гуманитарных наук. Большое внимание исследователями уделяется проблемам этнокультурной идентичности, конструктивистскому, инструменталистскому и релятивистскому подходам к интерпретации данного феномена. Вопросы конструирования этноконфессиональной идентичности населения Юга России в контексте дихотомии национального и религиозного компонентов коллективной общности рассматриваются в статье Бедрика А.В., Бинеевой Н.К. и Дьяченко А.Н. [1, с. 57–66]. Этнополитические противоречия и межконфессиональные отношения всесторонне обсуждались на Втором Санкт-Петербургском международном конгрессе конфликтологов 3–4 октября 2014 г., где большое внимание уделялось дискурс-анализу по теме миграционной политики в южнороссийском регионе [2, с. 222–224]. Процессы этнокультурной идентичности русских в современном российском обществе рассматриваются В.В. Савченко [3]. А в исследовании С.С. Орлова приводятся важные сведения о том, что в Краснодарском крае было зарегистрировано более 700 организаций, представляющих последователей более 28 религиозных направлений [4, с. 88], что свидетельствует о сложной этноконфессиональной структуре населения. В теоретико-методологическом плане большое значение имеет коллективная монография, подготовленная на кафедре политологии Казанского (Приволжского) федерального университета по теме «Этнические аспекты политических институтов и процессов» [5]. Фундаментальное научное значение имеет разработки региональных моделей этнополитической безопасности с целью эффективного управления рисками ценностных рассогласований и социальной поляризации публичного политического пространства в многонациональном регионе. Конфликтологическая диагностика проводится не только с целью определения потенциальных и реальных конфликтующих групп, но также и для выявления социально-политических ресурсов и эффективных механизмов урегулирования возможных конфликтных этнополитических ситуаций и использования выявленных в ходе исследования факторов

и механизмов для укрепления политической стабильности в многонациональном южно-российском регионе. Научная задача, на решение которой направлено исследование включает также диагностирование деятельности региональных политических элит и определение функциональных и дисфункциональных проявлений их политико-управленческих практик по обеспечению выхода из ситуации санкционного давления на региональную экономику с целью устойчивого политического развития в условиях тектонических геополитических изменений и глобальных вызовов безопасности России.

Список литературы

1. Бедрик А.В., Бинева Н.К., Дьяченко А.Н. Этноконфессиональная идентичность населения Юга России: дихотомия национального и религиозного компонентов // Гуманитарий Юга России. Ростов н/Д, 2018. № 6. С. 57–66.
2. Майборода Э.Т. Этнополитические противоречия и антимигрантский дискурс в южнороссийском макрорегионе // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира. СПб., 2014. С. 222–224.
3. Савченко В.В. Этнокультурная идентичность русских в современной России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2009.
4. Орлов С.С. Конфессиональная карта Республики Адыгея и Краснодарского края // Вестник Южного научного центра РАН. Ростов н/Д, 2013. Т. 9. № 3. С. 88.
5. Этнические аспекты политических институтов и процессов / под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. Москва; Берлин, 2021.

Е.П. Ананьева

ЭТНИЧЕСКАЯ ВИКТИМНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В КРЫМУ

Исследованы вопросы этнической виктимности депортированных этносов. Доказывается связь между виктимной составляющей общественного сознания крымско-татарского этноса и наличием конфликтогенного потенциала в Крыму. Указывается на необходимость преодоления негативного влияния виктимности как со стороны общественного сознания депортированных этносов, так и со стороны взаимоотношений с иными этническими группами на территории Крыма.

Ключевые слова: виктимность, депортация, комплекс жертвы, конфликтогенность, крымские татары, общественное сознание, этническая виктимность, этноконфликтный потенциал.

E.P. Ananyeva

ETHNIC VICTIMITY AS A COMPONENT OF PUBLIC CONSCIOUSNESS IN CRIMEA

The issues of ethnic victimization of the deported ethnic groups have been studied. The connection between the victim component of the public consciousness of the Crimean Tatar ethnos and the presence of conflict potential in Crimea is proved. The necessity of overcoming the negative impact of victimization both on the part of the public consciousness of the deported ethnic groups, and on the part of relations with other ethnic groups on the territory of Crimea is indicated.

Key words: victimization, deportation, victim complex, conflict potential, Crimean Tatars, public consciousness, ethnic victimization, ethnic conflict potential.

Проблемам, связанным с депортациями по этническому признаку, уделяется особое внимание. При этом чаще всего исследуются исторические аспекты самого факта депортации, ее последствий, последующей этнической идентификации депортированных этносов, их положения в социокультурном пространстве. Вместе с этим вне рассмотрения оказываются проблемные факторы, влияющие в той или иной степени на постдепортационное состояние этнического общественного сознания, его отражения в поведении репатриантов. Для Крымского полуострова такой проблемой является феномен виктимности и его отражение в политическом поведении репатриантов, а также их потомков.

Крым представляется регионом с достаточно высоким этноконфликтным потенциалом. При этом на межэтнические отношения влияет целый комплекс факторов. Изучение социополитического поведения этнических сообществ, подвергшихся депортации, с позиции виктимологии открывает новые возможности для выявления особенных политико-психологических феноменов, возникающих и реализующихся у репатриантов и их потомков на уровне общественного сознания.

В самом общем смысле к преступлениям на почве национальной нетерпимости относят все деликты, в которых жертва (объект, цель) противоправного деяния были выбраны по признаку их реальной или воображаемой связи с определенной этнонациональной общностью.

Проблема виктимности как факта общественной жизни была выделена в середине XX в. в связи с пристальным вниманием, обращенным к жертве преступления. В настоящее время сложилось корректное представление о самой жертве, соотносящее уровень виктимности не с некоторыми «способностями» потенциальной жертвы, а с уровнем ее уязвимости. В последние годы особое внимание вызывают проблемы массовой виктимности, где жертвой выступает не отдельный индивид, а целые группы, объединенные каким-либо общим признаком, в частности, признаком национальной общности [1, с. 33–38].

С данной точки зрения этническая виктимность может быть определена как уязвимость индивида или этнической общности в целом в отношении деликтов, совершенных на почве национальной нетерпимости. Социальная опасность этнической виктимности содержится в том, что она выступает «обратной стороной» преступления на почве этнической ненависти, а также является их целью и результатом. Это ведет к развитию имеющейся и потенциальной конфликтогенной составляющей сообществ – носителей этнической виктимности [1, с. 73–79].

В рамках теории коммуникации этническая виктимность – результат специфических трансакций, имеющих своей целью наглядную демонстрацию негативного отношения к этнической общности в целом, неприятие этой общности и ее представителей как равноправных партнеров социального взаимодействия. Предельной формой этнической виктимизации выступают геноцид и этноцид, то есть, сознательные намерения и действия, направленные на физическое уничтожение представителей определенной национальности [1, с. 73–79].

Изучение виктимологической составляющей влияния на этнополитические процессы в Крыму дает возможность учесть не только объективные, но и субъективные аспекты положения этнополитических элит, спрогнозировать возможные сценарии межэтнического взаимодействия. Среди этнических групп, подвергшихся депортации из Крыма в 1941–1944 гг., были армяне, болгары, греки, немцы, крымские татары. Эти народы были выдворены из Крыма из-за коллективной ответственности «за сотрудничество с оккупантами» либо необходимости «защиты границ государства» [2].

Однако в наиболее выраженном виде на уровне общественного сознания комплекс жертвы сформировался именно у крымских татар, которые были депортированы в 1944 г. Данный феномен имеет свои исторические, социальные, политические основания. После создания СССР крымские татары были официально названы коренным населением Крымской АССР. 1920-е гг. были временем развития крымско-татарской культуры: в Крыму были крымско-татарские газеты, образовательные учреждения, музеи, библиотеки, театры. Крымско-татарский язык, наряду с русским, стал официальным языком. Улучшилась демографическая ситуация: в 1920–1930-х гг. татары составляли 25–30% населения Крыма. Однако в 1930-х гг. советская политика в отношении различных национальностей СССР стала репрессивной. Спервоначально состоялось раскулачивание и выселение части крымско-татарского населения на север России и на Урал. Затем насильственная коллективизация 1929–1933 гг. Следом – чистки интеллигенции в 1937–1938 гг. Это настроило многих крымских татар против советской власти [3].

При оккупации Крыма немецкое командование придавало большое значение татарскому народу. Отдельное значение в этом отводилось мусульманской религии, ввиду, как полагалось, ее антисоветской направленности [4, с. 66–73]. Крымские татары приобрели от немецкой администрации экономические привилегии и право самоуправления в Крыму. Крымско-татарский язык стал главным средством общения, образования, культуры и печати. Периодические акции устрашения в Крыму не затрагивали членов крымско-татарских общин [5, с. 36–54].

Планирование депортации началось еще до изгнания нацистов из Крыма, с начала 1944 г. 11 мая 1944 г. было принято совершенно секретное постановление ГКО № 5859 «О крымских татарах». В нем оглашались претензии к крымско-татарскому населению – массовое предательство и коллаборационизм. При этом важно, что абсолютное большинство татарских коллаборационистов к этому времени погибло в боях или было осуждено в индивидуальном порядке. Однако можно назвать также иные, неофициальные предпосылки переселения. Среди них тот факт, что крымские татары исторически имели тесные связи с Турцией, которую СССР в то время рассматривал как потенциального противника. В планах Союза Крым был стратегическим плацдармом в случае возможного конфликта с этой страной, и Сталин хотел избавиться от возможных предателей, к числу которых он причислял и татар. В пользу этой теории свидетельствует то,

что из прилегающих к Турции кавказских районов переселялись и другие мусульманские этносы: карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши [3].

Основная фаза насильственного переселения крымских татар началась на рассвете 18 мая 1944 г. и закончилась в 16:00 20 мая. Большинство переселенцев выслали в Узбекистан и соседние с ним районы Казахстана и Таджикистана. Отдельные группы людей оказались в Марийской АССР, на Урале и в Костромской области, что привело не только к депортации, но и к раздроблению крымско-татарского народа. В 1948 г. крымские татары получили статус пожизненных переселенцев. Потомки переселенцев могли получить образование на русском или узбекском языках, но не на крымско-татарском. До 1957 г. были запрещены любые публикации на этом языке. Эту национальность также запретили вписывать в паспорт. Режим спецпоселений для татар просуществовал до второй половины 1950-х гг., когда советское правительство смягчило для них условия жизни, но не сняло обвинения в государственной измене. С течением времени крымским татарам удалось добиться расширения своих прав, однако неформальный, но не менее строгий запрет на их возвращение в Крым действовал вплоть до 1989 г. [3]

Виктимная составляющая в формировании общественного сознания депортированного крымско-татарского народа получила свое активное развитие в процессе возвращения из мест депортации в Крым. Данный процесс относится, в основном, к концу 1980-х – началу 1990-х гг. Он проходил большей частью стихийно, и это явилось фактором важнейшего разрыва между потребностями репатриантов и реалиями их удовлетворения. Проблемы взаимоотношений местных властей с органами этнической самоорганизации крымских татар, получение репатриантами нового для них украинского гражданства, обоснование представительства в органах власти, а также проблемы с пунктами пребывания и обустройства места жительства привели к возрастанию уровня воспринимаемой всеобщей ущемленности крымско-татарского народа и росту конфликтного потенциала крымского региона в целом.

Согласно социопсихологическим исследованиям, ущемленность группы является значительным фактором негативного группового развития, существенным источником ее недовольства и побуждением к действию. Так, американский исследователь в различных сферах социальных наук Т.Р. Гарр мотивирует этнополитическую активность группы «глубинным недовольством народа его коллективным статусом в сочетании с конъюнктурно определяемыми политическими интересами, которые интерпретируются лидерами группы и политическими предпринимателями» [6, с. 244–249].

Важно, что любое сообщество обладает механизмами защиты коллективной жертвы. Защищенность – это совокупность факторов, определяющих безопасность субъекта в среде пребывания. Выделяются факторы защищенности жертвы: социальные – меры, предпринимаемые обществом; психофизиологические – физические и психические возможности человека; информационные – осведомленность об объекте, событии, окружающем мире [7, с. 60].

Соотнося данные этих рассуждений с депортацией крымских татар, необходимо отметить, что депортированные не обладали ни социальной, ни информационной защищенностью, а психофизиологическая составляющая защищенности была в значительной степени подавлена. Проявление немотивированного насилия по отношению к депортированным привело к возникновению следующих негативных феноменов: ощущению отсутствия гарантий необратимости процесса репатриации; страху ассимиляции; страху утраты национальной идентичности; различной оценке крымской истории; конфликту стереотипов [8, с. 266].

Необходимо признать, что сам факт депортации, а также его переживание одновременно в качестве общественно-исторического и личностного феномена породили тяжелые психологические последствия, которые повлияли и на общественное умонастроение крымских татар, и на их социополитическое поведение. Крымско-татарские лидеры использовали эти особенности коллективной памяти и с первых дней возвращения из депортации указывали на восстановление прав депортированных не только в экономической, культурной, но и в политико-правовой сферах. В результате этого, исходя из последних политических реалий, была сконструирована новейшая идентичность крымско-татарского этноса. При этом фактор исторической памяти стоял во главе формируемого феномена виктимности, что создало новые возможности для манипулирования этническим самосознанием крымских татар и на общественном, и на индивидуальном уровне. Исторический факт депортации был превращен в социокультурный национальный феномен и явился ключевым звеном в процессах создания новейшей крымско-татарской идентичности.

При этом осознанная и всемерно поддерживаемая виктимность, которая проявлялась, в частности, в культивировании комплекса жертвы, стала инструментом и основанием для продвижения интересов крымско-татарской этнической элиты. Использование виктимной составляющей общественного сознания позволило крымско-татарским политическим лидерам сконструировать эффективную стратегию для продвижения своих интересов, где главной являлась мысль о том, что крымско-татарский этнос был практически разрушен депортацией, и первостепенной задачей является его восстановление.

Так, в документах крымско-татарских общественных организаций и в крымско-татарской прессе теме депортации и ее последствий уделялось едва ли не основное внимание. И в настоящее время подтверждается мнение о наличии и сознательном поддержании психологического качества виктимности на общественном и личностном уровне при помощи конструирования комплекса жертвы у депортированных крымских татар, а также их потомков.

Обозначившиеся виктимные особенности общественного сознания и поведения в последние десятилетия существенно влияли на отношения крымских татар с другими этносами, а также на этнополитическую ситуацию в Крыму в целом. Фактор виктимности как непосредственно, так и опосредованно неминуемо воздействует на социополитическое поведение репатриантов и их потомков, что

оказывает влияние на положение этнических элит в Крыму. Необходимо признать, что и в новейших обстоятельствах российской государственности в Крыму в глубинных психологических основаниях этнической виктимности у депортированных этносов заложен внутренний конфликтогенный потенциал, что может являться фактором напряжения этнополитической ситуации и фактором риска для развития всего социокультурного пространства Крыма.

В связи с этим возникает необходимость преодоления негативного влияния виктимности как со стороны общественного сознания депортированных этносов, так и со стороны взаимоотношений с иными этническими группами на территории Крыма с целью совершенствования качества общественного сознания на территории Крымского полуострова. Практические проблемы развития качества общественного сознания в Крыму во многом лежат в области перспектив преодоления этнической виктимности.

Список литературы

1. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб., 2002.
2. Депортации народов в СССР. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Депортации_народов_в_СССР (дата обращения: 02.04.2022).
3. Депортация крымских татар URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Депортация_крымских_татар (дата обращения: 01.04.2022).
4. Кохан А.А. Мусульманские комитеты Крыма в системе немецкой пропаганды // Культурное наследие России. 2018. № 2. С. 66–73.
5. Вяткин А.Р. Немецкая оккупация и крымские татары в 1941–1944 гг. // Восток. 2005. № 4. С. 36–54.
6. Гарр Т.Р. Почему меньшинства восстают? Объяснение этнополитического протеста и мятежа // Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А. А. Прусаускас. М., 2000. С. 246–249.
7. Христенко В. Психология жертвы: учеб. пособие. Харьков, 2001.
8. Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения: сб. науч. тр. Симферополь, 2002.

П.П. Зети-Катич, В.М. Юрченко

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ В ЮЖНОРОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ¹

В статье рассматриваются вопросы стабильности южнороссийского региона и этнополитического регулирования в Краснодарском крае и республике Адыгея. Приведены факторы, влияющие на политическую стабильность регионов, дана оценка проводимым практикам позитивного межэтнического взаимодействия. Рассмотрена роль русской культуры и важность укрепления общероссийской идентичности населения страны. Особое внимание уделено влиянию СМИ на формирование установок общественного сознания и стабильности в регионах.

Ключевые слова: Стабильность, этнополитическое регулирование, русская культура, общероссийская идентичность, средства массовой информации, Краснодарский край, республика Адыгея, межкультурное взаимодействие.

P.P. Zeti-Katich, V.M. Yurchenko

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФИЦ ЮНЦ РАН на 2022 г., гр. № 122020100306-9 «Конфликтологический анализ проблем региональной безопасности и стабильности на Юге России в третьем десятилетии XXI века».

PROBLEMS OF ETHNO-POLITICAL REGULATION AND ENSURING STABILITY IN THE SOUTHERN RUSSIAN REGION

The article is devoted to the issues of stability in the South Russian region and ethno-political regulation in the Krasnodar Territory and the Republic of Adygea. The factors influencing the political stability of the regions are given, the implemented practices of positive interethnic interaction are assessed. The role of Russian culture and the importance of strengthening the all-Russian identity of the country's population are considered. Particular attention is paid to the influence of the media on the formation of attitudes of public opinion and stability in the regions.

Key-words: Stability, ethno-political regulation, Russian culture, all-Russian identity, mass media, Krasnodar Territory, Republic of Adygea, intercultural interaction.

Вопросы этнополитического регулирования развития общества традиционно являются наиболее сложными и острыми в любом государстве, которое является полиэтничным и мультикультурным. В современных условиях исследование социально-политических процессов в регионах России стало эффективным инструментом научного сопровождения деятельности различных ветвей власти. Это важно для управления общественными отношениями, формирования социальных установок и способов прогнозирования рисков, предотвращения острых конфликтов и создания благоприятной среды для пространственного и экономического развития. Вот почему межэтнические отношения постоянно должны находиться в центре исследовательских интересов отечественных ученых. Особенно значимыми такие исследования становятся для повседневного регулирования этносоциальных процессов в полиэтничном регионе, в частности в республиках Южного федерального округа, имеющего особое геополитическое значение для Российской Федерации. Большое внимание исследователей привлекают такие регионы как Краснодарский край и Республика Адыгея. Этнический состав этих субъектов состоит из многих народов (русские, адыгейцы, армяне, украинцы, белорусы, грузины, турки и др.). Поэтому этническая напряженность в этих территориях всегда была в центре внимания политологов.

Проблеме взаимоотношений народов, проживающих на Юге России, посвящен целый ряд работ. Национальные и межнациональные проблемы, вопросы гармонизации социальных (и межнациональных) отношений освещаются в публикациях Тишкова В.А., Авксентьева В.А., Гриценко Г.Д., Ивановой С.Ю., Шульга М.М., Юрченко И.В., Донцовой М.В., Тарасовой М.В. [1] и др.

Республика Адыгея и Краснодарский край представляют собой регион со сложной этноконфессиональной структурой населения, в связи с чем необходима разработка специальных проектов в сфере сохранения этнополитической и конфессиональной безопасности. На политическую стабильность данного региона сильное влияние оказывают непосредственно межэтнические и конфессиональные конфликты, которые часто взаимосвязаны между собой, поскольку сфера этноконфессиональной безопасности обусловлена множеством скрытых факторов, которые имеют латентный характер. Так, например, по мнению В.А. Тишкова [2], основными причинами этнополитической нестабильности являются: относительно высокая этническая мозаичность региона; компактное раз-

мещение некоторых этнических групп на одной территории; приграничное положение региона (в том числе ЮФО) в составе России; существенные различия двух основных социокультурных типов населения, представленных этносами «европейского культурного круга» (славяне, немцы, греки) и «восточного культурного круга» (кавказцы, азиаты); русский региональный сепаратизм, который представлен некоторыми течениями казачьего движения; активная миграция в южном направлении жителей бывших республик Закавказья, Средней Азии, в том числе беженцев из регионов межэтнических конфликтов.

Хотя в настоящее время Краснодарский край и Республика Адыгея являются наиболее политически стабильными регионами, в которых своевременно предотвращаются различные этнические противоречия. Социальная напряженность, благодаря в целом рациональному подходу самого населения к решению своих жизненных проблем и благоприятных традиций, не имела высоких показателей даже в «пандемийный» период. Не проявлялось каких-либо острых групповых позиций осознания себя как ущемленной, в сравнении с другими этническими группами. Краевое и республиканское руководство оказывает поддержку НКО, работающими с этническими сообществами, диаспорами. Более тесным стало сотрудничество администрации Краснодарского края с краевыми национально-культурными объединениями. В Краснодарском крае с 1992 г. функционирует общественная организация «Краснодарский Центр национальных культур». Деятельность Краснодарского ЦНК, объединяющего более 30 краевых национально-культурных объединений, активно поддерживается администрацией Краснодарского края. В работе национально-культурных объединений принимает активное участие молодёжь, тем самым уже в молодых поколениях культивируются и транслируются ценности толерантного межкультурного взаимодействия. В регионах обеспечивается проведение социологических исследований по вопросам этнополитической напряженности для своевременного реагирования и предотвращения возможных проблем, угрожающих стабильности и безопасности.

Вместе с тем, «русский вопрос» как проблема сохранения и усиления влияния России на отдельные республики Юга России актуализировался еще в конце 80-х годов прошлого века, когда очень остро проявила себя тенденция т.н. дерусификации в период перестройки, гласности и демократизации, так трактуемой этническими «элитами» во многих регионах всего Советского Союза. В условиях проводимых тогда реформ, фактически происходила деиндустриализация экономики и рост антирусских настроений, таких этнополитических процессов, которые и стали фактором распада советской государственности. Однако риски ослабления влияния русской культуры в ряде регионов имеют место и сегодня, в том числе и в результате так называемой «гибридной войны» против России под «флагом русофобии». Опасными представляются остающиеся диспропорции между этнокультурным и общероссийским направлениями в реализуемой отдельными региональными элитами национальной политике, недостаточность эффективных мер по усилению общероссийского влияния.

Важнейшим ресурсом является русский язык как государственный язык и язык межнационального общения и русская культура, позиция которых в социокультурном пространстве ряда территорий оказывается ущемленной. В этой связи необходимо разрабатывать дополнительные меры по укреплению общероссийской идентичности населения страны. Так, например, некоторые политики болезненно воспринимают такие «этнические аспекты», обозначенные в Уставе Краснодарского края, согласно которому регион является «исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа, составляющего большинство населения края» [3]. Традиционно Краснодарский Центр национальных культур (ЦНК) проводит краевой фестиваль «Венок дружбы народов Кубани», имеющий большой общественный резонанс и положительно сказывающийся на взаимодействие различных этнических групп. Члены правления Краснодарского ЦНК неоднократно выступали с обращениями к жителям Кубани в средствах массовой информации, на страницах печати и телевидении, принимали активное участие в предотвращении этнических конфликтов, осуждали акты вандализма и шовинизма, терроризма, ксенофобии, разжигания межнациональной розни, призывали к сохранению мира и стабильности, в частности, в период обострения конфликта в Нагорном Карабахе.

Политическая картина мира на региональном уровне во многом складывается под влиянием местных СМИ, которые транслируют ключевые смыслы, важные для регионального сообщества, для формирования региональной идентичности. Но региональные СМИ должны акцентировать внимание и на проблемах общероссийской идентичности [4], поскольку являются важной частью общегосударственной медиасистемы. Значит помимо информирования и конструирования информационной повестки для определённой территории, СМИ должны более эффективно реализовывать базовые фундаментальные функции убеждения, оказания влияния на региональное общественное мнение в контексте общероссийской повестки. При этом, формируя динамичную региональную картину мира, местные СМИ должны подавать любое событие с учетом социокультурного контекста. Как отмечает Л.Г. Егорова [5], картина мира региона, являясь частью медиакультурного пространства государства, отличается особыми признаками, обусловленными спецификой конкретной территории: географической, природно-климатической, культурной. Ее уникальность связана и с этническим фактором: каждый из этносов, проживающих в регионе, сохраняет особенности своего менталитета, быта, религиозных взглядов, культуры, мировоззрения в целом. Но при этом в процессе совместного проживания, помимо этнической, формируется и локальная идентичность, обусловленная территориальным фактором.

Таким образом, вопросы этнополитического регулирования и обеспечения стабильности в южнороссийском регионе сейчас как никогда нуждаются в комплексном подходе, где будут задействованы и власть, и общественные структуры, и средства массовой информации. Особое внимание необходимо уделять трансляции базовых ценностей мира и межэтнического согласия в социальных

сетях и в интернете, как одних из основных каналов взаимодействия населения изучаемых регионов.

Список литературы

1. Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе. М., 2020; Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Культурная память северокавказских сообществ в условиях рискогенности этнополитической ситуации // Фронтирные исследования (Journal of Frontier Studies). Астрахань, 2022. № 3; Тарасова М.В., Юрченко И.В., Донцова М.В. Факторы дестабилизации региональных процессов на Юге России (на материалах Ростовской области, Краснодарского края и Республики Адыгея) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. № 1.
2. Ботанцов И.В. Этнополитика в России: историко-правовой анализ. СПб., 2020.
3. Устав Краснодарского края. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1145/> (дата обращения: 20.03.2022).
4. Гриценко Г.Д. Общероссийская идентичность: региональный аспект формирования // KANT: Social Sciences & Humanities. Ставрополь, 2021. № 3 (7). С. 61–67.
5. Егорова Л.Г. Влияние медиадискурса на формирование региональной идентичности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Симферополь, 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 165–173.

И.В. Ситнова

УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ КАК НАВЯЗЫВАНИЕ КОЛОНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

В статье даётся социологический взгляд на управление общественным мнением в современной Украине, результатом которой становится колонизация жизненного мира украинцев, навязанная извне.

Ключевые слова: общественное мнение, колонизация жизненного мира, современная Украина.

I.V. Sitnova

MANAGEMENT OF PUBLIC OPINION AS THE IMPOSITION OF COLONIZATION OF THE LIFE WORLD IN MODERN UKRAINE

The article provides a socio-psychological view on the management of public opinion in modern Ukraine, which results in the colonization of the Ukrainian life world imposed from the outside.

Key-words: public opinion, colonization of the life world, modern Ukraine.

В современном мире управление общественным мнением является видом управляющей деятельности, который осуществляет формирующее воздействие на систему ценностей как отдельного индивида так общества в целом. Это происходит посредством внедрения в общественное сознание оценок актуальных событий, признанных таковыми с точки зрения действующих субъектов социальных интересов. «Коммуникативный разум, пишет Ю. Хабермас, несмотря на свой чисто процедурный, свободный от любого религиозного и метафизического содержания характер, непосредственно вовлечён в происходящий в обществе процесс; акт взаимопонимания начинает выполнять функции механизма коорди-

нации действий. Совокупность коммуникативных действий подпитывается ресурсами жизненного мира и одновременно образует среду, воспроизводящие конкретные жизненные формы» [4, с. 326].

Опираясь на интерпретативные и структурно-функционалистические парадигмы Ю. Хабермас моделирует агентно-структурный подход и вводит понятие «колонизация жизненного мира» индивидов, объясняет «барьеры на пути к естественной коммуникации» людей. Жизненный мир, с точки зрения Ю. Хабермаса, – это «взгляд изнутри», это «контекстобразующий фон процессов и достижений понимания» через коммуникативное действие [5, р. 204], это «место рациональности субстанциональной или трансцендентное», где встречаются говорящий и слушающий и взаимно предъявляют претензии на то, что их высказывания соответствуют реальности и где они могут критиковать и подкреплять эти притязания на обоснованность, улаживать свои разногласия и приходиться к соглашению [5, р. 126]. Колонизация жизненного мира, с точки зрения Ю. Хабермаса, процесс в котором формальная рациональность торжествует над рациональностью субстанциональной и начинает господствовать в тех сферах, которые раньше определялись субстанциональной рациональностью [5, р.204]. Информация становится товаром, а СМИ, находящиеся в частной собственности, превращаются в коммерческие предприятия, ориентированное на прибыль, на «подталкивание аудитории к непрерывному потреблению» [5, р.192]. Таким востребованным товаром стали развлекательные приключения, триллеры, сенсации. В итоге «просвещение оборачивается надзором, информация – рекламой, воспитание – манипулированием» [5, р. 203].

Анализ количественной стороны общественных явлений находится в неразрывном единстве с качественной стороной и определяет характер поведения индивида в информационном пространстве. Значение субъективного фактора или социально-демографических характеристик индивида становится ведущим, поскольку разные социально-демографические характеристики индивидов становятся определяющими, существенными для контактов человека с прессой.

В социологии известен феномен: чем определённые функция, в которой выступает тот или иной журналистский материал, тем конкретнее зависимость между его потреблением и социально-демографическими характеристиками индивида. И наоборот, чем более многофункциональный материал, к которому обращается аудитория, тем более когнитивное-сложнее характеристики личности, влияющие на факт обращения за информацией. На выбор стратегии поведения начинают влиять уровень образования, род занятий, информационное пространство личности, сформированное опытом ее обращения с разными источниками информации. Аудитория потребляет то, что ей интересно, а с той информацией, которая непонятна, не нравится, не сходится с убеждениями, представлениями, привычками, не подкрепляет базовые личностные принципы жизни, индивид не потребляет совсем, или воспринимает частично, а иногда трансформирует заложенную в ней идею определённым образом. Это связано с ролью таких субъек-

тивных факторов как симпатии, убеждения, представления индивида, его ценностные ориентации при контактах с содержанием средства массовой коммуникации (СМК).

В периоды усложнения политической структуры и экономического потенциала общества сама природа взаимоотношений аудитории с дискретной информацией СМК носит вероятностный характер, как считал Б.А. Грушин [3]. Аудитория рассчитывает, что отыщет в СМК нужные материалы, ее обращение к ним привычно и ритуализованно. Именно это делает возможным постоянное отслеживание поведения аудитории индустрией медиаизмерений. Речь идёт об избыточной информации, которая перекрывает узкие информационные потребности отдельных групп, реализовывать интересы личности в рамках набора социальных ролей и предусмотреть известную свободу обращения аудитории к массовым источникам. Возникающее при этом у аудитории ощущение «права на выбор информации» поддерживает ту самую добровольность этих взаимоотношений, которая является основой потребления информации в массовом обществе как любого другого товара.

Но другое дело, когда происходит регресс и информация становится дефицитом, когда необходимо достраивать недостающие звенья информации. Ю. Хабермас в связи с этим переосмысливает психоанализ З. Фрейда, используя его сильные стороны, которые могут быть использованы для понимания объективных сил, искажающих коммуникации между людьми. Давление внешней среды – существующих экономических и политических структур, идеологий – приводит к тому, что «Я» вынуждено оберегать себя с помощью ряда защитных механизмов, вследствие и чего ограничиваются сознательные, рациональные способности людей, их действия примитивируются. Начинают действовать групповые рефлексy, которые М.Ю. Бехтерев назвал «коллективным сосредоточением» [2, с. 168]. Сосредоточение группы может быть направлено в сторону защиты своих интересов или в сторону нападения – на носителей других ценностей, и сила воздействия на «других», с точки зрения М.Ю. Бехтерева, прямо пропорционально числу единиц, входящих в коллектив [2, с. 168]. По его мнению, в определённую эпоху времени коллектив сосредотачивается на каком-либо определённом событии и проявляет к этому событию особую впечатлительность. Так в периоды войны коллективное сосредоточение устремляется на известия, получаемые с театра военных действий, в период голода – коллективное сосредоточение устремляется на вопросы, связанные с доставкой съестных продуктов. В период громкого процесса коллективное сосредоточение устремляется на ход судебного следствия и разбирательство дела. В случае тяжёлого общественного бедствия коллективное сосредоточение устремляется на различные детали этого события [2, с. 169]. Общественное сосредоточение привлекается в социальной жизни всякой сенсационной новостью: объявлением войны, каким-либо грандиозным предприятием, новым открытием или изобретением, всем выходящим из ряда заурядных вещей [2, с. 168]. По сути «общественное сосредоточение» влияет на язык современного информационного общества является общественным мнением с вытекающими культурными особенностями его формирования. При

этом рассеянные осколки культуры периферии не складываются в целостную картину, позволяющую ясно представлять сущность игры, в которой участвуют метрополии и мировой рынок.

Таким образом, происходит управление общественным мнением у современных украинцев. Т. Лукман и П. Бергер объясняют появление разных моделей поведения украинцев в рамках сегментирования общества на «Мы-группы» и «Они-группы» [1]. Выстраивается новая идентичность, на основе новых ценностных установок и культурных и нормативных предпочтений как некоторого компенсаторного замещающего механизма отчуждённых ранее ценностей. На смену им приходят забытые ранее смыслы, которые «пылились» в историческом прошлом. Ограбленное и трансформированное повседневное общественное сознание лишается своей способности к синтезированию, становится фрагментированным. И отосланное к советским традициям, претензии которых на значимость уже отвергнуты, общественное сознание оказывается в состоянии безнадёжного распада. Место «ложного» занимает «фрагментированное» сознание, которое является более «свежим» и препятствует возвращению к старым ценностям с помощью механизма компенсаций. Именно таким образом происходит колонизация жизненного мира, когда «императивы автономных подсистем, сбросив идеологические покровы, завоевывают, подобно колонизаторам, пришедшим в первобытное общество их жизненный мир извне и навязывают ему процесс ассимиляции» [1].

Рассмотрим данное явление на примере современной Украины. Так в декабре 2017 г. Национальной Академией Наук (НАН) Украины был проведён массовый опрос «Украинская гражданская идентичность», по результатам которого было опрошено 1212 респондентов, проживающих в 24 областях, включая приграничные с Польшей, Россией и Белоруссией территории. По результатам опроса были отмечены следующие дифференциации [6]:

Во-первых, по результатам проведённых исследований, 69% жителей приграничных регионов (с Польшей, Россией) считают себя гражданами Украины, осознают свою принадлежность к Украине как политико-географическому образованию. Всеукраинская гражданская идентичность присуща прежде всего жителям западных и центральных регионов, почти 80% из этих регионов считают себя гражданами Украины. На Юго-Востоке считают себя гражданами Украины почти 66%. Самое наименьшее количество респондентов, которые считают себя гражданами Украины, зафиксированы на Донбассе – 43%. На Донбассе около трети респондентов (28%) «локально идентифицируются» по признаку житель региона или области, житель села, района или города, от остального населения Украины. Каждый пятый на Донбассе (21%), а на Юге (12%) идентифицирует себя Советским Союзом.

Во-вторых, на формирование мнений в целом по Украине основными субъектами влияния являются семья, родные, друзья и знакомые. При этом на формирование и поддержку гражданской идентичности влияют события, которые лично видели и в которых участвовали у 87% населения, телевидение является ведущим информационным средством у 68% населения, мероприятия и проекты

гражданской активности важны для 56% жителей Украины и информацию в интернете добывают 53% населения. Молодёжь по сравнению со старшими респондентами больше ориентирована на информацию из интернет-сети, тогда как украинцы более 35 лет – на более традиционные СМИ (телевидение, радио и пресса). Почти 70% молодёжи в возрасте 14–34 лет считает интернет доминирующим источником информации, а 36% респондентов старше 45 лет считает это каналом негативного воздействия.

В-третьих, распределение ответов на вопрос «Как Вы в целом оценили перспективы жизни и развития в Украине для ваших детей и внуков?» (в проц.) Положительные оценки перспектив жизни и развития в Украине значительно преобладают среди жителей районов, граничащих с Польшей – 74,0% и другими странами ЕС – 63,2%. Негативное отношение к перспективам жизни и развития в Украине, прежде всего, распространено среди населения районов, имеющих выход к Черному и Азовскому морям.

В-четвёртых, отмечен рост негативного восприятия украинского национализма как раскольнической идеологии на Юго-Востоке Украины. Разница в оценках респондентов на причины вооруженного конфликта на Востоке Украины является определено региональной, и не связана с возрастом и полом. Региональные различия представлены на всеукраинском выборке, так и среди населения приграничных территорий. Самое большое количество респондентов из всех опрошенных (73%) жителей Западной Украины считают, что «отдельные регионы Украины страдают от военной агрессии России», 44% опрошенных Центра Украины тоже поддерживают эту точку зрения. Самое большое количество респондентов из всех опрошенных (38%) жителей Донбасса и 32% респондентов на Юго-Востоке Украины уверены, что Украина стала территорией борьбы других государств за сферы влияния. 26% жителей Донбасса уверены, что на Украине «идёт гражданская война, вызванная переворотом 2014 г.».

Таблица 1

Оценка вооруженного конфликта на Востоке. Распределение ответов на вопрос «Какое из утверждений, по Вашему мнению, является наиболее точным по вооруженного конфликта на востоке Украины?» (%).

Утверждения	Средние значения	Запад	Центр	Север	Восток	Юг	Донбасс
Украинские и русские политики пытаются посорить братские народы	18	12	15	20	30	27	12
На Украине идет гражданская война, вызванная	13	3	13	8	10	28	26

переворотом 2014 г.							
Украина стала территорией борьбы других государств за сферы влияния	28	12	27	31	32	30	38
Отдельные регионы Украины страдают от военной агрессии России	41	73	44	41	33	15	23

Оценка респондентами событий на Юго-Востоке Украины особенно дифференцируются у представителей различных конфессий. Респонденты, которые называют своей религией «православие в целом» реже демонстрируют проукраинскую позицию. Верующие Украинской Греко-католической церкви более всех выражают государственную позицию по отношению к причинам конфликта на Юго-Востоке Украины, так как 80% из них считает, что «отдельные регионы Украины страдают от военной агрессии России». Особенно большая разница в оценках на ситуацию военного конфликта среди прихожан Киевского и Московского Патриархата. Почти 62% прихожан Киевского Патриархата считает, что «отдельные регионы Украины страдают от военной агрессии России», что почти в половину меньше в оценках прихожан Московского патриархата.

Таблица 2

Распределение оценок респондентами вооруженного конфликта на Востоке по религиозной принадлежности (%).

Утверждения	Средние значения	Православная	УПЦМП	УПЦКП	УГКЦ
Украинские и русские политики пытаются поссорить братские народы	14	20	23	13	11
На Украине идет гражданская война, вызванная переворотом 2014 г.	23	13	20	6	0,8
Украина стала территорией борьбы других государств за сферы влияния	31	35	24	18	9
Отдельные регионы Украины страдают от военной агрессии России	32	30	31	62	80

В-пятых, молодёжь западных, северных и центральных районов более позитивно воспринимают декоммунизацию и поддерживают введение уголовной ответственности за отрицание Голодомора и пропаганду тоталитаризма. Большинство опрошенных респондентов не согласны с тем, что после смены власти в 2014 г. на Украине увеличился уровень демократии, соблюдения политических и гражданских прав и свобод. Одним из важнейших приоритетов национально-патриотического воспитания является формирование оборонного сознания и содействия обороне Украины.

В-шестых, защищать Украину с оружием в руках в случае мобилизации в 2017 г. готовы 24% молодёжи и 4% молодёжи уже участвует в боевых действиях на востоке Украины, 43% готовы защищать независимость и территориальную целостность государства ненасильственными методами и 13% молодёжи уже делает это.

Выводы: управление общественным мнением в современной Украине происходит по принципу навязывания колонизации жизненного Мира извне. В ситуации «навязанной колонизации жизненного мира» происходит построение фрагментированного сознания «Мы-группы» и «Они-группы» и, некогда целостное украинское общество, начинает сначала *дифференцироваться по пространственному признаку* (Центр, Запад, Юго-восток), затем включается *второй уровень дифференциации* по языку и принадлежности к цивилизационным культурным срезам (Польше, России, Литве). Затем включается третий уровень дифференциации населения и сегментирование общественного сознания по ценностным ориентациям и на основе гражданской идентичности.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 2000.
2. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология М., 1994.
3. Грушин Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М., 1987.
4. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
5. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. 1987.
6. Результати експертно-аналітичного дослідження щодо формування стандартів національно-патріотичного виховання та визначення індикаторів ефективності проведення заходів щодо національно-патріотичного виховання. Київ 2017. Сайт фізкультури і спорту України. http://dsmsu.gov.ua/media/2018/03/22/18/REZYLTATI_DRYK_ed.pdf (дата звернення: 02.02.2022).

Л.Н. Гарас

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ИОРДАНСКОМ ХАШИМИТСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

В статье анализируется демографическая ситуация в современной Иордании. Подчеркивается, что миграционные процессы, обусловленные преимущественно высоким уровнем конфликтности в регионе Леванта, становятся вызовом безопасности и развития государства. Отмечается, что проведение адекватной миграционной политики способствует сохранению

«хрупкого равновесия» и стабильности в условиях существования многокомпонентного общества и большого притока беженцев.

Ключевые слова: демографические процессы, конфликтность, миграционный вызов, беженцы, Сирия, Иордания.

L.N. Garas

SPECIFICITY OF CURRENT DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE HASHEMITE KINGDOM OF JORDAN

The article analyzes the demographic situation in modern Australia. It is emphasized that control processes, of course, have a high level of conflict in the economy of the Levant, becoming a challenge to the security and development of the state. It is noted that adequate measurement of heat is elevated "brittle content" and is stable in a large society and a large influx of increase.

Key-words: demographic processes, conflict, migration challenge, refugees, Syria, Jordan.

Развитие современных демографических процессов в Иордании неразрывно связано со спецификой исторического развития страны, в том числе с особенностями взаимоотношений с соседними государствами. Регион Леванта в целом характеризуется пестрой палитрой этносов, религий, а особенности исторического развития, специфика его географической локации несомненно проецируются на своеобразие этногенеза, формирование культуры, направленности миграционных потоков и др. В современных условиях одним из доминантных факторов стабильности/нестабильности выступает уровень конфликтности в регионе.

Цель исследования – проанализировать специфику демографических процессов в Иордании, проанализировать особенности миграционного вызова для государства.

Иордания является одной из стран с самым высоким темпом роста численности населения [1]. Так, за 50 лет количество жителей Королевства выросло более чем в 10 раз, что связано как с темпом прироста населения, так и с высокими показателями иммиграции из-за напряженности в соседних странах. По данным департамента статистики Иордании, на начало 2022 г. население составляет около 11 млн. чел. [2] (из которых 71% иорданцы, а 29% неиорданцы). Средний темп прироста населения для иорданцев составил 3,1% по сравнению с 18% для неиорданцев.

Пирамида населения страны имеет широкое основание из-за большой доли детей, то есть иорданское общество – это молодежное общество, так как возрастная группа от 0-14 лет составляет 33,05%, в то время как все лица трудоспособного возраста (15-64 лет) – около 63,27% всего населения страны, а возрастная когорта 65 + – лишь 3,67 % [3]. Следует отметить, что неливанцы еще более молоды по возрасту.

Гендерное соотношение характеризуется превалированием мужчин - 54,64% над 45,54% женщинами, что свидетельствует о формировании тенденции роста мужского населения (на 2015 г. соотношение мужчин и женщин составляло 53% и 47% соответственно) [4].

Наблюдается повышение брачного возраста среди иорданской молодежи (для мужчин 30 лет, женщин 24 года) [5], а также снижение коэффициента рождаемости: с 3,71 ребенка в 2009 г. до 2,69 – в 2019 г. [6]. Данная тенденция коррелирует с превалированием нуклеарных семей, особенно в городе – 74,9%. Иордания в течение последних двух-трех десятилетий переживает повышение уровня жизни и рост ожидаемой продолжительности жизни. В период с 1990 по 2015 г. средняя продолжительность жизни выросла с 69,9 до 74,1 года [7, p. 151].

В стране происходит рост городского населения. Согласно данным переписи 2015 г. соотношение городского и сельского населения на 2015 год составляло 90% и 10% соответственно [4], а в 2021 г. – уже 91,6% и 8,4%. Специфика природного ландшафта Королевства (около 90% территории составляют пустыни и полупустыни) непосредственно влияет на характер расселения. Города занимают лишь 3,8% территории Иордании [8].

Иорданское общество многокомпонентно. Официальной государственной религией в Иордании является ислам. Подавляющее большинство населения страны составляют арабы (мусульмане сунниты – 92%), присутствуют и этнические меньшинства, в том числе черкесы, курды, чеченцы, армяне, туркмены и др. Вторая по значимости религиозная община – это христиане. Следует отметить, что христианство имеет глубокие корни в Иордании, где, как считается, крестился Иисус Христос. В Иордании с давних времен жили христиане, и поэтому трудно провести различие между христианами и мусульманами, поскольку у людей много общих обычаев и культурных черт.

С 1946 г. происходит трансформация демографического портрета страны. Королевство столкнулось с демографическим давлением в виде притока беженцев из соседних стран. Современная Иордания считается одной из 10 стран, принимающих мигрантов из арабских стран. Что еще более важно, с 2004 по 2015 г. происходит рост числа мигрантов с 8% до 31%, в 2015 г. мигранты составили треть населения Иордании (42% мигрантов – это женщины) [9].

Перманентные конфликты в сопредельных с Иорданией странах, обуславливают миграционный вызов. Так, в стране проживает около 3 млн. палестинских беженцев (большинство из них имеет иорданское гражданство). А гражданская война в Сирийской Арабской республике спровоцировала поток беженцев – около 1,38 млн. сирийцев (около 663 тыс. чел. из них официально зарегистрированные как беженцы) [10]. Наряду с палестинцами и сирийцами, в стране присутствуют беженцы из Ирака, Йемена, Судана, Сомали и др.

Волна сирийских беженцев негативно сказалась на социально-экономической и политической ситуации в Иорданском Хашимитском Королевстве. Следует отметить, что первоначально принимаемые властями исключительно ограничительные меры не позволили стабилизировать социально-экономическое положение в стране, а лишь обусловили резкую криминализацию и радикализацию мигрантов. В последствии органы власти существенным образом пересмотрели политику в отношении беженцев, стремясь смягчить влияние сирийского кризиса.

Конечно, стремительный приток беженцев, проецируясь на все сферы жизни принимающего сообщества, обуславливает вызов стабильности его развития, создавая дополнительную нагрузку на базовые общественные области и актуализируя вопросы безопасности (угроза расползания конфликта на территорию страны-реципиента). В первую очередь нагрузка приходится на экономическую сферу: мигрантов необходимо расселить, формируется дополнительная конкуренция с иорданцами за рабочие места (мигранты готовы работать за меньшую плату), повышается нагрузка на ЖКХ, медицину, образование и т.п. То есть одному государству весьма тяжело справиться с подобными проблемами. Поэтому в случае с Иорданией, в феврале 2016 г. на Лондонской конференции по Сирии и региону в целом, совместно организованной Германией, Кувейтом, Норвегией, Соединенным Королевством и ООН, был принят документ «Иорданское соглашение», согласно которому запускалась «новая парадигма» по реагированию на проблемы беженцев, конвергирующая подход развития и гуманитарный (подкреплялся финансовыми вливаниями). Так, с 2016 по 2020 гг. сирийским беженцам в стране было выдано свыше 200 тыс. разрешений на работу, снизилась угроза депортации в Сирию и т.п. Тем не менее, выделенные денежные средства странами-донорами, оказалось недостаточными. По состоянию на 2020 г. было профинансировано лишь 637 млн. дол. из необходимых 2,24 млрд. дол.

Отметим, что беженцы получают свой основной доход от работы таких секторов как сельское хозяйство, строительство и розничная торговля [11]. В 2020 г. части беженцев была предоставлена в виде исключения возможность для работы в иных секторах, в том числе в качестве медицинских работников для борьбы с COVID-19. А с июля 2021 г. сирийские беженцы смогли получить разрешение на работу во всех секторах, открытых для иорданцев: возможность работать в сфере услуг и продаж; ремесла; в качестве квалифицированных работников сельского, лесного и рыбного хозяйства; работники заводов и машин; и в основных отраслях промышленности [12]. Предоставленные возможности для беженцев играют значительную роль в иорданской экономике, а получение разрешения на работу снижает необходимость в гуманитарной помощи и т.п.

Таким образом, Иордания исторически являлась региональным перекрестком миграции, ее социально-политическая история и геополитические амбиции определили политический подход к миграционным перемещениям. Тем не менее, существенный приток беженцев вынуждает правительство предоставлять базовые услуги мигрантам, что создает дополнительную нагрузку на социальную и экономическую сферу. Иордания, имея многосоставной характер населения, характеризуется наличием внутренних противоречий различной степени остроты, а общество особенно чувствительно к нарушению межобщинного баланса из-за беженцев. Тем не менее, проведение адекватной миграционной политики определяет демографическое, экономическое и политическое существование, а также устойчивость страны.

Список литературы

1. Population growth in Jordan 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/385431/population-growth-in-jordan/> (accessed 02.10.2021).
2. Department of Statistics of Jordan. URL: <http://dosweb.dos.gov.jo/> (accessed 05.10.2021).
3. Jordan. Age structure. URL: https://www.indexmundi.com/jordan/age_structure.html (accessed 17.09.2021).
4. Table 3.1: Distribution of Population by Population Category, Sex, Nationality, Administrative Divisions and Urban/ Rural. URL: http://www.dos.gov.jo/dos_home_a/main/population/census2015/Persons/Persons_3.1.pdf (accessed 05.10.2021).
5. Gharaybeh K. General Socio-Demographic Characteristics of the Jordanian Society: A Study in Social Geography // Research on Humanities and Social Sciences. 2014. Vol. 4. No. 1. URL: https://www.bau.edu.jo/UserPortal/UserProfile/PostsAttach/75796_1588_1.pdf (accessed 15.10.2021).
6. Fertility rate in Jordan 2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/383899/fertility-rate-in-jordan/> (accessed 05.09.2021).
7. Nazer L.H., Tuffaha H. Health care and pharmacy practice in Jordan // Can J Hosp Pharm. 2017. Mar–Apr. № 70(2). P. 150–155.
8. Infographics: Urbanisation and Urban Development in Jordan. URL: <https://www.urbanet.info/infographics-urbanisation-urban-development-jordan/> (accessed 05.10.2021).
9. Sweidan M. Migration in Jordan, a Statistical Portrait from a Gender Perspective. URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/meetings/2018/tokyo-globalforum-genderstat/Paper/Jordan%20Paper%2021%20Nov%202018.pdf> (accessed 12.09.2021).
10. Информационный портал Агентства ООН по делам беженцев. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=a05HIJ> (дата обращения: 25.10.2021).
11. Turner L. Internal Solidarity, External Migration Management: The EU Pact and Migration Policy Towards Jordan. URL: <https://www.asileproject.eu/internal-solidarity-external-migration-management-the-eu-pact-and-migration-policy-towards-jordan/> (accessed 05.04.2022).
12. Jordan issues record number of work permits to Syrian refugees. URL: <https://www.unhcr.org/news/press/2022/1/61effaa54/jordan-issues-record-number-work-permits-syrian-refugees.html> (accessed 05.04.2022).

А.А. Плащинский

О СОЗДАНИИ «ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ГЕНШТАБА» ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

После решения задач специальной военной операции России на Украине насущной проблемой станет идеологическое и концептуальное обеспечение политики Кремля по установлению нового, справедливого и сбалансированного международного порядка. Решение этой проблемы возможно посредством проектной работы Экспертного совета по стратегическому планированию при Государственном Совете Российской Федерации. Обосновывается создание такой структуры в белорусской и российской юрисдикциях для реализации стратегических проектов с горизонтом планирования до и после 2025 г. Совместная работа белорусских и российских учёных будет способствовать решению проблемы цивилизационной идентичности многонационального русского народа в современных условиях, обеспечению преемственного развития Беларуси и России.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, Украина, русская цивилизация, народ, цивилизационная идентичность, проект, концепция, идеология, преемственное развитие.

A.A. Plashchinsky

ON THE CREATION OF THE «IDEOLOGICAL GENERAL STAFF» UNDER THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION: SCIENTIFIC AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS FOR SOLVING THE PROBLEM OF CIVILIZATIONAL IDENTITY AND ENSURING THE CONTINUOUS DEVELOPMENT OF BELARUS AND RUSSIA

After reaching the goals of Russia's special military operation in Ukraine, the ideological and conceptual support of the Kremlin's policy to establish a new, just and balanced international order will become an urgent problem. The solution to this problem is possible through the project work of the Expert Council for Strategic Planning under the State Council of the Russian Federation. The creation of such a structure in the Belarusian and Russian jurisdictions for the implementation of strategic projects with a planning horizon before and after 2025 is substantiated. The joint work of Belarusian and Russian scientists will contribute to solving the problem of the civilizational identity of the multinational Russian people in modern conditions, ensuring the successive development of Belarus and Russia.

Key words: Russia, Belarus, Ukraine, Russian civilization, people, civilizational identity, project, concept, ideology, successive development.

Решительные военно-политические действия Кремля после 24 февраля 2022 года предотвратили реализацию сценария Запада по втягиванию России в очередную мировую войну. Однако на протяжении трёх десятилетий после распада СССР по периметру российских границ были сформированы агрессивно настроенные националистические субкультуры, направленные, в конечном итоге, против интересов России. В этой связи будет нужна концептуальная работа для реализации «победоносной идеологии».

Как верно отмечают наши единомышленники, события на Украине отражают вынужденную и мудрую тактическую реакцию Кремля, но в стратегическом плане военная операция России выгодна «англо-американскому истеблишменту». Русские снова уничтожают друг друга своими же руками, как и в период гражданской войны в Российской империи. В таких условиях «Идеологический Генштаб» при Госсовете России просто необходим [1].

В период гражданской войны русский народ разделился на «красных и белых». Сегодня разделительная линия проходит между русскими и украинцами. Требуется решение данной концептуальной проблемы, связанной с определением цивилизационной идентичности русского народа, точнее, познания им самого себя и своей исторической миссии. Ярким примером в этой связи прозвучали слова Президента России В.В. Путина о самом себе: «я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин» [2]. Такая самоидентификация «русскости», то есть русского духа, в конечном итоге, и определит будущее русской цивилизации, право народа выбирать свою собственную судьбу. Формирование цивилизационной идентичности многонационального русского народа иначе невозможно.

К тому же Запад не откажется от своих попыток организовать третью мировую войну, так как она вполне соответствует их планам по установлению нового мирового порядка. Но, если в Афганистане, например, для поставок оружия США моджахедам использовались «операции прикрытия», «посредники», территории сопредельных государств, то сегодня оружие поставляется напрямую.

В таких условиях создание Экспертного совета по стратегическому планированию при Государственном совете Российской Федерации является вынужденной необходимостью для решения проблемы войны и мира.

В данном контексте можно напомнить слова В.В. Путина в отношении военной операции, «Нам с вами просто не оставили ни одной другой возможности защитить Россию...» [3].

Во-первых, русская цивилизация подвергается опасности исчезновения, так же как и другие некогда мощные и могучие народы и цивилизации: майя, ацтеки, шумеры, скифы, древний Египет, древний Рим и другие. Именно искажённое представление части нашего народа о самом себе привело к гражданской войне на Украине, развязанной при поддержке Запада в 2014 г.

Во-вторых, как отмечалось выше, данная проблема носит цивилизационный характер и, поэтому, для её решения необходим концептуальный подход и проектная работа отечественных «фабрик мысли», научно-теоретический и концептуальный фундамент для её проработки и решения.

В-третьих, в контексте создания Экспертного совета по стратегическому планированию при Государственном совете Российской Федерации одним из возможных направлений видится стратегическое взаимодействие Беларуси и России, союзного белорусско-российского государства, а также Украины (по согласованию с её будущим руководством) и других суверенных территориальных единиц бывшего СССР, таких как Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, Приднестровье и других государств, заинтересованных в сохранении своей правосубъектности в новых исторических условиях.

Как заметил А.Г. Лукашенко 7 апреля 2022 г., «...без скорейшего сплочения нашей цивилизации, без укрепления политических, экономических и военных связей нас завтра может не быть. Не будет просто» [4].

Деятельность Экспертного совета по стратегическому планированию при Государственном совете Российской Федерации и, возможно, в других юрисдикциях, включая белорусскую, предлагается организовать по принципу проектной работы зарубежных «фабрик мысли», таких, например, как проект «Расследование» (1917–1919) и проект «Исследования войны и мира» (1939–1945). Данные проекты «англо-американского истеблишмента» фактически определили контуры будущего мироустройства после окончания Первой мировой войны и Второй мировой войны. В рамках проекта «Расследование» была разработана программа переустройства мира после Первой мировой войны: «Четырнадцать пунктов Вильсона». Проектные идеи создания Лиги Наций и Организации Объединённых Наций (ООН) были реализованы в рамках названных проектов, а члены рабочих групп этих проектов входили в состав официальных делегаций

США на Парижской мирной конференции (1919–1920) и Сан-Францисской мирной конференции (1945).

В ходе создания «Идеологического Генштаба» при Госсовете России важно учесть, что проектная деятельность по реализации стратегии «нового мирового порядка» ведётся США на постоянной и системной основе. Именно она определяет процесс принятия решений в Белом доме по проблеме войны и мира. Свои сценарии будущего мироустройства, как в прошлом, так и в настоящем должны быть и в Кремле. Вот почему работу Экспертного совета по стратегическому планированию при Государственном совете Российской Федерации, направленную на определение контуров будущего мироустройства целесообразно начать уже сегодня, основываясь на стратегическом анализе «большой картины» истории и геополитических проектов как в США, так и в России.

Ещё в 2010 г. В.В. Путин заявил: «Кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца. А у того, кто хочет его восстановления в прежнем виде, у того нет головы» [5]. Поэтому работа Экспертного совета при Госсовете РФ может также способствовать сплочению единого Отечества на территории от Бреста до Владивостока, в новой территориально-государственной форме. Сегодня такая интеграционная основа также является вынужденной необходимостью для того, чтобы сбалансировать мир.

Итак, решению вышеобозначенных проблем стратегического характера может и должен способствовать «Идеологический Генштаб» – Экспертный совет по стратегическому планированию при Государственном совете Российской Федерации, тогда как лидеры, облечённые политическими полномочиями, могут и должны осуществлять реализацию геополитических проектов, направленных на сохранение нашего народа в современных условиях. Именно в таком симбиозе науки и практики видится мирное будущее Беларуси, России, Украины и всего мира после завершения военной спецоперации.

Идеологам Беларуси и России уже сегодня важно обеспечить дальнейшее научно-теоретическое и идеологическое сопровождение процесса консолидации нашего народа и его исторических территорий – в новой территориально-государственной форме.

Как уже отмечалось, совместная работа в Совете может способствовать решению проблемы цивилизационной идентичности и, следовательно, сохранению правосубъектности нашего народа в поистине исторических условиях движения к «новой Ялте».

Задачей для будущего идеологического Генштаба России и Беларуси может быть, среди прочего, разработка новых научно-теоретических подходов для решения вышеобозначенных концептуальных проблем, в том числе, с опорой на инновации, новые и высокие технологии. Именно так возможно проектирование будущего мироустройства, в рамках пилотных проектов, которые будут способствовать дальнейшей интеграции наших государств. Например, на цифровых платформах, в концептуальных социальных сетях, или посредством более привычных «аналоговых» форматов: политических партий и объединений, реализующих интеграционные задачи.

В рамках работы Совета необходимо также решение и других задач субъективного и объективного характера, которые препятствуют реальной интеграции, реализации проекта «Большая Евразия», стратегических проектов и принципов, включая принцип «интеграции интеграций».

Создание Экспертного совета по стратегическому планированию при Государственном совете Российской Федерации может способствовать, в том числе, преемственному развитию государств, расположенных на территории бывшего СССР, нашего общего Отечества, реинтеграции исторических территорий Российской империи в новую форму территориально-государственного устройства в определённом будущем.

Проект «Концепция преемственного развития» [6] может внести свой вклад в работу Экспертного совета по стратегическому планированию при Государственном совете Российской Федерации и его возможных центров в иных юрисдикциях (по сетевому принципу). Реализация данного и других проектов, в тесном взаимодействии учёных и практиков Госсовета, будет способствовать продолжению мудрой и тактически выверенной политики по реализации проекта «Большая Евразия», заявленного Президентом России В.В. Путиным в 2016 г., и принципа «интеграции интеграций», заявленного Президентом Беларуси А.Г. Лукашенко в 2011 г.

Итак, идеологический Генштаб, указанный в обозначенной статье Ф.А. Папаяни и поддержанный нашими единомышленниками в России, необходим для того, чтобы защитить себя и свою территорию, объединить людей на новой концептуальной основе уже разработанных, настоящих и будущих проектов.

Список литературы

1. Папаяни Ф.А. Идеологический Генштаб. Обоснование необходимости Экспертного совета по стратегическому планированию. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2021/12/29/ideologicheskii_genshtab (дата обращения: 06.04.2022).
2. Путин В.В. Сопровождение с постоянными членами Совета Безопасности 3 марта 2022 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67903> (дата обращения: 06.04.2022).
3. Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 24.02.2022).
4. Лукашенко А.Г. Заседание Совета Безопасности Республики Беларусь 7 апреля 2022 г. URL: <https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-soveta-bezopasnosti-v-rasshirenno-format?openVideo=true> (дата обращения: 07.04.2022).
5. Путин считает, что распад СССР стал трагедией для миллионов. URL: <https://ria.ru/20050505/39937603.html> (дата обращения: 11.04.2022).
6. Плащинский А.А. Проект Концепции преемственного развития Республики Беларусь как «образ будущего» // Журнал Администрации Президента Республики Беларусь «Беларуская думка». Минск, 2021. № 3. С. 56–63.

УРЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ И КОСОВО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: этнополитический конфликт, этноконфессиональный конфликт, Югославия, распад Югославии, Сербия, Босния и Герцеговина, война в Боснии и Герцеговине, миротворчество, урегулирование конфликтов.

M.P. Telenga

SETTLEMENT OF ETHNO-POLITICAL AND ETHNO-CONFESSIONAL CONFLICTS IN BOSNIA AND HERZEGOVINA AND KOSOVO: COMPARATIVE ANALYSIS

Key words: ethnopolitical conflict, ethno-confessional conflict, Yugoslavia, breakup of Yugoslavia, Serbia, Bosnia and Herzegovina, war in Bosnia and Herzegovina, peacemaking, conflict resolution.

Международная реакция на этнополитические и этноконфессиональные конфликты показывает их взаимосвязи и взаимовлияния: во-первых, потому, что создает международно-правовые прецеденты, а во-вторых, в связи с тем, что демонстрирует технологию урегулирования, выявляющую мотивы, возможную степень вовлеченности и образ действий внешних сил. В подходе к этнополитическим и этноконфессиональным конфликтам в Боснии и Герцеговине и Косово ООН и ОБСЕ выступали с позиций и на беспристрастную защиту общезначимых принципов и норм. Однако отметим, что международное вмешательство в ту или иную конфликтную ситуацию не может быть реализовано без заинтересованного участия так называемых великих держав.

Несмотря на определенное сходство рассматриваемых боснийского и косовского конфликтов, между ними есть различия, которые носят принципиальный характер. Они касаются сценариев *эскалации* этих конфликтов, факторов, способствовавших их перерастанию в кризисные стадии, внешнего контекста, в котором они развивались, а также методов, использованных для управления этими конфликтами.

Кроме того, общей и наиболее важной чертой также представляется опыт по снижению уровня подобных конфликтов и поискам политического урегулирования. На примере Боснии и Герцеговины и Косово международное сообщество столкнулось с новым поколением конфликтов. Они носят этнотерриториальный характер, не являются межгосударственными, а возникают и развиваются в рамках одного государства, вновь сталкивая между собой известные принципы национального самоопределения и сохранения территориальной целостности [1, с. 49].

Рассмотрим механизмы урегулирования конфликтов. Кризисы, разразившиеся в Боснии и Герцеговине и в Косово и Метохии, явили собой острую фазу типичного этнополитического конфликта, отягощенного «балканской спецификой». Для него характерны следующие параметры:

«внутрирегиональный» масштаб [2], до предела осложняющий урегулирование в силу ограниченности внешнего воздействия на конфликт; отсутствие единого подхода к проблеме; комплексный характер, сочетающий в себе политико-экономические проблемы: религиозные различия, социокультурный фактор, негативное влияние внешних факторов на процесс развития конфликта, а также затяжной характер вооруженного противостояния и огромные размеры ущерба [3].

Так, выработке мирного соглашения по войне в Боснии и Герцеговине прошла с 1 по 22 ноября 1995 г. в американском городке Дейтон на территории базы ВВС США. В ней принимали участие лидер боснийских мусульман А. Изетбегович, президент Хорватии Ф. Туджман, президент Югославии С. Милошевич, а также заместители министров иностранных дел стран Контактной группы и представитель ЕС. На стороне фактически проигравшей в этой войне мусульмано-хорватской федерации, созданной по инициативе США, в феврале 1994 г. выступили силы НАТО, что предопределило исход противостояния и выбор модели урегулирования конфликта. В результате сербская сторона вынуждена была уступить [4]. Итогом послужило Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине, больше известное как Дейтонское соглашение, а также пакет приложений к нему. Фактическим автором соглашения стал заместитель госсекретаря США Р. Холбрук. 14 декабря 1995 г. в Париже договор о мире в Боснии и Герцеговине от имени трех народов – мусульман, сербов и хорватов подписали А. Изетбегович, Ф. Туджман и С. Милошевич. Свидетелями этого факта были Б. Клинтон, В.С. Черномырдин, Ж. Ширак, Дж. Мейджор и Г. Коль.

В результате дейтонского компромисса Босния и Герцеговина осталась единым, но децентрализованным государством [5]. Однако государство было поделено на два образования – были созданы Республика Сербскую и Федерацию Боснии и Герцеговину. При главном политическом и гуманитарном достоинстве дейтонских соглашений – прекращении открытого вооруженного конфликта, они зафиксировали на десятилетия вперед перераспределение суверенных полномочий Боснии и Герцеговины в пользу международных структур и создали громоздкую и неэффективную систему организации власти [4, с. 62]. Сюда относятся и деятельность института Высокого представителя, и Соглашение о стабилизации и ассоциации с ЕС, подписанное 16 июня 2008 г. Это привело к ситуации, когда правительство Боснии и Герцеговины не имеет особой свободы действий в рамках внутренней политики. Таким образом, подобная модель урегулирования нацелена на формирование подконтрольного наднациональным структурам государственного образования.

В отношении конфликта в Косово США и ведущие европейские государства, сохранив приверженность своим антиюгославским пристрастиям, по сути, совершили поворот на 180 градусов в вопросе о принципах урегулирования этнополитических конфликтов, которые они декларировали на предыдущих стадиях югославского кризиса. Формально независимость Косово никем не поддерживалась, а целостность Сербии и Черногории не ставилась под сомнение. Реальный же образ действий западных держав плохо согласовывался с заявленной

ими позицией [6]. Его невозможно объяснить ни с точки зрения международного права, ни в контексте поддержания стабильности в конфликтоопасных зонах посттоталитарного мира, ни исходя из технологии разрешения этнополитических конфликтов. Между тем подобное поведение настолько логично укладывается в сценарий целенаправленного разогревания и своекорыстного использования конфликтной ситуации, что вряд ли можно говорить об ошибках, непонимании и случайностях [1]. Девять лет в международных и европейских структурах обсуждался вопрос о статусе края и стандартах соблюдения прав человека по принципу: «стандарты прежде статуса». Однако, несмотря на то, что ни один из восьми стандартов демократического общества, введения которых ООН требовало в Косово, выполнен не был, международное сообщество перешло к новой тактике: «стандарты и статус одновременно». 26 марта 2007 г. Спецпосланник Генсека ООН Марти Ахтисаари представил СБ ООН «Всеобъемлющие предложения по урегулированию статуса Косово», шире известные, как «План Ахтисаари» [4]. Согласно этому документу Косово должно иметь независимость под контролем международного сообщества. В связи с этим в 2008 г. была объявлена независимость территории, которая на настоящий момент признана 98 государствами, и принята её Конституция.

Поскольку правительство Сербии не признаёт независимости и считает территорию составной частью государства как автономный край Косово и Метохия. На севере края, где в основном проживают сербы, была создана Скупщина Косово и Метохии, которая признаётся Сербией и Россией.

Ситуация вокруг Косово осложняется тем, что принципы суверенной государственности Косово, зафиксированные в конституции, имеют лишь формальный характер, т.к. приоритет закреплен за международными документами и институтами над законами государства [4]. Кроме того, действует институт Международного гражданского представителя, подобие Высокого представителя в Боснии и Герцеговине. Он выступает в качестве высшей директивной инстанцией в области государственного управления, что даёт ему коррективные полномочия. Помимо этого, свою деятельность осуществляют институты ЕС, имеющие надзорные, наставнические и рекомендательные функции в отношении правопорядка.

Совокупность всех перечисленных фактов дает основание утверждать, что реализованная модель урегулирования конфликта привела не просто к возникновению второго албанского государства, но к формированию полностью подконтрольной западным структурам территории, являющейся к тому же крупнейшим военным центром армии США.

В современном мире произошла фактическая легализация *принципа* насильственного вмешательства группы стран или международного сообщества в целом во внутренние дела суверенного государства. Балканы после Дейтона показывают разные варианты решения посткризисной ситуации, в частности создание протекторатов при «ограничении территориального и политического суверенитета». Растущая взаимозависимость и глобализация экономических процессов, стирание классической грани между внутренней и внешней

политикой, расширение комплекса проблем, которые государства могут решать только совместно, растущий авторитет и умножение наднациональных учреждений - все это и ряд других процессов подвергли изменениям принцип государственного суверенитета (отсюда разного рода теории «ограниченного суверенитета»), хотя все же не привели однозначно к смене международно-правовой доктрины.

Трагедия на Балканах показала, что суть натовского рецепта урегулирования этнополитических конфликтов в ограничении территориального и политического суверенитета в виде протекторатов разной формы жесткости. Протекторат с неограниченными полномочиями Высокого представителя международного сообщества возник в Боснии и Герцеговине. Опыт Боснии и Герцеговины и Косово убеждает – иностранное военное присутствие не может решить этнополитические и этноконфессиональные конфликты. Более того, оно не способствует политическому и экономическому выздоровлению. Иностранцы так и не смогли решить главные вопросы: возвращение беженцев, налаживание демократических процессов, оздоровление хозяйственной жизни, примирение конфликтовавших сторон.

Список литературы

1. Абрамов А.В. Подходы к урегулированию этнополитических и этноконфессиональных конфликтов на постюгославском пространстве: дис. ... канд. полит. наук. М., 2006.
2. Евстафьев Д. Геополитический контекст начала холодной войны: уроки для 90-х годов // США. ЭПИ. 1994. № 8–9.
3. Независимая газета. Особая папка. 1999. Апрель. С. 11.
4. Пономарёва Е.Г. Узлы и модели балканских этнополитических конфликтов // ИМЭМО РАН. 2012. № 1 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uzly-i-modeli-balkanskih-etnopoliticheskikh-konfliktov> (дата обращения: 24.04.2022).
5. Bugajski J. Close to the Edge in Kosovo // Foreign Affairs. 1998. Vol. 21. № 3. P. 19–21.
6. The Washington Times. 1998. 19 Oct., 1999. 12 Jan.

А.Б. Швец, А.Н. Яковлев

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ «КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ»

Рассмотрены особенности создания картографического образа процессов, которые в новейшей истории России получили название «Крымская весна» и были связаны с воссоединением Крыма с Российской Федерацией. Представлена пространственная логика развития событий «Крымской весны», рассмотрены её причины и оценка последствий.

Ключевые слова: Крым, общественная география, Крымская весна, образ.

A.B. Shvets, A.N. Yakovlev

CARTOGRAPHIC IMAGE OF THE «CRIMEAN SPRING»

The features of creating a cartographic image of the processes that in the recent history of Russia were called the «Crimean Spring» and were associated with the reunification of Crimea with the Russian Federation are considered. The spatial logic of the development of the events of the «Crimean Spring» is presented, its causes and assessment of consequences are considered.

Key-words: Crimea, public geography, Crimean Spring, image.

Изучение социокультурных процессов - новая проблематика для общественной географии. Вместе с тем, существует ряд научных публикаций, в которых зафиксирован алгоритм создания картографических образов социальной динамики [1; 2]. Учитывая высокую степень цикличности и эпизодический характер социокультурных процессов, каждое обращение к их визуальному образу создаёт повод для нового ракурса их изучения.

События «Крымской весны» 2014 г., определившие воссоединение Крыма с Российской Федерацией, не имели до недавнего времени картографической актуализации.

Целью нашей работы стало выявление факторов, повлиявших на формирование событий «Крымской весны» для создания их объективного картографического образа.

Заметим, что понятие «образ» в отечественной общественной географии, в отличие от её западных аналогов, объективировано смыслом, который вкладывается в понятие «картина реальности». Представление о пространственном имидже, наоборот, наполнено субъективным целеполаганием. Сравнительный анализ понятий «имидж» и «образ» в практике отечественной общественной географии накоплен в работах Н.В. Багрова, А.Б. Швеца, А.А. Самулёва [3], Д.А. Вольхина [4], М.В. Грибок [5], Д.Н. Замятина [6; 7], В.А. Колосова [8], В.А. Шупера [9] и др.

Представление о картографической структуре событийного ряда «Крымской весны» следует предварить упоминанием о том, что для Крыма она позволила восстановить политическую субъектность региона, существовавшую в рамках российской государственности в 1921 г. В указанном году на карте РСФСР появилось новое территориальное образование – Автономная Крымская Советская Социалистическая Республика, занявшая часть бывшей Таврической губернии. В этом событии важным являются два момента: автономия была образована как часть России и территориально она совпадала с границами Крымского полуострова.

Вплоть до января 1991 г. политическое содержание территориальных субъектов, существовавших в Крыму, постоянно сокращалось. В означенном году в результате проведения первого в СССР референдума на территории отдельной административной единицы в историческое прошлое ушла Крымская область и была воссоздана Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе Украины. В феврале 1992 г. решением Верховного Совета Крыма Крымская АССР была переименована в Республику Крым. В мае того же года Верховный Совет Крыма принимает акт о провозглашении государственной самостоятельности Республики Крым, определяет её как демократическое государство в составе Украины со своей Конституцией, а г. Севастополь как населённый пункт с особым статусом и неотъемлемую часть Крыма.

Однако Верховная Рада Украины, усмотрев в таком резком повышении политического статуса Крыма опасность дальнейшей суверенизации региона, снизила его до автономного, закрепив это в названии - Автономная Республика

Крым (АРК). С этого момента началась длительная история уничтожения политической субъектности Крыма украинским государством, проявленная в юридическом противостоянии республиканской и центральной властей в вопросах разграничения полномочий, поправках и ограничениях в крымской Конституции, а затем и её отмене, принятии в 1999 г. новой Конституции АРК, соответствующей законодательству Украины, ликвидации в регионе института президентства.

Особенно болезненным для жителей Крыма был языковой вопрос. Всё, что касалось функционирования в Крыму русского языка, воспринималось его жителями, состоявшими на 60,7% из русских, как фактор социокультурного дискомфорта. Это состояние возникает в обществе в тех случаях, когда власть пытается переформатировать его базовые ценности. В 2012 г. закон Украины «Об основах государственной языковой политики» зафиксировал русский язык как региональный, а по сути, второй государственный [10]. Но после захвата власти праворадикальными организациями на экстренном заседании Верховной Рады Украины от 23 февраля 2014 г. принимается решение об отмене упомянутого выше закона [11]. В Симферополе 25 февраля 2014 г. началась бессрочная акция протеста с требованием не признавать новую украинскую власть и её законы.

Такова краткая предистория «Крымской весны» - социокультурного процесса по защите русской идентичности, прервавшему конфликтный характер развития Крыма по отношению к государственному центру.

В 2020 г. создан электронный, а через год печатный вариант «Атласа социокультурных процессов в Крыму» [12], выполненный географами-обществоведами Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сюжету «Крымской весны» в Атласе была посвящена отдельная картосхема (рис. 1). Её замысел структурирован в виде событийного ряда, состоящего из трёх этапов: внешнего и двух внутренних, выделенных по факторам формирования.

Внешний событийный ряд назван «Формирование протестных настроений в Крыму», два других – «Активизация протестной деятельности в Крыму» и «Воссоединение Крыма с Российской Федерацией».

Этап формирования протестных настроений в Крыму наполнен событиями с 18 по 23 февраля 2014 г. Эти события прямо или косвенно отражали позицию крымчан в отношении киевского майдана, названного украинским государством «революцією гідності», а в Крыму «спланированным переворотом». Среди событий, предшествовавших «Крымской весне», были столкновения участников киевского «Евромайдана» с правоохранительными органами Украины, в ходе которых погибли три крымских сотрудника. В эту же группу событий вошло избивание под Корсунем – Шевченковским крымских участников «Антимайдана», возвращавшихся с протестных акций в Киеве.

Активизация протестной деятельности жителей Крыма на многочисленных митингах, пикетах, блокпостах под лозунгом «Крым, вставай!» проходила вплоть до появления в зданиях законодательной и исполнительной власти АРК бойцов российских сил специального реагирования («вежливых людей»).

"КРЫМСКАЯ ВЕСНА"

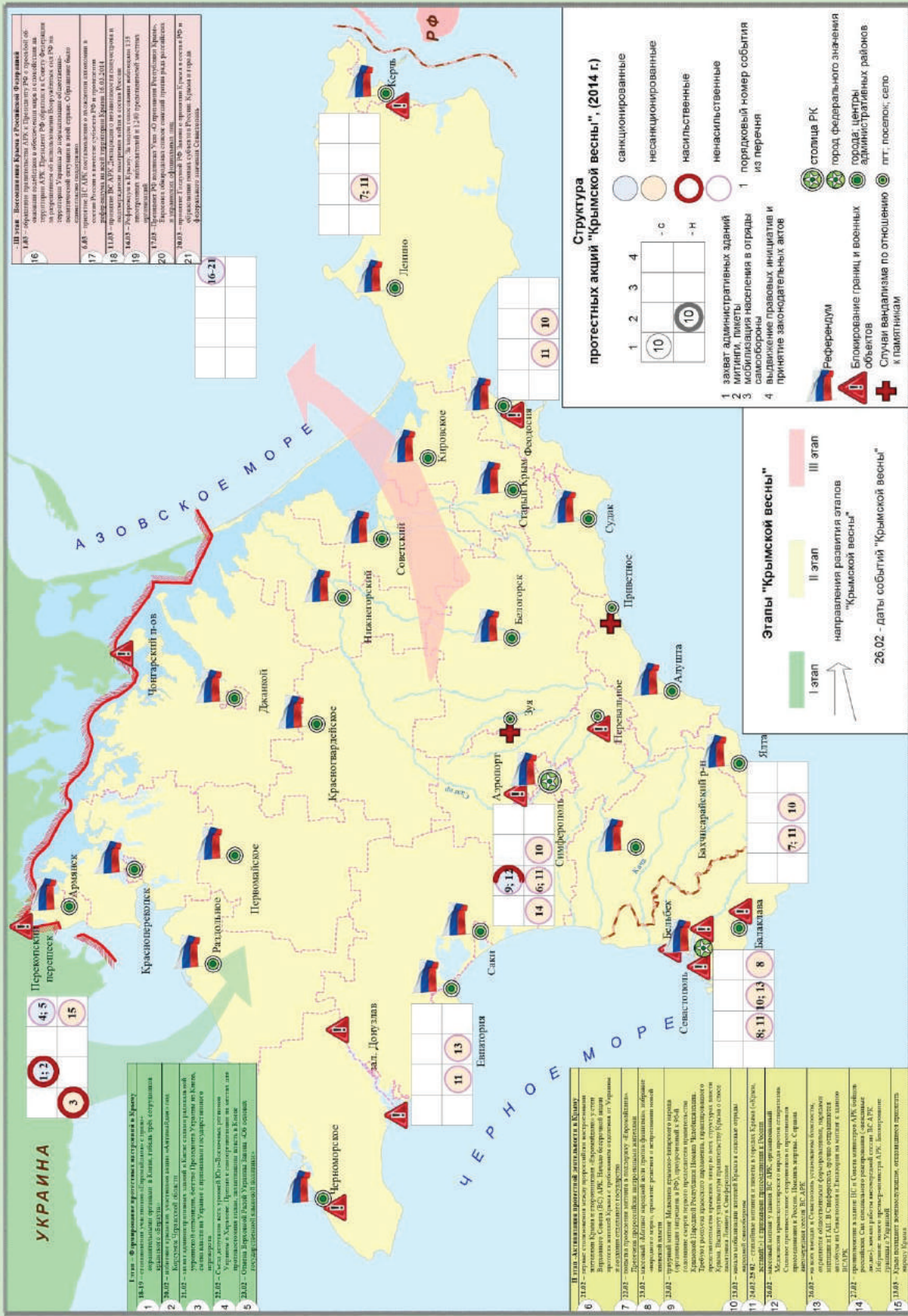

Рис. 1. Картографический образ «Крымской весны» (Швец А.Б., 2020)

Этап проведения референдума о воссоединении Крыма с Российской Федерацией представлен как событийный ряд правовых действий со стороны российского федерального центра и крымской автономии с 1 по 20 марта 2014 г.

Классификация протестных акций в Крыму отразила преобладание в них стихийности, с одной стороны, и ненасильственный характер, с другой. Все протестные акции «Крымской весны» структурированы при помощи специальных блок-диаграмм, в поле которых выделены: 1) захваты административных зданий; 2) митинги, пикеты; 3) мобилизация населения в отряды самообороны; 4) выдвижение правовых инициатив и принятие законодательных актов. На блок-диаграммах отмечены порядковые номера событий из авторского реестра. Отдельными значками показаны места проведения референдума о воссоединении Крыма с Россией. Отмечены случаи вандализма по отношению к памятникам В.И. Ленину, свершившиеся после требования меджлиса крымских татар (организация, запрещённая в РФ) к правительству Крыма о сносе всех памятников вождю пролетариата на полуострове.

Картографический образ «Крымской весны» позволяет учесть её детали и причинно-следственный комплекс. Это сочетание визуализирует историческую память, дефицит которой так ощутим в настоящее время в среде тех, кто пытается не заметить значения «Крымской весны» в новейшей истории Российского государства.

Список литературы

1. Евтеев О.А. Проектирование и составление социально-экономических карт. М., 1999.
2. Жмойдяк Р.А. Социально-экономическая картография: курс лекций. Минск, 2011. URL: <http://www.elib.bsu.by/handle/123456789/15043>
3. Багров Н.В., Швец А.Б., Самулев А.А. Географическая имиджелогия: свидетельство о рождении // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2001. № 25. С. 187–194.
4. Вольхин Д.А. Методика географического изучения информационного имиджа территории // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. науч. ст. Смоленск, 2016. С. 179–187.
5. Грибок М.В. Образы регионов России в телевизионных новостях: геоинформационный подход // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 67–77.
6. Замятин Д.Н. Географические образы: Что это такое? // Вестник МГУ. Серия 5. География. 2002. № 4. С. 11–16.
7. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006.
8. Колосов В.А. Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению // Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. Серия 1. Гуманитарные науки. 2008. № 1 (1). С. 72–91.
9. Шупер В.А. Мир виртуальных объектов в географии // Географическое пространство: соотношение знания и незнания / Первые сократические чтения по географии. М., 1993. С. 18–22.
10. Про засади державної мовної політики: Закон України від 3 липня 2012 р., № 5029-VI // Відомості Верховної Ради України. Київ, 2013. № 23. Ст. 218.
11. Верховна Рада України ухвалила Закон «Про визнання таким, що втратив чинність, Закону України «Про засади державної мовної політики», 23 лютого 2014. URL: <http://rada.gov.ua/print/88068.html> (дата звернення: 13.09.2017).

12. Атлас социокультурных процессов в Крыму [Карты] / под ред. И.Н. Воронина, И.М. Яковенко, А.Б. Швец, Д.А. Вольхина. Симферополь, 2021.

Ю.В. Костенко

УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕФОРМЫ

В статье освещены тенденции реформы управления миграционными процессами в Краснодарском крае (2014–2022 гг.) в контексте влияния международных и внутрироссийских политических факторов. Внимание уделено реформе институтов и практик миграционной политики, установлению специфики миграционного прироста в крае.

Ключевые слова: миграционные процессы, управление, Краснодарский край, глобальные и внутривнутриполитические факторы.

Yu.V. Kostenko

MIGRATION MANAGEMENT IN THE KRASNODAR REGION: THE POLITICAL ASPECT OF THE REFORM

The article highlights the trends in the reform of migration management in the Krasnodar Territory (2014–2022) in the context of the influence of international and domestic political factors. Attention is paid to the reform of institutions and practices of migration policy, the establishment of the specifics of migration growth in the region.

Key words: migration processes, management, Krasnodar Territory, global and domestic political factors.

Актуальность темы в том, что глобализация неравномерно влияет на российское общество, в том числе - в аспекте миграционной политики. Краснодарский край - один из успешно развивающихся регионов, привлекательных для международной и внутригосударственной (межрегиональной) миграции. Это создаёт как новые возможности для интеграции региона в глобальные процессы, так и риски для политической стабильности сообщества.

Теоретическую основу работы представляет неинституциональный подход, а также географический метод районирования. Статья выполнена в рамках политической конфликтологии как научного направления. Применен анализ результатов массового и экспертного опросов, проведённых коллективом кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета в 2017-2019 гг. [1, с. 210-232].

В статье учтены аргументы и выводы таких известных исследователей темы, как А.В. Дмитриев и др. [2], Е.Б. Деминцева, Н.В. Мкртчян и Ю.Ф. Флоринская [3], В.А. Авксентьев и Г.Д. Гриценко [4], Я.В. Ракачёва [5]. Констатируя противоречия взглядов исследователей либерального и консервативного направлений, мы поддерживаем приоритет обеспечения национальной безопасности и укрепления российской нации в реализации миграционной политики.

Цель статьи - установить тенденции развития управления миграционными процессами в Краснодарском крае (2014-2020 гг.) в контексте влияния международных и внутрироссийских политических факторов.

Население Краснодарского края имеет в последние 30 лет отрицательный естественный прирост. Например, за январь 2020 г. число рождений было меньше числа смертей в регионе на 22,6%. Поэтому увеличение численности населения Кубани с октября 2012 до 1 января 2020 гг. на 600 тыс. чел., до нынешних 5675,5 тыс. чел. полностью обеспечено за счёт миграции. С учётом того, что край агропромышленный и горожане составляют только 55,4% постоянного населения [6], важным ресурсом влияния остаётся обладание землёй. Миграция в Краснодарский край имеет в основном трудовой характер, она направляется, прежде всего, в г. Краснодар и на Черноморское побережье, где сложился повышенный уровень доходов и пониженный уровень безработицы.

Вопреки существующим мифам, свыше 75% новосёлов на Кубани - русские, что мало отличается от пропорций этнического состава постоянного населения региона. За последний год 84% мигрантов в крае - это граждане России. Вследствие экономического кризиса и ограничительных мер миграционный прирост в крае сократился за 2019 г. на 24,4%, составив 359532 чел. Количество прибывших в край мигрантов за 2019 г. снизилось на 8,2%. В структуре прибывших мигрантов преобладают межрегиональные (56,1%), приехавшие из других субъектов федерации (в наибольшей мере - с Дальнего Востока, Урала и из Сибири) и внутрикраевые (28,0%). Межгосударственная миграция на 93% состоит из жителей стран постсоветского пространства. Среди них преобладают граждане Украины - 38,5%, Армении - 26,0%, Казахстана - 10,1% приехавших иностранцев [7]. В условиях нынешней пандемии эти потоки кардинально сократились, но после стабилизации эпидемиологической обстановки миграция в привлекательный регион восстановится.

Но миграция воспринимается в общественном мнении настороженно, связывается с рисками перенаселённости, этнической анклавизации, нежеланием новосёлов адаптироваться к принимающему сообществу и интегрироваться в него. Эти опасения проявились при опросе молодёжи края, проведённом в сентябре 2018 г. (выборка 374 чел. в возрасте 16-30 лет). Выбрали вариант ответа «Трудовая миграция - реальная проблема, приезжие занимают рабочие места местных» 33,6% респондентов; 61,2% назвали более подходящей для края стратегию ограничения миграции; 28,8% полагали, что мигранты, скорее, препятствуют развитию региона; желали ужесточить миграционное законодательство 46,0% молодых людей (желали ослабить его - 14,1%). Характерно и то, что опрошенные в 2018 г. эксперты поставили миграцию на первое место (9 баллов из максимальных 10) среди факторов возможной дестабилизации межэтнических отношений [1, с. 81-82]. За 10 месяцев 2018 г. органы МВД России в крае выявили свыше 20,5 тыс. нарушений миграционного законодательства, выдворили из страны свыше 3 тыс. иностранных граждан (сравним с 71 тыс. легально работающих в крае иностранцев) [8]. В течение всего 2019 г. к ответственности привлечено 76 тыс. нарушителей миграционного законодательства, в том числе 25 тыс. - иностранцы. Из страны выдворено 1,5 тыс. иностранных мигрантов, работавших в крае [9].

В данной обстановке весьма актуальны нормы Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в действующей редакции), которые устанавливают необходимость адаптации и интеграции мигрантов в российское поликультурное общество, предусматривают меры и инструменты укрепления единства российской нации, повышения добровольной самоидентификации населения с российским обществом и государством [10]. Эти императивы конкретизированы в нормативно-правовых документах Краснодарского края. Ужесточена ответственность за нарушения миграционного законодательства. Предприниматели, уличённые в использовании нелегального труда, не получают государственной финансовой поддержки. Трёхсторонняя краевая комиссия по трудовым отношениям добилась договорённостей с бизнесом о запрете демпинга на оплату рабочей силы. Край стремится обеспечить легальной работой, прежде всего, обладателей ценных профессий и квалификаций. Предложения края по реформе миграционной политики подготовлены для обсуждения в Совете законодателей РФ [9].

За последние пять лет развивается реформа институтов, субъектов и практик миграционной политики в Краснодарском крае. Функция мониторинга этнических и конфессиональных процессов, предупреждения конфликтных ситуаций возложена на Федеральное агентство по делам национальностей, взаимодействующее с органами власти края. В декабре 2018 г. Законодательное Собрание Краснодарского края поддержало инициативу губернатора В.И. Кондратьева о создании в структуре Администрации края специализированного управления по миграционным вопросам (руководитель А. Болдин) [8]. Воссоздано Управление по вопросам миграции Главного управления МВД России по Краснодарскому краю. Образована межведомственная рабочая группа по вопросам пресечения нарушений миграционного законодательства. Согласно обоснованному мнению руководства Законодательного Собрания края, акцент в выполнении политики надо перенести от контроля въезда на комплексные меры адаптации мигрантов [9].

Таким образом, особенности миграционной ситуации в Краснодарском крае состоят в повышенной привлекательности региона, быстром росте численности населения за счёт миграции, которая полиэтнична. Структура миграции характерна преобладанием внутривоссийских межрегиональных потоков (84%), международная миграция идёт из постсоветских стран (прежде всего - Украины, Армении и Казахстана). Край проводит ограничительную и целевую миграционную политику, совпадающую в целом с федеральной стратегией. Ограничительные меры усилились с 2014 г. в контексте геополитических угроз приграничным регионам России.

Список литературы

1. Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов / И.В. Юрченко, А.В. Баранов, Н.Н. Юрченко, М.В. Донцова. Краснодар, 2019.
2. Дмитриев А.В. Миграция: конфликт, безопасность, сотрудничество / А.В. Дмитриев, В.И. Жуков, Г.А. Пядухов. М., 2009.
3. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения / Е.Б. Деминцева, Н.В. Мкртчян, Ю.Ф. Флоринская. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/218427665>

4. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д. Рискогенные факторы в этнополитической сфере Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2018. № 4. С. 81-91.
5. Ракачёва Я.В. Миграционные и демографические процессы в Краснодарском крае в последнее десятилетие XX – начале XXI вв. // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений. Ставрополь, 2019. С. 317–327.
6. Общая характеристика воспроизводства населения в крае. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/Nas.htm> (дата обращения: 01.04.2022).
7. Общие итоги миграции населения в Краснодарском крае в 2019 году. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/mn20191.htm> (дата обращения: 01.04.2022).
8. Вопросами миграции в администрации Краснодарского края займется отдельное управление. URL: <http://www.interfax-russia.ru/South/main.asp?id=989899> (дата обращения: 01.04.2022).
9. Квота на привлечение иностранных работников в крае в 2020 году снизилась более чем в 2 раза. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1131/show/522457/> (дата обращения: 01.04.2022).
10. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в редакции Указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 01.04.2022).

Д.Е. Рожков, Т.Б. Савкина

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ: ГИБРИДНОЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА**

Данная статья посвящена использованию информационных технологий, СМИ в современном гибридном противостоянии во вновь зарождающейся многополярной системе мироустройства.

Ключевые слова: многополярный мир; психологические действия; психологические операции.

D.E. Rozhkov, T.B. Savkina

**PSYCHOLOGICAL OPERATIONS: HYBRID OPPOSITION IN THE POSTMODERN
ERA**

This article is devoted to the use of information technologies, mass media in the modern hybrid confrontation in the newly emerging multipolar system of the world order.

Key-words: multipolar world; psychological actions; psychological operations.

Новая «Большая игра», «холодная» война XXI в., или гибридное противостояние России и консолидированного запада неразрывно связана с использованием новых технологий и максимальной актуализацией термина «психологическая война» и «психологическая операция».

Распространение и модернизация интернет среды – как один из столпов современной глобализации и как следствие – потеря внутреннего суверенитета частью государств (впрочем, еще после Бреттон-Вудских соглашений 1944 г.) привела к тотальной гегемонии США в интернет пространстве. Западные «фантасы», утверждавшие тезисы о свободе прессы, свободе слова в настоящий мо-

мент, превзошли во вранье геббельсовскую машину пропаганды нацистской Германии, ведь как можно заметить, 1933–1939 гг., стали показательным примером массового отупления и перепрограммирования, казалось бы, просвещенной нации, давших миру Иммануила Канта, Фридриха Шиллера, Рудольфа Распе – и это только малая часть выдающихся философов. А скольких музыкантов и поэтов? Но кажется пора отходить от дремучей лирики и переходить к нашей непосредственной теме, а именно «психологическим операциям» в условиях эпохи мира постмодерна.

В вооруженных силах НАТО организация психологических операций регламентируется директивами, уставами и наставлениями, разрабатываемыми как для армий отдельных государств, так и для блока в целом. Своеобразный «тон» в определении общих ориентаций, масштабов, интенсивности, форм и методов осуществления информационных и психологических акций в рамках ПсО задают США. Американская система взглядов на ПсО, во-первых, впитывает в себя всё, что наработано в этой области в других странах, во-вторых, сама выступает для них неким эталоном в данной сфере и, в-третьих, демонстрирует в последнее время практические приемы организации воздействий в этой области.

Психологические операции – это проводимая в мирное или военное время плановая пропагандистская или психологическая деятельность, рассчитанная на иностранные враждебные, дружественные или нейтральные аудитории, с тем чтобы влиять на их отношение и поведение в благоприятном направлении для достижения как политических, так и военных целей.

Психологические действия – это осуществление конкретных мероприятий как в мирное, так и в военное время, направленных на подрыв потенциального или действительного престижа и влияния противника во враждебных, нейтральных или союзных странах и укрепление влияния и престижа [1].

Сконцентрировать внимание стоит на начале «Арабской весны», именно на 2011 г., ставшим первым примером активного использования социальных сетей «Фейсбук» и «Твиттер» для расшатывания ранее относительно стабильных государств Ближнего Востока. После был «Евромайдан» 2013–2014 гг., который дал плоды для создания «психологического копья», окончательно направленного на завершение проекта «Украина – не Россия» [2].

В 2016 г. Украина приступила к формированию новой структуры в составе своих вооруженных сил – Сил специальных операций (ССО). Одной из задач этого рода войск сделали проведение т.н. информационно-психологических операций. Ее решение доверили соответствующим частям, существующим или вновь сформированным. Центры информационно-психологических операций (ЦИПсО) активно работали до недавнего времени, но теперь становятся целями для российских ударов в порядке демилитаризации.

В феврале 2017 г. указом президента была утверждена Доктрина информационной безопасности Украины, ставшая основным документом в деятельности центров ИПсО. Кроме того, принимались и выполнялись различные нормативно-правовые акты, приказы и т.д. на уровне министерства обороны ССО.

По известным данным, строительство и развитие ЦИПСО осуществлялось Украиной как самостоятельно, так и при активной поддержке дружественных зарубежных государств. Иностранцы армии и спецслужбы консультировали украинских коллег, предоставляли им необходимое программно-аппаратное обеспечение, делились методиками работы и т.д. Также на Украину отправлялись постоянные смены специалистов. К примеру, с 2018 г. в 72-м ЦИПСО работала команда инструкторов из 77-й бригады информационных войск Великобритании.

Структура информационно-психологической составляющей ССО Украины до недавнего времени была достаточно простой. В ней присутствовало четыре ЦИПСО с похожими задачами, подчиняющиеся непосредственно командованию Сил. Особую роль играл 72-й главный ЦИПСО. В первые годы своего существования он работал в г. Севастополе, но после событий 2014 г. был переведен в г. Бровары вблизи Киева. Эта часть имела численность около 150 чел. и самостоятельно разрабатывала и выполняла операции в информационной среде. Также она координировала действия других центров и отвечала за взаимодействие с зарубежными структурами.

В н.п. Гуйва в нескольких километрах от Житомира находился или находится 16-й ЦИПСО. 74-й и 83-й центры были развернуты в г. Львов и Одесса соответственно. От главного центра они отличаются меньшей численностью и сокращенным кругом задач. Эти части только проводят операции и реализуют планы вышестоящего центра.

Известен типовой состав ЦИПСО. Помимо руководства и подразделений обеспечения такая часть включает аналитический отдел, отдел наблюдений и специальных действий (с двумя группами, решающими эти задачи), а также отделения печатной пропаганды, телекоммуникационных сетей и информационно-компьютерных технологий. Примечательно, что украинские ЦИПСО действуют не только самостоятельно. Как показывают события последних дней и недель, они могут работать вместе с зарубежными структурами аналогичного назначения. Иностранцы центры и информационные войска обеспечивают доступ к крупным ресурсам, в т.ч. коммерческим [3].

ЦИПСО регулярно устраивали операции, направленные на изменение общественных настроений в России, через каналы массовой информации, социальные сети, системы ботов и т.д. осуществлялись вбросы выгодной информации, зачастую не вполне достоверной или вовсе лживой. Велась агитация на всех доступных площадках с применением специальных инструментов. К примеру, в последние дни для распространения пропаганды активно используются рекламные сервисы.

Параллельно центры выполняли хакерские атаки разного рода на различные ресурсы России и других стран. С их помощью пытались получить доступ к закрытой информации, вывести из строя определенные ресурсы и т.д. Также с ЦИПСО связаны многочисленные инциденты с ложными сообщениями о готовящихся терактах. В последнее время появилась версия, согласно которой украинские ССО причастны и к телефонному мошенничеству [4].

Необходимо отметить, что к настоящему времени накопился достаточный объем доказательств и фактического материала о деятельности центров ИПсО. В последнее время хакеры, такие как «Джокер ДНР» или «Берегини» регулярно публикуют похищенные рабочие документы 72-го ГЦИПсО. Благодаря им в открытый доступ попадают списки и фотографии личного состава, планы и руководства по проведению операций и т.д. [5]

В заключение стоит отметить, что нарастающая русофобия, подготовленная и разжигаемая внутри западных стран, была спланированным актом гибридной агрессии против нашего государства именно на базе проведения глобальной информационно-психологической операции с использованием ведущих медиаресурсов и СМИ.

Список литературы

1. Макаренко С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. СПб., 2017.
2. Шарп Д. От диктатуры – к демократии. 3-е изд. М., 2005.
3. Хакеры рассекретили данные о спецоперации Украины на территории России // ДОН – 24. URL: https://don24.ru/rubric/politika/hakery-rassekretili-dannye-o-specoperacii-ukrainy-na-territorii-rossii.html?utm_source=ru.wikipedia.org&utm_medium=referral&utm_campaign=ru.wikipedia.org&utm_referrer=ru.wikipedia.o (дата обращения: 21.02.2022).
4. Центры информационно-психологических операций ССО Украины. Разгром близок // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/192979-centry-informacionno-psihologicheskikh-operacij-ssu-ukrainy-razgrom-blizok.html> (дата обращения: 08.03.2022).
5. «Чтобы не промывали мозги»: ликвидирован штаб «фабрики троллей». ВСУ // ГАЗЕТА.RU URL: <https://www.gazeta.ru/army/2022/02/25/14577799.shtml> (дата обращения: 08.03.2022).

М.С. Дихтемиров

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

В статье представлен анализ актуальной информации о некоторых особенностях развития и изменения миграционного процесса в Республике Крым. Автор отмечает, что крайне неблагоприятное демографическое положение региона, социально-экономические последствия пандемии COVID-19, обострившие проблемные точки полуострова, потоки беженцев в связи с проведением специальной военной операции на Украине, а также увеличение миграционной мобильности среди крымской молодежи могут привести как к кризису экономического развития региона, так и зафиксировать новые точки роста встречных миграций на полуострове.

Ключевые слова: миграция, кризис, пандемия COVID-19, социальные последствия, специальная военная операция, Республика Крым.

**SOME FEATURES OF THE MIGRATION PROCESS AS A FACTOR
IN THE DEVELOPMENT OF THE REGION IN THE CONDITIONS OF THE CRISIS
(BY THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA)**

The article presents an analysis of up-to-date information about some features of the development and change of the migration process in the Republic of Crimea. The author notes that the extremely unfavorable demographic situation of the region, the socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic, which have aggravated the problematic points of the peninsula, refugee flows due to a special military operation in Ukraine, as well as an increase in migration mobility among Crimean youth can lead both to a crisis in the economic development of the region and fix new growth points of counter migrations on the peninsula.

Key-words: migration, crisis, COVID-19 pandemic, social consequences, special military operation, Republic of Crimea.

Миграция является сложным многоаспектным явлением и связана как с социально-политическими, так и с культурно-гуманитарными процессами. Согласно оперативным данным по миграционному движению населению Республики Крым, миграционный прирост в 2020 г. составил 9940 чел., среди которых 6467 – выходцы из стран СНГ. Данные за 2021 г. также демонстрируют миграционный прирост – 12403 чел., из которых граждане стран СНГ составили 9503 чел. [1]. Несмотря на положительную миграционную динамику по отношению к Крымскому региону, демографическое положение вместе с другими социальными вызовами создает условия для возникновения крайне неблагоприятных социальных процессов, которые могут затормозить дальнейшее развитие и процветание Крыма.

Воссоединение Крыма с Россией привело к развитию полуострова по многим направлениям. Большими темпами развивается транспортная инфраструктура, включая запуск нового авиационного комплекса, «Крымского моста», трассы «Таврида». Строительная отрасль аналогично развивается быстрыми темпами: появляются новые жилые районы во многих крупных городах Крыма, открываются новые рекреационные комплексы. Одновременно с этим ежегодно проводятся важные мероприятия как культурного, так и коммерческого характера, задача которых ускорить вхождение Республики Крым в экономическое, политическое и социокультурное пространство Российской Федерации. Следует отметить, что в то же время существуют и определенного рода сложности, которые оказывают негативное влияние на имидж региона. Это, в частности, регулярные перестановки во властных структурах, международные и так называемые «внутренние» санкции, дотационность региона и др. К таким же сложностям автор относит и некоторые особенности миграционных процессов на полуострове.

В этом контексте предпринятое автором исследование «Факторы миграции как зеркало состояния общества (на материале анализа миграционных процессов в Республике Крым)» [2] конкретизирует и систематизирует как положительные, так и отрицательные миграционные факторы, которые оказывают влияние на динамику миграционных процессов в регионе.

В работе выделен значительный круг разноаспектных стимулирующих факторов миграции: «климат, близость моря, экология, природа; модернизирующаяся инфраструктура; добрые и отзывчивые люди; возможность запускать и реализовывать на полуострове новые бизнес-модели и различного рода проекты, которые создавали бы новые рабочие места и дополнительную конкуренцию на благо развития региона; привлекательная картина потенциального образа будущего полуострова; позиционирование Крыма, как диалоговой площадки, которая притягивает интересных, успешных и перспективных людей; факт воссоединения Крыма с Россией, который разбудил патриотические чувства среди россиян и склонил часть населения России к переезду на полуостров, для того чтобы быть частью истории, творящейся на глазах; более спокойная жизнь по сравнению с мегаполисами; мир и спокойствие, что оказалось особенно важным для беженцев юго-востока Украины; ментальная и культурная близость для приезжих, как с материковой части России, так и с материковой части Украины».

В свою очередь к перечню сдерживающих факторов автор относит: «высокие цены на продовольствие, а также аренду и покупку недвижимости; завышенные цены на услуги в коммерческом секторе, одновременно прослеживается их низкое качество; пока еще низкий уровень развития социальной инфраструктуры; санкции и политико-экономическая изоляция (отсутствие консульств, международных рейсов, крупных международных компаний и т.д.); низкий уровень заработной платы; ограниченность и несбалансированность рынка труда; нехватка квалифицированных кадров, что мешает развитию региона; негативный образ Крыма в международном контексте; излишняя бюрократизация процессов трудоустройства и легализации своего статуса для приезжих; слабо развитая медицинская сфера; привязка некоторых видов работ к сезонному графику; формирование неблагоприятного образа «приезжего» в среде местных жителей; малопонятные перспективы для крымской молодёжи».

Распространение COVID-19 также оказало существенное влияние на миграционные процессы в среде разных социальных групп, в частности среди крымской молодёжи. В статье автора «Трансформация миграционной мобильности крымской молодёжи на фоне пандемии COVID-19» [3] отмечается, что уровень готовности молодого поколения к перемещениям в 2020 г. значительно вырос по сравнению с 2016 г. Также отмечено, что «фактор пандемии COVID-19, и последовавшие за этим ограничительные меры, вкуче с экономическими последствиями, оказали значительное влияние на желание определенной части молодёжи покинуть полуостров». Фактор COVID-19, оказывающий свое влияние и в 2022 г., несмотря на значительные фактические послабления, вакцинацию населения, государственную поддержку, продолжает создавать риски, как для комплексного развития крымского региона, так и риски для развития крымской молодёжи. Тем самым, провоцируя создание миграционных рисков, (отток молодых специалистов и людей репродуктивного возраста) в условиях неудовлетворительной демографической ситуации в регионе [4], такая несбалансированная миграционная активность вызывает определенные опасения относительно будущего полуострова.

Следует также отметить, что с момента начала специальной военной операции на Украине через пограничные пункты на севере Крыма на полуостров въехало более 20 тыс. чел. Тем не менее, инфраструктурные возможности полуострова позволяют разместить до 2500 чел. в 26 пунктах [5; 6]. Остальная часть «беженцев де факто» направляется в остальные регионы России. Несмотря на то, что оценить реальные социальные последствия притока беженцев из Украины для нашего региона пока что не представляется возможным, (прошло мало времени и количество беженцев продолжает увеличиваться), тем не менее, стоит обозначить некоторые процессы, способные оказывать влияние на функционирование социального пространства региона: потенциальное повышение уровня социальной напряженности (например, увеличение уровня конкуренции в борьбе за рабочие места в регионе); повышение нагрузки на социальную инфраструктуру; ухудшение криминальной обстановки.

Таким образом, реальная демографическая обстановка крымского региона; рост миграционной мобильности среди крымской молодежи на фоне пандемии COVID-19; увеличение потоков беженцев в связи со специальной военной операцией на Украине, которые, могут привести, с одной стороны, к актуализации тех факторов, которые уже стимулируют миграцию для приезжающей и вынужденно переселяемой части мигрантов. С другой стороны они же могут вновь обнажить старые проблемные точки региона, которые являлись сдерживающими факторами миграции. Если актуализация стимулирующих факторов направлена на внешний контур и тем самым приводит к притоку человеческого капитала, что впоследствии могло бы улучшить демографическое положение Крыма, то обнажение сдерживающих факторов и их актуализация в общественном пространстве может спровоцировать кризис во многих экзистенциально важных полях крымского социума, в том числе привести к отъезду наиболее активной и трудоспособной части крымского населения.

В этом смысле учет этих кризисных процессов со всеми вытекающими последствиями не только детерминирует «прочность» региона, но и трансформирует будущие векторы развития, в том числе и в вопросах миграционной политики.

Список литературы

1. Оперативные данные по миграционному движению населения Республики Крым. Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. URL: https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9C%D0%9D%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%92%D0%AD%D0%91%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82_%2012%202021.pdf (дата обращения: 20.03.2022).
2. Дихтемиров М.С. Факторы миграции как зеркало состояния общества (на материале анализа миграционных процессов в Республике Крым) // Аспирантский вестник Поволжья. Самара, 2021. № 3–4. С. 47–55.
3. Дихтемиров М.С. Трансформация миграционной мобильности крымской молодежи на фоне пандемии COVID-19 // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы» /отв. ред. Н.В. Яковенко. Воронеж, 2021. С. 1002–1006.
4. Оперативные данные по естественному движению за январь 2022 года. Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю.

URL: https://crimea.gks.ru/storage/media-bank/%D0%95%D0%94%D0%9D%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%92%D0%AD%D0%91%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%2001_2022.pdf. (дата обращения: 20.03.2022).

5. Пункты размещения для беженцев в Крыму: адреса и вместительность 2013–2022. Лента новостей Крыма. URL: <https://crimea-news.com/society/2022/03/22/903808.html> (дата обращения: 22.03.2022).

6. Месяц «другой жизни»: что изменилось в Крыму после начала спецоперации в Украине 2013–2022. Лента новостей Крыма. URL: <https://crimea-news.com/society/2022/03/24/904927.html> (дата обращения: 24.03.2022).

С.А. Бичаков

ПРОБЛЕМА АРХАИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ АРАБСКОГО МИРА

В статье рассматриваются причины архаизации в политической культуре арабского мира, а также проводится анализ проблем, вызванных идеями архаизации в арабском обществе. Особое внимание в исследовании уделено роли идей «возрождения» и «возвращения к истокам» в исламском радикализме и фундаментализме.

Ключевые слова: архаизация, арабский мир, арабская весна, политический ислам, Ближний Восток.

S.A. Bichakov

THE PROBLEM OF ARCHAIZATION IN THE POLITICAL CULTURE OF THE ARAB WORLD

The article discusses the causes of archaization in the political culture of the Arab world, and also analyzes the problems caused by the ideas of archaization in Arab society. Particular attention in the study is paid to the role of the ideas of "revival" and "return to the origins" in Islamic radicalism and fundamentalism.

Key-words: Archaization, Arab world, Arab spring, political islam, Middle East.

Арабский мир в начале второго тысячелетия вступил в новый период политической неопределенности. Социально-политические и экономические кризисы в арабских государствах конца первого десятилетия XXI в. стали поводом к началу протестных событий «арабской весны» в 2010–2011 гг. Среди лозунгов протестов звучали призывы к возвращению «золотого века» арабской нации (к истокам халифата), возрождению исламской традиции в государственном управлении. Такие идеи были поддержаны как «рядовыми» членами общества, так и обширной частью интеллигенции, разочаровавшейся в либеральных, демократических реформах западного образца.

Возвращение традиционных практик, политических образов и элементов культуры прошлого, именуется архаизацией. Архаизация политического протеста завладела умами основных политических сил после успешно проведенных протестных акций в большинстве арабских государств – Тунисе, Египте, Сирии, Ираке, Йемене и др.

Политическая культура в арабском обществе имеет кардинальные отличия от западной культуры. Обращение к мистике, отвержение рационального, под-

чинение авторитетам и создание кумиров по праву считаются проявлениями архаичного сознания, но в современных условиях они реализуются в особых формах. В арабских государствах преобладает общество с традиционным укладом жизни. Поведение отдельных лиц в нем строго регламентировано традиционными морально-этическими нормами. Оно подчинено групповым интересам – семьи, клана, племени, общины [4, с. 242]. Такое общество будет опасаться нововведений (появление новой идеологии, политической власти, культурной глобализации, экономической трансформации) и если все-таки нововведения придут в их жизнь, в случае конфликтности, решение члены общества будут искать в идеях архаизации.

Стоит отметить, что в каждом существовавшем этапе социально-политического развития арабского мира существовала идея «возвращения к истокам», «тоска по старым, добрым временам», когда «раньше было лучше», и все проблемы при использовании прошлого опыта могли решиться в настоящее время. Так, в Новое время среди арабского населения Османской империи были актуальны идеи борьбы против османизма и возвращения к временам правления Праведных халифов.

Частые военные поражения, особенности политической культуры, сохраняющей элементы архаики, религиозная этика, преобладание общинных (племенных) интересов над интересами индивидуума, отсутствие экономических структур привели к усилению идей архаизации в новейшее время [2, с. 651]. Колониальная политика европейских государств привела к углублению в арабском обществе ностальгии к возрождению прежних норм, институтов, порядков времен расцвета и могущества.

Во второй половине XX в. многие лидеры молодых арабских государств использовали архаизацию в своих политических целях. Став президентом Ирака в 1979 г., С. Хусейн первым делом очистил руководство правящей партии БААС от видных военных и политических деятелей, имевших влияние среди населения. Выходец из провинции, где племенные, клановые и семейные связи были очень сильны, Хусейн активно задействовал традиционные институты, соединив их с силовыми структурами. Большинство мест в правительстве заняли его родственники и соплеменники. Если структурирование режима шло в русле традиции, то культивирование мифов об особом иракском величии и миссии можно определить как архаизацию, стирание грани между воображаемым и реальным, между мифами и прагматизмом их использования [1, с. 142].

Также архаика может обеспечивать легитимность власти в наиболее «фрагментированном» или традиционном обществе. Например, в Ливии большие доходы от экспорта нефти, с одной стороны, и запросы местного общества – с другой, предопределили эволюцию образа Муаммара Каддафи от молодого офицера, уничтожившего монархию, до бедуина в традиционном одеянии, не способного обходиться без шатра и многочисленной свиты.

Идеи «возвращения к славному прошлому» становятся при кризисных ситуациях в арабском обществе, связанными с национальным ущемлением, нацио-

нальными проигрышами (обидами) политических лидеров или несостоятельности власти и политического управления, действенным методом мобилизации населения. По мнению российского востоковеда И.Д. Звягельской: «В таком понимании архаизация не обязательно относится к древности, но непременно выступает имеющим исторические корни антиподом, вызывающей отторжение действительности» [1, с. 138.]. По мнению исследователя Ч.К. Ламажаа: «главной причиной распространения архаизации является заметное отличие целей, форм, идеалов социальной революции от культурных идеалов общества. Предпосылкой, условием для развития процесса архаизации является степень «преодоленности» самой архаики обществом. Если архаика в значительной мере сохранилась, то общественный возврат к ней в условиях кризиса социальной трансформации будет масштабным, что существенным образом затруднит прохождение трансформационных процессов, модернизацию» [3, с. 38].

В начале XXI в. ряд арабских государств оказались в зоне политической нестабильности. В этот период вновь возникли противоречия между арабским обществом и государством. Многие лидеры арабских государств (Х. Мубарак, А. Бен Али, Б. Асад, М. Каддафи) стремились использовать фактор архаизации для консолидации населения вокруг правящего режима.

Однако этноконфессиональные противоречия, разочарование в светских националистических режимах, которые не оправдали возложенные на них арабским обществом ожидания, утратившие идейную и политическую привлекательность, привели к усилению позиций политического ислама. Приверженцы политического ислама, как выбранный президентом страны лидер группировки «Братья-мусульмане» (запрещенной в РФ экстремистской организации) М. Мурси стремились заручиться поддержкой населения прибегали к инсинуациям, связанным с «золотым временем ислама».

При этом, политический ислам, манипулируя общественным сознанием, используя идеи архаизации, не укрепил, а, наоборот, во многом усугубил фрагментацию государственного управления. Отрицая, новые формы демократического правления и руководствуясь логикой возвращения к нормам политического ислама. Разрушение или резкое ослабление государственных институтов в ходе протестных акций приводило к анархии, «революционной необходимости». Приходящие на смену светским судам, формы религиозных судилищ являлись данью дремучего средневекового сознания. В итоге, развал государственных устоев и институтов не только открывает возможности для злоупотреблений, но и заставляет оппозицию предлагать такие ценности, которые сделают ее действия в глазах традиционного общества понятными и приемлемыми, придадут им идейное обоснование.

Действительно, в условиях социально-экономических и социально-политических потрясений возрастает спрос на религию как на универсальную общественную ценность. Успех политических партий в Тунисе и Египте отражал цивилизационный выбор традиционного общества, не способного противостоять несправедливости в контексте современной культуры.

После событий арабской весны и усилением влияния исламистов идея «возвращения к истокам ислама» используется различными запрещенными организациями исламских фундаменталистов и джихадистов, среди которых: Исламское государство» (ИГ), «Аль-Каида», «Джабхат ан-Нусра» (запрещенные в РФ). Они выступают против существующих государственных границ, государств и режимов, «исповедуя» идеи халифата и возврата к старым методам ведения политики, опираясь на ислам, в качестве главенствующего закона и идеологии.

Джихадисты используют специфику современной поп-культуры совмещая ее с традиционным нарративом об исламском героизме, величии джихада, братской любви верующих. И в настоящее время идеи архаизации являются функцией манипуляции общественным сознанием, используемой радикальными элементами для достижения политических целей и обретения власти.

Список литературы

1. Звягельская И.Д. Архаизация в арабском мире: после и вместо революции // Россия и мусульманский мир. 2016. С. 138–153.
2. История Востока. Т. III. Восток на рубеже Средневековья и Нового времени. М., 1999.
3. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Гуманитарные науки: Теория и методология. 2011. № 3. С. 35–42.
4. Шилз Э. О содержании термина «традиция» // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. М., 1998. С. 240–245.

Е.Н. Сичак

НЕКОТОРЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БРЕНДИНГА КПРФ В 2021 Г. В РАМКАХ ВАКЦИННОЙ ПОВЕСТКИ (НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ)

Статья посвящена исследованию деятельности КПРФ в аспекте брендинга в период кампании массовой вакцинации в РФ. В качестве примеров анализируются региональные примеры партийного брендинга в субъектах Южного федерального округа. Проведен анализ визуального, вербального и смыслового компонентов в позиционировании партии в контексте вакцинации и связанных с ней вопросов, выявлены особенности и недостатки данных компонентов. Также в статье даны некоторые рекомендации по созданию альтернативных вариантов брендинга и организации работы партийных структур в подобных условиях.

Ключевые слова: политическая партия, КПРФ, ЮФО, общество, бренд, партийное строительство, брендинг, позиционирование, вакцинация, пандемия.

E.N. Sichak

SOME REGIONAL ASPECTS OF THE CPRF BRANDING IN 2021 AS PART OF THE VACCINE AGENDA (ON THE EXAMPLE OF THE SOUTH OF RUSSIA)

This article is devoted to the study of the activities of the Communist Party in the aspect of branding during the mass vaccination campaign in the Russian Federation. Regional examples of party branding in the subjects of the Southern Federal District are analyzed as examples. The analysis of visual, verbal and semantic components in the positioning of the party in the context of vaccination and related issues was carried out, the features and disadvantages of these components were identified. The article also provides some recommendations for creating alternative branding options and organizing the work of party structures in such conditions.

Key-words: political party, Communist Party, SFD, society, brand, party building, branding, positioning, vaccination, pandemic.

В первую очередь отметим, что во второй год пандемии российское общество вошло с высоким показателем уровня стресса – по состоянию на первые месяцы 2021 г. уровень невротизации составлял 55%. Граждан РФ волновали такие проблемы как инфляция (62%); низкий уровень заработной платы (56%); медицинское обслуживание (41%); эпидемическая обстановка (40%) [1]. В октябре 2021 г. социологические исследования показали, что 72% респондентов испытывали стресс, что меньше чем в предыдущий год (79%) [2].

Старт кампании массовой вакцинации был дан вице-премьером Т.А. Голиковой 18 января 2021 г. [3], а в октябре этого же года глава Роспотребнадзора А.Ю. Попова объявила о проведении на территории РФ обязательной вакцинации для отдельных категорий граждан [4]. Заметим, что все процессы, связанные с тематикой российских вакцин и системы выдачи сертификатов о прививках сопровождались большим количеством вбрасываемой в социальные сети недостоверной информации (фейков), теориями заговора и различными опасениями граждан в принципе, поскольку РФ впервые оказалась в подобной пандемийной реальности. Касаемо введения QR-кодов, распространялись фейки о «массовом чипировании» населения под видом вакцинации и т.п. Поскольку описанная обстановка сложилась в год проведения выборов в Государственную думу РФ VIII созыва, повестка вакцинации стала актуальным вопросом электоральной кампании и общественно-политических процессов. Данные социологического опроса, проходившего летом прошлого года (за два месяца до парламентских выборов), показали, что самое большое число россиян, не собирающихся делать прививку от COVID-19, относилось к электорату коммунистов и составляло 51% от всех респондентов [5]. Председатель КПрФ Г.А. Зюганов озвучил свою позицию, заключавшуюся в том, что вакцинация должна проходить исключительно на добровольной основе и данные меры необходимо вводить «аккуратно», во избежание дискриминации в обществе [6].

В Краснодарском крае в ноябре 2021 г. КПрФ был организован сбор подписей против введения QR-кодов в общественном транспорте и иных местах массового скопления. В обращении на сайте регионального отделения «куаркодизация» описывается как «откровенная провокация, связанная с базовым нарушением прав и свобод человека». В тексте также отмечалось, что внедрение QR-кодов «может быть хуже пенсионной реформы». В заключении обращения присутствовала фраза: «Дадим бой наступающему цифровому фашизму!» [5]. Визуальным компонентом выступал постер в мрачном стиле антиутопий с изображением группы людей, у которых вместо лиц нанесены QR-коды. Внизу рисунка располагался слоган: «КПрФ против введения QR-кодов».

Помимо визуализации и лозунговой составляющей, направленной на привлечение внимания к обсуждаемой проблематике, в краевом отделении КПрФ заявили, что решение проблем пандемии должно быть основано на научном подходе, рациональности и справедливости. В противном случае возможно возникновение «ковидной сегрегации» [6].

Ростовское региональное отделение КПРФ проводило сбор подписей используя схожую визуальную стилистику и в течении двух недель собрало более 20 тыс. подписей в субъекте [7].

КПРФ в Севастополе использовало в своих постерах более яркую и заметную гамму, в традиционном кумачовом цвете, с изображением кулака, «разбивающего» QR-код. Относительно электронных сертификатов было использовано определение «электронная бирка», также использовалось словосочетание «цифровой концлагерь». В одиночных пикетах, проводимых севастопольскими коммунистами, использовался лозунг «Нет цифровому рабству!» [8]. В Республике Крым представители КПРФ активно работали над освещением вакцинной повестки в социальных сетях, используя яркие изображения и фото, помеченные знаком рубрики «Вестник Крыма».

Таким образом, мы перечислили региональные отделения, использовавшие собственный оригинальный фирменный стиль в оформлении материалов в сети «Интернет», они размещали преимущественно собственный контент, в то время как остальные прибегали к кросспостингу новостей из федеральных групп партии.

Можно выделить следующие направления в создании дополнительных компонентов бренда КПРФ отражающего определенный запрос граждан:

- позиционирование КПРФ как «партии-защитника» для граждан, по разным причинам негативно относящихся к введению электронных сертификатов и воспринимающих данную меру, как покушение на собственную свободу, особенно учитывая степень невротизации общества после локдауна и его последствий;

- в то же время КПРФ, вопреки некоторым оценкам, не позиционировала себя как партия «антиваксеров» или адептов «теории чипирования», выступая за добровольность процесса вакцинации, рациональный научный подход к данному процессу. В партии подчеркивали опасность возникновения «ковидной сегрегации», которая может привести к конфликтам в обществе, как, к примеру, происходило в Республике Татарстан, после введения в тестовом режиме QR –кодов в общественном транспорте [9];

- одним из важных направлений брендинга КПРФ, используемых в т.ч. и в регионах, являлась партийная концепция отрицания «цифрового концлагеря», т.е. масштабного распространения цифровизации во все сферы жизнедеятельности граждан. Соответственно, было бы странно, если бы КПРФ не стала развивать работу в этой области;

- лозунги, используемые КПРФ в данной общественно-политической кампании, являлись громкими и резкими: «Остановить тотальное внедрение QR-кодов!», «Нет цифровому рабству!», «КПРФ против QR-фашизма» [10] и т.п. Данные лозунги использовались в материалах, размещаемых в социальных сетях и иных электронных ресурсах партии, а так же в одиночных пикетах в регионах ЮФО.

Однако, на наш взгляд, КПРФ не в полной мере использовала возможности в формировании суббрендов партии в данном направлении. В партийном строительстве брендинг может и должен быть направлен на расширение, вовлечение

и удержание новой аудитории и, соответственно, потенциальных активистов и функционеров. Говоря конкретнее, в ходе данной общественно-политической кампании представлялось возможным создать партийный проект или околопартийную организацию с собственной символикой в фирменном партийном стиле, т.е. являющейся суббрендом КПРФ. Подобные организации классик партологии М. Дюверже определял как «придаточные организмы» партии [11]. На наш взгляд, при создании такого придаточного организма, эффективно было бы создать профильную структуру, с оригинальным названием и собственной цифровой платформой, выступающей «общим местом», содержащей и отражающей в полном объеме следующее:

- официальную позицию партии по вопросу вакцинации и электронным сертификатам, что позволило бы избежать различных инсинуаций по поводу того, что якобы «КПРФ – партия антипрививочников»;

- информацию о работе региональных отделений, сторонников партии и общественников в рамках обозначенной проблематики;

- мнения партийных и привлеченных экспертов по вопросу борьбы с эпидемией и альтернативных вариантах борьбы с распространением инфекции с целью недопущения создания напряженности в обществе и возникновения конфликтных ситуаций в очередях, общественном транспорте и т.д.;

- визуальную и вербальную составляющие: логотип и иную символику, инфографику, фирменную цветовую гамму, общий слоган проекта и отдельные партийные лозунги.

Список литературы

1. Более половины россиян испытывали стресс в этом году. URL: <https://romir.ru/studies/bolee-poloviny-rossiyan-ispytyvali-stress-v-etom-godu> (дата обращения: 05.04.2022).

2. Россияне стали испытывать стресс реже, но глубже. URL: <https://romir.ru/studies/rossiyane-stali-ispytyvat-stress-reje-no-glubje> (дата обращения: 05.04.2022).

3. О массовой вакцинации населения от новой коронавирусной инфекции. URL: <http://government.ru/news/41342/> (дата обращения: 06.04.2022).

4. По всей России ввели обязательную вакцинацию для некоторых категорий. URL: <https://ria.ru/20211026/vaktsinatsiya-1756319479.html> (дата обращения: 06.04.2022).

5. Больше всего антипрививочников оказалось среди сторонников КПРФ. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/08/2021/611517489a7947efb34f7266> (дата обращения: 06.04.2022).

6. Зюганов выступил против дискриминации невакцинировавшихся россиян. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11746005> (дата обращения: 06.04.2022).

7. КПРФ начинает сбор подписей против QR-кодов в Краснодаре. URL: https://kubkprf.ru/tochka_zreniya/safronov/kprf_nachinaet_sbor_podpisej_protiv_qr_kodov_v_krasnodare.html (дата обращения: 06.04.2022).

8. Коммунист-депутат Иван Жилищников – в Заксобрании края: КПРФ выступает за рациональный и справедливый подход к решению проблем пандемии! URL: https://kubkprf.ru/novosti/kraevoe_otdelenie/kommunist_deputat_ivan_zhilishnikov_v_zaksobranii_kraya_kprf_vyistupaet_za_racjonalnyj_i_spravedlivyj_podxod_k_resheniyu_problem_pandemii.html (дата обращения: 06.04.2022).

9. Более 20 000 подписей против QR-кодов собрано в Ростовской области. (Видео). URL:<http://kprf-don.ru/index.php/work/mestnie/9381--20-000-qr-.html> (дата обращения: 07.04.2022).

10. Коммунистическая партия Российской Федерации. Севастополь. URL: <https://vk.com/sevkprf> (дата обращения: 07.04.2022).

11. QR-коды притормозили Татарстан. URL:<https://www.kommersant.ru/doc/5088473> (дата обращения: 07.04.2022).

12. Депутаты от КППФ развернули в Госдуме плакат «против QR-фашизма». URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/12/2021/61bb3b1c9a794715e4dd3840> (дата обращения: 07.04.2022).

13. Дюверже М. Политические партии. М., 2002. С. 59.

Д.А. Голубенко

«КРЫМСКАЯ ВЕСНА 2022»: АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ, ПРОБЛЕМ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ РОССИИ

В статье сделана попытка проанализировать изменения и проблемы, возникшие в восьмилетний период вхождения республики Крым и г. Севастополя в состав России. Определены возможные перспективы развития региона в контексте интеграции региона в российское политическое поле.

Ключевые слова. Республика Крым, перспективы развития, интеграция, внутривнутриполитические процессы, «Крымская весна».

D.A. Golubenko

"CRIMEAN SPRING 2022": ANALYSIS OF CHANGES, PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN DOMESTIC POLITICAL PROCESSES

This article attempts to analyze the changes and problems that arose during the eight-year period when the Republic of Crimea and the city of Sevastopol became part of Russia. Possible prospects for the development of the region in the context of the integration of the region into the Russian political field are determined.

Key-words. Republic of Crimea, development prospects, integration, internal political processes, "Crimean Spring".

Республика Крым и город федерального значения Севастополь носят статус субъектов РФ сравнительно большое количество времени. 16 марта 2022 г. исполнилось ровно 8 лет с момента проведения крымского референдума по поводу государственной принадлежности и статуса полуострова. В результате проведенного референдума 18 марта 2014 г. был подписан договор между Российской Федерацией и республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов [1]. Данное событие приобрело исторический характер, однако не обошлось без разноплановой рефлексии со стороны государств и других представителей мировой общественности.

Начиная со второй половины 2014 г. население и общественные институты Крыма, после «украинского периода», получили новый виток развития. Однако

в силу исторических обстоятельств и особенностей интеграции в российское политическое пространство, они сталкивались и продолжают сталкиваться до сих пор, с незамедлительным решением практических проблем разного уровня, а также определения перспектив дальнейшего развития.

С целью решения этих проблемы была принята Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие республики Крым и г. Севастополя до конца 2025 года» [2]. Чтобы понять эффективность реализации федеральной программы, представляется уместным обратить внимание на статус реализации программы по состоянию на март 2021 г.: «На 03.2021 г. почти по 50% объектов и мероприятий Программы находятся в стадии реализации (487 из 978), из которых большая часть направлена на капитальные вложения, преимущественно социальной и инженерной инфраструктур» [2]. Из данной выдержки можно сделать предположение, что темпы выполнения целевой программы не достаточны в силу тех или иных экономических и политических причин. Стоит понимать, что наши «доброжелатели» об этом осведомлены и пытаются самыми различными методами – от применения санкционного давления до использования «черной пропаганды» – затормозить выполнение программы, настраивая отрицательно часть населения Крыма.

Важно сделать акцент на том, что экономические и материальные показатели отнюдь не первостепенны в реализации Федеральной целевой программы. Как верно подметил директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН М.К. Горшков: «параллельно с этими процессами должно происходить качественное обновление взаимодействия различных социальных групп в контексте новой для Крыма политической и социальной модели, представляющей в пространстве Российской Федерации целостное уникальное социально-историческое образование» [3, с. 6].

С точки зрения внутривнутриполитических процессов, проблема реинтеграции крымского социума не теряет свою актуальность даже по прошествии 8 лет. Поскольку полуостров десятками лет находился в составе другого государственного образования, решение проблемы кроется в актуализации социальных связей с многочисленными сообществами России, акцент на собственной самобытности в «братской семье большого социума» страны.

Следует отметить также проблему дотационного статуса Крыма, которая не решена до сих пор. Нужно признать, что присутствует положительная динамика в вопросе соотношения дотаций из федерального центра и собственных доходов. А.А. Зоткин приводит цифры доходов в период с 2014 по 2019 гг.: «Дотации из федерального центра в 2019 г. составляют 77% от общего бюджета республики. Крым показал высокие темпы прироста доходов бюджета (в три раза — с 17 млрд руб. в 2014 г до 54 млрд. руб. в 2018 г.). Это объясняется в первую очередь налаживанием экономической системы и работы налоговых служб» [4, с. 10].

Однако если актуализировать бюджет республики на 2022 г., то необходимо сделать акцент на тревожной особенности. Согласно закону Республики Крым «О бюджете Республики Крым на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов», проект бюджета на 2022 г. составляет 199,2 млрд. руб., из которых 57,3

млрд. руб. – налоговые и неналоговые доходы, а 142,6 млрд. руб. – дотации из федерального центра. В 2023 г. проект бюджета значительно увеличится до 237,2 млрд. руб., из которых 61,9 млрд. руб. – налоговые и неналоговые доходы, а 175,2 млрд. руб. – дотации из федерального центра [5, с. 1-2]. Как можно заметить, две упомянутые части проекта бюджета растут непропорционально.

Таким образом, возникающие проблемы развития нуждаются в постоянном мониторинге и в искоренении на ранней стадии. При этом необходимо отметить, что для полного и всестороннего изучения новейшей истории Крыма важно учитывать все точки зрения, в том числе альтернативные мнения. Это позволит избежать однобокого освещения и фальсификации исторических фактов.

Список литературы

1. Договор между Российской Федерацией и республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов 18 марта 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20605> (дата обращения: 20.03.2022).

2. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие республики Крым и г. Севастополя до конца 2025 года». URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/socialno_ekonomicheskoe_razvitie_respubliki_krym_i_goroda_federalnogo_znacheniya_sevastopolya/fcp_socialno_ekonomicheskoe_razvitie_respubliki_krym_i_g_sevastopolya_do_2025_goda/ (дата обращения: 22.03.2022).

3. Горшков М.К. Воссоединение Крыма с Россией: социально-исторические, политические и социокультурные предпосылки, задачи и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. № S1. С. 3-8.

4. Референдум о государственном статусе Крыма и Севастополя 16 марта 2014 г. URL: <http://krymology.info/index.php/%D0%A0%D0%B5%/> (дата обращения: 02.04.2014).

5. Закон Республики Крым. О бюджете Республики Крым на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов. URL: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/8/act/994prz.pdf> (дата обращения: 28.03.2022).

О.Н. Донецков

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

2019–2020 гг. стали переломными в сфере перехода на цифровое решение политических задач и принятия новых инструментов в политическом управлении. Драйвером такого перехода можно считать пандемию и ковидные ограничения в стране. Но кризис политической цифровизации и необходимость перехода на иной уровень принятия решений возник исходя из развития цифрового пространства, появления нового программного обеспечения и развитие цифровых площадок, а также повышение цифровой грамотности у населения. Таким образом, катализатором перехода в цифровой мир можно считать пандемийные условия, но вопрос реформирования процессов принятия политических решений возник до этого. Рассматриваются новые цифровые инструменты, которые были внедрены недавно или только будут внедряться в систему органов государственной власти.

Ключевые слова: цифровизация, государственные органы, виртуальный мир, цифровые технологии, органы местного самоуправления.

DIGITAL TRANSFORMATION OF EXECUTIVE AUTHORITIES AND LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES KRASNODAR REGION

The years 2019–2020 have become a turning point in the transition to digital solution of political tasks and the adoption of new tools in political governance. The driver of such a transition, of course, one of the most obvious reasons can be considered a pandemic and covid restrictions in the country. However, the crisis of political digitalization and the need to move to a different level of decision-making arose based on the development of the digital space, the emergence of new software and the development of digital platforms, as well as increasing digital literacy among the population. Thus, pandemic conditions can be considered a catalyst for the transition to the digital world, but the issue of reformatting political decision-making processes arose before that. This paper discusses new digital tools that have been introduced recently or will only be introduced into the system of public authorities.

Key-words: digitalization, government agencies, virtual world, digital technologies, local governments.

Отличительной чертой отечественного опыта цифровой трансформации является то, что цифровизация в Российской Федерации – это стихийное и скачкообразное введение современных инструментов в работу специалистов органов исполнительной власти и местного самоуправления. Чаще всего введение новых технологий в работу носит вертикальный характер, начиная с федерального опыта до муниципального.

Сама деятельность структур в сети Интернет представлена слабо. Учитывая быстрый темп развития цифровых технологий и сравнивая с уровнем интеграции власти в цифровые процессы, то можно заметить отставание, особенно на муниципальном уровне власти.

В основном речь идет о квалифицированных специалистах, которые имеют навыки и ресурсы для качественного позиционирования в виртуальном мире.

К позиционированию относятся:

- качественное ведение официальных аккаунтов в социальных сетях;
- внедрение новых инструментов для коммуникации с населением (система Инцидент Менеджмент и Платформа обратной связи);
- открытые голосования, активная коммуникация с населением;
- переход на цифровой документооборот.

На сегодняшний день развитие виртуального пространства и воздействие на целевую аудиторию со стороны акторов политической деятельности в Российской Федерации строится на трёх составляющих:

1) Законодательство Российской Федерации, нормативно-правовые акты, постановления и указы федерального и регионального уровня, а также государственные проекты и гранты по развитию цифровых технологий (юридическое обоснование деятельности в сети Интернет).

2) Цифровые площадки размещения, обмена и получения информации, а также поисковые ресурсы отечественных и зарубежных компаний, как инструменты коммуникации в цифровом пространстве.

3) Сообщества и пользователи информационных ресурсов, политиче-

ские партии, лидеры общественного мнения, федеральные и региональные органы исполнительной власти, а также органы местного самоуправления, представленные в социальных сетях и сайтах и выступающие как создателями, так и потребителями информационного контента.

В связи с развитием информационных технологий, доступности широкополосного интернета, а также организаций, работающих в сети Интернет портрет пользователя, видоизменился и занял иную нишу в цифровом пространстве.

Для более точного обозначения нового портрета цифровой аудитории необходимо провести сравнительные параллели аудитории Интернета 2011 и 2020 гг.

Данные различия и проницаемость цифровых технологий в повседневную жизнь также связана с изменениями поколения и цифрового портрета аудитории. Так как контент не только потребляется, но и создается, то возникают тематические сообщества, заинтересованные группы, проекты и лидеры общественного мнения, которые видоизменяют среду и устанавливают тренды, задают тональность информационному контенту, в том числе прослеживаются сценарии стихийных трендов, меняющих тональность всеобщего обсуждения в сети Интернет. Особенностью является формирование новостного контента раньше средств массовой информации и официальных источников в общественных пабликах и сообществах, что дает возможность переосмысления первичной, необработанной информации для молодых создателей контента и дальнейшего его распространения в цифровом пространстве.

В таком ключе потребителям информации для разграничения тональности контента необходимо руководствоваться своими нормами и культурной цензурой. Из-за такого распространения необработанной информации, которая потенциально может негативно отразиться на самом человеке, также усовершенствование инструментов мошенничества и вовлечения в противозаконную деятельность вводится термин «цифровая гигиена», обозначающий личную профилактику цифрового пространства. Так как большинство площадок формируется по принципу таргета интересов, формулы по очистке от нежелательного контента, распространения фейковой информации или предотвращения экстремистской деятельности в сети Интернет нет, и цензором в таком случае являются представители власти, компании, на чьих площадках распространяется контент, сообщества, где распространяются информационные материалы и сам пользователь.

В первую очередь задается вопрос: для чего государство представлено в сети Интернет? Из явных ответов – это расширения электората в ходе предвыборных кампаний, лоббирование интересов в сети интернет, пропаганда политических идей в допустимых нормах и создание новых каналов коммуникации и воздействия на пользователей виртуального пространства.

Однако ситуация раскрывается с другой стороны, когда мы исследуем техническую часть работы власти в Интернете.

По постановлению Правительства Российской Федерации от 10 июля 2013 г. № 583 «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местно самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также

представление и деятельность федеральных и региональных органов исполнительной власти, а также органов местного самоуправления в сети Интернет позволяют установить позиционирование власти в цифровом мире и регламентировать их работу в социальных сетях. Позиционирование власти сейчас – это совокупность правил и норм работы в Интернете в соответствии с определенными возможностями сетевых площадок. Например, обязательное наличие сайтов, представление официальных, верифицированных аккаунтов органов власти, глав и руководителей направлений в социальных сетях, своевременное информирование и новостная деятельность пресс-секретарей или сотрудников по связям с общественностью, оповещение и PR-деятельность направленная на популяризацию социальных институтов, льгот и возможностей для граждан, а также немаловажным пунктом является создание коммуникации с целевой аудиторией департамента с помощью технологий и программного обеспечения в сети Интернет.

К таким технологиям и инструментам можно отнести, как и официальные, но устаревшие обращения, относящиеся к Федеральному закону № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», так и новые инструменты, которые были введены относительно недавно и проходят скорее стадию апробации, нежели повсеместного использования.

Необходимо начать с такого инструмента воздействия, как «Единое цифровое окно» для органов власти и населения. «Единое цифровое окно» – ничто иное, как совокупность инструментов для вовлечения населения в политическую жизнь с целью проявления гражданской активности или проявления социальной инициативы на локальном (местном) и региональном уровне. На данный момент, такой инструмент размещен на сайтах органов исполнительной власти и органах местного самоуправления, доступны приложения, напрямую связанные с «ГосУслугами» и предоставляют ряд возможностей для решения вопросов и проблем пользователя. Как цифровой абориген, так и цифровой мигрант имеет возможность напрямую обращаться в компетентный орган власти и рассчитывать на необходимый ему ответ без поиска информации в поисковых системах или средствах массовой информации. Используя такой инструмент, как «Платформа обратной связи» пользователь может решить проблему связанную с качеством жизни, задать прямой вопрос с целью информирования, внесения предложений, с целью проявления инициативы или запросить сервисную информацию с целью получения пошаговой инструкции или контактной выдержки для решения индивидуальных задач. Сейчас такой инструмент доступен как через «ГосУслуги», виджеты на сайтах органов власти или через приложения на мобильном телефоне. Целью ввода Платформы обратной связи является создание новых каналов коммуникации не связанных с бюрократической системой ответа и избавить пользователя от канцеляристского подхода. Тем самым достигая оптимального, уникального подхода к любому типу пользователя в цифровом пространстве.

Помимо этого власть стремиться вовлечь аудиторию в решение общественных вопросов, связанных с повышением качества жизни и получением

новых благ с использованием современных технологий. Такой инструмент воздействия, как «Общественные голосования» позволяет гражданам изъяснить свою позицию или отношение к изменениям на локальном уровне с использованием интернета. Начиная с апреля по май 2021 г. была опробована такой инструмент при голосовании за общественные и дворовые технологии в рамках реализации Национального проекта «Жильё и городская среда» федерального проекта «Формирование комфортной городской среды». По данным сайта 23.gorodsreda [1] в 2021 г. более 500 тыс. жителей Краснодарского края участвовало в общественном голосовании по выбору благоустройства и реконструкции зеленых зон. Такой способ голосования является пилотным проектом и для пользователей Интернета является новым инструментом коммуникации с властью по изменению среды.

Укрепление работы через «Единое цифровое окно» в общем и целом предоставляют большой спектр возможностей для пользователей, однако при этом полностью покрыть все целевые группы не представляется возможным. Во многом деятельность неофициальных групп и рядовых пользователей сосредоточена в социальных сетях и иных источниках информации, где есть свобода и возможность распространять, перерабатывать и создавать свою уникальную информацию.

Список литературы

1. Голосование за благоустройство. Краснодарский край. URL: <https://23.gorodsreda.ru/> (дата обращения 02.03.2022).

Е.С. Лысых

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В работе дается институциональный анализ регионального парламентаризма и особенностей электоральных парламентских процессов в Ростовской области и Краснодарском крае. Для этого была исследована нормативно-правовая база парламентаризма в регионах, определены особенности последней региональной избирательной кампании и выделены основные законы, регулирующие деятельность депутатов.

Ключевые слова: региональный парламентаризм, Ростовская область, Краснодарский край, депутат, выборы.

E.S. Lysykh

REGIONAL PARLIAMENTARISM IN THE ROSTOV REGION AND KRASNODAR REGION: INSTITUTIONAL FOUNDATIONS AND THE CURRENT STATE

The paper provides an institutional analysis of the activities of regional parliamentarism in the Rostov region and the Krasnodar Territory and analyzes the political situation in the regions. To do this, the legal framework of parliamentarism in the regions was studied, the features of the last regional election campaign were identified, and the main laws regulating the activities of deputies were identified.

Key-words: regional parliamentarism, Rostov region, Krasnodar region, deputy, elections.

Развитие регионального парламентаризма в Российской Федерации – это длительный и сложный политический процесс. Под понятием парламентаризм обычно подразумевает особую систему государственного руководства, базирующуюся на разделении властей, представительности, законодательной и контрольной компетенции парламента [1, с. 11]. Ростовская область и Краснодарский край являются одними из наиболее политически консервативных регионов России, что отражается на структуре и особенностях работы парламента. С учетом динамизма развития всей политической системы России за последнее десятилетие, следует провести ревизию особенностей парламентаризма в этих регионах, так как именно эти регионы являются зонами повышенной беспокойности, в следствии сильного внешнего влияния.

В современной российской политической науке исследованию феномена регионального парламентаризма уделяется значительное внимание. На данный момент существует ряд научных работ, посвященных изучению функционирования Краснодарского (например, исследования М.С. Савченко и М.О. Лебедева [2] и Т.В. Чешеновой [3]) и Ростовского (Н.С. Бондарь [4]) законодательных органов. Однако существует необходимость их более углубленного исследования с учетом современных политических реалий.

Принимая во внимание вышеизложенные факторы автор работы ставит перед собой цель выявить институциональную специфику регионального парламентаризма в Ростовской области и Краснодарском крае.

Под политическими институтами автор понимает совокупность правовых норм, а также неформальных норм и правил, регулирующих общественные отношения [5, с.149-150]. Данные правила регулируют отношения между субъектами внутри институциональной среды и очерчивают внутренние рамки их действий.

Рассматривая институциональные основания работы регионального парламента Ростовской области следует обратить внимание на I созыв парламента, который состоял из 45 депутатов, избранных в 1994 г. на 4 года. Именно это собрание приняло ряд основополагающих законов, таких как Устав Ростовской области, Закон «О статусе депутата Законодательного Собрания Ростовской области» и др. Следует отметить позднее принятие Устава области (принят только в 1996 г.), что замедлило правовую работу по дальнейшему углублению законодательства области. При этом, консерватизм, свойственный областному управлению, способствовал модернизации советского опыта управления и соответственно региональное развитие не пострадало от этой задержки. В дальнейшем, количество депутатов в парламенте менялось. Со II созыва депутаты начали избираться на 5 лет, при этом в IV и V созывах вводились изменения касательно количества депутатов, их число увеличилось до 50 и потом до 60 чел. соответственно. За всё время депутаты избирались по одномандатным мажоритарным округам. В данном регионе существует четкий паритет полномочий между парламентом и губернатором, они равноценно сдерживают друг друга в структуре органов власти. В целом, правовой статус депутата Ростовской области схож с таковым по России. Можно отметить, что в Уставе области установлен запрет на преподавании

в местах, которые спонсируются исключительно на иностранный капитал, как установлено в некоторых других областях страны.

В Краснодарском крае выборы в парламент прошли также в 1994 г. и было избрано 50 депутатов. Депутаты за 4 года работы приняли ряд основополагающих законов без лишних задержек, как это было с Уставом в Ростовской области, активно шла работа в рамках созданной экономической комиссии. Второй созыв ЗСК 1998 г. также развивал социально-экономическое развитие региона, детально прорабатывая ежегодный Закон «о краевом бюджете». Этот созыв расширил число парламентариев с 50 до 70 и продлил их время работы с 4 до 5 лет, внося изменения в соответствующие законы края. Третий созыв 2002 г. дополнительно расширил комиссии по экономическим вопросам. 11 сентября 2007 г. на 68-й внеочередной сессии Законодательного Собрания Краснодарского края было принято постановление «О досрочном прекращении полномочий Законодательного Собрания Краснодарского края», что было вызвано нежеланием депутатов продлевать свои полномочия до 2008 г. и сохранять порядок сменяемости законодательной власти. Вместе с тем, четвертый созыв избирался в 2007 г. избирался по смешанной схеме (по 35 мест на одномандатные округа и партийные списки). В пятом созыве ЗСК увеличило количество депутатов до 100, что было продиктовано нуждой в более разностороннем присутствии населения в парламенте, но уже в шестом созыве число депутатов было вновь уменьшено до 75. В целом, можно говорить о чётко выделенной тенденции к модернизации региональных парламентов по федеральному образцу, что выражается в постепенном усреднении количества депутатов по стране и их избрании с большей ориентировкой на выборность в одномандатных округах, а не в партийных списках. Кроме того, парламенты благодаря реформам получили больший контроль за экономическим регулированием ситуации в регионе.

Изучая особенности региональных политических предпочтений регионов следует отметить общую консервативность взглядов местной общественности. Как на региональных выборах в Краснодарском крае в 2017 г., так и в Ростовской области в 2018 г. уверенную победу одержала партия власти «Единая Россия» (ЕР). Данная тенденция является традиционной в этих регионах, начиная с 2000-х гг. Большое влияние также имеет Коммунистическая партия. КПРФ стабильно занимает второе место в региональных выборах в исследуемых регионах. Более глубокий анализ ситуации показывает, что если в Краснодарском крае ЕР имеет почти неоспоримое преимущество без значительного снижения популярности (в 2012 г. из 100 депутатов 95 было избрано из «Единой России» и 5 из КПРФ, а в 2017 г. из 70 депутатов 63 места было у ЕР и 3 у КПРФ), то в Ростовской области можно отметить падение популярности партии власти. Если в 2013 г. ЕР имела в регионе 52 депутата из 60, против 5 от КПРФ, то уже в 2018 г. численность мест от ЕР снизилась до 46 мест (56,98% от общего числа голосов) против 8 мест КПРФ (17,13%) [6]. В рамках кампании на выборах в Государственную Думу ЕР набрала 49%, КПРФ 19%, а ЛДПР – 7% [7]. Эти данные свидетельствуют о том, что партия власти устойчиво теряет популярность. Это объясняется, по словам

политтехнолога С. Смирнова, непопулярностью реформ, в частности, пенсионной реформы, а также общей пассивностью единороссов в Ростовской области. Кроме того, агитационная кампания в 2018 г. была относительно безыдейна и также способствовала снижению популярности партии [8].

Политические кампании в рамках избирательного процесса прошли без серьезных нарушений. Хотя в Ростовской области и было заявлено о нарушениях на некоторых участках, ЦИК это отрицает. В рамках политической кампании главным политическим ходом КПРФ, ЛДПР и иных партий стала организация митингов против пенсионной реформы и иных ограничений, что характерно для оппозиции в иных регионах. В Краснодарском крае ситуация была более стабильной. Партия власти, пользуясь широким спектром политтехнологий, смогла обеспечить себе доминирование. Тем не менее, яркие кампании были у альтернативных кандидатов, например, Олега Дерипаски, который активно развивает свой телеграм-канал, а также ведет регулярный открытый диалог с представителями экономических элит и общественностью региона. С учетом изменения регионального законодательства в 2022 г. большее число мест (45 из 70) в региональном парламенте будет распределяться по одномандатным округам, что даст стимул альтернативным кандидатам более активно бороться за депутатский мандат. Уже сейчас, по словам журналиста Н. Корниенко, отмечается рост активности партии «Новые люди» на Кубани, а также увеличение роли женщин, таких как М. Репещук М. и Л. Егорова. Кроме того, как подчеркивает политолог Г. Давилидзе, политическая реальность может подвергнуться сильным изменениям и цифровизации в связи с ковидными ограничениями, что может сильно сказаться на результатах будущих выборов [9].

Подводя итог, следует отметить, что развитие Ростовской области и Краснодарского края подчиняется консервативно-политической логике. Основные правовые изменения происходят в соответствии с логикой федерального развития и в целом проявляется тренд на поддержание партии власти. Ростовская область, политически активная с 2014 г., имеет пока неярко выраженный тренд на уменьшение доверия к власти из-за непопулярных реформ и политических решений, принимаемых правительством. Краснодарский край продолжает тренд на ведение прогосударственной политики с эффективным развитием местной экономики.

Список литературы

1. Булаков О.Н. Бикамеральная структура парламента (практика и проблемы законотворчества) // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 9. С. 9–12.
2. Савченко М.С., Лебедев М.О. Полномочия депутатов Законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, направленные на реализацию представительной функции (на примере Законодательного Собрания Краснодарского края // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2017. № 11. С. 120–123.
3. Чешенова Т.В. Особенности электоральных процессов при выборах органов местного самоуправления в муниципальных образованиях Краснодарского края // Общество. Коммуникация. Образование. 2011. Т. 1, № 118. С. 58–61.

4. Бондарь Н.С. Ростовская область как субъект конституционно-правовой жизни Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра. Ростов н/Д, 2014. Вып. 4.
5. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука, 2001. № 2. С. 146–186.
6. Результаты выборов депутатов Законодательного Собрания Ростовской области шестого созыва // Избирательная комиссия Ростовской области. URL: <http://www.rostov.izbirkom.ru/kalendar-vyborov/edinyu-den-golosovaniya-9-09-2018/rezultaty-vyborov/> (дата обращения: 27.02.2022).
7. Результаты выборов в Госдуму в Ростовской области в 2021 году. URL: <https://vibory-rf.ru/gosduma-results-2021/rostovskaya-oblast> (дата обращения: 27.09.2022).
8. «Выборы в ЗС РО 9 сентября – это полный разгром» – эксперты. URL: <https://bloknot-rostov.ru/news/vybory-v-zs-ro-9-sentyabrya-eto-polnyu-razgrom-eks-1015228> (дата обращения: 27.02.2022).
9. Главное событие года Кубани: что сулят выборы в ЗСК по новым правилам и какова цена мандата. URL: <https://krasnodarmedia.su/news/1222462/> (дата обращения: 27.02.2022).

К.Н. Щетко

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОЛУОСТРОВА

Крым находится в пятерке ведущих регионов России по выполнению объемов строительства и освоению денежных средств. А осваивать было что: за последние восемь лет в Крым и Севастополь было вложено более 1,37 трлн. руб. Такого капиталовложения полуостровов не видел никогда.

Ключевые слова: Крым, история, референдум, санкции, модернизация, прогресс, перспективы.

K.N. Schetko

THE HISTORIC REUNIFICATION OF CRIMEA WITH RUSSIA: MODERN HISTORY IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE PENINSULA

Crimea is in the top five regions of Russia in terms of construction volumes and disbursement of funds. And there was something to master: over the past eight years, more than 1,37 trillion rubles have been invested in the Crimea and Sevastopol. The peninsula has never seen such an investment.

Key words: Crimea, history, referendum, sanctions, modernization, progress, prospects.

Прежде всего, хотелось бы начать данную статью с небольшой исторической справки. 18 марта 2014 г. президент РФ В. Путин, председатель Совета министров Крыма С. Аксенов, председатель Государственного совета Крыма В. Константинов и глава Севастополя А. Чалый подписали договор о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе РФ новых субъектов. Что примечательно, Украина, США, Европейский союз не признали независимость Крыма и воссоединение его с Россией, данной позиции они придерживаются и на сегодняшний день [1]. Однако, Венесуэла, Куба, Никарагуа, КНДР, Сирия, Судан, Палестина и Афганистан официально признали Крым российской территорией. 21 марта 2014 г. В.В. Путин подписал закон о ратификации договора, а также конституционный закон о принятии Республики Крым и Севастополя в состав РФ в качестве субъектов федерации. Президент также подписал

указ об образовании Крымского федерального округа, в который вошли Республика Крым и город федерального значения Севастополь (28 июля 2016 г. Крымский округ был упразднен, а Республика Крым и Севастополь включены в состав Южного федерального округа). 11 апреля 2014 г. была принята Конституция Республики Крым, согласно которой государственными языками являются русский, украинский и крымско-татарский. 18 марта 2022 г. исполнилось восемь лет со дня воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией.

Крым находится в пятерке ведущих регионов России по выполнению объемов строительства и освоению денежных средств. А осваивать было что: за последние восемь лет в Крым и Севастополь было вложено более 1,37 трлн руб. Такого капиталовложения полуостров не видел никогда. Крым – это субъект Российской Федерации, на который смотрит весь мир. История помнит разные моменты в жизни полуострова, за который в давнее время воевали и пытались захватить, и наконец крымчане, зная, что их дом – Россия, решили вернуться в родную гавань. Сегодня за него накладывают санкции, при этом те, кто так старательно пытается их придумать, сами приехать не решаются, наверное, страх увидеть процветающий и благополучный Крым перевешивает здравый смысл. Если посмотреть статистику или увидеть всё своими глазами, можно сделать совершенно обоснованный и однозначный вывод: прорыв во многих сферах колоссальный. Безусловно, жизнь крымчан стала другой, а какой именно, постараюсь изложить в данной статье.

В следствии референдума, на котором жители полуострова практически единогласно поддержали воссоединение с Россией, им пришлось узнать на себе, что значит мстительные «соседи». В 2014–2015 гг. началась энергетическая «война», началось это с подрыва линии электропередачи в Херсонской области, украинской стороной. Крым буквально в один момент остался без света, не работала даже мобильная связь. Если до этого момента российское правительство не придавало большого значения энергетической безопасности Крыма, то в следствии данного инцидента вопрос начал решаться оперативно. До 2014 г. регион на 80% зависел от поставок электроэнергии с Украины, на сегодняшний день российский Крым полностью независим: за прошедший период были построены две новые ТЭЦ: «Таврическая» (Симферополь) и «Балаклавская» (Севастополь), реконструирована Сакская ТЭЦ, а также выстроен энергетический мост «Крым – Тамань» [2].

Еще одним неприятным моментом в истории российского Крыма стала водная блокада, как не сложно догадаться, сделано это было украинской стороной. Был перекрыт Северо-Крымский канал, Крым потерял 85% водных ресурсов на своей территории. За этим последовали изменения в сельском хозяйстве, пришлось на время отказаться от выращивания риса и сократить посевные площади других культур, которые требуют больших водных затрат. Сильное и засушливое лето привело к засухе в 2018 г., чему соответствовала рекордно низкая урожайность зерновых. Разумеется, на решение данного вопроса были брошены все силы и выделены средства в почти 8 млрд. руб. Был разработан комплекс мер: поиск и использование подземных вод, модернизация сетей. Знаковым событием

стал ввод в эксплуатацию Бештерек–Зуйского водовода, что позволило обеспечить водой г. Симферополь, а для восточного региона было построено гидротехническое сооружение по переброске воды из Тайганского и Белогорского водохранилищ в Северо-Крымский канал с дальнейшей подачей в водохранилища Феодосии, Судака, Керчи, были построены Нежинский, Просторненский и Новогригорьевский водозаборы. Руководство страны уже рассматривало в качестве решения опреснительные установки, но окончательно снять водную блокаду удалось после начала специальной военной операции России на Украине, восстановив Северо-Крымский канал. Дополнительные водные возможности открыли перед Крымом новые перспективы.

С 2014 г. на модернизацию лечебных учреждений Крыма было направлено свыше 30 млрд руб. Дальше только цифры, и они впечатляют. За восемь лет в республике установлено более 100 фельдшерско-акушерских пунктов и врачебных амбулаторий, закуплено более 7 тыс. единиц медицинского оборудования, 31 мобильный медицинский комплекс (передвижные ФАПы, флюорографы, маммографы), 326 автомобилей скорой медицинской помощи и 159 машин для больниц, оказывающих первичную медицинскую помощь. В 2020 г. был открыт современнейший Многопрофильный республиканский медицинский центр РКБ им. Н.А. Семашко, который обошелся в 10 млрд руб. Сейчас разрабатывается проектно-сметная документация на строительство многопрофильного медцентра в Феодосии, республиканской инфекционной больницы, детской поликлиники в Джанкое и на масштабную модернизацию санатория им. академика Бурденко. До 2025 г. в рамках программы модернизации первичного звена здравоохранения будет построено 167 и отремонтирован 121 объект.

Что касается отношений РФ и западных стран, то они логично ухудшились в связи ситуацией на Украине и вокруг Крыма. Запад, обвинив Россию во вмешательстве, ввел против нее санкции глядя на которые так и остается вопрос, против кого направлены санкции, ущерб который запад, по сути, на нес сам себе не измерим с ущербом, который должен был поставить Россию в тяжелое положение.

6 марта 2014 г. президент США Барак Обама подписал указ № 13660 «О блокировании собственности некоторых лиц, способствующих ситуации на Украине».

С этой даты американский президент, действуя на основании закона «Об экономических полномочиях в случае международных чрезвычайных ситуаций», наделил администрацию США правом вводить имущественные и визовые санкции против физических и юридических лиц, которые «присвоили властные полномочия в Крымском регионе без разрешения правительства Украины» [3].

17 марта 2014 г. США, не согласные с действиями России в ходе украинского кризиса, ввели санкции в отношении высокопоставленных российских политиков.

В этот же день санкции против российских политиков и чиновников ввел Европейский союз.

В первый санкционный список США вошли 11 чел., под санкции ЕС попал 21 чел.

После референдума в Крыму, по результатам которого полуостров вошел в состав России, США и страны ЕС расширили свои санкционные списки, 20 и 21 марта соответственно.

В июле 2014 г. Евросоюз и США от точечных санкций против отдельных физлиц и компаний перешли к мерам против целых секторов экономики.

Помимо российских политиков и чиновников в санкционные списки попали ряд крупных российских бизнесменов и подконтрольных им компаний, ограничительные меры также коснулись финансового, энергетического и оборонного секторов российской экономики, а также товаров двойного назначения.

В качестве ответной меры на санкционное давление западных стран Россия 6 августа 2014 г. объявила об ограничении импорта продовольственных товаров в отношении ЕС, США, Австралии, Норвегии и Канады. В 2015 г. список стран, подпадающих под российские контрсанкции, был расширен. Он пополнился Албанией, Черногорией, Исландией, Лихтенштейном и Украиной.

Многие западные политики и эксперты признают, что санкции против России не принесли результата, а продуктовое эмбарго Москвы сильно ударило по зарубежным производителям, прежде всего – европейским.

Президент России В.В. Путин еще во время «прямой линии» в июне 2019 г. заявлял, ссылаясь на экспертные данные, что в результате санкций и различных ограничений Россия, начиная с 2014 г. недополучила около 50 млрд долл., Евросоюз потерял 240 млрд долл.; США – 17 млрд долл., Япония – 27 млрд долл. [4].

Говоря о перспективах развития региона обязательно нужно отметить федеральную целевую программу развития Крыма и Севастополя в 2022 г., которая в свою очередь была преобразована в государственную программу с сохранением финансирования и всех предусмотренных для развития региона мероприятий.

Не так давно руководивший дирекцией по управлению федеральной целевой программой в 2016–2021 гг. А. Никитченко заявлял о том, что федеральная целевая программа развития Крыма и Севастополя для нашей страны беспрецедентна как с точки зрения объема финансирования и количества объектов, так и с точки зрения задач и стратегического контекста, в котором она создавалась. Общий объем финансирования региона по программе на данный момент составляет 1 трлн 374 млрд руб. Это 980 объектов и мероприятий, половина из которых – 487 – на сегодня выполнены. Многие из больших и знаковых объектов уже завершены: это Крымский мост, трасса «Гаврида», новый терминал аэропорта в Симферополе и целый ряд объектов инженерной инфраструктуры. С точки зрения стратегии это, по сути, программа экономической реинтеграции российской территории и попытка запустить ее развитие на новых основаниях.

По сути, программа как инструмент федерального финансирования создает инфраструктуру, дает возможности, но она не гарантирует развитие. Под развитием в данном случае стоит иметь в виду, опережающий рост валового регио-

нального продукта, сопровождаемый ростом благосостояния населения и налогооблагаемой базы. Сейчас перед Крымом открываются разные возможности, которые активно реализуются, не смотря на разного рода обстоятельства.

Список литературы

1. Цыкунов Г.А. Историко-правовые основы вхождения Крыма в состав Российской Федерации // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 3. С. 550–555.

2. Российский Крым: что изменилось за восемь лет. URL: <https://crimea.mk.ru/economics/2022/03/25/rossiyskiy-krym-cto-izmenilos-za-vosem-let.html> (дата обращения: 20.03.2022).

3. История воссоединения Крыма с Россией. URL: https://tass.ru/info/6222164?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 20.03.2022).

4. Санкции в связи с украинскими событиями 2014 года. URL: <https://ria.ru/20200317/1568673783.html> (дата обращения: 21.03.2022).

К.А. Скрипка

КРЫМ: МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИТОГИ ВОСЬМИЛЕТНЕГО ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РФ

В статье рассматриваются миграционные процессы, происходящие в Крыму с момента присоединения к Российской Федерации, а также проанализированы итоги восьмилетнего вхождения данного региона в состав РФ и их значение для республики.

Ключевые слова: миграционные процессы, военная операция, перепись населения, санкции, кадровый потенциал.

К.А. Skripka

CRIMEA: MIGRATION PROCESSES AND RESULTS OF EIGHT-YEAR ACCESSION TO THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines migration processes in Crimea since its accession to the Russian Federation, and analyses the results of the eight-year accession of this region to the Russian Federation and their significance for the Republic.

Key-words: migration, military operation, census, sanctions, human resources.

Восемь лет назад Республика Крым и город федерального значения Севастополь воссоединились с Российской Федерацией. В течение всего этого периода в регионе наблюдались миграционные процессы, в том числе связанные с военной операцией России на Украине, которая началась 24 февраля 2022 г. Кроме того, прослеживается ряд итогов вхождения республики в состав РФ.

Актуальность выбранной нами темы обуславливается необходимостью развития данного региона, имеющего крайне важное для России геополитическое значение.

Согласно переписи населения, проводившейся в январе 2014 г., в Крыму насчитывалось около 20 тыс. мигрантов. Примечательно, что заметнее всего выросло население Севастополя, за 8 лет – плюс 65 тыс. жителей. Такой рост населения связан, в первую очередь, с миграциями в город в связи с депрессивностью

сельских северных районов. Помимо этого, в Севастополе базируется Черноморский флот, который постоянно укрепляется и подвергается модернизации. Кроме того, мигрантов привлекает комфортный климат, красивая природа, благоприятная экологическая ситуация, а также обилие культурно-исторических достопримечательностей. Однако, стоит отметить, что после присоединения регион покинули 57 тыс. чел., недовольных воссоединением с Россией. Также насчитывается около 10–12 тыс. крымских татар, уехавших на Украину после присоединения к РФ. Согласно донецко-луганскому источнику мигрантов, численность населения Крымского полуострова с 2014 г. увеличилась на 16,7 тыс. чел. за счет притока мигрантов [1].

В республику прибыло 166,6 тыс. чел. в период с 2014 по 2019 гг., 57% которых являются жителями других регионов, а остальной процент приходится на иностранных граждан, в основном из стран СНГ. За этот же период Крым покинули 101,3 тыс. чел., основной поток которых направился в другие регионы Российской Федерации, а 19% относится к числу эмигрантов. Крымчане, покидающие свой регион, недовольны тем, что он стал одним из самых дорогих в России вследствие международных санкций и недоступности многих российских банков, мобильных операторов, нефтегазовых и других компаний.

По данным Росстата, на начало 2022 г. численность населения полуострова составила 2 376 151 чел., среди которых на Республику Крым приходится 1 911 454, а на Севастополь – 464 705 чел.

В связи с проведением Россией на Украине специальной военной операции, которая началась 24 февраля 2022 г., в Республику Крым с территорий Донецкой и Луганской Народных республик и Украины прибыли 18089 чел. [2]. Было развернуто 6 пунктов размещения в Алуште, Красноперекопске, Джанкое и Евпатории для вынужденных переселенцев. По распоряжению премьер-министра РФ М.В. Мишустина, Правительство направит порядка 88,9 млн руб. в Крым на выплаты беженцам ДНР, ЛНР и Украины. В апреле 2022 г. Управление МЧС России по Республике Крым обратилось к Правительству с просьбой не выделять в туристический сезон квоты на полуостров для беженцев, так как из-за сложившейся ситуации ожидалось максимальное заполнение объектов санаторно-гостиничного комплекса [3]. Вице-премьер РК Г. Мурадов заявил, что летом 2022 г. республика ожидает около 10 млн туристов, такое количество является рекордным для Крыма [4].

Что касается итогов вхождения Крыма в состав Российской Федерации, за восемь лет произошло большое количество изменений во всех сферах общественной жизни. Во-первых, инфраструктурные изменения: были построены Крымский мост, трасса «Таврида», международный аэропорт в Симферополе, электростанции, больницы, детские сады, школы и многое другое. Во-вторых, весной 2022 г. в Крыму начал функционировать Промсвязьбанк, выдавая потребительские кредиты жителям, а у бизнесменов появилась возможность открывать расчетные счета и подключаться к услугам эквайринга. Стоит отметить, что до этого в Крыму работало только четыре банка, среди которых выделяется спе-

циально созданный государственный РНКБ [5]. В-третьих, Государственный совет Республики Крым предложил лишать права собственности иностранные компании и граждан и передавать все их имущество в собственность регионов после внесения в Госдуму законопроекта о безвозмездной национализации.

Помимо выше перечисленного, в ходе военной операции России на Украине был разблокирован Северо-Крымский канал. Необходимо подчеркнуть, что строительство Северо-Крымского канала, который предназначался для снабжения засушливых зон Крыма водами Днепра, велось с 1961 по 1971 гг. Затем он использовался не только для нужд промышленного прудового рыбоводства и сельского хозяйства, но являлся также источником централизованного хозяйственно-питьевого водоснабжения. После референдума о статусе региона, в результате которого Крым вошел в состав Российской Федерации, в 2014 г. Украина перекрыла подачу днепровской воды. Только лишь 24 февраля 2022 г. глава республики С.В. Аксенов поручил готовить Северо-Крымский канал к приему воды. Затем И.В. Конашенков, официальный представитель Министерства обороны РФ, заявил, что выход российских войск к г. Херсон позволил разблокировать канал и восстановить подачу воды на полуостров. 15 марта 2022 г. премьер-министр республики Ю. Гоцанюк сообщил, что вода из р. Днепр дошла до первой насосной станции Северо-Крымского канала. Запуск канала даст импульс динамичному развитию отраслей АПК.

Кроме того, в мае 2022 г. из Белгорода пустят прямой поезд в Крым. Теперь жителям этого города можно будет добраться до Симферополя за один день и восемнадцать часов. Прицепная группа к поезду Смоленск–Симферополь будет курсировать около 2–3 раз в неделю, проезжая Ржаву и Воронеж. Первый поезд отправится на Крым 27 мая.

В связи с новыми санкциями европейских государств и США, Правительство РФ ввело новые меры поддержки бизнеса в Крыму: налоговое смягчение и льготные кредиты. Теперь предприниматели могут брать кредиты по субсидированным ставкам не более 15% годовых.

Следует отметить, что перед Правительством РФ стоит ряд задач, решение которых будет способствовать увеличению притока мигрантов в регион. Так, например, заместитель министра сельского хозяйства Республики Крым Маргарита Екимова заявила о необходимости развития кадрового потенциала региона, чтобы появилась возможность оперативного решения задач импортозамещения. На рынке труда наблюдается нехватка специалистов в сфере сельского хозяйства, в их числе, виноделы, трактористы, садоводы, агрономы и другие. В настоящее время сельхозпредприятия Крыма предлагают шестьсот сорок вакансий. Для решения данной проблемы с 2021 г. на базе школ региона начали создавать «Аграрные классы», а также в 2017 г. начали реализовывать программу поддержки кадрового потенциала.

В заключение стоит добавить, что за восемь лет вхождения Крыма в состав Российской Федерации наблюдается положительная динамика региона. На место постоянных жителей Крыма, покинувших регион в связи с присоединением его

к России, начали приезжать другие, тем самым, возобновляя рост демографических показателей. В Минсельхозе республики считают, что днепровская вода из разблокированного Северо-Крымского канала позволит возродить посевы культур, зависимых от влаги, – кукурузы, риса и сои, увеличить производство овощей, а также способствовать эффективному развитию животноводческой, рыбохозяйственной и пищевой промышленности. По оценкам специалистов, благодаря новым мерам поддержки бизнеса в Крыму, предприятия смогут быстрее адаптироваться в условиях изменившейся экономической ситуации и санкций.

Список литературы

1. Нерезиновый Крым: кто уехал и кто «понаехал» – Александр Машенко, 15.02.2021 г. URL: <https://www.pnp.ru/politics/nerezinovyuy-krym-kto-uekhal-i-kto-ponaekhal.html> (дата обращения: 31.03.2022).
2. Более 18 тысяч человек бежали в Крым с Украины – РИА Крым. 23.03.2022 г. URL: <https://news.mail.ru/amp/incident/50569505/> (дата обращения: 28.03.2022).
3. Крым попросил не везти в регион беженцев в турсезон – Интерфакс 01.04. 2022 г. URL: <https://www.interfax.ru/amp/832710> (дата обращения: 03.04.2022).
4. Крым рассчитывает принять рекордное число туристов в этом году – РИА Новости 06.04.2022 г. URL: <https://news.mail.ru/amp/economics/50770499/> (дата обращения: 29.03.2022).
5. Промсвязьбанк начал работать в Крыму – Коммерсантъ 04.04.2022 г. URL: <https://www.kommersant.ru/amp/5293507> (дата обращения: 06.04.2021).

СЕКЦИЯ 4. ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ РЕГИОН В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Б.А. Исаев, И.Ф. Игнатьева
СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА,
ГЕОПОРЯДОК И УРАВНЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Авторы статьи анализируют структуру современной геополитической системы, определяют место в ней коллективного Запада и нарождающегося коллективного Востока. При этом старый геопорядок, основанный на доминировании, уходит и формируется новый геопорядок, основанный на равенстве акторов. Международная безопасность в новом геопорядке характеризуется уравнением безопасности, основанным на принципе неделимости и равенства безопасности для всех акторов.

Ключевые слова: геополитическая система, геополитический порядок, уравнение безопасности.

В.А. Isaev, I.F. Ignatieva
MODERN GEOPOLITICAL SYSTEM, GEOORDINANCE
AND SECURITY EQUATION

The authors of the article analyze the structure of the modern geopolitical system, determine the place of the collective West and the emerging collective East in it. At the same time, the old geoorder, based on dominance, leaves and a new geoorder is formed, based on the equality of actors. International security in the new geo-order is characterized by a security equation based on the principle of indivisibility and equality of security for all actors.

Key-words: geopolitical system, geopolitical order, security equation.

Конец XX и начало XXI в. в связи с колоссальными изменениями в мире, структуре геополитической системы, появлением альтернативных исследовательских стратегий, таких как «мироведение» («world studies») и «глобалистика» («global studies») стали для геополитики временем глубоких перемен. В фокусе внимания западных исследователей оказались существенные подвижки в рамках «клуба великих держав», становление так называемых «новых центров силы» в различных точках планеты, формирование нового миропорядка. Происходит активное переосмысление параметров гегемонии и геополитической мощи, таких как экономика и финансы, коммуникации и информационные системы, новейшие технологии и направления научно-технического развития и т.д. Переход в 1990-х гг. мировой геополитической системы к монополярности существенно изменил картину и структуру мира, единственный полюс которого так называемый «униполь» стал фактически включать все государства Запада с привлечением под его контроль новых акторов: стран Центральной и Восточной Европы, Японию, Южную Корею, так называемых «азиатских тигров», арабские нефтедобывающие монархии и др. Униполь, на долю которого сегодня приходится около 60% мирового ВВП, стал экономическим базисом создаваемого «мирового по-

рядка» под руководством США. Главной задачей этого мирового порядка является построение так называемого «демократического мира» («*pace democratica*»), а главным инструментом – мягкая сила (*soft power*) [1].

В этой новой американизированной геополитической системе не нашлось места двум великим державам России и Китаю, а также странам-членам ОДКБ их поддерживающим: Белоруссии, Армении, Казахстану, Таджикистану, Киргизстану, странам Южной Америки: Кубе, Никарагуа, Венесуэле, странам Азии: КНДР, Ирану, Сирии и др., не подпадающим под стандарты западной демократии. Сегодня мы можем наблюдать, кроме уже описанных нами выше, формирование еще двух противостоящих направлений геополитической мысли: геополитики коллективного Запада и геополитики коллективного Востока.

В результате такого размежевания складывается парадоксальная картина мира: вместо провозглашенной и выстроенной США шеренги послушных держав, движущихся к «полной победе» либерализма и демократических ценностей, возникает новая биполярная система, в которой коллективному Западу все более активно и сплоченно противостоит коллективный Восток. При этом баланс сил, в том числе экономических, политических, военно-стратегических далеко не всегда складывается в пользу коллективного Запада.

В настоящее время геополитическая система, основными акторами которой выступают: США, ЕС, КНР, РФ, переживает смену геополитического порядка. Основой уходящего, старого геопорядка было доминирование США и коллективного Запада, основой нового геопорядка становятся равноправные отношения всех указанных выше акторов, с учетом союза КНР и РФ и построения нового коллективного Востока.

Если расстановку сил в условиях старого геопорядка определяла пирамида, на вершине которой находились США, то расстановку сил в новом геопорядке будет определять квадрат, каждый угол которого будет символизировать одного из равноправных акторов. Пока для окончательной смены геопорядка сил и влияния у союза РФ и КНР не хватает. Особенно чувствуется эта нехватка на уровне ООН, в частности, в Совете Безопасности, в других международных организациях, которыми руководят преимущественно выходцы из западных стран, а также в финансовой сфере и сфере СМИ [2].

Смена геопорядка идет параллельно с таким геополитическим процессом, как смена полярности мира, который на наших глазах превращается из однополярного в многополярный с тенденцией к биполярности [3, с. 235–239]. В этом превращении, то есть в образовании второго геополитического полюса, существенную роль играют ведущие державы коллективного Востока: РФ и КНР, а также Индия, Бразилия, ЮАР и другие страны. Следует отметить, что указанные выше государства составляют организацию БРИКС, которая может стать одной из структур нового геопорядка и уравновесить организацию семи развитых стран под наименованием «Группа семи» («7 G»).

Важнейшим элементом геополитического порядка выступает сегодня безопасность всей геополитической системы. Безопасность, и этот тезис разделяют сегодня все страны мира, может быть только неделимой и равной для всех. Для

наглядного представления условий глобальной безопасности введем понятие уравнение безопасности.

Уравнение безопасности вытекает из состава и состояния геополитической системы [4]. Уравнение безопасности при геопорядке, существовавшем до 1990 г., может быть представлено следующей формулой, определявшей равенство сил между блоками НАТО и Варшавским договором (ВД), возглавляемыми соответственно США и СССР, а именно:

НАТО (США + 15 стран Западной Европы) = ВД (СССР + 7 стран ЦВЕ)

После распада Варшавского Договора (1990), перехода стран Центральной и Восточной Европы в НАТО, установления диалога НАТО с Россией, но противостояния НАТО Китаю, уравнение безопасности приобрело следующий вид:

НАТО + страны ЦВЕ – РФ = КНР

Сегодня, когда была создана Организация Договора коллективной безопасности (ОДКБ), произошел разрыв по линии «НАТО – РФ» и Россия «двинулась на восток», уравнение безопасности глобальной геополитической системы преобразовалось к следующему виду:

НАТО (США+30 стран Европы) = ОДКБ (РФ + 5 стран Евразии) + КНР

Если учитывать реальности современного геопорядка, это уравнение можно привести к следующему виду:

США (+НАТО) = РФ (+ОДКБ) + КНР

В этом уравнении заметна роль США и РФ, как главных протагонистов современного противостояния и центров формирующихся полюсов, военно-политических организаций НАТО и ОДКБ, как своеобразных опор, союзников главных протагонистов, а также Китая, который не настаивает на активном противостоянии Западу, а стремится играть роль «наблюдателя на берегу реки, ждущего, когда по ней проплывет труп врага». В дальнейшем, по мере усиления геополитического давления США на РФ и КНР, сближение последних двух стран будет усиливаться вплоть до вступления Китая в ОДКБ или создания нового военно-политического союза РФ и КНР.

Рассматривая геополитическую ситуацию в Черноморско-Средиземноморском регионе и украинский кризис, мы не можем не учитывать глобальные геополитические структуры и процессы: состояние геополитической системы, формирование нового геополитического порядка и уравнения безопасности.

Список литературы

1. Соловьев Э.Г. Современная американская геополитика. Часть 1. Неоклассический ренессанс. URL: http://www.perspektivy.info/book/sovremennaja_amerikanskaja_geopolitika_chast_1_neoklassicheskij_renessans_2010-12-10.htm
2. Игнатъева И.Ф., Исаев Б.А. Геоэкономика как структурный элемент геополитики. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 213–223.
3. Исаев Б.А. Геополитика и геостратегия: учебник для вузов. 2-е изд. М., 2020.
4. Исаев Б.А. Геополитические эпохи развития российского государства // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. СПб., 2005. Т. 1. № 2. С. 140–152.

М.Ю. Гутенев, М.Л. Лагутина, А.А. Сергунин
АРКТИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ТУРЦИИ:
ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ?¹

В статье рассматривается место и роль арктической научной дипломатии в стратегии Турции на Крайнем Севере. Анализируются приоритеты международного научного сотрудничества в Арктике и основные инструменты и «площадки» турецкой арктической научной дипломатии. Рассматриваются также перспективы российско-турецкого сотрудничества в сфере арктических исследований.

Ключевые слова: Турция, Арктика, Россия, научная дипломатия, международное сотрудничество.

M.Yu. Gutenev, M.L. Lagutina, A.A. Sergunin
TURKEY'S ARCTIC SCIENCE DIPLOMACY:
PROSPECTS OF COOPERATION WITH RUSSIA?

The article examines the place and role of Arctic science diplomacy in Turkey's strategy in the Far North. The priorities of international scientific cooperation in the Arctic and the main tools and "platforms" of Turkish Arctic science diplomacy are analyzed. The prospects of Russian-Turkish cooperation in the field of Arctic studies are also being considered.

Key-words: Turkey, Arctic, Russia, science diplomacy, international cooperation.

Политико-дипломатический интерес Турции к арктическому региону проявился сравнительно поздно – лишь ко второму десятилетию XXI в. Это нашло отражение в подаче Анкарой в 2015 г. (вместе с Грецией, Швейцарией, Монголией и ЕС) заявки на получение статуса наблюдателя в Арктическом совете. Однако из этих кандидатов только Швейцария была принята в этом качестве в 2017 г. Турцию же сочли пока не совсем готовой для получения данного статуса, в том числе по причине её недостаточного вклада в научные исследования и другие виды активности на Крайнем Севере.

Впрочем, турецкие учёные занялись арктическими исследованиями ещё в начале 2000-х гг., в основном изучая последствия изменения климата в Арктике для бассейна Средиземноморья и Передней Азии. Но лишь в марте 2014 г. парламент и министерство иностранных дел Турции запросили у руководства ведущих вузов страны, занимавшихся полярными исследованиями – Стамбульского технического университета (СТУ), Научного университета Анталии (НУА) и Университета Пири Рейс (УПР) – отчёт о работе по обеспечению для Анкары условий научной и промышленной деятельности в полярных регионах [1, с. 143].

В 2016 г. студенты высшей школы Бильфена при поддержке Свальбардского международного университета открыли первую турецкую исследовательскую станцию на архипелаге Шпицберген, которая действовала на непостоянной (автономной) основе и лишь периодически навещалась турецкими исследователями. На данной станции проводились исследования ультрафиолетового и инфракрасного излучения, измерения общей интенсивности освещения и напряжённости магнитного поля, сбора метеорологических данных и пр.

¹ Исследование выполнено в рамках проектов, поддержанных Российским научным фондом № 22-28-01287 и 22-28-20276.

Первая «полноценная» турецкая морская арктическая экспедиция состоялась лишь в июле 2019 г. Она была организована Полярным исследовательским центром СТУ на борту научно-исследовательского судна со Шпицбергена до кромки полярного льда. В её рамках осуществлялись наблюдение и анализ морского льда в Арктике, проверка наземных измерений морского льда с помощью дистанционного зондирования, исследование качества атмосферы, взятие проб стойких органических загрязнителей, исследования микропластика и пр.

Со временем Анкара поняла, что её главным инструментом арктической политики может стать так называемая научная дипломатия, то есть использование международного научного сотрудничества не только для его расширения как такового, но и для продвижения позитивного имиджа страны в регионе и достижения целей публичной дипломатии, ставящей своей целью воздействие не только на государственные органы других стран, но и на их общественные институты, включая академические сообщества. В этом плане Турция пошла по пути тех неарктических стран, которые, как и она, не имели должного географического и правового статуса для того, чтобы стать полноценными «игроками» на Крайнем Севере, но, тем не менее, имели определённые арктические амбиции.

В декабре 2017 г. турецкое Министерство науки, промышленности и технологий представило «Национальную программу полярных исследований (2018–2022 гг.)», в которой были сформулированы основные цели арктической научной дипломатии страны:

- Укрепление позиций Турции в Арктике с целью содействия устойчивому развитию этого региона.

- Разработка «дорожной карты» по получению Анкарой статуса наблюдателя в Арктическом совете.

- Повышение осведомлённости и совершенствование научных компетенций Турции в сфере арктических исследований, в том числе путём поощрения турецких учёных к изучению полярной проблематики.

- Повышение квалификации турецких исследователей, специализирующихся на Арктике, и подготовка соответствующих кадров путём увеличения числа программ бакалавриата, магистратуры, докторантуры и постдокторантуры в области арктических исследований в ведущих турецких вузах.

- Получение Турцией членства или статуса наблюдателя в международных организациях, занимающихся Арктикой, и повышение эффективности сотрудничества Анкары с ними.

- Повышение осведомлённости турецкого научного сообщества и широкой публики о глобальном изменении климата [3, р. 10].

В целях развития арктической научной дипломатии Турция наметила такие конкретные меры, как обучение турецких учёных в ведущих арктических центрах за рубежом; поощрение их публикационной активности, прежде всего, в журналах, входящих в специальный список Научно-технического исследовательского совета Турции (НТИСТ); помощь турецким учёным в их участии в арктических конференциях; организация работы турецких полярников на научных базах арктических стран; содействие турецким учёным в их трудоустройстве в

северных странах в целях получения ими доступа к новым арктическим технологиям и знаниям; издание в 2022 г. полярной энциклопедии, отражающей различные отрасли научного знания.

Параллельно с определением приоритетов арктической научной дипломатии Анкара усиленно работает над созданием в стране соответствующей институциональной и научно-исследовательской инфраструктуры в данной области.

Координационным органом, осуществляющим разработку арктической «повестки дня» и согласование отдельных направлений исследований между научными учреждениями Турции, является НТИСТ. В практическом плане научно-исследовательскую деятельность турецких учёных на Крайнем Севере курируют Министерство науки, промышленности и технологий, а также Институт полярных исследований (ИПИ), основанный в 2019 г.

В настоящее время изучением полярных регионов в Турции занимаются более 15 научно-исследовательских и образовательных учреждений. Кроме СТУ, НУА и УПР, в их число входят Ближневосточный технический университет, Центр морских экосистем, Университет Коч, Университет Анкары, Босфорский университет, Университет Хаджетеппе, Университет им. Реджепа Тайипа Эрдогана, Стамбульский университет, Университет им. Бюлента Энджевита и пр.

В Турции также ведётся большая работа по созданию национальных «площадок» для проведения научных конференций и семинаров по арктической тематике. Так, в рамках «Национальной полярной научной программы на 2018–2022 гг.» в стране проводится ежегодный «Национальный семинар по полярным наукам». В ходе семинара даётся оценка научных исследований, проектов и экспедиций, выполняемых турецкими арктиковедами, а также обсуждаются приоритеты арктических исследований на будущее. В августе 2019 г. в НУА состоялся первый турецкий арктический симпозиум, который, по замыслу его организаторов, должен был стать ежегодным. Однако из-за эпидемии коронавируса этот проект отложили на неопределённый срок. С 2020 г. в Турции проводится «Полярный фестиваль», в ходе которого преподаватели и студенты турецких вузов встречаются со специалистами в области арктических исследований и участвуют в информационных и образовательных мероприятиях по арктической тематике.

Турецкие учёные принимают самое деятельное участие в работе ведущей профессиональной ассоциации арктиковедов – Международном арктическом научном комитете (МАНК). В частности, они участвуют в Неделе арктической науки, организуемой МАНК на ежегодной основе. В Турции активно действует филиал Ассоциации молодых полярных учёных (АРЕС), осуществляющий просветительскую деятельность в учебных заведениях всех уровней.

Что касается материально-технической базы турецких арктических исследований, то для этих целей могут быть использованы три оснащённых новейшим оборудованием научно-исследовательских судна – «Билим», «Ламас» и «Эрдемли», принадлежащих Институту морских наук Ближневосточного технического университета.

Развитие турецкой арктической научной дипломатии диктует Анкаре необходимость сотрудничества с другими полярными государствами, включая Россию. В этом плане для Турции большой интерес представляет Международная инициатива в российской Арктике (International Science Initiative in the Russian Arctic - ISIRA), которая была запущена Москвой в рамках МАНК ещё в 1993 г. ИСИРА — это совместная российская и международная инициатива с целью содействия научному сотрудничеству и устойчивому развитию в российской Арктике по следующим приоритетным направлениям:

- инициирование и планирование международных исследовательских программ для решения ключевых задач в российской Арктике;
- создание форума для обеспечения взаимодействия по текущим или планируемым двусторонним проектам;
- содействие улучшению доступа научных групп к исследованию российской Арктики;
- консультирование по вопросам финансирования и организации исследований по проектам [2].

Деятельность секретариата ИСИРА направлена на выявление потенциальных российских и зарубежных партнёров, поиск возможных источников финансирования, а также на популяризацию российской Арктики как уникальной лаборатории для проведения различных исследований, причём, не только естественно-научных, но и социально-экономических.

Анкара весьма позитивно восприняла вступление России в должность председателя Арктического совета на период с 2021 по 2023 гг., считая, что это открывает новые возможности для научного сотрудничества с Россией. В июне 2021 г. руководитель ИПИ профессор Б. Озсой в интервью турецкому телеканалу «TRT World» отметила, что предложенная Москвой программа председательства содержит хорошие перспективы для совместной научной деятельности на Крайнем Севере [3]. К приоритетам научного сотрудничества российских и турецких учёных относятся изучение последствий изменения климата для арктических экосистем и местных сообществ, а также отдалённых районов планеты; ледовой динамики в Арктике; перспектив арктического судоходства; совместного освоения природных ресурсов Крайнего Севера и пр.

В целом Турция воспринимает арктическую научную дипломатию как важный и эффективный инструмент своей стратегии на Крайнем Севере, а также налаживания дружественных двусторонних отношений с арктическими государствами, включая Россию.

Список литературы

1. Гутенев М.Ю., Калфоглу Р. Научная дипломатия Турции в Арктике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 142–153. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-142-153.
2. Международная научная инициатива в Российской Арктике (ИСИРА). URL: <https://iasc.info/our-work/isira/740-2021-05-13-16-21-51> (дата обращения: 10.04.2022).
3. Is Turkey Set to Become a New Polar Power? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TySQT1gIMQI> (дата обращения: 10.04.2022).

4. National Polar Science Program (2018–2022). Istanbul: Ministry of Science, Industry and Technology, 2017. URL: https://kare.mam.tubitak.gov.tr/sites/images/kare_mam/turkish_national_polar_science_program_2018-2022.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

В.Г. Когут, Г.Н. Нурышев

УКРАИНА В НОВОЙ БОЛЬШОЙ ИГРЕ

В работе отмечается, что важнейшей частью Новой Большой игры в постсоветском геополитическом пространстве сегодня является борьба за Украину. Как лимитрофное квазигосударственное образование она в этой игре должна создавать возле российских границ управляемый хаос для разрушения России как геополитического субъекта. Подчеркивается, что в условиях Новой Большой геополитической игры особую роль приобретает укрепление единства российского геополитического пространства, территориальной целостности государства.

Ключевые слова: Новая Большая игра, постсоветское геополитическое пространство, управляемый хаос, теллурократия, талассократия.

V.G. Kogut, G.N. Nuryshv

UKRAINE IN THE NEW GREAT GAME

The paper notes that the most important part of the New Great Game in the post-Soviet geopolitical space today is the struggle for Ukraine. As a limitrophe quasi-state formation, in this game it must create controlled chaos near the Russian borders to destroy Russia as a geopolitical entity. It is emphasized that in the conditions of the New Great Geopolitical Game, the strengthening of the unity of the Russian geopolitical space and the territorial integrity of the state acquires a special role.

Key-words: New Great Game, post-Soviet geopolitical space, controlled chaos, tellurocracy, thalassocracy.

В постсоветском пространстве в настоящее время резко усилилось геополитическое противоборство, которое исследователи все чаще стали называть Новой Большой игрой (The New Great Game), имея в виду, что еще в XIX веке соперничество между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии обозначали Большой игрой. Такой способ описания новых геополитических процессов, образовавшихся после распада Советского Союза, считает удобной метафорой Э. Уолберг, американский исследователь геополитических процессов на Ближнем Востоке, Центральной Азии и России [1, с. 5]. Сейчас, как пишет А.В. Михалев, «Новая Большая игра как способ мышления и метафора стала выходить за пределы Центральной Азии и Кавказа. Экспансия данного дискурса распространилась на все постсоветское пространство. Сегодня встречаются работы, посвященные Большой игре в Арктике или в Восточной Европе. В 2016 г. появилась серия работ о Большой игре и конфликте на Украине. География Новой Большой игры растет, стремясь охватить почти всю мировую политику» [2, с. 22].

Важнейшей частью Новой Большой игры в постсоветском геополитическом пространстве в наши дни является борьба за Украину. От того останется ли она «анти-Россией» или вернется в «семью братских народов», решается судьба всего постсоветского геополитического пространства. В геополитической картине англосаксов независимой, антироссийской Украине отводится роль части

«санитарного кордона» в стратегии «кольца анаконды», призванной оторвать Россию от континентальной Европы, лишить ее геополитической субъектности.

Об этом писал еще З. Бжезинский в своей известной книге «Великая шахматная доска», где отчетливо подчеркивал роль Украины как форпоста атлантизма в геополитическом противоборстве с Россией. Автор отмечал, что Россия без Украины никогда не сможет стать суверенной державой и полноценным геополитическим актором. Для реализации этой идеи, по его мнению, надо навязать украинскому народу идеологию в виде крайнего русофобского национализма, который должен стать геополитическим инструментом атлантизма для превращения Украины в агрессивную «анти-Россию». И надо признать, что западные геостратеги и спецслужбы достигли немалых успехов в деле формирования искусственной русофобской конструкции, виртуального симулякра нации [3].

Происходящие на Украине события стали следствием игнорирования украинскими политиками геополитических законов, которые так же непререкаемы, как и, например, те же законы физики. Геополитическая идентичность Украины как части сухопутной цивилизации наряду с Россией и Беларусью имеет теллурократический вектор. Отсюда попытка стать частью западной цивилизации, сменив теллурократическую геополитическую идентичность, является попыткой играть по правилам талассократии. Смена геополитического кода страны, русско-православной цивилизации на западную протестантско-католическую происходит не по воле каких-нибудь политиков, а ходом всей исторической судьбы, длительной эволюции государства и народа на протяжении многих веков. Поэтому попытка резкой смены цивилизационного кода с резкой сменой национальной идентичности привела к расколу государства и его геополитического фундамента. Такая попытка, как вытекает из первого закона геополитики, всегда является ошибочной и по сути проигрышной, и как следствие, активирует деструктивные силы, способные наполнять агрессивной прозападной и русофобской политикой энтропийные процессы с повышенной геополитической энергетикой, разрушающей неконтролируемым взрывом геополитический статус Украины [4].

События на Майдане в 2013–2014 гг. показали, что Запад для достижения своих целей в Украине приступил к реализации геополитики «управляемого хаоса» жесткой сингулярности, создавая все предпосылки для прямого военного конфликта между Киевом и Москвой. При этом в звенья единой геостратегии были включены планы по расширению геноцида жителей Донбасса и созданию собственного ядерного, биологического и химического оружия. То есть, фактически Россия была доведена до края цивилизационной черты собственного существования и перед лицом надвигающейся опасности была вынуждена в целях сохранения стратегической инициативы, применив при этом тактику упреждающего удара, 24 февраля 2022 г. начать специальную военную операцию [3].

Независимо от исхода этой операции, содержательный замысел Новой Большой игры» предполагает, что лимитрофное квазигосударственное образование «Украина» должна быть сохранена ради удержания возле российских границ

управляемого хаоса мягкой или жесткой сингулярности с целью разрушения России как геополитического субъекта. Поэтому, сегодня быстрыми темпами началась украинизация всей Европы. У российских границ ускоренно формируется крупная ударная военная группировка сил НАТО. Всерьез изучают вопрос своего вступления в Североатлантический альянс Швеция и Финляндия. Увеличивается вероятность ввода по просьбе В. Зеленского миротворческих сил НАТО в виде польско-литовского контингента на территорию Западной Украины. Триггером вступления в кампанию станет разгром нацистской группировки в Донбассе [5].

26 марта 2022 г. президент США Дж. Байден в Королевском дворце в Варшаве выступил с пространной речью «Об объединённых усилиях Свободного мира по поддержке народа Украины», в которой отметил: «Мы заново вступили в великую битву за свободу: битву между демократией и автократией, между свободой и репрессиями, между порядком, основанным на правилах, и порядком, управляемым грубой силой. В этой битве нам нужно быть трезвыми. Эта битва также не будет выиграна ни за несколько дней, ни за месяцы. Нам нужно собраться с духом для предстоящей долгой борьбы». Таким образом, сделав акцент на предстоящую долгую борьбу, Дж. Байден фактически объявил новый «крестовый» поход против России, войну на уничтожение. В такой ситуации, становится очевидным, что для России «время полумер прошло, полумер во внутренней и внешней политике, полумер в проведении специальной военной операции» [6].

Де-факто, сегодня России объявлена длительная, кровавая и жестокая война на уничтожение. Нас ждёт неизбежное расширение её масштабов до мирового уровня. Такова логика Новой Большой игры. В этих условиях народ России ждет от руководства страны не компромиссов с киевским нацистским режимом, а его быстрого и полного разгрома и взятия под контроль абсолютно всей украинской территории. Военное поражение Киева без полного демонтажа всего нынешнего режима не принесет мира и безопасности, как России, Украине и Беларуси, так и всем странам постсоветского пространства. Этот режим в целях денацификации должен быть признан преступным, и его представители осуждены специальным международным трибуналом в новой глобальной системе мироустройства. Олигархов, стоящих у истоков украинского нацизма и финансирующих его, необходимо полностью лишить собственности на территории Украины и России и привлечь к уголовной ответственности [7].

Необходимо чётко понимать, что обязать по результатам переговоров правящий режим в Киеве, который находится под внешним управлением Запада и провести демилитаризацию и денацификацию Украины в целом нереально. Напротив, очевиден сценарий, как на руинах Незалежной начнется при помощи НАТО усиленная нацификация, стремительное перевооружение, а также неминуемая кровавая попытка реванша на Донбассе и в Крыму. К тому же будут объявлены новые жесткие антироссийские санкции и начнутся судебные тяжбы о компенсации Украине всего разрушенного. По некоторым данным, сегодня в Киеве оценивают ущерб в размере 1 трлн. долл. Уже сейчас требуется приложить

все силы и официально признать киевский режим антинародным, преступным и недоговороспособным. После Донбасса необходимо взять под геополитический контроль территорию остального Левобережья и Северного Причерноморья, что будет означать стратегическое поражение и потерю геополитического статуса киевского режима. Для этого следует также в приоритетном порядке закрыть границу с Польшей, Венгрией и Румынией, откуда ведутся поставки тяжелых вооружений [8].

В условиях Новой Большой геополитической игры особую роль приобретает укрепление единства российского геополитического пространства, территориальной целостности государства, его геополитического потенциала. Отсюда растет значение внутренней геополитики. Успешное решение ее неотложных задач в современных условиях прежде всего зависит от политической элиты страны. К сожалению, значительная часть российского истеблишмента, особенно в сфере экономики и культуры, является либеральной, прозападной и не связывает своё будущее с Россией. Поэтому российский ответ на экономическое и дипломатическое давление Запада оказался непоследовательным и половинчатым, что создаёт в информационном социуме нездоровые и вредные настроения. Как следствие, цели внутренней геополитики Русского мира и капиталистической России совпадают лишь временно, оставаясь в стратегическом плане диаметрально противоположными. Отсюда логичен вывод, что не случайно битва за умы значительной части украинского населения, оболваненного бандеровской пропагандой, оказалась катастрофически проиграна «агитационной машиной» Русского мира.

Исходя из сложившейся ситуации, когда боевые действия стран НАТО с Россией под каким-нибудь предлогом могут стать реальными, необходимо решительное оздоровление российского истеблишмента и повышение эффективности государственного аппарата. Современная геополитическая обстановка требует перехода страны на военные рельсы с концентрацией всех ресурсов, имеющихся у России. Сегодня необходимо чётко провозгласить политику собирания русских земель в единую и могучую державу [9].

Тем более, что курс на интеграцию уже сегодня начал реализовывать Крым с южными регионами Украины, включая Херсонскую и Запорожскую области, которые оказались под контролем Москвы в ходе проведения военной спецоперации. Они в ближайшее время уже создадут единый хозяйственный комплекс. В то же время на подконтрольных Киеву территориях наблюдаются процессы экономической деградации [10].

В настоящее время должны быть четко выработаны стратегический курс и действенная идеология собирания русских земель. При их выработке надо учитывать высокую популярность красных флагов на освобождаемых регионах Украины. А в необозримом будущем, этот символ вполне может стать настоящим атрибутом новой интеграционной модели объединения трех славянских государств: Беларуси, России и Украины. Тем более, как отмечают эксперты, «почти все пророссийские активисты – это люди левых взглядов, которые они в основном черпают из советского прошлого своей страны» [11].

Таким образом, можно сделать вывод, что Новая Большая игра в Украине в срочном порядке требует от России формирования всеобъемлющей целостной программы перевода государственных и муниципальных органов управления, экономики, политики, идеологической и патриотической работы на военные рельсы, а также реализации форсированного комплекса мероприятий по интеграции постсоветского геополитического пространства.

Список литературы

1. Walberg E. Post Modern Imperialism: Geopolitics and the Great Games. Atlanta, 2011.
2. Михалев А.В. Новая Большая игра как неоколониальный дискурс // Дискурс-Пи. Екатеринбург, 2019. № 3(36). С. 10–25.
3. Дугин А.Г. «Большая геополитическая игра» на Украине. URL:<http://новости-украины.ru-an.info/новости/война-на-украине-часть-большой-геополитической-игры/> (дата обращения: 11.03.2022).
4. Гулевич В. Геополитическая судьба Украины. URL: https://odnarydyna.org/article/geopoliticheskaaya-sudba-ukrainy?utm_source=politobzor.net (дата обращения: 30.03.2022).
5. Третья мировая война между Россией и западным миром уже началась. URL: https://topcor.ru/24891-tretja-mirovaja-vojna-mezhdu-rossiej-i-zapadnym-mirom-uzhe-nachalas.html?utm_source=politobzor.net (дата обращения: 05.04.2022).
6. Байден в Варшаве объявил новый «крестовый» поход против России. URL: <https://news-front.info/2022/03/28/bajden-v-varshave-objavil-novuj-krestovuj-pohod-protiv-rossii> (дата обращения: 28.03.2022).
7. Партия капитулянтов в России не имеет перспектив. URL: https://www.worldandwe.com/ru/page/partiya_kapitulyantov_v_rossii_ne_imeet_perspektiv.html (дата обращения: 01.04.2022).
8. Маржецкий С. Когда российские войска вновь вернутся под Киев. URL: <https://topcor.ru/24911-kogda-rossijskie-vojska-vnov-vernutsja-pod-kiev.html> (дата обращения: 07.04.2022).
9. Русов С. Третья мировая война началась. URL: <https://topwar.ru/193400-tretja-mirovaja-vojna-nachalas.html> (дата обращения: 14.03.2022).
10. Подоляка рассказал о создании единого хозяйственного комплекса Крыма с южными областями Украины. URL: <https://topcor.ru/24943-podoljaka-rasskazal-o-sozdanii-edinogo-hozjajstvennogo-kompleksa-kryma-s-juzhnyimi-oblastjami-ukrainy.html> (дата обращения: 07.04.2022).
11. Под чьим флагом? Что не так с образованием военных администраций. URL: <http://k-politika.ru/pod-chim-flagom-cto-ne-tak-s-obrazovaniem-voennyx-administracij/> (дата обращения: 05.04.2022).

И.В. Юрченко, Н.Н. Юрченко

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР¹

В статье анализируется изменение векторов политических отношений на южном направлении после распада СССР. Проводится конфликтологическая диагностика ряда новых факторов, обуславливающих риски обострения противоречий и региональной дестабилизации.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФИЦ ЮНЦ РАН, гр. № 122020100306-9 «Конфликтологический анализ проблем региональной безопасности и стабильности на Юге России в третьем десятилетии XXI века».

Ключевые слова: распад СССР, геополитические изменения, региональная ситуация, информационная среда, полиэтничный социум.

I.V. Yurchenko, N.N. Yurchenko

**CONFLICTOLOGICAL ANALYSIS OF THE SOCIO-POLITICAL REGIONAL
SITUATION IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL CHANGES AFTER
THE COLLAPSE OF THE USSR**

The article analyzes the change in the vectors of political relations in the southern direction after the collapse of the USSR. Conflictological diagnostics of a number of new factors causing risks of aggravation of contradictions and regional destabilization is carried out.

Key-words: the collapse of the USSR, geopolitical changes, regional situation, information environment, multiethnic society.

Политические процессы, обусловленные распадом Советского Союза, принято называть постсоветскими процессами, также, как и пространство бывшего СССР – «постсоветским пространством». Однако реальные векторы политических отношений России выходили за пределы этого пространства, в частности, на южном направлении, в Черноморско-Средиземноморском регионе, где значительное влияние оказывает турецкий фактор. После демонтажа Советского Союза в России и других бывших республиках СССР активизировалось пантюркистское движение. Появление пяти новых тюркских государств (Туркмении, Узбекистана, Азербайджана, Киргизии и Казахстана) и геополитическое положение самой Турции стало важным аспектом политики России, стремившейся к сближению с Турецкой Республикой уже с 1992 г. Однако этому стремлению в тот период препятствовала идеология пантюркизма, объявляющая создание политической общности всех народов, говорящих на тюркских языках, и позиция Турции в чеченском конфликте, а именно, поставки оружия чеченским сепаратистам. Эта ситуация во многом способствовала сближению России с Кипром и Грецией, которые имели с 1993 г. совместную декларацию по обороне, направленную против Турции. Подписанный контракт на поставки «Росвооружением» зенитно-ракетных комплексов Кипру вызвал резкую негативную реакцию Анкары, которую поддержали Госдепартамент США и главнокомандующий силами НАТО в Европе. Летом 1998 г. Турция начала осуществлять принудительный досмотр судов, проходящих через проливы Босфор и Дарданеллы. «Кипрский кризис» был урегулирован в декабре 1998 г., когда кипрская сторона дала согласие на размещение системы С-300 в Греции (на острове Крит). Благоприятные условия для сохранения относительного равновесия вокруг черноморских проливов создавала Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), в которую входило 12 причерноморских государств. Наделенная правовым статусом и четко определенными функциями, эта региональная международная организация в соответствии с декларацией, принятой по итогам Ялтинского саммита, должна была в XXI в. выполнять важную роль в Черноморском регионе, значение которого, как с точки зрения мировой политики, так и с точки зрения глобальной экономики существенно возрастет [1, с. 33]. ОЧЭС как

международная организация должна была помочь странам Черноморского региона адаптироваться к происходящим в мире процессам и стремительным переменам, охватывая новые области сотрудничества и углубляя его в уже существующих областях. Однако напряженность в этом регионе постоянно возрастала и в настоящее время достигла наивысших пределов. Приведем в качестве примера один из кейсов, свидетельствующих о влиянии внешних информационных воздействий со стороны СМИ других государств на социальное самочувствие региональных общностей. Прежде всего, это геополитические угрозы и риски, обусловленные напряженностью на Украине и периодические проявления антироссийской позиции Турции, а также санкционная политика западных стран против российского бизнеса, политиков и чиновников. Так, 12.02.2021 г. РИА Новости и другие СМИ сообщили о продемонстрированной турецким телеканалом карте с прогнозом расширения зоны влияния Анкары на юг России: в эфире государственного телеканала TRT1 показали карту, отражающую прогноз по расширению турецкой сферы влияния. Ролик опубликовал Telegram-канал «Военный обозреватель». По данным СМИ, в сюжете шла речь о расширении сфер влияния Анкары. Видео было подготовлено американской организацией Stratfor. В прогнозе говорится о том, что Турция расширит свое влияние по нескольким направлениям и что к 2050 г. Анкара укрепитя на юге России, включая Крым, Краснодарский край, Астраханскую и Ростовскую области, Калмыкию и территории Северного Кавказа [2]. По мнению российских экспертов, в Анкаре пытаются спроецировать имперское прошлое страны на нынешнюю Турцию, а демонстрация карты является частью пропаганды значительного влияния Турции на Россию. В российском Причерноморье отмечаются этноконфессиональная дифференциация и угрозы дестабилизации со стороны Украины и Турции. Краснодарский край как приграничный регион, характеризующийся мозаичностью состава населения в силу полиэтничности и поликонфессиональности, представляет собой сложносоставное гетерогенное административно-территориальное образование, с геополитической точки зрения имеющее особую значимость для всего государства и обеспечения его суверенитета, территориальной и ментальной целостности, укрепления общероссийской гражданской идентичности.

В полиэтничных регионах межэтническая напряженность представляет существенную опасность, а значит, нужны механизмы, с помощью которых можно регулировать состояние отношений между национальными группами, поддерживать атмосферу толерантности и социального доверия. Данные механизмы имеют непосредственное отношение к обеспечению информационной безопасности, поскольку именно через информационные источники становится возможным формирование позитивных установок.

В современных условиях геополитической модернизации и трансформации межгосударственных и межрегиональных отношений, одним из главных факторов, определяющим характер и направленность развития межэтнических отношений, является состояние информационной среды полиэтничного социума, в формировании которой первоочередную роль играют СМИ, которые могут ока-

зывать как позитивное, так деструктивное влияние на отношения между этническими группами в регионе. В плане деструктивных воздействий наибольшую опасность представляет рост межэтнической напряженности, обусловленной предрассудками, предубеждениями, развитием экстремистских и националистических идеологий. Информационная среда полиэтничного социума особенно подвержена влиянию перечисленных негативных факторов, поскольку процессы ее организации обусловлены ментальностью, которая определяет характер коллективного сознания. В системе коммуникации агентов информационного поля полиэтничного социума (этнические группы, титульные и не титульные, политическая элита) основополагающую роль играют их диспозиции, которые могут быть позитивными и негативными. Неоднородность (а иногда противоречивость) социальных диспозиций приводит к конфликту интерпретаций (неоднозначной оценкам), что, в свою очередь, мешает позитивной межэтнической коммуникации.

Таким образом, исследование информационной среды полиэтничного социума представляет значительную научную ценность, поскольку подобное знание позволит ученым и властям видеть и при необходимости изменять характер и направленность информационного воздействия на общественное сознание с целью формирования позитивных межэтнических установок.

Исходя из вышесказанного, научную проблему, на решение которой направлено исследование, можно определить как потребность в научном знании об информации, наполняющей полиэтничный социум и характере ее влияние на функционирование и развитие данного социума, взаимоотношения между национальными группами, населяющими его. Результаты научно-познавательных действий в этом направлении отвечают интересам оптимизации отношений взаимодействующих сторон, облегчают поиск действенных средств по сокращению негативных проявлений радикальных идеологий этнонационализма, сепаратизма этнически направленных ксенофобии и мигрантофобии.

Культурная, языковая, конфессиональная мозаичность современного общества требует поиска рационального пути предупреждения межэтнических и межконфессиональных конфликтов с ориентацией на решение важнейшей задачи постсоветской эпохи – сохранения русской этнокультурной идентичности, духовного оздоровления национального самосознания этноса, составляющего основную массу населения страны.

Список литературы

1. Декларация Ялтинской встречи на высшем уровне // Дипломатический вестник МИД РФ. 1998. Июль. С. 33.
2. Турецкий госканал показал карту расширения влияния на Крым и Кубань. URL: <https://lenta.ru/news/2021/02/12/vliyanie/> (дата обращения: 01.12.2021).

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА СССР

В статье описываются те глобальные последствия, которые были запущены в миросистеме распадом Советского Союза, как одной из двух существовавших на тот момент сверхдержав. США заявили о своей победе в идеологическом и экономическом противостоянии стран социализма и капитализма и стали проводить политику доминирования, насаждая во всем мире свои представления о демократии. Но пример существования СССР не прошел бесследно. Сегодня все больше и больше стран поддерживают концепцию многополярного мира, в котором можно выстроить безопасные, справедливые и взаимовыгодные отношения.

Ключевые слова: США, Советский Союз, Горбачев М.С., «холодная война», однополярный мир, многополярный мир.

Е.А. Markov

GLOBAL CONSEQUENCES OF THE COLLAPSE OF THE USSR

The article describes those global consequences that were launched in the world by the collapse of the Soviet Union, as one of the two superpowers that existed at that time. But the example of the existence of the USSR did not pass without a trace. Today, more and more countries support the concept of a multipolar world in which it is possible to build secure, fair and mutually beneficial relations.

Key words: USA, Soviet Union, Gorbachev M., Cold War, unipolar world, multipolar world.

Прошло 30 лет с момента распада Советского Союза. Вместо сверхдержавы, какой СССР был на протяжении более 70 лет, после окончания второй мировой войны на политической карте мира появилось 15 новых самостоятельных государств. Рухнула биполярная система, которая была залогом равновесия и баланса интересов между капиталистическим и социалистическим мирами.

Сегодня, по прошествии 30 лет, причины распада СССР, запустившего процесс глобальных изменений в системе миропорядка, кажется, хорошо изучены. Спор между исследователями ведется только лишь по поводу того, а был ли предопределен распад Советского Союза всей логикой мирового исторического процесса как системы, исчерпавшей все свои возможности, или потенциал развития социалистического государства был использован не до конца.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что пример Советского Союза, объединявшего полмира на основе попытки реализации марксистской идеи строительства справедливого, не имеющего классов государства, был настолько не желателен для блока капиталистических стран, что они добились разрушения социалистической системы, использовав обширный арсенал средств, включающий идеологическое противостояние, гонку вооружений, мировые цены на энергоносители, конкуренцию в области технологий и даже информационную войну. Использование всех этих средств трактовалось как «холодная война».

В «холодной войне», длившейся более 40 лет, были периоды обострения отношений двух сверхдержав, когда мир стоял на грани развязывания настоящей ядерной войны, но были и периоды так называемого «потепления», когда две страны пытались снизить угрозы, которые несет противостояние. Последней попыткой налаживания взаимопонимания между СССР и США стали инициативы

Генерального Секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва, озвучившего в 1989 г. мирные инициативы, в числе которых было предложение о создании системы общеевропейской безопасности с участием СССР, отсутствие намерения вмешательства во внутренние дела восточноевропейских стран, желание провести в своей стране демократические реформы и пр.

В 1989 г. Президент СССР М.С. Горбачёв во время встречи с президентом США Дж. Бушем заявил: «Мы — за мирные перемены, мы не хотим вмешательства и не вмешиваемся в будущие процессы. Пусть народы сами, без вмешательства извне решают, как им быть» [1].

Именно эти инициативы М.С. Горбачёва и запустили процесс распада блока социалистических государств, который в конечном итоге привел к тому, что Советский Союз утратил свое влияние как в странах Восточной Европы (вплоть до поспешной ликвидации своих военных баз в ряде стран), так и во всем мире.

М.С. Горбачёв, объявив о желании обеспечивать европейскую безопасность сообща вместе со всеми европейскими странами, надеялся, что страны Запада не только поддержат эти инициативы, но и разовьют их, откажутся от политики конфронтации, продемонстрируют открытость и даже помогут преодолеть возникшие экономические и политические трудности бывшим странам социалистического лагеря [2]. Но идеалистическое желание М.С. Горбачёва изменить мир к лучшему, сделать его более безопасным на основе выстраивания предсказуемых равноправных партнерских отношений со странами Запада, было горячо поддержано этими странами на словах, но на деле они расценили инициативы Горбачева как слабость. Ну, а сам Михаил Сергеевич, не имевший опыта в международных отношениях, столкнулся, сам того не подозревая, с коварством и прагматизмом западноевропейских стран.

Вот что по этому поводу заявил профессор Института международных отношений при Народном университете Китая Цзинь Цаньжун: «...главная ошибка Вашингтона состояла в том, что он неправильно интерпретировал свою «победу в холодной войне. США действительно выиграли в противостоянии с СССР, но случилось это из-за внутренних проблем Советского Союза, которые и развалили страну. Тем не менее, эту победу американские власти приписали себе в заслугу» [3].

Да, у мирового сообщества в начале 1990-х гг. был шанс устройства справедливого и безопасного миропорядка, но США не смогли преодолеть желание воспользоваться всеми выгодами оставшейся единственной сверхдержавы, стали вести себя как победитель в «холодной войне» и диктовать условия «проигравшим» странам. (Здесь уместно привести слова влиятельного американского политика З. Бжезинского: «Не следует путать доминирование с идеей собственного всемогущества» [4]). Вот с этого момента США, вместе со своими союзниками, стали проводить внешнюю политику, приведшую к многочисленным и трагическим по своим последствиям ошибкам. США решили перекроить мир по своему образу и подобию, насаждая в целом ряде стран военными способами свои представления о демократии. В результате были разрушены политические режимы

государств, из которых можно составить довольно длинный перечень, а в некоторых из них смена режимов привела к развязыванию гражданских войн, которые привели к гибели сотен тысяч граждан. В списке государств, подвергшихся вмешательству США – Ирак, Ливия, Сербия, Сирия, Афганистан, Украина, Грузия и т.д.

В период противостояния двух сверхдержав СССР показывал притягательный пример построения справедливого социалистического государства, в котором нет отношений частной собственности, а, значит, нет антагонистических классов и экономического расслоения между ними, в такой стране нет эксплуатации человека человеком, все люди равны, а государство берет на себя решение многих социальных вопросов. К сожалению, социалистический строй не выдержал испытаний, в конце концов стала иссякать энергия его развития. Но идеи справедливости, добра, равенства, взаимопомощи и сегодня являются популярными в целом ряде стран. Такого рода идеи отчасти находят свое воплощение в реализации концепции многополярного мира.

В начале XXI в. появились новые центры силы в виде таких стран, как Россия, КНР, Индия, Бразилия и ряда других, желающих выстраивать между собой равноправные и справедливые отношения. Таким образом, сегодня можно выделить две конкурирующие концепции развития отношений между странами: теорию однополярного мира и теорию многополярного мироустройства. Именно на идеологическом противостоянии стран, поддерживающих разные подходы, и развивается обострение отношений между государствами, которое приводит к возникновению новых конфликтов.

В настоящее время эпоха доминирования США явно подходит к концу. Но России, безусловно, необходимо учитывать все возникающие угрозы и вызовы, чтобы обеспечить как свою собственную безопасность, так и безопасность своих союзников.

Список литературы

1. «Доктрина Горбачёва» и уход СССР из Восточной Европы. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/943872.html/> (дата обращения: 24.03.2022).
2. Марков Е.А. Информационное противоборство как инструмент формирования нового миропорядка / Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы. Материалы Ежегодной всерос. науч. конф. с междунар. участием. М., 2020. С. 326–327.
3. В Китае объяснили провалы США во внешней политике. URL: <https://rosinfonews.ru/articles/> (дата обращения: 24.03.2022).
4. Бжезинский З. Идея сдерживания превратилась в догму // Россия в глобальной политике. 2008. № 1.

«ВЕНСКИЙ ПАКТ» 2015 г. В ИРАНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ¹

Ирано-американские отношения являются значительной составляющей в системе международных отношений Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Однако история их взаимоотношений в решении ряда актуальных проблем в рассматриваемом регионе остается достаточно сложной.

Ключевые слова: Иран, США, Венский пакт, международные отношения, Восточное Средиземноморье, Ближний Восток.

B.G. Koibaev

VIENNA PACT 2015 IN IRAN-US RELATIONS IN THE MIDDLE EAST

Iranian-American relations are a significant component in the system of international relations of the Eastern Mediterranean and the Middle East. However, the history of their relationship in solving a number of urgent problems in the region under consideration remains quite complex.

Key-words: Iran, USA, Vienna Pact, international relations, Eastern Mediterranean, Middle East.

В 2015 г. в Вене на итоговом пленарном заседании США, Россия, КНР, Великобритания, Франция, Германия и Иран объявили о заключении соглашения по ядерной программе, которое в мировом сообществе назвали историческим. Как сообщала мировая пресса, «Иран согласился не обогащать уран свыше 3,67% в течение 15 лет. При этом вся работа по обогащению и исследовательская деятельность будут вестись исключительно на объекте в Натанзе. В Фордо же не будет проводиться ни обогатительная деятельность, ни исследования и не будет храниться ядерный материал» [1].

Далее было определено, что параметры реконфигурации реактора в иранском Араке определит международный консорциум. В тексте соглашения было отмечено, что совместный всеобъемлющий план действий, принятый по итогам переговоров, прекратит свое действие через 10 лет после дня принятия резолюции СБ ООН. «В этот день все решения и меры, определенные в резолюции СБ ООН, прекратят свое действие и СБ ООН более не будет вовлечен в иранскую ядерную проблему». В ответ на взятые Ираном обязательства в ядерной области Тегерану была обещана отмена всех санкций СБ ООН.

Между прочим, в дальнейшем стороны-подписанты «Венского пакта» стали осторожнее обозначать значимость достигнутой договоренности. Так, президент ИРИ Х. Роухани заявил 20 сентября 2015 г., что «указанное соглашение – это первый шаг по смягчению конфликта с США» [2, 3].

США и их союзники по НАТО, хотя и пошли на некоторые уступки (особенную активность в данном отношении стали проявлять европейские компании), по-прежнему подходили критически в отношении дальнейшего политиче-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-59-56010.

ского курса иранского руководства. Они «с оглядкой» заключали новые контракты и документы о сотрудничестве в соответствии со взятыми на себя в рамках Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) обязательствами перед «укрошенным» Ираном. Тем более что иранский лидер аятолла Али Хаменеи сделал предупреждающее заявление, что «если другая сторона его нарушит, если она растопчет соглашение, то мы, со своей стороны, сами сожжем его» [4].

Особенно настороженную позицию в отношении Тегерана заняли США. Вашингтон практически немедленно обозначил свое негативное отношение. Несмотря на закрытие в июле 2015 г. ядерного досье Ирана, США почти сразу ввели новый набор санкций на ряд компаний и ответственных лиц ИРИ. Они аргументировали свое решение опасным для окружающих стран развитием Тегераном технологии ракет среднего и дальнего радиусов действия. То есть США отменили санкции лишь частично, с многочисленными оговорками. Причем руководство Вашингтона не исключило возвращения к прежним воинственным отношениям с Тегераном, если он будет где-то нарушать «венскую договоренность».

На этом основании многие эксперты высказали мнение, что в ближайшие годы не прогнозируется какое-либо существенное американо-иранское сближение. Наоборот, религиозно-политическое руководство ИРИ отдало предпочтение выстраиванию стратегического партнерства с Россией.

Как стала строить свою ближневосточную политику администрация США в отношении ИРИ? Стремление США ограничить иранское влияние в международном сообществе более всего проявлялась в их ближневосточной политике. Она имела четкие ориентиры — это воспрепятствовать развитию сотрудничества Тегерана с администрацией Б. Асада, тем более что оно осуществлялось вкуче с развертыванием соответствующих действий ВКС Москвы в данном регионе; Багдаду же Вашингтон настоятельно рекомендовал не развивать стратегические отношения с Тегераном, стал требовать ограничить проиранское военное влияние в центральном и северном Ираке и отказаться от иранской экономической помощи. Поэтому в Багдад срочно совершил рабочую поездку старший советник и зять президента Д. Трампа Джаред Кушнер. Таким образом было ясно, что президент поставил конкретную задачу расширения влияния США в Ираке.

Однако переговоры сосредоточились лишь на иранской проблеме. Белый дом подчеркнуто выделял «важность противостояния дестабилизирующей региональной деятельности Ирана». В этом отношении он стал придерживаться одинаковых с Эр-Риядом взглядов на «опасность региональной экспансионистской политики Ирана».

Что касается Йемена, то его сосед Эр-Рияд поощрял к активизации разрушительной деятельности своих ВВС, чтобы побудить противоборствующие йеменские стороны полностью склониться к дружественным отношениям с коалицией ССАГПЗ, но не с Тегераном.

Какими были шаги американской администрации в ядерно-ракетной области после Вены? Как практически развивались двусторонние отношения в этой сфере? Ядерно-ракетное развитие военного потенциала ИРИ явилось самой спекулятивной областью в американо-иранских отношениях. Со стороны нового

президента США Дональда Трампа по сути сразу же среди прочего прозвучало из Вашингтона заявление о желании выйти в одностороннем порядке из соглашения с Ираном по ядерной программе. Далее Трамп неоднократно угрожал разорвать сделку [5].

В ответ аятолла ИРИ Али Хаменеи отверг возможность расширения ирано-американских переговоров за рамки ядерной проблематики. Он неоднократно заявлял: «Мы согласились обсуждать с США только ядерную проблему». В случае возникновения каких-то новых противоречий с Вашингтоном Тегеран угрожал опереться на Россию. Далее он говорил: «Исламская Республика не будет первой нарушать условия соглашения. Выполнять обещание – это правило, прописанное в Коране. Но народ Ирана силен и решителен, и любой неправильный ход со стороны деспотического режима в отношении ядерного договора столкнется с реакцией Исламской Республики». Обращаясь к полицейским в Тегеране, Хаменеи заявил: «Но Иран, будучи могущественной державой, не поддастся давлению и не начнет кланяться. Коррумпированные и лживые американские чиновники нагло обвиняют Иран во лжи, тогда как наша страна действовала честно и будет продолжать этот путь до конца честным образом. Американцы должны знать, что Исламская Республика не отступит. Любой неправильный ход доминирующего режима [то есть США] в отношении [ядерного соглашения] будет встречен соответствующей реакцией со стороны Исламской Республики» [6]. С такими же заявлениями выступал и президент Хасан Рухани.

Таким образом, с самого начала действия всех «венских соглашений» (имеется в виду, что, наряду с соглашением по ядерной проблеме ИРИ, были заключены и другие: по прекращению санкций США и других держав в отношении ИРИ и т.д.) стороны обменивались колкими предупреждениями в адрес друг друга. Американский шантаж ИРИ в сопровождении ввода новых санкций продолжается, как известно, и поныне.

Следует иметь в виду, что «США по условиям ядерной сделки 2015 г. принимают каждые шесть месяцев решение о продлении действия документа о приверженности отказа от санкций в отношении Ирана». Продление Соединенными Штатами режима ослабления общих антииранских санкций в 2016–2017 гг. не остановило их от продолжения противодействия дестабилизирующей деятельности Ирана в регионе.

По мнению Белого дома, под этим подразумевались: поддержка режима Асада, поддержка террористических организаций, типа Хезболлы и других, а также «ожесточенных боевиков» (имеются ввиду шиитские ополчения и др.), которые подрывают правительства в Ираке и Йемене, да и часть курдских вооруженных формирований (проиранской ориентации). Отвечая на вопрос журналиста о том, исключается ли военный ответ на действия Ирана, президент Д. Трамп сказал: «Ничего не исключается» [7]. Так, в мае 2017 г. со стороны американского правительства на четыре компании и три физических лица Ирана были наложены санкции в связи с ракетной программой Тегерана.

Примечательно, что премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху заявил, что «агрессия Ирана не должна остаться без ответа, и что он намерен – нажать на

Д. Трамп, чтобы возобновить санкции против Ирана и позаботиться о неудачной ядерной сделке» [8].

Правда, в вышеназванном докладе Института Брукингса отмечалось, «что для вооруженного вторжения в Иран необходим какой-то «ужасающий повод», скажем, информация американской разведки о наличии у Ирана ядерных боеголовок северокорейского происхождения, а Израиль будет готов нанести удар по Ирану только тогда, когда не будет опасности, что Сирия сможет вмешаться в военные действия на стороне Ирана».

Вот почему с 2011 г. начались трагические события в Сирии с участием так называемого «союза демократической оппозиции», ИГИЛ, «Аль-Каиды», «Джабхат-ан-Нусры» и других деструктивных террористических организаций, которые при финансовой, агентурной и технической помощи США, а также ряда других западных стран вступили в кровавую борьбу с законной, избранной сирийским народом властью страны. В этот конфликт были вовлечены многие страны БСВ, и прежде всего ИРИ и Саудовская Аравия.

Особенно Вашингтон стал накалять ситуацию в американо-иранских отношениях в октябре 2017 г. Так, Д. Трамп заявил, что, по его мнению, Иран абсолютно не уважает США, является террористическим государством номер один, который направляет средства на вооружения. Он также заявил, что дал указание перепроверить соглашение с Ираном 2015 г. и внести исправления в интересах США. При этом он не исключил возможность выхода из указанного соглашения.

Теперь об опасных заявлениях президента Д. Трампа 13 октября 2017 г. в Конгрессе США в отношении ИРИ и «венских соглашений» 2015 г. «США могут выйти из сделки по Иранской ядерной программе! — такое заявление сделал глава Белого дома. — Сейчас американские власти работают над изменением условий соглашения, и если что-то пойдет не по сценарию США, то договор будет прекращен».

Что касается реакции на американские заявления и действия других участников «венских соглашений», то следует подчеркнуть, что Германия, Франция и Великобритания сделали совместное заявление, в котором призвали США согласовывать с ними введение санкций относительно Тегерана. Страны также дали знать, что не намерены выходить из соглашения по иранской ядерной программе.

Впрочем, сделка по иранской ядерной программе может быть формально не прекращена США, но глава Белого дома в ближайшем будущем может принять ряд решений, которые денонсируют основные положения этого соглашения. Согласно источникам, США могут снова вернуться к рассмотрению антииранских санкций, отмененных в соответствии с условиями соглашения об иранской ядерной программе.

Список литературы

1. История переговоров Ирана и «шестёрки» международных посредников. Досье. URL: <https://tass.ru/info/1563027> (дата обращения: 05.04.2022).
2. Кейхан. 20.09.2015. URL: <https://inosmi.ru/archive2015+politic/> (дата обращения: 05.04.2022).

3. Independent. 21.09.2015 URL: <https://www.voxmarkets.co.uk/press/the-independent-210915/> (дата обращения: 05.04.2022).
4. Станет ли Иран сжигать ядерное соглашение? URL: https://www.iran.ru/news/analytics/101287/Stanet_li_Iran_szhigat_yadernoe_soglashenie (дата обращения: 06.04.2022).
5. Nuclear Deal: Iran Supreme Leader Khamenei Threatens Trump With Islamic Republic's Wrath. URL: <https://www.newsweek.com/nuclear-deal-iran-supreme-leader-khamenei-threatens-trump-islamic-republics-666679> (дата обращения: 05.04.2022).
6. Вестник Кавказа. 19.09.2017. URL: <https://easaily.com/ru/news/2017/09/19/> (дата обращения: 07.04.2022).
7. Коммерсантъ. 18.05.2017.
8. Дойдут ли США до прямого военного конфликта с Ираном? URL: https://www.iran.ru/news/analytics/104563/Doydut_li_SShA_do_pryamogo_voennogo_konflikta_s_Iranom (дата обращения: 07.04.2022).

Я.В. Лексютина

ИНВЕСТИЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ КИТАЯ В ГРУЗИИ: МАСШТАБЫ И ОСОБЕННОСТИ

Среди стран Южного Кавказа наиболее привлекательной для китайских инвесторов является Грузия, куда поступает более 95% всех китайских инвестиций в этом регионе. В статье определяются масштабы инвестиционной деятельности Китая в Грузии на современном этапе, выделяются основные китайские инвесторы и сферы приложения китайских инвестиций, а также фиксируются факторы как способствующие, так и сдерживающие приток китайских инвестиций в эту страну.

Ключевые слова: Грузия, Китай, инвестиции, Южный Кавказ, инициатива «Пояс и путь».

Ya.V. Leksyutina

CHINESE INVESTMENT ACTIVITIES IN GEORGIA: SCALE AND SPECIFICS

In the South Caucasus, Georgia remains the most attractive economy for Chinese investors, with more than 95% of all Chinese investment in this region. The article defines the current scale of Chinese investment activities in Georgia, highlights the main Chinese investors and areas for Chinese investment, as well as identifies the factors both attracting and restraining the inflow of Chinese investment in Georgia.

Key-words: Georgia, China, investment, South Caucasus, Belt and Road Initiative.

В инвестиционном плане среди стран Южного Кавказа наиболее привлекательной для Китая является Грузия. Согласно китайским статистическим данным, на конец 2019 г. 97% всех накопленных китайских инвестиций¹ в странах Южного Кавказа пришлось именно на Грузию. Инвестиционная привлекательность Грузии обусловлена ее выгодным географическим положением на берегу Черного моря и наличием нескольких крупных портов, ее благоприятным инвестиционным климатом и вхождением в многочисленные преференциальные таможенные зоны. В Грузии существует один из самых либеральных торговых режимов в мире: действует Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне

¹ Здесь и далее данные по китайским инвестициям основываются на официальной статистике, размещенной на сайтах Министерства коммерции КНР и Национальной службы статистики Грузии.

свободной торговли с ЕС, режим свободной торговли с четырьмя странами Европейской ассоциации свободной торговли (Исландией, Лихтенштейном, Норвегией и Швейцарией), преференциальная торговля с США, Канадой и Японией, а также двусторонние зоны о свободной торговле с Гонконгом, Турцией и со странами СНГ. В 2017 г. Грузия и Китай подписали Соглашение о свободной торговле, вступившее в силу 1 января 2018 г. и упраздняющее тарифы на 96,5% китайского экспорта в Грузию и 93,9% грузинского экспорта в Китай.

Обладая выходом к Черному морю, Грузия достаточно успешно инкорпорируется в формирующуюся новую региональную транспортно-логистическую сеть и способна стать важным транспортным транзитным узлом в системе грузоперевозок между Китаем и Европой, частью транспортной составляющей китайской инициативы «Один пояс – один путь». Важной вехой в процессе встраивания Грузии в региональную транспортно-логистическую сеть стало открытие в 2017 г. железнодорожной линии Баку–Тбилиси–Карс, представляющей сегмент одного из возможных маршрутов наземных грузоперевозок между Китаем и Европой через Южный Кавказ и открывающей возможность наращивания не только китайского транзита из/в Европу, но и грузовых перевозок между Китаем и Грузией.

Крупнейшим китайским инвестором в Грузии является компания «Hualing Group», занятая в достаточно широком спектре областей: от строительства торговых центров и магазинов оптовой торговли, аренды и управления, внешнеторговой деятельности, строительства и управления отелями до разработки природных ресурсов и реализации проектов в области животноводства. Начав инвестировать в Грузию в 2007 г., на сегодняшний день эта китайская компания имеет в своем портфеле 8 крупных проектов: строительство нового микрорайона в Тбилиси «Hualing Tbilisi Sea New City», торгового центра в Тбилиси «Hualing Tbilisi Sea Plaza» и олимпийской деревни, строительство и управление Свободной индустриальной зоной «Hualing» в Кутаиси, сетью отелей «Hualing Fund Hotel», «Hualing Hotels & Preference Tbilisi» и «Hualing Hotel» в Кутаиси и имеет мебельную фабрику в Кутаиси «Hualing Wood Development». «Hualing Group» занимается в Грузии добычей полезных ископаемых (мрамора и золота) и заготовкой леса. Также в 2012 г. эта компания приобрела 90% акций грузинского банка «Basisbank», занимавшего 11-е место среди коммерческих банков Грузии по совокупным активам. На долю «Hualing Group» примерно приходится более 80% китайских инвестиций в грузинскую экономику [1, с. 85].

«Hualing Group» совместно с «Shanghai Voda Group» инвестировала не менее 100 млн долл. в создание Свободной индустриальной зоны «Hualing» в Кутаиси, расположенной близ крупного черноморского порта Поти. В настоящее время на территории этой свободной индустриальной зоны действуют пять предприятий: металлоконструкций, камнеобрабатывающее, деревообрабатывающее, мебельное и производство матрацев. Помимо Свободной индустриальной зоны «Hualing» в Кутаиси, на сегодняшний день в Грузии полноценно действует еще три Свободные индустриальные зоны: в Поти, Тбилиси и еще одна – в Кутаиси.

Помимо зоны в Кутаиси, китайских инвесторов заинтересовала и Свободная индустриальная зона в Потти: в 2017 г. китайская компания «China Energy Company Limited» приобрела 75% акций этой зоны, взяв на себя обязательство инвестировать в нее в течение трех лет не менее 150 млн долл. Грузинские Свободные индустриальные зоны находятся в фокусе внимания китайских инвесторов, поскольку они предоставляют освобождение от налогов, логистические и административные преимущества, и производимые там товары подпадают под режимы свободной торговли, которые Грузия имеет со многими странами. Свободные индустриальные зоны представляют интерес для Китая и ввиду возможности беспрепятственно выходить на рынки ЕС.

Вместе с тем, хотя основной поток китайских инвестиций на Южном Кавказе идет в Грузию, объемы китайских инвестиций в Грузии незначительны, если сравнивать их с китайскими инвестициями в другие развивающиеся страны или с инвестициями других государств в Грузию. Так, в 2019 г. в Грузию было направлено 671 млн долл. китайских инвестиций, т.е. примерно столько же, сколько поступило в такие малопривлекательные в инвестиционном плане для Китая государства, как Чад, Уганду или Тринидад и Тобаго. Киргизия и Таджикистан, бедные центральноазиатские страны с небольшим потребительским рынком, получают гораздо больше китайских инвестиций, чем Грузия: согласно китайской официальной статистике, в 2019 г. накопленные китайские инвестиции в Киргизии достигли 1,55 млрд долл., а в Таджикистане – 1,9 млрд долл., а в Грузии – только лишь 0,671 млрд долл.

По данным Министерства коммерции Китая, потоки китайских инвестиций в Грузию достигли своего пика в 2014 г., составив 224 млн долл. благодаря крупным разовым инвестициям, а затем резко упали до 44 и 21 млн долл. в 2015 и 2016 гг. соответственно. При этом, в 2014 г., когда потоки китайских инвестиций в Грузии достигли исторического максимума, Китай был 3-м по величине инвестором в эту страну с долей 12% после Нидерландов (420,5 млн долл.) и Азербайджана (340,5 млн долл.), но уже в 2019 г. на Китай приходилось всего лишь 3,3% притока инвестиций в Грузию (и Китай переместился на 9-е место в списке крупнейших зарубежных инвесторов Грузии), а в 2020 г. – и вовсе произошел отток китайских инвестиций из страны.

Важно отметить, что многие обещанные Пекином инвестиции, в том числе связанные с реализацией инициативы «Пояс и путь», так и не поступили в Грузию, многие заявленные совместные проекты остаются на стадии планирования. В 2012 г. советник по экономическим и коммерческим вопросам посольства КНР в Грузии Лю Бо прогнозировал, что в следующие пять лет в Грузию поступят китайские инвестиции в размере 1,7 млрд долл.¹ Эти прогнозы, как можно судить по официальной статистике, не имеют ничего общего с реальностью.

Среди факторов, сдерживающих рост китайских инвестиций можно отметить следующие. Во-первых, это относительно небольшой размер грузинского потребительского рынка – 3,7 млн чел. Китайские компании ориентируются на

¹ Chinese will Invest up to 1.7 Billion USD in Georgia in Next 5 Years // The Financial. 9.04.2012. URL: <https://finchannel.com/chinese-will-invest-up-to-1-7-billion-usd-in-georgia-in-next-5-years/>

густонаселенные страны с крупными потребительскими рынками для китайских промышленных товаров. Во-вторых, в Грузии китайские инвесторы сталкиваются с сильной конкуренцией с другими иностранными инвесторами, и иногда при принятии инвестиционных решений грузинская сторона руководствуется политическими соображениями и своей ориентацией на США и Запад в целом, отдавая предпочтение западным инвесторам. В этой связи, иллюстративным может быть пример проекта строительства и развития глубоководного порта Анаклия, к которому большой интерес проявили китайские инвесторы, но в итоге в 2016 г. контракт на строительство и развитие порта Анаклия на сумму 2,5 млрд долл. был передан совместной американо-грузинской компании «Anaklia Development Consortium». В-третьих, при зарубежном инвестировании Китай акцент делает на сделки слияний и поглощений в технологическом секторе или на покупку долей в известных международных брендах, и в Грузии пока мало компаний, которые могли бы заинтересовать китайских инвесторов в этой связи.

Список литературы

1. Тасиц К.И. Развитие отношений Китая с республиками Южного Кавказа в контексте инициативы «Пояс и путь» // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 5 (56). С. 80–96.

С.И. Анчев

ЗАПАДНЫЕ ПРИНЦИПЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ

По своей сути, Запад не изменил своим принципам до и во время агрессии, в войне за ресурсы, политическое влияние, манипулирование общественным мнением, фабрикацию и запуск ложных обвинений и фактов, влияющих на нормальное человеческое сознание. Такие методы уже известны из войн Соединенных Штатов и великих западных держав в 19, 20 и 21 веках. Точно так же «защищаются» либеральные принципы в нынешней многосторонней агрессии против России.

Ключевые слова: США, Запад, Россия, Украина, НАТО.

S.I. Anchev

WESTERN PRINCIPLES IN MODERN POLICY TOWARDS RUSSIA

At its core, the West did not change its principles before and during the aggression, in the war for resources, political influence, manipulation of public opinion, fabrication and launch of false accusations and facts that affect normal human consciousness. Such methods are already known from the wars of the United States and the great Western powers in the 19th, 20th and 21st centuries. In the same way, liberal principles are being "protected" in the current multilateral aggression against Russia.

Keywords: USA, West, Russia, Ukraine, NATO.

Западные принципы, т.е. принципы США и подчиненных им стран внутри и вне ЕС, по отношению к России, по своей наглости превзошли все используемые до сих пор модели сравнения. Ясно одно, после судебных процессов 1989 г. и распада СССР и союза социалистических государств, выразившегося в СЭВ и Варшавском договоре, США видятся единственным лидером во всем мире.

Политическая, экономическая и военная экспансия Соединенных Штатов началась еще в 1980-х гг. Занятие высшего государственного поста в СССР М.С. Горбачёвым, человеком явных политических амбиций и политического тщеславия, оказалось очень удобным для планов Вашингтона по отношению к объединению социалистических государств. За распадом СССР последовали такие же процессы и в остальных социалистических странах. Экономический фактор являлся главным фактором в этом деструктивном процессе, но для окончательной смены системы использовалась старейшая и проверенная временем проблема – межнациональные и религиозные отношения. На этих принципах начался распад политической системы и разрушение государственных и национальных традиций в остальных социалистических странах. Уже в начале 1980-х гг. после смерти И.Б. Тито Вашингтон приступил к завершающему этапу своей геостратегической кампании на востоке, связанной с распадом СФРЮ. Вероятно, правы те авторы, которые утверждают, что уничтожение этого балканского государства-федерации является репетицией уничтожения СССР. Конечно, различий много, в территориальном, геостратегическом, внутрипартийном, экономическом, лидерском и временном отношении, но как образец для конца XX в. это можно принять.

Процессы, связанные с распадом Югославии, были предопределены и последовательно осуществлялись. Документы, рассекреченные в США, показывают, что распад Восточного блока — хорошо продуманный и методично отработанный в течение 10 лет процесс. Интерес представляет политическая директива президента Рейгана в отношении Югославии от 19 марта 1984 г., известная как NSDD 1339. (Она появилась четыре года после смерти И.Б. Тито, когда там уже действовали условия МВФ и Всемирного банка, и являлась продолжением директивы NSDD 54 [1] от 2 сентября 1982 г., определяющей политику США по отношению к остальным (без Югославии) социалистическим государствам Восточной Европы. Основное политическое направление, изложенное в рассматриваемом документе, связано с реализацией таких действий, которые должны были обеспечить «независимую, экономически надежную, стабильную и дееспособную в военном отношении Югославию», которая «обслуживала бы интересы Запада и США». В документе марта 1984 г. констатировалась готовность Вашингтона «поддерживать независимость, территориальную целостность и национальное единство Югославии», противопоставляя ее кубинскому и советскому влиянию в Движении неприсоединения, вести многогодовой диалог с югославскими лидерами по вопросам взаимного интереса и значения» [1].

Распад Югославии – одной из главных политических катастроф конца XX в. Роль сербского народа в распаде СФРЮ искажалась международной пропагандой в течение уже тридцати лет. На самом же деле, они не виновны ни в распаде Югославии, ни в гражданской войне. С начала гражданской войны, а также во время военных действий использовался проверенный прием полуправды и наглой лжи. «Западная и американская печать, используя известные пропагандистские приемы, обращения к письмам „простых тружеников“ и, в частности,

жителей американской глубинки, все настойчивее проводят аналогии между сербами и нацистами. То, что сербы – это этническая категория, а нацизм идеологическая, никого не волнует... Главное подготовить общественное мнение к масштабному военному вмешательству на Балканах под предлогом спасения Европы от нацистской чумы».

Социалистическая Югославия разваливалась долго: с 25 июня 1991 г., когда независимость провозгласили католические Словения и Хорватия, до провозглашения Республики Косово 17 февраля 2008 г. В течение этого почти пятилетнего периода Запад имел полное политическое удобство в принятии решений, отвечающих его политическим целям. В 1991 г. Европейские Сообщества пытались посредничать на переговорах между конфликтующими сторонами, созвать мирную конференцию по проблемам бывшей Югославии и выработать основополагающий документ о международном признании новых государств Восточной и Юго-Восточной Европы. Однако европоцентристская модель безопасности потерпела неудачу. На заседании Совета министров иностранных дел ЕС в Брюсселе (декабрь 1991 г.) произошел фактический раскол между Францией, Великобританией, выступавшими за сохранение единства Югославии, и Германией, считавшей целесообразным признать новые государства [2, с. 5–15]. В 1991–1993 гг. на фоне собственного внутреннего кризиса и добровольного отказа от активной внешней политики Россия самоустраняется от происходящего на Балканах. В духе «доктрины Козырева» Москва считала Запад своим естественным союзником.

После распада СФРЮ и уничтожения СРЮ (после гражданской войны в Боснии и Герцеговине и Хорватии) и агрессии НАТО на юге Сербии количество балканских государств удвоилось, и ни одно из них не имело прежней политической защиты великой западной силы. Европейский Союз был занят укреплением и обеспечением экономической стабильности евро. Таким образом, создавая два экономических полюса между долларом и евро, США продолжают свою политику на восток, все ближе и ближе к границам России. Администрации и военных штабам США очевидно, что никакое балканское государство не может быть использовано для конфликта против России. Общая православная религия, основанная на ней традиционная общая культура, исторические связи и национальная память, связанные с решающей ролью России в восстановлении балканской государственности, не позволяют реализовать американские геополитические планы. В этой ситуации единственной целью США и их западных союзников по НАТО остается использование лжи и манипулирование общественным сознанием тех, кто родился после 1989 г., для навязывания русофобии. В XXI в., после распада Советского Союза и краха России как крупного мирового лидера, Соединенные Штаты продолжают оставаться единоличными хозяевами мира. Об этом свидетельствует все более агрессивная и наглая политика в отношении Ирака (вторая война), Ливии, Сирии, бывших советских республик южнее России и русофобская подготовка Украины к противодействию государству-правопреемнику СССР. Некоторые попытки

Вашингтона расширить сферы своего влияния потерпели неудачу, например, случаи с Ираном и Беларусью.

Следует отметить, что о начале русофобии в Украине можно говорить уже после 1991 г., хотя она не имела массового и столь заметного характера. После «Оранжевая революция», ключевую роль начал играть фактор исторической идентичности. На Западе Украины население консолидируется на основе своей исторической памяти и соответствующего ей стремления «вырваться изпод гнета России». Консолидация населения Восточной Украины осуществляется на основе своей исторической памяти и соответствующего ей чувства «социально-культурной связи с Россией». [3, с. 324]. После провала США создать военную, политически и исторически оправданную угрозу России среди народов и правительств соседних более мелких государств к югу от нее, усилия сосредоточились на Украине. При этом используются уже известные методы прибалтийских государств – противопоставление этнического состава, языка, а значит, и введение репрессивных мер против новых, русскоязычных «иностранцев». Опора на негативные примеры из истории, связанные с российской и советской политикой, — самый простой способ создать русофобию, тем более, что не все члены соответствующего общества знают эти факты.

Превращение Украины в государство с враждебным России правительством, с народом, видящим свое будущее в русофобской политике в обмен на евроатлантические ценности, вхождение в Европу и НАТО, превращение страны в верного союзника США, освобождение неконтролируемой коррупции являются ключевыми принципами, используемыми Вашингтоном. С другой стороны, главному противнику России предоставилась возможность разместить военные базы на Украине и в Крыму, превратить Черное море в американское, неограниченные возможности для создания лабораторий бактериологического и химического оружия, создать реальную военную угрозу территории и целостности Российской Федерации. Фактически политика США не изменилась в своих принципах с начала холодной войны и 70 лет спустя. Речь идет о меморандуме Совета национальной безопасности США от 18.08.1948 г. № 20/1, основанном на подготовленном по запросу министра обороны США Дж. Форрестола аналитическом докладе о первостепенных и долгосрочных целях внешней политики США – лишение Советского Союза его «ядерного щита»; «информационно-психологическая война» с целью распространения в СССР хаоса, аморализма; оккупация богатых полезными ископаемыми Сибири и Дальнего Востока; планомерное сокращение численности населения страны до 25–35 млн чел. и пр. [4, с. 73]. Из этого документа становится очевидным, что война против СССР, а теперь и против России, ведется не из идеологических соображений, а за завоевание его ресурсов и обеспечения для США полной власти над ними. После повторного возвращения Крыма в состав России украинское общество начало активно манипулировать выдуманными «фактами», хорошо адаптированными и перемешанными с

известными историческими событиями. Вновь применяются известные из недавнего прошлого экономические санкции.

Но если такой подход давал ожидаемый результат в небольших, полностью зависимых от внешних факторов странах, то в России эта попытка не удалась. Отправленные клевета и угрозы, известные из недалекого прошлого в адрес лидера/президента страны, как это было в случае с Югославией, Ираком, Ливией, Сирией, тоже не дает ожидаемых от Запада результатов. Наряду с многочисленными, но бесплодными санкциями, Соединенные Штаты сделали ставку на горячую войну и использование фейковых новостей, знакомый прием из войн против Югославии, Ирака, Ливии и Сирии. Все это должно уже дать четкое представление о принципах Запада, если мировое сообщество заинтересовано в происходящем. Главной ошибкой в политике США является нереалистичный анализ меняющейся политической и экономической ситуации. Сейчас не 1991 г., Россия не страна, раздираемая внутренним кризисом и внешнеполитической беспомощностью. Либеральная модель Запада разваливается за счет централизованного национального государства.

Список литературы

1. U.S. Policy Toward Eastern Europe NSC-NSDD-133. URL: <http://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-133.htm> (дата обращения: 08.04.2022).
2. Богатуров А.Д. Самоопределение наций и потенциал международной конфликтности // *Международная жизнь*. 1992. № 2. С. 5–15.
3. Головаха Е., Панина Н. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до парламентского кризиса 2007 года // *Российская модернизация: размышляя о самобытности*. М., 2008. С. 324.
4. Хмелевский С. Крушение украинской государственности как основная цель внешней политики США сегодня // *Социально-политические науки*. 2014. № 1. С. 73.

П.И. Пашковский

РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: КОНСТАНТЫ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

В статье рассматривается опыт позиционирования России в системах международных отношений с позиций мир-системного анализа. Показано, что, являясь интегрированной в мир-систему, Россия всегда позиционировалась как полупериферия, находящаяся в большей или меньшей зависимости от государств ядра, представляющих «Западный мир».

Ключевые слова: Россия, международные отношения, позиционирование, мир-система, внешнеполитическая традиция.

P.I. Pashkovsky

RUSSIA IN INTERNATIONAL RELATIONS: POSITIONING CONSTANTS

The article deals with the experience of Russia's positioning in the systems of international relations from the standpoint of world-systems analysis. It is shown that, being integrated into the world-system, Russia has always been positioned as a semi-periphery, which is more or less dependent on the core states representing the «Western world».

Key-words: Russia, international relations, positioning, world-system, foreign policy tradition.

В условиях усиления конфронтации России с коллективным Западом актуализируются исследования, связанные с изучением опыта позиционирования нашего государства в международных отношениях, что объясняется возможностью выявления констант, последовательно проявлявшихся в разные эпохи, ставших составляющими отечественной внешнеполитической традиции, которые обуславливают функционирование внешнеполитического механизма в конкретный период. Это позволяет проводить аналогии в целях более объективной и глубокой оценки современной ситуации и функционального прогнозирования её развития, способствует увеличению качества тактического и стратегического анализа, а также может содействовать в повышении эффективности государственной внешней политики.

Хотя князь Московский значился в числе гарантов Вестфальского мира, Русскому государству потребовалось значительное время, чтобы стать полноправным членом созданной международной лиги [1, с. 71–112]. В этом отношении Российская империя вошла в современную мир-систему в XVIII в. (в период между правлениями Петра I и Екатерины II) в условиях Вестфальской международной системы и в статусе полупериферии [2, с. 38–39], имея характеристики империи, проводившей активную внешнюю политику [3, с. 213]. Впоследствии её стремления преодолеть периферийные процессы, приблизившись к ядру мир-системы, обусловили вторичный, «догоняющий» характер российской модернизации [4, с. 35]. Победа России в Отечественной войне 1812 г. характеризует в целом позитивный для неё итог данного модернизационного цикла [5, с. 39–40].

В годы действия Венской системы международных отношений Россия оставалась в положении полупериферии [6, с. 78]. К середине XIX в. под влиянием индустриальной революции в Европе происходит ухудшение условий обмена между Россией и центром капиталистической мир-экономики, усилившее процесс «сползания» на периферию страны, нуждавшейся в разностороннем реформировании [7, с. 314–329]. Это подтвердил негативный для Российской империи исход Крымской войны [8, с. 164], побудивший её элиту отменить крепостное право, взяв курс на масштабную модернизацию [5, с. 40].

Между тем, в последней трети XIX в. происходит так называемое «наложение» циклического сжатия капиталистической мир-экономики на внутренний российский социально-политический кризис, катализировавший периферийные процессы в империи [9]. В итоге недостаток экономических ресурсов, «бюрократически направляемая индустриализация» и форсированная модернизация приводят к трагедии России в Первой мировой войне и революционным событиям 1917 г. [5; 7].

Проблема позиционирования СССР в рамках сначала Версальско-Вашингтонской, а затем Ялтинской систем международных отношений представляется дискуссионной [6]. Характерно, что И. Валлерстайн отводил Советскому Союзу место полупериферии и одновременно второй сверхдержавы, определяя холодную войну как «контролируемое соперничество-партнерство» [2, с. 40]. Вместе с тем, Г.А. Завалько отмечал, что СССР не был полупериферией капиталистиче-

ской мир-экономики и вообще не входил в неё, являясь центром другой мир-системы, в которой существовал «индустриально-политарный» строй. Показательно, что Советский Союз в последние годы своего существования постепенно втягивался в зависимость от западноцентричной мир-системы, а новые независимые государства, появившиеся на его руинах, изначально возникают как страны зависимого капитализма [9].

В этом контексте убедительной представляется мысль о том, что существование советской системы являлось попыткой «противопоставить себя миросистеме, оторваться от неё, создать вокруг себя собственный международный порядок» [7, с. 571–572]. Символом выбора СССР в пользу противопоставления себя мировой капиталистической системе и курса на создание автаркического союза стала модернизация в форме индустриализации конца 1920-х–1930-х гг. [10, с. 551–564].

Ценой огромных усилий и жертв такая модернизация в Советском Союзе принесла свои плоды. А.И. Уткин акцентировал, что между 1921 и 1940 гг. доля городского населения СССР повысилась с 29 до 50%. Численность инженеров возросла с 47 тыс. в 1928 г. до 289 тыс. в 1941 г. За две пятилетки (1928–1937 гг.) валовой продукт вырос с 24,4 млн руб. до 96,3 млн руб. Выплавка стали увеличилась с 4 млн т до 17,7 млн т, добыча угля – с 35,4 млн т до 128 млн т. Советский Союз пятикратно увеличил производство самолетов, прочно заняв первое место в мире (10 тыс. самолетов в 1939 г.). Таким образом, «в течение одного десятилетия Российское государство сделало то, чего не смогло за предшествующие века: обошло Италию, Францию, Японию, Британию и Германию по основным экономическим показателям» [11, с. 147]. Однако, Вторая мировая война внесла свои коррективы в этот процесс: советская промышленность переходит на «военные рельсы» [12, с. 542–543].

На конференциях глав держав антигитлеровской коалиции в Тегеране (1943 г.), Ялте и Потсдаме (1945 г.) были заложены основы послевоенной системы международных отношений, характеризовавшейся биполярностью в виде глобальной конфронтации на четкой идеологической основе двух блоков, возглавляемых США и СССР [13, с. 3]. Послевоенный четвертый пятилетний план (1946–1950 гг.) предусматривал стремительный рост всех отраслей советской экономики. Хотя в полном объеме он выполнен не был, но промышленность и сельское хозяйство быстро достигли довоенного уровня, а к началу 1950-х гг. даже превысили его показатели [14, р. 16–17].

При этом уже на заре 1970-х гг. экономическая и общественно-политическая система Советского Союза опять нуждалась в значительном реформировании, соразмерном требованиям времени. Английский эксперт Д. Ливен подчёркивал, что глобальная капиталистическая экономика вновь обманула ожидания России, перейдя к 1970-м гг. в постиндустриальную эпоху, что грозило СССР «отсталостью, унижением и незащищённостью», если он не сумеет догнать Запад [5, с. 40].

Специфику внутренних проблем советской системы охарактеризовал Б.Ю. Кагарлицкий, указав, что, по мере утрачивания революционного импульса,

бюрократия, присвоившая себе плоды героических усилий народа, становилась всё более консервативной. Крушение этой системы было закономерно. Неизбежным оно стало после поворота её бюрократической элиты к мир-системе, что являлось защитной реакцией против «реформистской угрозы», вызревавшей внутри советского общества. Торговля сырьём в 1970-е гг. готовила политическую самоликвидацию «советской империи» в 1990-е гг. [7, с. 571–572]. В результате дезинтеграции Советского Союза и трансформации Ялтинской международной системы Российской Федерации достаётся положение полупериферии, а большинству постсоветских государств – периферии мировой капиталистической системы [2; 6].

Таким образом, ретроспективный анализ позволяет выделить следующие константы позиционирования Российского государства в международных отношениях [15–19]: статус полупериферии в рамках современной мир-системы; автаркическое положение государства (стремящегося к внутренней модернизации и обустройству собственной международной системы) в периоды выхода из западноцентричной мир-системы; черты сухопутной и трансконтинентальной державы в условиях различных систем международных отношений; характеристики империи, имеющей интеграционные императивы, обуславливающие территориальное расширение; корреляция циклов интеграционной активности с внутренними модернизационными процессами; реактивный характер внешнеполитической деятельности.

Список литературы

1. От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века / М.Ю. Анисимов, А.В. Виноградов, Г.А. Гребенщикова, А.В. Игнатъев, Е.И. Кобзарева, Е.П. Кудрявцева, И.С. Рыбачёнок, Г.А. Санин, В.М. Хевролина. М.; СПб., 2015.
2. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005.
4. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.). Киев, 2012.
5. Ливен Д. Россия как империя и периферия // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 6. С. 36–46.
6. Пашковский П.И. К вопросу о позиционировании России в Ялтинской системе международных отношений // Вестник развития науки и образования. 2015. № 2. С. 77–82.
7. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009.
8. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2001.
9. Завалько Г. Мировой капитализм глазами И. Валлерстайна. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm (дата обращения: 05.04.2022).
10. История России: В 2 т. Т. 2: С начала XIX века до начала XXI века / А.Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М.А. Рахматуллин и др. М., 2003.
11. Уткин А.И. Подъём и падение Запада. М., 2008.
12. Политическая история России / отв. ред. В.В. Журавлёв. М., 1998.
13. Юрченко С.В. США и международные кризисы в биполярном мире (1940–1960-е годы). Севастополь, 2000.

14. Goldman M.F. Global studies: Russia, the Eurasian Republics, and Central/Eastern Europe. 6th ed. Guilford, 1996.
15. Пашковский П. И. Россия в международных системах: исторический опыт позиционирования // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 41–53.
16. Cohen S.F. Soviet Fates and Lost Alternatives: from Stalinism to the New Cold War. N.Y., 2009.
17. Craig Nation R., McFaul M. The United States and Russia into the 21st Century. Pennsylvania, 1997.
18. Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern // Foreign Affairs. May/June 2016. Vol. 95. № 3. P. 2–9.
19. Smith H. Statecraft and Post-Imperial Attractiveness: Eurasian Integration and Russia as a Great Power // Problems of Post-communism. 2016. № 63 (3). P. 171–182.

В.Н. Рябцев

ЗОНА ЧЕРНОМОРЬЕ – КАВКАЗ – КАСПИЙ ПОСЛЕ ВТОРОЙ КАРАБАХСКОЙ ВОЙНЫ: КАКИЕ ФАКТОРЫ ЗАДАЮТ ЕЙ СЕГОДНЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ ДИНАМИКУ

В статье выясняются факторы геополитической динамики зоны Черноморье – Кавказ – Каспий после Второй Карабахской войны. Автор уделяет внимание как долгосрочных, так и краткосрочным факторам геополитической динамики в различных сегментах зоны.

Ключевые слова: геополитическая динамика, факторы, Черноморье – Кавказ – Каспий, Вторая Карабахская война.

V.N. Ryabtsev

ZONE BLACK SEA - CAUCASUS – CASPIAN AFTER THE SECOND KARABAKH WAR: WHAT FACTORS SET IT'S GEOPOLITICAL DYNAMICS TODAY

The article investigates the factors of geopolitical dynamics of the Black Sea – Caucasus – Caspian zone after the Second Karabakh War. The author pays attention to both long-term and short-term factors of geopolitical dynamics in various segments of the zone.

Key words: geopolitical dynamics, factors, Black Sea region – Caucasus – Caspian Sea, Second Karabakh war.

В принципиально новых исторических условиях, которые сложились после краха биполярной системы, зона Черноморье – Кавказ – Каспий превратилась из пусть и сложной но чисто *географической* реальности в *реальность геополитическую*, в особый сегмент мирового *геополитического* пространства (МГП). Иначе говоря, с потерей «советской прописки» она не стала некой *territoria nullis*, или «геополитической пустыней» [1, с. 24]. Вовсе нет, она стала весьма значимым регионом мира, и именно в геополитическом отношении. Да, без-условно, за прошедшие десятилетия на пространстве от Балкан до Центральной Азии многое изменилось: те или иные факторы геополитического (а также гео-экономического и геостратегического) порядка выходили на первый план, а за-тем отходили на второй план. Появился целый ряд новых «действующих лиц», вот-вот появятся и другие игроки в результате тер-риториальной дезинтеграции или полного распада слабых и культур-цивилизационно расколотых государств. В этом плане интересующий нас регион, как обычно, очень чутко «реагирует» на изменение международно-политической конъюнктуры, которая в последнее время вновь претерпела изменение.

Связано это в первую очередь с последствиями армяно-азербайджанской войны в Карабахе, завершившейся осенью 2020 г. Она заметно повлияла на тот геополитический «ландшафт», который в общем и целом сложился в зоне Черноморье – Кавказ– Каспий после вхождения Крыма в политическое, экономическое и культурное пространство России. Как отмечается некоторыми экспертами [2, с. 161, 162], воссоединение Крыма и Севастополя с Россией стало ключевым моментом в формировании особой геополитической реальности – *единого* Черноморско-Каспийского региона (ЧКР); создало ситуацию, когда жители южной и юго-западной части постсоветского пространства стали не только свидетелями, но и активными участниками *завершения процесса* формирования новой целостности. В этой связи представляется важным отметить ряд проблем и указать на те процессы, вокруг которых сегодня завязаны отношения «местных» игроков друг с другом и их отношения с внерегиональными державами (прежде всего с США и НАТО, Китаем, а также Британией, отчасти Израилем и Саудовской Аравией, отчасти Катаром) и иными субъектами регионального и глобального уровня. Дело в том, что после окончания Второй карабахской войны начали быстро меняться взаимоотношения в «связках» США – Турция и Китай (с его мегапроектом «Один пояс, один путь») – Турция (с ее проектом «Великий Туран»), на что, в свою очередь, серьезно повлиял уход США из Афганистана и перенос их внимания на бывший советский Туркестан. Еще большее влияние на изменение ситуации и расстановку сил в ЧКР оказало резкое обострение отношений России с НАТО в ситуации обструкции Брюсселем требования Москвы по недопущению дальнейшего расширения блока на восток за Грузию и Украины, а также размещения ударных боевых систем в странах ЦВЕ.

Более того, можем вполне определенно сказать, что ЧКР находится в преддверии новых – и больших! – перемен. И это в ситуации наметившегося в последнее время геополитического «одиночества» России, что стало очевидным в ситуации жесточайшего санкционного давления на нее и открытой информационной войны со стороны стран Евро-Атлантики. Не будем при этом забывать, что на ситуацию в ЧКР оказывает очень сильное влияние «пульсация» двух сопредельных пространств – перманентно нестабильного Ближнего Востока – мегарегиона, который ныне «находится на перепутье, не менее важном, чем во времена упадка и падения Османской империи 100 лет назад» [3, с. 201] и «Большой Центральной Азии», где после ухода американцев из Афганистана чуть было не состоялась очередная «цветная революция», которая, правда, больше была похожа на «постановочный» бунт в свете царящих в этой стране межэлитных разброк.

В этой связи мы можем предположить, что наиболее значимыми геополитическими факторами/ситуациями, которые в ближайшем будущем будут задавать ЧКР особую динамику, окажутся такие, как:

1) геополитический крах проекта «Украина», т.е. прекращение существования этого *искусственного* государства на значительной части бывшего СССР, власти которого взяли на вооружение примитивный этнонационализм, усиленный неофашистской составляющей и открытой русофобией [4]. Это будет озна-

чать подтверждение давно обоснованных в литературе (в том числе и нами) аксиом, согласно которым: а) невозможно, а если и возможно, то лишь на время и через кровь, построить унитарное и этнически «чистое» государство на территории страны-лимитрофа, расколотой по целому ряду оснований: социо-культурному, религиозному, электоральному и др. [5, с. 375-384], и б) нациестроительство обречено на неудачу, что рано или поздно станет очевидным, если и когда «за дело» берется народ, который выйдя по случаю из «Большого геополитического пространства» и не имея традиций государственности, вознамерился в одиночку и разрывая все предшествующие связи с бывшей «метрополией», создать свой политический «организм». Это значит, что быть народом и занимать какую-то территорию еще не значит быть нацией в собственном смысле и иметь право на своё государство. Тем более, когда часть «тебя», как народа, – народ, который давно уже сформировался как нация, имеющая свое «Большое государство»;

2) грядущий крах проекта «Украина», как бы ретивые укронационалисты ни пытались его реанимировать или даже развязать партизанскую войну под лозунгами «Даешь соборную Украину!», «Да здравствует расово чистая украинская нация!», будет связано с *территориальной декопозицией* Украины, собранной некогда из разных кусков большевиками; неизбежное «переформатирование» этой страны-лимитрофа, при котором центральная зона исторической Малороссии и остаток Западной Украины (без Галиции), может быть, и сохранят за собой название «Україна», но остальные части страны либо перейдут в статус «альтернативной Украины» или даже ряда «Украин», либо войдут в состав других государств – земель, которые некогда находились под юрисдикцией монархии Габсбургов (Венгрии или Польши) и Румынии [6].

3) перевод турецкими властями в практическое русло проекта по строительству альтернативной Босфору транспортной артерии из Черного моря в Мраморное море – канала «Стамбул», который не только способен коренным образом изменить трафик между важнейшими для мировой торговли путями и тем самым подорвать сложившуюся в этой зоне мира систему безопасности, но и грозит в корне изменить *всю* военно-политическую ситуацию в ЧКР. Причем – явно не в пользу России и на радость США. Потому, что завершение к 2023 г. (или пусть даже к 2025 г.) этой мегастройки будет означать, что главная «заноза» Пентагона в этих морях – известная конвенция Монтрё, единственно, что мешает США на постоянной основе держать корабли своего 6-го флота и их союзников по НАТО, уйдет в прошлое. Зато неизмеримо возрастет роль и политический вес Турции. Ведь она превратится в ничем не ограниченного «ключника», вольного запирать или распахивать ворота в Черное море по собственному желанию [7; 8; 9];

4) обострение конкурентной борьбы энергетических компаний и стоящих за ними государств на балканской «площадке», являющейся ничем иным, как западным «ответвлением» ЧКР; обострение, вызванное тем, что здесь имеет место «наложение ряда газопроводов, идущих через территорию Турции из Азербайджана и России в Европу (в направлении Италии и в направлении Австрии).

И мало того, что на сегодняшний день плотность каналов транзита «голубого топлива» здесь *уже* велика, так к ней может добавиться еще и транзит израильского газа с морских месторождений «Лавиафан» и «Тамар». Так что, судя по всему, геэкономическая ситуация в этой зоне будет лишь обостряться. И думать, что в неё не будут вмешиваться ЕС (Брюссель и так уже достал Москву своим «Третьим энергопакетом») и США, которые везде где надо и не надо навязывают СПГ, а заодно с этим хотят вмешиваться во все что угодно, дабы помешать Москве проводить свою «трубопроводную дипломатию», наивно;

5) переход в острую фазу конфликта между Турцией и Грецией, причем сразу по трем направлениям: по проблеме принадлежности ряда островов в Эгейском море; в связи с непримиримыми позициями Анкары и Анкары по Северному Кипру; по уже остро стоящей проблеме разграничения морской юрисдикции в Восточном Средиземноморье в связи с открытием здесь богатых месторождений углеводородов и путей и транзита на газовый рынок Европы. Учитывая тот факт, что доступ к собственным месторождениям энергоносителей является для Турции жизненно важным, Восточное Средиземноморье становится для Анкары одним из приоритетных векторов ее активной и весьма диверсифицированной геополитики. Однако де-факто здесь разворачивается *совместная* борьба Турции и квазигосударства в виде Турецкой Республики Северного Кипра с «антитурецким консорциумом» (Греция – Республика Кипр – Израиль, с подключением к ним ОАЭ). Вполне очевидно, что интересы этих государств сходятся в сдерживании растущих амбиций Турции по региональному доминированию, при том, что Саудовская Аравия и Египет не вошли в группу из четырёх стран и вместо этого отдают приоритет стабилизации своих отношений с Турцией;

6) переход Турции к прямой аннексии сирийских территорий на севере страны с целью окончательно вытеснить оттуда курдские отряды народной самообороны (YPG) и создать на протяжении 444 км вдоль своих южных границ 32-х километровую «зону безопасности» – зону (удержав при этом за собой любой ценой Идлиб и прилегающую к этому городу зону), в которую Анкара рассчитывает переселить и до 2 млн сирийских беженцев, которые проживают в Турции (всего в стране находится порядка 3,6 млн беженцев, покинувших Сирию из-за начавшейся в 2011 г. гражданской войны);

7) нельзя исключить также, что на Южном Кавказе вновь прозвучит «эхо Ай-Дата» – на сей раз уже в виде развертывания полномасштабной партизанской войны со стороны армянских террористических группировок (а это далеко не только одна АСАЛА, отнюдь не сдавшая в архив проект «Великой Армении» [10]) против Азербайджана с целью мести ему за «поруганный Арцах». Если такой вариант развития событий будет иметь место, то это надолго (на очень длительную перспективу) поставит под вопрос разблокирование транспортных коммуникаций по линии Нахичевань – западный Азербайджан – Баку, а также создание полноценного транспортного коридора «Север–Юг», но и вообще резко дестабилизирует зону Кавказ – Каспий;

8) возможен, правда, и другой вариант развития событий, когда на кону региональной геополитики будет стоять судьба армянской государственности

(прежде всего, естественно, судьба Республики Армения) [11], в связи с чем специалистами (А.Ю. Школьниковым, например) уже активно обсуждаются *самые разные сценарии* политического будущего армянского народа, как-то: пессимистический (исчезновение Армении как самостоятельного государства на Кавказе и превращение его территории в один из вилайетов Турции в условиях колоссального давления на армян тюркского «пояса» и переводом Анкарой в актуальный план проекта «Великого Турана»); крайне сложный и маловероятный (уход всей Армении в диаспору и превращение последней в «сетевое государство», как это в свое время произошло с мировым еврейством, точнее у носителя Иудейского проекта) [12; с. 162–174]; вполне реалистический для Армении, но всё же промежуточный вариант (всемерное усиление связей с диаспорой и использование ее ресурсов, при опоре на политическое влияние и военные возможности России, превращающей Армению в «крепость-волнорез» на опасном для себя направлении); оптимистический и наиболее оптимальный для Армении вариант будущего (вхождение её в Союзное Государство России и Белоруссии, что влечет за собой редакцию Союзного договора, или создание союзного государства «на троих» с подписанием нового договора) [13; 14];

9) затягивающаяся в тугой «узел» *региональной* напряженности ситуация в Афганистане, связанная с экстренным выводом войск США и НАТО в августе 2021 г., падением марионеточного правительства в Кабуле и приходом к власти группировки «Талибан», вознамерившейся установить в стране режим исламского правления (читай: восстановить Исламский Эмират Афганистана, существовавший с 1996 по 2001 г.). Как бы ни относиться к «талибанизации» этой страны, падение режима Гани подвело черту под попыткой Запада осуществить *Nation-Building* на свой манер в абсолютно не подготовленной для этого стране и тем самым механически имплантировать в родоплеменные структуры институты демократии. Удастся или нет «Талибану» нормализовать ситуацию, дальнейшее развитие событий в Афганистане повлечет за собой (и уже влечёт) широкое участие в судьбах этой страны всех сопредельных государств – Китая, Ирана и Пакистана, а также России, США, Индии и (частично) Турции. В случае срыва попытки стабилизации талибами ситуации в стране неизбежно возникновение сильных «антропоток» в страны Центральной Азии, «экспорт» туда же исламистских идей, нарастание террористических угроз и рост наркотрафика. Обустройство на исламский манер одной из беднейших стран, разрушенной многолетней гражданской войной, неизбежно окажет сильное влияние на ситуацию в ЧКР, по крайней мере, в его восточном сегменте. Ситуация в Афганистане и вокруг него может еще больше обостриться, начнись здесь борьба великих и крупных региональных держав за его ресурсы, за те же редкоземельные элементы, например (прежде всего лантаноиды). И это в условиях де-факто слабого контроля за ситуацией в стране со стороны талибов и нарастания внутренних проблем (для «партизан» и иррегулярных войск, коими талибы и являются, не имея опыта политической и административной работы, это вполне объяснимо: взять власть много легче, чем её удержать и должным образом наладить в государстве) [15];

10) возможная *новая попытка* серьезной дестабилизации Казахстана силами исламистского подполья «на паях» с местным криминалитетом; дестабилизации, *неизбежной* в условиях рыхлости наличествующих здесь государственных институтов и давления на страну избыточной массы представителей не-лояльных «Талибану» исламистских группировок, что весьма выгодно британскому «льву», который вновь начал «Большую Игру» в Центральной Азии, и идущей впереди него Турции. Но на сей раз все может закончиться уже не так позитивно, как в первый раз (в январе 2022 г.), когда режим Токаева спасло экстренное вмешательство ОДКБ. Тем более, что Москву все больше настораживают растущие русофобские настроения в Казахстане и несколько странное поведение его властей в ситуации санкционного давления коллективного Запада на Россию. Не случайно некоторые эксперты рисуют самые разные, в том числе и весьма негативные для Казахстана, сценарии его будущего [16];

11) наконец, возможное обострение в зоне от Балкан до Центральной Азии и без того сложнейших, тяго затянутых проблем, порожденных феноменом так называемых разделенных народов – этносов и «малых» наций (а это русины и венгры в Закарпатье; венгры в румынской Трансильвании и Сербии; сербы в Боснии и Косово; албанцы в Сербии, Греции и Северной Македонии; русские в Украине и Казахстане; азербайджанцы в Иране; курды в Турции. Ираке, Иране и Сирии; белуджи и арабы в Иране; таджики, узбеки в Афганистане; пуштуны в Афганистане и Пакистане). И вовсе не исключено, что эти проблемы заявят о себе очередной перекройкой межгосударственных границ, территориальными размежеваниями внутри государств, возникновением квазигосударственных образований, «теневых зон» и т.д. В любом случае «запуск» мощной ирреденты со стороны кого-то из вышеуказанных народов, как, например, в ситуации ны-нешней резкой активизации албанской ирреденты, существенно осложнит функционирование отдельных государств, а то и вообще поставит под вопрос их существование. И здесь, кстати сказать, в ответ на албанскую ирреденту вполне может появиться и сербская, ведь проект «Большой (Великой) Сербии» отнюдь не умер и в одночасье он может быть актуализирован. Прояви только Россия больше внимания в балканских делах и подставь свое плечо Белграду, испытывающему сильное давление со стороны ЕС и НАТО, как тут же начнется территориальный рост Сербии (прежде всего за счет сербской части Боснии).

Ограничимся сказанным. Повторимся лишь, что указанные явления/процессы/ситуации могут задать ЧКР еще бóльшую геополитическую значимость, чем это было прежде – до окончания Второй карабахской войны; могут превратить его в сегмент МГП с повышенным «индексом беспорядка» (по терминологии ООН). Иначе говоря, они могут только «подлить масла в огонь» в и без того горячий регион современного мира.

Список литературы

1. Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.; СПб., 2006.
2. Ковитиди О.Ф. Проблемы безопасности в Черноморско-Каспийском регионе в условиях изменения геополитической ситуации: вызовы для России // Военный дипломат. 2020. № 1–6.

3. Францман С. Тектонические сдвиги на Ближнем Востоке // Военный дипломат. 2019. № 1–6.
4. Рябцев В.Н., Смагин С.А. Украина – несостоявшееся государство и состоявшийся антитурский плацдарм. 16 июля 2018 г. URL: [https:// novorosinform.org/730888](https://novorosinform.org/730888)
5. Рябцев В.Н. Украина как типичная «страна-лимитроф»: история и современность // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Баранов и В.В. Касьянов. Краснодар, 2019. С. 375–384.
6. Империя должна умереть. Ярослав Шимов – о борьбе за Украину. 16 июля 2021 г. URL: <https://www.svoboda.org/a/imperiya-dolzha-umeretj-yaroslav-shimov-o-borjbe-za-ukrainu/31360631.html>.
7. Стародубцев И. Черноморский регион: возможности для сотрудничества России и Турции. 14 марта 2019 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chernomorskiy-region-vozmozhnosti-dlya-sotrudnichestva-rossii-i-turtsii>
8. Босфор мелеет: зачем Турции нужен новый канал в Черное море. 11 апреля 2021 г. URL: <https://topcor.ru/19432-bosfor-meleet-zachem-turcii-nuzhen-novyy-kanal-v-chnoemore.html>
9. Ищенко С. Канал «Стамбул»: подкоп Турции под российский Крым начинается в феврале. Через пять лет американские крейсера и авианосцы могут встать на якорях у Сев-востополя. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/254668/>
10. Армянский терроризм понимает голосу? 15 октября 2020 г. URL: <http://vestikavkaza.ru/analytics/armanskij-terrorizm-podnimaet-golovu.html>
11. Школьников А.Ю. Стратегия Армении: опасные мечты об «Иудейском проекте-2». 30 апреля 2019 г. URL: <https://shkolnikov.info/articles/11-analitika-i-prognozy/67241-strategija-armenii-opasnye-mechty-ob-iudey-skom-proekte-2>
12. Крылов А.Б. «Глобальная армянская нация» в политике современной Армении // Россия и новые государства Евразии. 2020. № IV (XLIX).
13. Неукропный А. Союзное государство России и Армении может стать долгожданным «переломным моментом». 28 декабря 2020 г. URL: <https://topcor.ru/sojuznoe-gosudarstvo-rossii-i-armenii-mozhet-stat-dolgozhdannym-perelomnym-momentom.html>
14. Чумаков В. Армения войдет в состав Союзного государства? 12 января 2021 г. URL: <https://zen.yandex.ru/media/belrus/armeniia-voidet-v-sostav-soiuznogo-gosudarstva-5ffdbaf0fec2503c742d11ff>
15. Гашков И. Предчувствие новой войны: Афганистан в ожидании весны 2022-го... URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13450673>
16. Баранчик Ю. Три сценария развития Казахстана. 8 января 2022 г. URL: <https://iarex.ru/news/83969.html>

И.М. Узнародов

СУДОХОДНЫЙ КАНАЛ «СТАМБУЛ» И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Начало строительства судоходного канала «Стамбул» привлекло всеобщее внимание не только своими масштабами, но и возможными последствиями, которые могут затронуть миллионы людей как в Турции, так и в соседних странах. Не менее важным представляется и вопрос о Конвенции Монтрё, регулирующей судоходство и имеющей первостепенное значение для безопасности черноморского региона.

Ключевые слова: канал «Стамбул», конвенция Монтрё, Черноморские проливы.

ISTANBUL SHIPPING CHANNEL AND RUSSIA'S INTERESTS

The start of the construction of the Istanbul shipping canal attracted universal attention not only for its scale, but also for the possible consequences that could affect millions of people both in Turkey and in neighboring countries. Equally important is the issue of the Montreux Convention, which regulates navigation and is of paramount importance for the security of the Black Sea region.

Key words: Istanbul Channel, Montreux Convention, Black Sea Straits.

Судоходство в проливах Босфор и Дарданеллы – весьма сложная международная проблема, которая непосредственно затрагивает интересы России, поскольку значительная часть внешней торговли нашей страны ведётся через черноморские порты, включая экспорт нефти. В XXI веке интенсивность судоходства в черноморских проливах возрастала, корабли всё чаще скапливались у входов в проливы в ожидании своей очереди, а правила одиночного прохода для транспортов с опасными грузами на борту ещё больше затрудняли движение. Увеличивались простои судов и, как следствие, – финансовые потери. Поэтому планы турецкого правительства по созданию канала-дублёра последнее время привлекали повышенное внимание.

И вот 26 июня 2021 года в торжественной обстановке был дан старт работам по прокладке канала «Стамбул» между Чёрным и Мраморным морями. Его протяжённость составит 45 км, минимальная ширина – 275 м, а глубина – 21 м. Завершить строительство, которое стало самым масштабным турецким проектом за последние десятилетия, планируется за шесть лет. При этом предусмотрено построить контейнерные порты у входов в канал со стороны Мраморного и Чёрного морей и специальный логистический центр. По берегам канала возведут элитное жильё, на побережье Чёрного моря появится новая зона отдыха.

В своей речи президент Турецкой Республики Р.Т. Эрдоган сказал, что проект открывает новую страницу развития страны. Новый канал должен сократить нагрузку на пролив Босфор (уже сегодня он сильно перегружен), повысить безопасность (многие суда везут опасные грузы и аварии чреватые тяжёлыми последствиями) и принести ощутимые экономические выгоды. По его словам, потраченные на строительство 15 млрд долл. предполагается окупить в течение 15 лет, а ожидаемая выручка составит 1 млрд долл. [1].

Что касается доходов от нового канала, то следует вспомнить, что согласно Конвенции Монтрё 1936 года, проход торговых судов через Босфор бесплатный. И хотя его трафик превышает трафик Суэцкого канала как минимум вдвое, Турция не получает ничего. А вот доходы от Суэцкого канала стали вторым по значимости источником пополнения бюджета Египта.

Прохождение Босфора судами сегодня связано с длительным ожиданием своей очереди из-за его чрезмерной загруженности (простой означает потерю не только времени, но и денег). К тому же приходится нанимать лоцманов в связи с особенностями течений и сложностями рельефа. Экономисты полагают, что при умеренной плате крупным торговым компаниям будет выгоднее и безопаснее пользоваться новым Стамбульским каналом.

Помимо логистических и экономических факторов следует обратить внимание и на место проекта во внешнеполитических планах турецкого руководства. Согласно доктрине «Голубая Родина», Турция стремится усилить влияние в Эгейском, Средиземном и Чёрном морях, достигнуть военно-морского превосходства и обеспечить свою юрисдикцию над водными пространствами региона площадью до 462 тыс. квадратных километров. Амбиции турецких руководителей вступили в противоречие с интересами многих стран региона, что ограничило внешнеполитические возможности страны. К тому же Турции приходится балансировать между США, Евросоюзом и Россией [2]. Сегодня к этим манёврам добавляется черноморский фактор с учётом резкого ухудшения отношений России с США и странами Запада в целом. Здесь не последнюю роль может сыграть Стамбульский канал и реально повлиять на режим прохода военных кораблей в Чёрное море.

Начавшаяся стройка буквально расколола турецкое общество. Несмотря на заверения правительства в том, что в результате тщательных исследований были приняты оптимальные решения и, соответственно, не пострадают окружающая среда, люди и исторические памятники, у проекта очень много противников. Согласно опросам общественного мнения, более 72% стамбульцев выступают против строительства канала. Мэр Стамбула Э. Имамоглу считает, что в городе в период работ могут возникнуть проблемы с питьевой водой, привычный ритм повседневной жизни будет нарушен, а в районе стройки пострадают сельскохозяйственные и лесные угодья. Экологи также отмечают, что из-за канала произойдёт изменение солёности Мраморного моря и пострадает его видовое разнообразие. Специалисты обращают внимание на занижение в 5-6 раз стоимости реализации проекта [3].

Планы создания судоходного канала, дублирующего пролив Босфор, привлекли пристальное внимание не только турецкой общественности, но и экспертов-международников в связи с Конвенцией Монтрё и международно-правовым статусом Чёрного моря.

После поражения в Первой мировой войне Турция утратила суверенитет над проливами Босфор и Дарданеллы, которые были отданы в управление специальной комиссии по проливам на Лозаннской конференции (ноябрь 1922 – июль 1923 года). Теперь не только торговые, но и военные корабли любой страны могли свободно проходить через проливы. СССР выступил против данного решения, как нарушавшего его законные права, и весьма способствовал пересмотру режима проливов. В июле 1936 г. в швейцарском городе Монтрё участники новой конференции одобрили «Конвенцию о режиме проливов», известную сегодня как Конвенция Монтрё [4]. Турции вернули суверенитет над проливами и определили режим прохода для военных судов черноморских и нечерноморских государств. Последним разрешается направлять в Чёрное море только небольшие боевые корабли и вспомогательные суда общим числом не более девяти единиц. Находиться там они могут не более 21 дня. Военные корабли черноморских государств могут беспрепятственно проходить через проливы при условии

предварительного уведомления турецких властей. В военное время Турция получала право на закрытие проливов для военных кораблей.

Оценивая значение Конвенции для СССР, следует отметить, что в целом нашей стране было выгодно введение разного режима прохода проливов военными кораблями черноморских и нечерноморских стран. Но всё же безопасность советских причерноморских территорий не обеспечивалась так, как хотелось бы. Турция не имела достаточных сил, чтобы не допустить прорыва в Чёрное море флотов ведущих европейских держав. Это нашло подтверждение в годы Великой Отечественной войны, когда военные корабли Германии и Италии беспрепятственно проходили через проливы. К тому же, Турция могла вступить в союз с враждебными СССР государствами. Не случайно на заключительном этапе войны советское руководство ставило перед союзниками вопрос об изменении Конвенции Монтрё, но не нашло необходимого понимания [5].

Отметим, что последний раз турецкое правительство воспользовалось своим правом закрыть проливы для военных судов совсем недавно в связи с проведением Россией специальной операции по денацификации и демилитаризации Украины. 1 марта 2022 г. Турция объявила, что всем иностранным военным кораблям запрещён проход через Босфор и Дарданеллы. На запрос Киева о судьбе российских военных кораблей, находящихся вне акватории Чёрного моря, министр иностранных дел М. Чавушоглу заявил, что суда участвующих в военных действиях стран, согласно Конвенции Монтрё, имеют право возвращаться в свои порты приписки на Чёрном море [6]. Таким образом можно сделать вывод, что закрытие проливов в данном случае оказалось в пользу России, поскольку не позволило кораблям враждебного блока НАТО (кроме Румынии и Болгарии) пройти в Чёрном море.

Приведённый пример использования Конвенции подтверждает её важное значение. Тем не менее, некоторые эксперты обращают внимание на то, что международный авторитет Конвенции в XXI веке снизился. Во многом в этом виновата сама Турция, которая часто меняет технический регламент прохода проливов, исходя из своих экономических и политических интересов. Данное обстоятельство приводит к тому, что разные страны время от времени поднимают вопрос о серьёзном изменении Конвенции или её полном упразднении.

Особую активность в этом отношении проявляют США и их союзники по НАТО, чьё военное присутствие в Чёрном море заметно выросло после государственного переворота на Украине в 2014 г. Увеличилось количество заходов в черноморскую акваторию военных кораблей Североатлантического блока, участились военно-морские учения альянса с привлечением Украины и Грузии. Однако дальнейшему расширению военно-морской деятельности НАТО в Чёрном море мешает Конвенция Монтрё. Поэтому последнее время руководители стран-членов альянса всё чаще обсуждают перспективы изменения отдельных статей Конвенции. В первую очередь их интересует снятие ограничений на водоизмещение военных кораблей, проходящих через проливы, а также увеличение сроков их нахождения в Чёрном море, что позволило бы нарастить там военно-морскую группировку. Но сделать это непросто, поскольку предложенные поправки

должны приниматься на специальной конференции, и с увеличением суммарного водоизмещения военных судов нечерноморских стран должны согласиться не только три четверти участников конференции, но в том числе и три четверти черноморских государств, включая Турцию [7].

Турецкое руководство, хотя Турция и является членом Североатлантического альянса, с большой осторожностью воспринимает идеи США и НАТО по пересмотру Конвенции, т.к. результатом этого наверняка будет ухудшение экономических и политических отношений с Россией, которые важны для Турции, но в последние годы отличаются нестабильностью. В то же время очевидно, что сохранение Конвенции помогает турецким политикам маневрировать между США и Россией, поскольку с Соединёнными Штатами у Турции тоже весьма нестабильные отношения, несмотря на общее членство в НАТО.

В данной ситуации появление параллельного проливам судоходного канала не может не вызывать вопроса о том, каким статусом он будет обладать и какими документами в дальнейшем будет регулироваться проход судов в Чёрное море. Позицию Турецкой Республики ещё в январе 2018 г. озвучил тогдашний глава правительства Б. Йылдырым – поскольку канал будет строиться на турецкой территории самой Турцией, это даёт государству право самостоятельно определять его правовой статус. А с позиции международного права режимы природных проливов и созданных человеком отличаются [8].

Уже сегодня можно с полной определённостью сказать, что Россия принципиально против появления у США и их союзников новых возможностей по наращиванию военного присутствия у берегов нашей страны. По словам посла Российской Федерации в Анкаре А. Ерхова, канал «Стамбул» является хозяйственным проектом, реализуемым на турецкой территории, за который полностью отвечают турецкие власти. В то же время представители министерств иностранных дел Турции и России проводят регулярные консультации, которые позволяют дипломатам обсуждать черноморскую проблематику, вопросы морского судоходства. Между новым каналом и Конвенцией Монтрё, конечно, есть связь, но «она далеко не линейна и не носит прямого, непосредственного характера». Стамбульский канал не отменяет требований Конвенции, но судам, которые будут им пользоваться, предъявят новые финансовые условия. Все ограничения, действующие в отношении военных кораблей нечерноморских стран, должны оставаться неизменными [9]. К словам российского посла следует добавить и то, что Конвенция Монтрё не просто описывает условия прохождения проливов, а говорит о присутствии военных кораблей в Чёрном море. Поэтому военные корабли могут попасть туда и через стамбульский канал, но их пребывание в Чёрном море всё равно будет оцениваться с помощью статей Конвенции. В любом случае очень многое будет зависеть от политики турецких властей, которая пока не даёт оснований для беспокойства.

Таким образом, если не произойдут какие-то неожиданные события, в результате которых произойдёт смена политического режима или руководства Турции, строительство канала не будет противоречить российским интересам.

Торговые суда будут платить за проход в целях экономии времени, но это не является обязательным. Военные опасности черноморскому побережью России также не должны возрасти.

Список литературы

1. Ахунов А. «Предательство Стамбула»: Турция начала «стройку века», которая сделает её мировой державой. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/514702>
2. Кулиева Н. От «стратегической глубины» к «голубой родине»: новая турецкая политика в Восточном Средиземноморье. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ot-strategicheskoy-glubiny-k-goluboy-rodine-novaya-turetskaya-politika-v-vostochnom-sredizemnomore/>
3. Логинова К. Аки посуху: Турция собирается создать альтернативу Босфорскому проливу. URL: <https://iz.ru/969897/kseniia-loginova/aki-posukhu-turtciia--sobiraetsia--sozdat-alternativu-bosforskomu-prolivu>
4. Конвенция о режиме проливе. см. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901884247>
5. Смольняк И.В. У истоков политики Сдерживания: Черноморские проливы как фактор напряжённости внутри Большой тройки на завершающем этапе Второй мировой войны // Вестник Вятского государственного университета. Киров, 2015. № 8. С. 48–57.
6. Турция не пропустила три российских корабля через Босфор и Дарданеллы. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/621e9b5a9a794737f771a7f2>
7. Сизов В. Значение Конвенции Монтрё в современных условиях // Зарубежное военное обозрение. 2019. № 10. С. 64–68.
8. Умбрасас А.Р. Современное состояние и перспективы конвенции Монтрё 1936 г. о статусе проливов // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 3. С. 511–517.
9. Посол России прокомментировал намерение Турции построить канал. URL: <https://ria.ru/20210406/kanal-1727058743.html>

Н.Э. Демешко

ТЕХНОЛОГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО ФАКТОРА ЗАПАДНЫМИ ДЕРЖАВАМИ ДЛЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ НЕГАТИВНОГО ИМИДЖА РОССИИ

В статье раскрывается технологическая составляющая использования национального вопроса в процессе конструирования негативного международного и внутригосударственного имиджа России на примере крымских татар. Последний фактор активно использовался великими державами: США, Германией, Францией, Англией, другими государствами: Украиной, Польшей и странами Балтии с целью изменения ментальной карты Крыма и выхода его из сферы влияния России. Для эффективного противостояния дестабилизирующему влиянию иностранных государств на российское пространство, необходимо выявить и системно изучить иностранные политические технологии, формирующие антироссийское мировосприятие.

Ключевые слова: Россия, крымско-татарский фактор, политические технологии, имидж.

N.E. Demeshko

TECHNOLOGIES OF USE OF THE CRIMEAN-TATAR FACTOR BY WESTERN POWERS FOR CONSTRUCTING A NEGATIVE IMAGE OF RUSSIA

In the article the technological component of use of an ethnic issue in processes of formation of negative international and interstate image of Russia on the example of the Crimean Tatars reveals. The last factor is actively used by great powers: the USA, Germany, France, England and other states:

Ukraine, Poland, the Baltic States, in order to change a mental map of the Crimea and it is exit from a sphere of influence of Russia. It is necessary to reveal and study systemically the foreign technologies forming the anti-Russian perception of the Russian Federation population. To resist the destabilizing influence of the foreign states on the Russian space.

Key-words: Russia, Crimean Tatar factor, political technologies, image.

Процессы интеграции Крыма в Россию актуализировали ряд многофакторных проблемных вопросов, которые носили экономический, социальный, политический, национальный и иного рода характер, которые российское государство успешно разрешает. При этом российский статус Крыма вызвал ответную негативную реакцию США, Турции, Великобритании, Германии, Франции, Польши, прибалтийский государств, которые разрабатывают и реализовывают систему мер по ослаблению России. Одним из элементов такой системы является национальный фактор в его крымско-татарском измерении.

После воссоединения Крыма с Россией международное сообщество уделяет особое внимание положению крымских татар в Крыму, перспективам решения проблем, связанных с «восстановлением прав» крымских татар, возвращению меджлису крымско-татарского народа (организация запрещена в РФ) статуса представительного органа крымских татар в Крыму, использованию политических и дипломатических инструментов, направленных на защиту прав крымских татар, проживающих в Крыму.

Так, сотрудниками администрации президента США, Госдепартамента США, Агентства США по международному развитию, ведомства федерального канцлера Германии, министерств иностранных дел Германии, Великобритании, Франции, Дании, Чехии, Литовской Республики, а также посольств США, Германии, Великобритании, Латвии, Литвы, Швеции проводятся встречи с членами меджлиса крымско-татарского народа (организация запрещена в РФ). Помимо этого, организовываются международные конференции, круглые столы, дискуссии, на которых обсуждаются «нарушения прав» крымско-татарского народа в Крыму после 2014 г. [1, с. 150–153]. В 2021 г. Украиной был инициирован новый международный консультационно-координационный формат под названием «Крымская платформа». По сути, это очередной украинский инструмент интернационализации крымского вопроса. В данном саммите, который состоялся 23 августа 2021 г., приняли участие 46 стран и международных организаций. Основными направлениями работы платформы являлись:

- 1) консолидация международной политики непризнания любого изменения международно-правового статуса Крыма;
- 2) эффективность санкций, их усиление и предотвращения обхода;
- 3) защита прав человека и международного гуманитарного права;
- 4) обеспечение безопасности в Азово-Черноморском регионе и за его пределами;
- 5) преодоление негативных экологических и экономических последствий «оккупации» [2].

Данные направления нашли отражение в 4 дискуссионных панелях. Показательным является и тот факт, что 2 из 4 тематических дискуссий были посвящены крымско-татарскому вопросу, а именно «нарушениям прав человека» на территории полуострова, «дискриминации» украинцев и крымских татар, попыткам «ассимиляции» различных этнических групп российской властью [2]. «Крымская платформа» является одним из ключевых внешнеполитических инструментов Украины по консолидации международных усилий, направленных на «деокупацию» Крыма. При этом украинским руководством в данном вопросе ставка делается именно на крымско-татарский вопрос и «притеснения» прав украинцев и крымских татар. Об этом свидетельствует и функционирование официального сайта платформы на трех языках: украинском, английском и крымско-татарском.

Необходимо отметить, что американские, европейские государственные и неправительственные организации продолжают финансировать проекты, которые главным образом направлены как на освещение исторических процессов в антироссийском ключе, так и на конструирование негативного имиджа России в современном информационном пространстве [1, с. 155–157].

Стремление западных государств интернационализировать крымско-татарский вопрос явно прослеживается, в том числе, и на примере деятельности международных и общественных правозащитных организаций: Всемирной организации Amnesty International, Крымской правозащитной группы, Инициативной группы по правам человека в Крыму, Крым SOS, Центра гражданского просвещения «Альменда», Центра гражданских свобод, Украинского Хельсинского союза по правам человека. Часть данных организаций финансируется: ООН, ОБСЕ, посольством Великобритании в Украине, посольством ФРГ в Украине, Отделом прессы, образования и культуры посольства США в Украине, Агентством США по международному развитию (USAID), Национальным фондом в поддержку демократии, фондом «Образование для демократии», Фондом Чарльза Стюарта Мотта, Международным фондом «Возрождение», фондом «Солидарность», посольством Королевства Нидерландов в Украине, правительством Канады через департамент иностранных дел, торговли и развития (DFATD) [1, с. 157].

В докладах данных организаций наиболее часто фигурируют крымские татары и украинцы. В документах описываются «ужасы» проживания крымских татар и украинцев на территории российского Крыма, а также указываются примеры нарушения прав человека и основных свобод на полуострове после 2014 г. Также приводятся примеры арестов, обысков, исчезновения представителей крымско-татарского народа [6, с. 5, 7]. Отчеты размещаются в свободном доступе на сайтах организаций. Периодичность издания различна и варьируется от одного месяца до года. Помимо отчетов, международными и общественными правозащитными организациями, были открыты информационные центры, снимались документальные фильмы [7]. Данные действия совершались для сохранения в информационном пространстве темы прав человека на территории Крыма.

Стоит отметить, что площадки авторитетных международных организаций также активно используются для формирования негативного имиджа России на международной арене. Так, в 2014 г. СЕ была принята резолюция «Развитие последних событий в Украине: угроза функционированию демократических институтов» в которой акцентировалось внимание на нарушениях Россией прав крымских татар в Крыму [8]. Схожие заявления содержатся и в отчете ОБСЕ этого же года [9, с. 22]. Схожую негативную оценку политики России на территории Крыма демонстрируют и доклады ООН.

Помимо отчетов, данные организации участвуют в реализации различных международных проектов антироссийской направленности. В 2015 г. по инициативе Т. Ташевой (координатора общественной организации «Крым SOS») в партнёрстве с Управлением Верховного комиссариата ООН по делам беженцев был реализован проект «интерактивная карта насилия». Карта регулярно обновляется, формируя у пользователей сети Интернет восприятие Крыма как «зоны страха и бесправия».

Кроме того, после 2014 г. продолжает формироваться положительный образ так называемого лидера крымско-татарского народа М. Джемилева. В 2014 г. по случаю 25-летия свободной Польши 3 июня в Варшаве впервые была вручена международная Премия Солидарности им. Леха Валенсы [3], которую получил М. Джемилев. Окончательное решение о выборе Джемилева было принято после присоединения Крыма к России. Также 6 июля 2015 г. М. Джемилев был награжден одной из высших государственных наград Литовской Республики – Рыцарским крестом ордена «За заслуги перед Литвой». В 2018 г. М. Джемилеву была вручена премия NED за служение демократии. Также члены меджлиса (организация запрещена в РФ) приглашаются для прочтения лекций в американские и европейские высшие учебные заведения, встречаются с представителями американского научно-экспертного сообщества [4].

Изучение отчетной документации международных и неправительственных организаций, а также материалов, размещенных в средствах массовой информации, позволяет сделать вывод о системном применении следующих политических технологий для формирования негативного международного и внутривнутриполитического имиджа России:

- 1) внедрение в массовое сознание представления о нарушениях прав человека в Крыму;
- 2) демонстрация уязвимого положения крымских татар и украинцев на территории полуострова с 2014 г.;
- 3) формирование представлений о Крыме, как «зоне насилия, страха и бесправия»;
- 4) создание положительного образа так называемого лидера крымских татар М. Джемилева.

Список литературы

1. Демешко Н.Э. Международно-политическое противодействие интеграции крымских татар в геополитическое пространство России: дис. ... канд. полит. наук. Симферополь, 2020.

2. Крымская платформа. URL: <https://crimea-platform.org/about> (дата обращения: 27.08.2022).
3. Премия Солидарности для Мустафы Джемилева из Украины. Генеральное консульство Республики Польша в Санкт-Петербурге. URL: https://www.msz.gov.pl/ru/p/sanktpetersburg_ru_k_ru/aktualnosci/archiwum_2014/_nagroda_solidarnosci_2014?channel=www (дата обращения: 25.07.2021).
4. Международная деятельность в сфере прав крымскотатарского народа в 2018 году. Авдет. URL: <https://avdet.org/ru/2018/12/28/mezhdunarodnaya-deyatelnost-v-sfere-prav-krymtatarskogo-naroda-v-2018-godu/> (дата обращения: 09.04.2022).
5. О Крым SOS. URL: <https://krymsos.com/ru/about/krym-sos/> (дата обращения: 09.04.2022).
6. Мониторинговый обзор ситуации с правами человека в Крыму. Март 2019. Крымская правозащитная группа. URL: <https://crimeahrg.org/monitoringovyj-obzor-za-mart-2019-goda/> (дата обращения: 09.04.2022).
7. Документальный фильм «Мустафа». URL: <https://krymsos.com/ru/den-sprotyvu-krymsos-provede-onlajn-pokaz-filmu-mustafa/> (дата обращения: 09.04.2022).
8. Recent developments in Ukraine: threats to the functioning of democratic institutions. Parliamentary Assembly of the Council of Europe. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=20873&lang=en> (дата обращения: 09.04.2022).
9. Миссия по оценке положения в области прав человека в Украине. Положение в области прав человека и прав национальных меньшинств (миссия БДИПЧ: 6 марта – 1 апреля 2014 г.; миссия ВКНМ: 8 марта – 17 апреля 2014 г.). URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/122194?download=true> (дата обращения: 09.04.2022).

О.В. Онопко

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА УКРАИНЕ: СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Автор проанализировал устройство украинской системы внешнеполитической экспертизы. Определено, что в настоящее время она состоит из государственного, неправительственного и частного секторов, между которыми существуют тесные связи. Главную роль в системе играет неправительственный сектор, через который на неё осуществляется иностранное влияние. С этой точки зрения он также перспективен и для возможного создания пророссийских экспертных структур.

Ключевые слова: внешнеполитическая экспертиза, геополитическая картина мира, аналитические центры.

O.V. Onopko

MODERN SYSTEM OF FOREIGN POLICY EXPERTISE IN UKRAINE: STRUCTURE AND ORGANIZATIONAL FEATURES

The author analyzed the structure of the Ukrainian system of foreign policy expertise. It is determined that at present it consists of the public, non-governmental and private sectors, between which there are close ties. The main role in the system is played by the non-governmental sector, through which foreign influence is exercised on it. From this point of view, it is also promising for the possible creation of pro-Russian expert structures.

Key-words: foreign policy expertise, geopolitical picture of the world, think tanks.

Динамика специальной военной операции и относительно высокая вероятность сохранения Украиной по её итогам своей государственности делают актуальным для российской политической науки и практики изучение украинской внешнеполитической экспертизы. Будучи неотъемлемым компонентом политической системы Украины, а также имея доступ к множеству каналов политической коммуникации, позволяющих влиять как на акторов политики, так и на рядовое население, она принимает активное участие в выработке, принятии и реализации политических решений в сфере международных отношений, обороны и безопасности. В основе этого участия лежит дискурсивная способность внешнеполитических экспертов и аналитических центров влиять на формирование геополитической картины мира [1] политической элиты, определяющей курс государства в международной среде.

Несмотря на важность украинского направления внешней политики для обеспечения национальных интересов России, в российской политологии до сих пор практически отсутствуют исследования украинской внешнеполитической экспертизы. На Украине исследования собственной внешнеполитической экспертизы закономерно многочисленны и имеют системный характер. К ним относятся работы Е. Олейника [2], А. Плюща [3], Н. Ржевской [4], В. Рубанова [5] и других исследователей, а также Центра Разумкова [6] и Фонда «Демократические инициативы» [7]. Принимая их практические и теоретические наработки, автор преследовал цель выявить организационную специфику структуры современной украинской системы внешнеполитической экспертизы.

В самом общем виде она может быть определена как комплекс институтов и специалистов, обладающих необходимыми знаниями, квалификацией и опытом в сфере международных отношений и внешней политики, а также авторитетом и признанным экспертным статусом, способных оказывать влияние на формирование и реализацию внешнеполитического курса своего Украины посредством предлагаемых оценок и рекомендаций. Структура данной системы содержит в себе три сектора:

– государственный сектор представлен аналитическими подразделениями органов государственной власти, экспертными организациями (в т.ч. научно-исследовательскими институтами и университетскими аналитическими центрами), финансирование деятельности которых прямо или опосредованно осуществляется из средств государственного бюджета, и отдельными экспертами, находящимися на государственной службе (в т.ч. советники президента, премьер-министра, министра иностранных дел и т.п.). Сюда же могут быть отнесены организации и специалисты, осуществляющие на постоянной основе экспертно-аналитическое сопровождение деятельности органов местного самоуправления. В настоящее время на Украине к институтам государственного сектора внешнеполитической экспертизы относятся Национальный институт стратегических исследований (НИСИ), подчинённый президенту Украины; Институт всемирной истории Национальной академии наук Украины (НАН) и его структурные подразделения; аналитические центры, функционирующие при высших учебных заведениях;

– неправительственный сектор представлен различными институтами гражданского общества, участвующими в процессе выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений в стране и (или) выполняющими функции иностранных агентов. В него входят общественные организации, фонды, профсоюзные, партийные, диаспоральные, региональные и др. аналитические центры, экспертные сети, исследовательские платформы и т.п. Декларируемые задачи данных структур связаны не с извлечением прибыли или получением власти, но с обеспечением общественного контроля и реализации общественных интересов через внешнюю политику государства, а их деятельность носит преимущественно некоммерческий характер. Сюда также могут быть отнесены «независимые» эксперты, которые или вовсе не аффилированы с какой-либо структурой, или же представляют «карманные» аналитические центры, существующие только на бумаге и имеющие штат, редко включающий в себя кого-либо, кроме самого руководителя, для чьей легитимации они и создаются. Начиная с возникновения украинского государства на политической карте мира, неправительственный сектор внешнеполитической экспертизы развивается в нём очень интенсивно и в настоящее время, вероятно, является крупнейшим по числу организаций и экспертов. Значительным стимулом его развития при зарождении в начале 1990-х гг. была невостребованность большей части учёных, специализировавшихся на международных и в целом политических исследованиях, органами государственной власти Украины. Кроме того, определяющую роль сыграло иностранное (главным образом европейское, американское и канадское) влияние, направленное на формирование лояльных коллективному западу институтов гражданского общества и научно-академической среды. На сегодняшний день неправительственный сектор включает в себя как достаточно крупные и влиятельные аналитические центры, имеющие собственные историю и традиции (как Украинский центр экономических и политических исследований им. А. Разумкова (Центр Разумкова) и Фонд «Демократические инициативы» им. Илька Кучерива), так и «карманные» организации, например, Центр военно-правовых исследований или Центр инновационного консалтинга «КДА»;

– частный сектор представлен коммерческими предприятиями и отдельными персонами, преследующими цель извлечь прибыль из своей экспертно-аналитической работы в сфере международных отношений и внешней политики. На Украине одной из его главных особенностей является теснейшая связь с сектором неправительственным: часто де-факто одни и те же субъекты внешнеполитической экспертизы выступают в зависимости от ситуации то как бизнес-структуры, то как институты гражданского общества. Классический пример – Центр исследований армии, конверсии и разоружения, ведущая украинская некоммерческая экспертная организация, специализирующаяся на анализе военной и внешней политики, политики безопасности и процессов в сфере ВПК, коммерческим «аватаром» которой выступает частная информационно-консалтинговая компания Defense Express. Такой двойственный статус позволяет многим украинским аналитическим центрам эффективнее организовывать своё материальное и финансовое обеспечение, привлекая для него средства как от благотворителей

и грантодателей, так и от коммерческих заказчиков. И хотя частный сектор украинской внешнеполитической экспертизы изучен мало, можно с уверенностью отнести к его «флагманам» упомянутый выше Центр Разумкова, Центр прикладных политических исследований «Пента», Институт глобальных стратегий, Киевский центр политических исследований и конфликтологии, Украинский институт будущего, Международный центр перспективных исследований и др.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. За годы существования Украины в стране сформировалась сложная разветвлённая система внешнеполитической экспертизы. Она имеет три основных сектора (государственный, неправительственный и частный), каждый из которых представлен как серьёзными экспертными организациями, так и пропагандистскими псевдоэкспертными структурами, чья публичная активность направлена на легитимацию заранее заданного курса или конкретных решений в сфере внешней политики.

2. Важнейшее значение в структуре украинской системы внешнеполитической экспертизы имеет неправительственный сектор. Он выполняет интеграционную функцию, связывая государственные и частные структуры. Кроме того, через него на систему осуществляется иностранное влияние.

3. На Украине отсутствуют аналитические центры, которые хотя бы условно можно было считать «пророссийскими». В этом отношении наиболее перспективен для национальных интересов России может быть неправительственный сектор внешнеполитической экспертизы, где возможно создание прокси-структур, способных как производить необходимую экспертную оценку украинской внешней политики, так и влиять на её выработку и реализацию.

Список литературы

1. Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4: Региональное измерение политического процесса. С. 31–52.

2. Олійник Є.Ю. Роль аналітичних недержавних політологічних центрів України в розвитку політичної науки // Гілея (науковий вісник): зб. наук. праць. Київ, 2011. Вип. 51. С. 473–478.

3. Плющ О. Просування експертними організаціями дискурсу політичних суб'єктів // Соціальна психологія. Київ, 2012. № 1–2 (51–52). С. 204–214.

4. Ржевська Н. «Мозкові центри» як суб'єкти експертного середовища: функціональний аналіз // Політичний менеджмент. Київ, 2012. № 1–2. С. 161–169.

5. Рубанов В.В. Институционализация – базовое понятие характеристики процесса становления и развития политической аналитики в Украине // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. Харків, 2012. № 4(14). С. 165–169.

6. Публічна дискусія щодо ролі аналітичних центрів у сучасній Україні. URL: <https://razumkov.org.ua/novyny/publiczna-dyskusiia-shchodo-rol-i-analitychnykh-sentriv-u-suchasni-ukraini> (дата обращения: 06.04.2022).

7. Аналітичні центри, платформи та ініціативи. URL: <https://dif.org.ua/uploads/pdf/1083043079585b860b6ae971.43003343.pdf> (дата обращения: 06.04.2022).

К.А. Леванова

ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И СОПЕРНИЧЕСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ И ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ XXI В.

В современном противоречивом мире возрастающих региональных и глобальных угроз, стабильность и безопасность признаются в качестве высшего приоритета. Ситуация в Черноморском регионе постоянно меняется и вызывает беспокойство мирового сообщества, и одной из важнейших задач, является анализ проблем сотрудничества и источники противоречий, которые оказывают существенное влияние на политику государств региона.

Ключевые слова: конфликты, вызовы, терроризм, соперничество, экономические проблемы.

K.A. Levanova

PROBLEMS OF COOPERATION AND COMPETITION REGIONAL AND EXTRA- REGIONAL ACTORS IN THE BLACK SEA REGION AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

In today's controversial world of increasing regional and global threats, stability and security are recognized as the highest priority. The situation in the Black Sea region is constantly changing and causes concern to the world community, and one of the most important tasks is to analyze the problems of cooperation and the sources of contradictions that have a significant impact on the policies of the states of the region.

Key words: conflicts, challenges, terrorism, rivalry, economic problems.

В начале XXI в. мировое сообщество столкнулось с противоречивыми проявлениями системного кризиса международных отношений как результата растущей взаимосвязанности и взаимозависимости мира. Системный кризис был порожден процессами глобализации не только как феномена, способствующего распространению глобальных норм и ценностей, но и фактора, определившего более тесную взаимозависимость государств мира, с одной стороны, и их возросшее стремление к суверенизации, с другой [1, с. 84].

В Черноморском регионе сосредоточены практически все вызовы и угрозы стабильности и безопасности. Это и возможность неконтролируемого распространения ядерного оружия, и международный терроризм, и межнациональные и межконфессиональные конфликты. Здесь под лозунгами борьбы за демократию внедряются в жизнь идеи нового мессианства. В этом же регионе сосредоточены проблемы, попытки регулирования которых приводит к новым политическим и экономическим противоречиям. Многочисленные угрозы и вызовы региональной безопасности носят транснациональный характер [3].

Большинство бывших советских республик региона столкнулись с этническими и политическими конфликтами или территориальными и религиозными разногласиями. Разрядить эту напряженность представляется весьма сложной задачей. К сожалению, эта ситуация сохраняется годами и все более обостряется. Нестабильная политическая обстановка, нерешенные конфликты, снижение уровня жизни, беженцы, пограничные разногласия и проблемы безопасности в

регионе подрывают нормальную внешнеполитическую деятельность, делая регион беспокойным и неопределенным для дальнейшего развития и прогресса. Наличие взрывоопасных ситуаций порождает опасную тенденцию милитаризации региона Черного моря [4, с. 16].

Черноморский регион занимает важное место на геополитической карте, как из-за наличия здесь запасов сырья, так и из-за стратегических транспортных коридоров, контроль над которыми определяет геостратегию в Евразии, как в настоящем, так и в будущем. Поэтому регион стал средоточием внимания геополитических, политико-военных, экономических и других интересов ведущих глобальных и региональных сил. В настоящее время интересы различных региональных действующих субъектов расходятся. Регион является местом постоянного конфликта между внешними геополитическими акторами. Вследствие доминирования внерегиональных сил, консолидированная система стержневых интересов стран Черноморского региона так и не сформировалась. Страны региона не превратились в значимые геостратегические силы и ищут внешнее покровительство или маневрируют между различными внешними силами, которые конкурируют в борьбе за установление господства над регионом с целью использования природных и человеческих ресурсов в своих интересах. Большинство причерноморских государств на сегодня нельзя признать полностью сформированными независимыми действующими субъектами, они вынуждены довольствоваться ролью геополитических объектов. В нынешних обстоятельствах они, согласовывают свои стратегии с приоритетами основных глобальных действующих лиц [2].

К проблемам стабильности и безопасности нужно отнести экономические угрозы и вызовы в Черноморском регионе. Мировой экономический кризис, привел к нарушению функционирования финансовых систем. Разный уровень экономического развития и специфические особенности некоторых стран Черноморского региона затрудняют выявление проблем, которые можно было бы рассматривать как проблемы, общие для региона в целом. Необходимость продолжения экономических реформ с целью повышения конкурентоспособности и производительности региональных экономик оставался и остается актуальным для всех стран региона. Одним из важнейших элементов выхода из кризиса является возобновление кредитных потоков в регион. Среди внутренних источников угроз стабильности в регионе можно выделить сложные проблемы, появившиеся в результате социально-экономического кризиса. Рост безработицы, высокий уровень инфляции, обнищание широких слоев населения, коррупция, организованная преступность и незаконная торговля, которые подрывают существующее равновесие в регионе, и становятся источником нестабильности.

Одной из актуальных проблем региона является неурегулированность вопроса защиты транспортных энергетических коридоров, пролегающих поблизости от зон конфликтов, что создает опасность для стабильного снабжения энергоресурсами европейских и мировых рынков. Региональное соперничество и внутренняя нестабильность в регионе может сказаться и на европейских странах, особенно после реализации новых проектов энергетических коммуникаций.

В результате регион может потерять статус надежного транзитера энергоресурсов, что скажется на экономике региональных государств. Наличие «замороженных» конфликтов препятствует региональному сотрудничеству и реализации масштабных проектов, ухудшает общий инвестиционный климат в регионе. Здесь хранятся узлы старых межгосударственных противоречий и проходят разделительные линии нового противостояния, которые в настоящее время обострились и международная ситуация в Черноморском регионе довольно быстро меняется. В связи с расширением НАТО и ЕС на восток за счет черноморских стран, фактически произошло практическое включение региона в сферу европейской ответственности. Продолжающиеся конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке, требуют большего внимания к странам региона. Каждая из стран региона сталкивается либо с конфликтными ситуациями, либо с их последствиями: усиление потоков миграции, нелегальная торговля оружием, рост криминальных факторов и международного терроризма. Регион находится в конфликтном окружении. Ситуация в регионе осложнена противоречиями глобальных, внерегиональных и региональных акторов и отсутствием надежного международного механизма обеспечения мира и стабильности.

Черноморский регион является регионом глобального стратегического значения, связывающим евро-атлантический регион с проблемным Ближним Востоком, содержащим 65% мировых запасов нефти. С точки зрения мировых держав, контроль над этим регионом или его замирение обеспечивают выгодную позицию для доминирования в Евразии и на Ближнем Востоке. Это возводит Черноморский регион в ранг одной из самых жизненно важных сфер интересов внерегиональных акторов. Если рассматривать эту проблему в свете всестороннего анализа расширения и политики соседства ЕС и НАТО со странами региона и с учетом ожиданий и целей стран самого региона, то можно будет найти цели, приемлемые для всех. Это необходимо для установления жизнеспособного многостороннего сотрудничества в черноморском регионе. Тем не менее, до сих пор еще налицо недостаток консенсуса как между региональными и мировыми державами, так и между самими региональными державами [5].

Путь к всеобщей стабильности и безопасности в регионе может быть проложен через соблюдение существующих международно-правовых норм и конструктивный диалог противоборствующих сторон.

Список литературы

1. Levanova K.A. Problems of Safety and Cooperation in Black Sea Region in the early XXI century // Science and Education: materials of the VII international research and practice conference, Munich, Oktober 29th–30th, 2014. Munich, 2014. P. 83.
2. Макбуле Ч. Региональное измерение стабильности и безопасности – перспектива региона ЧЭС. URL: <http://pabsec.org/pabsec/aksisnet/file/rus/doc>.
3. Парахонский Б. ЕС–Черноморский регион: проблемы безопасности и сотрудничества. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/project/page/8283.html>.
4. Язькова А.А. Регион Большого Причерноморья: возможности развития сотрудничества и источники противоречий // Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком. М., 2006.

5. Челикпала М. Региональное сотрудничество в Черноморском регионе. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2011/12/19/regionalnoe-sotrudnichestvo-v-chernomorskom-regione.html>.

К.А. Говорухина, Т.Е. Телятник

РОССИЙСКОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье говорится о роли и значимости российской части Причерноморья в условиях современных политических процессов. Авторы статьи анализируют главные тенденции современных геополитических изменений и проблемы обеспечения национальной безопасности государства. Упомянуты высказывания известных геополитиков, прогнозировавших будущее политической карты мира в своих концепциях.

Ключевые слова: российское Причерноморье; Большое Причерноморье; юг России; геополитика; политические процессы; национальные интересы; безопасность государства.

K.A. Govorukhina, T.E. Telyatnik

THE RUSSIAN BLACK SEA REGION AND MODERN POLITICAL PROCESSES IN THE CONTEXT OF ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the role and importance of the Russian part of the Black Sea region in the conditions of modern political processes. The authors of the article analyze the main trends of modern geopolitical changes and the problems of ensuring the national security of the state. The statements of well-known geopoliticians who predicted the future of the political map of the world in their concepts are mentioned.

Key-words: Russian Black Sea region; Greater Black Sea region; south of Russia; geopolitics; political processes; national interests; state security.

Актуальность исследования обусловлена тем, что ускорение трансформационных процессов, протекающих сегодня в мире и связанных с информационно-технологическим развитием, оказывает значительное влияние на характер взаимодействия всех структур общества. Наблюдается высокий уровень мобильности материальных и духовных ресурсов, выстраивается единая глобальная система взаимосвязей. Роль сектора высоких технологий и инноваций как некоего баланса между «жесткой» и «мягкой силой» дополнительно возрастает [1]. Но, вместе с эволюционными прогрессивными показателями появляются вопросы, которые связаны с умением поддерживать достаточный уровень конкурентоспособности и взаимодействовать в новых геополитических условиях.

Отметим, что в последнее десятилетие XX века и в начале XXI столетия, в связи с набирающими обороты тенденциями развития информационных технологий, появились особенно важные сегодня проекты трубопроводов. В настоящее время они поставляют энергетические ресурсы с Востока на Запад, что также способствовало приобретению Черноморским регионом нового геополитического значения.

Современное российское Причерноморье – это не только источник нефти и природного газа, это и территория, которая выполняет роль связующего звена

между богатой ресурсами Центральной Азии и мировым рынком. Кроме того, данный регион выступает одним из ключевых сегментов Южного стратегического направления, обеспечивающих национальную безопасность государства [2, с. 5]. Более того, российская часть Причерноморья важна для современной России возможностью дальнейшего расширения транспортно-логистического коридора, развитием торговых связей, реализацией дальнейших политических стратегий в Большом Причерноморье с другими странами. Одной из первоочередных задач в контексте современных политических процессов для России является выстраивание диалога с геополитическими конкурентами.

Резкое увеличение геополитической конкуренции, с некоторых точек зрения, гораздо опаснее, чем конфронтационная стабильность биполярного мира во времена холодной войны [3]. С учётом всех инфраструктурных, энергетических и торговых проектов обеспечение стабильности в Причерноморье становится одним из основных приоритетов в политике региональных акторов. Тем более, что главной актуальной темой сегодня выступает национальная и региональная безопасность.

Обращаясь к классикам геополитических теорий, отметим, что многие из них упоминают Черное море и страны к нему прилегающие в своих концепциях как важную для мировых взаимодействий прошлого и настоящего территорию.

Согласно автору геополитических концепций Н. Спайкмену, именно зона Большого Причерноморья является областью противостояния великих мировых держав и определяет в итоге судьбу Евразии и всего мира [4]. Так, еще американский советолог З. Бжезинский отмечал в своей работе: «Если основные трубопроводы в регион будут по-прежнему проходить по территории России к российским терминалам в Новороссийске на Черном море, то политические последствия этого дадут о себе знать без какой бы то ни было открытой демонстрации силы со стороны России. Регион останется в политической зависимости, а Москва при этом будет занимать сильные позиции, решая, как делить новые богатства региона» [5, с. 90].

С позиций теорий геополитики не все регионы играют большую роль в международной системе взаимодействия. Об этом пишет В.Н. Рябцев, который отмечает, что «далеко не каждая географическая зона мира может быть квалифицирована как геополитически значимая, поскольку далеко не везде наблюдается не только особая, но и вообще какая бы то ни было динамика межгосударственных взаимодействий» [6]. По мнению ученого, «...геополитический регион должен пониматься не иначе, как центр действия, влияния и уравнивания, где обстоятельства мира вовлекаются, чтобы быть переосмысленными и преодоленными в качестве фактора ситуации. Регион – как бы место развития геополитики, поэтому он имеет собственное мировое качество, и с ним может соотноситься весь мир» [6].

В начале XXI в. Большой Причерноморский регион (BSWR – Black Sea Wider Region) все больше и больше оказывается в эпицентре внимания Запада, имеющего целью достичь своих интересов на Кавказе и Ближнем Востоке, и, та-

ким образом, он становится одним из ключевых направлений на новой «конфликтной» арене. Все значимые геополитические события этого региона (в том числе и вхождение Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г.) в определенной степени исходят из глобальной геополитической ситуации в мире. Эти события определяются главным образом границами региона по отношению к Центральной Азии, в которых можно выделить две крупные геополитические оси: с одной стороны, северо-южная ось (Россия – Армения – Иран), а с другой – восточно-западная ось, которая включает в себя энергетические ресурсы Каспийского моря, идущие через Кавказ и Черное море в Западную Европу.

Юг России одновременно интересен и сложен для изучения – мозаичность административных и государственных границ, геоэтнокультурные рубежи, миграционные потоки, активная инфраструктура и многое другое обращает на себя особое внимание не только ученых, но, в первую очередь политиков и государственных деятелей.

Для России Черноморский регион привлекателен, поскольку предлагает несколько тепловодных портов. После воссоединения Крыма, Москва поставила на полуострове тяжелую военную технику, в том числе самолеты-истребители, бомбардировщики и передовые системы ПВО последнего поколения. Накопление и развитие современного вооружения реально ограничивает возможности НАТО и их союзников работать в регионе и не допускает сбор военной разведки в воздухе [7, с. 26]. Восстановление исконных исторических прав России в 2014 г после присоединения к ней Крымского полуострова сделало возможным рассматривать новые геостратегические планы и развивать конструктивное сотрудничество со многими государствами Причерноморья. Был восстановлен Черноморский флот России, как мы помним, являющийся преемником Черноморского флота СССР и Черноморского флота Российской империи. Сейчас это главное средство обеспечения военной безопасности России в регионе Чёрного и Средиземного морей. Выходит, что единственную военно-морскую базу на Черном море у нас представляет г. Севастополь. Военно-морской флот, помимо других военных и современных технических сил и средств, выступает гарантом безопасности и защищенности государства в регионе, выполняет ряд функций по обороне, предотвращению угроз стабильности и суверенитету, по обеспечению участия в осуществляемых мировым сообществом военных, гуманитарных и миротворческих акциях.

Так исторически сложилось, что Черное море оказалось тем самым местом на политической карте мира, вокруг которого собрались очень разные в культурно-цивилизационном контексте государства. Православный, мусульманский, протестантский и католический миры связаны между собой именно этим регионом.

Разнонаправленные интересы стран в Черноморском регионе постоянно сталкиваются между собой и ведут борьбу. Прошедшие многочисленные войны, изменения границ, межнациональные конфликты, политический и экономический кризисы – все это было связано с одной задачей – расширить и укрепить свое влияние в регионе. Каждому политическому актору при этом свойственно

использовать свои геостратегические средства [8]. Так получается, что США и западноевропейские страны твердо уверены в своем преимуществе перед Россией и другим восточным миром, считают, что влиятельные позиции останутся за ними. Но, ситуация в мире, тем не менее, не складывается полностью так, как этого ожидал Запад.

В настоящее время ситуация безопасности в Черноморском регионе и на Кавказе является чрезвычайно сложной, так как она характеризуется, с одной стороны, становлением процесса построения региональной безопасности в рамках евроатлантического сотрудничества, а с другой – существованием важных противоречивых проблем, вызванных внутренними и межгосударственными конфликтами в СНГ, а также усилением асимметричных угроз, незаконного оборота наркотиков, транспортного сообщения, миграции и усилением терроризма. Потенциальный способ решения глобальных проблем региона может быть реализован только в более широкой концепции безопасности, которая включает в себя региональную интеграцию, демократизацию, экономический рост и переосмысление политики и стратегии в отношении Черного моря [9].

Таким образом, наблюдая и анализируя крупнейшие трансформации в базовых инфраструктурах современного мира, которые служат основой для смены однополярного миропорядка новым типом мир-системы, важно отметить, что нашему государству необходим дальнейший прагматический курс в Причерноморье в целях обеспечения национальной безопасности. Это касается вопросов дальнейшего развития и укрепления Черноморского флота России, защиты суверенитета, границ государства, и в целом - отстаивания своих позиций на международной арене. Только при последовательной реализации стратегии высококонкурентного позиционирования России в Причерноморье, мы сможем обеспечить будущее развитие сферы национальных геостратегических интересов.

Список литературы

1. Ямбуренко Е.Н. Особенности современных политических процессов // Вестник ГУУ. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovremennyh-politicheskikh-protsessov> (дата обращения: 01.04.2022).
2. Баранов А.В. Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2018. Т. 4 (14). № 2. С. 5–18.
3. Гаврила А. Роль Черноморского региона в региональном и глобальном контексте // История и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2017. № 1–2. С. 44–47.
4. Семпа Ф. Мир Спайкмена. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/geopolitika/090410213813.xhtml> (дата обращения: 25.03.2022).
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998.
6. Рябцев В.Н. Геополитические особенности Черноморско-Каспийского региона в условиях постбиполярного мира. URL: <http://evrazia.org/article/2142> (дата обращения: 25.03.2022).
7. Петров В.П. Геополитическое значение Крыма // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. № 1. С. 21–30.
8. Ислямова Э.Э. Геополитическое значение Черноморского региона: теоретико-концептуальное измерение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Симферополь, 2017. № 4. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskoe-znachenie-chernomorskogo-regiona-teoretiko-kontseptualnoe-izmerenie> (дата обращения: 08.04.2022).

9. Эшба Э.Д. Причерноморье: регион соперничества или сотрудничества? // Современная Европа. 2014. № 2 (58). С. 69–80.

З.В. Силаева

ВОЗМОЖНОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПРИЗНАНИЯ КАК ОДНОГО ИЗ СПОСОБОВ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В XXI ВЕКЕ

Статья посвящена изучению института международно-правового признания и его возможностей в ходе урегулирования этнополитических конфликтов. Признание зависит от политической конъюнктуры и воли самопровозглашенных государств к обретению правосубъектности и превращению их в самостоятельные субъекты международных отношений. Оно способствует только временному урегулированию. Конфликтный потенциал в отношениях между самопровозглашенным политико-территориальным образованием и государством, в составе которого оно ранее находилось, сохраняется. Разрешить конфликт можно только тогда, когда стороны признают друг друга в качестве полноценных самостоятельных субъектов и откажутся от претензий по восстановлению исторической справедливости.

Ключевые слова: признание, этнополитический конфликт, самоопределение, самопровозглашенное государство, правосубъектность.

Z.V. Silaeva

POSSIBILITIES AND CONSEQUENCES OF INTERNATIONAL LEGAL RECOGNITION AS ONE OF THE WAYS TO SETTLEMENT OF ETHNO-POLITICAL CONFLICTS IN THE BLACK SEA REGION IN THE XXI CENTURY

The article is devoted to the study of the institute of international legal recognition and its possibilities in the course of the settlement of ethno-political conflicts. Recognition depends on the political conjuncture and the will of the self-proclaimed States to acquire legal personality and turn them into independent subjects of international relations. It contributes only to a temporary settlement. The potential for conflict in the relations between the self-proclaimed political-territorial entity and the state in which it was previously located remains. The conflict can be resolved only when the parties recognize each other as full-fledged independent entities and renounce claims to restore historical justice.

Key-words: recognition, ethno-political conflict, self-determination, self-proclaimed state, legal personality.

Признание представляет собой институт международного публичного права, нормы которого связаны с правореализующей деятельностью государств в международных отношениях, т.е. отношениях, складывающихся между признающим и непризнающим и признаваемым и непризнаваемым вновь образованным политико-территориальным субъектом. Признание является односторонним и добровольным юридическим актом, а значит, каждое государство само решает, кого и при каких условиях ему признавать или не признавать. Но почему тогда возникает коллапс в международных отношениях, почему признают одних и не признают других, которые обладают теми же характеристиками, но, не имея всеобщего признания, не могут стать полноценными акторами международных

отношений и не рассматриваются как полноценные субъекты, в большинстве случаев только находясь под протекцией тех, кто их признал, не имея в полной мере возможности к самореализации.

Обратимся для начала к международному праву. Оно не содержит норм, ограничивающих суверенное право любого государства признавать вновь образованное политико-территориальное образование, которое возникло в результате самоопределения и не содержит норм, препятствующих признанию в случае, если происходит отделение от другого государства, несмотря на его несогласие. Почему же тогда к вопросу признания самопровозглашенных государств такое неоднозначное отношение?

Все сложно и просто одновременно. Давайте посмотрим, в следствии чего появляются самопровозглашенные государства, и каково отношение к ним. Возникают они чаще всего в условиях вооруженного конфликта или потенциальной угрозы возникновения такого, а также в результате применения к ним насилия и угрозы их полноценному существованию. Но есть и другой ракурс этого вопроса - часто в ходе конфликтов противоборствующая сторона, которая является де-юре признанным государством, воспринимает самопровозглашенные государства как организованные вооруженные группы, вышедшие из ее состава и ведущие войну с ним [1, с. 33]. И естественно, что та часть, которая поддерживает основное государство и принцип территориальной целостности, тоже начинает выступать против самопровозглашенных государств, отказывая им в праве на признание и, как следствие, обретение в полном объеме правосубъектности. Но почему так происходит?

На практике мы видим, что каждое государство и международное сообщество исходят из своих убеждений, принимая решение о признании, нередко опираясь на политическую конъюнктуру и свои собственные интересы в том или ином регионе. Они не имеют единого подхода, потому что сам вопрос признания является политизированным и используется в международных отношениях как один из инструментов геополитических игр и противостояний, что и не позволяет выработать единый подход к кодификации института признания, несмотря на то, что такие попытки предпринимаются ещё со второго столетия XX в.

На практике мы видим непоследовательность решений, принимаемых в рамках международного сообщества, которое признает правомерность борьбы за признание за одними народами и считает ее противоправной у других. Примеры Республики Косово, Южной Осетии, Абхазии и т.д. продемонстрировали раскол международного сообщества по вопросу признания, который до сих пор вызывает обеспокоенность, потому что провоцирует углубление этнополитических конфликтов и их расширение, превращая их в затяжные и неразрешимые, например, в конфликтах за включение политико-территориального образования, которое давно уже обладает всеми признаками государственности и рассматривает себя как самостоятельный субъект, в свой состав на правах автономии. А не может ли в этом случае признание этого политико-территориального образования решить вопрос в многовековом конфликте? Может, но здесь тоже многое зависит

от решения самого этого политико-территориального образования, от его воли и желания, и вот почему.

С правовой точки зрения, признание – это вопрос международной дееспособности и правоспособности вновь образующихся в международном пространстве политико-территориальных образований [2, с. 6]. Но данный вопрос находится в политико-правовой плоскости, политизация вопроса осложняет его решение. Политологи до сих пор расходятся во мнениях относительно критериев признания самопровозглашенных государств.

Одним из немногих международных документов, в которых перечисляются признаки правосубъектности государства с точки зрения международного публичного права, является Конвенция Монтевидео [3]. Согласно ней, основными критериями признания являются наличие постоянного населения, определенной территории, собственного правительства и способности вступать в отношения с другими государствами. Однако, даже выполнение этих условий не является гарантией признания, которое может быть затруднено факторами этнополитического характера и отсутствием воли и желания самих политико-территориальных образований развиваться самостоятельно, потому что их задача – получить максимум выгод при минимальных издержках.

Немаловажную роль в процессе признания играет уровень консолидации и государственной состоятельности новообразования, поддержки его деятельности собственным населением и общественностью других стран, а также от фазы консолидации самой международной системы, на которой ставится вопрос о принятии его в состав полноценных устоявшихся государств в период кризиса, на максимуме или на минимуме фазового тренда международной динамики [4]. Несмотря на наличие условий для признания, само оно зависит от решительности, последовательности и упорства политической элиты, лидеров и граждан самоопределяющегося государства занять свое место в международной системе и стать ее эффективным и состоявшимся членом, что во многом зависит от способности развивать зачатки имеющейся у них состоятельности.

На практике существует две концепции признания самопровозглашенных государств – декларативная и конститутивная.

Первая концепция исходит из того, что самопровозглашенное государство становится субъектом международного права с момента его возникновения, а признание лишь констатирует этот факт. Если оно обладает соответствующими признаками государственности, является самостоятельным и независимым, стремится к признанию, но не признается другими субъектами мировой политики, то оно обладает дееспособностью, но не является правоспособным, т.к. оно не принимает полноценного участия в международном взаимодействии, не является полноценным субъектом международных отношений. В этом случае признание закрепляет фактическое состояние, переводя его в юридическую плоскость.

При этом признающее государство само оценивает дееспособность нового политико-территориального образования. И если государство устанавливает дипломатические отношения или заключает договор с самопровозглашенными государствами, то они становятся субъектом международного права, приобретая

свою правосубъектность. Но это не означает, что большинство членов ООН с этим согласятся и примут самопровозглашенное политико-территориальное образование, пусть и признанное отдельными государствами, в свои ряды, конфликтность сохраняется, а относительно самостоятельное стабильное существование помогает поддерживать государство, которое его признало (финансовая поддержка, обеспечение безопасности, встраивание в торговые связи и выстраивание отношений с лояльными к данному государству партнерами и т.д.).

С конфликтологической точки зрения важно, чтобы новые «государства» реально имели внутреннюю состоятельность, а не просто заявляли о ней, они должны обеспечивать себя экономически и иметь ресурсы для защиты своей территории и населения, только в этом случае они приобретут самостоятельность и смогут самостоятельно искать партнеров и выстраивать свои отношения с другими государствами. В идеале они должны быть настолько сильными, чтобы государство, от которого они отделились, не стремилось возобновить конфликт и вернуть их в состав своего государства.

Вторая концепция – конститутивная – исходит из того, что самопровозглашенные государства становятся субъектом международного права только после признания, приобретая соответствующую совокупность международных, юридических прав и соответствующих обязанностей. Но опять же сохраняется вопрос о том, какое количество государств должно их признать, чтобы они стали полноценным самостоятельным участником международных отношений, а не инструментом в чьей-то геополитической игре и не использовались в дальнейшем как плацдарм для нападения на своих оппонентов и развязывания затяжных кровопролитных войн.

Таким образом, международно-правовое признание может использоваться как механизм для урегулирования конфликтов, но насколько долговечен мир зависит от самих самопровозглашенных государств, их стремления к обретению самостоятельности для дальнейшего развития и политической конъюнктуры, которая оказывает на них влияние. Надо иметь в виду, что осуществление принципа самоопределения с последующим самопровозглашением себя государством не сопряжено с серьезными проблемами только там, где территория включает значительное большинство тех, кто хочет отделиться и обрести политическую самостоятельность с целью прекращения насилия в отношении них и там, где отсутствует значительное недовольное меньшинство, способное спровоцировать новую волну эскалации. Выбор же постконфликтного построения мира будет во многом зависеть от возможностей и ресурсов самого самопровозглашенного государства и его отношений с государством-«патроном». Это подтверждает и история развития самопровозглашенных государств Причерноморья.

Список литературы

1. Маскова Д.А., Каирова Д.З., Кожаква З.Ш. Квалификация вооруженных конфликтов с участием самопровозглашенных государств // Образование и право. 2019. № 10. С. 31–35.

2. Ибрагимов А.В. Признание и непризнание государств: опыт комплексного международно-правового анализа понятий // Московский журнал международного права. 2013. № 3. С. 4–18.

3. Montevideo convention on the rights and duties of states. URL: <http://www.taiwandocuments.org/montevideo01.htm> (дата обращения 01.04.2022).

4. Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Политические исследования. 2010. № 3. С. 26–39.

И.В. Савицкий

ГЕРОИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ В «КРЫМСКОЙ ВЕСНЕ» В РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья посвящена постепенной героизации военных сюжетов «Крымской весны» 2014 г. в работах российских историков. Автор анализирует несогласованность подходов разных авторов в их стремлении создать как объективное представление, так и героический образ о российских военнослужащих для усвоения в исторической памяти.

Ключевые слова: «Крымская весна», «вежливые люди», военная история, героизация, историография.

I.V. Savitskiy

HEROIZATION OF THE RUSSIAN MILITARY'S ACTIONS DURING THE «CRIMEAN SPRING» IN RUSSIAN STUDIES

The article is devoted to the gradual heroization of the military operations during the «Crimean Spring» in 2014 in the works of Russian historians. The author analyzes the inconsistency of opinions of different authors in their desire to create both an objective representation and a heroic image of Russian servicemen for adaptation in historical memory.

Key words: «Crimean Spring», «polite people», military history, heroization, historiography.

Известное императорское изречение о наличии у России лишь двух друзей в лице армии и флота приобретает в наше время особый смысл. Интерес к военной истории был всегда и ограничивался лишь доступной источниковой базой. Не является исключением и «Крымская весна» 2014 г., в развитии которой действия российских военнослужащих сыграли важную роль.

Генеральной линией отечественных историков является мнение о том, что присутствие российских военных лишь позволило избежать кровопролития и свободно осуществить крымчанам своё волеизъявление [1, с. 239], [2, с. 279], не осуществляя прямого вмешательства в ход политических процессов в Автономной Республике Крым [3, с. 750]. После успеха российских военных в Крыму у общества появилась потребность в героизации их действий, порой претендующая на мифотворчество. Цель данного материала – обзор попыток российских исследователей героизировать действия российских военнослужащих в отдельных сюжетах «Крымской весны». При этом понятие «героизация» рассматривается в нейтральном ключе – оно играет важную роль в патриотическом воспитании и развитии национальной исторической памяти. Важно лишь иметь ввиду ряд особенностей героизации, не стыкующихся с научными подходами. Во-первых, она сильно «шлифует» объект изучения, убирая второстепенные и доводя

до блеска нужные детали; в итоге получается образ, имеющий «товарный вид» для массового сознания. Во-вторых, героизация включает в себя элементы мифологизации и сакрализации, особенно сильно проявляющиеся в художественной и публицистической литературе. Так или иначе, но для любого конечного продукта в данных случаях находится свой потребитель.

На фоне изучения других аспектов военной истории героизация военных сюжетов «Крымской весны» идет гораздо медленнее, чем можно было предположить. Прежде всего, это выражается в обобщенном образе военнослужащих, в честь которых в 2015 и 2021 гг. были установлены памятные дни Сил специальных операций и «вежливых людей». Стремление к мифологизации и сакрализации в этом направлении было отмечено специалистами Российского института стратегических исследований. Так, к мифам были отнесены термины «вежливые люди» и «идеальные солдаты» из спецподразделения «Беркут». В чём именно заключается их мифологизация, автор не пояснил (предложенная им конструкция «песня, памятник, сувенирка» говорит лишь об общей героизации), а наличие формируемых ныне профессионалами позитивных мифов рассматривается в статье как надежная основа агитации и пропаганды [4, с. 209–210].

Отсутствие конкретных героев среди рядового воинского состава говорит об отсутствии жертв и относительно мирном характере операций. Однако общество принимает и неодушевленные объекты поклонения. В итоге затопленный в заливе Донузлав российский противолодочный корабль «Очаков» был признан «сыгравшим исключительную роль» в истории России и вызвал ассоциацию с подвигом крейсера «Варяг» [5, с. 74–75]. В украинской литературе работа в похожем направлении идет более активно, и даже «экзотичная процессия» [6, с. 344] украинской 204-й авиационной бригады на Бельбек названа «моральной победой» и «психологической атакой» на агрессивных «зеленых человечков» [7, с. 118].

Наиболее ярко сакрально-религиозную концепцию роли российских военных представила красноярский историк Е.А. Шушканова, пришедшая к выводу о мессианском характере действий российских военнослужащих. Такой поворот в ее интерпретации связан «с особенностью российского культурного кода, национального менталитета, русского архетипа». При этом автор признала, что мессианство как таковое не вписывается в рамки рационального подхода и ассоциируется у части интеллигенции с общественно-политическими деформациями [8, с. 184]. Свои претензии к использованию данного термина могут высказать и теологи, для которых приход мессии является частью Конца света. Лишь на бытовом уровне многие крымчане воспринимали российских военнослужащих именно как спасителей от победившего в Киеве режима. Религиозная сторона военных сюжетов вполне могла быть изучена и на вполне рациональной основе, если бы роль православных священников в «Крымской весне» не освещалась крайне редко.

Не все специалисты допускают героизацию при описании военных операций в «Крымской весне». Так, сенсационный репортаж из фильма «Крым. Путь на Родину» (2015 г.) о штурме феодосийской базы морской пехоты, входившей

в состав сил немедленного реагирования НАТО, был сведен в статье полковника Д.А. Лоншакова к кулачному столкновению «стенка на стенку» с участием старших офицеров [9, с. 412]. Позднее другими историками операция была описана с участием вертолетного десанта и бронетранспортеров; при этом источником информации стали испуганные признания украинского командира [2, с. 267–268]. Лишь в публицистическом изложении все детали соединились в «очень серьезную потасовку со стрельбой в воздух и мордобоем» [6, с. 318, 359].

Гиперболизацию роли военных в освещении крымских событий первыми заметили сами крымчане. Например, резкую критику вызвали документальный фильм «4-я оборона Севастополя» и художественный фильм «Крым», в которых якобы слабо прослеживалась роль региональной общественности. Создателям фильмов было вменено выражение украинской точки зрения, согласно которой события февраля – марта 2014 г. были «актом военной агрессии» со стороны России [10, с. 164].

Таким образом, постепенная героизация военных сюжетов «Крымской весны» является ответом на общественный запрос и выполняет информационную функцию в условиях ограниченного доступа к ведомственным источникам. Она служит укреплению позитивного образа российских военных в исторической памяти и необходима для патриотического воспитания общества.

Список литературы

1. Широкоград А.Б. Крым – 2014. Как это было? М., 2016.
2. Крым в новейшей истории российско-украинских отношений / В.Г. Егоров, С.Я. Лавренов, О.А. Зозуля, Д.М. Майборода. СПб., 2021.
3. Никифоров А.Р. «Крымская весна» 2014 г. // История Крыма: В 2 тт. М., 2019. Т. II. С. 741–752.
4. Кризис на Украине и крымские события 2014: практика информационной войны. М., 2015.
5. Горбачев С.П., Затулин К.Ф. От Третьей обороны – к Русской весне: фотоальбом. Севастополь, 2015.
6. Баранец В.Н. Спецоперация Крым – 2014. М., 2019.
7. Березовець Т.В. Анексія: Острів Крим. Хроніки «гібридної війни». Київ, 2015. URL: https://royallib.com/book/berezovets_taras/aneksya_ostrv_krim_hronki_gbridnoy_vyni.html (дата обращения: 20.02.2022).
8. Шушканова Е.А. Военный конфликт в контексте проблемы русского мессианства (на историческом примере присоединения Крыма) // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – начала XXI в. Стерлитамак, 2019. С. 181–187.
9. Лоншаков Д.А. Деятельность российской армии по обеспечению мирного характера воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура. Краснодар, 2019. С. 408–414.
10. Соколов Д.В. Историография «крымской весны»: интерпретации, проблемы и перспективы // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1(12). С. 158–170.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И УКРАИНОЙ

Статья посвящена проблеме территориальных требований Венгрии, Румынии и Польши к Украине. Претензии соседних государств на украинские территории могут спровоцировать эскалацию существующего конфликта, что повышает уровень дестабилизации в регионе Большого Причерноморья, а также продолжают тенденцию пересмотра государственных границ, установленных по итогам Второй мировой войны.

Ключевые слова: территориальные конфликты, региональная безопасность, конфликтность, Венгрия, Польша, Украина, Румыния, Большое Причерноморье.

TERRITORIAL CONFLICTS BETWEEN COUNTRIES SOUTH-EASTERN EUROPE AND UKRAINE

The article is devoted to the problem of territorial claims of Hungary, Romania and Poland to Ukraine. The claims of neighboring states to Ukrainian territories may provoke an escalation of the existing conflict, which increases the level of destabilization in the Greater Black Sea region, and also continues the trend of revising state borders established following the Second World War.

Key-words: territorial claims, regional security, conflictogenicity, Hungary, Poland, Ukraine, Romania, Greater Black Sea region.

Кризис системы глобальной и региональной безопасности выдвинул на первый план вопрос территориальной принадлежности спорных территорий. Окончание Второй мировой войны и заключение мирных договоров с союзниками и сателлитами гитлеровской Германии коренным образом повлияло на территориальный аспект. Именно территориальные статьи мирных договоров вызвали наибольшие споры между союзниками по антигитлеровской коалиции.

Если обратиться к истории, то можно видеть, что современная территория Украины совпадает с районами, в разное время принадлежавшими России, Польше, Венгрии, Румынии. Например, Львов, Закарпатье, Ивано-Франковск, Тернополь, Волынь (включая Ровно) – бывшие земли Польши и Австро-Венгрии, которые в 1939 г. были присоединены к Украине. Северная и Южная часть Бессарабии принадлежали Румынии и переданы УССР в 1940 г. Территория Закарпатской Украины была присоединена к Украине по итогам Второй мировой войны [1, с. 61].

С распадом Советского Союза административные границы превратились в государственные. И у независимой Украины появились территориальные проблемы не только с Россией.

Самым активным оппонентом Украины стала Румыния. Румынские власти не скрывали своей основной внешнеполитической цели на причерноморском направлении – воссоздать «Великую Румынию» путем «возвращения утраченных после 1940 года территорий». «Romania Mare» («Великая Румыния») – это национальный миф, постоянно поддерживаемый румынской пропагандой и превращенный в популярный политический лозунг, который охотно использовался политической элитой Румынии как внутри страны, так и во внешнеполитических

установках. В центральной части румынской столицы находится так называемый «нулевой километр» – это своеобразный символ концепции «Великой Румынии». Здесь в качестве румынских обозначены молдавские, болгарские и украинские города [2].

Относительно территориальных претензий к Украине речь шла, главным образом, об отторгнутых от Румынии в пользу СССР территорий, согласно пакту Молотова – Риббентропа. Практическому воплощению этой идее и были подчинены выдвигаемые территориальные претензии.

В реализации своей внешнеполитической концепции на Черноморском направлении Румыния активно использовала прецедент пересмотра границ. Одной из территориальных претензий к Украине явился Буджак – историческая область между устьями Дуная и Днестра, южная часть Бессарабии, а ныне южная часть Одесской области Украины. Другим объектом румынских притязаний стала Северная Буковина – часть территории Черновицкой области Украины, которая граничит с Румынией. Этот регион на протяжении долгого времени оставался важной геополитической площадкой в Большом Причерноморье [3, с. 514–520].

Не осталась в стороне и Польша. В польских политических кругах давно муссируется идея присоединения некоторых регионов западной части Украины и Польша не преминет воспользоваться сегодняшней нестабильной ситуацией.

О том, что в повестке дня польского правительства – мысленный раздел своего соседа путем присоединения пяти разных областей Украины, мы понимаем из карты, показанной на польском телеканале "TVР1" в 2015 г. Судя по этой карте поляки предлагают разделить территорию Украины на 5 частей. Закарпатская область может отойти Венгрии, Черновицкая – Румынии, пять западных областей переданы Польше, восемь южных и восточных областей могут отойти к России. Собственно Украине останутся центральные области, включая Киев [4].

Жители упомянутой Закарпатской области неоднократно поднимали вопрос о присоединении территорий их проживания к Венгрии. Время от времени они даже устанавливают венгерские флаги [5].

По сути, вся западная часть современной Украины – это территории, отошедшие к СССР по итогам Великой Отечественной войны. Львов, Тернополь, Ивано-Франковск, например, были переданы тогдашней ПНР в обмен на часть бывших германских земель в Пруссии и Померании [6].

Высокопоставленные руководители современного польского государства не раз заявляли, что считают справедливым возвращение Галиции и Волыни. А украинский кризис дает им такую возможность. Более того о напряженных отношениях между Украиной и ее европейскими соседями свидетельствует назревший в 2017 г. между Украиной и Польшей скандал, которого удалось избежать. Тогда Варшава не поддержала обвинения, озвученные Венгрией и Румынией, о нарушении Киевом прав нацменьшинств в языковых и образовательных вопросах. Сейчас замминистра иностранных дел Польши Шимон Шинковський заявил о дискриминации поляков в Украине [7]. «Не будет преувеличением сказать, что поляки в Украине подвергаются дискриминации относительно свободы

вероисповедания, доступа к образованию на родном языке и свободы слова», – сказал замминистра во время заседания парламентской комиссии по связям с поляками за рубежом. Он отметил, что на ситуацию повлияли как экономические проблемы Украины, сложная ситуация из-за эпидемии коронавируса, так и решения украинской власти. Под последним подразумевается принятие ряда законов, из-за которых Киев несколько лет конфликтует с другими соседями, в первую очередь – с Венгрией [8].

Не менее активную деятельность развили венгры. В новой конституции республики прямо прописана поддержка и защита тех венгров, которые проживают за границами Венгрии (при желании они легко получают гражданство и даже могут голосовать на парламентских выборах). На территории Закарпатской области регулярно проходят мероприятия при участии венгерской националистической партии «Йоббик», и ее лозунги у местных венгров находят понимание – создания территориальной автономии и своего избирательного округа они требуют теперь открыто. Не исключено, что автономию они в итоге получают: если Украина продолжит свое «движение в Европу», это может стать одним из требований Брюсселя. Этнические венгры, проживающие на территории Закарпатья и имеющие венгерские паспорта, официально обратились к премьер-министру Венгрии Виктору Орбану с просьбой защитить их от реального геноцида со стороны украинских сил. Как минимум это касается Притисненского административного округа, но в частных разговорах венгерские националисты уверенно заявляют, что венграм должно принадлежать всё Закарпатье [9].

Будучи членами ООН, Польша, Венгрия, Румыния не могли вести активную пропагандистскую кампанию по территориальным изменениям, так как это противоречило основополагающему принципу о суверенитете и неделимости независимого государства. Но в данной ситуации, воспользовавшись предлогом «миротворчества» могут активизировать свои требования на спорные территории Украины и, вслед за Россией, защищая интересы своих национальных меньшинств, вступить в борьбу за изменение статуса территориальной принадлежности искомым территориям.

Список литературы

1. История дипломатии. В 5 т. М., 1974. Т. 5.
2. Балмасов С. Румынское наступление на Украину. URL: <http://www.pravda.ru/world/europe/easteurope//18-08-2010> (дата обращения: 15.03.2021).
3. Ткачева Т.О. Территориальные претензии Румынии: дестабилизирующий фактор системы региональной безопасности Большого Причерноморья //Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Материалы Международной научно-практической конференции. Таганрог, 28–29 мая 2021 г. Краснодар, 2021. С. 514–519.
4. Личный видеона архив автора.
5. Чего хотят Польша и Венгрия от Украины. URL: <https://inosmi.ru/20220401/ukraina-253645578.html> (дата обращения: 12.02.2022).
6. Польша, Венгрия и Румыния разорвут Украину на части? URL: <https://omskgazeta.ru/all-news/polsha-vengrii-i-rumynija-razorvut-ukrainu-na-chasti> (дата обращения: 14.03.2022).

7. Польша разделила венгерские претензии к Украине. URL: https://www.ng.ru/cis/2021-10-31/5_8291_ukraine.html (дата обращения: 11.03.2022).

8. Там же.

9. Польша, Венгрия и Румыния разорвут Украину на части? URL: <https://omskgazzeta.ru/all-news/polsha-vengrii-i-rumynija-razorvut-ukrainu-na-chasti> (дата обращения: 14.03.2022).

М.А. Майорова

БОРЬБА ЗА ЛИДЕРСТВО В ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Черноморский регион становится пространством, на котором разворачивается борьба за лидерство между мировыми и региональными державами. Ведение политики в регионе требует анализа мотивации участников и корректировки деятельности в соответствии с факторами внешней среды и интересами игроков.

Ключевые слова: лидерство, система международных отношений, Россия, Турция, Черноморский регион.

M.A. Mayorova

FIGHT FOR LEADERSHIP IN THE BLACK SEA-MEDITERRANEAN REGION

The Black Sea-Mediterranean region is becoming a space for which the struggle for leadership between world and related powers is directed. Conducting policy in the industry requires analyzing the motivation of participants and adjusting activities in accordance with environmental factors and the interests of the players.

Key-words: Leadership, system of international relations, Russia, Turkey, Black Sea region.

В условиях складывающегося многополярного мира, который пришел на смену биполярной системы международных отношений после распада Советского Союза и образовавшейся гегемонии коллективного Запада во главе с США, возрастают локальные конфликты и требуются не только военные методы влияния, но и опосредованные. Акторов, способных распространять свое влияние преимущественно ненасильственными методами можно назвать «лидерами». Д.М. Темников представляет феномен лидерства как более мягкое, абстрактное и общее понятие, чем гегемония. А.Д. Богатуров дает достаточно четкое и полное определение лидерства: «ситуация, при которой субъект мировой политики имеет объективную способность и выраженную волю, во-первых, навязывать свое видение перспективы международного развития, оптимальных способов обеспечения мира и стабильности другим странам, сообществу государств в целом или какой-то его части; во-вторых, противостоять аналогичным устремлениям других лидеров или игнорировать их, не подрывая при этом основы собственной выживаемости в политическом и страновом качестве» [1, с. 11].

Географическое положение и геополитическое значение Черноморско-Средиземноморского региона делает его привлекательным для акторов международных отношений как внутри самого региона, так и за его пределами, особенно это касается государств, расположенных на берегах Средиземного, Черного и Азовского морей. В силу своего цивилизационного многообразия, обусловленного взаимовлиянием католического, православного и исламского миров [2, с. 19–39],

регион является ареной противостояния между глобальными и региональными лидерами системы международных отношений. Основными точками борьбы за влияние являются: Черноморские проливы, Суэцкий канал, Гибралтарский и Баб-эль-Мандебский проливы и пр.

На данный момент как мировых игроков, борющихся за влияние, можно обозначить коллективный Запад (НАТО), Российскую Федерацию и Китай. В качестве крупного регионального лидера, стремящегося к расширению своего влияния, можно назвать Турцию.

Для России влияние в регионе имеет практическое значение, поскольку дает возможность иметь выход в Мировой океан, то есть представляет собой единое геополитическое пространство, требующее скоординированного контроля во всех сферах – от экономической до военной. Коллективный Запад во главе с США, напротив, использует регион для сдерживания России и проникновения в ее подбрюшье через Закавказье и Центральную Азию. Для Китая Черноморско-Средиземноморский регион интересен с логистической точки зрения в рамках концепции «Один пояс – один путь». Турция, в свою очередь, основываясь на идеях пантюркизма и неоосманизма, стремится выйти на высокий уровень влияния на Кавказе, в Крыму, Поволжье и пр.

России для сохранения и умножения влияние в регионе следует вести проактивную политику и выстраивать ее на основе имеющегося анализа интересов других игроков. Например, основываться на противоречиях «Запад – Турция – Китай», а также усиливать военный и информационный потенциал не только в Черноморско-Средиземноморском регионе, но и за его пределами [3, с. 5–8].

Список литературы

1. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. Ч. 3: События. Политика. Люди. М., 2004; Хенкин С.М. Культурно-историческое своеобразие Средиземноморского региона // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 2. С. 19–39.
2. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997.
3. Баранов А.В. Черноморско-Средиземноморский международный регион: задачи геополитического моделирования и экспертизы // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар, 2021. С. 5–8.

А.И. Сбитнева

СОТРУДНИЧЕСТВО ТУРЦИИ И УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА

В статье рассматривается турецко-украинское взаимодействие, в частности, его военно-техническая составляющая. Автор приходит к выводу о том, что политику Турции в отношении Украины можно охарактеризовать как «мягкий милитаризм», однако в условиях динамично меняющихся международно-политических реалий она будет адаптироваться к ним и стремиться к диверсификации союзников в Черноморском регионе.

Ключевые слова: Турция, Украина, Крым, Черноморский регион, безопасность, "мягкий милитаризм", "неоосманизм".

COOPERATION BETWEEN TURKEY AND UKRAINE IN THE CONTEXT OF THE SECURITY OF THE BLACK SEA REGION

The article scrutinizes Turkish-Ukrainian cooperation, in particular, its military-technical component. The author comes to the conclusion that Turkey's policy towards Ukraine can be described as "soft militarism", however, under the conditions of dynamically changing international political realities, it will be adapting to them and strive to diversify allies in the Black Sea region.

Key-words: Turkey, Ukraine, Crimea, the Black Sea region, security, "soft militarism", "neo-Ottomanism".

Внешнеполитический курс Турецкой Республики, с приходом к власти Р.Т. Эрдогана проводимый под знаменами «неоосманизма», предполагает активизацию Турции на пространстве исторически не входящих в поле ее интересов территорий и участие в не связанных с ней напрямую процессах. Черноморский регион, однако, всегда представлял для Турции, являющейся страной-соучредителем ОЧЭС и имеющей выход к черноморскому побережью, особый интерес. До воссоединения Крыма с Россией Анкара проводила активную политику по «отуречиванию» крымско-татарского населения полуострова [1, с. 361], применяя различные инструменты «мягкой силы», однако после событий весны 2014 г. ее влияние было в значительной степени ограничено. Свои интересы в пределах Черного моря, в том числе в отношении «родственных» этнических групп, Турция начала реализовывать посредством воздействия на быстро найденного союзника в лице Украины, с которой, помимо согласованной позиции «о незаконной аннексии Крыма» [2, с. 27], стало планомерно выстраиваться многовекторное взаимодействие.

Одной из составных частей турецкой идеологии «неоосманизма» с недавних пор является милитаризм, который по-разному проявляется в различных регионах мира. В Сирии и Ираке – это трансграничные военные операции, в самой Турции – акцент на оборонную промышленность, а также возвеличивание роли армии и военнослужащих-«шехидов», погибших в ходе возглавляемых Турцией военных кампаний. Милитаризм по-турецки на пространстве Черноморского региона имеет более мягкую форму, и связан преимущественно с выстраиванием тесного военно-технического сотрудничества с выгодными для этого партнерами, наиболее приоритетным из которых является Киев.

«Мягкий милитаризм» Турции в отношении Украины начал осуществляться после Крымской весны и последовательного изменения политики украинских правящих элит на антироссийский лад. Отказ от конструктивного взаимодействия с Россией на Украине совпал с резким охлаждением отношений со странами Запада в Турции. И в том, и в другом случае под ударом оказалось в том числе и выстраиваемое годами военное сотрудничество Киева с Москвой и Анкары с Вашингтоном и европейскими государствами, что подтолкнуло стороны к выстраиванию двустороннего диалога в этой области.

Турецкая Республика, которая в результате западных санкций лишилась канадских авиадвигателей, производимых компанией «Bombardier», быстро нашла

им менее дорогую замену у украинских поставщиков. Так, в июле 2021 г. турецкая компания Turkish Aerospace Industries (TAI) подписала соглашение с украинской «Мотор Сич» о поставке двигателей для турецких боевых вертолетов T-929 ATAR-2 [3]. Аналогичное соглашение, предусматривавшее поставку украинских двигателей для беспилотных летательных аппаратов, в том же году было подписано между турецкой «Baykar Makina» и предприятием «Ивченко-прогресс» [4].

Украина, в свою очередь, также заручилась военно-политической поддержкой Анкары. За последние несколько лет она фактически добровольно превратилась в рынок сбыта турецких вооружений. В 2019 г. Украине были переданы 6 ударных БПЛА Bayraktar TB-2 и значимое количество высокоточных ракет. В 2020 г. Р.Т. Эрдоган нанес в Киев официальный визит, который придал дополнительный импульс сотрудничеству сторон в военной области. В частности, Турция и Украина подписали Соглашение о военно-техническом сотрудничестве, которым закрепили договоренность о предоставлении ВС Украины турецких лир в размере 200 млн на покупку турецкой техники. Помимо этого, было заключено рамочное межправительственное военное соглашение, а также меморандум о намерениях в сфере оборонно-промышленных проектов [5, с. 224]. В конце 2021 г. стало известно об очередной партии поставок Киеву фирменных турецких Bayraktar TB-2, а также открытии на территории Украины завода по производству БПЛА данного типа [6].

Особого внимания заслуживает тот факт, что между Украиной и Турцией имела место договоренность о строительстве для нужд ВМСУ нескольких корветов типа «Ada» [7]. Главной целью подобного плодотворного и многостороннего сотрудничества для Турции было закрепление на украинской территории, а также, предположительно, строительство в среднесрочной перспективе черноморской военно-морской базы, что стало бы прямой угрозой национальной безопасности России, поскольку Турция является страной-членом НАТО. Однако события февраля 2022 г., а именно начало Российской Федерацией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, разрушили планы по дальнейшему расширению турецко-украинского сотрудничества.

Стоит отметить, что вместе с ВСУ на Украине было подорвано и влияние Турции, которая в сложившейся ситуации пытается не занимать чью-либо сторону, балансируя между Москвой и Киевом. С одной стороны, она продолжает поставлять Украине беспилотные летательные аппараты, которые успешно уничтожаются силами России, с другой – несмотря на давление со стороны США, отказалась передавать Украине ранее приобретенные российские зенитные ракетные системы С-400 [8]. Более того, Турецкая Республика объяснила возникновение на Украине дополнительных Bayraktar TB-2 закупкой их у «частной компании» [9], заявив, что БПЛА не представляют собой государственную помощь Турции Украине в рамках военных действий.

Таким образом, действия России пресекли не только происходящие на Украине процессы, но и переход зарождающейся протурецкой «мягкой милитаризации» Украины как значимой части Черноморского региона в его более жесткую форму. Тем не менее, продолжающееся турецко-украинское взаимодействие

в военной плоскости требует пристального наблюдения в дальнейшем, поскольку любые его сдвиги в сторону будут представлять угрозу как всего региона в целом, так и России в частности. Пока что Анкара, руководствуясь своими амбициями, стремится примерить на себя роль медиатора, и, подобно тому, как Россия однажды посадила за один стол Анкару и Тегеран, регулярно заявляет о готовности провести на своей территории мирные переговоры и стать посредником в урегулировании конфликта между Россией и Украиной. Подобные инициативы стоит позитивно расценивать с точки зрения возможности вовлечения Турции в пророссийски ориентированную архитектуру безопасности. В то же время важно учитывать истинные намерения и интересы Анкары. В условиях быстро меняющейся политической обстановки Турция будет пытаться диверсифицировать союзников, и в связи с этим важно, чтобы ее ориентиром, в том числе в области безопасности, стала Россия и приближенные к ней страны, а не государства «коллективного Запада».

Список литературы

1. Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 3 (23). С. 348–363.
2. Ирхин А.А., Нелина Л.П. Россия и Турция в Черноморском регионе: диалектика сотрудничества и конкуренция региональных держав после 2014 года // Причерноморье. История, политика, культура. Севастополь, 2020. № 29. С. 21–27.
3. Новый рынок для Украины: турецкий холдинг заключил соглашение с «Мотор Сич». 04.07.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2021/07/04/13700354.shtml>
4. Украина будет поставлять Турции двигатели для новых беспилотников. 12.11.2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/11/12/bespilot/>
5. Аватков В.А. Геополитическое измерение турецко-украинских отношений // Постсоветские исследования. 2021. № 4 (3). С. 219–225.
6. На Украине заявили о запуске производства Bayraktar. 25.12.2021. URL: <https://crimea.ria.ru/20211225/na-ukraine-zayavili-o-zapuske-proizvodstva-bayraktar-1121861476.html>
7. «Перебросят в Черное море». Киев потратит миллиарды на новое оружие. 05.08.2021. URL: <https://ria.ru/20210805/korvety-1744332992.html>
8. В США заявили, что обсуждают с Турцией отправку Украине С-400 в обмен на снятие санкций. 20.03.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14128073>
9. В Анкаре объяснили, откуда «Байрактары» попали на Украину. 03.03.2022. URL: <https://ria.ru/20220303/bayraktar-1776317551.html>

Е.Е. Рябцева, А.О. Маковский

ВОДНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ГОСУДАРСТВАХ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Статья посвящена анализу водной политики России в государствах Большого Средиземноморья. Рассмотрено содержательное наполнение термина «водная политика». Выделены существующие концепции водной политики. Определены цели, содержание и направления водной политики Советского Союза.

Ключевые слова: Водная политика, Советский Союз, Ближний Восток, Северная Африка.

E.E. Ryabtseva, A.O. Makovsky

**WATER POLICY OF RUSSIA IN THE STATES
GREATER MEDITERRANEAN**

The article is devoted to the analysis of Russia's water policy in the states of the Greater Mediterranean. The content content of the term "water policy" is considered. The existing concepts of water policy are highlighted. The goals, content and directions of the water policy of the Soviet Union are determined.

Key-words. Water policy, Soviet Union, Middle East, North Africa.

В настоящее время Россия наращивает свое присутствие в пространстве Большого Средиземноморья, в первую очередь на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Помимо военно-политического и экономического взаимодействия с государствами региона, эффективными могли бы быть инициативы Российской Федерации, реализуемые в сфере водной политики.

Как правило, термин «водная политика» используется в качестве синонима термина «гидрополитика». Считается, что впервые его применил американский политолог Джон Уотербери в 1979 г. в книге «Гидрополитика долины Нила»[1, с. 12].

Исследователи выделяют национальный, региональный и международный уровни водной политики [2, с. 131–132]. Национальный уровень предусматривает обеспечение водными ресурсами внутренних потребностей государства. Он включает в себя управление, использование, употребление и защиту водных ресурсов, которые формируются и находятся на территории государства. Национальный уровень приоритетен для государства, поскольку обладает определяющим значением для обеспечения функционирования хозяйства и потребностей населения.

В сферу ответственности регионального уровня водной политики входят урегулирование совместного использования водных ресурсов трансграничного характера с соблюдением интересов всех государств, в границах которых расположены данные водные ресурсы, и с обязательным учетом экологической составляющей. Ключевыми принципами региональной водной политики являются учет национальных интересов всех государств региона и гармонизация их национальной водной политики для обеспечения интересов всех сторон.

Международная водная политика направлена на расширение доступа населения к чистой питьевой воде, а также осуществление финансовой и технической поддержки испытывающих острый дефицит водных ресурсов государств. Как правило, основными субъектами международного уровня мировой политики являются региональные и международные организации. Но существует и опыт реализации водной политики отдельными государствами. В качестве примера можно привести деятельность Советского Союза.

В частности, в Народно-Демократической Республике Йемен при техническом содействии советских организаций было создано государственное предприятие по производству сельскохозяйственной продукции, где для орошения использовались поверхностные и подземные воды, создана Схема использования водных и земельных ресурсов, велись исследования и внедрялись новые методы

водопользования (капельное орошение, орошение по бороздам и т.д.). Здесь же осуществлялись комплексные гидрогеологические и инженерно-геологические изыскания для оценки запасов подземных вод, проектирования и строительства плотин с целью использования паводкового стока вадей для орошения сельскохозяйственных культур.

Советский Союз принимал участие в изучении гидрогеологических условий и разработке проектов использования водных ресурсов Сирийской Арабской Республики. В результате геологосъемочных, гидрогеологических и гидрологических работ были составлены геологическая карта и гидрогеологические карты Сирии, сформированы рекомендации по использованию ресурсов подземных и поверхностных вод для питьевого, технического водоснабжения и орошения. Советские гидрогеологи участвовали в комплексных исследованиях по изучению долины реки Евфрат, обосновывая проектные решения по строительству каскада ГЭС, крупных насосных станций для подачи воды на орошение, в разработке мер по рациональному использованию и сбережению водных ресурсов.

В 1970-х гг. советские специалисты проводили гидрогеологические исследования в Арабской Республике Египет для поисков подземных вод и обеспечения питьевой водой оазисов Ливийской пустыни. На основе результатов гидрогеологических и инженерно-геологических исследований были разработаны схемы орошения и сельскохозяйственного использования пустынных земель, проектные проработки для строительства ирригационных и водохозяйственных объектов, в том числе строительства магистрального канала НАСР. Советские гидрогеологи принимали участие в гидрогеологических исследованиях по линии ООН для оценки запасов подземных вод в оазисах Харга и Дахла, благодаря чему были подсчитаны запасы подземных вод и составлены гидрогеологические и палеогидрогеологические карты.

С помощью СССР в 1960–1971 гг. в Египте была построена высотная Асуанская плотина, которая позволила сельскому хозяйству Египта перейти на круглогодичное орошение и собирать до трех урожаев в год [3, с. 108]. Формально данный проект являлся коммерческим. Способом финансирования являлась кредитная линия с минимальными процентами и ускоренным списанием задолженностей.

Советские специалисты принимали активное участие в решении проблем водообеспеченности в Ираке. Среди них: борьба с наводнениями, регулирование стока рек и строительство электростанций, разработка мелиоративных мероприятий для рассоления орошаемых земель Месопотамии, поисково-разведочные работы по организации питьевого водоснабжения, комплексные изыскания для обоснования проектных решений под строительство объектов энергетики на реках. Отдельно можно упомянуть проектирование и постройку советскими специалистами уникального гидротехнического комплекса «Тартар», предназначенного для борьбы с паводками при защите Багдада и близлежащих территорий. Его ключевой составляющей является водохранилище Тартар, расположенное в междуречье рек Тигр и Евфрат.

Сотрудничество СССР с государствами Ближнего Востока и Северной Африки в сфере водной политики продолжалось вплоть до распада государства в 1991 г. Впоследствии эти работы были либо полностью прекращены, либо значительно сокращены, что привело к последующему заходу на рынок услуг в водной сфере других стран и практически полной утратой уже Россией этого сектора присутствия России в регионе. На данный момент мы можем говорить о необходимости наращивания Российской Федерацией водной политики в регионе, которая не утратила своей значимости для населения региона.

Список литературы

1. Waterbury J. *Hydropolitics of the Nile Valley*. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1979.
2. Куватов С.З. Гидрополитика и ее основные направления // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. Душанбе, 2018. № 4. С. 131–135.
3. Елькина Е. Гидрополитика в бассейне Нила // Россия и мусульманский мир. 2016. № 4. С. 105–114.
4. Управление водными ресурсами в России. Законодательное регулирование и перспективы. М., 2014.

А.Г. Пеклова, В.В. Рак

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассмотрены основные направления деятельности Российской Федерации в условиях активной фазы трансформации системы международных отношений, определена роль РФ в этих процессах. Украинский кризис рассматривается как одно из ключевых событий в процессе трансформации существующей системы безопасности и миропорядка.

Ключевые слова: международные отношения, система безопасности, многополярный мир, Украинский кризис, международные организации, негативный суверенитет.

A.G. Peklova, V.V. Rak

RUSSIAN FEDERATION AND MODERN TRENDS IN INTERNATIONAL RELATIONS

The article considers the main activities of the Russian Federation in the conditions of the active phase of transformation of the system of international relations, defines the role of the Russian Federation in these processes. The Ukrainian crisis is considered as one of the key events in the process of transformation of the existing security system and world order.

Key-words: International relations, security system, multipolar world, Ukrainian crisis, international organizations, negative sovereignty.

Современная система международных отношений находится на стадии болезненного процесса финальной трансформации и перехода к новой конфигурации миропорядка, от периода гегемонии США и долларовой валютной системы к многополярной системе с расчётами в национальных валютах. В данной системе присутствуют такие ярко выраженные центры, как США, Китай, Российская Федерация, к которым в ближайшем времени, вероятно, прибавится Индия.

На данный момент в мире также отмечается возрастающая роль центров региональной силы в Центральной Азии и Латинской Америке.

Нарастающие острота противоречий, санкций и конфликтов являются своеобразными трещинами существующего миропорядка, и отправными точками для дальнейших трансформаций. Кроме того, происходящие в мире события вписываются в теорию эволюции мировых политических и экономических систем, и 36-летних политических и экономических циклов российской истории, и согласно этим теориям именно в 2021–2025 гг. будет определена та точка, которая станет началом новой многополярной системы координат, и в тоже время будет обозначать конец старой [1, с. 28–53].

Российская Федерация в современной системе международных отношений, как и другие акторы, сформировала определенный образ, который подразумевает наличие особенностей поведения на международной арене, устоявшихся направлений внешней политики, а также стиля реагирования на появляющиеся и существующие угрозы, и по реализации приоритетных задач и возможностей. Документально эти положения закреплены в Концепции внешней политики РФ, Стратегии государственной и национальной политики РФ на период до 2025 года, Стратегии национальной безопасности РФ. На основе этих документов, материалов сайта МИД РФ, и событий на международной арене к «столпам» политики РФ как на ближайшие годы можно отнести:

- приоритетный вектор развития – двусторонние договоренности с государствами, с принятием растущего значения межгосударственных интеграционных объединений, первоочередная ориентация на Евразийское направление (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, Союзное государство, ШОС), в том числе развитие «интеграции интеграций» на принципах взаимовыгодного добровольного сотрудничества, а не идеологического противостояния [2];

- реализация активной политики в Северной Африке и Латинской Америке;

- сохранение и развитие договоренностей в области контроля за распространением оружия массового поражения, в том числе и ядерного, а также средств его доставки и стратегических наступательных вооружений;

- закрепление РФ в качестве одного из центров силы в многополярном мире, продвижение российской точки зрения в мире;

- сохранение статуса-кво в космосе и арктическом регионе, и предотвращение милитаризации и вооруженной гонки в них;

- Россия – оплот традиционных духовно-нравственных ценностей;

- обеспечение защиты граждан Российской Федерации за пределами ее территории и борьба с ущемлением национальных интересов РФ со стороны других государств;

- создание не имеющих аналогов по характеристикам образцов вооружения и систем безопасности, для поддержания военного-политического веса на международной арене;

- выполнение роли независимого арбитра и главного гаранта безопасности в конфликтах на постсоветском пространстве;

- превентивная борьба с терроризмом за пределами РФ.

При реализации политики Российская Федерация продолжит прежде всего ориентироваться на сохранение существующего порядка там, где это адекватно современной политической реальности (сохранение и укрепление ООН и Совета безопасности ООН), но возрастет количество действий, которые можно отнести к политике ревизионизма, в первую очередь для трансформации существующей архитектуры безопасности. Самым ярким примером таких действий является реализация специальной военной операции на Украине. И в первую очередь это реакция на агрессивную деятельность наших оппонентов на международной арене, США и НАТО, и их стран-сателлитов. Существующее противостояние, и обострение продолжит только накаляться, поскольку из-за разного идеологического понимания геополитических интересов для сторон единственным инструментом для ведения диалога остаются переговоры с позиции силы, военной мощи и политики взаимных экономических санкций. Простой принцип западных партнеров «что мое – мое, что твое – давай разговаривать», можно сломить только реализацией ответных симметричных и ассиметричных действий, обнажающих одностороннюю природу данного принципа [3]. В ответ на расширение НАТО на Восток – углубление партнерства с Кубой, Венесуэлой и Никарагуа в том числе и в военно-технической сфере, на эскалацию Киевской ситуации на Донбассе, проведением специальной военной операции [4]. Обострение противостояния обнажает и позицию государств по отношению друг к другу, внутренние проблемы государств, и в рамках интеграционных объединений, в том числе и нарастание противоречий внутри ЕС. Но в то же время создает основу для появления консолидирующих идей, например, для запада объединяющей является идея противостояния мнимой российской угрозе, а для стран находящихся под давлением США, в первую очередь Российской Федерации, Ирана, Китая – это обеспечение стабильности и безопасности, и завершение перехода к новому порядку, существующему везде, кроме идеологических установок западных партнеров.

События 1990-х гг., хищническая политика Запада, невозможность интеграции России в европейские структуры во многом можно связать с последующим значимым поворотом России на Евразийский путь и формированию современной политики. Постсоветское пространство как часть евразийского пространства продолжит быть первоочередной зоной интересов РФ.

Особое место здесь занимает Украина, которой выпала роль стать «разменной монетой» в установлении нового миропорядка и противостоянии России и Запада. Украинский вопрос является не причиной определенных процессов, а их последствием или индикатором, и только обостряет и обнажает имеющиеся проблемы.

Современные процессы вокруг Украинского вопроса во многом могут служить примерами трансформации стратегической среды, и демонстрируют неизбежность и необходимость реформирования системы безопасности в Черноморском регионе, и в мировой системе в целом. Украинский кризис показал несостоятельность существующих механизмов по урегулированию конфликтов, успешность западных технологий по реформированию курса государств на

постсоветском пространстве, а усиление авторитета Турции в качестве региональной державы и ее стремление стать мировым лидером.

Е А Э С	О Д К Б	Латвия	НАТО ЕС
		Литва	
		Эстония	
		Украина	Курс на членство в НАТО и ЕС
		Грузия	
		Молдавия	Курс на ин- теграцию с ЕС
		Таджикистан	
		Россия	
		Беларусь	
		Армения	
Казахстан			
Киргизия			
Узбекистан			
Азербайджан			
Туркмения			

Таблица 1. структура постсоветского пространства по участию в интеграционных и военных организациях

Одним из основных векторов сотрудничества между РФ и ЕС в ближайшем будущем несмотря на все санкции и противоречия останется энергетический. Отказаться от их использования не позволяет по-прежнему малая эффективность альтернативных источников энергии, и большая доля газа в энергетике ЕС. И даже в случае наложения очередных санкций со стороны ЕС, они будут обходить энергетическое взаимодействие с Россией, поскольку они с той же силой, а возможно и сильнее ударят по самому ЕС, в потреблении которого российский газ составляет 30%, а быстро заместить такой объем другими источниками невозможно [5].

С учетом обострения отношений с западом более четким становится окончательный поворот России на восток, в регион, куда переходит мировой экономический полюс силы, и где РФ находит поддержку в от-

ношении позиции по переустройству международного порядка и партнёров в диалоге с США. Качественное развитие получают двусторонние отношения и взаимодействие с региональными интеграционными структурами [6].

По-прежнему остаются области, где диалог с западом возможен и необходим, поскольку полное разрушение существующих основ миропорядка может ввергнуть мировую систему в хаотичное состояние и привести к упадку, а не к развитию по положительному вектору. К этим областям относятся:

- координация действий по климатической повестке, и договоренности о переходе к «углеродной нейтральности»;
- нераспространение ядерного оружия;
- контроль нераспространения стратегических наступательных вооружений и стратегических оборонительных вооружений и космосу;
- экспорт природного газа и нефти;
- борьба с международным терроризмом;
- борьба с пандемией COVID и ее последствиями.

Текущие события все больше дают понять характер грядущих трансформаций и форсируют их наступление. В сегодняшних обстоятельствах перспективы улучшения отношений маловероятны, добровольно США не откажется от позиционирования себя в качестве единственного мирового лидера, в условиях острой конфронтации РФ необходимо активно действовать и не бояться роста

агрессии, которая, к слову, продолжала бы расти и без активных действий с нашей стороны. И даже если градус эскалации спадет, то это все равно не решит главного – не приведет в соответствие идеологические установки и политику запада с политической многополярной реальностью. Важная особенность современной системы, точнее ее пережиток, требующий институционального и нормативного регулирования, это эффект «негативного суверенитета» – фактическое отсутствие ответственности за совершенные действия на международной арене, у малых или вовсе несостоятельных государств за ведение неадекватной или агрессивной политики по отношению к другим государствам. Этот эффект позволяет таким государствам безнаказанно вносить еще большую смуту в и так рустующую напряженность. Здесь одним из решений могло бы стать использование всеми любимых экономических и политических санкций по решению Совета безопасности ООН, а не на основе односторонних решений.

Для России – обладательницы «позитивного суверенитета», действует другой принцип и существует экзистенциальная внешняя угроза ее существования, которая только усиливается растущим давлением и расширением НАТО, и требует постоянной работы по противодействию ей, в том числе и развития передовых образцов вооружения для ведения для возможности ведения дипломатии с позиции силы. Переформатирование необходимо и самому морально устаревшему североатлантическому альянсу, политика расширения которого привела к появлению угроз вместо обеспечения безопасности. От действий Российской Федерации во многом будет зависеть, то, как мировая система перейдет в новое состояние и каким образом будут разработаны и приняты новые правила игры. Первоочередная задача – разрушить принципы двойных стандартов, привычные для западных оппонентов, и отрезвить их взгляд на существующий миропорядок и осознание себя в нем.

Активные действия во внешней политике всегда лучше продвигать с опорой на концептуально закреплённые идеи. Шаги в этом направлении уже предпринимаются, а именно ведется доработка и утверждение новой концепции внешней политики РФ, в содержание которой, вероятно, войдут положения по ДНР и ЛНР, отсутствующие в действующем документе, и положения, закрепляющие стиль современной внешней политики России, более жестко отстаивающей национальные интересы. Приоритетной задачей правительства РФ в ближайшей перспективе будет являться повышение экономического потенциала и самостоятельности страны, а также стабильности общества для менее болезненного перехода к новой системе в условиях кризиса и под воздействием серьезных санкций и ограничений.

Список литературы

1. Пантин В.И. Россия и Запад в 2020-е гг.: перспективы геополитической революции // История и современность. Волгоград, 2021. № 1 (39). С. 28–53.
2. Российская инициатива по формированию Большого Евразийского партнёрства (БЕП) как единого, широкого и открытого для всех государств Евразии пространства безопасности, взаимовыгодного экономического и гуманитарного сотрудничества была поддержана в Душанбинской декларации 20-летия ШОС (сентябрь), Совместном заявлении 4-го саммита Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (октябрь),

российско-китайском Совместном заявлении к 20-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем (июнь) Основные внешнеполитические итоги 2021 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1792639/ (дата обращения: 28.01.2022).

3. Что моё – моё, что твоё – давай разговаривать. URL: <https://aso.livejournal.com/43321.html> (дата обращения: 30.01.2022).

4. Путин договорился углублять партнерство с Кубой, Венесуэлой и Никарагуа. URL: <https://www.interfax.ru/russia/818468> (дата обращения: 28.01.2022).

5. Европа хочет отказаться от природного газа. ЕС набросал план будущего без «Газпрома». URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59673802> (дата обращения: 28.01.2022).

6. Азия и Евразия в многополярном мире. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/comments/aziya-i-evraziya-v-mnogopolyarnom-mire/> (дата обращения: 28.01.2022).

7. Путин поручил доработать проект новой концепции внешней политики России. URL: <https://ria.ru/20220128/politika-1770035385.html> (дата обращения: 30.01.2022).

И.Н. Оголь, Е.А. Степанова

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ТУРЦИИ: ИНТЕГРАЦИЯ КРЫМА В СОСТАВ РОССИИ

В статье рассматривается современный внешнеполитический дискурс Турции: признание интеграции Крыма в российское пространство и поддержка крымскотатарского народа в ходе конфликта между Россией и Украиной в феврале–марте 2022 г. Выявлены наиболее активные акторы внешнеполитического дискурса, преимущества артикулируемой Турцией позиции.

Ключевые слова: Внешнеполитический дискурс, Крым, крымские татары, интеграция Крыма, внешнеполитический дискурс Турции.

I.N. Ogol, E.A. Stepanova

TURKISH FOREIGN POLICY DISCOURSE: INTEGRATION OF CRIMEA INTO RUSSIA

The article discusses the modern foreign policy discourse of Turkey: recognition of the integration of Crimea into the Russian space and support for the Crimean Tatar people during the conflict between Russia and Ukraine in February–March 2022. The most active actors of the foreign policy discourse, the advantages of the position articulated by Turkey are identified.

Key-words: Foreign policy discourse, Crimea, Crimean Tatars, integration of Crimea, Turkish foreign policy discourse

Текущий год заново актуализирует проблему правомерности интеграции Крыма в состав Российской Федерации по следующей причине: признание полуострова частью РФ является обязательным аспектом для прекращения Спецоперации. Турция в этом контексте становится стороной, балансирующей между участниками конфликта, а также своеобразным «мостом» переговоров. Именно поэтому выявление основных вопросов, артикулируемых акторами внешнеполитического дискурса Турции по вопросу интеграции Крыма в российское пространство, становится крайне важным и актуальным.

Внешнеполитический дискурс артикулируется внешнеполитическими акторами: представителями Турции и ее министерств. Для исследования внешнепо-

литического дискурса Турции на современном этапе по вопросу Крыма были использованы пресс-релизы официального сайта МИД Турции, а также публикации новостных электронных изданий: «Haber7», «Türkiye».

Ежегодно МИД Турецкой республики 16 марта публикует пресс-релиз, посвященный годовщине «нелегальной оккупации Крыма», в последнем подчеркивается заинтересованность полуостровом ввиду проживания там крымских татар [1]. В 2020 г. после встречи Президента Турции и Президента Украины появились новости о том, что Эрдоган не считает Крым ни частью России, ни частью Украины [2; 3]. Так как прямых цитат этого заявления нет, российские ученые с настороженностью отнеслись к подлинности новостей, однако их правдивости не исключают.

Крым наиболее часто фигурирует в новостях и заявлениях, посвященных освещению хода спецоперации или переговоров по её прекращению [4]. Важно отметить, что в заявлениях акторов внешнеполитического дискурса Турции спецоперация называется именно «войной» и осуждается как таковая [5; 6].

Однако под пристальным вниманием находится вопрос не статус полуострова, а проблема крымских татар, которым Турция оказывает всевозможную поддержку.

Наиболее активным актором по вопросу крымских татар является глава МИД Турции Мевлют Чавушоглу. После встречи с главой МИД Украины дипломат провел встречу с работниками крымскотатарского координационного центра в г. Львов. В своем твиттер-аккаунте М. Чавушоглу выразил обеспокоенность безопасностью и благосостоянием его «соотечественников» [7]. На Анталийском Дипломатическом форуме глава МИД Турции заявил, что Турция приняла порядка 15 тыс. беженцев исламского населения [6].

Примечательная публикация Сулейман Кызылтопрака – преподавателя исторического факультета Университета им. Мимара Синана, посвященной анализу истории Крыма и месту крымских татар в ней [5]. В заключении статьи он выражает осуждение «войны», потому что «крымским татарам не станет лучше» [5].

Турецкое новостное издание «Türkiye» в текущее время масштабно освещает ход спецоперации, и также масштабно артикулирует проблему крымских татар в Крыму. В ходе освещения «Türkiye» обращается к некогда значимым личностям «Меджлиса крымскотатарского народа»* (*Экстремистская организация, запрещенная на территории России): Рефату Чубарову и Мустафе Джемилеву, последний на территории Турции больше известен как Мустафа Кырымоглу. В публикациях артикулируется осуждение России и Спецоперации, необходимость помощи крымским татарам и Украине [8; 9; 10]. Более того, Рефат Чубаров отзывается о Турции как о мудром заступнике, который «всегда поддерживает нас (крымских татар) в трудную минуту» [8].

Внешнеполитический дискурс Турции по вопросу интеграции Крыма в российское пространство остается на данный момент неизменным: полуостров является частью Украины. В тоже время современная артикулируемая позиция безусловно поднимает имидж Турции на мировой арене по следующим причинам:

1. Турция не признает интеграцию Крыма в российское пространство 2. Турция осуждает проведение спецоперации; 3. Турция является посредником при переговорах между Россией и Украиной; 4. Турция поддерживает крымских татар и помогает беженцам.

В ходе исследования были выявлены следующие артикулируемые внешне-политические цели Турции: деэскалация конфликта между Россией и Украиной; поднятие авторитета Турции и лояльности к ней у исламской части населения Украины; поднятие авторитета Турции и лояльности к ней у украинцев.

Список литературы

1. Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_-88_-kirim-in-yasadisi-ilhakinin-sekizinci-yildonumu-hk.en.mfa (дата обращения: 23.03.2022).
2. Haber7: Официальный сайт. URL: <https://www.haber7.com/dunya/haber/3025380-rus-basini-putin-turkiye-sokunu-atlatamadi/?detay=1> (дата обращения: 23.03.2022).
3. Новостное издание Известия. URL: <https://iz.ru/1079280/kseniia-loginova/poputali-berega-ankara-sokhranaet-pretenzii-na-krym> (дата обращения: 23.03.2022).
4. Türkiye Gazetesi: официальный сайт. URL: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/dunya/837972.aspx> (дата обращения: 23.03.2022).
5. Haber7: Официальный сайт. URL: <https://www.haber7.com/guncel/haber/3200106-tarihten-bugune-kirim-sorunu> (дата обращения: 23.03.2022).
6. Haber7: Официальный сайт. URL: <https://www.haber7.com/siyaset/haber/3204369-son-dakika-bakan-cavusoglundan-rusya-ukrayna-aciklamasi> (дата обращения: 23.03.2022).
7. Haber7: Официальный сайт. URL: <https://www.haber7.com/guncel/haber/3203618-cavusoglu-kirim-tatar-koordinasyon-merkezini-ziyaret-etti> (дата обращения: 23.03.2022).
8. Türkiye Gazetesi: официальный сайт. URL: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/dunya/835494.aspx> (дата обращения: 23.03.2022).
9. Türkiye Gazetesi: официальный сайт. URL: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/dunya/830910.aspx> (дата обращения: 23.03.2022).
10. Türkiye Gazetesi: официальный сайт. URL: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/gundem/828954.aspx> (дата обращения: 23.03.2022).

И.В. Евтюшкин

ПРОБЛЕМЫ КРЫМА И ДОНБАССА ПОСЛЕ СОБЫТИЙ «ЕВРОМАЙДАНА»: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ТУПИК ДЛЯ УКРАИНЫ

В статье анализируются внутри- и внешнеполитические причины и факторы недоворо-респособности украинских властей в контексте дипломатического урегулирования проблем Крыма и Донбасса после государственного переворота 2014 г. на Украине.

Ключевые слова: проблема Крыма, проблема Донбасса, российско-украинские отношения, Республика Крым, Донецкая Народная республика, Луганская Народная республика, Минские соглашения, НАТО, внешнее управление.

I.V. Evtushkin

PROBLEMS OF CRIMEA AND DONBASS AFTER THE EVENTS OF EUROMAYDAN: A DIPLOMATIC DEADLOCK FOR UKRAINE

The article analyzes domestic and foreign political reasons and factors of the Ukrainian authorities' inability to negotiate in the context of the diplomatic settlement of the problems of Crimea and Donbass after the 2014 coup d'état in Ukraine.

Key-words: problem of Crimea, problem of Donbass, Russian-Ukrainian relations, Republic of Crimea, Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Minsk agreements, NATO, external administration.

В 2014 г., по итогам Всекрымского референдума от 16 марта 2014 г., Крым вернулся в состав России. Признание Российской Федерацией права крымчан на самоопределение стало значимым политико-правовым прецедентом, который выявил двойные стандарты «коллективного Запада» в вопросе о понимании права народов на самоопределение. «Крымский прецедент» стал фактором трансформации российско-украинских межгосударственных отношений и всей системы международных отношений, основанной на глобальном доминировании США в международном масштабе [1, с. 114]. Защитив соотечественников в Крыму, Россия выступила как самостоятельный центр силы, центр притяжения для регионов юго-востока Украины и прежде всего, – для Донбасса. Одновременно, на Украине произошла националистическая мобилизация и стремительный дрейф политических элит Украины в сторону США и НАТО. «Коллективный запад» использовал проблемы Крыма и Донбасса для превращения Украины в антироссийский плацдарм.

Целью данной статьи является анализ внутри- и внешнеполитических причин и факторов недоговороспособности украинских властей в контексте дипломатического урегулирования проблем Крыма и Донбасса.

События воссоединения Крыма с Россией и военный конфликт на Донбассе существенно изменили принципы организации политической власти на Украине. В рамках проводимого исследования отметим две базовые тенденции – радикализацию и десоверенизацию политической власти на Украине. При формальном сохранении прежних политических институтов и большей части политических партий, эти тенденции изменили существовавшую до 2014 г. политическую систему, обусловили маргинализацию и недоговороспособность политических элит послемайданной Украины.

Радикализация политической власти на Украине после государственного переворота 2014 г. и отстранения от власти В.Ф. Януковича была напрямую связана с притоком во власть националистических сил, а также с поддержкой националистических идей существующими политическими силами. Вооруженные представители националистических формирований в нарушение законодательства достаточно часто добивались смещения со своих постов некоторых министров и руководителей украинских регионов [2].

Одновременно, происходила десоверенизация Украины, последовательный переход основных центров принятия решений на Украине под «внешнее управление» США. В частности, новые власти практиковали назначение в министерства Кабинета министров Украины иностранных советников [3, с. 292].

«Евромайдан», приход к власти в Киеве националистов, начало репрессий против политических оппонентов госпереворота и сотрудников «Беркута», привели к структурированию ирредентистского движения в Донецкой и Луганской областях Украины. Так же, как и в Крыму, ирредентистское движение на Дон-

бассе оформилось, как влиятельная сила сопротивления госперевороту на Украине [4]. Результирующей развития данного движения стало создание Донецкой и Луганской Народных республик, проведение референдумов о государственном самоопределении ДНР и ЛНР и их вхождении в состав России. Вместе с тем, на фоне колоссального внешнего давления на Россию по вопросу о Крыме, вопрос об интеграции ДНР и ЛНР в состав России не был решен.

Политика силового подавления ирредентистского движения в юго-восточных регионах Украины стала важнейшим направлением деятельности новой украинской власти. Прежде всего, это касалось жесткой установки украинских властей на уничтожение «сепаратизма» на Донбассе. Силовой метод решения проблемы привёл к боевым столкновениям между вооруженными формированиями ополченцев ДНР и ЛНР и силовыми структурами Украины. Первоначально киевские власти объявили ополченцев Донбасса «террористическими организациями» и длительное время именовали данный вооруженный конфликт «анти-террористической операцией» (АТО). Военные действия были остановлены после заключения Минских соглашений («Минск-1», а затем «Минск-2») [5, с. 396].

Параллельно, украинскими властями и националистами были жестоко подавлены попытки развития ирредентистского движения на территориях Одесской, Николаевской, Херсонской и Харьковской областей [6].

Основную причину развития ирредентистского движения на Донбассе власти Украины связывали с Россией и поддержкой, оказываемой ополченцам Донецкой и Луганской Народных республик со стороны РФ. Киев изначально настаивал на том, что конфликт не является внутриукраинским. Украинские политики с 2014 г. постоянно заявляли о внешней агрессии и упорно отказывались вести переговоры с представителями ДНР и ЛНР [7, с. 11]. Руководство Украины (экс-президент страны П.А. Порошенко, экс-глава правительства В.Б. Гройсман) и все официальные средства массовой информации сделали политической нормой заявления о «состоянии войны с Россией» и «вынужденной необходимости вести войну с Россией» [8, с. 396].

Проблема Донбасса, как и проблема Крыма, стала маркером конфликтности в отношениях Украины с Российской Федерацией. Власти Украины сознательно игнорировали политико-правовые и дипломатические возможности сохранения Донбасса в составе Украины на основе Минских соглашений и предоставления автономии так называемым «отдельным районам Донецкой и Луганской областей» (на базе конституционной реформы, введения в действие на постоянной основе закона об «Особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» и др.) [9, с. 11].

Нигилизм украинских властей фактически опирался на консолидированную позицию и политическую поддержку стран Запада, которые считают ответственным за происходящее на востоке Украины Москву и, таким образом, не способствуют выработке Киевом более компромиссной позиции [10]. В более широком контексте США и их союзники проявили стратегическую незаинтересованность в решении проблем Крыма и Донбасса на компромиссной основе. Данные проблемы использовались «коллективным западом» в качестве политического

«триггера», способствующего трансформации Украины в антироссийский плацдарм.

С одной стороны, американские кураторы Украины всячески поддерживали антироссийские политические силы в Киеве. Антироссийский политический курс начал системно реализовывать президент П.А. Порошенко и стоящие за ним правонационалистические силы. Далее западную стратегию превращения Украины в антироссийский плацдарм без принципиальных изменений продолжил осуществлять президент В.А. Зеленский. Любые попытки оппозиционных партий, региональных политических элит и общественных организаций пойти на компромисс в части решения проблем Крыма и Донбасса, интерпретировались националистическими силами, как предательство.

С другой стороны, проводилась целенаправленная политика националистической, антироссийской мобилизации всего украинского общества. По сути, идеология национализма стала государственной идеологией Украины. Крымская проблема играла в данном случае символическую роль. Вопрос: «Чей Крым?» стал значимым маркером идентификации «Свой – чужой», одним из элементов формирования постмайданной украинской идентичности, основанной на антироссийских ценностях.

Конфронтационные стратегии решения проблем Крыма и Донбасса исключили любой политический компромисс Украины с Россией, ДНР и ЛНР.

Взаимосвязь проблем Крыма и Донбасса для руководства Украины и его западных кураторов основывается на сходном понимании статуса Республики Крым, г. Севастополя, Донецкой и Луганской Народных республик, как неподконтрольных Украине «временно оккупированных территорий». Правовой статус «временно оккупированных территорий» определяется Законом Украины от 15 апреля 2014 г. «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины» [11].

Власти Украины объединили проблемы Крыма и Донбасса в один кластер. Различия касались только методов «деокупации» соответствующих территорий. В случае с Республикой Крым и г. Севастополем Украина сделала акцент на дипломатические (а не на военно-политические) методы «деокупации». Но речь шла о дипломатическом давлении на Россию международных партнёров Киева. В марте 2021 г. президент В.А. Зеленский одобрил принятую СНБО стратегию «деокупации» и реинтеграции Крыма. Документ предусматривает комплекс мер, направленных на возвращение полуострова под контроль Киева. 29 сентября 2021 г. Кабинет министров Украины одобрил план по реализации данной стратегии [12]. Министр иностранных дел Украины Д.И. Кулеба назвал «три кита» политики, благодаря которой Киев надеется вернуть Крым: это принятая СНБО стратегия «деокупации» и реинтеграции, консолидация, т.е. объединение усилий всех партнеров, и синергия – «восстановление международного права» и полного украинского суверенитета над полуостровом [13].

Конфронтационный подход к решению проблем Крыма и Донбасса создавал ситуацию «дипломатического тупика» для Украины в отношениях с Российской Федерацией, Донецкой и Луганской народными республиками. В случае с

Крымом не учитывались реалии нахождения Республики Крым и г. Севастополя в составе Российской Федерации. В случае с Донбассом игнорировались Минские соглашения, в которых содержатся возможности урегулирования политического конфликта с Донецкой и Луганской народными республиками на основе политического компромисса и сохранения территориальной целостности Украины с помощью института автономии.

Конфронтационные стратегии решения проблем Крыма и Донбасса подкреплялись отказом политических элит Украины от закреплённого в Конституции нейтрального статуса украинского государства. В феврале 2019 г. Верховная рада Украины утвердила инициированные президентом П.А. Порошенко изменения в Конституцию Украины относительно курса страны на обретение полноправного членства Украины в Европейском Союзе и НАТО [14]. Отказ Украины от нейтрального статуса стал стратегической угрозой для России. Проблема становилась всё более реальной в условиях военного освоения территории Украины государствами-членами НАТО. Прежде всего, это касалось размещения военной инфраструктуры НАТО на территории Украины, проведения совместных учений, перевооружения украинской армии и её перехода на стандарты НАТО. Одновременно, американская авиация стала проводить систематические разведывательные полёты у берегов Крыма [15].

Конфронтационные стратегии решения проблем Крыма и Донбасса исключили любой политический компромисс Украины с Россией, ДНР и ЛНР. Неспособность и нежелание политических элит Украины пойти на политический компромисс с Россией умело превращались «коллективным западом» в антироссийский «триггер», рычаг трансформации Украины в антироссийский плацдарм. Идея «возврата территорий» с помощью вступления в НАТО использовалась США и Великобританией для введения в заблуждение политических элит Украины и украинского общества. Евроатлантический «центр силы» последовательно втягивал Украину в военно-политический конфликт с Россией, не рассматривая Украину как свою «природную» территорию. В условиях кризиса однополярного мира «украинский лимитроф» интересен для США, Великобритании и их союзников только как действенный «рычаг» борьбы с Россией и фокусировки так называемой «российской угрозы» для ЕС, ведущие государства которого не заинтересованы в конфликте с Россией. Для России защита Крыма и Донбасса стала экзистенциальной задачей, связанной с сохранением Российской цивилизации и перспектив её развития. Отсюда – вынужденный перевод вопросов демилитаризации и денацификации Украины в плоскость военной операции, дипломатические альтернативы которой были заложены в нейтральном статусе Украины и в Минских соглашениях. Находясь под внешним управлением и внутренним контролем националистических сил, власти Украины проигнорировали дипломатические методы выхода из кризиса.

Список литературы

1. Юрченко С.В. В родную гавань: «Крымская весна» и воссоединение Крыма с Россией // Воссоединение Крыма с Россией: исторические и юридические основания: коллективная монография. Симферополь, 2021. С. 114–132.

2. Бабенко В.Н. Украина и НАТО: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 3. С. 101–116.
3. Аксененко С.И. Украинский национализм. Кризис или распад государства? М., 2016.
4. Москальчук Е.И., Касабуцкая М.С. Ирредентизм в этнополитическом пространстве российско-украинских отношений // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2018. № 12. С. 82–89.
5. Кремнев П.П. Вооруженный конфликт на юго-востоке Украины: правовая квалификация и последствия // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23, № 3. С. 394–412.
6. Соловьев Э. Минские соглашения: проблемы имплементации // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 4. С. 11–23.
7. Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины. Закон Украины от 15 апреля 2014 года № 1207-VII. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31540279
8. На Украине утвердили план по реализации стратегии «деокупации» Крыма. URL: <https://ria.ru/20210929/deokkupatsiya-1752311341.html>
9. Парламент Украины закрепил в Конституции курс на членство в ЕС и НАТО. URL: <https://www.interfax.ru/world/649595>
10. Разведывательный налет: США усилили слежку за Крымом. URL: <https://eas-daily.com/ru/news/2018/12/17/razvedyvatelnyy-nalet-ssha-usilili-slezhku-za-krymom>

Е.М. Горюшина

НАРРАТИВ О ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье нарратив понимается в контексте дискурсивного институционализма В. Шмидт. Проводится краткий анализ противоположного нарратива о «демократическом маяке», выстроенного в политической коммуникации между Грузией и США в постсоветский период. На этом фоне в российско-грузинских отношениях ещё доминирует повествование о войне, которое, с одной стороны, основано на вооруженных конфликтах начала 1990-х гг. (Южная Осетия, Абхазия), закрепляется в 2008 г., а в 2013 г. находит юридическое отражение в «Хартии свободы». Закон запрещает использование советской и фашистской символики на территории Грузии, тем самым способствуя разделению памяти о войне 1941–1945 гг. на два нарратива, используемых в государственных целях.

Ключевые слова: нарратив, война, Россия, Грузия, историческая память

E.M. Goryushina

WAR NARRATIVE IN MODERN RUSSIAN-GEORGIAN RELATIONS

The article reviews the narrative in the context of discursive institutionalism of V. Schmidt. A brief analysis of the opposite narrative on the “democratic beacon”, built in the political communication between Georgia and the United States in the post-Soviet period, was made. On the background, Russian-Georgian relations are still dominated by the war narrative, which, on the one hand, is based on the armed conflicts of the early 1990s (South Ossetia, Abkhazia), is fixed in 2008, and in 2013 is legally reflected in the “Freedom Charter” of Georgia. The law prohibits the use of Soviet and fascist symbols on the territory of Georgia, thereby contributing to the sharing of the memory of the war of 1941–1945 into two narratives used for state purposes.

Key-words: narrative, war, Russia, Georgia, historical memory.

Научный сотрудник Института исследований войны и мира им. Арнольда А. Зальцмана Колумбийского университета США Л. Митчелл в 2011 г. писал,

что в современной истории Грузии доминируют конкурирующие нарративы [1, с. 87]. Однако ученый имел в виду вовсе не очевидные нарративы в политическом дискурсе между Грузией и Россией, а повествования, связанные с внешнеполитической деятельностью США.

Грузия и Соединенные Штаты Америки поддерживают крепкие отношения с середины 1990-х годов, когда бывший министр иностранных дел СССР, а затем президент Грузии Э. Шеварнадзе и президент США Б. Клинтон подписали договор о двусторонних отношениях и инвестициях (7 марта 1994 г.). В последние годы эти отношения стали более тесными благодаря нарративу, где Грузия представлена как «демократический маяк» и ключевая стратегическая страна на Южном Кавказе, «освободившаяся» от советского наследия. Американские исследователи справедливо отмечают, что правительство их страны дало возможность Грузии усилить «ошибочный нарратив, изображающий республику как процветающую демократию и маяк свободы» [2, с. 446]. Данный тезис аргументирован тем, что порядок приоритетов правительства М. Саакашвили был неверно выстроен, поскольку государственное строительство стало центральным элементом осуществляемых в то время реформ, тогда как демократия и свободы человека отодвигались на второй план.

Поэтому обозначенный нарратив уступил место альтернативному повествованию, где в течение девяти лет Грузией управлял «импульсивный лидер с авторитарными наклонностями, который был слишком близок к администрации Буша» [1, с. 87]. Митчелл уточняет, что, хотя в обоих нарративах присутствует доля правды, они все же были лишены каких-либо оттенков серого. Американский ученый критически относится к малоэффективным политическим решениям в двусторонних отношениях Грузии и США, призывая рассматривать политику своей страны в адрес южнокавказского государства более трезво, опираясь на действия, а не на конкурирующие нарративы. Подобный ракурс оказывается непривычным для отечественной исторической науки и позволяет иначе взглянуть на конструирование и дальнейшее использование нарративов в междисциплинарном срезе.

В данной статье нарратив рассматривается в рамках дискурсивного институционализма в политической науке [2, с. 304], позволяющего выделить идеологическую и дискурсивную власть, а также определить их отличительные признаки.

Нарратив о войне в современных российско-грузинских отношениях восходит не только к геополитической конкуренции с США на Южном Кавказе после распада СССР, но к затяжным конфликтам вокруг Абхазии и Южной Осетии. В результате этих конфликтов абхазское и южноосетинское общества были изолированы от Грузии. Оба региона уже тридцать лет не контролируются. Дефицит повседневной (официальной) коммуникации, ограниченные возможности для общения между людьми и почти полное отсутствие политического диалога привели к тому, что грузины и жители Абхазии и Южной Осетии отдалились друг от друга. Следовательно, память о мирном сосуществовании, предшествовавшем

1990-м гг., постепенно угасла, в то время как противоположные и более радикальные нарративы о природе их конфликтов подпитывают публичный дискурс во всех трех обществах.

Как отмечают грузинские исследователи Н. Чанкветадзе и К. Мурусидзе, конфликт вокруг Южной Осетии был реактуализирован после грузино-российской «пятидневной войны» 2008 г., за которой последовало признание Москвой обоих отколовшихся регионов в качестве независимых государств. Это радикализовало нарративы в Грузии и усилило политический компонент общественно-политического дискурса. Правительство тогдашнего президента М. Саакашвили уделяло больше внимания деструктивной роли России в затягивании конфликтов. В то же время многие грузины критиковали неспособность его правительства предотвратить войну [3].

В результате фреймирования каждого конфликта были сконструированы радикальные нарративы о первопричинах конфликтов и войны с Россией. В действительности, радикальные нарративы усилили упрощенный нарратив об отсутствии свободы действий у абхазов и южных осетин, нивелировав тем самым их способность действовать независимо (от Москвы). Грузинские исследователи подчеркивают, что такой редуцированный подход упускает из виду реальность того, как отколовшиеся регионы все больше дистанцируются не только от остальной части Грузии, но и друг от друга.

Примечательно, что в современном грузинском общественном дискурсе население Абхазии и Южной Осетии изображается братскими народами, насильственно выведенными из состава Грузии. Нарратив о братско-сестринских отношениях между народами основан на представлении о том, что до 1990-х гг. грузины и абхазы, а также югоосетины жили в согласии. Более того, до конфликта 1991 г. около 100 тыс. осетин проживало в других регионах Грузии, а 65 тыс. чел. – в Цхинвальском районе. С другой стороны, они воспринимаются как «неблагодарные» по отношению к грузинам [3]. «Хотя это и упрощает образ абхазов и югоосетин, но [все же] отчасти признает свободу их действий, поскольку они способны отвергнуть предложения Грузии» [3].

Последующие изменения основных повествовательных линий в Грузии детально не отражены в работе Н. Чанкветадзе и К. Мурусидзе. Оба исследователя заключают, что в 2013 г. нарратив о войне как таковой сменился повествованием о свободе действий абхазов и южных осетин. Тогда премьер-министр Б. Иванишвили заявил о готовности «к прямому диалогу с нашими абхазскими и осетинскими братьями» [4].

Важным выводом ученых выступает тезис о появлении в Грузии нарратива о виктимизации грузин. В частности, он построен на недовольстве по поводу так называемой «бордеризации» [5] и угасающими надеждами внутренне перемещенных лиц на возможность вернуться домой (в Абхазию) [6, с. 591]. Очевидно, что в таком случае раз жертвами являются грузины, то вероятными виновниками выступают российские власти, а вовсе не абхазы и югоосетины. Радикализация нарративов о виктимизации Грузии только укрепляет социальные границы, разделяющие грузинское, абхазское и южноосетинское общества.

Если взглянуть на этот нарратив с другой стороны, то обнаруживается, что в дискурсе российской власти по отношению к Кавказу исключен этнический компонент, поскольку действия России базируются на национально-государственных интересах: «...русские не рассматриваются как значимая социальная группа для проведения кавказской политики России. Следовательно, даже апелляция к советскому наследию будет исключать этот нарратив» [7, с. 76].

Однако именно советское прошлое по-прежнему является той частью мемориального пространства современной Грузии, где происходит битва за прошлое и отвержение всего связанного с СССР. Это нашло отражение в принятой в 2013 г. «Хартии свободы» [8], запрещающей использование в общественных местах советской и фашистской символики. Также «Хартия» (включившая два законопроекта «О люстрации» и «Акт патриота») ограничивает принятие на государственную службу должностных лиц компартии, комсомола, работников спецслужб советского периода. Следствием «Хартии свободы» стала кампания по переименованию различных мемориальных объектов, имеющих отношение к СССР, поскольку закон не допускает использование в географических названиях имен советских и коммунистических деятелей и иных отсылок к коммунистической идеологии. В результате мемориальное пространство Грузии было подвержено значительной трансформации, где «память о Великой Отечественной войне с помощью политических инструментов трансформировались в память о Второй мировой войне в целях углубления ассоциации с Европейским Союзом» [9, с. 491].

Таким образом, «исторические нарративы постсоветского периода стали причиной раскола между бывшими “братскими республиками”» [10, с. 308]. Подобные повествования были необходимы для конструирования мифов, способных консолидировать каждую новую нацию на основе травматичного опыта исторического прошлого в составе СССР. При этом самоидентификация грузинского населения как нации – жертве двух тоталитаризмов (очевидно, имеются в виду СССР и Германия во время и после Великой Отечественной / Второй мировой войны) до сих пор играет ключевую роль, обеспечивающую витальность постсоветской Грузии и внутривосточное единение [10, с. 308].

Статья выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 21-09-43112 в 2022 г.

Список литературы

1. Mitchell L. Georgia's story: competing narratives since the war // *Survival*. 2009. Т. 51. № 4. P. 87–100.
2. Omelicheva M.Y. Between commitment and pragmatism: assessing international influence on human rights practices in Georgia // *Journal of Human Rights*. 2010. Vol. 9. № 4. P. 445–466.
3. Schmidt V.A. Discursive institutionalism: The explanatory power of ideas and discourse // *Annual Review of Political Science*. 2008. Vol. 11. P. 303–326.
4. Chankvetadze N., Murusidze K. Re-examining the Radicalizing Narratives of Georgia's Conflicts. URL: https://carnegieendowment.org/files/05-2021-Chankvetadze_Murusidze_Georgia_Conflicts.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

5. Georgian PM favors dialogue with Abkhazia, 08.08.2013. URL: https://tass.com/russia/698483?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 10.04.2022).

6. Гегелашвили Н.А. Конфликты в Закавказье: старые и новые решения // Россия и Америка в XXI веке. 2017. №. 2. URL: <http://rusus.ru/?act=read&id=566> (дата обращения: 10.04.2022).

7. Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М., 2019.

8. Токарев А.А. Отрицание, встраивание, постепенное забвение: государственные стратегии по отношению к советскому наследию в Грузии, Армении и Азербайджане // Вестник МГИМО–Университета. 2017. №. 5 (56). С. 60–80.

9. Закон Грузии. «Хартия свободы» // Законодательный вестник Грузии, 25.12.2013. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/1381526/4/ru/pdf> (дата обращения: 10.04.2022).

10. Горюшина Е.М. Отвержение советского в современной Грузии: роль памяти о Великой Отечественной войне // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII – XXI вв.: вопросы изучения и музефикации. Материалы III междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2021. С. 489–492.

11. Курилла И.И. Лоскутное одеяло истории, или историческое сообщество в эпоху политизации его академического поля // *Ab Imperio*. 2013. № 2. С. 298–326.

М.А. Сорокина

РАЗВИТИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И БОЛГАРИЕЙ: ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В статье сделана попытка определить перспективы взаимоотношений России и Болгарии в экономической сфере в условиях антироссийской риторики со стороны ЕС. Определены современные тенденции и перспективные направления российско-болгарского сотрудничества в Черноморско-Средиземноморском регионе в контексте сложившейся геополитической ситуации вокруг России.

Ключевые слова: экономика, санкции, энергетика, товароборот, Болгария и Россия, Черноморско-Средиземноморский регион, конфликты в Причерноморье.

M.A. Sorokina

DEVELOPMENT OF TRADE AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND BULGARIA: COOPERATION EXPERIENCE AND CURRENT TRENDS

The article attempts to determine the prospects for relations between Russia and Bulgaria in the economic sphere in the context of anti-Russian rhetoric from the EU. The current trends and promising areas of Russian-Bulgarian cooperation in the Black Sea-Mediterranean region are determined in the context of the current geopolitical situation around Russia.

Key-words: economic, sanctions, energy, trade, Bulgaria and Russia, The Black Sea-Mediterranean Region, conflicts in the Black Sea region.

В последние годы наблюдаются определенные трудности в отношениях между Россией и ведущими мировыми странами, а также с государствами Черноморско-Средиземноморского региона, в частности с Болгарией.

Безусловно, болгарские партнеры демонстрируют заинтересованность в развитии конструктивного взаимодействия [1, с. 111]. Однако, когда речь идет о

крупных стратегических проектах, например «Южный поток», то они не реализуются. Более того, никакой выгоды из-за отказа Болгария не получила и потеряла транзит газа. Фактически, по причине разрыва прошлых отношений и договоренностей с Россией в сфере энергетики, она терпит большие экономические убытки. Президент Болгарии Румен Радев в связи с этим предпринимает всяческие шаги для возобновления диалога между странами. Усиление антироссийской риторики и происходящие на Украине события стали существенным испытанием для российско-болгарских отношений в настоящее время. По словам премьер-министра Болгарии Кирилла Петкова Болгария не может позволить себе поддержать санкции против России в отношении газа и нефти, ведь это крайне негативно отразится на экономике государства [2].

Болгария важный игрок на Балканах, при этом являясь членом ЕС она не в силах выступить против сообщества и в ситуации принятия антироссийских санкций вынуждена согласиться с требованиями Брюсселя. Так 19 марта из интервью министра финансов Болгарии Асена Васильева Болгарскому национальному радио стало известно, что переговоров с «Газпромом» не будет и на европейском уровне будет обсуждаться общий газовый контракт [3]. Как будут развиваться события и к чему это приведет покажет время, а пока можно отметить сохранение зависимости Болгарии и других стран Черноморско-Средиземноморского региона от внешнеполитического курса, продиктованного ведущими странами Евросоюза и НАТО. Подобная зависимость определяется в первую очередь экономическими интересами государства. Так, Болгария занимает одно из первых мест в пересчете на душу населения по перечисленным средствам европейских фондов на развитие страны.

Болгария является членом ЕС и НАТО, но своими корнями, традициями и историей она принадлежит славяно-православной цивилизационной модели. Это значит, что Болгария должна развивать прагматичные отношения не только с Вашингтоном и Брюсселем, но и с Москвой, и Анкарой [4, с. 34]. Для стабильности в Причерноморье перспективным в развитии двусторонних отношений станет сотрудничество Болгарии и России в области культуры, науки и образования, туризма и гуманитарной сферы. Преобладание русофобских настроений в Европе говорит о том, что совместных с Россией проектов в области энергетики явно в ближайшее время ждать не стоит. Можно также спрогнозировать снижение товарооборота и сокращение инвестиций.

На основе данных Федеральной таможенной службы России в 2020 г. товарооборот России с Болгарией уменьшился на 23,62 % по сравнению с 2019 г. и составил 2,5 млрд долл. В 2017 г. данный показатель доходил до 3,4 млрд долл. Российский экспорт в Болгарию представлен такими группами товаров как минеральные продукты (58,63%) (всего объема экспорта России в Болгарию в 2020 г.), машины, оборудование и транспортные средства (10,52%), металлы и изделия из них (15,29%), продукция химической промышленности (5,84%) [5].

В структуре импорта России из Болгарии основная доля поставок пришлась на следующие виды товаров: продукция химической промышленности (27,98%

всего объема импорта России из Болгарии), машины, оборудование и транспортные средства (44,52%), текстиль и обувь (8,81%), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (9,75%), металлы и изделия из них (3,47%). Наибольший прирост импорта России из Болгарии в 2020 г. по сравнению с 2019 г. зафиксирован по следующим группам товаров: суда, лодки и плавучие конструкции – рост на 26939306 долл.; разные пищевые продукты – рост на 3430199 долл.; реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства – рост на 3214278 долл.; электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности – рост на 2618389 долл.; какао и продукты из него – рост на 2530816 долл. [6].

Основные отрасли болгарской экономики-реципиенты российских инвестиций: сфера недвижимости (43,6%), торговля (11,8%), гостиничный и ресторанный бизнес (11,2%), строительство (10,9%). Объем прямых накопленных российских инвестиций в экономику Болгарии на 2017 г. составил 3,25 млрд долл. (в 2016 г. – 41 млн долл.).

Важным механизмом налаживания двусторонних отношений для решения текущих торгово-экономических вопросов должны явиться различные межправительственные, межгосударственные комиссии и ассамблеи по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, участие в которых представителей Российской Федерации в ближайшее время поставлено на паузу. В обстановке конфронтации между Россией и ведущими мировыми державами, усугубившейся в начале текущего года, введение дополнительных санкций, «заморозка» крупных проектов и ряд других негативных экономических факторов ставят на паузу дальнейшее взаимовыгодное развитие российско-болгарских отношений.

Список литературы

1. Валева Т.Э. Болгарский поворот // Мир перемен. 2017. № 1. С. 110–123.
2. Болгария не поддержит санкции против российского газа и нефти. URL: <https://bnr.bg/ru/post/101612480> (дата обращения: 18.03.2021)
3. Асен Василев: Каквото и да поискат американските партньори от нас, решението е на България. URL: <https://bnr.bg/post/101618451/asen-vasilev-kakvoto-i-da-poiskat-amerikanskite-partnyori-ot-nas-reshenieto-e-na-balgaria> (дата обращения: 19.03.2021).
4. Георгиева С.И. Образ России в зеркале болгарской действительности // Образ России в условиях информационной войны конца XX – начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса: Материалы междунар. науч. конф., г. Магнитогорск, 23–25 ноября 2017 г. Магнитогорск, 2017. С. 28–36.
5. Отчёт о внешней торговле между Россией и Болгарией в 2020 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-bolgariey-v-2020-g/> (дата обращения: 20.03.2021).
6. Отчёт о внешней торговле между Россией и Болгарией в 2019 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-bolgariey-v-2019-g/> (дата обращения: 20.03.2021).

Е.В. Маслацева

УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Характер военно-политической обстановки в мире позволяет заключить, что угрозы безопасности Российской Федерации в среднесрочной перспективе носят комплексный характер и предопределяются борьбой мировых центров силы за получение доступа к сырьевым, энергетическим, научно-технологическим, людским и территориальным ресурсам.

Ключевые слова: национальная безопасность, геополитическое положение, военная и экономическая мощь, защита геополитических интересов.

Е.В. Маслацева

УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

The nature of the military-political situation in the world allows us to conclude that the threats to the security of the Russian Federation in the medium term are complex and predetermined by the struggle of the world centers of power for access to raw materials, energy, scientific and technological, human and territorial resources.

Key-words: national security, geopolitical position, military and economic power, protection of geopolitical interests.

Характер военно-политической обстановки в мире позволяет заключить, что угрозы безопасности Российской Федерации носят комплексный характер и предопределяются борьбой мировых центров силы за получение доступа к сырьевым, энергетическим, научно-технологическим, людским и территориальным ресурсам.

В настоящее время для уверенного, спокойного решения вопросов мирной жизни, Россия должна найти убедительные ответы на угрозы в сфере национальной безопасности. На фоне активно идущего переустройства мира появилось множество новых проблем, с которыми реально сталкивается наша страна. Эти угрозы менее предсказуемы, чем прежние, и уровень их опасности в полной мере до конца не осознан. В целом очевидна тенденция к расширению в мире конфликтного пространства и, что крайне опасно, его распространению на зону наших жизненно важных интересов.

Так, весьма значительной остается террористическая угроза, причем существенной подпиткой для террористов, источником их вооружений и полем для практического применения сил остаются локальные конфликты, зачастую на этнической почве, к которой нередко добавляется межконфессиональное противостояние, которое искусственно нагнетается и навязывается миру экстремистами самых разных мастей.

Известно, что силовые методы редко приносят искомый результат, а их последствия подчас становятся страшнее изначальной угрозы.

Значимым направлением международной политики на протяжении десятилетий является разоружение. И наша страна внесла огромный вклад в поддержание стратегической стабильности в мире.

При этом далеко не все в мире смогли уйти от стереотипов блокового мышления и предрассудков, доставшихся нам от эпохи глобальной конфронтации.

Несмотря на то что в мире произошли кардинальные перемены. И это тоже серьезно мешает находить адекватные и солидарные ответы на общие проблемы.

Угрозы национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере проявляются через попытки других государств противодействовать укреплению России как одного из влиятельных центров формирующегося многополярного мира. Это находит свое отражение в действиях, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, в том числе с использованием межэтнических, религиозных и других внутренних противоречий, а также в территориальных притязаниях со ссылками в отдельных случаях на отсутствие четкого договорно-правового оформления государственных границ.

Исходным моментом в оценке уровня угроз в военной сфере для РФ является то, что значение военной силы в системе международных отношений за последнее время значительно увеличилось. Более того, военно-политическая обстановка не исключает возможность возникновения вблизи границ России крупных вооруженных конфликтов, затрагивающих интересы безопасности РФ, или возникновения прямой военной угрозы безопасности РФ.

Можно говорить о том, что в современной международной обстановке существует три типа угроз, нейтрализация которых является в той или иной степени функцией Вооруженных Сил Российской Федерации: внешние, внутренние и трансграничные.

К основным внешним угрозам следует отнести:

- развертывание группировок сил и средств, имеющих целью военное нападение на РФ или ее союзников;
- территориальные претензии к Российской Федерации, угроза политического или силового отторжения от РФ отдельных территорий;
- осуществление государствами или общественно-политическими структурами программ по созданию оружия массового поражения;
- вмешательство во внутренние дела Российской Федерации со стороны иностранных государств или организаций, поддерживаемых иностранными государствами;
- демонстрация военной силы вблизи границ РФ, проведение учений с провокационными целями;
- наличие вблизи границ Российской Федерации или границ ее союзников очагов вооруженных конфликтов, угрожающих их безопасности;
- расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности Российской Федерации или ее союзников;
- дискриминация, подавление прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации в зарубежных государствах;

К основным внутренним угрозам следует отнести:

- создание, оснащение, подготовка и функционирование незаконных вооруженных формирований;

В России сегодня складывается новое отношение государства к вопросам обеспечения национальной безопасности, государство перешло к новой системе

обеспечения безопасности нации. В частности, приоритетом является защита интересов личности, развитие демократии. Наиболее уязвим сегодня внутренний уровень национальной безопасности.

Необходима координируемая федеральным Центром политика регионального развития, учитывающая национальные цели, интересы и региональные особенности развития (ресурсные, производственные, культурологические, политические, экологические, геополитические и др.).

Наша страна вышла к настоящему времени на иной качественный уровень позиционирования себя на международной арене и укрепления своего суверенитета и территориальной целостности в рамках национальной безопасности. Но несмотря на оптимистичные прогнозы и проводимую политику, направленную на улучшение позиций России на мировой арене, необходимо приложить немало сил государства и субъектов безопасности (общества), которыми являемся и мы, граждане своей страны, для создания эффективной системы обеспечения национальной безопасности и укрепления территориальной целостности нашего государства.

Список литературы

1. Шаваев А.К. Национальная безопасность как сложная комплексная система, ее сущность и структура // Безопасность. 2009. № 1–2. С. 181.
2. Фёдоров В.П. Концепция национальной безопасности как инструмент укрепления территориальной целостности и национальной безопасности России // Право и политика. 2007. № 8. С. 42.
3. Юрченко И.В. Национальная и региональная безопасность в политической стратегии современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ставрополь, 2009.
4. Концепция национальной безопасности РФ // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.
5. Фомин А.А. Юридическая безопасность государства как особого субъекта российского права // Право и политика. 2005. № 6. С. 74.

Р.С. Выстороп

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА ЮГОСЛАВИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной статье анализируются последствия распада Югославии с точки зрения его влияния на геополитику Юго-Восточной Европы. За основу были взяты региональное и глобальное измерения. Основная суть исследования заключается в том, что установить в какой степени дезинтеграционные процессы, протекавшие на Балканах с 1991–2001 гг., оказали влияние на архитектуру не только европейской, но и международной безопасности, вновь сделав актуальным противостояние по линии «Запад–Восток».

Ключевые слова: Балканы, Черноморско-Средиземноморский регион международная безопасность, терроризм, наркотрафик, торговля оружием, гуманитарный кризис, НАТО, ЕС, Россия, США.

INTERNATIONAL CONSEQUENCES OF THE DISINTEGRATION OF
YUGOSLAVIA: THE GEOPOLITICAL ASPECT

The consequences of the collapse of Yugoslavia in terms of its impact on the geopolitics of South-Eastern Europe are analyzed in this article. The regional and global dimensions were taken as a basis. The main point of the study is to establish how the disintegration processes that took place in the Balkans from 1991–2001 influenced the architecture of not only European, but also international security, once again making the confrontation along the “West-East” line acute.

Key-words: Balkans, Black Sea-Mediterranean region, international security, terrorism, drug trafficking, weapon trading, humanitarian crisis, NATO, EU, Russia, USA.

Процесс распада Югославии не был относительно уникальным в международных отношениях в 1990-х гг. Государства объединялись и распадались на протяжении всего XX в. Достаточно вспомнить, например, о существовании Объединенной Арабской Республики, распавшейся в 1971 г. и просуществовавшей 13 лет. К тому же весь мир был потрясен распадом СССР в большей степени нежели чем балканскими противоречиями [1, с. 459]. Однако по степени своего влияния на соотношение сил в мировой политике распад Югославии имел поистине трагические последствия, которые целесообразно разделить на региональные и глобальные.

Региональные последствия начали проявляться сразу же после распада государства. Вспыхнувшие ожесточенные войны, этнические чистки, наплыв исламских экстремистов из Саудовской Аравии, ОАЭ и Афганистана – все это моментально отразилось на архитектуре безопасности региона [2, с. 37]. Некоторые из этих последствий препятствуют нормализации жизни на Балканах до сих пор. Прежде всего Балканы стали самым большим нелегальным рынком вооружений в Европе. Огромные запасы взрывчатых веществ и огнестрельного оружия, оставшиеся после балканских войн 1990-х гг., активно поставляются в страны ЕС. Основными потребителями являются различные представители преступных и террористических группировок. Так, при осуществлении серийных нападений в Париже в 2015 г. террористы пользовались вооружением, приобретенным в Албании. Также ухудшилась ситуация с контролем наркотрафика. На протяжении 1990-х гг. некоторые полевые командиры зарабатывали контрабандой наркотиков, а после окончания боевых действий, лица, занимающиеся подобной деятельностью, не пожелали отказаться от своих доходов. Политические и криминальные элиты, в силу отсутствия должного за ними контроля и противодействия им, тесно переплелись, особенно в регионах Сербии, претендующих на независимость [3, с. 236]. Так, через территорию Косово проходят около 75% поставок героина, и это в совокупности с трафиком вооружений представляет собой одно из наиболее тяжелых последствий распада Югославии для региона.

Региональные последствия были катастрофическими. Однако международные последствия в глобальном измерении носили еще более существенный характер. Данные последствия коснулись прежде всего акторов мировой политики – США, ЕС и РФ, которая пусть и не следовала в фарватере западноевропейской политики, но с конца 1990-х гг. постепенно начинала делать первые робкие шаги

по выстраиванию собственной внешней политики. Для США, как формального гегемона, Югославский кризис был отличной возможностью продемонстрировать свои навыки по урегулированию региональных проблем. Успешная операция «Буря в пустыне», принудившая Саддама Хусейна вывести войска из Кувейта, была поддержана мировой общественностью. Соответственно мир ждал от США эффективных мер для восстановления мира в затянувшейся войне в Боснии и Герцеговине. Однако Дейтонские соглашения пусть и привели к прекращению огня, но не смогли стать базой для заключения подобных договоров между другими республиками бывшей Югославии и предотвратить новые конфликты в регионе. Неспособность «мировой империи» урегулировать конфликт заключалась в нежелании искать компромиссы между враждующими сторонами. Истинная цель заключалась в максимальном ослаблении Сербии для того, чтобы на Балканах не осталось наиболее сильного государства, поскольку регионом с такой политической конфигурацией достаточно легко управлять с помощью концепции «тлеющих угольков». Разжигая или косвенно угрожая разжечь новый конфликт, США имели бы неограниченное влияние в «мягком подбрюшье Европы». Возможность продемонстрировать миру свое стремление к всеобщему благу и подлинным идеалам демократии США решили променять на приверженность политике «разделяй и властвуй». Престиж США на международной арене еще сильнее упал, когда НАТО без санкции ООН начало бомбардировки Белграда, что создало опасный прецедент по легитимизации военной агрессии в обход существующих международных правовых норм, регулировавших взаимоотношения между странами после Второй мировой войны [4, с. 58]. Данные действия США стали первыми шагами на пути к несанкционированному военному вмешательству в дела государств Ближнего Востока в начале XXI в. Также формально открылась дорога расширению НАТО на восток, поскольку, приняв участие в конфликте Сербии и Косово, НАТО вышло за пределы своей компетенции, что также внесло дестабилизацию не только в регионе, но и создало предпосылки для существующего напряжения по линии Россия-НАТО.

Для ЕС распад Югославии обернулся почти 1 млн беженцев, проблемами с преступностью и исламским экстремизмом, а также демонстрацией неспособности европейских институтов безопасности таких как ОБСЕ и НАТО адекватно реагировать на подобные вызовы, что привело к появлению призывов о создании европейской армии [5, с. 28]. Позже состав ЕС пополнился 2 новыми членами из состава бывшей Югославии – Хорватией и Словенией, однако выгоды ЕС от вступления данных стран крайне сомнительны.

Для России последствия распада Югославии оказались двойственны. По мнению А. В. Фролова, сотрудника ИМЭМО РАН, одной стороны, Россия продемонстрировала свою неспособность в полной мере защитить своих союзников сербов от интервенции НАТО, но с другой стороны, именно Россия предотвратила развал уже Сербии, проведя блестящую операцию по захвату аэропорта в г. Приштине. [6, с. 46]. Так, Россия продемонстрировала всему миру, что она возвращается в глобальную политику. Также в период балканских войн у политической элиты появилось понимание того, что США не собираются выстраивать с

Россией полноценное партнерство, соответственно российская внешняя политика начала трансформироваться и постепенно избавляться от застойных тенденций. Однако самостоятельная внешняя политика невозможна без современных систем вооружений. Учтя югославский опыт, политическая и военная элита страны инициировали переоснащение российской армии, что дало свои результаты уже во время Второй чеченской войны.

Таким образом, распад Югославии, имея в своей основе комплексные причины, основанные на экономических, политических, культурных и социальных противоречиях, оказал существенное влияние на современную конфигурацию международных отношений как в рамках региона, так и в глобальном масштабе.

Список литературы

1. Енчев В. Югославия. Последняя балканская империя. София, 2005.
2. Нюнько Ю.О. Исторические и философские аспекты распада Югославии // Актуальные вопросы гуманитарного образования. Межвуз. сб. науч. трудов. Рязань, 2014.
3. Виданич Р. О происхождении сепаратизма и терроризма в Косово. Белград, 2000.
4. Михалёва Н.В., Гошочков З.А. Причины и последствия распада Югославии // Научное обеспечение агропромышленного комплекса Сб. статей по материалам X Всерос. конф. молодых ученых, посвященной 120-летию И.С. Косенко. Краснодар, 2017.
5. Романенко С.А. Постъюгославское пространство 1992–2014 гг.: проблемы национального самоопределения и непризнанных государств // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1.
6. Фролов А. В Югославский кризис: уроки и последствия // Международная жизнь. 2019. № 4.

Карине А. Галстян

ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ НАТО В АФГАНИСТАНЕ (2001–2021)

После террористического акта в США 11 сентября 2001 г. по инициативе США была начата операция «Несокрушимая свобода», целью которой была борьба против терроризма. В статье проанализирован ход военных действий НАТО в Афганистане, выявлены последствия вывода войск НАТО из территории страны.

Ключевые слова: Афганистан, НАТО, талибы, военные действия

K.A. Galstyan

NATO MILITARY OPERATION IN AFGHANISTAN

After the terrorist act in the United States on September 11, 2001, Operation Enduring Freedom was launched on the initiative of the United States, the purpose of which was the fight against terrorism. The article analyzes the course of NATO military operations in Afghanistan, reveals the consequences of the withdrawal of NATO troops from the country.

Key words: Afghanistan, NATO, Taliban, military operations

11 сентября 2001 г. произошло одно из самых катастрофических событий XXI века. В США произошел террористический акт. Погибли не только граждане США, но ещё 92 государств. В Нью-Йорке жертвами теракта стали 2 753 чел., в

Пентагоне – 184 чел., 40 чел. разбились в Пенсильвании. Ответственность за взрывы была возложена на «Аль-Каиду» во главе с Усамой бен Ладеном, который нашел убежище у талибов. Отказ последних выдать Ладена привел к тому, что началась война [1].

В сентябре–октябре 2001 г. была создана антитеррористическая коалиция во главе с США. 8 октября началась операция «Несокрушимая свобода». США и Великобританией были нанесены удары по всем позициям талибов и «Аль-Каиды». В результате в ноябре 2001 г. талибы покинули центральные районы Афганистана (Кабул, Кандагар) и переместились на южные и юго-восточные провинции страны. Ситуация продолжалась оставаться напряженной [2].

До 2003 г. были созданы специальные органы, главной задачей которых было содействие восстановительным процессам и защита иностранных и правительственных зданий в Афганистане. Речь идет о Провинциальных восстановительных командах (ПВК) и Международных силах содействия безопасности (МССБ). Изначально они контролировали лишь небольшие территории (в основном центральные районы), но затем по решению ООН и НАТО началось их расширение на другие регионы [3].

В 2014 г. между Афганистаном и США было подписано двустороннее соглашение, согласно которому в стране остались около 13 тыс. солдат НАТО (11 тыс. американских) в целях оказания поддержки афганской полиции в помощи в борьбе с антиправительственными группировками [4].

В 2017 г. после прихода ко власти Д. Трампа, произошли изменения в афганской стратегии США. Новый президент дал понять, что американские войска находятся на территории Афганистана не вечно и призывал двум противостоящим силам разрешить ситуацию мирным путем. Уже в феврале 2018 г. президент Афганистана Ашраф Гани заявил о готовности признать радикальное движение политической партией и выпустить из тюрем талибов. Радикалам предлагалось принять участие в выборах различного уровня и стать полноценной политической силой. Было заявлено о начале новой главы афганской войны. Она включает в себя следующие этапы: переговоры, перемирие, интеграция. Конечной целью является подписание некоего мирного соглашения между конфликтующими сторонами и последующая интеграция «Талибана» в политическую жизнь Афганистана. Однако ввиду нарушений со стороны талибов, прийти к компромиссу не удалось [5].

В 2021 г. президент США Джо Байден заявил, что до 11 сентября этого года все американские войска будут выведены из Афганистана. «Я пришел к выводу о том, что пора завершить самую долгую войну в нашей истории, и настало время американским войскам вернуться домой», – сказал Байден в телеобращении к нации. При этом президент США пригрозил ответить талибам всеми имеющимися средствами в случае атаки на американских военных во время вывода войск из страны: «Талибан должен знать: если они атакуют нас во время нашего вывода, мы будем защищаться и защищать наших партнеров всеми доступными нам средствами» [6].

2 июля 2021 г. были выведены итальянские и немецкие войска из Афганистана. Начался вывод войск НАТО. 15 августа талибы зашли в Кабул и заняли город, не встречая существенных противостояний. В ночь с 30 на 31 августа последний американский солдат покинул Афганистан. Талибы устроили по этому поводу ночной фейерверк над территорией Кабульского международного аэропорта [7].

Итак, могут ли талибы создать всеафганское правительство? По оценкам Восканян В.С., заведующего кафедрой иранистики факультета востоковедения Ереванского университета, если талибы придут к полной власти в Афганистане, они столкнутся со следующими проблемами [8]:

1. Проблема становления всеафганского правительства. Если Талибан хочет получить полную власть в Афганистане, он должен стать правительством не только одной секты, но и всей этнической секты в Афганистане, что довольно сложно, учитывая проблемы как межэтнического и религиозного, так и идеологического характера.

2. Дефицит кадров. Дело в том, что среди талибов нет соответствующего персонала, который сможет управлять, например, районом Герата. В этом случае талибам придется обратиться за помощью к местным кадрам, которые через некоторое время могут выйти из их под-контроля.

Таким образом, война НАТО в Афганистане была проведена с целью борьбы против террористов. По итогам, в мае 2021 г. президентом США Байде-ном было принято решение эвакуировать войска из территории Афганистана. Талибы же 15 августа заняли Кабул, после чего в стране начались беспорядки. 30 августа последний американский военный выехал из государства. Считается, что блок НАТО проиграл эту войну.

Список литературы

1. Торкунов А.В. История международных отношений. М., 2012.
2. Военная операция США в Афганистане (2001–2014). URL: <https://ria.ru/20161007/1478587232.html> (дата обращения: 02.09.2021).
3. Основные направления деятельности НАТО в Афганистане. URL: <https://afghanistan.ru/doc/5320.html> (дата обращения: 03.09.2021).
4. История присутствия иностранных войск в Афганистане. URL: <https://ria.ru/20210831/afghanistan-1747822147.html> (дата обращения: 03.09.2021).
5. Соглашение США с талибами: признание провала американцев в Афганистане? URL: <https://tass.ru/opinions/7876949> (дата обращения: 04.09.2021)
6. Война в Афганистане: Байден заявил о выводе американских войск до 11 сентября. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-56740974> (дата обращения: 04.09.2021).
7. США вывели войска из Афганистана. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12257535> (дата обращения: 04.09.2021).
8. Каких опасностей ожидать от событий в Афганистане? Вардан Восканян уточняет. URL: <https://168.am/2021/08/18/1565465.html> (дата обращения: 05.09.2021).

Галстян Карен А.

**ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА В ЛИВИИ
(2011–2021)**

В статье рассматриваются ливийский конфликт и перспективы его урегулирования. Проанализированы позиции России и Турции в разрешении ситуации. Выделена роль Форума ливийского политического диалога в конфликте.

Ключевые слова: переговоры, кризис, урегулирование конфликта, региональная безопасность.

Galstyan K.A.

**PROSPECTS FOR THE SETTLEMENT OF THE CONFLICT IN LIBYA
(2011 – 2021)**

The article deals with the Libyan conflict and the prospects for its settlement. The positions of Russia and Turkey in resolving the situation are analyzed. The role of the Libyan Political Dialogue Forum in the conflict is highlighted.

Key words: negotiations, crisis, conflict resolution, regional security.

В феврале 2011 г. в Ливии произошли военные столкновения, в результате которых был свергнут и убит Муаммар Каддафи. Страна распалась на ряд самостоятельных государственных образований.

Вплоть до октября 2020 г. в стране были беспорядки. Противоборствующими сторонами в ливийском конфликте являлись Правительство национального согласия во главе с Фаиз Сараджом и Ливийская национальная армия под руководством Халифы Хафтара [1].

Урегулирование ливийского конфликта является сложным процессом многосторонних переговоров в рамках Форума политического диалога в Ливии, который функционирует с 2019 г. Активными участниками межливийского диалога стали Россия и Турция [2].

Россия прилагает максимум усилий для мирного урегулирования конфликта. Как говорил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров во время своего выступления перед российскими журналистами 27 апреля 2020 г., Россия сделает все, чтобы найти выход из сложившейся ситуации: «Постараемся поискать пути для выхода из этого кризиса, который обрушился на это государство после того, как натовцы, нарушив резолюцию СБ ООН, в 2011 г. разбомбили Ливию и сломали это государство ради своей эгоистической цели сменить режим Муамара Каддафи» [3]. Министр выразил беспокойство по поводу террористической деятельности на территории Ливии. Террористы двигаются к югу, что становится прямой угрозой национальной безопасности РФ и других стран.

В апреле 2020 г. в арабских СМИ появились обвинения против России, что якобы она вмешалась в межливийское вооруженное противостояние, открыто встав на сторону одного из его участников. МИД РФ прокомментировал ситуацию и подтвердил, что «в данный момент в Ливии нет ни одного российского военнослужащего, Россия не имеет никаких намерений поддерживать какую-либо из конфликтующих сторон».

Наиболее активным игроком в ливийском конфликте является Турция. Она имеет свои геополитические и геоэкономические интересы в этом государстве. Ливия представляется Турции в качестве «вороты в Африку». Она служит ключевым плацдармом для продвижения Турции вглубь африканского континента. Дело в том, что турецкое государство стремится стать страной, которая будет независима от своих западных партнеров. Турецкий лидер считает, что добиться этой цели можно посредством развития отношений с африканскими государствами. Доказательством является открытие турецкой военной базы в Сомали в сентябре 2016 г. Для обеспечения ее безопасности из Турции в Сомали был отправлен военный контингент. Впоследствии, Турция стала шестым государством, которое имеет военное присутствие на африканском континенте после США, Великобритании, Франции, Японии и ОАЭ. Турция преследует и другие цели в Африке, главной из которых является освоение природных ресурсов и богатств в регионе [4].

Деятельность Турции в Ливии привела к осложнению ситуации. Из-за подписания президентом Р. Эрдоганом и главой ПНС Сараджом в ноябре 2019 г. меморандума о сотрудничестве в военной сфере и о взаимопонимании по морским зонам гражданская война приобрела новый и более острый характер [5]. Для смягчения ситуации по инициативе России 8 января 2020 г. состоялись переговоры между президентом РФ В. Путиным и президентом Турции Р. Эрдоганом, по итогам которых было принято решение о призыве межливийских сторон к прекращению огня с 00:00 12 января 2020 г. с целью организации диалога между сторонами конфликта. Данный шаг был важным также для проведения предстоящей конференции в Берлине, запланированной на 19 января 2020 г. Хафтар и Сарадж были приглашены в российскую столицу 12 января. Участников межливийских переговоров принимали в Москве министр иностранных дел РФ С. Лавров и его турецкий коллега М. Чавушоглы. В результате, когда все было готово для переговоров, стало известно, что Халиф Хафтар внезапно уехал из Москвы, так и ничего не подписав. Свой отъезд он объяснил нежеланием видеть Турцию в качестве посредника в урегулировании Ливийского конфликта [6].

Эксперты и политики возлагали большие надежды на Ливийские переговоры в Берлине, которые проходили 19 января 2020 г. Но стороны конфликта были не намерены идти на компромисс. Объявленное на время переговоров перемирие активно использовалось обеими сторонами и их союзниками для укрепления своих позиций и переброски новых сил. Переговоры длились около 5 часов. Конфликтующие стороны находились в Берлине, но не принимали участие на конференции. По итогам встречи предусматривалось создать Политический форум, который будет способным заниматься нормализацией политической жизни в Ливии [7].

3 февраля 2020 г. в Женеве начала свою работу совместная военная комиссия ливийских сторон, в состав которой вошли пять старших офицеров со стороны правительства национального единства и пять старших офицеров из ливийской национальной армии. Цель работы военного комитета было проведение пе-

реговоров о полноценном прекращении огня в Ливии. Однако перемирие в Ливии так и не соблюдалось. Обе стороны конфликта заявляли, что противники получают помощь оружием и живой силой извне. Ливийскую национальную армию открыто поддерживал Египет, который в середине июля 2020 г. заявил, что имеет все права для введения своих войск на территорию Ливии, поскольку события, которые происходят там, являются прямой угрозой национальной безопасности Египта. Подобное право Египта было подкреплено официальным приглашением Палатой представителей Ливии (Х. Хафтар) египетских войск для противостояния Турции [8].

Ситуация в Ливии улучшилась благодаря усилиям совместной ливийской военной комиссии. Стороны согласились на прекращение огня от 23 октября 2020 г. С этого момента начинается процесс мирного урегулирования конфликта. Уже в марте 2021 г. было создано Правительство национального единства, в рамках которого были объединены 2 противоборствующие стороны конфликта. Были избраны временные руководители правительства до проведения выборов, которые изначально намечались на декабрь 2021 г., однако из-за споров об основополагающих правилах, регулирующих выборы, в том числе о графике голосования, приемлемости основных кандидатов и возможных полномочиях следующего президента и парламента выборы были перенесены на 2022 г. [9].

24 января 2022 г. Премьер-министр Правительства национального единства (ПНЕ) Ливии Абдель Хамид Дбейба выступил за скорейшую разработку и принятие новой Конституции, которая даст возможность бывшей Джамахирии запустить отложенные ранее всеобщие выборы. Его высказывания прозвучали на фоне призывов к обновлению состава ПНЕ и к отставке его председателя. В экспертной среде отмечают, что североафриканская страна вошла в стадию конфликта элит, которым необходимо сохранить собственные позиции. Также считается, что проведение выборов не выгодно многим внешним игрокам, которые постоянно становятся преградой на пути к урегулированию конфликта [10].

Таким образом, Ливийская гражданская война началась в 2011 г. и является незавершенной по сей день. Предпосылки для урегулирования конфликта сложились, однако внутренние проблемы между элитами, а также вмешательство извне создают препятствие для окончательного разрешения кризиса.

Список литературы

1. Внутренний конфликт в Ливии. URL: <https://ria.ru/20190405/1552421476.html> (дата обращения: 11.03.2022).
2. Ливийский форум политического диалога. URL: <https://fznc.ru> (дата образования: 11.03.2022).
3. Лавров: Россия продолжит помогать урегулированию конфликта в Ливии. URL: <https://rg.ru/2020/04/27/lavrov-rossiia-prodolzhit-pomogat-uregulirovaniu-konflikta-v-livii.html> (дата обращения: 11.03.2022).
4. Ганиев Т.А. Карякин В.В. Гражданская война в Ливии: ход боевых действий и интересы сторон // Электронный научный журнал «Архонт». 2020. № 3. С. 14–41.
5. Турция утвердила меморандум с ПНС Ливии по военному сотрудничеству. URL: <https://news.myseldon.com/ru> (дата обращения: 10.03.2022).

6. Главы МИД России и Турции сообщили, что по итогам внутриливийских переговоров стороны договорились соблюдать перемирие. URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 11.03.2022).
7. Подведены итоги международной конференции по Ливии в Берлине. URL: <https://www.1tv.ru/news> (дата обращения: 10.03.2022).
8. В Женеве начала работу совместная ливийская военная комиссия. URL: <https://ria.ru/20200203/1564203481.html> (дата обращения: 09.03.2022).
9. Стороны конфликта в Ливии подписали соглашение о прекращении огня. URL: <https://ria.ru/20201023/liviya-1581170477.html> (дата обращения: 11.03.2022).
10. Выборам в Ливии мешает внутриэлитный конфликт. URL: <https://centrasia.org/news> (дата обращения: 11.03.2022).

СЕКЦИЯ 5. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА И ВОСПИТАНИЕ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА

О.В. Ратушняк

РОЛЬ МУЗЕЯ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ВОСПИТАНИИ ПАТРИОТИЗМА

В статье анализируется роль музеев в сохранении исторической памяти и воспитании патриотизма. Исследование ведется путем анализа деятельности Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., музей, историческая память, патриотизм.

O.V. Ratushnyak

THE ROLE OF THE MUSEUM IN PRESERVING HISTORICAL MEMORY AND EDUCATION OF PATRIOTISM

The article analyzes the role of museums in the preservation of historical memory and patriotic education. The study is conducted by analyzing the activities of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after. E.D. Felitsyn.

Key-words: Great Patriotic War of 1941–1945, museum, historical memory, patriotism.

События последнего времени со всей наглядностью подтвердили, что уход государств с их национальными интересами с международной арены дело далекого будущего. Несмотря на развитие множества различных связей, каналов и участников взаимодействия транснационального характера, все они в той или иной мере зависят от действия (или бездействия) государств, их правительств. Не вдаваясь в методологическую шаткость самого термина «национальные интересы», отметим, что их формирование, поддержание, защита и обеспечение являются ведущими в повестке дня большинства государств. Во главе национальных интересов любого государства лежит обеспечение безопасности государства и его граждан. Необходимость данной значимой составляющей национального интереса особенно остро ощущается всеми гражданами в период кризисов, когда безопасность государства испытывает наиболее сильные угрозы и вызовы. Такие периоды отмечаются или сплочением нации или констатацией факта ее раздробленности. И в первом, и во втором случае возникает острое осознание в необходимости поиска исторических корней, скрепляющих нацию, а, как следствие, осознание необходимости сохранения исторической памяти и воспитания патриотизма. Большую роль в этом играют как образовательные, так и культурные учреждения, в том числе и музеи.

Сохранение историко-культурного наследия прошлого – одна из главных целей любого музея. Другими целями являются – сохранение, изучение и популяризация данного наследия. В процессе достижения данных целей решаются такие важные задачи как сохранение исторической памяти и воспитание патриотизма.

Государственное бюджетное учреждение культуры Краснодарского края «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына» (далее – КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына) в своей деятельности путем изучения и популяризации историко-культурного наследия региона также решает задачи сохранения исторической памяти и воспитания патриотизма. Несомненно, что Великая Отечественная война советского народа дала громадное количество примеров мужества и героизма советских граждан, которые могут и должны стать образцами, на которых возможно проводить работу по патриотическому воспитанию детей и молодежи. В свою очередь, данная работа должна проводиться одновременно с работой, направленной на сохранение исторической памяти граждан России о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Особую роль в этом играет музейная педагогика [1].

Несомненно, что воспитательный процесс наиболее действенен, когда он сопровождается наглядными примерами или материалами, содержание которых позволяет затронуть струны человеческой души. Подобного рода информация часто содержится в источниках личного происхождения – письмах, дневниках, мемуарах. Данные источники во всем многообразии представлены в фондах КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына.

Сохранению исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в значительной степени способствуют исследования, посвященные анализу первичных источников – фронтовых дневников, писем, записных книжек. Подобного рода исследования являются одним из важных направлений научного анализа в научно-исследовательской работе музейных работников. В качестве примера приведем публикацию фронтовых писем бойцов советской армии адресованных начальнику госпиталя М.Н. Дьяконовой [2, с. 4–11]. Публикация явилась продолжением большой научно-исследовательской работы по данному направлению, начатой старшим научным сотрудником музея Н.Н. Суворовой [3, с. 440–441]. Из данных писем можно увидеть не только условия службы бойцов советской армии, но и профессионализм работников медицинской службы. А, главное – то, что отличает данного рода источники – в них раскрываются такие человеческие качества как любовь, сопереживание, сочувствие, патриотизм, которые с особой силой обостряются в годы тяжелых испытаний.

Отметим, что исследовательской работе предшествует работа по комплектованию и сохранению фондов музея. Активная деятельность сотрудников КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына по комплектованию фондов музея музейными предметами периода Великой Отечественной войны, в том числе фронтовыми письмами, началась в преддверии 30-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне. К настоящему времени в фондах музея насчитывается более 80 фронтовых писем [4, с. 203–205].

Не менее значимыми в качестве не только источников информации, но и материалов, играющих большую роль в сохранении исторической памяти, явля-

ются дневники и записные книжки военных лет. При этом громадным воспитательным потенциалом обладают не только дневниковые записи фронтовиков, но и дневники тех, кто находился в глубоком тылу.

Значимым источником сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. являются фронтовые фотографии, которые воздействуют на потомков через зрительное восприятие, как самой войны, так и ее участников. Подобное восприятие обладает колоссальным воспитательным потенциалом. Фонды КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына хранят фотографии и негативы известных фронтовых корреспондентов, сумевших запечатлеть и передать войну во всех ее проявлениях (как героических, так и бытовых страниц военной летописи).

Фронтовые письма, дневники, записные книжки, фотографии военных лет активно используются сотрудниками музея, как в экспозиционной работе, так и в рамках проведения различных мероприятий, многие из которых направлены на сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и воспитание патриотизма. Данные источники активно используются при подготовке и проведении военно-исторической реконструкции событий тех лет. Ярким примером этого является подготовка и проведение военно-исторической реконструкции, посвященной подвигу десанта под командованием капитана Д.С. Калинина. В ходе этой подготовки участники реконструкции активно использовали источники периода Великой Отечественной войны, которые хранятся и экспонируются в Анапском археологическом музее – филиале КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына [5, с. 102].

Естественно, что задача по патриотическому воспитанию населения решается не только на уровне государственных музеев. В данную работу широко вовлечены и муниципальные музеи. Практически большинство муниципальных музеев Краснодарского края также делают акцент в своей деятельности не только на сохранении исторической памяти, но и на воспитании патриотизма [6, с. 111–117].

Несомненен тот факт, что, чем дальше от нас отстоят события Великой Отечественной войны, чем меньше остается в живых ее ветеранов, тем значимее становятся первичные источники военного периода и научные исследования, посвященные их анализу, в том числе в контексте сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и воспитания патриотизма.

Список литературы

1. Патриотическое воспитание детей и молодежи средствами музейной педагогики. Сборник методических материалов по развитию музейной работы в образовательных организациях субъектов Российской Федерации / сост. В.А. Березина, А.Н. Бубнова; под общ. ред. В.А. Березиной. М., 2015.

2. Аликина Ю.А. Источники личного происхождения в исследовательском поле Великой Отечественной войны (на примере фронтовых писем, адресованных М.Н. Дьяконовой (1944–1945 гг.) // Сохранение, изучение и популяризация историко-культурного наследия (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне): Материалы науч.-практ. конф. (Фелицынские чтения – XXII). Тимашевск, 27–29 октября 2020 г. Краснодар, 2020.

3. Суворова Н.Н. Письма М.Н. Дьяконовой (1944-1945) // 70-летию Великой Победы посвящается... // Это и моя война. Великая Отечественная в письменных и визуальных эго-документах. Сб. документов / под ред. А.Ю. Рожкова и И.Г. Тажидиновой. Краснодар, 2016.

4. Сопельняк Е.С. Письма периода Великой отечественной войны в собрании Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына // Человек. Война. Память. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: Материалы межрегион. науч.-практ. конф., г. Краснодар, 20–22 октября 2015 г. Краснодар, 2016.

5. Коробков А.М., Наследкова Е.И., Пронин М.И. Практическое изучение истории посредством военно-исторической реконструкции: подвиг десанта Д.С. Калинина // // Сохранение, изучение и популяризация историко-культурного наследия (к 75-летию Победы в Великой отечественной войне): Материалы науч.-практ. конф. (Фелицынские чтения – XXII). Тимашевск, 27–29 октября 2020 г. Краснодар, 2020.

6. Кошечкина Н.И. Роль краеведческих музеев Краснодарского края в патриотическом воспитании общества // Сохранение, изучение и популяризация историко-культурного наследия (к 75-летию Победы в Великой отечественной войне): Материалы науч.-практ. конф. (Фелицынские чтения – XXII). Тимашевск, 27–29 октября 2020 г. Краснодар, 2020.

А.Ф. Авидзба

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В АБХАЗИИ И «ПОЛИТИКА ПАМЯТИ»

В статье рассматриваются вопросы соотношения истории как суммы исторических фактов с историей как «политики памяти». При этом отмечается, что существует опасность превращения «политики памяти» в неадекватную историческую конструкцию, что, в свою очередь, может сослужить «медвежью услугу» странам и народам. В Абхазии не наблюдается массового и однозначного отрицания наличия положительного опыта советской государственности.

Ключевые слова: Абхазия, Советская власть, «политика памяти», реконструкция, история.

A.F. Avidzba

SOVIET AUTHORITY IN ABKHAZIA AND THE “POLICY OF MEMORY”

This article deals with the issues of correlation of history as a sum of historical facts with history as a “politics of memory”. At the same time, it is noted that there is a danger of the “politics of memory” turning into an inadequate historical structure, which, in turn, can do a disservice to countries and peoples. In Abkhazia, there is no mass and unequivocal denial of the positive experience of Soviet statehood.

Key words: Abkhazia, Soviet power, «politics of memory», reconstruction, history.

История становится линией фронта. Мы живем во времена, когда история перестала быть наукой о прошлом. История – наука о современности и о будущем. Историей интересуются многие, и, казалось бы, люди, наконец, прислушались к словам Н.И. Костомарова, который является автором формулы: «Кто против истории, против того – История». Однако, очевидно, что такая актуализация проблемы истории вызвана ее контекстуализацией с политическими и общественными процессами...

Сегодня совместными усилиями менеджеров от политики и науки формируется историческая политика, которая становится частью государственной идеологии. Историческая политика или «политика памяти» и историческая

наука, у каждой из которой свои задачи и цели, не могут расходиться диаметрально, ибо они апеллируют к исторической памяти одного народа.

Прошлое, зафиксированное в учебниках, научных и литературных трудах, не всегда соответствует сегодняшним ресурсам стран и народов. Это обстоятельство иногда становится предметом недоверия или даже насмешек со стороны политиков и что самое обидное ученых, представляющих более «удачливые» с точки зрения истории, по крайней мере, ее современного этапа, народов и стран. Мол, «чем меньше народ, тем больше кинжал» и т. п. Справедливости ради нужно отметить и то, что подобные замечания не всегда безосновательны. Однако, это не дает права уничижительного отношения, пусть даже к кажущемуся сегодня, неадекватными историческим конструкциям.

Сейчас в окружении Абхазии идет массовый пересмотр отношения к прошлому. Историография выходит «на тропу войну» с негативным советским опытом. К примеру, в 2010 г. Парламент Грузии принял постановление «О советской оккупации», 26 мая 2006 г. там был открыт Музей советской оккупации [1, с. 384]. Ведь иногда легче найти врага в прошлом и бороться с ним, чем противостоять вызовам современности и заглядывать в непредсказуемое будущее. В силу этого нередко прошлое становится объектом спекуляций в настоящем. Первые меры грузинской исторической политики в отношении советского периода были предприняты. При этом, исходя из целесообразности, на первый план выходят факты или группа фактов определенной направленности, в то время, когда другие факты, не менее значимые для истории, замалчиваются или отходят на второй план. Открываются музеи оккупации, устанавливаются новые праздники, конструируется соответствующая «политика памяти». Частью этого процесса является целенаправленное и сознательное забвение определенных трагических, болезненных для общества страниц истории. К примеру, с 2014 г. в Грузии 30 сентября, в день Независимости Абхазии, отмечают «Дни наследия Европы» [2]. День своего поражения в Абхазии очень многие в Грузии воспринимают болезненно, и весьма примечательно, что грузинские власти решили именно в этот день отмечать европейский праздник, что потакает самолюбию грузинской нации.

В наше время, время погони за модой и быстроменяющимися вкусами и ценностями, нередко отрицается все, что было создано в советское время, а деятели той эпохи часто изображаются, исходя из сиюминутной конъюнктуры, людьми ограниченными и безынициативными или, напротив, провидцами, всегда знавшими об обреченности системы и разрушавшими ее изнутри...

В Абхазии, в частности в абхазской историографии, не наблюдается массового и однозначного отрицания наличия положительного опыта советской государственности. Хотя здесь, безусловно, никто не забывает тот огромный негатив, с которым столкнулся абхазский народ в этот исторический период. Речь идет о следующем: понижение государственного статуса Абхазии в 1931 г., массовые и необоснованные репрессии в годы «Большого террора», носившие здесь помимо всего прочего этнический характер, которые были встроены в сталинскую поли-

тику, сформулированную им еще в 1913 г. – растворение «малокультурного» абхазского народа в «высококультурной» грузинской этнической среде. Здесь стоит уточнить, что независимо от того, кто руководил Грузией, это сталинская формулировка являлась генеральной линией поведения грузинской элиты по отношению к абхазам. Справедливости ради нужно отметить, что такая политика осуществлялась и до того, как ее сформулировал Сталин. В силу названного обстоятельства некоторые ученые склонны придерживаться точки зрения о колониальном характере существования Абхазии в советское время и, следовательно, крайнее отрицательного отношения к установлению Советской власти. Но большинство исследователей исходят из того, что нельзя оценивать история советского периода исходя только из негативного опыта. К примеру, дата установления советской власти – 4 марта – считается памятным днем. Память о борцах за Советскую власть и деятелях большевистского движения в Абхазии, с определенной долей обоснованности, можно сказать, не предано забвению, даже почитается. В частности, улицы столицы Абхазии носят имена Акиртава, Василия Лакоба, Картозия, Чалмаз. Есть улица, носящая название в честь установления Советской власти – 4 марта, а также улица в честь революционного отряда – «Киа-раз».

Здесь отдельно остановлюсь на личностях, чаще всего ассоциирующихся с Советской властью в Абхазии – Н. Лакоба и Е. Эшба. Обоим деятелям в центре города Сухум стоят памятники и к ним до сих пор, выражаясь словами поэта, «не зарастает народная тропа». Две центральные улицы абхазской столицы носят их имена. Горская средняя школа № 10 носит имя Н. Лакоба, а имя Е. Эшба носит средняя школа № 5. При этом Н. Лакоба нередко называется в числе самых влиятельных руководителей Абхазии за всю ее историю.

Сегодня некоторые, в том числе исследователи, выискивают, где, что из названных исторических личностей неправильно или не удачно что-то сказал с точки зрения современного читателя. Однако не разобравшись в атмосфере и духе рассматриваемого времени, невозможно понять, тем более оценить деятельность Е. Эшба и Н. Лакоба и их единомышленников. По сути это была борьба народа за самосохранение, за активное участие в которой они и были репрессированы. Разве не кощунственно, исходя из бессмысленных амбиций, пытаться ниспровергнуть из исторического Олимпа и даже оскорбить зачинателей и первых руководителей советской Абхазии – отдавших жизнь за дело, которое они считали правым? При всем уважении к авторам подобных конструкций, они не служат делу правильного понимания нашей новейшей истории. При этом, безусловно, никто не запрещает выявлять разность подходов к решениям тех или иных вопросов государственного строительства Абхазии. Необходимо не упускать из виду, что в таком большом и судьбоносном деле как закладывание основ новой государственности не может обойтись без противоречий и наличия разных мнений, ибо это было бы, по меньшей мере, странно. Но все должно быть объективно, обоснованно и уважительно.

Э. Нольте считал, что под «прошлым, которое не проходит» может подразумеваться только национал-социалистическое прошлое Германии, которое желательнее было изжить [3]. Но, на мой взгляд, наша история, есть прошлое, которое не должно проходить... При этом нельзя забывать, что история не бывает только «хорошей» или только «плохой». История не бывает черно-белой, у нее всегда много оттенков. Историю изучают не для того, чтобы предать ее суду, а для того, чтобы извлекать из нее уроки.

Несмотря на то, что «политика памяти» конструируется, все же нельзя полностью отрицать определенную субстанциональность самой истории, когда некие существенные составляющие исторической памяти народа могут формироваться вне зависимости от конструкторов исторической политики. Поэтому важно, чтобы люди знали историю такой, какая она есть, а не такой, какой хочется ее видеть. Если историческая политика формируется в отрыве от действительной истории, то это может оказать «медвежью услугу» народу. Незнание своей истории или, что еще хуже, знание не своей, но выдаваемой за свою, истории приводит к неверным оценкам и выводам. Ведь никто еще не в состоянии оспаривать постулат о том, что «история наказывает за ее незнание». В этом случае существует опасность того, что у такого народа может выработаться группа комплексов, самым значимым из которых будет неадекватная оценка своего прошлого, что приведет к неадекватной оценке своего настоящего, что, в свою очередь, негативно отразится на его будущем. Мораль: если противопоставлять свое настоящее своему прошлому не мудрено лишиться будущего!

Список литературы

1. Кирчанов М.В. «Политика прошлого» в современной Грузии, или как СМИ и публичные политики формируют коллективные представления о прошлом // Диалог со временем. 2016. Вып. 56.
2. URL: <https://www.newsgeorgia.ge/v-gruzii-30-sentyabrya-nachnut-otmechat-dni-naslediya-evropy/#t20c> (дата обращения: 15.09.2017).
3. Нольте Э. «Прошлое, которое не проходит»... URL: <http://p-w-w.org/index.php?topic=12949.0> (дата обращения: 18.09.2017).

Н.Б. Акоева, Т.А. Чёрная МЕМОРИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматривается вопрос о необходимости сохранения исторической памяти, особенно о событиях, связанных с Великой Отечественной войной. Анализируется функционально-композиционная типология памятников и монументов, их функции

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, памятники, мемориальные комплексы, функции памятных мест

N.B. Akoeva, T.A. Chernaya

**MEMORIAL SPACE AS A PERSONALIZATION OF THE MEMORY
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The article discusses the need to preserve historical memory, especially about the events related to the Great Patriotic War. The functional and compositional typology of monuments and monuments, their functions are analyzed.

Key-words: The Great Patriotic War, historical memory, monuments, memorial complexes, functions of memorable places.

Основу исторической памяти о Великой Отечественной войне составляют знания о ней. Здесь можно выделить два фактора: первое – исторические знания, имеющие дело с хронологией, конкретными историческими фактами, событиями и действия людей (наций, народов и даже государств) и закономерностями исторического развития. Другой фактор включает в себя оценочный компонент, суть которого сводится в оценке конкретных исторических действий, знания о нем, а также суждения по поводу исторического факта или события [1, с. 5].

Не случайно поэтому о важности распространения знаний об истории и культуре народов Российской Федерации говорится в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [2].

Необходимость сохранения исторической памяти о героизме и мужестве наших солдат и офицеров, партизан и подпольщиков, тружеников тыла, трагедии людей, оказавшихся на оккупированной фашистами территории, в концлагерях, на принудительных работах в Германии актуализирована попытками фальсификации истории нашей Победы.

Одной из форм сохранения памяти о суровых годах войны является сооружение памятников и монументов.

В соответствии с Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» памятниками считаются «отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями; мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; объекты археологического наследия».

Первые памятники начали устанавливать, когда еще шла война. Несмотря на то, что страна боролась с врагом, многие скульпторы и архитекторы уже вынашивали идеи будущих объектов, понимая, что придет время и вопросу увековечения подвига советского народа будет уделено особое внимание. Весной 1942 г. в резолюции X Пленума союза архитекторов СССР разработка памятников Великой Отечественной войны была признана первоочередной задачей работы союза. На конкурсной основе, в которой имели право участвовать как известные мастера-художники, так и простые фронтовики, разрабатывались проекты будущих монументов [3].

Памятники и памятные места, появившиеся еще во время войны, называются натуральными и реальными [4, с. 13–14]. Они установлены по завершению войны на могилах героев и местах, где происходили военные события.

Например, в станице Петропавловской Курганинского района Краснодарского края скромный памятник, увенчанный красной звездой, появился уже в 1942 г. сразу после освобождения станицы на месте расстрела фашистами мирного населения.

Боевая техника, поставленная на пьедесталах, также относится к натуральным памятникам.

К самым известным натуральным памятникам относится Могила Неизвестного солдата в Москве и Брестская крепость.

В книге «Памятники Великой Отечественной войны», вышедшей в 1989 г. указаны данные о более 100 тысячах памятниках и памятных местах [5, с. 5]. Наряду с этим отмечается, что из года в год находят все новые «свидетельства» – захоронения и боевая техника, что делает невозможным определить точное количество реальных памятников.

На Кубани сегодня более 50% монументов посвящены военным событиям. В основном они связаны с Великой Отечественной и Гражданской войнами, но встречаются и памятники, посвященные войне 1812 г., а также погибшим в Афганистане и Чечне [6]. Например, в 2017 г. в Курганинском районе было 26 памятников, посвященных Великой Отечественной войне, 4 – Гражданской [7].

В Керчи более 40 памятников воинам-освободителям в Великой Отечественной войне, в том числе обелиск Славы, комплекс «Героям освобождения Керчи» [8].

Согласно существующей условной периодизации создания памятников Великой Отечественной войны выделяют несколько этапов, каждый из которых имеют свои отличительные черты.

Первый этап имеет прямое отношение к 1941–1945 гг., когда еще шли боевые действия. 12 декабря 1943 г. воинами 12-й танковой бригады в память об окружении Сталинградской группировки противника в г. Калач установлен танк Т-70, ставший первым памятником защитникам Сталинграда [9, с. 511].

Второй этап относится к 1945–1955 гг. В 1955 г. министр обороны СССР Маршал Г.К. Жуков обратился в ЦК КПСС с запиской № 10, в которой писал о необходимости создания памятников-монументов в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне в таких городах как Москва, Севастополь, Одесса, Ленинград, Сталинград, на месте исторических событий в Подмосковье [10].

В Краснодарском крае в эти годы также открывают памятники. Самым ранним из кубанских монументов, посвященных памяти павших в годы Великой Отечественной войны, стал пятиметровый обелиск «Героям битвы за Кубань в Великой Отечественной войне». Он был открыт в победные дни 1945 г. на средства жителей станицы Пашковской. Автором монумента является талантливый казак, фронтовик Антон Порфирьевич Сало. Фигура летящего в сабельную атаку на боевом коне кубанского казака символизирует воинов четырех кавалерийских корпусов, сыгравших огромную роль в победе над фашизмом [11].

Третий этап приходится на 1960–1980 гг. Если ранее памятники представляли собой по большей части одиночные скульптуры и обелиски, то на данном

этапе акцент делается на преобладание архитектурных и градостроительных элементов в строительстве мемориалов и памятных мест. Главными скульптурными решениями становятся установка стел и мемориальных стен с оформленными на плоскости изображениями. Объекты устанавливаются в социально значимых местах, таких как центральные площади, школы, библиотеки и музеи. Происходит смещение акцентов от темы прославления победы в сторону темы скорби и утрат. Ярким примером тому является образ скорбящей матери, отсылающей также в символике Матери-Родины помнящей обо всех погибших [12]. К крупным мемориальным комплексам, имеющим особенности архитектурных и градостроительных решений, можно отнести и «места памяти» в Бресте и Киеве.

Четвертый этап начался на рубеже 1980–1990 гг. и продолжается сейчас. Особенностью данного этапа является проведение работ по ремонту и обновлению ранее сооруженных памятников, благоустройство прилегающей территории, в том числе с организацией парковых зон и зон отдыха около мемориалов.

В это же время наблюдается персонализация памятников, т.е. происходит установка бюстов и мемориальных досок героям-землякам, как погибшим на полях сражений, так и возвратившимся домой.

Согласно функционально-композиционной типологии памятники условно делят на следующие группы:

1. памятники-оружие, сохраняющие предметную конкретность войны;
2. архитектурные памятники, включающие обелиски, стелы, мемориальные доски, а также плиты с нанесенными именами погибших и вернувшихся домой живыми с войны;
3. скульптурные памятники, включающие в себя памятники-символы, памятники-портреты, а также являющиеся сюжетно-изобразительными [13, с. 16].

В послевоенном советском обществе памятные места выполняли ряд функций.

Главной считается коммеморативная функция, выстраивающая смысловую концепцию памяти о событиях прошлого. С помощью скульптурно-архитектурного сооружения создается образ героя, победителя с представлением степени значимости его вклада в Победу, в том числе с учетом локализации места, составляющего событие исторической памяти. В г. Новороссийске в 1961 г. установлен памятник Неизвестному матросу, который олицетворяет собой вклад в Победу моряков Черноморского флота [14, с. 55].

Следующая – политико-идеологическая функция мемориальных сооружений, в соответствии с которой оно должно было «обладать большой идейной насыщенностью, способствовать активной и массовой пропаганде коммунизма» [15]. Именно в этом периоде монументальной пропаганды в г. Новороссийске был воздвигнут величественный комплекс из взаимосвязанных между собой сооружений: мемориал «Линия обороны» – памятник-ансамбль «Малая земля» – памятник «Морякам революции». Строительство этого памятника имело в то время огромное политическое значение, так как он был связан с биографией Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева.

Памятники того времени выполняли ритуальную функцию, т.к. на территории мемориальных сооружений стали проводиться митинги, парады и иные мероприятия, активность которых возрастала к памятным и юбилейным датам, что естественным образом способствовало укреплению взаимосвязи между прошлым и будущим, обеспечивая преемственность поколений.

Памятники и мемориалы, посвященные военным событиям, сейчас также выполняют важные социальные функции, например, познавательную (гносеологическую), воспитательную, исторической преемственности социального опыта и другие.

Поэтому, в статье 67¹ Конституции РФ записано: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [16, с. 29].

Список литературы

1. Афанасьева Л.И., Меркушин В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17309579> (дата обращения: 12.03.2022).
2. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (дата обращения: 02.03.2022).
3. Материалы X Пленума союза архитекторов СССР. М., 1942.
4. Азизян И.А., Иванова И.А. Памятники вечной славы. Концепция и композиция. М., 1976.
5. Гаврилов Б.И. Памятники Великой Отечественной войны. М., 1989.
6. Казаков Е. На Кубани больше половины памятников посвящены войне. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26882.7/3925561/> (дата обращения: 02.03.2022).
7. Гончарова Е. У каждого памятника района – особая история. URL: <https://kurganin-skie-izvestia.rf/index.php/jizn/istoriya-pamyat/u-kazhdogo-pamyatnika-rajona-osobaya-istoriya> (дата обращения: 02.03.2022).
8. Керчь – город-герой. URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/ (дата обращения: 02.03.2022).
9. Памяти павших. Великая Отечественная война (1941–1945) / объедин. ред. Книг Памяти павших в годы Великой Отечественной войны. М., 1995.
10. Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. URL: <https://history.wikireading.ru/249583> (дата обращения: 12.11.2021).
11. Памятник «Героям битвы за Кубань» в Краснодаре. URL: <https://rus.team/landmarks/pamyatnik-geroyam-bitvy-za-kuban> (дата обращения: 14.03.2022).
12. Малинина Т.Г. Культурные палимпсесты: их проявление и прочтение в архитектурно-художественных текстах советского времени // Артикульт. 2018. № 29.
13. Гаврилов Б.И. Памятники Великой Отечественной войны. М., 1989.
14. Попов А.Д., Романько О.В. Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик // Отечественная история. 2019. № 2.
15. Артамонов В.А. Город и монумент. М., 1974.
16. Конституции РФ. М., 2022.

Л.М. Галутво, Е.А. Сырчина

**ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
МУЗЕЕВ**

Статья посвящена образовательному потенциалу музеев в воспитании исторической памяти и патриотизма у школьников. Рассмотрен отечественный и зарубежный опыт музейной педагогики, представлены образовательные музейные программы и экспозиции, составленные специально для детской аудитории с учетом современной образовательной парадигмы.

Ключевые слова. Музейная педагогика, воспитание и социализация, образовательная деятельность, музейные программы

L.M. Galutvo, E.A. Syrchina

EDUCATIONAL AND EDUCATIONAL POTENTIAL OF MUSEUMS

The article is devoted to the educational potential of museums in the education of historical memory and patriotism among schoolchildren. The domestic and foreign experience of museum pedagogy is considered, educational museum programs and expositions made especially for children's audience taking into account the modern educational paradigm are presented.

Key-words Museum pedagogy, education and socialization, educational activities, museum programs.

В период переосмысления исторической роли России, ее места в современном мире особую актуальность приобретает вопрос о национальном образовании. Человек получает новые знания и навыки, развивается и социализируется на протяжении всей жизни. В этом перманентном процессе особенно важным представляется детство. Именно в школьном возрасте формируются представления об истории и культуре своего народа, осознание этнической и гражданской принадлежности, осмысление многообразия социальных и культурных явлений в мире. Значимость и вариативность образовательно-воспитательных задач определяют необходимость формирования комплексной платформы, одной из составных частей которой являются музеи. Учреждения культуры, занимающиеся сбором, сохранением и популяризацией памятников истории и культуры сегодня рассматриваются как полноправные сегменты системы дополнительного образования.

На рубеже 1980–90-х гг. очередной импульс развития в статусе самостоятельной научной дисциплины в рамках междисциплинарного подхода получает музейная педагогика.

Стимуляторами нового музейного направления послужили изменения в профессиональном сознании. Музейная аудитория стала восприниматься как равноправный участник коммуникативного процесса и диалога, осуществляемого в музейной среде. Результативность музейной деятельности оценивалась не только количественными показателями посетителей, но и качеством воздействия на разные группы аудитории. Появилась необходимость интеграции музееведения с другими научными дисциплинами, такими как педагогика и психология, что обозначило новые образовательные вызовы к просветительскому уровню музея [1, с. 345].

Образовательная деятельность школы и музея различаются. Обучение реализуется по предметам, как правило, в рамках классно-урочной системы, его регламентируют образовательные программы и учебные планы. Классическая «предметность» отодвигает на второй план личностное развитие, равно как и не всегда создает условия для активизации межличностной коммуникации. Даже учителю истории и обществознания сложно соединить дидактические единицы контента предмета с формированием осмысленного исторического сознания. Между тем, концепция современного образования ориентирована на помощь в социализации, получение представлений о принятых нравственных нормах, создание условий для творческого развития. Музей, как раз и позволяет расширить предметный периметр, если его экспозиции организованы в соответствии с актуальными требованиями. В окружении подлинных артефактов различных исторических эпох, школьник получает уникальную возможность ощутить себя полноправным участником тех или иных событий, выходить за рамки «учитель-ученик» и участвовать в активном диалоге. Современный музей делает для детей обучение осмысленным, предоставляет возможность соотносить науку и искусство с прожитым опытом ребёнка. Музейная педагогика наряду с мотивацией к самостоятельному познанию мира и определению своего места в нем, развивает базовые исследовательские универсальные учебные действия. Получение информации и формирование понятийного аппарата для составления научной картины мира осуществляется посредством естественного наблюдения и взаимодействия с материальной средой.

При разработке музейных программ для школьников обязательен учет возраста аудитории. Например, дошкольники (до 7 лет), практически не могут ориентироваться во временных рамках, усваивать абстрактные понятия, для них необходим наглядный пример. У школьников с 7 до 11 лет только появляется представление о хронологии, но воспринимать информацию абстрактно им по-прежнему сложно. Таким образом, только с учетом возрастосообразности возможно преодолеть разрыв между реальным миром и учебным опытом ребёнка.

Преимущество сочетания музейной инфраструктуры и интерактивных образовательных технологий в условиях модернизации образовательных систем подтвердило свою практическую результативность, как в России, так и за рубежом [2, с. 5]. Например, достаточно давно в разных странах практикуется обеспечение школ слайд-программами, видео и кинофильмами, аудио-визуальными подборками, с помощью которых удаётся детально изучить конкретный учебный материал. Разрабатываются и внедряются системы мультимедиа с помощью, которых появляется возможность делиться интересными музейными материалами с образовательными учреждениями, расположенными в отдалённых регионах.

Согласно исследованиям советского и российского музеоведа З.А. Бонами, в США современные технологии интеграции музеев и школ с целью популяризации просветительского потенциала музеев, стали применяться не так давно [3, с. 81]. В основу деятельности детских музеев США был заложен принцип «Пожалуйста, трогайте!», с помощью которого полученные знания в музее пре-

вращались в приобретённый опыт. Этот принцип появился после того, как в середине XX в. швейцарским психологом Ж. Плаже была разработана операциональная теория интеллекта. Она заключалась в том, что любая манипуляция с каким-либо предметом является основой формирования интеллекта у детей. Основываясь на этой теории, М. Спок приступил к созданию экспозиции из предметов для тактильного восприятия, в которую вошли привычные предметы в разрезе: отопительные батареи, предметы кухонной техники, спортивный инвентарь. Так каждый мог наглядно узнать, из чего состоят эти предметы, исследовать принципы их функционирования. Также довольно часто отечественные исторические и естественные музеи используют дубликаты оригинальной коллекции для наглядной демонстрации перед школьниками.

Известен музей под открытым небом, Олд Стербридж Виллидж, где посетителей переносят в XIX в. и перед ними предстают жители тех времён, показывающие свою жизнь и быт. Школьники там могут поучаствовать в хозяйственной деятельности: прядение шерсти, сучение льна, молотьба, установка изгородей. Аналогичные методические приемы используются в «Выставочном комплексе «Атамань» в Краснодарском крае [4]. В этнографической станице каждое подворье дает посетителям представление о быте, материальной культуре, ремеслах, фольклоре кубанского казачества. «Так гуляя по улицам станицы можно зайти в хату пекаря, дымарню, хату лекаря и священника, хату сапожника и цирюльника, постоялый двор, кашеварню, хату пожарного и рыбака. Вместе с внутренним убранством хаты, каждый район Кубани привнес в подворье обычаи, традиции, приметы и легенды, присущие конкретному муниципальному образованию. Хаты построены по современным строительным технологиям, но внешне стилизованы под казачьи жилища конца XVIII — начала XX вв. Подворья станицы являются своеобразными мини-музеями. Главной ценностью выставочного комплекса «Атамань» являются подлинные документы, фотографии, орудия труда, предметы быта конца XVIII — начала XX вв., подаренные жителями Кубани» [4]. Уникальным представляется Культурный центр «Старый парк» в п. Кабардинка, объединяющий театр, картинную галерею, школу творчества [5].

Общепризнанными и широко распространенными в музейной педагогике стали идеи немецких педагогов: предварительная подготовка школьников к посещению музея (Г. Фройденталь), музей-мастерские реставрационных работ (А. Рейхвейн), «музейные диалоги» (А. Лихтварк), предусматривающие «погружение» в сюжет одного произведения искусства для акцентирования внимания на смысловых расстановках, характере и состоянии героев, понятиях нравственности и гражданственности.

Примечателен тот факт, что детские музеи в России были известны еще в начале XX в. Например, музей игрушки Н.Д. Бартрама [6], который был основан в 1918 г. и продолжает свою деятельность сегодня как структурное подразделение «Высшей школы народных искусств (академии)». Кроме постоянных и временных экспозиций, музей игрушки также предлагает для взрослой и детской аудитории экскурсии и специальные программы. Детской аудитории, рассчитан-

ной на 3–7 классы, адресованы три программы: «Сергиев Посад – столица игрушечного царства», «История большой страны в игрушке», «Игрушечные промыслы России». Каждая из программ состоит из 5 занятий, в ходе которых школьникам проводят вводные презентации, организуют творческие мастер-классы и тематические игры. Благодаря таким занятиям дети знакомятся с игрушечными промыслами, работами мастеров, с историей страны и с народной культурой.

В 2007 г. под руководством Б.А. Столярова с целью налаживания взаимодействия музеев со школами, детскими садами, ВУЗами была разработана программа «Здравствуй, музей!» [7, с. 280–281]. Программа состоит из 6 разделов: «Мы входим в мир прекрасного» – включает материал для дошкольников и для общеобразовательных классов в том числе; «Мир музея» – программа для начальных классов; «Изобразительное искусство в историческом развитии» и «Художник и мир» – для старшеклассников; «Художественный музей в современном мире» – раздел, рассчитанный для студентов гуманитарных вузов.

Учебные курсы разработаны для развития визуального мышления, изучения истории Отечества и изобразительно искусства в целом. Сегодня программа реализуется более чем в 60 образовательных учреждениях Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также в 54 регионах России, на основе договоров о сотрудничестве в области образовательной деятельности.

Существуют программы историко-краеведческой направленности, знакомящие с особенностями конкретных регионов и городов («Край, в котором ты живёшь», «История моей родины»). Программы экологической направленности, призванные развить экологическое самосознание детей и подростков («Экологическое краеведение», «Живая природа вокруг нас»), образовательные программы патриотического содержания («Героями не рождаются»). Довольно распространены в музеях России и программы этнографического направления.

Все больше российские музеи, как столичные, так и провинциальные развивают собственные методические отделы с оригинальными технологиями на междисциплинарной основе. Подобный продуктивный опыт представлен Русским музеем. Его отдел «Российский центр музейной педагогики и детского творчества» за 30 лет деятельности открыл 12 ресурсных центров, осуществил более 230 публикаций, организовал более 120 выставок и библиотеку, насчитывающую более 5000 изданий [8]. Методический опыт столичного музея нашел применение и в регионах.

Таким образом, успешное взаимодействие с детской аудиторией через музейные экспозиции зависит и от заинтересованности школы в качественном развитии и обучении. При соблюдении возрастных и психологических особенностей школьных групп, музеи являются весомой альтернативой для проведения уроков системно-деятельностного типа и активным дополнением внеурочной деятельности.

Список литературы

1. Шеховская Н.А., Мандебура Е.П. Музейная педагогика: историко-педагогический анализ // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2011. № 6. С. 343–350.
2. Музейная педагогика за рубежом. Работа музеев с детской аудиторией / сост. и ред. М.Ю. Юхневич. М., 1997.
3. Газетов В.И., Комолов О. Музейная педагогика детских музеев за рубежом // International Journal of Developmental and Educational Psychology. 2013. № 1. Р. 79–84.
4. ГАУККК «Выставочный комплекс «Атамань». URL: <http://www.atamani.ru/o-nas> (дата обращения: 10.04.2022).
5. Старый парк – Культурный центр в Кабардинке. URL: <https://stariypark.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).
6. Художественно-педагогический музей игрушки имени Н.Д. Бартрама Сергиево-Посадского филиала ФГБОУ ВО «Высшая школа народных искусств (академия). URL: <http://museumot.info/> (дата обращения: 10.04.2022).
7. Ефремова А.О., Оленина Г.В. Классификация культурно-образовательных программ в музеях: региональный аспект // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5. С. 279–283.
8. Русский музей. Отдел «Российский центр музейной педагогики и детского творчества». URL: <http://rusmuseumkids.tilda.ws/> (дата обращения: 10.04.2022).

И.А. Галяс

ИСТОРИЧЕСКАЯ «ПОЛИТИКА ПАМЯТИ» В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье затрагиваются проблемы конструирования национальной исторической «политики памяти» в постмодернистской культурной парадигме современности; осмысливается две тенденции конструкции истории памяти в политике - «политика самоутверждения» и «политика покаяния», оценивается их влияние на политический дискурс России и Европы в борьбе за историческую правду о событиях Второй мировой войны.

Ключевые слова: коммуникативная память, коллективная память, национальная память, «политика памяти», «политика самоутверждения», «политика покаяния».

I.A. Galyas

HISTORICAL "POLITICS OF MEMORY" IN THE POSTMODERNIST CULTURAL PARADIGM OF MODERNITY

The problems of constructing a national historical «memory policy» in the postmodern cultural paradigm of modernity are touched upon; two trends in the construction of the history of memory in politics are comprehended – «the policy of self-affirmation» and «the policy of repentance», their influence on the political discourse of Russia and Europe in the struggle for the historical truth about the events of World War II is assessed.

Key-words: communicative memory, collective memory, national memory, «memory policy», «self-affirmation policy», «repentance policy».

Трагические события второй мировой войны затронули миллионы людей во всем мире, но их восприятие и оценка с позиций сегодняшнего дня в западном мире кардинально переосмысливается, вызывает ожесточенные споры и является «новым полем битвы за трактовку и коллективное понимание образов прошлого» [1].

Прошлое как строительный материал и фундаментальная основа для формирования социальной идентичности нации рассматривается большинством современных политиков как символический ресурс исторической памяти, который можно держать под контролем и повсеместно распространять. В последние десятилетия многие западноевропейские историки, философы, социологи фокусируют свое внимание на темах коллективного покаяния и вины не только Германии, но и Советского Союза за начало, исход и события второй мировой войне. Американский социолог Джеффри Олик называет такой принцип обращения с прошлым «политикой покаяния» [2]. «Политика покаяния» как новая культурная парадигма утверждается в Европе с конца 1990-ых годов, распространяется средствами массовой информации и приводит к корректировке утвержденных ранее официальных нарративов.

Термин «покаяние» (от греч. μετάνοια (метанойя)) – христианский и его богословский смысл подразумевает «глубокое раскаяние человека, вызванное уязвлением совести за грехи, характеризующееся печалью и скорбью, но главное, живым ощущением разлучения с Богом; сопровождаемое твердым желанием очищения, преобразования жизни; упованием и надеждой на Господа» [3]. Ключевое слово в понятии покаяние – это грех. В широком смысле под покаянием подразумевается фундаментальная перемена в жизни верующего: от произвольно-греховной, самолюбивой и самодостаточной жизни – к жизни по заповедям Божиим, в любви и стремлении к Богу.

Термин «грех» в религиозном формате несет в себе иррациональный мистический смысл. Важно то, что в русском языке этот термин первоначально соответствовал понятию «ошибка» (близкие слова — «погрешность», «огреха»). В светском варианте важен именно этот русскоязычный смысл термина «покаяния» – ошибка. С точки зрения политики памяти, за ошибки и события недавнего или далекого прошлого, которые ранее замалчивались, мы должны глубоко раскаяться и истинно покаяться. Ритуал политического покаяния в последние годы получает все большее распространение, а коллективное признание вины за жертвы государственной политики в прошлом активно внедряется в общественное сознание европейцев.

Политика покаяния связана с проблемой конструирования национальной памяти, ее трансформации и влияния на общественную жизнь. Содержательно глубоко исследует проблему исторической памяти современный немецкий историк и культуролог Алейда Ассман, автор трудов «Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика», «Новое недовольство мемориальной культурой» [4]. В указанных трудах она обосновывает идею о постепенной плюрализации исторической памяти о событиях Второй мировой войны от индивидуальной к коммуникативной, коллективной и национальной или политической.

Индивидуальная память человека является продуктом коммуникативной памяти. Морис Хальбвакс доказывает, что не существует исключительно личной памяти, поскольку ежедневно в процессе коммуникации с другими людьми мы

разделяем наши воспоминания с ними. И даже если мы переживаем что-то в одиночестве, память об этом событии обусловлена тем, как воспринимают это событие окружающие. С течением времени обмен впечатлениями повторяется, и наша память все больше окрашивается эмоциями и субъективными мнениями [6]. Коммуникативная память формируется в процессе ежедневной коммуникации между всеми участниками и тем самым демонстрирует их коллективную идентичность. Коммуникативная память характеризуется неформальностью и неустойчивостью, так как в рамках этой памяти происходит не только обмен информацией, но и постоянная перемена сфер ее употребления. Горизонт коммуникативной памяти не превышает 80–100 лет, срок жизни трех поколений, а значит, эта память воплощена в тех, кто выступают ее носителями и находят для нее новые употребления [4].

Коллективная память чаще всего трактуется как «общий опыт, переживаемый людьми совместно» [5]. Поскольку коллективная память является формой идентичности социальных групп и основана на причастности к событиям и явлениям прошлого, то она ограничена во времени жизнью одного или двух поколений и сопряжена с устной историей. Уход из жизни очевидцев событий приводит к девальвации и стиранию коллективной памяти, стиранию коллективных воспоминаний о прошлом. Следовательно, социальная коллективная память является памятью «снизу» и она исчезает со сменой поколений. Когда память о повседневном сформирована, происходит перенос границ коммуникативной памяти в область памяти культурной. Культурная память воплощается в тексты, образы, обряды или памятники и получает устойчивость в виде культурного знака. Эта освобождает ее от прежнего носителя и превращает в объект памяти с долговременной семантикой, которая будет востребована институтами социальной памяти: медиа, библиотеками, архивами, музеями, университетами и т.д. [5, с. 240].

Процесс дальнейшего формирования памяти в определенном временном разрезе становится результатом многочисленных согласований, дискуссий, споров и табуирования в конкретных социальных группах, и в конечном итоге в трактовках событий в национальной истории как исторической политике памяти. Как пишет А. Ассман, «национальная память оказывается долговременной и гораздо более унифицированной конструкцией, которая закрепляется политическими институтами, воздействуя на общество «сверху»» [4, с. 35]. Она зафиксирована рамками календаря, воспроизводится с помощью ритуалов, национальных праздников, мемориалов и памятников, а также обретает себя в метанарративах и морализаторских практиках. В отличие от коммуникативной памяти, культурная память не ограничивается тремя поколениями. Подобно коммуникативной памяти, культурная память хранит близость социальным группам и делает возможным построение идентичности, реконструкцию прошлого в настоящем [5, с. 128, 130]. Собственно, именно эти свойства культурной памяти и позволяют Алейде и Яну Ассманам считать ее памятью.

Таким образом, культурно-историческая парадигма как определенная система кодирования/декодирования прошлого является своеобразным «институтом» воссоздания прошлого как «истории памяти» в конкретной культуре. Безусловно, конструкция памяти зависит от «культурно сформированных, общественно обязательных «знаково-образных символов-воспоминаний» в национальной памяти.

Алейда Ассман подчеркивает, что в исторической науке, или она использует термин, в «исторической политике», наблюдаются две тенденции – конструкции, выражающие идею исторической памяти. Первая конструкция исторической памяти – «политика самоутверждения», а вторая – «политика покаяния» [4].

Первый подход «политика самоутверждения» предлагает три сюжета-роли для интерпретации исторических событий: «роль победителя, одолевшего зло; роль борца или мученика, противостоявшего злу; и роль пассивной, страдающей жертвы». В процессе анализа событий Второй мировой войны в истории XX в. все три сюжета – роли имеют место быть.

Первый сюжет, в котором транслируется идея ключевой роли Красной армии и советского народа как победителя, одолевшего зло – фашизм в годы Второй мировой войны, представлен в национальной концепции памяти современной России. Идея лаконично озвучена в формуле: «Помнить, чтобы не забывать». Символ Великой Победы в массовом коллективном сознании россиян укоренен со времен советского прошлого, носит позитивно окрашенный характер и в отличие от Западной Европы, является главным маркером постсоветской российской идентичности. В общественном сознании россиян активно транслируется идея, что Победу в Великой Отечественной войне одержала не Российская Федерация и даже не Советская Россия, а великий многонациональный советский народ, боровшийся с антиобщественным злом и победивший его, благодаря своему героизму, стойкости, сплоченности и бесконечной вере в победу.

Пример конструкции иного исторического сознания – роль борца, противостоявшего злу – фашизму отводится, например, антифашистам во Франции, которые отстаивали свои национальные ценности, а нацистские ценности фашистской Германии восприняли как чуждые французскому народу.

Третий сюжетный подход к конструкции исторической памяти – это роль пассивной, страдающей жертвы. Ярким примером этой конструкции в XX в. может быть Холокост. Безусловно, вся история еврейского народа, начиная с библейских времен драматична. С древних времен евреи были убеждены, что Бог, любя свой «избранный» народ паче всех остальных, карает его за нарушение Божественного закона, торжественно врученного Моисею. Стена Плача в Иерусалиме – величайшая святыня иудаизма и место для молитв с XV в., где собираются на молитву те люди, которые считают катастрофой разрушение Иерусалимского храма и оплакивают его.

Но Холокост – это реальная драма и историческая травма европейского еврейства в XX в. Преследование евреев по национальному признаку, непризнание их человеческого достоинства, дискриминация и массовое уничтожение в кон-

центрационных лагерях Германии и на оккупированных фашистами территориях стало самой страшной страницей в модели исторической и культурной памяти еврейского народа. «Рамки памяти» о «жертвах всеожжения» стали частью ретроспективной стратегии по «преодолению» этого события.

В 1980-е и особенно в 1990-е гг. Холокост становится глобальным символом вины и травмы европейцев за содеянное фашистами в годы Второй мировой войны. Эта вина и идея признания жертвы не только еврейского народа, но других народов, пострадавших в годы Второй мировой войны лежит в основе «политики покаяния» – признания собственных преступлений в прошлом и принятие ответственности за них. Это позволяет интегрировать в национальную историческую память европейцев и негативные эпизоды своей истории. Как утверждает Алейда Ассман, подобный взгляд на собственную историю – абсолютная новация. «Насколько естественно было оплакивать собственные жертвы, настолько же нова готовность оплакивать чужие жертвы нашей политики и сочувствовать тем, кто пострадал от нашего насилия» [4].

В современном мире мы можем наблюдать как первую, так и вторую форму исторической политики памяти, но именно вторая форма «возвращения» травматических воспоминаний ознаменовала собой поворот в исторической науке, ибо история теперь рассказывается с точки зрения жертв. И если ориентированный на будущее темпоральный режим Модерна игнорировал и замалчивал историю жертв, то темпоральный режим новой мемориальной культуры возвращает их голоса в настоящее.

Конкуренция исторических дискурсов является сегодня неотъемлемой частью политического взаимодействия народов и общностей. Ведется война исторической политики памяти Европейского союза и стран Запада с Россией, при которой Европе отводится функция либеральной, прогрессистской силы, а России консервативной, отсталой и традиционалистской силы, в которой при оценке всех событий прошлого по-прежнему признаются официальные суждения государственной «самодержавной» власти. «Неостывшая историческая память» некоторых стран Европы – Польши, Словакии, Чехии, Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, в которых национальные меньшинства особенно болезненно реагируют на «исторические травмы», полученные в недалеком прошлом, сегодня позволяет им избирательно относиться к событиям прошлого, переоценивать и манипулировать ими, создавать собственные исторические мифологемы и идеологемы.

Самым ярким примером накала этой политической борьбы стала резолюция «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», принятая в Европарламенте 19 сентября 2019 г. [6]. Согласно этой резолюции, Россия как правопреемница СССР, признается источником тоталитарных коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе. Утверждается мысль о том, что Пакт Молотова–Риббентропа, послужил главной причиной начала Второй мировой войны, а коммунистическая идеология тождественна нацистской и после поражения Германии страдания европейских народов не закончились, так как начался длительный период советской оккупации. Более того, европейская

интеграция – это ответ западных демократических сил на нацистскую тиранию и экспансию, в связи с чем требуется проведение разбирательств негативных событий прошлого, аналогичных Нюрнбергскому процессу, с целью укрепления европейской устойчивости к современным угрозам.

Страны Европы выставляют Советский Союз не лидером Второй мировой войны с фашизмом, а преступником и сообщником античеловеческих замыслов Гитлера и вся вина за ее начало и последствия перекалывается на Россию как правопреемницу СССР. Следовательно, важнейший в исторической науке принцип историзма – в соответствии с которым исторический факт, явление и событие необходимо рассматривать с точки зрения времени, к которому он принадлежит, сегодня не работает, так как применяется в соответствии с целями и задачами актуальной современной политики.

Грубое искажение исторических фактов вписывается в антироссийское русло политики изоляции России от коллективного Запада, а попытки переписать историю имеют свою глобальную цель – переформатировать все общественно-политическое европейское пространство под идеи новой постмодернистской культурной парадигмы. Авторами формирования нового постмодернистского мышления выступает европейский истеблишмент, а ресурсом распространения – идеологически обновленная система образования, интернет, медийные политические средства массовой информации. Проблема заключается в том, что постмодернистская парадигма современности стирает любые границы между определенностями, структурами и формами. Обращение к историческому прошлому используется философами и историками постмодернизма в новом маргинальном контексте: под сомнение ставится само понятие «историческая реальность», профессионализм историка и критерии достоверности источника информации. Поиск объективной истины затрудняется, поскольку размываются границы между фактом и его интерпретацией, между фактом и вымыслом, утрачивают смысл понятия «правда» и «справедливость». Для России же борьба за историческую правду всегда сфокусирована на вере русского человека в высшие истины – правды и справедливости. Только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом «правда» и как бы сливаются в одно великое целое.

События прошлого сегодня становятся неотъемлемой частью культуры человеческого существования и выживания, а это прежде всего борьба за ценности и смыслы прошлого, которые можно транслировать и интерпретировать по-разному. В очередной раз Россия оказалась втянутой во внутри европейскую политическую дискуссию о важности сохранения «исторической памяти». Победа прежде всего советского солдата и Советского Союза над фашистской Германией во Второй мировой войне – это для России объективная истина, общепризнанная в отечественной современной истории. В ее основе лежат архивные материалы и свидетельства современников. Именно они служат основой коллективного самосознания и идентичности россиян, запечатлены и транслируются в традиционных героических нарративах, культурно укореняются в национальной

политике памяти, что позволяет исключать любые идеологические и политизированные домысливания. Актуальна сегодня для россиян цитата Густава Малера: «Традиция — это не поклонение пеплу, а передача Огня. Традиционализм не означает привязанность к прошлому. Это означает – жить и поступать, исходя из принципов, которые имеют вечную ценность».

Список литературы

1. Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (в свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии. 1985. № 8. С. 60–69.
2. Журженко Т. 2013. «Общая победа»? «Чужая война»? Национализация памяти о Второй мировой войне в украинско-российском приграничье // Пугачева М.Г., Жарков В.П. (ред.). Пути России: Историзация социального опыта. Т. XVIII. С. 93–125.
3. Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/3151392 (дата обращения: 10.04.2022).
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
5. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
7. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.htm (дата обращения: 10.04.2022).

В.А. Матвеев

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ КАК ФАКТОР ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ МОБИЛИЗАЦИЙ: УКРАИНСКОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ

Отражен вариант объяснительной версии современного кризисного обострения в российско-украинских отношениях. При его преодолении должны учитываться ретроспективные аспекты возникновения вооруженного конфликта. Анализ осуществлен на основе этнонационалистического подхода, предполагающего выделение специфики этнических и национальных фаз в развитии народов. Наблюдалась она и в трансформационных преобразованиях сообщества русских и восточных славян. Этническая их сродность имела преобладание над дифференцирующими состояниями. Существовавшие и в имперский период внутренние различия порождали тем не менее необходимость федерализации по субэтническим признакам. Такое преобразование соответствовало критерию исторической справедливости. Но в советскую эпоху с использованием искажавших реальность теоретических установок произошло разделение восточнославянского сообщества по субэтническим показателям, которым проводившейся политикой было придано национальное измерение.

Ключевые слова: Bandera Nazism, historical knowledge, conceptual organizations, regrouping of self-consciousness, striking effect, a kind of fascism, ethnic mobilizations.

V.A. Matveev

HISTORICAL KNOWLEDGE AS A FACTOR OF ETHNO-NATIONAL MOBILIZATIONS: UKRAINIAN REFRACTION

The presented fragment of the study reflects a variant of the explanatory version of the current crisis aggravation in Russian-Ukrainian relations. According to the author, when overcoming it, the

retrospective aspects of the emergence of an armed conflict should be taken into account. The analysis is carried out on the basis of an ethnonatological approach, which assumes the identification of the specifics of ethnic and national phases in the development of peoples. They were also observed in the transformational transformations of the community of Russians or by another definition of Eastern Slavs. Their ethnic affinity prevailed over differentiating states. The internal differences that existed during the imperial period, however, created the need for federalization on sub-ethnic grounds. Such a transformation corresponded to the criterion of historical justice. But in the Soviet era, with the use of theoretical attitudes that distorted reality, there was a division of the East Slavic community according to sub-ethnic indicators, which conducted.

Key-words: Bandera Nazism, historical knowledge, conceptual organizations, regrouping of self-consciousness, a kind of fascism, ethnic mobilizations.

Воспроизводству этничности в восточнославянском сообществе так же, как и у других народов, способствовал в прошлом контакт поколений. Осуществление его обеспечивалось одним и тем же способом, лишь с долей неизбежных местных отличий. Об этом сохранились заимствованные из субэтнических традиционных практик различные описания передачи исторических познаний. В одном из них отображение, в частности, получило то, какого содержания информация передавалась подрастающим поколениям.

Им сообщалось наряду с другими сведениями следующее: «Злая судьба в течение долгих веков глумилась над... народом. Тяжелые удары подорвали... благосостояние, нищета сломила... свободный, сильный характер, и теперь только смутные воспоминания о прошлом воскрешают перед правнуками более счастливую жизнь предков. И когда порою, старая бабка... начнет рассказывать... внукам о седой старине, о набегах..., дети слушают с волнением» [1, с. 488]. Передача же информации подобным образом мобилизовывала потенциал отдельных субэтнических групп либо даже сообщества в целом, придавая устойчивость к неблагоприятным воздействиям. Основываясь на ретроспективном зарубежном опыте, просветители XVIII в. отмечали, что знания о прошлом непосредственно влияют на «активность духа» и обуславливают те или иные перемены [2, с. 50].

Во второй половине XIX в. на это обращалось внимание и представителями отечественной исторической науки. В.О. Ключевский (1841–1911) описанный способ передачи исторических знаний в среде русских славян отразил следующим образом: «Без общих понятий и целей... интересов и стремлений люди не могут составить прочного общества», ибо «чем больше возникает таких связей и чем больше получают они власти над волей соединяемых ими людей, тем общество становится прочнее». Скрепляя единство, эти связи, «устанавливаясь и твердея от времени», превращались в нравы и обычаи. Исторические предания, «действуя из поколения в поколение», закрепляют «наследие новой нравственной связью», превращая его в «наклонности потомков» [3, с. 22].

По мере усиления государственного сплочения, как показывает не только отечественный, но и зарубежный опыт, такие интегрирующие функции в значительной мере обеспечиваются через систему образования. Между тем и она неспособна полностью заменить традиционный способ передачи информации о

прошлом, осуществляющийся в контакте поколений. Ретроспективные восприятия всегда оказывали решающее влияние на формирование «народного самосознания» [4, с. 156]. Нередко порождаемые ими процессы обретают трансформационный характер, вследствие чего возникают новые качественные состояния. Применяется данный опыт и в преломлении к современности.

Соответственно и в наши дни безопасность любого государства и самого его населения напрямую зависит в немалой степени от состояния дел в исторической науке. Содержание концепций предопределяет фазы подъема или упадка энергии наций, в том числе и согражданств как их разновидности. При анализе учитываться должен эпохальный контекст с наличием различных составляющих. Незавершенность тех или иных проблем и появляющиеся вследствие этого их фальсифицированные трактовки, под какими бы оболочками они ни скрывались, нередко открывают возможность сползания к катастрофам. Данная закономерность находит себе и специальное применение.

Появились связанные с ней разновидности разрушительных технологий, среди которых особое место занимает организация исторических знаний с соответствующей направленностью. Это влечет за собой изменение общностей, конституированных на основе выбранных в качестве объекта воздействия типов самосознания [5], и соответственно кода этнонационального развития. Возможность таких преобразований подтверждается свершениями прошлого, эпохами смены религий и иных объединительных идеологий. Направленность на разрушение сложившейся исторической кодификации имеет происходившее как на предшествующих этапах, так и не прекратившееся в преломлении к современности концептуальное противоборство с российской историей [6, с. 17, 20–21]. Насаждение националистических настроений на Украине в постсоветскую эпоху основывалось именно на таком подходе.

Кроме ретроспективных фальсификаций, ставка при осуществлении соответствующей политики делалась на искоренение русского языка и культуры [7, с. 9]. Использовались и различного рода оторванные от существовавшей когда-то реальности искажения [8, с. 7–9]. Все они сводятся к утверждению, что «предки... украинцев и белорусов никогда не имели ничего общего с русскими» [9, с. 3]. Имевшее общую этничность восточнославянское сообщество целенаправленно подвергалось разобщению. Оторванные от действительности представления привели к разрушительным последствиям.

После разъединения восточного славянства в 1991 г. учеными между тем в обращениях неоднократно высказывалось тревожное предостережение: «Необходимо уважать исторический выбор... предков!» [10, с. 52], сделанный в непростой обстановке еще на Московском Земском соборе (1653) и на Переяславской Раде (1654). В нем отразился преобладавший тогда настрой в восточнославянском сообществе на восстановление былого единства пространств Руси. Представителями науки обращалось внимание и на опасность растаскивания великого объединенного под давлением геополитических обстоятельств в прошлом в евразийскую империю наследия по национальным уделам.

И это несмотря на то, что в нем из-за специфики формировавшихся связей прослеживались элементы федерализации и наличие признаков согражданства восточных славян с другими входившими в состав российского государства народами. В постсоветскую эпоху тем не менее произошла актуализация существовавших в нем дифференцирующих отличий. Поднимался и территориальный вопрос. Через средства массовой информации и публикации в прессе излагались так называемые «исторические права» на немалую часть юго-восточных сопредельных российских регионов, исходя из принципа «преобладающей колонизации». В подтверждение же необходимости реализации в полном объеме, составленной еще М.С. Грушевским (1864–1934) на основе подмены сложившихся в контексте эпох понятий соответствующей теории [11], отображавших кодифицированные срезы реальных процессов, приводились, в частности, впечатления от поездок на Юг России.

И они, как утверждалось, позволили якобы наблюдать, что «везде там слышна украинская речь, и поэтому не нужно жалеть никаких средств, чтобы у местного населения возродить соответствующий национальный менталитет». Со ссылками на это делались неоднократные заявления «о душевной боли за Кубань и Таганрожье», допускались и более категоричные утверждения: «Ряд российских субъектов или их части – это Украина!» [12, с. 160–161]. Требование «возврата... её... земель» отражено в качестве программного и в современном «бандеровском проекте» [13, с. 306]. Перегруппировка или даже разрушение самосознания при помощи концептуальной организации ложных знаний, как показали последние события, возможны и в последние десятилетия обретали большие масштабы. Организованное же государственное российское противодействие этому не обеспечивалось.

После распада СССР в 1991 г. в школьных и вузовских учебных курсах на Украине ее история рассматривалась в отрыве от русской и с преувеличением роли украинской колонизации в освоении различных пространств, включавшихся в разные периоды в пределы государственного пространства. Формирование его происходило между тем при солидарном взаимодействии восточных славян с другими народами. Сохранявшиеся в научных кругах на Украине представления на этот счет и попытки их отстаивания жестко подавлялись [14, с. 236–279].

Идея расширения ее государственного пространства «от Карпат и до Кавказских гор!» использовалась в националистической пропаганде вплоть до начала современного конфликта. После преобразований в советскую эпоху вне его контекста осталась лишь часть, сохранившаяся в качестве ареала Юга России. Дискредитация прежней объединительной идеологии в постсоветскую эпоху способствовала возобновлению притязаний на реализацию в полном объеме теории М.С. Грушевского. Несмотря на надуманность и отсутствие опоры на источники, ее положения на протяжении длительного времени внедрялись в самосознание населения и способствовали его перегруппировке в нужном для националистов направлении. Наступившая же трагическая развязка кон-

струировалась с применением фальсифицированных исторических трактовок, сыгравших роль своего рода мировоззренческого оружия. Поражающий его эффект очевиден и нуждается в изучении.

Список литературы

1. Франко И. Захар Беркут. Картина общественной жизни Карпатской Руси в XIII веке // Франко И. Избранные сочинения. Т. IV. Рассказы и повести. Драммы. М., 1950.
2. Иваньо И.В., Шинкарук В.И. Философское наследие Григория Сковороды // Сковорода Г. Сочинения. В 2 т. М., 1973. Т. 1.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения. В 8 т. М., 1956. Т. I. Часть 1.
4. Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник / вступ. ст. и коммент. М.Б. Смолина. М., 1998.
5. Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М., 2006.
6. Поликарпов В.С. Новые виды оружия и технологии войн // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 1997. № 2.
7. Козлов Ю.К. Предисловие // Бандеризация Украины – главная угроза для России / авт.-сост. Ю.К. Козлов. М., 2008.
8. Калашников М., Бунтовский С. Независимая Украина. Крах проекта. М., 2009.
9. Широкоград А.Б. Утерянные земли России. М., 2007.
10. Заявление участников международной научной конференции «340 лет Переяславской Рады» // 340 лет Переяславской Рады. Междунар. науч. конф. Тез. докл. Донецк, 1994. Вып. 2.
11. Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1990.
12. Коваленко В. Крымский вопрос и московская пропаганда // Родина. 1995. № 3–4.
13. Зазулин Н.В. Вооруженное подавление бандеровского бандитизма // Бандеризация Украины – главная угроза для России / авт.-сост. Ю.К. Козлов. М., 2008.
14. Радзиевский А.И. Сохранение духовно-культурного единства и выход из экономического кризиса Украины и России // Диалог украинской и русской культур в Украине. Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (9–10 дек. 1999 г., г. Киев). Киев, 2000.

О.Б. Пенькова

ПРАЗДНИК КАК МАРКЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

В статье рассматривается формирование и динамика развития системы общественных праздников постсоветской Украины. Анализируется политика государства по формированию определенных мировоззренческих установок населения посредством праздника, который становится маркером политической идентичности.

Ключевые слова: праздник, постсоветская Украина, политическая идентичность.

O.B. Penkova

HOLIDAY AS A MARKER OF POLITICAL IDENTITY IN POST-SOVIET UKRAINE

The article deals with the formation and dynamics of the development of the system of public holidays in post-Soviet Ukraine. The policy of the state on the formation of certain given worldview attitudes of the population through a holiday, which becomes a marker of political identity, is analyzed.

Key-words: Holiday, post-Soviet Ukraine, political identity.

Праздники являются неотъемлемой частью существования и развития общества. Возникнув на самых ранних этапах истории человечества, они охватывают все стороны бытия: семейные отношения, трудовую деятельность, отдых, вовлечение в общественную и государственную жизнь. Праздник, как культурно-социальный феномен, с одной стороны отображает ментальность и духовность конкретного народа, с другой – имеет колоссальный воспитательный потенциал, исподволь эмоционально и психологически формируя мировоззренческие установки населения. Цель работы – на примере постсоветской Украины рассмотреть использование системы общественных праздников (официальных государственных и календарных) в формировании мировоззрения и политической идентичности населения. Источниками для написания статьи послужили нормативно-правовые документы, периодика, материалы устной истории.

На излете существования СССР, к 1991 г., в рамках советской праздничной культуры, сложилась определенная система общественных праздников, которая закреплялась на повседневном уровне, приобретая черты устойчивой традиции, и при этом чутко откликалась на политические, экономические и социальные перемены, начавшие происходить в стране в период перестройки. С крушением Советского Союза и возникновением государства Украина изменения коснулись и праздничной сферы жизни общества. Анализ государственной линии по отношению к праздникам позволяет выделить три периода, которые определялись внутривнутриполитической ситуацией и внешним влиянием.

Первый период – с 1991 по 2004 гг. – это начальный период украинской государственности, президентство Л. Кравчука (декабрь 1991 г. – июль 1994 г.) и Л. Кучмы (июль 1994 г. – январь 2005 г.). В это время создаются новые праздники, параллельно продолжают существовать многие советские. Среди совершенно новых государственных праздников необходимо назвать День независимости Украины – 24 августа, введенный Законом Украины от 5 июня 1992 г. [1]. Вторым по значимости государственным праздником – День Конституции также отмечался в летнее время – 28 июня. Он был законодательно установлен в 1996 г. [2]. Оба праздника имели высокий статус, подтвержденный выходным днём, но на их популярности негативно сказалось летнее время проведения, которое совпадало с каникулами, что повлияло на эффективность массовых детско-юношеских и молодежных мероприятий, в отличие от главного праздника советского периода – годовщин Октябрьской революции. Тогда граждане страны активно вовлекались в систему официального празднования с детского сада и младшей школы. Яркое выражение политическую подоплеку имел установленный в январе 1999 г. праздник – День соборности Украины [3]. Он отмечался 22 января и не имел выходного дня. В этот день проводились мероприятия идеологической направленности. Это было публичное официальное отмечаемое. В кругу семьи и друзей на повседневном уровне празднование не фиксировалось. Еще одним праздником этого периода стал День матери, установленный Указом Президента Украины от 10 мая 1999 г. [4]. Главная его идея – прославление женщины-матери, выражение ей благодарности, проявление заботы и внимания. Гуманисти-

ческая и, безусловно, важная направленность праздника, преследовала дополнительную цель – перетянуть на себя определенные «смыслы» Международного женского Дня 8 Марта. Датой празднования было определено второе воскресенье мая. Статус праздника подтверждался выходным. Население этот праздник восприняло позитивно, однако альтернативой 8 Марта он не стал.

Главные православные праздники в Украине получили поддержку на государственном уровне – с 1992 г. стали выходными днями Рождество – 7 января и следующий за Пасхой понедельник. Выходным днем стала Троица (понедельник, следующий за Троицей). Их высокий статус праздничных дней с официальным оплачиваемым выходным был закреплен еще Законом УССР (а не независимой Украины) от 20 марта 1991 г. [5].

В этот период сначала отменяют празднование 23 февраля – Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота, а затем, видя реакцию населения, в 1999 г. возвращают праздник под названием День защитника Отечества. Начинаются нападки на празднование Дня Победы 9 мая. Оба праздника сохранили позиции на повседневном уровне – их любили и продолжали отмечать.

Показателем определившегося внешнеполитического курса украинского государства стал введенный Указом президента от 19 апреля 2003 г. День Европы [6]. Отмечался он в третью субботу мая и подтверждался выходным. Населением Украины выходной день был воспринят, но на повседневном уровне празднование зафиксировано не было. Во внутренней политике показательным стало введение Указом президента Л. Кучмы от 26 ноября 1998 г. «Дня памяти жертв голодоморов», который определил его как ежегодный национальный памятный день, который отмечался в четвертую субботу ноября. 24 января 2003 г. было издано распоряжение президента Кучмы «Про вшанування (увековечивання, прославлення) памяти героев Крут», в котором говорилось о проведении в различных формах воспитательных мероприятий в молодежной среде. День памяти предполагалось отмечать 29 января ежегодно.

Первый этап государственной политики в отношении праздников характеризуется началом системного внедрения лозунга «Украина – не Россия», при этом на повседневном уровне жизни населения во многом сохраняет свои позиции советская праздничная система, за исключением празднования годовщин Октября (отменен в 2000 г.). Именно эти советские праздники являются общими для всего постсоветского пространства, напоминая об общей истории, культуре, духовном единстве. Они любимы и популярны, отмечались повсеместно в кругу семьи, друзей, коллег по работе.

Второй период – с 2004 г. по 2014 г. Начало его связано с «помаранчевой» революцией (22 ноября 2004 г. – 23 января 2005 г.), окончание – с «майданом» 2014 г. Для государственной политики Украины в отношении праздников в этот период характерно усиление давления на общие с Россией праздники, поиск новой, отличной от советского периода символики и форм проведения, противопоставления посредством праздника России и Украины.

Новых праздников в этот период создается не много, все они имеют явную этническую или прозападную направленность. Так, в 2005 г. Указом Президента

В. Ющенко в ознаменование начала «помаранчевой» революции вводится государственный праздник День Свободы. Отмечался он 22 ноября с 2005 по 2011 гг. Затем он был отменен президентом В. Януковичем, однако определенная часть украинского общества продолжала его праздновать [7]. В этот период продолжают попытки передергивания празднования Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Так, в 2009 г. вводится государственный праздник – День освобождения Украины от фашистских захватчиков, который отмечается 28 октября, и был призван показать значимость и самостоятельность Украины и при помощи изменения акцентов, стать определенным противопоставлением 9 Мая. В этот же период активно внедряется в общественное сознание мысль о равной ответственности перед человечеством фашистской Германии и Советского Союза, в школьных учебниках пишется только о Второй мировой, Великая Отечественная война заменяется «советско-немецкой войной на территории Украины», начинаются нападки на георгиевскую ленточку.

В период президентства Ющенко (январь 2005 – февраль 2010 гг.) появляются новые этнические праздники, не имеющие официального государственного статуса, но получавшие поддержку власти и активно популяризируемые через СМИ. Так, в 2006 г. появляется Международный День вышиванки, который отмечается в третий четверг мая. Было заявлено, что «это праздник яркого этнического стиля, ставший символом объединения всех украинцев мира» [8]. В этот же период в рамках празднования Великодня (Пасхи) широко отмечается День украинской писанки. К делу формирования «иной», отличной от прошлой идентичности населения активно привлекаются праздники календарного цикла, все это сопровождается активным внедрением украинского языка и гонениями на русский язык. В праздновании общих христианских праздников, как подлинные народные традиции для всей Украины предлагаются галичанские. По всей Украине широко отмечается День святого Миколая (Николая) – 19 декабря, начинается противопоставление образа Святого Николая «советскому» Деду Морозу, вместо новогодней елки во многих городах Украины, особенно на ее западе, устанавливают «дидуха» (украшенный сноп пшеницы), на городских площадях, в школах и детских садах разыгрывали «вертеп» – народный театр (и кукольный, и с игрой переодетых актеров), который показывал сценки на библейскую и злободневную светскую тематику. В этот период очень многие школы восточной Украины заключали договора со школами Львова, Дрогобыча, Тернополя, других городов, что позволяло возить детей во время зимних каникул на экскурсии для знакомства с «настоящей» украинской культурой. Яркий этнический окрас получило отмечание праздников всего календарного цикла – и Масленицы, и Троицы, и Ивана Купала, и Спаса, и Покровов.

Одновременно с формированием этнической идентичности посредством праздничной сферы активно шло формирование политических установок. Так, с 2004 г. во многих городах Украины проводятся ежегодные факельные шествия в день рождения Степана Бандеры 1 января («смолоскипова хода на честь Бандери»), с 2006 г. 14 октября – марш УПА (марш славы героев). Эти мероприятия готовились и всячески популяризировались в СМИ.

Второй период государственной политики в отношении праздников характеризуется закреплением позиции «Украина – не Россия», и наметившимся переходом к позиции «Украина – антиРоссия». На повседневном уровне еще сохраняются некоторые советские праздники, хотя и лишённые государственной поддержки, но очень любимые в народе – Новый Год, 8 Марта, 1 Мая, 9 Мая.

Третий период в празднично-обрядовой сфере Украины начался в 2014 г. и связан с государственным переворотом в Киеве и проведением киевским режимом так называемой «Антитеррористической операции» (АТО). Политика в празднично-обрядовой сфере проводится в рамках «декоммунизации» и носит откровенно агрессивный нацистский характер. Все советские праздники находятся под запретом, за неповиновение введена уголовная ответственность. День защитника Отечества 5 марта 2015 г. Законом Украины перенесен с 23 февраля на 14 октября с предоставлением выходного дня. С 2021 г. праздник переименован в День защитников и защитниц Украины. Во всех учебных заведениях проводятся «вахты памяти», в городах проходят факельные шествия. Появляются новые памятные дни. Так, указом президента Украины от 11 февраля 2015 г. вводится День памяти героев небесной сотни, который отмечают во всех образовательных учреждениях и даже в детских садах.

«Европейскость» Украины власти продемонстрировали введением еще одного официального праздника, получившего выходной день – празднование Рождества Христова по католическому календарю – 25 декабря. Это было закреплено Законом Украины от 15 декабря 2017 г. Православное Рождество также сохранило статус государственного праздника с выходным днем. Это должно продемонстрировать толерантность украинского социума.

Однако, основное противостояние общества и государства в Украине проявилось в отношении празднования Дня Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне – 9 Мая. В Российской Федерации этот праздник имеет статус главного государственного, а также напоминает об одной из великих побед и общем историческом прошлом наших народов. Прямой запрет празднования вызывал противодействие населения. По этой причине Указом президента Порошенко от 11 августа 2015 г. был введен День памяти и примирения, который празднуется по аналогии с Европой 8 мая. По представлениям организаторов смысл этого праздника в почитании памяти жертв Второй мировой войны и примирении всех противоборствующих сторон. До 2022 г. значительная часть украинского общества воспринимала возможность возложить цветы к памятникам Неизвестному Солдату, героям Великой Отечественной войны именно 9 мая, как проявление несогласия с официальной государственной политикой, как форму выражения политической позиции. В условиях поляризации украинского общества отношение к этому празднику стало маркером «свой» / «чужой». Третий этап политики в празднично-обрядовой сфере характеризуется не прикрытой агрессией не только ко всему советскому, но и к русскому наследию. Украина стала антиРоссией.

Таким образом, рассмотрев систему праздников в постсоветской Украине можно сделать вывод, что она активно задействуется в технологиях манипуляции общественным сознанием населения, формируя заданные образы. Праздник в определенных условиях становится маркером политической идентичности конкретного человека и социума, либо его части.

Список литературы

1. Об установлении празднования Дня независимости Украины. Закон Украины № 2417-ХІІ от 5 июня 1992 г. URL: <https://www.calend.ru/holidays/ukraine/> (дата обращения: 05.04.2022).
2. Об установлении празднования Дня Конституции Украины. Закон Украины №256/96 от 28 июня 1996 г. URL: <https://www.calend.ru/holidays/ukraine/> (дата обращения: 03.04.2022).
3. Об установлении празднования Дня соборности Украины. Указ Президиума Украины от 21 января 1999 г. URL: <https://www.calend.ru/holidays/ukraine/> (дата обращения: 05.04.2022).
4. Об установлении празднования Дня матери. Указ Президента Украины от 10 мая 1999 г. URL: <https://www.calend.ru/holidays/ukraine/> (дата обращения: 05.04.2022).
5. Закон УССР № 871-ХІІ от 20 марта 1991 г. URL: <https://www.calend.ru/holidays/ukraine/> (дата обращения: 05.04.2022).
6. Об установлении празднования Дня Европы. Указ Президента Украины от 19 апреля 2003 г. URL: <https://www.calend.ru/holidays/ukraine/> (дата обращения: 05.04.2022).
7. Про День Свободы. Указ Президента Украины от 30.11.2011. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/ru/1619/2005#Text> (дата обращения: 05.04.2022).
8. День вишиванки: історія та традиції свята. Архів оригіналу за 17 травня 2018. URL: https://web.archive.org/web/20180517163214/https://24tv.ua/den_vishivanki_v_ukrayini_istoriya_ta_traditsiyi_svyata_n817527 (дата обращения: 05.04.2022).

И.В. Островская СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ СЕВАСТОПОЛЯ В 1991–2014 ГГ.

В статье раскрываются направления деятельности общественных объединений Севастополя по сохранению исторической памяти, формированию в 1991–2014 гг. русскокультурных ориентиров у молодежи. Выделяется специфика работы городских объединений в условиях нарастающей украинизации регионального сообщества

Ключевые слова: идентичность, общественные объединения Севастополя, Черноморский флот, историческая память, украинизация

I.V. Ostrovskaya PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY AS A LINE OF ACTIVITY OF PUBLIC ASSOCIATIONS OF SEVASTOPOL IN 1991–2014

The article reveals the directions of activity of public associations of Sevastopol for the preservation of historical memory, the formation in 1991–2014 of Russian-cultural orientations among young people. The specifics of the work of urban associations in the conditions of increasing Ukrainization of the regional community are highlighted.

Key-words: identity, public associations of Sevastopol, Black Sea fleet, historical memory, ukrainization.

Важное значение в сохранении исторической памяти поколений, формировании русскокультурных ориентиров идентичности у подрастающего поколения полуострова в 1991–2014 гг. имела целенаправленная, долговременная деятельность общественных объединений. Значительное число объектов культурно-исторического наследия, отражавших различные периоды истории народов и государств на данной территории способствовали развитию данного направления в деятельности региональных организаций. На протяжении многовековой истории Крым всегда находился на пересечении интересов многих государств, что нашло отражение в культурно-духовных, цивилизационных особенностях регионального сообщества. Эта уникальность и была «активирована» общественными объединениями в период борьбы за самобытность в условиях становления и упрочнения украинской государственности на Крымском полуострове.

В данном направлении активно работали и организации Автономной Республики Крым и Севастополя, города центрального, республиканского подчинения. Возрастающая активность организаций в данном направлении была связана с нарастающей украинизацией общественной, бытовой жизни и особенно ярко проявлялась в образовательной, культурной сферах [1, с. 126].

На начальном этапе работы, приоритет отдавался героико-патриотической работе, связанной с популяризацией славных страниц русской и советской военной истории, интернациональном, нравственном воспитании молодежи. Здесь лидирующие позиции занимали ветеранские организации, а именно Севастопольский городской совет ветеранов войны и труда (образован в 1987 г.) и Севастопольский комитет ветеранов войны и Вооруженных сил (до октября 1995 г. Севастопольская секция Советского комитета ветеранов войны) [2, с. 172]. Данные организации были хорошо структурированы, имели большой, ещё советский, опыт работы с молодежью через специальные секции в добровольных объединениях. Также ветеранские «первички» были закреплены практически за каждой городской школой. Эффективной площадкой взаимодействия с молодежью был Пост № 1 у Мемориальной стены в честь героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. В 1991–2014 гг. севастопольский пост № 1, где проходила традиционная Вахта Памяти школьников города, являлся единственным постоянно действующим на всем постсоветском пространстве. В организациях активно использовались такие формы работы с молодежью как ежегодные «уроки мужества», акции «встреча поколений», тематические встречи не только с фронтовиками, но и с ветеранами труда, военной службы, участниками локальных конфликтов.

Важно отметить, и то, что деятельность данных, весьма многочисленных, организаций была скоординирована и этому способствовала работа над Книгой памяти города-героя Севастополя, которая началась с 1989 г. К сбору сведений для издания привлекались и молодежные поисковые отряды. С ними взаимодействовали ветераны, входящие в специальные орггруппы по подготовке Книги.

Увековечивание памяти героев двух оборон, изучение малоизвестных страниц истории города и флота, воспитание молодежи на лучших исторических традициях определил как свою основную деятельность Севастопольский клуб любителей истории города и флота, образованный в 1982 г. Благодаря инициативам клуба в число ежегодных городских мероприятий вошли Дни скорби и памяти по погибшим в первый день войны 22.06.1941 г., окончания обороны города 3.07.1942 г., начала массового расстрела мирного населения города немецко-фашистскими оккупантами 12.07.1942 г. Активисты клуба входили в городскую комиссию по топонимике и инициировали увековечивание имен севастопольцев – участников Великой Отечественной войны в названии новых улиц и площадей города.

Историческое краеведение стало основными направлениями работы и образованного в 1996 г. Фонда истории и культуры им. Г. Черкашина. В уставе данной организации отдельным пунктом отмечалась необходимость воспитания гражданственности у молодежи на основе исторических традиций, осознании уникальности крымской земли, а также на основе высоких нравственных ориентиров, базирующихся на православной вере [3, с. 96]. Необходимо отметить работу фонда по организации ежегодного творческого конкурса «Жизнь каждого из нас принадлежит Отечеству», который проводился среди старшеклассников города с 1996 по 2014 гг. Его организаторы поощряли поиск источников, писем, фотоматериалов в семейных архивах горожан. Командование Черноморским флотом РФ оказывало организаторам существенную материально-техническую поддержку в проведении конкурса.

Военная реконструкция являлась основным направлением работы молодежного Клуба любителей истории Отечества (КЛИО), созданного при Музее героической обороны и освобождения Севастополя в 1991 г. [4, с. 720]. В структуре клуба была предусмотрена работа двух секций, одна из них занималась реконструкцией русской униформы периода первой обороны Севастополя 1854–1855 гг. Спустя десять лет на базе КЛИО развернула деятельность Севастопольская ассоциация военно-исторических клубов, куда входило шесть клубов, занимающихся историей русской униформы не только периода Крымской войны, но и Первой мировой, Великой Отечественной войн. Среди задач деятельности данных молодежных общественных объединений были возрождение лучших армейских традиций, изучение и популяризация отечественной военной истории. С 1994 г. по инициативе севастопольских военно-исторических клубов на базе Музея героической обороны и освобождения Севастополя проводился популярный международный фестиваль униформистов России и Украины. Тысячи гостей города и севастопольцев в течении четверти века были свидетелями воспроизводимого реконструкторами штурма четвертого бастиона в рамках ежегодного праздника День Исторического бульвара [4, с. 270].

Необходимо отметить, что Севастополь в указанный период являлся базой двух флотов Украины и России. Военно-морская составляющая в патриотическом воспитании молодежи наиболее ярко прослеживалась в работе двух общественных объединений: Российской общины Севастополя и Военно-научного

общества Черноморского флота. Первая активно вела просветительскую работу с флотской молодежью, проходившей службу на кораблях РФ, а вторая была ориентирована на популяризацию среди гражданского населения историко-публицистических, хроникальных, документальных книг по истории Черноморского флота и его основной базы в Севастополе.

После 2004 г. появление новых общественных объединений, работающих в социокультурной, гуманитарной сферах, активизация деятельности уже существующих организаций была связана с очередным сильным толчком «перемаркировки» культурно-исторического ландшафта полуострова. В данном направлении заработали молодежные организации на базе вузов, а также появились городские отделения российских организаций.

Так севастопольская общественная организация молодежи «Москит» родилась по инициативе студентов ЧФ МГУ («Молодежь отстоит Севастопольскую культуру, традиции») в июне 2008 г., в ночь противостояния по поводу установки памятника Екатерине II. Данная организация тесно сотрудничала с созданным в 2006 году общественным объединением «Учреждение объединения граждан «35-я береговая батарея», которое взяло на вооружение реализацию музейного проекта. К его созданию активно стали привлекаться поисковые молодежные отряды, военно-исторические клубы Севастополя и стран СНГ.

Также по инициативе общественного объединения «Учреждение объединения граждан «35-я береговая батарея» и по решению Севастопольского городского совета в средних школах города с 2007 г. началось преподавание предмета «Севастополеведение». Городским активистам удалось собрать средства на выпуск учебных пособий курса и учебных тетрадей к нему. Севастопольские школы включили его в план работы по краеведению.

Таким образом на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. общественные объединения Севастополя сделали значительный вклад в сохранение исторической памяти, формирование русскокультурных ориентиров идентичности у учащейся молодежи региона. Привлечение к изучению культурно-исторического наследия способствовало передаче и сохранению исторической памяти поколений, влияло на процесс самоидентификации молодежи в условиях украинской действительности.

Список литературы

1. Островская И.В. На разломе: из истории становления и развития русского движения в Крыму и Севастополе (1991 – март 2014). Симферополь, 2019.
2. Куликов И.И. и др. Севастополь на рубеже тысячелетий. Севастополь, 2003.
3. Жизнь каждого из нас принадлежит отечеству / под ред. Р.П. Семенов. Севастополь, 2009.
4. Севастополь: Энциклопедический справочник / Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя; ред.-сост. М.П. Апошанская. 2-е изд., доп. и испр. Севастополь; Симферополь, 2008.

Г.П. Рогочая, Е.В. Улько

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН И КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ СОЦИОКУЛЬТУРОГО ПРОСТРАНСТВА КОНФЛИКТНЫХ УСТАНОВОК

В работе рассмотрены результаты исследования представленности в сознании ... студентов знания и ориентации на культурно обусловленные практики урегулирования конфликтов и споров, закреплённые в пословицах, поговорках, традициях своей этнической группы.

Ключевые слова: психология конфликта, культурные практики посредничества, медиация, этнокультурные установки, этномедиация, психологические стратегии поведения в конфликте.

G.P. Rogochaya, E.V. Ulko

REPRESENTATION IN THE MIND OF THE YOUTH OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN AND THE KRASNODAR KRAI OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF CONFLICT INSTITUTIONS

The paper considers the results of a study of representation in the minds of students ... knowledge and orientation to culturally determined practices of conflict and dispute resolution, enshrined in proverbs, sayings, traditions of their ethnic group.

Key-words: psychology of conflict, cultural practices of mediation, mediation, ethno-cultural attitudes, ethno-mediation, psychological strategies of behavior in conflict.

Вопросы конфликтного взаимодействия и способов урегулирования конфликтов разного уровня и масштаба на настоящий момент. Несомненной является значимость научного осмысления роли различных экономических, политических и социально-психологических факторов в возникновении, протекании и разрешении конфликтов, что обуславливает уместность проведения междисциплинарных исследований в данной области. В нашей работе в поле исследовательского внимания находятся вопросы на стыке социологии, культурологии, психологии – этнокультурная обусловленность отношения современной молодежи к так называемым «обыденным» конфликтам (в семье, в учебном заведении, с соседями и прочих повседневных жизненных ситуациях), роли культурного контекста при выборе стратегий поведения и способов их урегулирования. Выделение этнокультурной составляющей в эмпирической части исследования было обеспечено характером выборки (сравнение групп студенческой молодежи Республики Дагестан и Краснодарского края), а также анализом обращений респондентов к знанию культурных практик, норм и традиций, апеллированию к социально-культурным составляющим при раскрытии своих установок реагирования на конфликтные ситуации. Обозначенные вопросы являются частью более широкого исследовательского проекта, направленного на изучение психологических аспектов готовности молодежи различных этнокультурных групп к более активному внедрению процедур медиации как конструктивного способа решения конфликтных ситуаций в различных сферах жизни гражданами нашего общества.

Центральным в нашем исследовании является обращение к исследованию этнических конфликтных установок личности – этнокультурной обусловленности готовности человека определенным образом воспринимать и оценивать конфликтную ситуацию, выбирать стратегию поведения и способы его регулирования. Этнические конфликтные установки (как и любые другие) и их специфика у разных социокультурных групп обусловлены более широкими образованиями, такими как психология группы, этническое сознание. Как отмечает И.Д. Тарба, «этнопсихологические особенности могут проявляться только через механизмы установки и стереотипа... представитель той или иной этнической общности предрасположен мыслить, чувствовать и действовать так, как ему диктуют этнические традиции, установленные нормы каждой этнической группы и правила поведения» [1, с. 70].

Становление этнической установки происходит в ходе исторического развития, что приводит к возникновению систем этнических установок, их закреплению в различных социальных практиках. Этнические установки, в том числе и конфликтные, обеспечивают определенную повторяемость реакций на стандартные конфликтные ситуации, определяя специфику взаимодействия представителей различных этносов в определенного рода ситуациях, облегчают принятие решений и выбора, создают согласованность моделей поведения [2]. Этнические установки закрепляют отношение личности к объекту и явлению (например, к различным практикам посредничества) или к определенному виду взаимодействия в зависимости от вида конфликта (соседскому, семейному, трудовому, с представителем иной этнической группы и др.). Психологические стратегии поведения человека в конфликте во многом зависят от этих социальных конфликтных установок (аттитюдов). Своё выражение данные стратегии находят в поведенческих и «деятельностных» проявлениях личности и в том числе в ориентациях на урегулирование конфликтов, отражаются в ее общении (коммуникации). В различных этнокультурных группах могут наблюдаться различия в когнитивной, эмоциональной и конативной компонентах установок личности к конфликту, конфликтному взаимодействию, способам урегулирования конфликтов, в частности, культурные различия в урегулировании конфликтов с участием посредника.

Представляет интерес рассмотрения такой проблемы, как соотношение процессов актуализации сформированных традиционных этнических установок в конфликтном взаимодействии и зарождение, становление и продвижение новых практик конфликторазрешения, в частности применение процедур медиации для решения спорных вопросов. Такая постановка проблемы направляла нас при организации и проведении эмпирического исследования, часть которого представлена в данной статье. Эти же соображения обусловили обращение к выборке студенческой молодежи, как той социально активной группы, для которой вопросы интеграции, а порой и выбора между традиционными и новыми поведенческими практиками являются значимым и осмысляемыми.

Нами было проведено исследование культурно обусловленных установок к поведению и разрешению конфликтов среди студенческой молодежи Республики Дагестан и Краснодарского края. Нас интересовал аспект этнических установок, связанный с культурно обусловленными способами его регулирования, и как отдельный пункт – урегулированию конфликтов с участием посредников. Выборку составили студенты вузов в возрасте от 17 до 21 года (всего 159 чел.), из них 77 чел. (34 юноши и 43 девушки) из Дагестана (г. Махачкала) и 82 чел. (41 юноша и 41 девушка) из г. Краснодара. Исходя из понимания закрепленности этнических конфликтных установок в традиционных практиках, обычаях, приметах, пословицах и пр. и для определения социокультурной обусловленности выбора респондентами способов поведения в конфликте мы применили анкету с включенным в нее приемом оценки знания респондентами данного культурного пласта. Для этого студентам было предложено обозначить обычаи и традиции урегулирования конфликтов, вспомнить как можно больше пословиц, поговорок, крылатых фраз, которые отражают различные варианты отношения и поведения в конфликтных (спорных) ситуациях с последующей категоризацией ответов.

Обратимся к основным полученным результатам. При анализе результатов применение приема оценок пословиц и поговорок мы опирались на существующее выделение четырех стратегии выхода из конфликтной ситуации (их еще прямо называть стратегиями ведения переговоров): «проигрыш–проигрыш», «выигрыш–проигрыш» и «проигрыш–выигрыш», «выигрыш–выигрыш». Стратегия «проигрыш–проигрыш» может быть проиллюстрирована следующими пословицами: «Око за око»; «Нашла коса на камень»; «Петухи петушились и перышек лишились, если сильно петушиться, можно крылышек лишиться»; «Спорили мыши за лобное место, где будут кота хоронить». Стратегии «выигрыш–проигрыш» и «проигрыш–выигрыш» характеризуются следующими пословицами: «О пустяках спорить – дело упустить»; «Лучше сто лет переговоров, чем один день войны»; «Чтобы найти общий язык, свой следует немного прикусить»; «За малое судиться – большое потерять». Стратегия «выигрыш–выигрыш» представлена пословицами следующего ряда: «Всегда в споре прав, если не спорил»; «На спор не будь скор»; «Ни с кем не бранюсь и никого не боюсь». Поскольку примирительные практики в большинстве случаев реализуются посредством переговоров, то группировка пословиц и поговорок по данным стратегиям позволит выявить наиболее социально значимые стратегии для данных выборок. Стратегии «выигрыш–проигрыш» и «проигрыш–выигрыш» являются односторонними стратегиями, ориентированными на односторонний выигрыш. Данные стратегии ведения переговоров соотносятся с такими стратегиями конфликтного поведения, как соперничество и приспособление. Что касается стратегии «проигрыш–проигрыш» при ведении переговоров и урегулировании споров, то она ориентирована на компромисс, в котором чтобы каждый что-то выиграл, каждый должен что-то потерять. Стратегия «выигрыш–выигрыш» направлена на выработку взаимоприемлемого решения, максимально удовлетворяющего интересы каждой из сторон конфликта. Достижение такого результата возможно лишь при ведении

переговоров на основе интересов. Такому стилю поведения в процессе урегулирования споров соответствует стратегия «сотрудничество». По тому, какие пословицы, поговорки (крылатые выражения) выбрали участники исследования, мы можем судить о преобладании той или иной стратегии, как социально одобряемой или неодобряемой в рамках той или иной культуры.

Между сравниваемыми группами были выявлены существенные различия в количестве приведенных пословиц. В выборке краснодарских студентов 30,7% не смогли написать ни одной пословицы, 18,2% назвали 1–2, и 51,1% обозначили три и более (причем многие называли не пословицы, а народные приметы: «рассыпал соль – быть ссоре», или косвенно отсылали к конфликтному сюжету «лебедь, рак, щука»). Студенты из Дагестана 25,4% не смогли привести примеры пословиц и поговорок, 14,6% написали по 1–2, остальные 60% написали три и более. Среди них встречались респонденты, отметившие до семи пословиц. Таких высоких показателей в сравниваемой группе не встречали.

Обращение к анализу содержания актуализированных пословиц с точки зрения отнесенности их к стратегиям выхода из конфликтной ситуации мы получили частоту упоминания каждой стратегии и перевели в проценты (долю от всего списка). Ранжирование стратегий в обеих выборках носит схожий характер, но с тем отличием, что семантический ряд пословиц каждой группы у студентов из Дагестана более вариативен. Факт свидетельствует о большей представленности в сознании респондентов данной группы обозначенных социокультурных ориентиров поведения в конфликтных ситуациях.

Преимущество получила группа с односторонними стратегиями (из Дагестана 0,46, из Краснодара 0,44). Это свидетельствует о преобладании понимания наличия одного «победителя», и единственной альтернативы исхода как «либо победить либо подчиниться». Второй по доли представленности и с небольшим отрывом от первой является стратегия «проигрыш-проигрыш» (из Дагестана 0,41, Краснодарские 0,38). Стратегия соответствует компромиссу. Самое малое количество семантических ассоциаций в обеих выборках, причем со значительным отрывом от предыдущих двух представлено в категории стратегии «выигрыш-выигрыш». Это единственная категория, в которой доля ответов в группе краснодарских студентов (0,18) выше, чем у студентов из Дагестана (0,13). Общая доля диалоговых стратегий («проигрыш–проигрыш» и «выигрыш–выигрыш») все же преобладает над долей односторонних стратегий (у студентов Дагестана 0,54 и 0,46, из Краснодара 0,55 и 0,44).

Обобщая изложенные и ранее опубликованные данные [2] отметим, что студенты из Дагестана и Краснодара продемонстрировали ряд сходных и различающихся характеристик конфликтных установок, исходя из представленности в сознании различных вариантов культурно специфичных практик разрешения конфликтов и споров. Для обеих групп характерно примерно равная представленность моделей урегулирования спора с односторонним преимуществом и необходимостью диалога и равного учета интересов сторон. Общим является выраженность тенденции к диалогу в форме взаимных уступок, тогда как направлен-

ность на активную позицию и достижение максимального учета интересов оппонентов явно уступает по представленности. Стратегия взаимного выигрыша в наибольшей степени соответствует концепции диалогического общения присущей медиации, как процедуре урегулирования споров. Но именно эта стратегия меньше всего представлена в семантическом ряду пословиц у студентов сравниваемых групп. Наиболее существенное различие связано с большей осведомленностью студентов из Дагестана о социокультурных практиках конфликторазрешения, готовностью к использованию части из них в своем опыте. Студенты из Краснодара крайне затрудняются в обозначении каких-либо культурноспецифичных практик разрешения конфликтов. Однако они демонстрируют несколько большую готовность к диалогу и решению возникающих споров профессиональных посредников.

Исследование и учет культурнообусловленных социально-психологических аспектов установок молодежи различных этнических групп разрешению конфликтов позволит расширить возможности использования сформированных практик и непротиворечащее им внедрение новых конструктивных процедур (в частности медиацию) в регуляцию и разрешение конфликтных ситуаций и споров.

Список литературы

1. Тарба И.Д. Психологические особенности этнического сознания // Педагогическое образование в России. 2015. № 5. С. 70–75.
2. Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49–58.
3. Рогочая Г.П. Улько Е.В. Сравнение установок на урегулирование конфликтов с участием медиатора студенческой молодежи Республики Дагестан и Краснодарского края // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnenie-ustanovok-na-uregulirovanie-konfliktov-s-uchastiem-mediatora-studencheskoy-molodezhi-respubliki-dagestan-i-krasnodarskogo>

С.П. Шендрикова

РЕТРОСПЕКТИВА ИНТЕГРАЦИИ КРЫМА В РОССИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ РЕКРЕАЦИЙ В ЯЛТЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье презентована роль гостиниц Ялты в контексте формирования экономики впечатлений и зарождения индустрии гостеприимства на Юге России (XIX – начало XX вв.) как составляющей общественной динамики социума периода коренной трансформации и интеграции региона в общероссийское пространство.

Ключевые слова: гостиница, Южный берег Крыма, Ялта, курорт, инфраструктура, путешественник, услуга.

**INTEGRATION RETROSPECTIVE CRIMEA TO THE RUSSIAN SPACE
ON THE EXAMPLE OF THE DEVELOPMENT OF RECREATION IN YALTA
(THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES)**

The article presents the role of Yalta hotels in the context of the formation of the experience economy and the emergence of the hospitality industry in the South of Russia (XIX – early XX centuries) as a component of the social dynamics of the society during the period of radical transformation and integration of the region into the all-Russian space.

Key words: hotel, Southern Coast of Crimea, Yalta, resort, infrastructure, traveler, service.

Развитие курортного дела в Крыму напрямую связано с переломным фрагментом истории края и его активной интеграцией в российское пространство после включения в границы империи. Научное рассмотрение развития гостиничного дела Южного берега Крыма в XIX в. позволяет «пальму первенства» беспристрастно отдать Ялте. Истинную популярность как курорт город приобрел в начале 60-х гг. XIX в. Причиной этому на наш взгляд, является первое посещение полуострова Александром II: «Теперь Ялта хорошеет не по дням, а по часам» [1, с. 50]. Также следует отметить, что одним из важнейших факторов в контексте становления региона как природной лечебницы стало признание ЮБК местом климатолечения, где поправляла свое здоровье императрица Мария Александровна по рекомендации С.П. Боткина [2, с. 8]. Это, в свою очередь, спровоцировало развитие всей инфраструктуры города и стало одной из предпосылок строительства первой гостиницы, которая в последствии располагалась между прибрежной дорогой и Елизаветинской улицей. Гостиница «La citta di Odessa» внешне была ничем не примечательна. Принадлежала она графу М.С. Воронцову, содержал же гостиницу итальянский оперный певец Бартолуччи [3, с. 4]. В.В. Измайлов в своих записях о путешествии по Крыму отзывался о строении следующим образом: «Она высока... , расположена со вкусом, снабжена всеми удобствами необходимыми, для приезжающих» [4, с. 32].

Активное развитие курортно-туристической отрасли положительным образом отразилось на становлении гостиничного дела в силу того, что с постоянным увеличением количества отдыхающих и туристов возрастал и доход от гостиниц. Дочь А. Собеса, продолжившая дело отца, содержала и обустроивала гостиницу по современным стандартам. Гостиница представляла собой 45 номеров, стоимостью от 1 руб. 50 коп. за сутки. Панорамный вид из окон на набережную и пристань был большим достоинством строения. В период с 1830-х гг. по 1889 г. гостиница меняла своё название на «Ялта», «Ялтинская» и «Крымская». В 1889 г. ее приобрела супруга ялтинского купца С.П. Бухштаб, переименовав в «Центральную». Перестройка здания позволила увеличить количество номерного фонда в полтора раза, а также улучшить их интерьер.

Гостиница С.П. Галахова, располагавшаяся по улице Бульварной, 12, в конце 1860-х гг. была приобретена Удельным ведомством, в последствии перестроившее ее по проекту К.И. Эшлимана. Следующий хозяин гостиницы, купец Е.О. Майтоп, в 1900 г. также перестроил здание, которое после этого представляло собой четырехэтажное каменное строение с балконами. С 1901 г. гостиница функционировала как «Таврида», располагала 42 номерами, цена которых колебалась в зависимости

от сезона. Например, осенью: от 1 до 8 руб., зимой: от 80 коп. до 4 руб. в сутки. В 1905 г. у гостиницы появился новый владелец – Д.А. Южефович, переименовавший ее в «Бристоль» [5, с. 9].

Развитие Ялты как центра курортной деятельности Крыма способствовало активному строительству гостиниц в городе. В.Х. Кондараки в 1873 г. отмечал наличие здесь трех гостиниц, а именно: «Hotel de la Cote», «Ялтинская» и «Крымская», указывая на их главный недостаток – шум. Вместе с тем, по данным автора, владельцы старались благоустроить быт посетителей различными способами, о чем свидетельствует следующая цитата: «...содержатели, желают угодить во всех отношениях квартирантам» [6, с. 222]. Наряду с В.Х. Кондараки, Г. Москвич в своем путеводителе за 1913 г. указывает на 14 гостиниц в Ялте, что составляло номерной фонд в 800 единиц [7, с. 176].

Четвертой гостиницей Ялты, которая была торжественно открыта в июне 1874 г., стал «Эдинбург». Она располагалась по дороге из Симферополя. Гостиница несколько раз претерпевала изменения в названии по причине смены владельцев. Так, в 1882 г. она называлась «Кавказ», в 1897 г. – «Гранд-Отель», в 1955 г. – «Приморская». Помимо разнообразных услуг, она имела телефонный номер № 78 с круглосуточным доступом для гостей. После строительства гостиницы «Россия» она стала второй в городе по уровню обслуживания и количеству номеров (100 против 65). О ней упоминается в работе В.Х. Кондараки: «В этой гостинице, во многом уступающей «России», также не дурно» [8, с. 102].

Строительством гостиницы занимался К.И. Эшлиман. Это обошлось в 1 млн. руб. Находилась она: «В центре набережной сосредоточена наиболее обширная гостиница» [9, с. 43]. Открытие ее состоялось 19 декабря 1875 г. Гостиницу по праву называли «истинно европейской», «лучшей в городе» [10, с. 42]. Одной из главных причин тому было наличие газового освещения и собственного водопровода. Внутреннее убранство отличалось роскошью отделки, а также всевозможными удобствами: «Замечательна своей обширностью и прекрасным устройством» [11, с. 80]. Трехэтажное здание с большим количеством номеров с балконами и видом на море, имело столовую, ресторан, читальню, биллиардную, прачечную, ванн-ные комнаты, концертный и танцевальный залы, а также террасы с видом на море [12, с. 98–98]. Стоимость гостиничного номера всегда напрямую зависела от спроса постояльцев. Гостиница «Россия» являлась самой дорогой в Ялте в период с 1875 по 1917 г., что соответствовало ее статусу и популярности среди гостей курорта. История гостиницы «Ореанда» представляет не меньший интерес. Она была построена в современной части города рядом с Ливадийским мостом. Автором проекта является известный в России и за ее пределами зодчий академик архитектуры А.Н. Бекетов. 13 июля 1907 г. состоялось торжественное открытие гостиница «Ореанда», на которой присутствовало немало высокопоставленных и именитых гостей. Уровень мероприятия указывал на статус гостиницы и обращал на себя внимание. Для украшения вестибюля архитектор использовал картины известных художников из своей коллекции – И.Е. Репина, И.И. Шишкина, В.А. Серова, В.В. Верещагина, И.Н. Крамского, Антони ван Кроса, Франческо Моразини [13, с. 17–31].

Наиболее существенным фактором в контексте развития гостиничной сети на ЮБК, на наш взгляд, был все возрастающий поток отдыхающих из года в год. Однако ради справедливости следует признать, что с ростом потока туристов, возрастали и их запросы. Гости полуострова, наряду с широким выбором в ценовой категории, требовали и уровень комфорта. Именно в этой связи в Крыму к началу XX в. сформировалась система классификации гостиниц. Гостиницы Ялты в 1910-х гг. согласно классовой дифференциации, делились на два разряда. К первому относились восемь гостиниц, а именно: «Россия», «Вилла Елена», «Мариино», «Франция», «Санкт-Петербург», «Джалита», «Метрополь», «Центральная». Семь остальных гостиниц из общего числа были отнесены ко второму разряду: «Ялта», «Гранд-Отель», «Лондон», «Бристоль», «Морская», «Венеция», «Новый парк» [14, с. 6].

В заключение следует сказать, что становление гостиничного дела, независимо от региона, напрямую связано с развитием туристской отрасли. В этом контексте не стал исключением и Крым. Размещение царской семьи в 1861 г. в Ливадии сыграло огромную роль в рекламировании курорта, что спровоцировало его популяризацию в России. В свою очередь это явилось причиной активной интеграции полуострова в российское пространство после его включения в имперские границы в 1783 г.

Список литературы

1. Сосногорова М.А. Путеводитель по Крыму. Одесса, 1880.
2. Авсенёва С.Н. Крым глазами путешественников первой половины XIX века: новые отрывки из путевых записок Яноша Карой Беша // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2014. Т. 32. № 2 (66). С. 3–9.
3. Лысова Л. Весною в Крыму // Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта». 2014. № 11–13. С. 2–5.
4. Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. Путешествие по южной области России. М., 1805.
5. Лысова Л. Гостиница «Эдинбург» – «Первая по пути из Симферополя» // Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта». 2013. № 6. С. 13–15.
6. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. В 3-х т. Николаев, 1873. Т. 1.
7. Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. СПб., 1913.
8. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. В 3-х т. М., 1883. Ч. 13.
9. Еленин Е. Ялта и окрестности. Ялта, 1901.
10. Фейгин Л.А. Путеводитель по Крыму и справочная книжка. М., 1888.
11. Горчакова Е.С. Воспоминания о Крыме: в память столетнего юбилея присоединения Крыма. М., 1883.
12. Сосногорова М.А. Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса, 1871.
13. Иванова Л.М. и др. Гостиница «Ореанда». Симферополь, 2007.
14. Лысова Л. Гостиница на любой вкус // Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта». 2015. № 16–18. С. 36–39.

Е.А. Шкрибитко

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЛАНДШАФТНО-АРХИТЕКТУРНОЙ ЗАСТРОЙКИ МОНАСТЫРЕЙ: НА ПРИМЕРЕ СВЯТОГОРСКОГО СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

В статье, на примере Святогорского Свято-Успенского монастыря в среднем течении реки Северский Донец, рассматриваются основные принципы формирования и развития монастырской архитектуры. Основное внимание акцентируется на трансформации типов ландшафтно-планировочных схем конца XVI – XIX вв.

Ключевые слова: Святогорский Свято-Успенский монастырь, Киево-Печерская лавра, культовые постройки, пещерный комплекс, наземные постройки, монахи, ландшафтно-планировочные схемы.

E.A. Shkribitko

THE BASIC PRINCIPLES OF LANDSCAPE AND ARCHITECTURAL DEVELOPMENT OF MONASTERIES: ON THE EXAMPLE OF THE SVYATOGORSKY HOLY DORMITION MONASTERY

In the article, on the example of Svyatogorsky Holy Assumption monastery in the middle reach of Seversky Donets river, the basic principles of formation and development of architecture of the monasteries are considered. The main attention is focused on the transformation of types of landscape-planning schemes of the late XVI – XIX centuries.

Key words: Svyatogorsky Holy Assumption monastery, Kiev-Pechersk Lavra, religious buildings, cave complex, above ground buildings, monks, landscape planning schemes.

Среди исследователей указанную тему рассматривали дореволюционные (архиепископ Харьковский Филарет, протоиерей Харьковской епархии П. Фомин, Г. Кульжинский и др.) и советские (В.Н. Дедов, Э.Е. Кравченко и др.) историки. В их работах отображены основные гипотезы, связанные с происхождением топографического названия «Святые Горы», основанием и развитием тут монастырского архитектурного комплекса в конце XVI – XIX вв.

Цель работы – рассмотреть типы ландшафтно-планировочной застройки монастырей на примере Святогорского монастыря в Подонцовье.

Первые монастыри появляются во второй половине XI в. летописи впервые упоминают про монастыри под 1037 г., когда Ярослав Мудрый основал монастырь св. Юрия (имя Ярослава Мудрого в крещении) и женский св. Ирины (в крещении жена Ярослава Ингигерды). летопись отмечает, что Ярослав особенно любил «черноризцев, которые «начали множиться». Это были первые, так называемые «княжеские монастыри», которые со временем распространяться по Руси. Каждый князь хотел иметь в своих землях (княжествах) монастырь, как центр духовности и культуры, с одной стороны, и именной памятник архитектуры – с другой стороны. В учрежденные монастыри вступали также члены княжеских родов, а сами князья в старости часто принимали монашеский постриг.

Под 1051 г. впервые упоминается Киево-Печерская лавра. Тут молился первый русский митрополит Илларион. Среди основателей этого монастыря были преподобный Антоний из Любеча (Черниговщина). Он посещал святую гору Афон в Греции. Вокруг Антония объединилось около 20 монахов (преподобный

Феодосий, Варлаам, Никон и другие), жившие в ближних пещерах. Князь Изяслав в 1062 году утвердил Варлаама игуменом нового княжеского монастыря св. Дмитрия в Киеве, а печерские монахи избрали своим игуменом (настоятелем) преподобного Феодосия. Киевские монахи вели аскетический (пустынный) образ жизни в пещерах. Со временем монашеский устав св. Феодосия Печерского приняли и другие монастыри.

Как правило, для обустройства монашеских келий выбирались пещерные образования в скалах. Это, во-первых, давало возможность рассчитывать, в случае опасности, только на собственные силы. Во-вторых, пещерная (уединенная) жизнь соответствовала основному правилу монашеского устава – отрешение от внешнего мира. Также, жизнь в пещерах обеспечивала более вероятную защиту от нападений «лихих людей» (разбойников).

Именно монахи из Киево-Печерской лавры стали основателями новых монастырей. Так, согласно гипотезе протоиерея Харьковской епархии Петра Фомина, древний пещерный комплекс в Святых Горах на правом берегу Северского Донца приспособил под монастырь именно монах Киево-Печерской Лавры о. Никон, который путешествовал через Среднее Подонцовье в Тмутаракань (современная Тамань) в XI в. Аргументом считалась схожесть интерьеров ряда пещерных сооружений с киевскими и черниговскими пещерами [1, с. 219–222]. Следует отметить, что до 70-х гг. XVII в. монахи-святогорцы вели аскетический образ жизни и практически не покидали пещерник меловой горы из-за угрозы нападений со стороны крымских татар. Монастырь находился на правом (татарском) берегу Донца.

Важную роль в жизни первых иноков-святогорцев играли кельи, расположенные в середине меловой горы, на втором ярусе. Так, к современному пещерному Иоанно-Предтеченскому храму (древней Успенской церкви) с западной части примыкает помещение площадью 12 м² с большим оконным проемом. Сначала это была келья, как и ряд небольших помещений, находящихся восточнее храма и соединяющихся с ним коридорами. Три кельи, соединенные между собой, вырублены в обрывистой северной стене меловой горы, освещаются окошками, выходящими к Донцу. В первой, наиболее просторной келье, было два окошка, а в двух других – по одному окошку. Первая келья имела потолок арочной формы, а другие – плоский потолок. До нашего времени возле стен келий сохранились следы лежанок. В первой большой келье обустроили очаг, дымовая труба от которого проходила над дверями двух других келий и выходила в окно третьей кельи. Эти очагом монашеские кельи обогревались. Площадь келий составляла 4–9 м² и была рассчитана на долговременное проживание 1–2 чел.

Во втором ярусе иноки-святогорцы выкопали систему коридоров, через которые отдельные помещения соединялись между собой, а также с пещерами нижнего яруса, где хоронили монахов в специальной усыпальнице. Последняя представляла собой Г-подобную систему коридоров со специальными нишами для захоронения, вырубленными в меловой породе. Всего было 12 прямоугольных ниш, углубленные в стену на 1 м на уровне 1 м от пола. Усыпальница осве-

щалась одним небольшим окошком, выходящем к Донцу. Очевидно, захоронение осуществлялось непосредственно в нишу и закладывалось меловыми блоками, так как до настоящего времени сохранились следы подрубки по сторонам ниш для закладки меловых блоков [2, с.19–20].

После появления в меловой горе иноков изменился внутренний интерьер древней трапезной пещеры. Вдоль стен этого помещения, в меловой породе, сделали углубления для лавок или лежанок. К трапезной примыкали две небольшие комнаты. Протоиерей П. Фомин считал, что эти комнаты были кухней первых иноков-святогорцев, поскольку тут в XIX в. нашли следы печи [3, с. 85]. Позднее их заложили кирпичом.

Кроме архитектурных особенностей древнего пещерного монастыря в Святых Горах Подонцовья, одна из гипотез связывает само топографическое название «Святогорье» с монахами Киево-Печерской лавры. В летописи отмечается, что в 1240 г., после разрушения ордами Батыя Киево-Печерской лавры, монахи оставили эти места [4, с. 10]. Приведенная гипотеза подана в виде пересказа, что указывает на ее древнее происхождение. Однако, до 40-х гг. XIX в. ни в архивных документах, ни в свидетельствах современников она не упоминалась. После возобновления Святогорского монастыря в середине XIX в. и формируется гипотеза об основании обители киевскими иноками. Очевидно ее автором был преосвященный Иннокентий, который в 40-х гг. XIX в. возглавлял Харьковскую епархию и много сделал для возобновления Святогорской обители [5, с. 119].

Широкое распространение гипотезы в XIX в. и ее приоритет перед другими версиями, требовало более детального изучения ее происхождения. На сегодняшний день эта гипотеза не подтверждена документально, археологические раскопки на территории древней обители также не содержат необходимого материала. Приведенные Иннокентием и настоятелем монастыря Арсением аргументы относительно схожести главных праздников, храмов и престолов Киево-Печерской лавры и Святогорского монастыря, не являются существенными доказательствами приведенной гипотезы. Во многих православных монастырях храм Успения Божьей Матери является соборным. Более того, есть немало аналогий Успенских пещерных храмов в других монастырях, в частности в пещерных монастырях Крыма.

Подземная церковь в честь пр. Антония и Феодосия Печерских получила такое название в XIX в., после освящения, а в материалах XVI–XVIII вв. она вообще не упоминается. К середине XIX в. первичные архитектурные формы и вещественный материал этой церкви были утрачены. Поэтому трудно установить время сооружения указанного храма. До сих пор не установлено первоначальное предназначение церкви, так как ее архитектурное устройство не соответствует установленным церковным канонам. Алтарной частью подземная церковь повернута на юго-восток, вместо традиционной восточной ориентации. Возможно, изначально эта церковь имела другое предназначение, а в XVII в. была приспособлена под храм [6, с. 86].

Серьезным аргументом в пользу гипотезы о связи Святогорья с монахами Киево-Печерской лавры считается почитание культа св. Николая [7, с. 109]. Однако, до 1637 г. основной, а возможно и единственный пещерный храм в меловых горах над Донцом назывался Успенской церковью. Это было основное культовое сооружение Святогорского монастыря до 1632 г. [8, с. 5]. Потом монахи прорубили ход в верхнюю часть меловой горы и в 1637 г. обустроили тут вторую Успенскую церковь. Документы свидетельствуют, что переосвящение первой Успенской пещерной церкви в Никольскую произошло после 1637 г. [9, с. 89]. Постепенно именно Успенская пещерная церковь в верхнем (третьем) ярусе меловой горы стала главным храмом Святогорской обители и использовалась в этом качестве до конца XVII в. Переименованная в Никольскую, первая Успенская пещерная церковь утратила функцию основного храма, а после строительства первого наземного комплекса монастыря в конце XVII в. фактически не использовалась.

Таким образом, на сегодняшний день нет весомых аргументов, позволяющих связывать топографическое название «Святогорье» и возникновение здесь монастыря с монахами Киево-Печерской лавры.

Как правило, монастыри вели свое хозяйство, были крупными землевладельцами, что позволяло перерабатывать и продавать излишки продукции, и тем самым обеспечивать себя всем необходимым. Кроме этого святогорские монахи изготавливали кафельные изразцы, стеклянные и керамические изделия, кирпич, выпекали хлеб, рисовали иконы, изготавливали культовую продукцию.

Государство поддерживало монастыри. Известно, что Святогорский монастырь, будучи неким военным форпостом, приносил большую пользу государству охраняя южные рубежи России от нападений татар. За такую службу московские цари в XVII в. предоставляли монастырю государево жалование (хлебом, воском, деньгами). Также монастыри были культурными и духовными центрами. Святогорский монастырь предоставлял приют бежавшим из татарского плена, а также промысловым людям. В монастырях хранились чудотворные иконы и святые мощи, почитаемые многочисленными паломниками. Для размещения паломников при монастырях обустроивались гостиницы, паломников бесплатно кормили.

По монастырскому уставу монастыри размещались достаточно компактно. Каждый монастырь был некой автономией, и подчинялся только епископу или митрополиту. Монахи избирали себе игумена (настоятеля). Были распространены большие мужские монастыри (лавры), где монахи (лавриоты) вели совместное жительство.

В архитектурно-ландшафтном плане монастыри представляли единый композиционный элемент, часто гармонично встроенный в природные ландшафты, как, например, Святогорский пещерный монастырь и Никольская церковь с Андреевской часовней в меловых выступах Подонцовья. Большинство монастырей стоит на возвышенных местах, что, с одной стороны, подчеркивало красоту архитектурных сооружений, а с другой – делало монастырь неприступной крепостью. Часто возвышенность (гора) была защищена водным рубежом или крутым

отрогом, урочищами, балками, ярами. Непосредственно монастырь был огорожен кирпичной стеной. Монастырские комплексы имеют свой сакральный микроландшафт, центром которого являются сакральные объекты: церкви, часовни, колодцы, источники со святой водой, лавки с культовой продукцией и т.д. Территория внутри монастырей делится на функциональные зоны.

Святогорский Свято-Успенский монастырь был заложен в восточной части обрывистой меловой горы, хотя рельеф местности позднее позволил расположить наземные комплексы конца XVII – начала XVIII вв. на просторном плато правого берега Северского Донца в урочище между восточной и западной меловыми горами. Из этого следует, что его формирование на рубеже конца XVI – XVII вв. происходило в период сложного социально-политического положения из-за постоянных набегов татар. Из-за этого монахи вынуждены были фактически до конца XVII в. жить в неприступном пещерном комплексе Святогорья, который надежно защищала река Северский Донец. Это соответствовало ландшафтно-планировочной схеме «холм-гора».

После формирования комплекса деревянных сооружений под меловой горой в 70-х гг. XVII в., в меловой горе остаются древние пещерные сооружения. Это соответствовало ландшафтно-планировочной схеме «крутой спуск».

В XVIII в. Святогорский монастырь формирует новую ландшафтно-планировочную схему, развивая монастырский комплекс в урочище Святых Гор. Центральным архитектурным элементом становится каменная Успенская церковь и надвратная колокольня со Святыми вратами.

В XIX в. эта ландшафтно-планировочная схема получила дальнейшее развитие. Появляются террасы, на которых расположилось два ряда сооружений монастыря по линии восток-запад: Преображенская церковь на горе Фавор (разобрана в 1925 г.), Кирилло-Мефодиевская лестница с «подола» на вершину меловой горы (500 ступеней), Андреевская часовня на вершине горы, Покровская церковь, гостиница, хозяйственные комплексы и другие сооружения.

Дальнейшее развитие архитектурного комплекса Святогорского монастыря оборвалось в 1922 г., когда монастырь закрыли, а на его территории открыли I-й Всеукраинский дом отдыха для трудящихся им. Артема. Постепенно часть культовых сооружений была уничтожена, а часть – приспособлена под потребности нового заведения. Только в 1992 г. монахи снова вернулись в Святые горы, началась реконструкция монастыря. В 2004 г., согласно решению Священного Синода УПЦ, Святогорский мужской монастырь получил статус Лавры. На основании ландшафтно-планировочных схем XVIII – начала XX вв. производится восстановление и реставрация монастырских объектов.

Таким образом, анализ исторических условий формирования ландшафтно-планировочных схем при застройке монастырских комплексов, в том числе и Святогорского монастыря, позволяет констатировать, что при застройке территории монастырей учитывались как особенности местности, так и, в целом, политическая ситуация в стране. Как правило, в древности монастыри, выполняя оборонные функции, надежно укреплялись и были неприступными крепостями.

В то же время, сама внутренняя планировка монастырских построек, наличие почитаемых икон, делали монастыри сакральными и духовными центрами, куда приходили на богомолье многочисленные паломники. Эта традиция обустройства монастырей, пережив времена гонений и безбожия вновь возродилась и приобрела дальнейшее развитие в наше время.

Список литературы

1. Фомин П., протоиерей. Церковные древности Харьковского края: Ист.-археол. очерк // Вера и разум. Харьков, 1913. № 20. С. 213–233.
2. Дедов В.Н. Святые горы: От забвения к возрождению. Киев, 1995.
3. Фомин П., протоиерей. Церковные древности Харьковского края: Ист.-археол. очерк // Вера и разум. Харьков, 1913. № 19. С. 72–90.
4. Кульжинский Г. Святогорская Успенская общежительная пустынь в Харьковской епархии. Харьков, 1880.
5. Муравьев А.Н. Святые Горы // Святогорская общежительная Успенская пустынь, Харьковской губернии, в Изюмском уезде, при реке Северном Донце. М., 1868. С. 107–149.
6. Фомин П. Церковные древности Харьковского края... № 19.
7. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. М., 1852. Отд. 1.
8. Лаврів П. Святогірський монастир // Виробник України. 2002. 19 липня. С. 5.
9. Дедов В.Н. Как рождаются легенды // Анналы: науч.-публицист. альманах / гл. ред. И.Т. Пасько. Донецк, 1990. Вып. I. С. 89–92.

Е.А. Сенюшкин

«СКИФСКОЕ ЗОЛОТО»: КОНФЛИКТ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается конфликт, связанный с возвращением коллекции скифского золота в Крым, который связан с территориальным спором России и Украины по поводу статуса Крыма. На конкретном примере показывается, как политический конфликт трансформируется в столкновение, связанное с правом крымчан на своё культурное наследие.

Ключевые слова: воссоединение Крыма с Россией, право на культурное наследие, статус Крыма, скифское золото.

E.A. Senyushkin

«SCYTHIAN GOLD»: THE CONFLICT OF CULTURE AND POLITICS

The article discusses the conflict related to the return of the Scythian gold collection to Crimea, which is connected with the territorial dispute between Russia and Ukraine over the status of Crimea. A concrete example shows how a political conflict is transformed into a clash related to the right of Crimeans to their cultural heritage.

Key-words: The reunification of Crimea with Russia, the right to cultural heritage, the status of Crimea, Scythian gold.

Воссоединение Крыма с Россией на основе референдума 2014 г. открыло новые возможности для системного развития Крыма. Крупные инфраструктурные проекты, такие как Крымский мост, трасса Таврида и аэропорт имени Ивана Айвазовского в Симферополе являются яркой иллюстрацией положительной динамики развития региона после его вхождения в состав России в качестве самостоятельного федеративного субъекта. Наряду с этим, процесс интеграции

Крыма в российское социально-культурное и политико-правовое пространство сопровождается конфликтами на международном уровне, связанными с противоречивыми толкованиями права на культурное наследие. Как отмечает Т.А. Сеньюшкина, «ситуация, сложившаяся вокруг культурного наследия в Крыму, подтверждает наличие правовых коллизий в международных нормах права, действующего в сфере культуры, и требует совершенствования подходов к защите права населения Крыма на культурное наследие» [1, с. 278].

После событий весны 2014 г. и изменения политического статуса Крыма специальная структура ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) прекратила все контакты с администрациями объектов культурного наследия в Крыму [2]. В результате Крым оказался полностью отсеченным от деятельности ЮНЕСКО. До воссоединения Крыма с Россией ЮНЕСКО сотрудничала с музеем-заповедником «Херсонес Таврический», ассоциированными школами, кафедрами и научными центрами в Крыму. Также остановлена работа по приданию статуса всемирного наследия и другим расположенным в Крыму объектам. В списке всемирного наследия ЮНЕСКО значится 26 наименований, имеющих в описании пометку «Российская Федерация». Также в список всемирного наследия входит древний город Херсонес Таврический, расположенный в городе Севастополе и имеющий в описании пометку «Украина», в то время как Россия рассматривает его как объект всемирного наследия на территории РФ [2].

Одним из конфликтов, в которых остро столкнулись интересы культуры и политики, можно считать спор вокруг коллекции скифского золота, вывезенного из Крымских музеев на выставку «Крым: золото и секреты Черного моря» в археологический музей Алларда Пирсона в Амстердаме в начале февраля 2014 г. К моменту возврата коллекции музеям Крым вошёл в состав РФ. В итоге коллекция скифского золота, насчитывающая около 2 тыс. артефактов, стала предметом международного спора.

Имея на руках контракты, в которых указаны обязательства сторон, четыре крымских музея, которые предоставили свои экспонаты для выставки, подали в суд Амстердама коллективный иск к музею Алларда Пирсона, требуя исполнить обязательства по контрактам и вернуть коллекцию скифского золота из Нидерландов в Крым. Окружной суд Амстердама провёл первое слушание по этому делу 5 октября 2016 г. Второе слушание было проведено 14 декабря 2016 г., в результате которого суд постановил, что коллекция должна быть возвращена Киеву. Согласно принятому решению, «Скифское золото» разместили в историческом музее в Киеве.

16 января 2017 г. музеи Крыма подали заявление на обжалование решения Амстердамского суда от 14 декабря 2016 г. Заявление подписали Бахчисарайский историко-культурный заповедник, Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, Национальный заповедник «Херсонес Таврический» и Центральный музей Тавриды. В заявлении отмечается, что «музеи разочарованы и даже шокированы таким исходом дела. Спор не должен иметь политической подоплеки. Крымские музеи передали в музей Алларда Пирсона (МАП) ряд цен-

нейших предметов собственных коллекций, доверившись МАП, который гарантировал их безусловный возврат музеям после закрытия выставки. Доверие, оказанное МАП и правительству Нидерландов, никак не зависело от развития политических событий, к которым ни музеи, ни МАП, ни сами коллекции не имеют никакого отношения» [3].

11 марта 2019 г. в суде Амстердама начался процесс рассмотрения апелляции. 16 июля 2019 г. Апелляционный суд Амстердама принял промежуточное решение по делу, в котором установил, что конвенция ЮНЕСКО 1970 г. «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности»), на которую ранее ссылалась Украина, не применимы к данному делу. Он также вынес решение о том, что закон о культурном наследии Нидерландов не может быть применен к делу о скифском золоте. Суд запросил дополнительную информацию сторон для принятия окончательного решения. В сентябре 2019 г. доказательства принадлежности артефактов из коллекции скифского золота музеям Крыма были переданы апелляционному суду в Нидерландах.

В марте 2020 г. рассмотрение дела судом было перенесено из-за коронавирусной инфекции на июль. Ожидалось, что апелляционный суд Амстердама 7 июля 2020 г. огласит дату, когда будет вынесено решение по жалобе крымских музеев по делу о скифском золоте, однако из-за того, что один из судей был отозван украинской стороной, заседание отложили на 2 сентября. Адвокаты, которые представляли интересы России, ориентировались на то, что межмузейные соглашения имеют цену не меньшую, а может быть, и большую, чем пертурбации государственного характера. По их мнению, вещи должны вернуться туда, откуда они были вывезены. Адвокат, представляющий украинскую сторону в споре, сообщил, что Киев отвергает любую возможность достижения компромисса в споре с крымскими музеями по вопросу о принадлежности скифского золота.

Вице-президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов Михаил Йоффе в своём комментарии отметил, что вопрос о принадлежности скифского золота с самого начала получил именно политический, а не правовой характер. По его словам, политизированность ситуации доказывает нежелание украинской стороны договариваться – украинской власти надо во что бы то ни стало доказать, что Крым входит в состав Украины, а не по-другому.

После вынесения первого судебного решения – о передаче коллекции Украине, в Министерстве культуры РФ заявили, что оно нарушает нормы международного права и принципы межмузейного обмена; музейные предметы должны быть возвращены в Крым, где они были обнаружены и хранились десятилетиями. В свою очередь в МИД РФ подчеркнули, что решение окружного суда Амстердама по коллекции «ставит крест на амбициях Гааги утвердиться в качестве юридической столицы мира» [3].

Осенью 2021 г. суд Амстердама принял окончательное решение отдать коллекцию Украине. Комментируя это решение, в Совете Федерации заявили о возможных ответных мерах. Член Совета Федерации Федерального собрания РФ от

Республики Крым С.П. Цеков сообщил, что планирует подать апелляцию: «Это возмутительное неправомерное решение. Крымское золото, прежде всего, принадлежит крымским музеям, которые любезно согласились повести его на выставку в Амстердам. Последние же его фактически конфисковали. Надеемся, правда будет за нами. Если золото нам не будет возвращено, скорее всего, мы будем принимать политические ответные меры. Прежде всего, стоит ограничить культурные связи с Амстердамом», – заявил политик [4].

По словам постоянного представителя Республики Крым при президенте РФ и вице-премьера правительства региона Г.Л. Мурадова, это политически мотивированное решение в русле общей политики Запада по лишению крымчан их законных прав: «Человечество знает множество прецедентов, когда лишение того или иного народа его реликвий приводило к кровопролитным войнам. Судьям следовало бы полистать страницы истории и понять, что они порождают еще большую конфронтацию простых людей, ценящих свою историю, в отношении нынешней коварной националистической власти Украины, которая требует то, что ей не принадлежит», — подчеркнул политик. Кроме того, по словам Г. Мурадова, это решение Амстердама можно расценивать и как нарушение международного музейного права о неразрывности музейных коллекций, требующего возвращения экспонатов тем музейным организациям, которые подписывали соответствующие договоры и проводили выставки [4].

В декабре 2021 г. глава Крыма С.В. Аксёнов обратился к Президенту РФ В.В. Путину с просьбой включить представителей Генеральной прокуратуры в судебный процесс о принадлежности коллекции [5]. А уже в январе 2022 г. к решению вопроса о скифском золоте подключились правоохранительные органы, в частности СКР начал доследственную проверку по факту хищения экспонатов.

Не исключено, что вопрос о возвращении коллекции скифского золота крымским музеям будет решён в ближайшем будущем. Тем не менее, развитие проанализированной нами ситуации подтверждает тезис о том, что вопросы культуры часто испытывают сильное политическое давление, особенно, когда они становятся предметом геополитических конфликтов.

Список литературы

1. Сенюшкина Т.А. Право на культурное наследие: крымское измерение // Политическое пространство и социальное время: система координат в меняющемся мире. Сборник научных трудов международного XXXV Харакского форума, 2–7 октября 2018 г., г. Ялта / под ред. Т.А. Сенюшкиной и Д. Танчича. Симферополь, 2019. С. 278–284.
2. Специальная структура ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) прекратила все контакты с администрациями объектов культурного наследия в Крыму. URL: <http://news.allcrimea.net/news/2017/7/4/junesko-prervalo-vse-kontakty-s-obektami-kulturnogo-naslediya-v-krymu-83524/>.
3. Дело о возвращении коллекции скифского золота из Нидерландов. URL: <https://ria.ru/20200902/zoloto-1576550998.html>.
4. Скиф и правда: почему суд в Амстердаме решил отдать крымское золото Украине и как еще Россия может побороться за богатейшую коллекцию. URL: <https://iz.ru/1241271/izvestiia/skif-i-pravda-pochemu-sud-v-amsterdame-reshil-otdat-krymskoe-zoloto-ukraine>.

5. Стороной процесса по «скифскому золоту» должна стать Россия – Аксенов. URL: <https://crimea.ria.ru/20211228/storonoy-protsesta-po-skifskomu-zolotu-dolzha-stat-rossiya--aksenov-1121886098.html?in=t>.

А.А. Горин

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ШИИТСКОЙ ОБЩИНЫ КРЫМА

Статья поднимает вопрос о перспективной тематике исследования истории развития и текущего состояния религиозной группы шиитов на территории Республики Крым. Автор выделяет ряд вопросов, по которым шиитская умма Крыма отличается от шиитской уммы «материковой» части РФ и выдвигает рабочие гипотезы по данным аспектам.

Ключевые слова: ислам, шииты, умма, суфии, религиозный эскапизм.

A.A. Gorin

TO THE QUESTION OF THE STUDY OF THE SHIITE COMMUNITY OF THE CRIMEA

The article raises the question of a promising topic for the study of the history of development and the current state of the religious group of Shiites in the territory of the Republic of Crimea. The author identifies a number of issues on which the Shiite Ummah of Crimea differs from the Shiite Ummah of the "mainland" part of the Russian Federation and puts forward working hypotheses on these aspects.

Key-words: islam, Shiites, ummah, sufis, religious escapism.

Территория Республики Крым традиционно является многонациональным и поликонфессиональным сообществом. Нужно отметить, однако, что ряд религиозных групп, представленных малым количеством верующих, оказываются вне внимания исследователей. Так крайне фрагментарно рассмотрена шиитская мусульманская община территории Республики Крым хотя в рамках современной геополитической ситуации данный вопрос может представлять серьёзный интерес.

Шиитское направление ислама исторически не является для Крыма традиционным. Ряд исследователей, в частности, В.Ю. Ганкевич, Ю.А. Катунин, выдвигают версию о начале исламизации населения Крыма в VII–VIII вв. [1, с. 61]. Однако, документальные и археологические источники не подтверждают этой версии. Скорее, речь идёт о купеческих мусульманских группах, но не более. Пути исламизации Крыма связывают с двумя процессами.

Во-первых, знаменитым походом сельджукского флотоводца кастамонского эмира Хусам ад-Дина Чобан-бея, приблизительно датируемого периодом с 1221 по 1238 гг., [2] совершённого по поручению конийского султана Ала эд-Дина I Кейкубада для прекращения пиратства эллинских моряков [3, с. 566].

Во-вторых, вторжением в Крым в конце 1239 г. туменов Бату-хана и основание мусульманского поселения в Солхате (Старый Крым). В частности, этой версии придерживался В.В. Бартольд, современный исследователь И.В. Зайцев [4, с. 103-104] и т.д.

Указанные этносы привнесли на территорию Крыма преимущественно суннитский ислам, характерный для Средней Азии и территории современной Тур-

ции. Тогда же на территории Крыма распространяются также суфийские тарикаты (первоначально преимущественно – йасавийа), одно из первых теккие которых было создано в с. Отузы (Щебетовка) о чём писал ряд специалистов: В.Д. Смирнов, П.М. Мелиоранский А.Ю. Якубовский и т. д. [1, с. 61].

Вопрос о распространении на территории Крымского полуострова шиитского ислама остаётся мало изучен. Изучение истории ислама в Крыму неразрывно связано либо с изучением этнокультурных особенностей крымско-татарского народа, либо – с изучением феномена крымского суфизма. Более того, современные мусульманские организации Республики Крым, прежде всего – ДУМ РКС и Таврический муфтият практически не рассматривают мусульман-шиитов Крыма как обособленную часть уммы.

Однако, возможно, базис для формирования немногочисленной, но устойчивой шиитской общины в Крыму был заложен на достаточно раннем этапе проникновения ислама на полуостров. Речь идёт о формировании азербайджанской общины. Точных данных о её возникновении в настоящий момент получить не представляется возможным. Однако, согласно данным переписи населения 2021 г. численность азербайджанской диаспоры на территории Республики Крым составляет 3738 чел. (0,2% от общей численности населения полуострова), а также несколько десятков представителей иных народов, исторически исповедующих шиитский ислам [5].

Азербайджанская диаспора Крыма ведёт планомерную работу по сохранению своей этнокультурной идентичности на официальном уровне. С 1989 г. действовало общество азербайджанцев в Крыму «Оджаг», с 2015 г. преобразованное в «Региональную азербайджанскую национально-культурную автономию Республики Крым». В числе элементов этнокультурной идентичности азербайджанцев в Крыму – сохранение традиционного религиозного исповедания. Таким образом, выглядит закономерным, исповедание частью азербайджанской диаспоры Крыма шиитского ислама. В данный момент численность шиитской уммы Крыма можно определить лишь гипотетически. Большую её часть составляют представители азербайджанской диаспоры.

В период с июля 2020 г. по октябрь 2021 г. автору удалось провести интервью с 89 представителями шиитской диаспоры Республики Крым. Метод исследования: полустандартизированное индивидуальное глубинное интервью.

Выборка: совершеннолетние лица, постоянно проживающие в Крыму, верующие, активно реализующие религиозные практики, позиционирующие себя, как шииты, подтвердившие своё исповедание ответами на контрольные вопросы.

Гендерный состав: из 89 чел. 62 (69,66% от общей численности опрошенных) – мужского пола, 27 (30,34%) – женского. Возрастная категория: в возрасте 25–45 лет – 47 чел. (52,81%), в возрасте 45–65 лет – 31 чел. (34,83%), старше 65 лет – 11 чел. (12,36%).

Локации: Севастополь – 32 (35,96%). Бахчисарай – 14 (15,73%). Алушта – 12 (13,48%). Ялта – 12 (13,48%). Старый Крым – 9 (10,11%). Керчь – 5 (5,62%). Феодосия – 4 (4,49%).

Согласно интервью, были выделены следующие закономерности существования крымской шиитской уммы.

1. Шиитская умма в Крыму имеет семейно-традиционный базис (принадлежность к шиитскому направлению ислама как элемент семейных традиций указали 68 чел. (76,4%) опрошенных) и ведёт обособленный образ религиозной жизни, что характерно также и для «материковой» шиитской уммы, проживающей вне исторических локаций доминирования шиитского направления в исламе.

2. Значительная часть опрошенных представителей шиитской уммы Крыма считают нормой посещение суннитских мечетей и участие в пятничном намазе вместе с суннитами (52 чел. (58,43%)). Этот показатель на «материке» существенно ниже. Он разнится в зависимости от региона от 42 до 15% опрошенных. Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о том, что данная характеристика является особенностью существования шиитской уммы на территории Республики Крым.

3. Большинство опрошенных (71 чел. (79,79%)) выказали предпочтения домашнему религиозному образованию. Среди высказанных версий мотивации такого решения доминируют следующие: во-первых, опасение отпадения ребёнка от веры предков (48 чел. (53,93%)); во-вторых, опасение возникновения конфликтов на религиозной почве (31 чел. (34,83%)); в-третьих, опасение привлечь излишнее внимание правоохранительных органов «нетрадиционным» вероисповеданием (28 чел. (31,46%)). Данный аспект в целом соответствует мотивации шиитской уммы на «материке», проживающей вне исторических локаций доминирования шиитского направления в исламе.

4. Выглядит странным то, что опрошенные представители шиитской уммы в Крыму не назвали в числе приоритетов устройство «своей» мечети, хотя все до единого отмечают нехватку культовых учреждений. Причину такого феномена ещё предстоит выяснить.

Можно отметить, что данная тематика в региональном её аспекте требует тщательного и всестороннего изучения, поскольку религиозный фактор может существенно облегчить налаживание культурных и экономических связей Республики Крым с такими регионами, как Иран и Азербайджан, а также – послужить налаживанию полноценного межконфессионального диалога с религиозным меньшинством, представленным шиитами, а также – мусульманской духовной инфраструктурой и светской государственной властью региона.

Список литературы

1. Синеца Д.А. Традиционный и «нетрадиционный» ислам в Крыму // *Sciences of Europe*. Прага, 2018. № 29–3 (29). С. 60–69.
2. Ибн аль-Биби. Сельджук-наме. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // *Византийский временник*. 1927. Т. 25. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus4/Bibi/frametext3.htm> (дата обращения 08.04.2022).
3. Osman Turan Selçuklular Zamanında Türkiye. İstanbul: Dizgi-Tertip: Otuken, 2004.
4. Зайцев И.В. Ислам в Крыму в XIV–XVIII веках // *Золотоордынское обозрение*. 2015. № 2. С. 103–128.

5. Данные Всероссийской переписи населения по Республике Крым. Население по национальности и владению русским языком. URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-03.pdf> (дата обращения 08.04.2022).

Е.Г. Городецкая

**ОТНОШЕНИЕ ПЕДАГОГОВ К ПРОФЕССИИ И ИХ
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РАБОТОЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ
В Г. ЕВПАТОРИЯ)**

В статье представлены материалы социологического исследования, проведенного среди учителей средних общеобразовательных школ г. Евпатория (Республика Крым). Проанализирован возрастной состав педагогов, рассмотрены оценки педагогами престижа профессии, степень их удовлетворенности профессией учителя.

Ключевые слова: учитель, мотивация, удовлетворенность работой, престиж профессии, образование.

E.G. Gorodetskaya

**THE ATTITUDE OF TEACHERS TO THE PROFESSION AND THEIR SATISFACTION
WITH WORK IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS (ON THE MATERIALS OF THE
RESEARCH IN EVPATORIA)**

The article presents the materials of a sociological study conducted among teachers of secondary schools in Evpatoria (Republic of Crimea). The age composition of teachers is analyzed, teachers' assessments of the prestige of the profession, the degree of their satisfaction with the teacher's profession are considered.

Key-words: teacher, motivation, job satisfaction, prestige of the profession, education.

Профессия учителя – одна из наиболее творческих и сложных профессий, объединяющих образовательную и воспитательную функции. Именно учитель формирует у молодого поколения не только знания, но и определенное мировоззрение, идеалы, гражданскую позицию, воспитывает духовно-нравственные качества. В связи с этим закономерен интерес к проблемам учителей школ: профессионального развития учительства, самооценок их статуса и фактического социального положения в обществе.

В статье представлены результаты социологического исследования по проблеме изучения уровня удовлетворенности работой в образовательных учреждениях города Евпатория. В качестве участников исследования выступали педагоги и руководители школ. Всего в опросе приняло участие 675 учителей 16 общеобразовательных школ г. Евпатория, что составляет 80,5% от числа работающих учителей города [1].

Согласно статистическим данным численность учителей в регионе за последние годы постепенно сокращается, а педагогический корпус стареет. Эти показатели подтверждают данные нашего исследования, ибо доля в выборке молодых специалистов в возрасте до 35 лет, имеющих определенный профессиональный опыт, составляет 24,6% респондентов. Основная часть выборочной совокупности – люди среднего и старшего возраста, с большим

стажем работы в образовании. В общем массиве респондентов, как и во всём школьном образовании, преобладают женщины – 88,4%.

В целом по городу, наиболее многочисленной группой евпаторийских учителей являются педагоги в возрасте 46-55 лет – 35,3%. Две другие многочисленные когорты – 20–35 и 36–45 лет – составляют соответственно 24,6% и 24,3% респондентов. Старшие группы педагогов города относительно невелики: 6,5% опрошенных принадлежат к группе в возрасте 56–60 лет и 9,3% респондентов старше 60 лет. Подавляющее большинство учителей возрастной категории 46 лет и старше имеют педагогический стаж более 20 лет; 56% возрастной категории 36–45 лет имеют стаж работы 11–20 лет; а 42% молодых учителей имеют стаж работы 4–10 лет. Полученные данные еще раз подтверждают простую истину, что передача опыта и знаний от старших педагогов к младшим – совершенно необходимая, неотъемлемая сторона жизни в школе.

Одним из важных компонентов анализа профессии, с точки зрения социологии, является мотивация ее выбора. Чем выше уровень мотивации выбора профессии учителя, тем серьезнее его отношение к труду и качественнее выполнение своих обязанностей. Мотивационная составляющая деятельности педагога включает в себя мотивы, потребности, интересы, стремления, цели, установки, привлекающие к выбору и работе по профессии педагога.

Рассмотрим оценки привлекательности своей профессии учителями евпаторийских школ.

Таблица 1

Оценки учителями степени привлекательности своей работы, %

<i>Варианты ответа</i>	Процент
интересная, творческая работа	73,0
соответствие работы вашим склонностям, образованию	53,5
общение с молодежью (детьми)	44,3
возможности профессионального роста (получать новые знания, умения)	33,2
гарантированная работа, низкая вероятность ее потерять	14,4
достаточность свободного времени, большой отпуск	13,2
график работы	12,6
высокая самостоятельность в работе	6,5
высокий престиж труда педагога	4,0
возможность подрабатывать в других местах	3,0
достойный уровень заработной платы	3,0
нет возможности найти другую работу, нет навыков другой работы	3,0
работа учителя, воспитателя ничем не привлекает	0,4

Полученные данные свидетельствуют о том, что в учительском сообществе не так уж много «случайных» людей. Подавляющее большинство учителей отметили, что их работа является интересной и творческой. Более половины массива опрошенных считают, что она соответствует их склонностям, образованию, дает возможность общаться с молодежью, детьми, а треть опрошенных указали на возможность профессионального роста, прежде всего, в плане получения новых знаний и умений.

Следует обратить внимание, что такие важные аспекты как «престиж труда педагога» и «достойный уровень зарплаты» занимают низшие строчки в рейтинге привлекательности работы учителя. Вследствие низкого уровня оплаты труда учителя, особенно молодые, вынуждены искать более высокооплачиваемую работу либо заниматься подработками (репетиторство и т.п.).

На наш взгляд, представления о престиже труда педагога, уровень которого он воспринимает, анализируя отношение окружающих к учителям в целом и к нему лично, следует соотносить с его собственной удовлетворенностью работой, оплатой труда, возможностью профессиональной самореализации, перспективами профессионального роста, отношениями с коллегами, учениками и родителями. Данная созависимость может служить важным инструментом образовательной политики.

Удовлетворенность работой связывают с целым рядом позитивных последствий: более высокой мотивацией к работе, повышением её продуктивности, вовлеченностью в жизнь коллектива. Удовлетворенность же трудом – это положительное эмоциональное состояние, вызванное реализацией потребности в труде (его содержательной или процессуальной сторонами) [2, с. 7].

Рассмотрим степень привлекательности работы педагогов в учебном заведении

Таблица 2

Сопоставимая таблица оценки степени привлекательности и непривлекательности работы в учебном заведении, %

<i>Варианты ответа</i>	Процент	Баланс ответов
хорошая атмосфера в коллективе	72,3	+
плохая атмосфера в коллективе	3,7	
удобный график работы	29,5	+
неудобный график работы	5,5	
высокая репутация данного учебного заведения	35,7	+
невысокая репутация данного учебного заведения	3,3	
современные учебные планы, программы	12,4	+
устаревшие учебные планы, программы	0,4	
хорошие взаимоотношения с администрацией, руководством	53,8	+
сложности взаимоотношений с администрацией, руководством	3,4	
хорошие условия труда на рабочем месте	40,4	+
плохие условия труда на рабочем месте	6,4	
работа находится близко к дому	32,3	+
работа находится далеко от дома	14,2	
хорошие возможности должностного роста	9,3	+
нет возможностей для должностного роста	2,1	
высокий научный потенциал коллектива	23,9	+
низкий научный потенциал коллектива	1,2	
невысокая учебная нагрузка	4,4	-
высокая учебная нагрузка	5,8	
хороший контингент учащихся, их заинтересованность в учебе	23,3	+
плохой контингент учащихся, их незаинтересованность в учебе	12,2	
хорошая ресурсная и техническая база	17,0	+

плохая ресурсная и техническая база	14,1	
высокий уровень заработной платы	1,8	-
низкий уровень заработной платы	34,2	
хорошее социальное обеспечение	2,5	-
плохое социальное обеспечение	12,9	
все нравится	37,5	+
работа в этом учебном заведении Вам не нравится	0,9	

Итак, как следует из таблицы, работа в школе привлекает учителей, прежде всего, положительной атмосферой в коллективе, хорошими взаимоотношениями с администрацией, руководством, условиями труда, высокой репутацией учебного заведения. Также в ряде школ были отмечены следующие позиции: близость к дому, гибкий график работы, научный потенциал коллектива и хороший контингент учащихся.

К отрицательным качествам респонденты отнесли: низкий уровень заработной платы (на это указывали практически все учителя), плохая ресурсная и техническая база, неудовлетворительное социальное обеспечение и высокая нагрузка.

Отвечая на вопрос: «Как бы вы оценили свою принадлежность к коллективу?», мы получили, что подавляющее большинство учителей чувствуют себя полноправными членами коллектива (64,2%), 28% принимают участие в делах коллектива, и только 3% опрошенных предпочитают работать самостоятельно, не чувствуя себя членами коллектива.

Одним из важных факторов деятельности учителя является удовлетворенность трудом, степень сплоченности, дисциплинированность, единство коллектива, взаимная ответственность (Таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «В какой степени Вас удовлетворяют следующие аспекты работы?», %

	полностью удовлетворен	скорее удовлетворен	недостаточно удовлетворен	совершенно не удовлетворен	затрудняюсь ответить
Содержание выполняемой работы	35,1	44,0	13,6	1,6	5,6
Социально-психологический климат	44,0	39,6	11,1	1,8	3,6
Отношения с администрацией	64,6	27,3	4,9	0,7	2,5
Перспективы служебной карьеры	39,9	33,5	7,4	3,0	16,3
Распределение прав и обязанностей	34,8	38,4	15,9	4,6	6,4

Уровень социальной защищенности	31,4	36,4	19,9	5,8	6,5
Уровень оплаты труда	13,2	25,3	37,9	18,4	5,2

Подводя итоги, отметим, что исследование, с одной стороны, подтвердило высокий уровень удовлетворенности своей работой в качестве учителей. С другой стороны, исследование отметило неудовлетворенность педагогов города уровнем зарплаты и социальной защиты, о чем, в частности, говорилось на мартовской встрече Председателя Правительства РФ М.В. Мишустина с депутатами Государственной Думы.

В целом можно также сделать вывод о том, что большинство учителей считают, что их работа интересная и творческая, соответствует их склонностям, дает возможность общаться с молодежью, детьми. Положительно, что респонденты исследования указали на возможность профессионального роста, хорошую атмосферу в коллективе, хорошие взаимоотношения с администрацией и руководством, удовлетворительные условия труда и, что немаловажно в масштабах города, высокой репутацией учебных заведений в г. Евпатории.

Следует обратить внимание и на отрицательные моменты работы в общеобразовательных учебных заведениях города, указанные респондентами исследования. Среди них наиболее часто отмечены низкий уровень заработной платы, недостаточный престиж профессии учителя, плохая ресурсная и техническая база, слабое социальное обеспечение, бюрократизм, формализм, неправомерное увеличение бумаготворчества и, вследствие этого, высокая загруженность.

Список литературы

1. Городецкая Е.Г. Аналитический отчет о психолого-педагогической атмосфере в учебных заведениях: научный отчет КФ ФНИСЦ РАН (ноябрь 2017 г.). Симферополь, 2017.
2. Мотивация персонала в современной организации: учеб. пособие / под общ. ред. С.Ю. Трапицына. СПб., 2007.

А.А. Бгуашева

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ В СИСТЕМЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ И В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье раскрывается потенциал Национального музея Республики Адыгея в развитии системы патриотического воспитания молодежи. Исследованы функциональные возможности музея в решении вопросов, связанных с патриотическим воспитанием.

Ключевые слова. Национальный музей, патриотизм, воспитание молодежи, мероприятие.

**ROLE OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF ADYGEA
IN THE SYSTEM OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH
AND IN PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY**

The article reveals the potential of the National Museum of the Republic of Adygea in the development of the system of patriotic education of youth. The functionality of the museum in solving issues related to patriotic education has been investigated.

Key-word. National Museum, patriotism, youth education, event.

В реалиях современного развития общества формирование патриотических основ среди молодежи представляется актуальным. Патриотическое воспитание современной молодежи является весьма весомым направлением в деятельности государства. Большая роль в патриотическом воспитании молодежи отводится изучению своей истории посредством музеев, которые осуществляют свою деятельность в городах и сельских местностях.

Именно благодаря потенциалу музея возможно сохранение культурных традиций в обществе. Одной из ключевых форм деятельности современного модернизированного музея – это активное включение молодежи в научно-познавательный процесс. Музей выступает в качестве целостного системообразующего ядра, на базе которого осуществляется изучение родной истории. Благодаря своей открытости, технической инновации, музей является, своего рода, связующим звеном между различными образовательными и культурными учреждениями. Музей обладает своим «языком». Язык музейных экспонатов является своего рода безмолвным свидетелем прошлого. Экспонаты вызывают чувство интереса, гордости и любви к своему народу [1].

Ежегодно Национальным музеем Республики Адыгея разрабатывается перечень мероприятий, лекций и специализированных экскурсий, направленных на ознакомление подрастающего поколения с культурными ценностями, историей Родного края. Данное направление работы Национального музея Республики Адыгея на современном этапе развития представляется очень интересным и значимым. Основная цель мероприятий, проводимых Национальным музеем РА, заключается в сохранении на основе исторической памяти примеров героического подвига старших поколений.

Посредством проведения тематических мероприятий музей развивает у молодого поколения любовь, уважение и чувство сопереживания к старшему поколению, к ветеранам Великой Отечественной войны. Значительная роль в формировании патриотического сознания отводится проведению мероприятий именно по военной истории. Плодотворная работа и тесное сотрудничество Национального музея Республики Адыгея со школьниками, студентами колледжей и вузов, позволяет молодым людям осваивать новый исторический материал о героических подвигах.

Одной из самых распространённых форм работы Национального музея РА являются мероприятия. Тематика мероприятий, проводимых в музее весьма раз-

нообразна. В январе 2022 г. сотрудниками Национального музея РА были проведены для учащихся средних общеобразовательных школ и училищ мероприятие ко Дню снятия блокады Ленинграда под названием «900 дней мужества».

Главной целью данного мероприятия является воспитание гордости и патриотических чувств за свою Родину, посредством изучения истории героического подвига жителей блокадного Ленинграда. Основными задачами являются привлечение подрастающего поколения к истории нашего государства, воспитать чувство патриотизма и уважения к истории своего прошлого, к ветеранам Великой Отечественной войны. Данное музейное мероприятие проводится как в стенах Национального музея РА, так и в выездном формате.

Благодаря современным мультимедийным возможностям на мероприятии презентуется история боевого пути участников освобождения блокадного Ленинграда. В фондах Национального музея РА хранятся личные вещи, документы, фотоматериалы участников героического освобождения города Ленинграда. На мероприятии подробно рассказывается о наших земляках, защищавших Ленинград, экспонируются личные вещи.

В частности, в музее хранятся личные вещи Джанчатова Мурата Хаджиретовича, которые используются на мероприятии. Родился Джанчатов М.Х. в 1912 г. в ауле Ассоколай. С раннего возраста увлекался чтением, научился грамоте. После окончания Педагогического техникума стал работать литературным сотрудником в редакции газеты «Социалистическая Адыгея». Он перевел на адыгский язык многие произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.С. Тургенева, В.В. Маяковского, а также документы партийных съездов и конференций. В начале августа 1941 г. Джанчатов М.Х. оставив дома жену и месячного сына добровольцем ушел на фронт. Воевал на Южном, Северо-Западном и Ленинградском фронтах. Примечательно то, что несмотря на тяжелые будни военного времени, Мурат Хаджиретович присылал домой проникнутые любовью к Родине и семье письма. В фондах Национального музея РА хранится 59 писем с фронта, каждая строчка которого пронизана патриотическими чувствами. На мероприятии для учащихся зачитываются строки из писем Мурата Хаджиретовича.

В одном из письме от 23 ноября 1943 г. Джанчатов М.Х. писал своей семье о защите Ленинграда: «Пусть знают все, что я скучаю по всем, не исключая и мостовых Майкопа. Как я жаждал быть там осенью 1942 г., но я не виноват, моя военная дорога шла другим путем. В самые тяжелые дни для него я защищал Ленинград, я эту фразу произношу с гордостью и считаю самым радостным явлением в моей военной жизни; много было ярких незабываемых минут в моей жизни за эти два с лишним года, но никогда одну деталь не забуду: шел бой, мы группа бойцов были уже в немецких траншеях, бились гранатами. Я, оглянувшись, увидел раненного уже немолодого бойца, я приказал ему пойти на перевязочный пункт, и как ты думаешь пошел он или нет, он просто сказал: нет, Мурат, я не пойду туда, я пойду с вами до конца. Это было для меня высшей наградой, ничто после этой фразы не могло меня остановить, так сильно было влияние этой фразы на меня. Я рванулсЯ вперед и все пошли за мной. Очень жаль. Почему я

все это рассказал, какое-то волнение души вырвало все это. Ну ладно. Я хочу, чтобы и ты так рассказала о своей жизни, рассказала бы о Феликсе больше... Целую Феликса и тебя. Мурат. 23 ноября 1943г.» (Орфография, пунктуация и стиль автора сохранены) [2].

Помимо письменных источников, в фондах Национального музея РА хранится очень интересный экспонат, который презентуется на мероприятии – это маленькая детская рубашка, сшитая из взрослой военной гимнастерки Джанчатов М.Х. для его маленького сына Феликса. Детская рубашка была сшита сразу по возвращении Мурата Хаджиретовича в родной город Майкоп после войны. Данный экспонат воспринимается посетителями мероприятия как отдельный период в истории послевоенного восстановления хозяйства, когда был значительный товарный дефицит.

Таким образом, посредством изучения истории боевого пути, отважных подвигов и испытаний участников Великой Отечественной войны, современное подрастающее поколение осознает те сложности, потери и лишения, через которые пришлось пройти в годы войны.

В соответствии с темой мероприятия подбираются музейные экспонаты. На мероприятие по истории освобождения Ленинграда каждый экспонат является собой своего рода информационный текст, позволяющий более глубоко погрузиться в данную тему. В частности, сотрудниками Национального музея РА осуществляется работа в фондах музея по подбору необходимых экспонатов.

Именно экспонаты посредством наглядного представления помогают нам вспомнить или даже реконструировать исторические явления. Перед детьми, пришедшими на мероприятие, представлены не просто предметы, а предметы из другого времени, другой эпохи. Так, на мероприятии задействованы следующие экспонаты: фотографии участников освобождения Ленинграда, плакаты, хлебная карточка, котелок, каска, фляга, костюм летчика, планшет летчика, гимнастерка, кобура, детская кукла 1940-х гг., керосиновая лампа «Летучая мышь», буржуйка, метроном и, конечно же, детские санки – как символ блокадного Ленинграда. Каждый экспонат, представленный на мероприятии призван каузировать у посетителей эмоциональные чувства сопереживания, побудить к размышлениям.

Особое место на мероприятии отводится мультимедийному воспроизведению на проекционном аппарате видеоролика о жизни ленинградцев до начала блокады и после, как изменился город и судьбы людей.

Таким образом, музейное пространство предоставляет ряд возможностей для осуществления различных вариантов мероприятий для учащихся школ, училищ, университетов. Музей помогает молодому подрастающему поколению проследить и проанализировать вклад предыдущих поколений в историю нашей Родины. Мероприятия, проводимые Национальным музеем РА на современном этапе развития имеют обширную тематику, но все они призваны привить любовь, чувство гордости и уважения к родной истории.

Список литературы

1. Волнухин А. Роль музеев в патриотическом воспитании молодежи [Электронный ресурс] // Старицкий вестник. Старица, 2018. 13 февраля. URL: <http://st-vestnik.ru/vazhnaya-tema/rol-muzeev-v-patrioticheskom-vospitanii-molodezhi.html>.
2. Письмо Джанчатова М.Х. // Архив НМРА. АОМ 11700/6.

А.П. Степанченко

ВИНОГРАДАРСТВО И ВИНОДЕЛИЕ В ЭКСПОЗИЦИЯХ ФИЛИАЛОВ КРАСНОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО- АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ИМ. Е.Д. ФЕЛИЦЫНА

Статья посвящена анализу экспозиций филиалов Краснодарского историко-археологического музея заповедника им Е.Д. Фелицына освещающих историю виноградарства и виноделия Краснодарского края.

Ключевые слова: история виноградарства и виноделия, экспозиция музея.

A.P. Stepanchenko

VITICULTURE AND WINEMAKING IN THE EXPOSITIONS OF THE BRANCHES OF THE KRASNODAR STATE HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL MUSEUM- RESERVE NAMED AFTER E.D. FELITSYN

The article is devoted to the analysis of the expositions of the branches of the Krasnodar Historical and Archaeological Museum of the E.D. Felitsyn Nature Reserve covering the history of viticulture and winemaking of the Krasnodar Territory.

Key words: history of viticulture and winemaking, museum exposition.

Музей, в общем понятии является своего рода социально-культурным институтом и должен играть большую роль в культурной жизни региона или местности где расположен.

Простому обывателю, в зависимости от специфики, в своих экспозициях он представляет материалы по краеведению, истории, этнографии, археологии и т.д., таким образом, популяризируя эти знания.

Сегодня в виду особенности геополитических процессов происходящих за пределами нашей страны, Краснодарский край становится местом массового туризма с ежегодно увеличивающимся кратно потоком. Для привлечения внимания к историческому прошлому и сохранению традиций, был запущен глобальный проект – туристический маршрут «Золотое кольцо Боспорского царства» [1]. Он включает в себя 14 населенных пунктов, где в античный период располагались города Боспора, соединяя территории Краснодарского края, Республики Крым, Ростовской области и города Севастополь. Этот проект показывает уникальность центров античной культуры и цивилизации на территории России.

Как показал туристический сезон 2021 года, особый интерес гости края проявили к одному из направлений вышеуказанного проекта «Винные дороги Боспорского царства». А эногастрономический проект «Винные дороги Кубани» – инициатива «Абрау-Дюрсо» занял первое место по количеству посетителей [2].

Таким образом, мы видим, что история отрасли виноградарства и виноделия является очень востребованным туристическим продуктом. В свою очередь практически каждый производитель вина пытается занять эту нишу, путем создания так называемых «музеев вина», эноцентров с «музейными коллекциями». Данные «туристические продукты» требуют отдельного более глубокого анализа с точки зрения научного музееведения и не являются целью данной статьи.

Следует сразу отметить, что отдельно взятых экспозиций посвященных истории описываемой отрасли в государственных и муниципальных музеях Краснодарского края, к сожалению, нет, хотя в фондовых хранилищах накоплен богатейший материал. Это связано с особенностью требований к показу музейных предметов и возрастными ограничениями. Тем не менее, отрывочно развитие виноградарства и виноделия, как одной из важнейших отраслей экономики Боспорского царства представлено в выставках Археологического заповедника «Горгиппия» и археологическом музее Таманского музейного комплекса, являющихся филиалами Государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына и располагающиеся в городе Анапа и станице Тамань (две точки из пяти, в туристическом маршруте «Золотое кольцо Боспорского царства»).

Археологический заповедник «Горгиппия».

В настоящее время для посетителей доступен участок музеефицированного раскопа «жилые кварталы северо-восточной части античной Горгиппии», среди которых находится уникальный винодельческий комплекс Г-4 [3, с.154–157]. Это самая большая по объемам производства из открытых виноделен на азиатской части Боспора, за весь период археологических исследований Краснодарского края.

Винодельня Г-4

Композитная винодельня состояла из давяльни с цистернами, прессового отделения и занимала примерно 80 м². Вместе с бродильней, хранилищем готовых вин и двором с ямами хозяйственного назначения она занимала не менее 350 м². Резервуары имели близкий объем -2,9-3,2 м³, они могли принять одновременно до 9 т сусла [4, с.354].

В главной экспозиции представлена коллекция амфорной тары, датируемая периодами с VI в до н.э. и до IV в. Данные находки относятся к импорту, но по

мнению ряда исследователей, могли использоваться местными виноделами повторно [5, с.154–157; с. 345].

Коллекция амфорной тары.

Наличие возделывания винограда на территории античного города Горгиппия подтверждено находкой виноградарского ножа, датируемого II в., также представленного в основной экспозиции.

Виноградарский нож

В главной экспозиции археологического заповедника «Горгиппия» интересно показаны традиции винопития жителей этого античного города. Известно, что обед «дейпнон» у античных греков проходил обычно вечером и особенно выделялась его вторая часть «симпосион» (собственно попойка) [6, с. 135]. На симпозиуме, античные греки полулежали на софе, а рядом стоял стол со специальной обиходной посудой.

Реконструкция софы и столика с посудой для винопития.

В Археологическом музее Таманского музейного комплекса в главной экспозиции представлены находки с территории археологического памятника городища Гермонасса. Как и в музее Горгиппии в выставках присутствует большое количество амфорной тары разных периодов и пифосы, используемые в процессе приготовления вина.

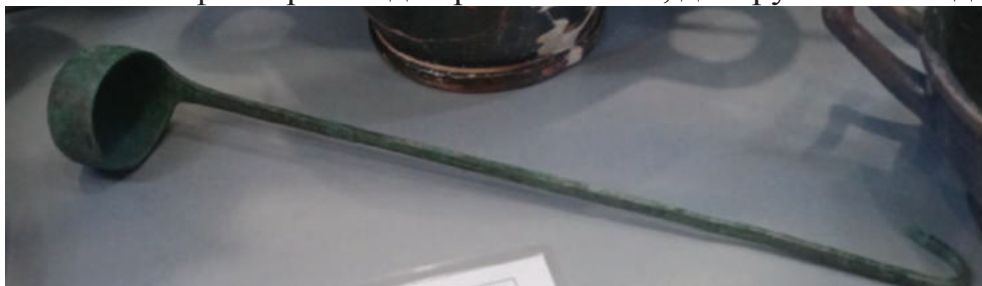
Помимо находок виноградарских ножей (2) в одной из витрин основной экспозиции представлен уникальный артефакт. Глиняная чашечка с обугленным виноградом, датированная II в.(1). Единственная подобная находка на юге России.

Из экспонатов, относящихся к посуде для винопития, особо выделяется краснофигурный кратер, датируемый IV в. до н.э. Известно всего две подобных находки.

Одними из главных украшений фондовой коллекции музея являются уникальные бронзовые киафы-черпаки для розлива вина, датируемые V в. до н.э.

В лапидарии археологического музея Таманского музейного комплекса представлены остатки рычажного пресса из винодельни Ильичевского городища. Предметы были найдены в усадьбе винодела 3-й четверти VI в. н.э. (Иль-

3) [7, с. 9]. Единственные на юге России экспонируемые части позднеантичного винного пресса.

В целом, проведя анализ экспозиций филиалов Краснодарского историко-археологического музея заповедника им Е.Д. Фелицына на предмет освещения истории виноградарства и виноделия Краснодарского края, можно сделать следующие выводы:

1. данные учреждения обладают уникальными коллекциями предметов периода античности, некоторые из них представлены в единственном экземпляре и экспонируются только на территории Краснодарского края;
2. отсутствие специально оформленных экспозиций по истории виноградарской и винодельческой отраслей не может быть основанием для отказа от разработок специализированных экскурсий в рамках проекта «Винные дороги Боспорского царства», которые в свою очередь могут привлечь дополнительное количество посетителей.

Список литературы

1. «Золотое кольцо Боспорского царства». Официальный сайт проекта. <https://www.russian-bospor.ru/> (дата обращения: 25.03.2022).
2. Годовой отчет Министерства курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края за 2021 год. <https://kurort.krasnodar.ru/activity/kurortnyy-sbor/itogi-goda/212022> (дата обращения: 25.03.2022).
3. Алексеева Е.М. Виноделие Горгиипии // Боспорский сборник. М., 1995. № 6.
4. Гайдукевич В.Ф. Виноделие на Боспоре // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. Вып. 85. С. 352–457.
5. Альтман М.С. Техника виноделия в Древней Греции // Из истории материального производства античного мира. М.; Л., 1935.
6. Степанченко А.П. Некоторые традиции винопития древних греков на Азиатском Боспоре в античный период // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2013. № 7. С. 135–138.
7. Винокуров Н.И., Николаева Э.Я. Винодельческие сооружения Ильичевского городища // Историко-археологический альманах. Армавир, 2000. Вып. 6. С. 32–39.

Л.Н. Гармаш

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ДЕКОРАТИВНЫХ ВЫШИТЫХ ТКАНЕЙ XIX – НАЧАЛА XX В. ПРИАЗОВЬЯ В СОБРАНИИ ГБУ «ДОНЕЦКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

Статья посвящена истории формирования музейной коллекции декоративных вышитых тканей греков Приазовья, происхождению традиций изготовления и способов использования их в быту, взаимовлиянию эстетических канонов греков и татар Крымского полуострова.

Ключевые слова: румеи и урумы, крымские и приазовские греки, этнографическая коллекция, крымско-татарская вышивка, техники вышивания, технология ткачества, орнамент.

L.N. Garmash

ETHNOGRAPHIC COLLECTION OF DECORATIVE EMBROIDERED FABRICS OF THE 19TH - BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES OF THE AZOV REGION IN THE COLLECTION OF THE DONETSK REPUBLICAN LOCAL LOCAL MUSEUM

The article is devoted to the history of the formation of the museum collection of decorative embroidered fabrics of the Greeks of the Azov region, the origin of the traditions of manufacturing and ways of using them in the everyday life, the mutual influence of the aesthetic canons of the Greeks and Tatars of the Crimean Peninsula.

Keywords: Rumei and Urums, Crimean and Azov Greeks ethnographic collection, Crimean Tatar embroidery, embroidery techniques, weaving technology, ornament.

В Приазовье крымские греки появились в конце XVIII века в рамках политики заселения и хозяйственного освоения южных степных регионов России. В результате в Приазовье было образовано 21 греческое село. Согласно пятой ревизии 1795 г. в них проживало 17 586 чел. [9].

О жизни греков в Крыму до переселения (доприазовский период) известно очень немного. Исследователи считают, что именно в Крыму произошло разделение крымских греков на грекоязычных румеев (греческая ветвь индоевропейской языковой семьи) и татароязычных урумов (кыпчакская группа тюркской языковой семьи) [6].

Исследования этнографов показывают, что этническая культура не остается неподвижной, застывшей: между соседствующими этносами происходит обоюдное заимствование бытовых навыков, обычаев и других элементов культуры. Если какая-то этническая общность оказывается на более высоком социальном уровне, особенности ее культуры воспринимаются как престижные, перенимаются соседями. Такие связи должны были установиться между татарами и прочими жителями Крымского ханства. Татарский этнос являлся численно превосходящей и господствующей политической частью населения полуострова, был носителем престижной генетически связанной с турецкой культуры. Греки перенимали от татар языковые нормы, элементы повседневного быта, одежды, традиций убранства жилья, навыков домостроения, техники и орнаментики в народном творчестве [6].

Тесное взаимовлияние привело к формированию целой культурной провинции, в которой между народами различного происхождения и разной языковой

принадлежности в результате многолинейных связей и исторических обстоятельств сложился единый культурный комплекс. «Действительно, в XVIII в. образ жизни греков и татар уже почти ничем не отличался. Общественный и семейный быт греков в значительной мере утратил свою первоначальную форму. Татарскими были пища, хозяйственный уклад» [7]. Только религия явилась тем центром, который и позволил грекам сохраниться в Крыму как народу [6].

Переселение греков из Крыма в Приазовье вело к разрушению первоначальной социальной среды, перегруппировке жителей. Крымские греки оказались в новых условиях природопользования, приобретали новые навыки хозяйствования. В новых условиях бытования формировалась новая этническая общность, получившая название мариупольские или донецкие греки [6].

Греческие переселенцы из Крыма основали в Приазовье поселения примерно в равных пропорциях: румейские и урумские. Какое-то время они были практически моноэтничными. Позже здесь стали селиться русские, украинцы, армяне, представители других национальностей. Этнографические исследования 80–90-х гг. XX в., а затем начала 2000-х гг. показали, что урумы и румеи, сохраняя различия в языке, некоторых обычаях, практически не отличались в образцах материальной культуры.

Музейная этнографическая коллекция мариупольских греков начала формироваться еще до революции усилиями педагогов и учащихся Александровской гимназии города Мариуполя. Итогом их деятельности стали коллективный труд «Мариуполь и его окрестности»: Отчет об учебных экскурсиях Мариупольской Александровской гимназии. Издание Почетного попечителя Д.А. Хараджаева, 1892» и историко-церковно-археологический музей при гимназии. В 20-х гг. XX в. благодаря активности ученого-краеведа И.П. Коваленко и его сподвижников, коллекция музея Александровской гимназии Мариуполя стала основой фондов организованного им Мариупольского музея краеведения. В 1926 г. постановлением Президиума ВУЦИК в музее был создан греческий отдел, который получал из средств Народного комиссариата просвещения УССР ежегодную целевую субсидию в размере 3 тыс. руб. на изучение этнографии греков. В 1928 г. отдел принял участие в Выставке достижений национальной политики в Украине, организованной в Харькове в рамках IV сессии ВУЦИК. Греческая экспозиция составляла более 200 экспонатов. Греческий отдел Мариупольского музея краеведения ежегодно приобретал у населения старинные предметы быта и одежды, а также ковры и покрывала новой выработки. В период 1925–1933 гг. было организовано и проведено 12 экспедиций [4].

Параллельно с мариупольским музеем исследованием материальной культуры греков занимались специалисты Сталинского окружного музея и музея села Стыла. Собранные ими материалы и фототека были переданы в фонды Мариупольского музея [9].

Во время войны большая часть инвентарных книг с описанием экспонатов греческой коллекции была потеряна. В результате, когда в 1954 г. часть «греческой» коллекции Мариупольского музея передана в фонды Сталинского краеведческого музея, большая часть коллекции оказалась неатрибутированной.

В 1980–90 гг. в результате этнографических экспедиций Донецкого краеведческого музея «греческая» коллекция музея пополнилась новыми предметами, были атрибутированы некоторые ранее поступившие предметы.

Значительная часть «греческой» коллекции Донецкого краеведческого музея – это ткани XIX – начала XX в. Декоративное ткачество, вышивка – традиционные занятия греческих женщин этого периода. Во время экспедиции по Великоновоселковскому району в 1990-х гг. было установлено, что отсутствие традиции стенной росписи в греческих домах в старину восполнялось настенными декоративными тканями разных сортов. Для украшения жилища широко применяли яркие тканые или вышитые изделия: тохма (тухма) – это домотканые с тканым узором полотенца, ими украшали полки «раф» для посуды; мандыль (явлух) – длинные вышитые полотенца, которые вешали на иконы, фотографии, зеркала; стенарь (стынар, чтынарья) – узкое длинное горизонтально прикрепленное в верхней части стены расшитое полотнище красного или синего цвета, по нижнему краю которого вырезаны фестоны, обшитые бахромой. Стенарями называли и длинные узкие ткани с плотным тканым орнаментом [8].

В коллекции ДРКМ значительное количество греческих вышитых полотенчатых тканей. Большая часть вышитых «полотенец» поступила из Мариупольского музея в 1954 г. с формулировкой «полотенце (рушник) для украшения стен хаты».

При визуальном осмотре музейной коллекции «греческих» вышитых декоративных тканей обнаруживаются явные параллели в основных мотивах и техниках вышивки с изделиями крымских татар. По стилистике эта группа тканей идентична декоративным тканям крымских татар, хранящихся в коллекциях музеев Бахчисарая, Ялты и Симферополя [3]. На двух изделиях из коллекции музея удалось обнаружить вышитые даты: 1880 и 1878(9). Предполагается, что это даты времени изготовления изделий. Следовательно, в конце XIX в. традиция вышивки в характерной крымской манере еще сохранялась. К середине XX столетия мариупольские греки уже не вышивали битью.

Изучение литературы, посвященной крымско-татарской вышивке, позволяют частично восполнить недостаточность изученности декоративно-прикладного текстильного искусства греков Приазовья, особенностях технологий изготовления, назначения, прочесть смысловое содержание орнаментов.

Крымско-татарское искусство вобрало в себя лучшие традиции византийской и османской культуры, в ханский период достигло наивысшего расцвета, являло собой отражение творчества всех этносов, проживавших на крымском полуострове. Крымские татары использовали для украшения интерьера ткани, имевшее утилитарное назначение, в оформлении интерьера доминировали полотенца для рук «эльбез», для лица «юзбез», для украшения полок «кыбырыз», специальные платки «явлук», а также обрядовые свадебные полотенца. В полотенцах использовали по назначению только середину, так как вышивка была выполнена из металлических ниток [3].

Декоративные ткани, применявшиеся для украшения интерьера, называли одним словом эвджияр (с тат. «украшать дом»). Полотенца вешали на стене разным способом: перекрестно, в виде ромба, ступенчато (один край ниже другого), чтоб были видны оба вышитых конца полотенца. Особенно празднично украшали комнаты во время свадьбы - на лучеобразно протянутых под потолком веревках. Для украшения использовали и мараму (большое головное покрывало замужних женщин) и шербенти (меньшего размера головные накидки незамужних девушек), чаще всего в простенках между окнами. [2; 3].

Наиболее известной тканью для эвджияр была атма — лёгкое льняное или хлопчатобумажное полотно. Тончайшая атма изготавливалась в домашних условиях на ткацком стане и в ткацких мастерских крупных ремесленных центров Крыма на более совершенном оборудовании. Ткань была двух видов: 1) однородная из ниток одного материала и качества и 2) неоднородная с применением сочетания ниток хлопчатобумажных (х/б) и шелковых, либо х/б и льна, толстых слабо скрученных и тонких, отбеленных и суровых (один вид нитей шел на уток, а другой — на основу). Таким образом, получали изысканные тканые узоры: полосы, квадраты, сложные фигурные, которые проявлялись на просвет. Ширина изделий зависела от устройства ткацкого станка. Как правило, атма имела ширину 30–70 см. [5]

Для вышивки использовали хлопчатобумажные, льняные, шелковые, шерстяные нити, а также металлические, тонкую канитель и площенку (1–3 мм шириной плоская лента) или битю. Техника вышивки металлической битью, «телли» или бартынское шитьё, зародилась в XVII в. в г. Бартын на севере Турции. Образцы вышивки в технике «телли» можно увидеть в Бахчисарайском музее-заповеднике. Они украшены медной или серебряной битью, забитой в ткань в виде крестиков, «гусиных лапок» и полосок [1].

Наиболее характерные техники вышивания, которые использовались для изготовления эвджияр, - татарская двусторонняя гладь «татар ишлиме» и счетная - «эсап ишлеме», а также «шитье площенкой» или битью.

Крымско-татарский орнамент – это не просто живописная комбинация узоров. Каждый символ имел важную смысловую нагрузку. Назначение вышивки – обереговое, нести мир и благополучие семье, обеспечить гармоничное существование мужского и женского начала, сохранить продолжение рода. В крымско-татарской вышивке различают женские символы: лилия, роза, миндаль, гвоздика, горизонтальная S-образная ветка «эгридал», волнообразная линия «сув», виноградная лоза, 6-8-конечная звезда. Мужские символы - фалообразные изображения (тополь (кипарис) – «сельби», тюльпан «ляле», лист дуба символы, цветы на блюде - «тепси-чечек», ваза с цветами - «череп-чечек») [8]. Исследователи выделяют ряд символов-оберегов: «колючка» (репейник, пальметта), гребень с зубьями – «тарах таш», ножницы – «макъас», двусторонний топор – «эки тарафлы балта», рога – «бойнуз», острый перец – «бибер», дом – «эв», крепостные стены – «къале», треугольники, зооморфный мотив петуха (птицы) – знак победы добра над злом. Надписи на крымско-татарском языке, исполненными арабской вязью, выполняли также роль оберега.

По мнению Л. Чепуриной, изображения рыб, лодок, кораблей, волнообразная линия каймы «сув» говорили о принадлежности вещи к прибрежному району Крыма. А композиция из концентрических кругов, называемая «кунеш» – «солнце», была характерна для района Бахчисарая [6].

В коллекции ДРКМ можно выделить группу полотенчатых вышитых декоративных изделий, изготовленные в технике глухой двусторонней глади «татар ишлеме» из однородной или узорной ткани с вышивкой, выполненной гарусом (в основном, шерстяные нити) ярких цветов с применением бити (техника «телли»). Как правило, это крупный растительный орнамент с мотивами древа жизни, вазона с цветами, эгридала, единичные экземпляры с зооморфными мотивами (птицы на древе жизни), с архитектурным орнаментом (церковь), с графической вышивкой. Вторая группа - это изделия из однородной, неоднородной и узорной атмы, напоминающей тонкую кисею, с растительным и с геометризированным растительным орнаментом. Это так называемые свадебные платки. Вышивка выполнена в технике счетной глади «эсап ишлеме», в комбинации с глухой двусторонней гладью «татар ишлеме» шелковыми, золотными нитями приглушенных тонов с минимальным использованием бити (площенки). Среди них – единичные изделия с антропоморфными, архитектурными и зооморфными мотивами, а также с графической вышивкой внутри орнаментального мотива, одно изделие со строчным графическим рисунком. Третью группу составляют длинные (малые и большие) перифтары, марамаы с тканым рисунком и вышивкой. Являясь элементами одежды, эти изделия также применялись для украшения жилища. Выделяются изделия с изысканной вышивкой белым по белому с небольшим использованием золотной нити или бити.

Различия в технике и особенностях цветового сочетания, видах нити для вышивки, а также приемах шитья, которые используются в изделиях «греческой» коллекции, предположительно связаны с географией выхода с Крымского полуострова. Предположение требует дополнительного исследования.

Список литературы

1. Абдураманова С.Н. О швах «стамбул мыклама», «серасер мыклама» и «серасер букме» в крымско-татарском золотном шитье. UR: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-shvah-stambul-myklama-seraser-myklama-i-seraser-bukme-v-krymskotatarskom-zolotnom-shitie>
2. Бавбекова И.А. Стилистические особенности каллиграфии в крымско-татарской вышивке // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 2 (11). С. 122–124.
3. Бавбекова И.А. Вышивка в традиционном интерьере крымско-татарского жилища, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyshivka-v-traditsionnom-interiere-krymskotatarskogo-ilischa>
4. Бацак Н.И. Экспонирование памятников народно-бытовой культуры греков Северного Приазовья в конце 1920-х годов в свете архивных источников. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksponirovanie-pamyatnikov-narodno-bytovoy-kultury-grekov-severnogo-priazovya-v-kontse-1920-h-gg-v-svete-arhivnyh-istochnikov/viewer>
5. Возгрин В.Е. История крымских татар. URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/istoricheskie-sudbi-krimskih-tatar101.html>
6. Греки России и Украины. Сборник / под ред. Ивановой Ю.В. СПб., 2004.
7. Джуха И. Одиссея мариупольских греков. URL: <https://special-i-urnal.com/129305.html>

8. Культура и быт греков Приазовья и села Урзуф. Поисковая работа по историческому краеведению. URL: <https://textarchive.ru/c-1318490.html>

9. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века. Мариуполь, 2008.

А.А. Юдина

УСАДЬБА ГРАФИНИ О.С. НАРЫШКИНОЙ В МИСХОРЕ

В статье рассматривается «забытая» усадьба семьи Нарышкиных в поселке Мисхор близ города Ялта. Автор статьи попытался провести историческую «реконструкцию» мемориального памятника Южного берега Крыма, являющегося центром внимания ценителей старины. Выявленные автором источники и информация об имении, станут несомненным обоснованием, способствующим сохранению культурного наследия не только Крыма, но и всей России.

Ключевые слова: усадьба, Мисхор, Южный берег Крыма, О.С. Нарышкина.

A.A. Yudina

THE ESTATE OF COUNTESS O.S. NARYSHKINA IN MISHORA

The article discusses the "forgotten" estate of the Naryshkin family in the village of Mishor close the city of Yalta. The author of the article accurately described the memorial monument of the Southern coast of Crimea, which is the center of attention of connoisseurs of history. The sources and information about the estate identified by the author will become an undoubted justification that contributes to the preservation of the cultural heritage not only of the Crimea, but also of the whole all of Russia.

Key-words: estate, Mishor, The Southern coast of Crimea, O.S. Naryshkina.

Практически в каждом уголке нашей страны имеются здания и сооружения, являющиеся «хранилищем» исторической памяти. Небольшой поселок Мисхор, достаточно популярный курортный уголок южнобережья, тоже изобилует богатой историей дворянских особняков и дач, что вне всякого сомнения привлекает внимание историков, краеведов и обычных туристов.

Сейчас на территории мисхорского района находится более двадцати здравниц, некоторые из которых занимают старинные особняки, дворцы и дачи, построенные в XIX, начале XX веков. В теплом и уютном Мисхоре, недалеко от царской резиденции находились имения великих князей, особняки русской аристократии: Трубецких, Долгоруковых, Нарышкиных [1, с. 93].

Известно, что первой владелицей рассматриваемого поселка стала фаворитка императора Александра I Мария Антоновна Нарышкина. 26 января 1814 г. княжна приобретает во владение пограничный участок земли между Алупкой и Мисхором, у горы Хоста-Баш. Затем земельный надел перешел к ее племяннику Л.А. Нарышкину и его жене О.С. Нарышкиной, урожденной графине Потоцкой. Нарышкины были не только соседями Воронцовых, но и родственниками: Лев Алексеевич приходился двоюродным братом губернатору Новороссии [2, с. 44].

Интересным фактом является то, что за Ольгой Станиславовной числилось куда больше земли чем за мужем. О.С. Нарышкина приобрела у местных татар в районе деревни Мисхор и Алупка около 45 дес. земли. Из Санкт-Петербургских сенатских объявлений: «Таврической губернии в Симферопольском уездном суде 829 года явлены купчие: июня 28-го, 9-я. По изверению от генерал-майорши

Ольги Нарышкиной, урожденной графини Потоцкой коллежским секретарем Эмир Сале Челебием совершенная в Таврической палате гражданского суда того ж (1829 г. – А.К.), данной ей, Нарышкиной, от татар Симферопольского уезда деревень: Мускор Гасана Осман Оглу, Амет Усеин Оглу, Халиле Али Оглу, Агмета Бекир Оглу, Смаила Али Оглу, Хасима Усеин Оглу, Ибрагим Асан Оглу, Ибрагим Сердар Оглу, Агмета Асан Оглу, Ибрагим Сулейман Оглу, татарки Анифе Асановой... И Балаклавского греческого пехотного батальона унтер-офицера Константина Вурани на проданные последними первой участки садовые и пахотные кустарниками, огороженные и неогороженные, состоящие Симферопольского уезда в округе деревни Мусхор в урочище Хастама, примерно 45 десятин, ассигн. За 7 240 рублей. Купчая крепость писана на гербовом листе 20 рублевой цены; пошлин взыскано 285 руб. и за акт 10 рублей [3, с. 8].

После завершения сделок, связанных с куплей-продажей, к 1834 году развернулось строительство усадьбы. Английская готика оказала влияние на формирование системы художественных образцов дворца. Усилиями архитектора К.И. Эшлимана был возведен готический замок и заложен романтический парк. Возводилась усадьба под руководством В. Гунта, автора голицынского дворца в Гаспре. Данный факт позволяет проследить некоторую схожесть в архитектурных деталях и декоративном убранстве сооружений Мисхора, Гаспры и Алупки [4, с. 93].

В имении по проекту знаменитого архитектора Ф.Ф. Эльсона был построен небольшой «детский домик» с деревянной верандой и двухэтажный «экономический дом», который предположительно проектировал швед итальянского происхождения Г. Торчелли [2, с. 45].

После завершения строительных работ владельческий дом Нарышкиных, по своему виду, а также количеству изображений экстерьеров смело мог соперничать с дворцом графа Воронцова в Алупке. Внешне усадьба выглядела не слишком большим двухэтажным прямоугольным сооружением (26,98x15,62 м.). Проектировщик постарался подчеркнуть изюминку того времени присущую южнобережным виллам – высокий цоколь, в котором располагалось подвальное помещение для хранения вин. Весь дом состоял из 14 комнат: на первом этаже находилось 6 комнат, а на втором 8. Первый этаж предназначался для прислуги, а второй для хозяев дома [5].

Южный и северный фасад был рационально спроектирован архитекторами. С южной, морской стороны равномерно прорезались открытые террасы. Каждая терраса имела два яруса, поддерживающиеся колоннами, а ассиметричный выступ торца был украшен готическим рисунком, возможно, благодаря моде 30–40-х гг. XIX столетия на все «готическое» [6, с. 178].

По сравнению с южной частью здания, северная сторона выглядела куда скромнее, поскольку она была украшена по центру единственным металлическим балкончиком и на его уровне небольшими прямоугольными окнами [6, с. 178].

Из воспоминаний Франца Мартыновича Домбровского: «Обширное и богатое имение О.С. Нарышкина... Дача находится на берегу моря; Тут же построен

прекрасный помещичий дом со всеми удобствами. Лавры, мирты, множество цветов, оливковая роща, – вот богатство и украшение дачи. Лавровая роща носит название «Софиевки или Малой Алупки» [7, с. 365].

Из этого следует, что Нарышкины очень старались развить свое поместье. С виду обыкновенная архитектура небольшой двухэтажной усадьбы привлекала взор путешественников и гостей семьи. В 1837 году имение посетил сам император Николай I со своей свитой и императрицей Александрой Федоровной.

«18 сентября 1837 г. ... Отъехав от Хореиса с версту, за почтовою Мисхорскою станцією, они своротили с большой дороги в Мисхор, имение, принадлежащее О.С. Нарышкиной. Здесь имели свидание с Ее Императорским Высочеством Великою княгинею Еленою Павловною, приехавшею сюда, несколькими днями прежде, прямо из Одессы на пароходе «Петр Великий»... 26-го числа (сентября 1837 г.) в воскресенье, Ее Императорское Величество слушала божественную литургию в Хореисской церкви и потом изволила завтракать в Мисхоре у Ее Императорского Высочества Великой княгини Елены Павловны» [8, с. 49, 65].

Следующим этапом развития усадебного зодчества стала Крымская война, которая приостановила «жизнь» в усадебных имениях Южного берега. Саму территорию Мисхора и ее повседневный быт война не задела, поскольку поселок находился на достаточно далеком расстоянии от места боевых действий. Владельцы имения тоже не застали события войны, так как в это время пребывали в Санкт-Петербурге.

В 1861 г. О.С. Нарышкина умирает, перед смертью она завещает имение своей дочери – графине Софье Львовне Шуваловой и ее мужу Павлу Петровичу Шувалову.

В сборнике законодательных актов Российской империи было зафиксировано: «№ 34338. – Апреля 7. Именной, данный Сенату, распубликованный 25 мая. – О дозволении вдове генерала-лейтенанта Ольги Нарышкиной, урожденной графини Потоцкой, из принадлежащих ей имений Тальновский ключ и дачи Мисхор учредить одно заповедное имение. Снисходя на всеподданейшее прошение вдовы генерала-лейтенанта Ольги Станиславовны Нарышкиной, урожденной Потоцкой, Всемилостивейше дозволяем из состоящих в ее владении недвижимых имений: Тальновский ключ и дача Мисхор учредить одно заповедное, по общим правилам о наследственных заповедных имениях, в Своде законов изложенных, и на следующих основаниях просительницею представленных: 1) В состав заповедного имения поступают принадлежащие вдове генерала-лейтенанта Ольги Нарышкиной недвижимые имения: а) Киевской губернии... и б) Таврической губернии в Ялтинском уезде, на южном берегу Крыма, дача, называемая Мисхор, со всеми угодьями, садами и виноградниками, всего в количестве девятидесяти пяти десятин земли, которые в залоге нигде не стоят; 2) Имения сии, в полном своем составе при жизни учредительницы вдовы генерала-лейтенанта Ольги Станиславовны Нарышкиной остаются в ее владении... Затем, после кончины учредительницы заповедное имение Тальновское с селами и деревнями,

равно и дача Мисхор со всеми принадлежностями поступают во владение единственной ее дочери, супруги статского советника графини Софии Львовны Шуваловой, урожденной Нарышкиной, и ее потомства...» [9, с. 276–277].

В 1902 г. новой владелицей прибрежного Мисхора становится дочь С.Л. Шуваловой – княгиня Ольга Петровна Долгорукая, которая завершает череду смены хозяев поместья. О.П. Долгорукая остается владелицей Мисхора вплоть до 1918 г., пока на поселок и на всю Россию не обрушилась новая историческая веха.

В заключении стоит добавить, что уникальная история имения О.С. Нарышкиной достойна пристального научного внимания и изучения, поскольку на сегодняшний день остается целый комплекс вопросов, касающийся перспективы развития данного исследования на более широком уровне.

Список литературы

1. Брагина Т., Васильева Н. Путешествия по дворянским имениям ЮБК. Симферополь, 2001.
2. Дворцы. Усадьбы. Имена. Путеводитель / под ред. Д. Тарасенко. Симферополь, 2008.
3. Санкт-Петербургские сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. СПб., 1830. № 21. 14 марта. С. 11.
4. Коляда Е.М. Дворцы и парки Крыма XIX – XX века. История создания и стилистическая характеристика: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2002.
5. Полтавская Н. Крым. История Мисхора – хозяева «Старого Мисхора». URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3317942/post162043815/> (дата обращения: 03.02.2022).
6. Галиченко А.А. Старинные усадьбы Крыма. Симферополь, 2016.
7. Новороссийский календарь на 1851 г. / под. ред. Бориневича. Одесса, 1850.
8. Сафонов С.В. Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года / сост. С. Сафоновым. Одесса, 1840.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIV. 1859. СПб., 1861.

Е.А. Горбатенко

ПАМЯТНИК ИСТОРИИ – ЗДАНИЕ ШТАБА МОРСКИХ СИЛ ЧЕРНОГО И АЗОВСКОГО МОРЕЙ В ДОНБАССЕ В 1920 Г.

В статье освещаются события связанные с памятником истории – зданием штаба морских сил Черного и Азовского морей в Донбассе в 1920 г. Исторические события сменяли друг друга одно за другим, это строение прошло довольно долгий путь и служило для разных нужд социума и государства. Один из оплотов советской власти в г. Мариуполе в 1920 г. данное архитектурное сооружение является воплощением мемориальной памяти и выступает призмой, сквозь которую можно проследить социокультурную связь интеграции в российском обществе.

Ключевые слова: памятник, СССР, культура, Причерноморье, Приазовье, флот.

E.A. Gorbatenko

HISTORICAL MONUMENT – THE BUILDING OF THE HEADQUARTERS OF THE NAVAL FORCES OF THE BLACK AND AZOV SEAS IN THE DONBASS IN 1920

The article highlights the events related to the historical monument – The building of the headquarters of the naval forces of the Black and Azov Seas in the Donbass in 1920. Historical events

followed each other one after another, this building has come a long way and served for different needs of society and the state. One of the strongholds of Soviet power in Mariupol in 1920, this architectural structure is the embodiment of memorial memory and acts as a prism through which one can trace the socio-cultural connection of integration in Russian society.

Key-words: monument, USSR, culture, Black Sea, Azov, fleet.

Памятники истории и культуры являются свидетелями исторических событий, они олицетворяют собой воплощение мемориальной культуры. Память о происходивших событиях, которые привели к настоящему и непосредственно повлияли на него, в данном случае это 1920 г. переломный момент в установлении советской власти в Донбассе, так как именно тогда был создан штаб морских сил Черного и Азовского морей. Объекты культурного наследия представляют собой не только научный интерес, но и выполняют ряд функций, в том числе социальных. Историческая преемственность социального опыта позволяет формировать представления о происходящем в мире сегодня.

Здание штаба морских сил Черного и Азовского морей в Донбассе имеет богатую историю – это строение ориентировочно построено в 1897 г. изначально вмещало в себя гостиницу «Континенталь», с конца 1950-х гг. в нём располагался гастроном. 15 ноября 1916 г. на Георгиевской улице состоялось открытие Екатеринославского губернского учебно-ремесленного дома-приюта для инвалидов Первой мировой войны. После Второй мировой войны в здании находился Клуб металлургов, а позже располагались Дворец культуры комбината «Азовсталь» и Дворец культуры «Молодежный» [1].

Целью работы является изучение значения памятника истории Здания штаба морских сил Черного и Азовского морей в Донбассе в 1920 г. с помощью исторической ретроспективы и проведения параллелей с современной ситуацией в Донбассе.

Актуальность данной темы не вызывает сомнения, поскольку Здание штаба морских сил Черного и Азовского морей в Донбассе в 1920 г. имело значительное место в развертывании и укреплении позиций советской власти. К сожалению, история этого здания «не освещается в монографиях», однако, оно имеет статус памятника истории.

Изучением деятельности и состояния флота СССР занимались такие исследователи как В.Н. Доценко [2], А.В. Гребенюк [3], В.Ю. Грибовский [4]. Авторами рассмотрены различные вопросы в области флота, архивные данные из региональных архивов, деятельность флотилий СССР.

Политическая ситуация в 1920 г. была сложной, так как Донецкий бассейн в составе Юга России находился в непосредственном подчинении Временного правительства, а после его роспуска на него претендовали большевистское правительство, белогвардейские силы под руководством атамана Войска Донского Каледина и Украинская Центральная рада. Однако, если А.М. Каледин и Центральная рада придерживались прежней линии разграничения Донбасса по реке Кальмиус, которая была определена Сенатом Российской империи в 1746 г., то Совнарком Советской России был заинтересован сохранить весь Донецкий бассейн в составе РСФСР [5, с. 360].

Уже 3 января 1920 г. г. Юзовка (ныне Донецк) была полностью освобождена от белогвардейцев. Во время гражданской войны Черноморский флот успешно решал поставленные задачи, в том числе обеспечил безопасность берегов и содействовал операциям сухопутной армии. Разложение началось с нарушения законов и как следствие с падения дисциплины. Постепенно из-за политических волнений боеспособность флота стремительно падала, подрывался авторитет офицерского состава, лишенного возможности поддерживать должный порядок, и как следствие флот не мог решать боевые задачи [5, с. 188].

С февраля 1918 г. флот в соответствии с декретом Совнаркома о создании РККФ комплектовался на добровольной основе, по вольному найму. Избытка добровольцев не наблюдалось, и к апрелю в Черноморском флоте насчитывалось всего 7 тыс. матросов против почти 48 тыс. в начале 1917 г. Из-за этого пришлось разоружить три линейных корабля, все крейсера, несколько малых миноносцев и подводных лодок [4, с. 189].

К этому времени все политические силы, и противоборствующие стороны хорошо понимали значение Черноморского флота. Большевистский Совнарком, не без основания опасавшийся захвата флота Германией, уже санкционировал предложение Коллегии Морского Комиссариата о перебазировании сохранившихся в строю кораблей в Новороссийск. Выполнить это решение оказалось не так просто: реальной советской власти в Крыму не существовало [5, с. 190].

В Российском государственном архиве военно-морского флота на хранении находится фонд Мариупольского военно-морского порта периода 1918–1921 гг., и содержит исторические сведения касательно обслуживания и обеспечения всеми видами снабжения базирующихся в Мариуполе кораблей и береговых учреждений. В фонде сохранились: приказы командира порта; протоколы заседаний и отчеты ликвидационной комиссии; переписка о вооружении и ремонте судов [6].

17 сентября 1920 г. у населенных пунктов Большой Вердер и Бельманка разведывательные группы моряков вошли в боевое соприкосновение с противником. Об этом начдив П.И. Смирнов донес в штаб Морских сил Чёрного и Азовского морей (МСЧАМ). Тем не менее, упорное сопротивление Морской экспедиционной дивизии вынудило белогвардейцев приостановить дальнейшее продвижение к Донбассу [7, с. 76].

Азовская флотилия была создана в марте 1920 г. на этапе становления Советской власти по указанию В.И. Ленина с целью противодействия врангелевскому флоту.

Реввоенсовет Юго-Западного фронта назначил бывшего водолаза – военного моряка Н.Ф. Измайлова командующим морскими силами Юга страны, поручив ему сформировать экипаж и создать оборону побережий. Для осуществления этого плана Измайлов послал группы моряков. Одна группа из 28 чел. во главе с С.Е. Маркеловым прибыла в Мариуполь. Маркелов был назначен начальником обороны Азовского моря, комиссаром – Грачев. На военно-морские силы Юго-Западного фронта возлагалась задача активной обороны важнейших стратегических пунктов морского побережья.

Первое серьезное морское сражение с врангелевцами произошло 9 июля 1920 г. у Кривой косы. 24 августа 1920 г. Красная Азовская флотилия блестяще провела операцию по ликвидации десанта генерала Улагая, высадившегося на Кубани. 15 сентября 1920 г. у косы Обиточной красные азовцы застали врасплох и разбили врангелевский флот. Это сражение явилось вершиной боевой славы Азовской военной флотилии [8].

В 1980 г. памятник подвергся перестройкам и потерям, который изменили облик здания. На стене кирпичного здания в октябре 1967 г. была установлена чугунная мемориальная доска с текстом: «Здесь в 1920 г. находился штаб НАМОРСИ – начальника морских сил Черного и Азовского морей, положивших начало советских военно-морских сил на юге». Позже в 1967 г. была добавлена мраморная доска размером 0,54×1,1 м, с дублирующим текстом.

Само здание трехэтажное, было построено во второй половине XIX в. Высота – 26 м, длина – 36 м, ширина 18 м, размер мемориальной доски – 0,6×0,8 м.

Объект культурного наследия увековечивает память об Азовской красной флотилии, которая сыграла большую роль в разгроме врангелевских войск. Взят на учет Решением исполкому Донецкого областного Совета депутатов трудящихся от 17.12.1969 г. № 724. Памятник расположен в г. Мариуполь, Октябрьский район, пересечение ул. Советской и ул. Ленина [8].

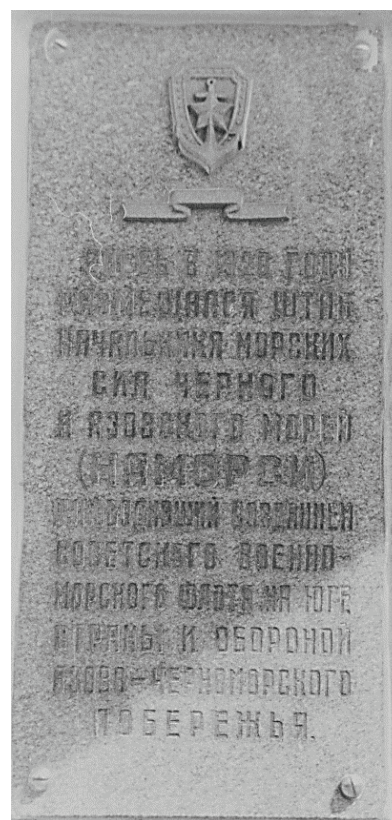
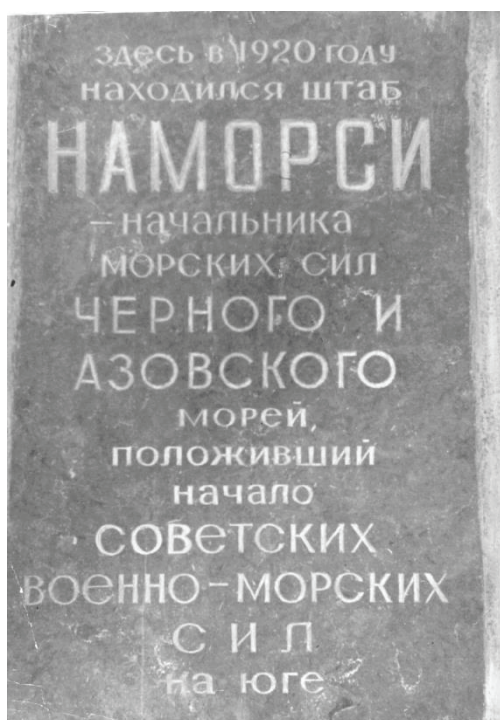

Здание штаба морских сил Черного и Азовского морей 1920 г.

Дата съемки: август 1986 г. [8]

Дата съемки: 2022 г.

Мемориальные доски на Здании штаба морских сил Черного и Азовского морей 1920 г.

Дата съемки: август 1975 г. [8]

Дата съемки: август 1986 г. [8]

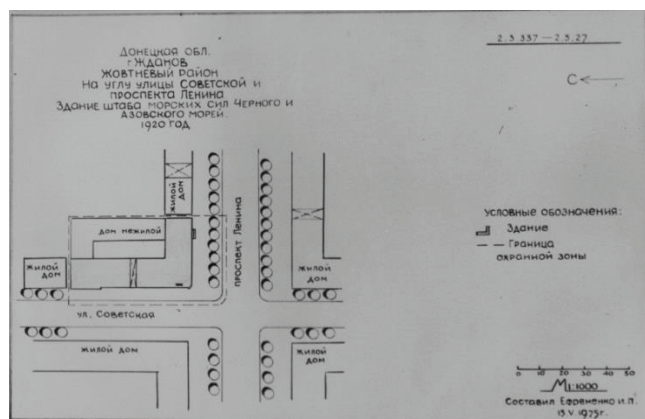

Схема расположения здания штаба морских сил Черного и Азовского морей 1920 г. [8]

Можем сделать вывод, что здание штаба морских сил Черного и Азовского морей 1920 г. было оплотом противодействия врангелевскому флоту и повлияло на установление советской власти в Донбассе, и как следствие, становления региона как промышленного центра СССР. В годы Великой Отечественной войны военные азовские моряки внесли свой вклад в Великую Победу над фашизмом. В результате вооруженного конфликта на территории Донбасса памятник истории подвергся значительным разрушениям, ценное архитектурное здание было

существенно повреждено, последствия этого можно увидеть на фото выше. Подобное является свидетельством вандализма и гибели, которые несет в себе война, уничтожая культурные ценности, отрывает нас от многовековой истории нашего народа. Именно поэтому необходимо направлять силы и ресурсы на их восстановление, так как объекты культурного наследия – это звено, которое делает нас причастными к прошлому родной земли.

Список литературы

1. Гостиница «Континенталь» – экскурс в историю. URL: <https://mrpl.city/blogs/view/gostinitsa-kontinentale-kskurs-v-istoriyu> (дата обращения: 27.04.2022).
2. Доценко В.Н. Флоты в локальных конфликтах второй половины XX века. М.; СПб., 2001.
3. Гребенюк А.В. Красная армия и дипломатия между мировыми войнами XX века. М., 2013.
4. Грибовский В.Ю. Российский флот на Черном море. Страницы истории. 1696–1924 гг. СПб., 2012.
5. История (история Донбасса от древности до современности): учеб. пособие / под общ. ред. Л.Г. Шепко, В.Н. Никольского. Донецк, 2018.
6. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. Р-525. Мариупольский военно-морской порт. Д. 9. 1918–1921. URL: <https://rgavmf.ru> (дата обращения: 01.03.2022).
7. Близниченко С.С. Морская пехота на защите Донбасса в 1920 году // Морской сборник. 2012. № 8 (1985). С. 75–82.
8. Паспорт памятника истории и культуры СССР. Здание штаба морских сил Черного и Азовского морей 1920 году охр. № 337 // Фонды Донецкого Республиканского краеведческого музея.

В.Ю. Подуруева-Милоевич

ЦЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНЕНИЯ – ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья исследует гражданское единение Причерноморья, существование общей политической идентичности, опирающейся на схожий культурный фон. Столкновением различных политических и религиозных культур приводит к развитию общей культурной и политической идентичности со значительным влиянием на путь социального развития региона.

Ключевые слова: гражданское единение, культурная интеграция, национальная идентичность, государство.

V.Yu. Podurueva-Miloevich

VALUES OF CIVIL UNITY – THE BASIS OF MODERN CULTURAL INTEGRATION OF THE BLACK SEA REGION IN RUSSIAN FEDERATION

The article examines the civil unity of the Black Sea region, the existence of a common political identity based on a similar cultural background. The controversy of different political and religious cultures leads to the development of common cultural and political identity with a significant impact on the path of social development of the region.

Key-words: civic unity, cultural integration, national identity, state.

Черное море всегда было зоной оживленного экономического и культурного обмена, расположенной на пересечении различных политических систем и местных культур. В зависимости от исторического момента экономический и культурный обмен менялся, что приводило к развитию национальных культур в этом районе, обладающих своей индивидуальностью и в то же время несущих на себе отпечаток общей истории. Таким образом, это место, где Византийская империя, а затем Османская империя встретились с Россией и с влиянием западно-европейской культуры в Средние века. Позже, во время холодной войны, Советский Союз и страны-сателлиты из Юго-Восточной Европы встретились с современной Турцией, которая в то время была членом НАТО. После 1991 г. регион стал свидетелем политических изменений, произошедших после распада бывшего СССР, которые сопровождались развитием новых национальных государств и значительными изменениями политических и экономических систем, а также новыми международными альянсами.

Черноморский регион включает разнообразие культурных, языковых, этнических и религиозных идентичностей. Неоднородность также наблюдается с точки зрения экономической структуры, масштаба политической ориентации черноморских стран. Таким образом, можем утверждать, что это не просто перекресток геополитического значения, но и перекресток культур, общества, экономики. Все эти культурные столкновения вместе со столкновением различных политических систем способны привести к развитию уникального культурного пространства, укреплению политической идентичности и социальных ценностей [1, с. 148]. Уровень гражданской политической культуры и культуры межнационального общения в рамках которых отождествляются понятия и термины «нация» и «этнос», «нация» и «национальность», «национальное» и «этническое», «многонациональное» и «национальное», не различаются «этнонационализм» и «гражданский национализм» влияют на массовое общественное сознание [2, с. 96].

Национальная идентичность не может быть создана сверху вниз по руководству государства, а представляет сложный процесс, который невозможно запустить с помощью управления, так же как и не может быть сформированной сама по себе. Идентичности – это невидимые нити, связывающие одного человека с другим, чувство «нации как сплоченного целого, представленного отличительными традициями, культурой и языком». Роль государства состоит в том, чтобы создать сферу для взаимодействия и единения граждан.

Когда мы говорим о национальной идентичности, мы не можем игнорировать роль символов, способствующих объединению граждан. Необходимо искать пути развития, где это сближение может произойти, а именно через русский язык и культуру, а также воздерживаться от навязывания символов, которые разделили бы различные социальные этнические и религиозные группы. Мы можем говорить не только о религиозных символах, но также и о гражданских, так как последние способствуют укреплению гражданской идентичности и нацелены на привлечение к сотрудничеству в целях развития устойчивых отношений

[3, с. 302]. Более того, символы необходимы не только для внутреннего использования, но и для передачи национальной идентичности за рубежом.

Национальная идентичность имеет очевидное международное измерение. Прежде всего, это определяет, как национальная идентичность человека воспринимается за рубежом международным общественным мнением и зарубежными элитами. Во-вторых, прямое или опосредованное влияние внешнего мира и международных процессов, которое формирует и трансформирует национальную идентичность. Оба эти фактора тесно взаимосвязаны. Если нация сознательно подходит к проблеме национальной идентичности, она становится концептуально неотъемлемой ее частью, таким образом, ее способность проецировать свой имидж на международном уровне становится все более успешной. Однако, если самосознание нации не является целостным, она будет более восприимчива к внешней пропаганде, а ее образ будет более уязвим для искажения [4, с. 51].

Технический прогресс в области коммуникаций и растущая мобильность гражданского общества создают не только единое информационное, но также и культурное пространство, которое в конечном итоге может стать единым культурным и цивилизационным пространством. Это позволит сократить разрыв между отношением к стране мировым сообществом и ее собственным представлением о себе, т.е. собственной идентичностью.

Единое «вещательное» пространство имеет четко выраженный прозападный уклон. Национальная идентичность должна соответствовать вызовам и возможностям, но не требованиям внешнего мира. Нет необходимости стараться нравиться всем. Быть понятым и принятым не означает принятия чужих или чуждых ценностей.

Общая национальная идентичность не является существенным компонентом регионов как исторических явлений или политических проектов. Скорее, регионы включают в себя набор существенных связей и интересов, которые объединяют народы и государства. В этом отношении Черное море является разумным кандидатом на статус отдельного региона. Нет никакой «черноморской идентичности», общей для румын, турков, грузин и других. Даже в прибрежных районах, где такая идентичность, возможно, когда-то и была, но уже давно поддерживается лояльностью к национальному государству. На протяжении долгой истории, когда Черное море являлось единым регионом, длинная синусоидальная волна колебалась между гражданским единением и конфликтом. Но даже в те времена, когда море было зоной конфронтации, оно оставалось уникальным игровым полем, на котором разыгрывались интересы и чаяния народов и политик внутри него.

Ухудшение состояния окружающей среды и потенциальные экологические катастрофы представляют опасность как для нынешнего, так и для будущих поколений. Транзитные мигранты и лица, ищущие убежища, всё чаще рассматривают регион как доступный зал ожидания для возможной миграции, легальной или нелегальной. Беженцы и перемещенные лица в результате вооруженных конфликтов на Кавказе, некоторые из них были перемещены более десяти лет назад, возложили дополнительное бремя на государства, испытывающие трудности с

обеспечением своих собственных граждан, не говоря уже о гражданах соседних стран.

Государства региона, по-видимому, не обладают общей региональной идентичностью. Несмотря на резкое сокращение неоднородности региона, на сегодняшний день можно обнаружить великую этническую мозаику прошлого. Каждая из стран Черноморского региона представляет собой богатую смесь народов со всего Причерноморья. Общее прошлое и эти общие цивилизации являются и может быть «регионообразующим фактором». Совместное проживание на общей территории в течение столетий неизбежно приводит к приобретению родственных «цивилизационных черт, ментальности и отношения к реальности». Более того, можно утверждать, что годы коммунизма создали общий менталитет, поскольку весь Черноморский регион, за исключением Турции и Греции, находился под советской властью около семьдесят лет. По этим причинам Черноморский регион можно было бы рассматривать как идеальную мультикультурную лабораторию. Черноморский геокультурный регион имеет свои собственные особенности, например, различные религии, обычаи, языки, которые обеспечивают региону важное место на культурной сцене Европы. Можно согласиться с аргументом Кинга о том, что «то, что происходит в наши дни, – это раскопки забытой системы взаимоотношений, филигранный человеческих связей, которые были скрыты под слоями коммунизма и посткоммунизма» [5, с. 93].

Список литературы

1. Данакари Р.А. Этническая идентичность как специфическая форма социального бытия // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование. 2006. № 3. С. 146–152.
2. Колесников В.А. Российская нация – единство в многообразии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 4–2(54). С. 93–99.
3. Подуруева-Милоевич В.Ю. Институт гражданского общества – институт демократического государства: противоречия формирования в современной России // X Столыпинские чтения. Россия в глобальной политике. Национальная безопасность России в контексте вызовов современной эпохи: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 12–13 ноября 2021 г. Краснодар, 2021. С. 301–306.
4. Лихачева А.Б., Макаров И.А. Национальная идентичность и будущее России // Международный Дискуссионный клуб «Валдай». 2014.
5. Parakhonskiy B. The Black Sea-Caspian region in the European context: New landmarks of security and cooperation // Journal of Social and Political Studies. Institute for Central Asian and Caucasian Studies. 2003.

Е.В. Юрьева

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

В статье рассматривается национальная идентичность населения Крымского полуострова в условиях глобализации и межцивилизационного взаимопроникновения. Производится

анализ понятия «национальная идентичность», выявляются три уровня идентичности, определяется специфика национальной идентичности населения Крымского полуострова и ее значение как интеграционного фактора в современное российское общество.

Ключевые слова: национальная идентичность, Крымский полуостров, социокультурная интеграция, этнополитология, кризис национальной идентичности, глобализация.

E.V. Yurieva

THE NATIONAL IDENTITY OF THE POPULATION OF THE CRIMEAN PENINSULA IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND INTERCIVILIZATIONAL INTERPENETRATION AS A FACTOR OF INTEGRATION INTO RUSSIAN SOCIETY

The article considers the national identity of the population of Crimea in the context of globalization. The concept «national identity» is analyzed, three levels of identity are identified, the specifics of the national identity of the population of Crimea and its significance as an integration factor into modern Russian society are determined.

Key-words: national identity, Crimea, sociocultural integration, ethnopolitology, crisis of national identity, globalization.

Процессы глобализации и межцивилизационного взаимопроникновения в современном обществе оказывают чрезвычайно сильное влияние на национальную идентичность населения. В последние годы наиболее остро стоит вопрос сохранения национальной идентичности в условиях повсеместного распространения массовой культуры. Диффузия западной культуры приводит к обратному результату – в обществе появляется запрос на национальную автономию и культурную обособленность. Актуальные тенденции, происходящие в мировой экономической, социальной и политической сферах, обуславливают процессы самоидентификации народов и формирование особого дискурса каждой нации. В трудах Р. Робертсона и Х. Хондкера сказано, что «современная глобализация задает глобальную рамку, в которой цивилизации, регионы, национальные государства, этнические сообщества получают возможность реконструировать свою историю и идентичность» [1, с. 36].

Национальная идентичность представляет собой причисление себя человеком к определенной нации или этносу, истоки национальной идентичности лежат в общности культуры, идеологии, языка, обычаев и традиций. Также формирование национальной идентичности возможно искусственно – Э. Хобсбаум рассматривает термин «изобретенные традиции» как основу конструирования нации с помощью политики, проводимой государством [2, с. 29].

Можно выделить три уровня национальной идентичности. Именно осознание каждого из трех уровней формирует наиболее верную идентичность как общества, так и отдельно взятого индивида. Первый уровень национальной идентичности – этнонациональный. Этот уровень характеризуется общностью традиций, культуры, языка, территории, ранее – религии (на данный момент религиозный фактор приобретает меньшую значимость). Первый уровень национальной идентичности – осознание себя как части отдельно взятой нации не независимо от региона проживания – русский, армянин, еврей, крымский татарин, украинец. Этнонациональный уровень наиболее узкий, точечный.

Второй уровень национальной идентичности – этнотерриториальный. Он характеризуется регионом проживания или рождения. Это осознание себя как части географического региона – то, что в литературе называется «Родина».

Третий уровень национальной идентичности – государственный. Ощущение собственной принадлежности к какому-либо государству, уважение законов своей страны, знание прав и обязанностей. Государственный уровень национальной идентичности – гражданственность. Это наиболее широкий уровень национальной идентичности.

Каждый последующий уровень национальной идентичности шире предыдущего и включает предыдущий в себя. Формирование у населения каждого из уровней идентичности способствует правильному функционированию общества.

Что касается национальной идентичности населения Крыма, то важно понимать, что идентичность этнотерриториального уровня – «крымчанин» сформировалась в период нахождения полуострова в составе Украины. Это произошло потому, что Крым, де-факто являясь частью Украины культурно был отделен от нее и воспринимался обособлено. Это повлекло за собой необходимость формирования новой идентичности. Если жители материковой части Украины в большей степени определяли собственную идентичность этнонационально либо как гражданственность, то жители Крыма – этнотерриториально. Все это привело к формированию уникальной этнотерриториальной идентичности крымчан, которая не дополняла, а, по сути, заменяла этнонациональную.

Именно это позволило населению полуострова выступить единым фронтом против политики Киева в 2014 г. [3] Попытка инвазии новых украинских ценностей после смены власти возымела обратный эффект, на фоне негативного отношения большей части населения Крыма к конкретным проявлениям новой политики: таким как полный переход государственных учреждений на украинский язык, национализм и т.п. Крымчане, обладающие единой национальной идентичностью, получили возможность сделать выбор, которым стала Россия. Это обусловлено рядом особенностей населения, а также географическим положением полуострова. Большая часть жителей считают себя русскими (60% в 2001 [4] и 65% в 2014 гг. [5]), 97% населения использует только русский язык в повседневной жизни [5]. Именно спецификой национальной идентичности крымчан обуславливается их включение в состав России.

Сейчас Крым представляет собой сложный социокультурный регион. С одной стороны, с прочно сформированной этнотерриториальной идентичностью, которая укреплялась в первые года нахождения полуострова в составе Российской Федерации – льготы для крымчан; с другой, с потребностью формирования этнонациональной идентичности – конструирование национальной идентичности россиян происходило в русле уважения к культурному многообразию населения: согласно Конституции РК на территории Крымского полуострова было провозглашено три государственных языка – русский, украинский и крымскотатарский [6], таким образом российская социокультурная среда способствует сохранению культуры малых народов; а также необходимостью формирования

государственной идентичности – Крым является частью России непродолжительное время, а значит формирование государственной идентичности происходит в данный момент. Сложность формирования российской государственной идентичности в Крыму заключается в том, что как географические, так и экономические факторы затрудняют взаимодействие населения Крыма с населением материковой части России, что ведет к затруднению социокультурной коммуникации.

Российская общественная мысль несет в себе сильную историко-культурную доминанту, которая и способствует формированию национальной идентичности россиян. Национальное единство во многом сформировано общей трагедией. Великая Отечественная война даже по прошествии 77 лет является объединяющим фактором всего российского народа. Независимо от этнического происхождения, религиозной принадлежности – в бессмертный полк встают плечом к плечу мусульманин и христианин, кабардинец и балкарец, татарин и русский. Национальная идентичность россиян неразрывно связана с памятью о войне. Россия развивалась в условиях противостояния внешнему врагу что позволило сформировать прочное национальное единство.

Население России составляет огромное количество этносов, которые необходимо консолидировать и сформировать у них единое национальное сознание, национальную идентичность, не разрушая, при этом связи с собственными национальными традициями. Нельзя не отметить и то, что России всегда была свойственна культурная и национальная открытость, ставшие основой для создания многонационального государства. Представителю малого этноса не нужно отказываться от собственной идентичности для того, чтобы принять идентичность российскую.

Россия имеет богатейшую культурную историю, которая, в свою очередь, является важным элементом формирования национальной идентичности россиян. Российская культура способна консолидировать все нации в одну, единую идентичность, так как она сама по себе является многовековым сплетением различных великих культур.

Строительство Крымского моста стало важным этапом как с логистической, так и с символической точки зрения. Мост как элемент экономической системы значительно упростил взаимодействие между полуостровом и материком. С символической точки зрения мост связал Крым и Россию в единую территориальную единицу, символически сформировав и подчеркнув единое российское пространство.

Таким образом, национальная идентичность населения Крыма представляет собой особый конструкт, сформированный как изнутри, так и влиянием извне. Трехуровневая национальная идентичность населения Крыма на данный момент находится на стадии формирования, так как этнонациональный и государственный факторы долгое время были незначительными. В свою очередь единая этно-территориальная идентичность стала важным фактором, обусловившим включение полуострова в состав Российской Федерации и его интеграцию в российское общество.

Список литературы

1. Robertson R., Khondker H. Discourses of globalization: preliminary considerations / R. Robertson, H. Khondker // International Sociology. 1998. № 1. P. 25–40.
2. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. М., 2018.
3. История референдумов в Крыму URL: https://www.rcoit.ru/lib/history/russian_federation/18119/ (дата обращения: 07.04.2022).
4. Всеукраинская перепись населения 2001: Национальный состав населения. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popull/ (дата обращения: 07.04.2022).
5. Перепись населения в Крымском федеральном округе. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (дата обращения: 07.04.2022).
6. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20605> (дата обращения: 08.04.2022).

А.А. Торяник

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА ПОСРЕДСТВОМ РЕАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПО ИСТОРИИ ПОСЛЕ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИИ

Проанализирована работа системы органов образования Крыма по переходу на российские учебники истории, чтобы выяснить, как сильно изменились оценки истории Крыма после вхождения в состав России, как повлияла смена учебников по истории в школах и вузах на население Крыма и как восприняли реформы образования местные жители. Внимание уделено сравнительному анализу государственных учебников и рекомендованной литературы на Украине и в России. Политика России стремится сформировать идеологическую целостность, которая стандартизирует миропонимание крымского сообщества и российских граждан. Задача российских учебников истории состоит в создании позитивной национальной идентичности.

Ключевые слова: идеологическая целостность, социальная идентичность, информационная война, позитивная идентичность.

A.A. Toryanik

FEATURES OF THE FORMATION OF THE IDENTITY OF THE INHABITANTS OF THE CRIMEA THROUGH THE IMPLEMENTATION OF SCHOOL EDUCATIONAL PROGRAMS ON HISTORY AFTER JOINING RUSSIA

The work of the education system of Crimea on the transition to Russian history textbooks is analyzed in order to find out how much assessments of the history of Crimea have changed after joining Russia, how the change of history textbooks in schools and universities affected the population of Crimea, and how local residents perceived the education reforms. Attention is paid to a comparative analysis of state textbooks and recommended literature in Ukraine and Russia. Russian policy seeks to form an ideological integrity that will standardize the worldview of the Crimean community and Russian citizens. The task of Russian history textbooks is to create a positive national identity.

Key-words: ideological harmony, social identity, information warfare, positive identity.

После вхождения Крыма в состав России перед Министерством образования и науки Республики Крым встал важный вопрос о том, как перейти на образовательную систему РФ, насколько необходимо было менять старую, украинскую систему. По утверждению органов власти, этот переход они планировали осуществить в течение 3–5 лет [1], и теперь мы можем ясно и четко рассмотреть, как прошел реформа образования. Было проведено исследование, как формировалось историческое образование в Крыму до вхождения в состав РФ и после, при помощи сопоставления двух и более объектов (учебников по истории), выделение в них общих черт и различий.

Данная тема интересна в первую очередь тем, что очень мало специалистов разбирали проблему интеграции крымского населения, например, через учебную программу в школах и вузах по учебникам истории [2].

Несмотря на то, что вице-спикер парламента Владимир Бобков официально заявил: «За время пребывания Крыма в России образование на территории республики приобрело "идеологическую стройность"» [3], некоторые крымчане выражают недовольство проводимой образовательной политикой органов власти Крыма и России. Недовольство стало проявляться в первые годы объединения и выражалось оно поборами в детсадах, неудовлетворительным состоянием школ и отсутствием школьных автобусов [4]. В последнее время стали появляться жалобы на литературу, которую используют в подготовке школьники и студенты. Благодаря изучению конфликтов между представителями общественности и государственными институтами появляется возможность сделать вывод об отношении руководства России к присоединенному полуострову и его истории. Необходимо разобраться, какой посыл вкладывают авторы в книги по истории Крыма, чем отличается эта история от украинской официальной трактовки. К чему ведет новая система образования и насколько эффективно она справляется со своими задачами?

Начнем с того, что сейчас в Крыму используется учебник под редакцией А. Данилова, Л. Косулиной и М. Брандта [5]. В этом учебнике подробно описана роль России в освобождении Крыма и участие жителей полуострова в борьбе против дерусификации. Главный акцент делается на борьбу против запрета на использование русского языка и отмены его государственного статуса. Самым странным для крымчан был факт, что события тех дней были описаны лишь в двух абзацах, что воспринималось как несколько унижительный и неприятный момент. Население Крыма было готово пролить кровь за свободу от нацистских взглядов украинской власти, а об этом событии в учебнике написано только, что в 2013–2014 гг. низложен украинский президент В.Ф. Янукович, проведен референдум, дана информация об Указе Президента России и создании Крымского федерального округа. Впрочем, спустя 6 лет был выпущен новый учебник, где уже целых три параграфа посвящены Крымской весне [6].

Вроде бы, теперь желание регионального сообщества об изложении подробной истории событий удовлетворено, но некоторые общественные объединения высказали недовольство тем, как именно рассказано о событиях. Основатель и

бессменный руководитель украинской политической партии «Русский блок», депутат Верховного Совета Крыма (2006–2010 гг.) Александр Свистунов совместно с ветеранами Русского движения Крыма, которые после присоединения полуострова к России оказались не у дел, резко критиковали вторую часть школьного учебника по истории Крыма для 10-го класса, призвав Министра просвещения РФ изъять её из учебного процесса [7]. Было высказано мнение, что в учебнике приведено недостаточно информации о деятельности пророссийских движений Крыма в 2014 г. Также непонятно отсутствие подробностей об общеизвестных фактах «Крымской весны», в том числе, о заседании общекрымского «круглого стола» под руководством Юрия Мешкова. Ряд пророссийских активистов, которые были осуждены украинским судом, до сих пор не вышли на волю спустя 7 лет.

При формировании позитивного облика российской государственной власти в учебнике описывается, как происходил конфликт между сторонниками «Евромайдана» и его противниками. В составе сторонников упомянуты представители крымскотатарских организаций, которыми 26 февраля 2014 г. «были выломаны двери в здание Верховного Совета, они проникли внутрь, а заседание парламента автономии было сорвано». Противостояние организовали активисты организации «Меджлис крымскотатарского народа» [8] под руководством И. Умерова и А. Чийгоза, что установлено в судебном порядке. Поэтому Верховный Совет АРК и пророссийские движения препятствовали меджлисовцам, желая в первую очередь сохранить межнациональный мир в республике.

Также некоторые полагают, что в представленном учебнике есть место разжиганию ненависти на национальной почве между крымскими татарами и русскими, что не делает учебник полезным. Некоторые представители крымскотатарских группировок заявили, что в пособии для обучения новейшей истории содержится «пропаганда ксенофобии, оправдывается факт депортации российских народов, тем самым разрушается межнациональное согласие в Крыму» [9]. Якобы не были раскрыты документально подтвержденные исторические факты о весомом вкладе крымскотатарского народа в победу в Великой Отечественной войне. Но нельзя сказать, что права этого народа как-то ущемляются. Например, по указу Президента РФ В.В. Путина от 21 апреля 2014 г. № 268 [10] поставлена задача «содействовать созданию и развитию национально-культурных автономий, иных общественных объединений и организаций, получению жителями Крыма и Севастополя основного общего образования на языках указанных народов, развитию традиционных промыслов и форм хозяйствования».

Школьникам дали льготы на поступление [11], но им всё равно пришлось много навёрстывать, особенно историю России и русский язык. У многих ребят, сдававших ОГЭ, сложилось плохое мнение об отношении к российской системе образования, в частности, из-за того, что многие приезжали из сёл, где в школах нет соответствующего оборудования и кадров. Однако, крымские власти стремятся следовать стандартам Международной организацией по стандартизации ИСО: «Качество – совокупность характеристик объекта, относящихся к его спо-

способности удовлетворять установленные и предполагаемые потребности потребителей» [12]. Цель перед крымским министерством образования и науки – это сформировать российскую идентичность, как важный фактор развития гражданского общества в Крыму, укрепить российскую государственность, провести социокультурную модернизацию страны.

Если в России льготы для крымчан в 2016 г. исчезли, то на Украине они появились. Абитуриенты из Крыма смогли поступать в рамках квоты в 12 учебных украинских заведений, которые участвовали в программе образовательных центров «Крым – Украина». Сейчас в нее входит более 200 вузов. Крымчане заняли более 12 тыс. бюджетных мест в вузах Украины [13]. Программа позволяет абитуриенту Крыма сдать два экзамена ГИА по украинскому языку и истории Украины и ещё один профильный предмет от вуза. Данная программа является одной из форм «мягкой силы». Украина в лице своих национальных СМИ, отдельных политиков и экспертов формируют слой исполнителей для проведения информационно-пропагандистских мероприятий [14]. Поэтому очень важно улучшить качество школьных образовательных программ в российском Крыму. Они позволят удержать молодые умы в нашей стране.

Таким образом, в течение 8 лет система образования Крыма обрела идеологическую стройность, стала очень похожей на российскую. Однако, подход к созданию позитивной социальной идентичности требует стремительных перемен в социуме инноваций в образовании. Школьные образовательные программы способны сохранить «уникальность и неповторимость этнического сознания как права воспринимать мир по-своему» [15]. Несмотря на то, что в учебниках истории Россия предстаёт как освободительница, не все меры политики одобряются крымчанами. Кроме того, некоторые базовые идеи украинской системы до сих пор сохраняются, что противоречит российской системе образования. Политика, проводимая Министерством образования и науки РК, стремится в первую очередь урегулировать конфликты между народами путем создания новой школьной образовательной программы по истории Крыма. Исторический образ объединения Крыма и России в восприятии крымчан позитивен, например, подавляющее большинство жителей Крыма – 89% в 2019 г. поддерживают вхождение полуострова в состав РФ [16]. Тенденция к мирному сосуществованию положительна.

Российская система образования стремится развить среди молодёжи любовь к языку и культуре, объяснить, что такое российский патриотизм, что такое украинский национализм и чем он отличается от подлинных интересов украинцев. Учитывая возрастающую социальную идентичность между народами в Крыму, формирование идеологической стройности в системе образования, я предположу, что самым опасным явлением для развития взаимоотношений между народами Крыма, как и для интеграции крымчан в российское общество является информационная война. Проведение успешной образовательной политики способно уменьшить риски разобщения народов и повысить уровень их знаний об истории для предотвращения конфликтов в будущем.

Список литературы

1. Ситуация в Крыму. 20 марта 2014 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/1061396>? (дата обращения: 06.04.2021).
2. Баранов А.В. Сложносоставной конфликт в современном Крыму: типология, внутри-региональные факторы, стратегии субъектов политики // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. СПб., 2013. Т. 9, № 3. С. 119–128.
3. Как изменилось образование в Крыму за семь лет в составе РФ. URL: <https://crimea.ria.ru/20210315/Kak-izmenilos-obrazovaniya-v-Krymu-za-7-let-v-sostave-RF--vlasti-1119357345.html> (дата обращения: 07.04.2021).
4. Количество жалоб крымчан на учреждения образования увеличилось. URL: <https://www.c-inform.info/news/id/28180> (дата обращения: 07.04.2021).
5. Крымский параграф. Как в новом учебнике истории описали присоединение полуострова к России. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/06/04/krym/> (дата обращения: 09.04.2021).
6. История Крыма. 10 класс. Часть 2. Глава VI. «Крымская весна» и воссоединение Крыма с Россией / под ред. С.В. Юрченко, П.И. Пашковского, А.Г. Герцена и др. Симферополь, 2019. Параграф 33–35.
7. Что не так со школьным учебником «История Крыма», который требуют запретить крымчане? URL: <https://antifashist.com/item/chto-ne-tak-so-shkolnym-uchebnikom-istoriya-kryma-kotoryj-trebuyut-zapretit-krymchane.html> (дата обращения: 09.04.2021).
8. Запрещена в РФ как экстремистская организация.
9. Минобраз Крыма о скандальном учебнике истории полуострова: Пока что им в школах пользоваться не будут. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26943.5/3994600/> (дата обращения: 09.04.2021).
10. Указ Президента РФ от 12 сентября 2015 г. № 458 (в новой редакции). URL: <https://base.garant.ru/70641266/> (дата обращения: 11.04.2021).
11. Абитуриентам Крыма: правила поступления в вузы РФ. URL: <https://propostuplenie.ru/article/abiturientam-kryma-pravila-postuplenija-v-vuzu-rf/> (дата обращения: 11.04.2021).
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144022/66cbad32cb29e50e73ec7f548db3ba7b45e886a0/ (дата обращения: 11.04.2021).
13. Как крымским школьникам поступить в украинский вуз. URL: <https://ru.exrus.eu/Kak-krymskim-shkolnikam-postupit-v-ukrainsky-VUZ-id58c29107f002041915324f6f> (дата обращения: 11.04.2021).
14. Фабрика подлецов: кто и как ведет информационную войну на Украине. URL: <https://ukraina.ru/analytics/20140922/1010553273.html> (дата обращения: 11.04.2021).
15. Эм Е.А. Позитивная этническая идентичность как основа этнической толерантности // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 5. С. 225–231.
16. ВЦИОМ: Почти 90% жителей Крыма в ходе опроса подтвердили сделанный пять лет назад выбор в пользу РФ. URL: <http://www.interfax-russia.ru/South/news.asp?id=1013871&sec=1671> (дата обращения: 11.04.2021).

В.А. Ефимова, Г.П. Рогочая

**ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННОГО НАСТРОЕНИЯ В ТРУДАХ
Б.Д. ПАРЫГИНА, ЕГО ОСМЫСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ (КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ)**

В данной статье поднимается проблема феномена общественного настроения Б.Д. Парыгина в кризических условиях на примере носителей политических ценностей, а именно моло-

дежи. Было проведено эмпирическое исследование среди студентов Кубанского Государственного Университета, которое помогло выявить, что для политического участия и поведения молодежи характерна размытость их политических позиций, что напрямую связано с еще несформированными до конца политическими ценностями.

Ключевые слова: политические ценности, общественное настроение, политическое участие, кризисные условия.

V.A. Efimova, G.P. Rogochaya

THE PHENOMENON OF PUBLIC MOOD IN THE WORKS OF B.D. PARYGIN, ITS COMPREHENSION IN MODERN RESEARCH (CRISIS CONDITIONS)

This article raises the problem of the phenomenon of public mood B.D. Parygin in critical conditions on the example of the bearers of political values, namely the youth. An empirical study was conducted among students of the Kuban State University, which helped to reveal that the political participation and behavior of young people is characterized by the blurring of their political positions, which is directly related to political values that have not yet been fully formed.

Key-words: political values, public mood, political participation, crisis conditions.

Сегодня общество подвергается воздействию различных процессов и явлений, которые оказывают существенное воздействие на все сферы общественной жизни, в том числе, не исключая и политическую. В результате этого происходят трансформации в фундаментальных и цивилизационных основах общественного сознания. Исследование общественного настроения на стыке психологии и политологии очень тесно взаимосвязано, так как психологии свойственно работать с критическими ситуациями, что очень явно проявляется, например, в политической жизни и ее аспектах.

Уже в первой половине XX в. тема политических ценностей стала исследоваться и рассматриваться в социальной психологии, а уже в 1950–60-е гг. данной проблемой стали интересоваться представители политической науки во время разработки целостной концепции политической культуры. Стоит отметить подход к исследованию ценностей американского психолога М. Рокича [1], который трактует данный феномен как психологический, детерминированный регулятор, позволяющий формировать модель поведения субъекта, а также его устойчивые цели и убеждения.

Очень большой вклад в развитие феномена общественного настроения внес советский и российский философ и психолог, один из основоположников социальной психологии в Советском Союзе, доктор философских наук, профессор Борис Дмитриевич Парыгин. В своей работе «Общественное настроение» [2] он представил и дал ясность понятию и природе общественных настроений, так же выявил их стадии динамики и структуру. Борис Дмитриевич определил специфику, пространство и значимость общественных настроений в повседневной жизни людей. Так же обнаружил образы исследований и конструкции формирования общественных настроений важной составляющей психологического пребывания. Философ считал, что настроение – это социально-психологическое образование, в комплекс которого входят неосознанные переживания и разумные решения и мнения. Если смотреть с точки зрения зависимости, то настроение больше склонно к устойчивости, нежели эмоции, а по отношению к чувствам,

наоборот, подвижно и шатко. Все мы склонны поддаваться своему настроению, особенно, когда это касается критических ситуаций. Борис Дмитриевич пишет, что оно склонно распространяться, заинтересовывать и побуждать к действию определенные слои и группы обществ. Указывая на расположение настроения, Парыгин считает, что оно имеет двухмерное пространство. На одной линии четко выдвигается тональность, когда от позитивного настроения индивид переходит к негативному, а на второй предметная направленность, область, к которой индивид относится особо внимательно. Таким образом философ отмечает несколько видов настроений [1]: политические, экономические, религиозные и т.д.

Определение политических ценностей мы встречаем в «Психологической энциклопедии» [3], в которой утверждалось, что это ценности, которые относятся к поведению или различным состояниям, объединенный с деятельностью индивида в политической сфере или в целом со всей этой сферой, чьи предпочтения и взгляды могут быть политическими по своему характеру. В политической сфере в процессе политической социализации человек, стремясь реализовать себя в этом направлении, либо принять участие в глобальных политических событиях или же определиться со своими политическими настроениями и ценностями, прибегает к такому феномену как политическое участие. Существуют различные формы политического участия. Так, в политической науке традиционно разделяют массовое и индивидуальное, активное и пассивное, добровольное и принудительное политическое участие. Безусловно, огромную роль в данном феномене играют причины, или факторы политического участия, так как необходимо понимать, что движет людьми в том или ином политическом событии, или почему люди не принимают участие в политической сфере своего государства. Чтобы это выявить мы провели эмпирическое исследование влияния политических ценностей на формы политического участия современной молодежи (на материалах Краснодарского края).

При исследовании феномена общественных настроений (в критических ситуациях) было бы уместно рассмотреть те субъекты, которые выступают носителями политических ценностей. В нашей статье мы рассмотрим молодежную группу. Данный выбор связан прежде всего с исследованием форм политического участия молодежи в условиях модернизации общества и трансформационных процессах. Положение молодежи в современном российском обществе достаточно противоречиво. С одной стороны, это самая мобильная часть общества, среди которой наиболее быстрыми темпами происходит подъем профессионального уровня и служебной карьеры. С другой стороны, молодежь испытывает трудности переходного периода, а также возникают трудности при адаптации и включения в общественно-политическую сферу. Ориентация молодежи в политическом пространстве происходит в процессе политической самоидентификации, которая представляет собой отождествление человека с определенными политическими силами, идеалами, ценностями и является важным фактором формирования политической субъектности личности и предпосылкой ее активности.

В анкетном опросе приняли участие студенты Кубанского Государственного Университета различных направлений и факультетов. Была использована

Google-форма для проведения анкетного опроса. Всего было опрошено 54 студента. На основании изложенных результатов эмпирического исследования, проведенного в рамках данной статьи, следует сделать следующие выводы:

1. В анкетном опросе приняли участие студенты Кубанского государственного университета различных направлений и факультетов (всего – 54 респондента).

2. Респонденты, принявшие участие в анкетном опросе, занимают весьма активную политическую позицию и проявляют интерес к данной сфере общественной жизни (регулярный просмотр политических новостей, активная включенность в политический процесс).

3. Такая форма политического участия как членство в политической партии или молодежной организации не пользуется популярностью среди представителей молодежного студенчества (50% респондентов не хотят быть членами какой-либо политической партии или молодежной организации).

4. Респонденты, принявшие участие в опросе в большей степени, разделяют либеральные идеи и ценности (64,7%), а также, треть респондентов являются приверженцами социалистических ценностей (35,3%).

5. Среди ключевых ценностей современного российского государства респонденты отметили следующие: справедливость (67,6%), равенство (55,9%), а также патриотизм (50%). В тоже время, согласно результатам анкетного опроса, представители студенческой молодежи не одобряют ценности современного российского государства.

6. По результатам анкетного опроса у представителей студенческой молодежи преобладают либеральные ценности, что оказывает влияние на политическое поведение и участие молодежи скорее в протестной форме, чем форме членства в политических партиях и общественных организациях. На сегодняшний день российская молодежь не видит тех политических кандидатов или движений, которые бы в полной мере разделяют их идеи, ценности и установки. Таким образом, одной из форм высказывания своей политической позиции остается участие в различных митингах и акциях. В тоже время такая ценность как «справедливость», которая является весьма популярной и распространенной в ценностных установках студенческой молодежи, демонстрирует определенный раскол в восприятии различных ценностных установок молодежи.

7. На основании проведенного эмпирического исследования и анализа других материалов и опросов можно прийти к выводу о том, что для политического участия и поведения молодежи характерна размытость их политических позиций, что напрямую связано с еще несформированными до конца политическими ценностями.

Список литературы

1. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York, 1973. P. 92.
2. Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М., 1966.
3. Степанищенко О.В. Понятие и природа политических ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2011. № 2. С. 284–292.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аватков Владимир Алексеевич, д-р полит. наук, зав. отделом Ближнего и постсоветского Востока ИНИОН РАН, доц. кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва).

Аверьянов Антон Викторович, канд. ист. наук, доц. кафедры отечественной истории XX – XXI веков, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Авидзба Аслан Фазлыбеевич, д-р ист. наук, проф., гл. науч. сотр. отдела источниковедения, Абхазский институт гуманитарных исследований им Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (г. Сухум, Абхазия).

Агаркова Марина Игоревна, ст. преп. кафедры истории России и славянских народов, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Аджиминова Александра Александровна, аспирантка, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Акоева Наталья Борисовна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории, культурологии и музееведения, Краснодарский государственный институт культуры (г. Краснодар).

Ананьева Елена Павловна, д-р филос. наук, доц. кафедры журналистики, Черноморский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Севастополь).

Анчев Стефан Иванов, канд. ист. наук, доц. emeritus кафедры «Новая и новейшая общая история», Университет Св. Кирилла и Мефодия (г. Велико-Тырново, Болгария).

Афанасенко Владимир Иванович, старший научный сотрудник лаборатории истории и этнографии, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (г. Ростов-на-Дону).

Банадыков Ярослав Дмитриевич, курсант, Донецкое высшее общевойсковое командное училище (г. Донецк, ДНР).

Баранов Андрей Владимирович, д-р полит. наук, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Басте Разиет Юсуфовна, канд. ист. наук, доц. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Батыров Аслан Ермакович, канд. ист. наук, доц., Управление образования г. администрации местного самоуправления г. Владикавказа.

Бгуашева Аминет Аскарбиевна, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. отдела новой и новейшей истории, Национальный музей Республики Адыгея (г. Майкоп).

Бершадская Ольга Владиславовна, канд. ист. наук, доц. кафедры «Философия, история и право», Финансовый университет при Правительстве РФ, Краснодарский филиал (г. Краснодар).

Беспалова Татьяна Викторовна, д-р филос. наук, проф., эксперт Федерального агентства по делам национальностей (г. Москва).

Бичаков Сергей Александрович, аспирант, Севастопольский государственный университет.

Боголюбов Александр Александрович, д-р гуманитарных наук в области новейшей истории, директор польской субботне-воскресной школы на общественных началах (г. Пятигорск).

Бородина Светлана Николаевна, канд. полит. наук, доц. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Бугай Николай Федорович, д-р ист. наук, проф., гл. науч. сотр., Центр «Историческая наука России», Институт российской истории РАН (г. Москва).

Вакулова Татьяна Владимировна, канд. полит. наук, доц. кафедры «История», Севастопольский государственный университет.

Вартаньян Эгнара Гайковна, д-р ист. наук, проф. кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Васильев Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар).

Вишнякова Надежда Евгеньевна, зам. директора школы-лицея им. Героя Советского Союза Ф.Ф. Степанова (г. Саки).

Воскобойников Сергей Георгиевич, канд. ист. наук, доц. кафедры «История и культурология», Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону).

Выстороп Роман Сергеевич, магистрант, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Галстян Карен Арменович, бакалавр направления «Международные отношения», Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Галстян Карине Арменовна, бакалавр направления «Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений», Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Галутво Людмила Михайловна, канд. ист. наук, доц. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Галяс Ирина Анатольевна, канд. филос. наук, доц. кафедры политологии и философии, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь).

Гарас Людмила Николаевна, канд. филос. наук, доц. кафедры «Политические науки и философия», Севастопольский государственный университет (г. Севастополь).

Гармаш Лина Николаевна, ст. науч. сотр., Донецкий Республиканский краеведческий музей (г. Донецк, ДНР).

Говорухина Каринэ Александровна, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Голубенко Денис Андреевич, аспирант кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Горбатенко Екатерина Александровна, магистрант, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Горин Антон Анатольевич, канд. ист. наук, доц. кафедры религиоведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань).

Городецкая Елена Георгиевна, канд. социол. наук, доц., ст.н.с., Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Евпатория).

Горюшина Евгения Михайловна, научный сотрудник лаборатории политических исследований, соискатель, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (г. Ростов-на-Дону).

Гуменюк Андрей Юрьевич, канд. ист. наук, педагог дополнительного образования, Ялтинский экономико-технологический колледж (г. Ялта).

Гутенев Максим Юрьевич, канд. филос. наук, доц. кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение», Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск).

Демешко Наталья Эдуардовна, канд. полит. наук, ст. преп. кафедры «Политические науки и философия», Севастопольский государственный университет (г. Севастополь).

Дибас Оксана Андреевна, канд. полит. наук, доц. кафедры всемирной истории и международных отношений, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск, ЛНР).

Дихтемиров Михаил Сергеевич, аспирант кафедры философии Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Дмитриченкова Екатерина Александровна, ст.н.с., Донецкий республиканский краеведческий музей (г. Донецк, ДНР).

Донецков Олег Николаевич, аспирант кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Дукин Алексей Александрович, аспирант кафедры отечественной и региональной истории, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Евтюшкин Игорь Владимирович, ст. преп., Медицинская академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, депутат Симферопольского городского совета.

Емец Светлана Григорьевна, директор Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Музей-заповедник «Судакская крепость».

Ефимова Владислава Александровна, бакалавр, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Зети-Катич Полина Петровна, канд. полит. наук, мл.н.с. сектора методологии конфликтологического анализа, Южный научный центр Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону).

Иванов Евгений Владимирович, магистрант, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Игнатьева Ирина Федоровна, д-р филос. наук, проф. кафедры туризма, сервиса и гостеприимства, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Ионов Богдан Владиславович, курсант, Донецкое высшее общевойсковое командное училище (г. Донецк, ДНР).

Исаев Борис Акимович, д-р социол. наук, проф. кафедры истории и философии, руководитель направления «Политология», Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург).

Ишин Андрей Вячеславович, д-р ист. наук, проф. кафедры истории России, Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Капшук Антон Юрьевич, соискатель кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Карсекин Ростислав Александрович, курсант, Донецкое высшее общевойсковое командное училище (г. Донецк, ДНР).

Касьянов Валерий Васильевич, д-р ист. наук, д-р социол. наук, проф., декан факультета журналистики, зав. кафедрой истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Киндяков Сергей Александрович, магистр истории, председатель Краснодарской региональной общественной поисково-исследовательской организации «Высота» (г. Хадыженск).

Киселёв Илья Викторович, канд. ист. наук, доц. кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза А.К. Серова.

Клочков Виктор Викторович, д-р ист. наук, доц. кафедры социологии, истории и политологии, Институт управления в экономических и социальных системах Южного федерального университета (г. Таганрог).

Когут Виктор Григорьевич, канд. полит. наук, заместитель Генерального секретаря Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ – полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь.

Койбаев Борис Георгиевич, д-р полит. наук, проф. кафедры философии и социальных наук, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ).

Кондорский Борис Михайлович, канд. биол. наук, независимый исследователь (г. Донецк, ДНР).

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф. кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Коренев Данил Иванович, курсант, Донецкое высшее общевойсковое командное училище (г. Донецк, ДНР).

Коробов-Латынцев Андрей Юрьевич, канд. филос. наук, начальник научно-исследовательского отдела, **Хубежов Тимур Михайлович**, курсант, Донецкое высшее общевойсковое командное училище (г. Донецк, ДНР).

Костенко Юлия Витальевна, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Крыжко Евгений Владимирович, канд. ист. наук, доц. кафедры археологии и всеобщей истории, Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Крыжко Лидия Анатольевна, канд. ист. наук, ст. преп. кафедры археологии и всеобщей истории, Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Крючков Игорь Владимирович, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь).

Кузьмин Петр Васильевич, д-р полит. наук, проф. кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Кумпан Екатерина Николаевна, канд. ист. наук, доц. кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Лагутина Мария Львовна, д-р полит. наук, проф. кафедры мировой политики. Санкт-петербургский государственный университет. (г. Санкт-Петербург).

Леванова Карине Алексеевна, канд. ист. наук, доц. кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Лексютина Яна Валерьевна, д-р полит. наук, проф. кафедры американских исследований Санкт-Петербургский государственный университет.

Лысых Екатерина Сергеевна, магистрантка, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Людоровская Татьяна Юрьевна, канд. ист. наук, доц. кафедры отечественной и региональной истории, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Лютов Евгений Евгеньевич, канд. ист. наук, н.с., Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник (г. Керчь).

Майорова Мария Алексеевна, мл. науч. сотр. отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва).

Маковский Александр Олегович, магистрант, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь).

Марков Евгений Алфеевич, д-р полит. наук, проф. кафедры социальных коммуникаций и медиа, Череповецкий государственный университет (г. Череповец).

Маслацева Елена Владимировна, магистр политологии, ст. менеджер по работе с клиентами ООО «Слонкаро» (г. Краснодар).

Матвеев Владимир Александрович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории XX – XXI вв., Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Матвеев Олег Владимирович, д-р ист. наук, проф. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Махалкина Мария Александровна, канд. ист. наук, преп., Краснодарский монтажный техникум.

Медведев Максим Валерьевич, канд. ист. наук, науч. сотр., Южный научный центр РАН (г. Ростов-на-Дону).

Метейко Мария Александровна, аспирантка кафедры отечественной и региональной истории, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Мошкин Сергей Вячеславович, д-р полит. наук, доц., ст. науч. сотр. отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург).

Нагаева Гильда Александровна, канд. ист. наук, доц. кафедры инженерных дисциплин и управления, Новороссийский политехнический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» (г. Новороссийск).

Назарова Вероника Сергеевна, ст. преп. кафедры социологии, истории и политологии, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (г. Таганрог).

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф. кафедры международных отношений, истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (г. Санкт-Петербург).

Оголь Иван Николаевич, преподаватель, Военно-учебный центр, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Онопко Олег Владимирович, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии, Донецкий национальный университет; депутат Народного Совета Донецкой Народной Республики (г. Донецк, ДНР).

Островская Инна Валериевна, канд. ист. наук, гл. науч. сотр., Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя (г. Севастополь).

Павлова Ангелина Витальевна, аспирантка кафедры отечественной и региональной истории, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Паркин Дмитрий Александрович, курсант, Донецкое высшее общевойсковое командное училище (г. Донецк, ДНР).

Пашковский Пётр Игоревич, канд. полит. наук, доц. кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь).

Пеклова Анастасия Георгиевна, канд. филос. наук, ст. преп. кафедры специальных информационных технологий, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Пенькова Оксана Борисовна, канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой истории России и славянских народов, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Плащинский Александр Алексеевич, канд. полит. наук, директор Информационно-аналитического учреждения «Концепция преемственного развития», зам. начальника отдела образовательной деятельности Администрации Парка высоких технологий (г. Минск, Белоруссия).

Подуруева-Милоевич Виктория Юрьевна, аспирантка, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ» (г. Волгоград).

Разумная Надежда Николаевна, канд. ист. наук, доц. кафедры отечественной и региональной истории, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Разумный Виталий Витальевич, канд. ист. наук, доц. кафедры всемирной истории, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Рак Владислав Викторович, студент, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Ратушняк Олег Валерьевич, д-р ист. наук, доц., зам. генерального директора, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е.Д. Фелицына.

Рашкович-Талович Виолета, доктор политических наук, профессор, декан факультета международной политики и безопасности Университета-Унион Никола Тесла (г. Белград, Сербия).

Рогочая Галина Петровна, канд. филос. наук, доц. кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Рожков Дмитрий Егорович, бакалавр, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Романович Нелли Александровна, д-р социол. наук, проф. кафедры политологии и политического управления, Воронежский филиал РАНХиГС при Президенте РФ (г. Воронеж).

Рыбак Инга Валерьевна, канд. ист. наук, доц. кафедры «История», Севастопольский государственный университет (г. Севастополь).

Рябцев Владимир Николаевич, канд. филос. наук, доц., Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Рябцева Елена Евгеньевна, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет (г. Севастополь).

Савицкий Иван Владимирович, канд. ист. наук, доц. кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск).

Савкина Татьяна Борисовна, канд. воен. наук, проф. кафедры специальных информационных технологий, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Саенко Антон Сергеевич, магистрант, учитель истории МБОУ «Основная школа № 56 г. Макеевки» (ДНР).

Сбитнева Алина Игоревна, науч. сотр. отдела Ближнего и постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва).

Селюнина Наталья Владимировна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Таганрог).

Сенюшкин Евгений Александрович, канд. полит. наук, доц. кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Сенюшкина Татьяна Александровна, д-р полит. наук, проф. кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Сергунин Александр Анатольевич, д-р полит. наук, проф. кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-петербургский государственный университет. (г. Санкт-Петербург).

Сивков Сергей Михайлович, канд. ист. наук, доц., Кубанский институт социэкономии и права (филиал) Академии труда и социальных отношений (г. Краснодар).

Силаева Зоя Владимировна, канд. полит. наук, доц. кафедры религиоведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань).

Ситнова Ирина Валерьевна, канд. социол. наук, доц. кафедры морально-психологического обеспечения, Донецкое общевойсковое командное училище (г. Донецк, ДНР).

Сичак Евгений Николаевич, аспирант кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Скорик Александр Павлович, д-р ист. наук, д-р филос. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (г. Новочеркасск).

Скрипка Ксения Андреевна, бакалавр, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Слон Юлия Евгеньевна, магистрантка, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Сорокина Мария Александровна, аспирантка, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Стадник Владимир Александрович, майор, ст. преп. кафедры гуманитарных дисциплин; **Коренев Даниил Иванович**, курсант, Донецкое высшее общевойсковое командное училище, (г. Донецк, ДНР).

Старченко Наталья Николаевна, ст. преп. кафедры истории России и славянских народов, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Степанова Елена Анатольевна, бакалавр, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Степанова Лилия Геннадьевна, канд. ист. наук, доц. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Степанченко Анастасия Павловна, канд. ист. наук, науч. сотр., Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е.Д. Фелицына (г. Краснодар).

Стоядинович Миша, доктор политических наук, старший научный сотрудник, Институт политических исследований (г. Белград, Сербия).

Сырчина Елена Александровна, экскурсовод, филиал ГБУКК ВЗИИ «Исторический парк «Россия – моя история» (г. Краснодар).

Теленьга Марина Павловна, канд. ист. наук, доц. кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Телятник Татьяна Евгеньевна, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Ткачёва Татьяна Олеговна, канд. ист. наук, доц. кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Торяник Артур Александрович, магистрант, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Тур Виктор Григорьевич, канд. ист. наук, доц. кафедры теории и истории права и государства, старший научный сотрудник, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь).

Туфанов Евгений Васильевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой философии и истории, Ставропольский государственный аграрный университет (г. Ставрополь).

Удалова Татьяна Михайловна, канд. ист. наук, доц. кафедры отечественной и региональной истории, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Узнародов Игорь Миронович, д-р ист. наук, проф. кафедры мировой экономики и международных отношений, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону).

Узунов Владимир Владимирович, д-р полит. наук, доц., гл. науч. сотр., директор Крымского филиала ФНИСЦ РАН (г. Симферополь).

Улько Елена Васильевна, канд. психол. наук, доц. кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Федина Ирина Михайловна, канд. ист. наук, доц. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Халанская Лариса Геннадьевна, канд. полит. наук, доц. кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Хубежов Тимур Михайлович, курсант, Донецкое высшее общевоинское командное училище (г. Донецк, ДНР).

Хубулова Светлана Алексеевна, д-р ист. наук, проф. кафедры российской истории, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ).

Чёрная Татьяна Алексеевна, ведущий специалист, Районный организационно-методический центр муниципального образования Калининский район Краснодарского края (ст. Калининская).

Чигрин Виктор Александрович, д-р социол. наук, проф., научный руководитель, гл. науч. сотр., Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Симферополь). (г. Симферополь).

Чигрина Наталья Викторовна, канд. социол. наук, доц., науч. сотр., Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Симферополь).

Чупрынников Сергей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар).

Шаповалов Сергей Николаевич, канд. ист. наук, доц. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Швец Александра Борисовна, канд. геогр. наук, доц. кафедры физической и социально-экономической географии, ландшафтоведения и геоморфологии. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Таврическая академия (структурное подразделение) (г. Симферополь).

Шендрикова Снежана Павловна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) в г. Ялта Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского).

Шепко Лариса Георгиевна, д-р ист. наук, доц. кафедры всемирной истории, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Шкрибитель Елена Александровна, канд. ист. наук, доц. кафедры истории России и славянских народов, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Щевич Кристина Сергеевна, аспирантка кафедры истории России и славянских народов, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Щетко Константин Николаевич, магистрант, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Юдина Александра Александровна, аспирантка, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Ялта).

Юрина Тамара Ивановна, канд. ист. наук, науч. сотр., Новороссийский исторический музей-заповедник.

Юрченко Виктор Михайлович, д-р филос. наук, проф. кафедры политологии и политического управления, советник ректората, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Юрченко Инна Вадимовна, д-р полит. наук, проф. кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет; гл. науч. сотр., Южный научный центр РАН (г. Краснодар).

Юрченко Наталья Николаевна, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Юрьева Екатерина Вячеславовна, магистрантка, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь).

Яковлев Андрей Николаевич, ст. преп. кафедры геоэкологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Таврическая академия (структурное подразделение) (г. Симферополь).

Яхутль Юрий Асланбиевич, д-р ист. наук, доц., проф. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	
Касьянов В.В. Протестное движение сельского населения Кубани в первой половине 1920-х годов	5
Баранов А.В. Задачи российской геополитики в Черноморском регионе в условиях специальной военной операции на Украине	10
Аватков В.А. Турция в Черноморском регионе: современные тенденции	15
Коньшев В.Н. Перспективы военно-политического сотрудничества США и Турции в Чёрном море	17
Сенюшкина Т.А. К вопросу о концептуализации понятия «национальные интересы»	20
Беспалова Т.В. Возрождение Союзного государства в новом идеологическом измерении: символический ресурс Советского Союза	24
Узунов В.В., Чигрин В.А, Чигрина Н.В. Траектории социокультурной интеграции Крыма в российское общество	30
Дибас О.А. Крым как «перекрестное поле» во взаимоотношениях Россия – Украина–НАТО в 2014–2022 гг.	34
Емец С.Г. Сохранение исторической памяти и воспитание патриотизма (из опыта работы музея-заповедника «Судакская крепость»)	37
Стоядинович М, Рашкович-Талович В. Serbia Between the Imposition of Sanctions on Russia and the Threat to Become a Target of Sanctions	42
СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИЯ ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА ДО 1917 Г. В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	
Агаркова М.И. Проблемы локализации прародины индоевропейцев в черноморско-каспийских степях	47
Шепко Л.Г. Формы и условия историко-археологического изучения Северного Приазовья и Подонцовья в 60–80-х гг. XX в.	52
Матвеев О.В. Абазины в истории Кубани и Черноморья	58
Разумный В.В. Военная кампания 1770 года русско-турецкой войны и её геополитическое значение	63
Воскобойников С.Г. Донские казаки в боевых действиях в Крыму, Причерноморье и Приазовье в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг.	67
Клочков В.В., Назарова В.С. Градоначальник Таганрога Балтазар Кампенгаузен (1772–1823): портрет на фоне эпохи	70
Тур В.Г. О зарождении российского виноградарства и виноделия в Юго-Восточном Крыму	74

Степанова Л.Г. Проблема изучения землеустройства и межевания южных территорий России в XIX в.	79
Вартаньян Э.Г. П.А. Чихачев о соперничестве великих держав за влияние в Османской империи в середине XIX в.	82
Бородина С.Н. Крымская война как фактор разрушения геополитических и культурных границ	87
Вакулова Т.В. Особенности русского военного фортификационного искусства Крымской войны 1854–1855 годов	92
Коробов–Латынцев А.Ю., Хубежов Т.М. Философ на войне: доброволец Константин Леонтьев на полях Крымской войны 1853–1856 гг.	96
Шаповалов С.Н. Военные действия против османов на территории Черноморской береговой линии в 1853 году	101
Скорик А.П., Федина И.М. Показачивание «беспаспортных людей» в Кубанской области	106
Гуменюк А.Ю. Из истории социально-экономического развития города Старый Крым в 1860-х гг. – начале XX века	114
Дмитриченкова Е.А. Религиозная жизнь немецких колонистов Приазовья в XIX – начале XX вв. Историография вопроса	118
Нагаева Г.А. Деятельность кубанских предпринимателей Богарсуковых в Черноморской губернии в конце XIX – начале XX вв.	122
Крючков И.В. Западная Армения в путевых очерках Д.В. Путятты 1895 г.: экономика и повседневность	127
Кумпан Е.Н. Вопрос об автокефалии Грузинской церкви (по материалам заседаний Предсоборного присутствия 1906 г.)	130
Разумная Н.Н. Торговое мореплавание в Азовском и Черном море в годы Первой мировой войны	133
Вишнякова Н.Е. Немецкие поселенцы Таврической губернии в условиях Первой мировой войны 1914–1918 гг.	138
Иванов Е.В. Северное Причерноморье в условиях Первой мировой и Гражданской войны, 1914–1922 гг.	141
Боголюбов А.А. Деятельность польских общественных и политических организаций на Черноморском побережье Кавказа в период Первой мировой и Гражданской войн в России	145
СЕКЦИЯ 2. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	
Ишин А.В. Исторические, геополитические и этнические аспекты образования Крымской АССР в 1921 году	148
Туфанов Е.В. Партийно-государственная номенклатура и национальная политика в СССР в 1920–1940-е гг. (на материалах Северного Кавказа)	152

Яхутль Ю.А. Социалистическая модернизация социальной инфраструктуры в Адыгейской автономной области 1920–1930-х гг. (к 100-летию образования Адыгейской автономной области)	158
Чупрынников С.А. Идеологическая, политико-просветительная составляющая в становлении Советского государства в 1920-е гг.	163
Аверьянов А.В. Феномен смешанных национальных сельсоветов в Северо-Кавказском крае в 1920-е гг.	167
Васильев И.Ю. Усиление влияния государства на жизнь общества на территории Кубани в 1920-е – 1930-е гг.	171
Слон Ю.Е. Становление комсомольской организации на Кубани в 1920-е годы	178
Басте Р.Ю. Управленческие структуры Адыгейской автономной области в условиях советизации	182
Бершадская О.В. Население Шапсугского района Черноморского округа в 1920-е годы: хозяйственная деятельность и особенности социальных отношений	189
Павлова А.В. Развитие системы обеспечения безопасности при ведении горных работ и горноспасательного дела в СССР (1922–1925 гг.)	191
Людоровская Т.Ю. Охрана материнства и детства как часть семейной политики Советского государства и ее реализация в 1930-е гг. в Сталинской области	196
Стадник В.А., Коренев Д.И. Территориальные органы КК–РКИ как важнейший элемент системы партийно-государственной власти в Донбассе (1930–1934 гг.)	201
Бугай Н.Ф. Великая Отечественная война: судьбы этнических меньшинств (советские греки)	206
Хубулова С.А., Батыров А.Е. Крым и Осетия: одна на всех победа	211
Аджимирова А.А. Развитие фотожурналистики Донбасса в годы Великой Отечественной войны	215
Селюнина Н.В. Создание учебной сети военно-санитарной подготовки девушек-медсестер и процесс военно-физической подготовки учащихся в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.)	219
Ионов Б.В., Паркин Д.А. «Чёрный крест на груди итальянца...»: итальянский экспедиционный корпус CSIR в Донбассе в 1941–1942 гг.	223
Лютов Е.Е. Последние защитники Керченской крепости. Судьба бойцов 17-й отдельной пулемётной роты КВМБ	228
Афанасенко В.И. 76-я отдельная морская стрелковая бригада в обороне Ростова-на-Дону в июле 1942 года	232
Сивков С.М. Деятельность партизанского отряда «Буря» Абинского района Краснодарского края в 1942–1943 гг.	237
Юрина Т.И. Некоторые аспекты продолжения Новороссийской оборонительной операции 19.08–26.09 1942 г. после объявления об оставлении Новороссийска	241

Киндяков С.А. Хронологические рамки Туапсинской оборонительной операции. К проблеме установления точной даты начала оборонительных боев на Туапсинском направлении	246
Киселёв И.В. Геленджик в условиях битвы за Кавказ 1942–1943 гг.: между тылом и фронтом	249
Шкрибителько Е.А., Саенко А.С. Условия труда и жизни в концентрационном лагере Освенцим в воспоминаниях советских узников – уроженцев Приазовья	253
Медведев М.В. Вопросы формирования армии Андерса на территории СССР в современной отечественной историографии	257
Рыбак И.В. Третий сталинский удар: штурм Сапун-горы	260
Удалова Т.М. Возрождение социокультурного пространства населения Донбасса в условиях военного времени (1943–1945 гг.)	264
Старченко Н.Н. Роль кино в социально-культурной жизни населения СССР на примере города Сталино (1943–1953 гг.)	269
Щевич К.С. Особенности работы Сталинского музыкального театра в 1943–1945 гг.	273
Метейко М.А. Роль воспитания дошкольных учреждений в формировании мировоззрения у детей в 1943–1953 гг. (на примере Сталинской области)	276
Дукин А.А., Удалова Т.М. Роль государственно-партийной идеологии СССР в процессе восстановления тяжёлой промышленности Донбасса	280
Банадьков Я.Д., Карсекин Р.А. К вопросу об использовании труда немецких военнопленных при восстановлении промышленного потенциала Донбасса (1944–1949 гг.)	285
Крыжко Е.В. Крыжко Л.А. Проблема создания аналогов НАТО в Черноморско-Средиземноморском регионе в начале 1950-х гг.	290
Мошкин С.В. Политико-правовые аспекты передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР в 1954 году	293
Капшук А.Ю. Студенческие строительные отряды краснодарских вузов в воспоминаниях участников (1970-е – 1980-е гг.)	297
Кузьмин П.В., Халанская Л.Г. Кризис развития КПСС (1980 – начало 1990-х гг.): содержание и социально-политические последствия	302
Кондорский Б.М. Роль процессов корпоратизации в развале Советского Союза	305
Махалкина М.А. Грузино-абхазский конфликт 1992–1993 гг. в контексте внешней политики России	308
СЕКЦИЯ 3. ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ РЕГИОН В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОСТИ	313
Романович Н.А. О начале специальной военной операции РФ в Украине	313

Юрченко И.В. Юрченко Н.Н. Диагностика этнополитической ситуации в многонациональном регионе в контексте глобальных вызовов безопасности России	318
Ананьева Е.П. Этническая виктимность как составляющая общественного сознания в Крыму	321
Зети-Катич П.П., Юрченко В.М. Проблемы этнополитического регулирования и обеспечения стабильности в Южнороссийском регионе	326
Ситнова И.В. Управление общественным мнением как навязывание колонизации жизненного мира в современной Украине	
Гарас Л.Н. Специфика современных демографических процессов в Иорданском Хашимитском королевстве	330
Плащинский А.А. О создании «идеологического Генштаба» при Государственном Совете Российской Федерации: научно-практические рекомендации для решения проблемы цивилизационной идентичности и обеспечения преемственного развития Беларуси и России	336
Теленьга М.П. Урегулирование этнополитических и этноконфессиональных конфликтов в Боснии и Герцеговине и Косово: сравнительный анализ	345
Швец А.Б., Яковлев А.Н. Картографический образ «Крымской весны»	348
Костенко Ю.В. Управление миграционными процессами в Краснодарском крае: политический аспект реформы	353
Рожков Д.Е., Савкина Т.Б. Психологические операции: гибридное противостояние в эпоху постмодерна	356
Дихтемиров М.С. Некоторые особенности миграционного процесса как части развития региона в условиях кризиса (на примере Республики Крым)	359
Бичаков С.А. Проблема архаизации в политической культуре арабского мира	363
Сичак Е.Н. Региональные аспекты технологий брендинга КПРФ в 2020–2021 гг. (на примере Юга России)	366
Голубенко Д.А. «Крымская весна – 2022»: анализ изменений, проблем и перспектив развития в контексте внутривнутриполитических процессов России	370
Донецков О.Н. Цифровая трансформация органов исполнительной власти и органов местного самоуправления Краснодарского края	372
Лысых Е.С. Региональный парламентаризм в Ростовской области и Краснодарском крае: институциональные основы и современное состояние	376
Щетко К.Н. Воссоединение Крыма с Россией: современная история преобразований полуострова	380
Скрипка К.А. Крым: миграционные процессы и итоги восьмилетнего вхождения в состав РФ	384

СЕКЦИЯ 4. ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ РЕГИОН
В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 388

Игнатъева И.Ф., Исаев Б.А. Современная геополитическая система, геопорядок и уравнение безопасности	388
Гутенев М.Ю., Лагутина М.Л., Сергунин А.А. Арктическая научная дипломатия Турции: перспективы сотрудничества с Россией?	391
Когут В.Г., Нурышев Г.Н. Украина в новой Большой Игре	395
Юрченко И.В., Юрченко Н.Н. Конфликтологический анализ социально-политической региональной ситуации в контексте геополитических изменений после распада СССР	399
Марков Е.А. Глобальные последствия распада СССР	403
Койбаев Б.Г. «Венский пакт» 2015 г. в ирано-американских отношениях на Ближнем Востоке	406
Лексютина Я.В. Инвестиционная активность Китая в Грузии: масштабы и особенности	410
Анчев С.И. Западные принципы в современной политике по отношению к России	413
Пашковский П.И. Россия в международных отношениях: константы позиционирования	417
Рябцев В.Н. Зона Черноморье – Кавказ – Каспий после Второй Карабахской войны: какие факторы задают ей сегодня геополитическую динамику	421
Узнародов И.М. Судходный канал «Стамбул» и интересы России	427
Демешко Н.Э. Технологии использования крымско-татарского фактора западными державами для конструирования негативного имиджа России	432
Онопко О.В. Концепт «Междуморье» в современном украинском геополитическом экспертном дискурсе	436
Леванова К.А. Проблемы сотрудничества и соперничества региональных и внерегиональных акторов в Черноморском регионе в начале XXI в.	440
Говорухина К.А., Телятник Т.Е. Российское Причерноморье и современные политические процессы в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	443
Силаева З.В. Возможности и последствия международно-правового признания как один из способов урегулирования этнополитических конфликтов в Причерноморье в XXI веке	447
Савицкий И.В. Героизация действий российских военных в «Крымской весне» в российских исследованиях	451
Ткачёва Т.О. Территориальные конфликты между странами Юго-Восточной Европы и Украиной	454
Майорова М.А. Борьба за лидерство в Черноморско-Средиземноморском регионе	457
Сбитнева А.И. Сотрудничество Турции и Украины в контексте безопасности Черноморского региона	458

Рябцева Е.Е., Маковский А.О. Водная политика России в государствах Большого Средиземноморья	461
Пеклова А.Г., Рак В.В. Российская Федерация и современные тенденции международных отношений	464
Оголь И.Н., Степанова Е.А. Внешнеполитический дискурс Турции: интеграция Крыма в состав России	469
Евтюшкин И.В. Проблемы Крыма и Донбасса после событий «евромайдана»: дипломатический тупик для Украины	471
Горюшина Е.М. Нарратив о войне в современных российско-грузинских отношениях	476
Сорокина М.А. Развитие торгово-экономических отношений между Россией и Болгарией: опыт сотрудничества и современные тенденции	480
Маслацева Е.В. Угрозы национальной безопасности Российской Федерации в современных геополитических реалиях	483
Выстороп Р.С. Международные последствия распада Югославии: геополитический аспект	485
Галстян Карине А. Военная операция НАТО в Афганистане (2001–2021 гг.)	488
Галстян Карен А. Перспективы урегулирования конфликта в Ливии (2011–2021 гг.)	491

СЕКЦИЯ 5. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЧЕРНОМОРСКО- СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА И ВОСПИТАНИЕ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА

495

Ратушняк О.В. Роль музея в сохранении исторической памяти и воспитании патриотизма	495
Авидзба А.Ф. Советская власть в Абхазии и «политика памяти»	498
Акоева Н.Б., Чёрная Т.А. Мемориальное пространство как олицетворение памяти о Великой Отечественной войне	501
Галутво Л.М., Сырчина Е.А. Воспитательный и образовательный потенциал музеев	506
Галяс И.А. Историческая «политика памяти» в постмодернистской культурной парадигме современности	510
Матвеев В.А. Исторические знания как фактор этнонациональных мобилизаций: украинское преломление	516
Пенькова О.Б. Праздник как маркер политической идентичности в постсоветской Украине	520
Островская И.В. Сохранение исторической памяти как направление деятельности общественных объединений Севастополя в 1991–2014 гг.	525
Рогочая Г.П., Улько Е.В. Представленность в сознании молодежи Республики Дагестан и Краснодарского края социокультурного пространства конфликтных установок	529

Шендрикова С.П. Ретроспектива интеграции Крыма в российское пространство на примере развития рекреаций в Ялте (вторая половина XIX – начало XX вв.)	533
Шкрибителько Е.А. Основные принципы ландшафтно-архитектурной застройки монастырей: на примере Святогорского Свято-Успенского монастыря	537
Сенюшкин Е.А. «Скифское золото»: конфликт культуры и политики	542
Горин А.А. К вопросу об изучении шиитской общины Крыма	546
Городецкая Е.Г. Отношение педагогов к профессии и их удовлетворенность работой в образовательных учреждениях (на материалах исследования в г. Евпатория)	549
Бгуашева А.А. Роль Национального музея Республики Адыгея в системе патриотического воспитания молодежи и в сохранении исторической памяти	553
Степанченко А.П. Виноградарство и виноделие в экспозициях филиалов Краснодарского историко-археологического музея заповедника им. Е.Д. Фелицына	557
Гармаш Л.Н. Этнографическая коллекция декоративных вышитых тканей XIX – начала XX в. греков Приазовья в собрании ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей»	563
Юдина А.А. Усадьба графини О.С. Нарышкиной в Мисхоре	568
Горбатенко Е.А. Памятник истории – здание Штаба морских сил Чёрного и Азовского морей в Донбассе в 1920 г.	571
Подуруева-Милоевич В.Ю. Ценности гражданского единения – основание современной культурной интеграции Причерноморья в Российской Федерации	576
Юрьева Е.В. Национальная идентичность населения Крымского полуострова в условиях глобализации и междивизиационного взаимопроникновения как фактор интеграции в российское общество	579
Торяник А.А. Особенности формирования идентичности жителей Крыма посредством реализации школьных образовательных программ по истории после вхождения в состав России	583
Ефимова В.А., Рогочая Г.П. Феномен общественного настроения в трудах Б.Д. Парыгина, его осмысление в современных исследованиях (кризисных условиях)	587
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	591

Научное издание

ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ РЕГИОН
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ: ИСТОРИЯ,
ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

Материалы Международной
научно-практической конференции

Публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 05.05.2022. Выход в свет 13.05.2022.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. 38.

Тираж 500 экз. Заказ № 4862.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

